Министерство образования и науки Российской Федерации

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

REGIONAL ARCHITECTURAL AND ART SCHOOLS

Материалы Международной научно-практической конференции
"Региональные архитектурно-художественные школы"
10 марта 2016 г.
г. Новосибирск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

2016

№ 1

Новосибирск

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

2016

№ 1

Новосибирск
2016

УДК 72+711+72:378+7.07+624
Р 32

Р 32 **Региональные** архитектурно-художественные школы. — 2016. — № 1.
ISBN 978-5-89170-198-4

ISBN 978-5-89170-198-4

© Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016

ВИКТОР ИВАНОВИЧ САЗОНОВ

(20 декабря 1936 – 24 августа 2015)

Памяти выдающегося архитектора,

музыканта, педагога и ученого

Сазонов В.И.

НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

ЧЕЛОВЕК, МИР, ВСЕЛЕННАЯ, КУЛЬТУРА И АРХИТЕКТУРА

Аннотация. Настоящая статья представляет собой вводную лекцию Виктора Ивановича Сазонова, прочитанную им 31 августа 2003 г. для 5-6 курсов НАРХИ и ранее не публиковавшуюся. Автор анализирует взаимосвязи между такими базовыми для архитектурного мышления явлениями, как человек, мир, вселенная, культура и архитектура.

Ключевые слова: В.И.Сазонов; человек; мир; вселенная; культура; архитектура.

Существует Человек, ощущающий и воспринимающий окружающий видимый мир, познающий Космос Вселенной и собственного бытия. Поскольку в этом он обитает и творит. Значит, находится с ними во множестве всевозможных отношений, выявляющих сути окружения и его самого.

Сумма всех отношений человека к природе есть его культура. Она имеет множество языков выражения этих отношений и скрытых в них явлений и смыслов.

Одними из языков являются все виды искусства, в том числе и архитектура. Они с помощью своих алфавитов и грамматик отражают как свои правила игры выразительных форм, так и закономерности природных отношений. Они описывают, вернее непосредственно (изобразительные виды искусства) или опосредованно (как музыка и архитектура) выражают в своих произведениях эти явления природы и человека.

Как разные науки, так и искусства разных времен и культур также отражают мир отношений человека к природе и их внутренние миры свойств.

Чем же отличается, например, Архитектура от других видов деятельностей и познавательных систем? Как определить Архитектуру?

Здесь уместно предостеречь молодые головы, спешащие с выводом: А что тут определять, само собой разумеется, что такое архитектура – это Архитектура, как зима – это Зима, лето – это Лето и т.п.

Но не все так просто. Можно привести массу авторитетных определений архитектуры, однако каждое из них чем-то неполноценно. Потому что архитектура прежде всего служит человеку, его высшим потребностям. А потребности у него самые разнообразные.

Следовательно, занимаясь профессионально всю жизнь архитектурной, необходимо постоянно помнить вопрос «Что есть сам человек?» и постоянно искать на него ответ.

А когда задаемся этими вопросами, то (согласно общечеловеческой культуре и вынутой из нее методологии познания) мы должны, во-первых, искать ответ в принципиальных их отличиях с другими видами искусств и жизнедеятельностей человека, т.е. во внешних условиях их существования. И, во-вторых, сущность их определяется взаимодействием общих и специфических составляющих, т.е. внутренних механизмов, элементов, их структур.

Но, не имея концепции, не выработав стратегии, мы не способны правильно выбрать и ближайшие цели.

Учить надо выработке всеобщего универсального мировоззрения.

Как осуществляется всеобщая взаимосвязь, как устроен мир вокруг вообще.

Задача экологического образования в том и состоит, чтобы воспитать человека с адекватным природе мышлением.

Культура – это загадочный компас, позволяющий нам жить и развиваться даже при отсутствии некоторых знаний.

Есть вещи более сильные, чем наука, потому что наука лишь часть культуры. Люди могут ничего не знать о том, что живут в биосфере. Но тщательный отбор жизненных ценностей, совокупность передаваемых из поколения в поколение сведений – не в виде знаний, а в виде отношений к миру, «правил поведения» – позволяли избегать многих катастрофических заблуждений, оберегая человека. Ведь культура это еще и то, что нас оберегает. И только возродив культурные ценности, человек сможет по-настоящему и все ближе к истине осознавать свое место в биосфере и космосе.

Задача теории архитектуры, как и теории музыки, – отыскание и обоснование законов творчества. Не наблюдения и эмпирически найденные факты, а прежде всего нити закономерностей, связывающих в единое целое данные эмпирии, должны быть ориентиром для теорий.

В.И. Сазонов
31 августа 2003 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Субботина М.М.
Субботин О.С.
subbos@yandex.ru
КубГАУ, г. Краснодар, Россия

УДК 72.012.1 (470.620)
ББК 85.11

СТРАТЕГИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Исследование посвящено стратегическому и территориальному планированию Краснодарского края на принципах устойчивого развития. Проведен исторический анализ заселения края, рассмотрено его существующее положение и отмечены основные задачи стратегии развития. Акцентируется внимание на создании благоприятного инвестиционного климата на территории муниципальных образований края. Особо отмечена необходимость сохранения природного потенциала края для будущих поколений.

Ключевые слова: стратегия; Краснодарский край; территория; концепция; инвестиция.

1. История заселения Краснодарского края. Территория Краснодарского края принадлежит России не так давно – около 300 лет. Однако здесь сохранилось множество памятников предыдущих цивилизаций и иных народов, которые жили по берегам Черного и Азовского морей. В то же время, несмотря на благоприятные природные условия, край был мало освоен до присоединения к России, так как земледельцы все время подвергались набегам воинственных горцев. Коренные поселения здесь появились не позднее чем 10 тыс. лет назад. От эпохи каменного века остались многочисленные дольмены (в переводе с кельтского «дольмен» обозначает «каменный стол»).

Сооружения чаще всего складывались из пяти огромных каменных плит – четыре стены и «крыша»; в одной из стен прорубали отверстие. Дольмены, ровесники египетских пирамид, – самые древние и священные культовые объекты адыгейской культуры, места поклонения и уникальные свидетельства истории Черноморского побережья **[1, с. 18–19]** *(рис. 1)*.

2. Первые русские поселения. Основная цель при заселении края. Первые русские (в основном казачьи) поселения стали появляться на Северном Кавказе в XVI в., в период расширения границ Русского государства. В 1735 г. началось строительство Кавказской укрепленной линии; переселенческое движение народных масс на малонаселенные южные окраины усилилось. К 1778 г. правый фланг укрепленной линии был перенесен на реку Кубань. В 1785 г. часть современной территории края вошла в состав Кавказского наместничества. В 1787 г. было создано Черноморское казачье войско. С 1817 по 1864 г. проходила Кавказская война. В этот период было создано Кавказское линейное войско (1832), произошло разделение Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск на Кубанское и Терское (1860), была образована Кубанская область (1861). В 1867 г. в области был образован Черноморский округ с центром в Новороссийске, в 1896 г. преобразованный в Черноморскую губернию. Границы Кубанской области и Черноморской губернии к 1917 г. были четко определены и сформированы **[2, с. 15]** *(рис. 2)*.

Рис. 1. *Схема расположения дольменов на Северном Кавказе*

Рис. 2. *Кубанская область и Черноморская губерния к 1917 г.* **[3]**

Процессы складывания пространственной среды в разных населенных местах на территории Кубани протекали поэтапно, по различным сценариям, но неизменно отражали практически все приметы хозяйственного и культурного освоения края *(рис. 3)*.

Основная цель при заселении указанного региона заключалась в выполнении стратегической задачи – защиты южных рубежей российского государства.

Стратегические причины оказывали большое влияние на развитие регулярной планировочной структуры крупных казачьих станиц, вытянувшихся на большие расстояния. Большинство поселений, возникшие как военно-административные пункты, в своем архитектурно-градостроительном развитии прошли несколько этапов.

Н Нефтегазовая промышленность	Майкоп Екатеринодар
М Машиностроение	Майкоп Екатеринодар
Ц Цементная промышленность	Ейск Геленджик Туапсе Новороссийск
П Пищевая промышленость (Мукомольное производство, Маслобойное производство)	Темрюк Ейск Армавир Екатеринодар
В Вино-водочное производство (Виноделие, Винокурение)	Тамань Темрюк Анапа Геленджик Новороссийск Армавир
Т Табаководство	Темрюк Анапа Геленджик Сочи
С Строительная промышленность	Туапсе Сочи
Ярмарки Наиболее крупные ярмарки	Майкоп Екатеринодар Армавир
Морские порты, через которые экспортировался кубанский хлеб	Ейск Тамань Темрюк Анапа Новороссийск

Рис. 3. *Схема развития промышленного производства Кубани (конец XIX – начало XX в.)* **[4, с. 18]**

2. Существующее положение. Краснодарский край, расположенный на широте северной Италии и южной Франции, является одним из ведущих субъектов Российской Федерации, который по праву называется жемчужиной России. Среди 88 российских регионов Краснодарский край занимает 3-е место по численности населения, уступая лишь Москве и Московской области. Более половины границы края проходит вдоль Черного и Азовского морей, что создает широкие возможности для формирования туристической индустрии *(рис. 4)*.

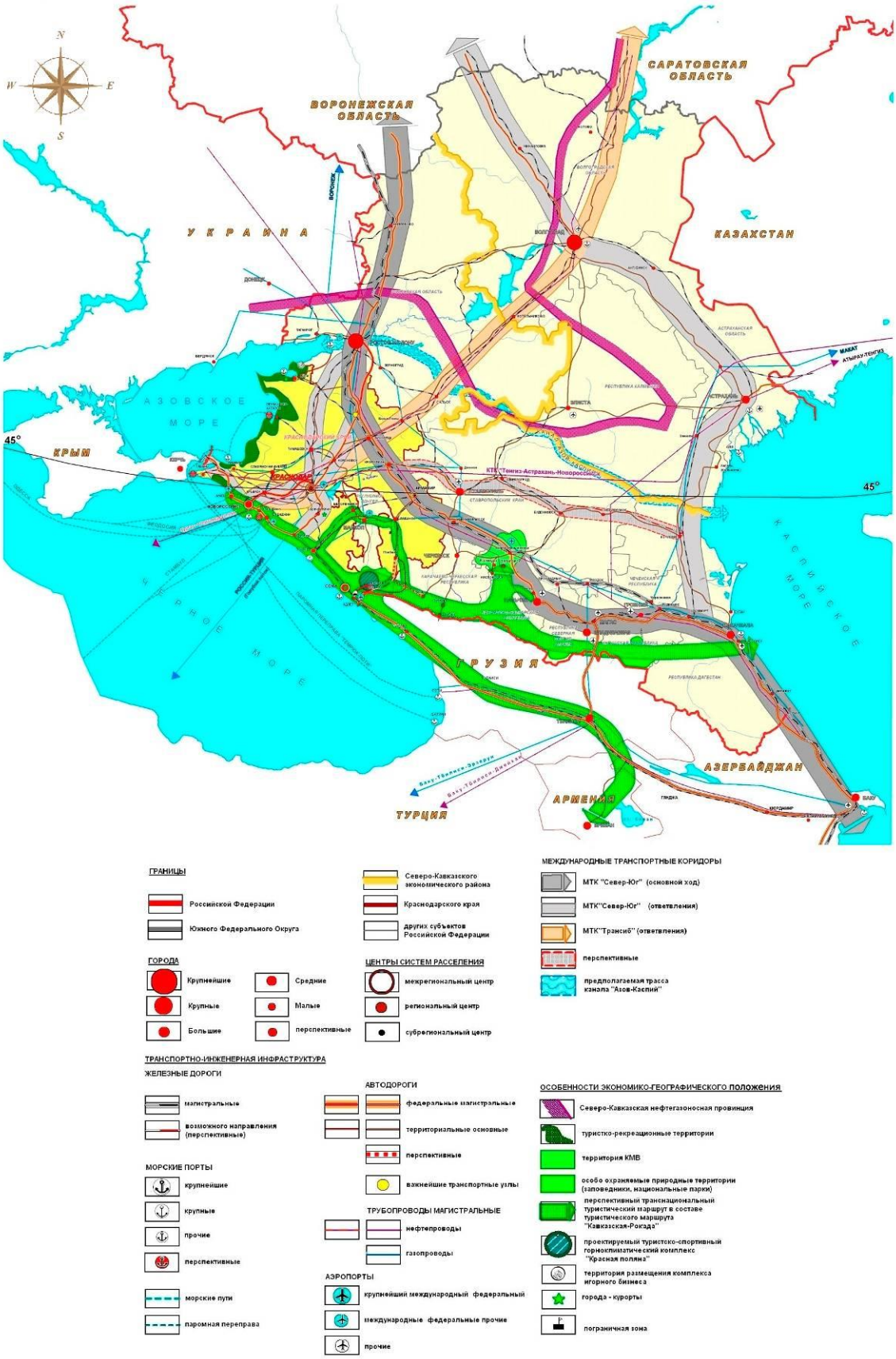


Рис. 4. *Современные внешнеэкономические связи Краснодарского края* **[5]**

Уникальный рекреационный потенциал обеспечивает развитие практически всех видов туризма и отдыха. Согласно постановлению Правительства России, в Краснодарском крае создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа, в которой установлен льготный режим предпринимательской деятельности. Одновременно в стратегии строительного комплекса края использован принцип соответствия цели и стратегических направлений его развития (как края, так и страны в целом).

В связи с этим важная роль должна отводиться территориальному планированию – определению в документах данного планирования назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, Краснодарского края, иных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований Краснодарского края **[6, с. 10]**.

3. Факторы, определяющие значение Краснодарского края в Российской Федерации. В соответствии со Стратегией социально- экономического развития Краснодарского края до 2020 г. значение Краснодарского края в Российской Федерации определяется следующими факторами:

– Краснодарский край реализует геостратегическую функцию форпоста стабильности на южных рубежах России;

– имея более чем пятимиллионное население, Краснодарский край обеспечивает стабильность на Северном Кавказе и влияние страны в Закавказье, на Ближнем Востоке и в Средиземноморском бассейне;

– Краснодарский край является приграничной территорией и единственным выходом России к Черному морю, а через него – к важнейшим международным морским путям;

– Краснодарский край реализует интересы России в зоне азово-черноморского и средиземноморского экономического сотрудничества.

При всем многообразии проживающих на территории края национальных групп и диаспор, а также близости «горячих точек» в крае отсутствуют межнациональные конфликты. Этому способствуют как устойчивый характер социально-экономического развития края, так и восстановление вековых традиций казачества, связанных с защитой Отечества.

Основу производительных сил Краснодарского края составляют промышленный, строительный, топливно-энергетический комплексы, область информационных и коммуникационных технологий, а также агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплексы. Последние три направления деятельности (агропромышленный, транспортный, санаторно-курортный и туристский комплексы) соответствуют приоритетам социально-экономического развития России и определяют особый статус Краснодарского края в экономике страны.

3. Концептуальные положения, определяющие основные параметры создания на территории муниципального образования благоприятного инвестиционного климата. Общий план развития поселений Краснодарского края заключается в возможности использования преимуществ географического положения, богатства и разнообразия природных условий и природных ресурсов, максимально полного учета специфики исторического развития. В первую очередь

– упорядочение функционального зонирования территорий поселений, сохранение исторической застройки во взаимосвязи с существующей и перспективной застройкой.

При этом особое внимание должно быть уделено зоне охраны природного окружения – территории, занятой природным ландшафтом, расположенной вблизи участка историко-культурной ценности или прилегающей к нему и предназначенной для сохранения объектов природного ландшафта, влияющих на облик населенного места или связанных с историческими условиями формирования градостроительной композиции. При этом следует учитывать не только организационный аспект, но и социальный, экологический и экономический и др. Сохранить историческую ценность поселения, являющуюся хранителем архитектурно-градостроительного наследия и создать необходимый комфорт для жителей – основная задача архитектурно-градостроительного развития Краснодарского края. Вместе с тем необходимо организовать гармоничную систему строительства, экологии, озеленения и комплексного инженерного обеспечения поселения, опираясь на научно обоснованное определение границ исторических зон, образующих историческую среду объектов культурного наследия, режимов охраны, использования и преобразования территории.

Стратегия современного архитектурно-градостроительного развития, включая исторический центр и его композиционную и планировочную структуру, должна отражать традиции и опыт, накопленные на протяжении всей ее истории **[7, с. 29]**. Одновременно стратегия архитектурно-градостроительного развития – отражение в соответствующих документах будущего состояния социально-экономической структуры региона. Основным принципом при этом должен быть учет исторических, культурных и ландшафтно-топографических особенностей и закономерностей развития территории. Воспрещается нарушать естественный экономический и социокультурный ход событий. Именно на основе научных положений можно правильно оценить преимущества и возможности территории поселений, определить главные направления ее развития **[8, с. 22]**.

В связи с этим на архитектора возложена миссия чрезвычайной важности – ответственность за настоящее и будущее городских и сельских поселений. При этом новая застройка, ультрасовременная по масштабу, должна отражать духовное богатство общества, иметь важное эстетическое и функциональное значение, сочетая сложившиеся традиции и инновационные технологии.

Главная задача архитектора-планировщика заключается при этом в сохранении всех положительных сторон уже сложившейся архитектурно-ландшафтной структуры территории и в разработке комплекса мероприятий по ее перспективному совершенствованию. В его арсенале находятся такие средства, как консервация сложившегося облика наиболее ценных природных и культурных ландшафтов (установление режимов природных парков, природных и историко-культурных заповедников или заказников), целенаправленное преобразование культурных ландшафтов, то есть перевод их из одного типа в другой (из слабоурбанизированных в урбанизированные, из монотонных в разнообразные и т.д.), раскрытие для образования наиболее выигрышных или маскировка наиболее неприглядных пейзажей и панорам путем трансформации сложившейся или создания новой структуры видовых точек и трасс **[9, с. 195]**.

4. Заключение. Основные задачи стратегии развития Краснодарского края

заключаются в разработке концептуальных положений, определяющих основные параметры создания на территории муниципальных образований края благоприятного инвестиционного климата. Вместе с тем необходимо комплексное обеспечение указанных территорий необходимыми объектами инженерной и транспортной инфраструктуры. Результаты стратегии должны быть направлены на реализацию проектов, соответствующих приоритетам конкретного муниципального образования с целью повышения качества и стандартов жизни на данной территории, а также сохранение природного потенциала Краснодарского края для будущих поколений. Поэтому в задачу создания архитектурно-градостроительной концепции развития входит необходимость сохранения сложившейся природно-экологической среды муниципальных образований. При этом стратегия пространственного развития данных территорий должна рассматриваться как единое составляющее целостного образования Краснодарского края. Основополагающим элементом градостроительного развития Краснодарского края является природный (экологический) каркас территории – совокупность наиболее активных и взаимосвязанных в экологическом отношении пространственных элементов (реки и речные долины, лесные массивы и т.д.), от которых зависит жизнеустойчивость природной среды для данной территории **[9]**.

Наряду с этим развитие территории вокруг природного каркаса позволит обеспечить благоприятные условия жизнедеятельности человека за счет сопредельности с благоустроенной зоной отдыха полифункционального или специализированного типа, объединенные системой общественного и коммунального обслуживания, имеющие единую транспортную сеть, систему озеленения и охраны окружающей среды. В то же время анализ состояния и перспектив развития архитектурно-градостроительного развития Краснодарского края свидетельствуют о растущем спросе на услуги рекреационного туризма.

Библиографический список

1. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительная эволюция г. Туапсе // *Жилищное строительство*. – 2012. – № 12. – С. 18–22.

2. *Субботин О.С.* Важнейшие этапы освоения Кубани и стратегия ее развития // *Вестник МГСУ*. – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 14–18.

3. Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до октября 1917 г. / сост., науч. ред. Б.А. Трехбратов. – Краснодар: [Б. и.], 1997. – 560 с.

4. *Субботин О.С.* Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // *Жилищное строительство*. – 2014. – № 11. – С. 16–22.

5. Градостроительная документация: Схема территориального планирования Краснодарского края. – ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «ГИПРОГОР».

6. *Субботин О.С.* Территориальное планирование и развитие строительного комплекса Краснодарского края // *Вестник МГСУ*. – 2010. – № 2. – С. 10–13.

7. *Субботин О.С.* Методология исследования архитектурно-градостроительного развития Кубани // *Жилищное строительство*. – 2014. – № 8. – С. 29–34.

8. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное развитие Кубани XVIII–XX вв.: автореф. дис. … д-ра архитектуры: 18.00.01. – Ереван, 2014. – 48 с.

9. Комплексная районная планировка / Центр. н.-и. и проект. ин-т по градостроительству; редкол. В.Н. Белоусов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Стройиздат, 1980. – 246 с.

10. Дом: Строительная терминология. – М.: Бук-пресс, 2006. – 240 с.

Тимофеенко К.О.
ktimofeenko@mail.ru
Ерохин Г.П.
erohin-gp@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.4
ББК 85.113

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье подробно рассматривается алгоритм комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала региона на основе выделенных территориальных единиц. Данный подход позволяет представить полученные результаты оценок отдельных туристско-рекреационных ресурсов и результаты обобщающей оценки в виде карт-схем, что дает возможность использовать их для целей территориального планирования.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, туристско-рекреационные ресурсы, комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала, территориальное планирование.

Введение. Туризм является стратегической отраслью многих регионов РФ, как одно из приоритетных направлений развития в России на 2011–2018 гг. В связи с этим в состав схем территориального планирования субъектов РФ включаются документы, содержащие предложения по развитию сферы туризма и рекреации. Зачастую в таких документах внимание сосредоточено на анализе и проектировании отдельных элементов региональных туристско-рекреационных систем в силу многих объективных факторов. Одним из них является отсутствие применимой в территориальном планировании общей методики по комплексной оценке всего туристско-рекреационного потенциала (ТРП) территории, который составляет основу рационального использования имеющихся ресурсов и эффективного функционирования туристско-рекреационной инфраструктуры отдельного региона.

Одним из таких регионов является Кемеровская область, где вопросами оценки отдельных туристско-рекреационных ресурсов области занимались такие кузбасские исследователи, как О.С. Андреева, Л.И. Соловьев, С.Д. Тивяков, Г.Н. Шаров, Ю.С. Надлер, Ю.И. Ионов. Также следует отметить диссертацию А.И. Литвак, где на основе проведенной интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала региона по состоянию на 2008 год, было выполнено ранжирование рекреационных районов Кемеровской области по уровню туристско-рекреационного потенциала **[4]**. Однако для целей территориального планирования требуется более «детализированная» структура ТРП региона, привязанная к территории.

Обращаясь в целом к отечественным теоретическим разработкам по методологии оценки туристско-рекреационного потенциала большой вклад сделан в трудах В.С. Преображенского, В.А. Квартального, И.Т. Твердохлебова, И.В. Зорина, Ю.А. Веденина, Н.С. Мироненко, В.В. Владимирова, Л.Н. Мухиной и др. Отдельные вопросы территориального планирования в сфере туризма и

рекреации рассматривались в работах М.А. Лось и И.С. Яковлевой. Более комплексный подход к существующей проблеме отражен в работах Ю.А. Худеньких, М.А. Саранчи, С.Б. Поморова и А.Н. Дунец. Однако остаются открытыми многие вопросы оценки ТРП отдельно взятого региона, в том числе связанные с привязкой результатов к целям и задачам документов территориального планирования. Таким образом, автор статьи на основе определенного алгоритма проводит комплексную оценку ТРП Кемеровской области, результаты которой фиксированы не только в количественном выражении в виде таблиц, но и в графическом виде на примере карт-схем.

Методика оценки. Из анализа работ отечественных исследователей следует вывод, что оценка туристско-рекреационного потенциала территории складывается из покомпонентной оценки составляющих его элементов. Такими элементами являются природные, культурно-исторические и социально-экономические ресурсы. Несмотря на все разнообразие способов оценки туристско-рекреационных ресурсов, М.А. Саранча выделяет следующие общие этапы **[5]**:

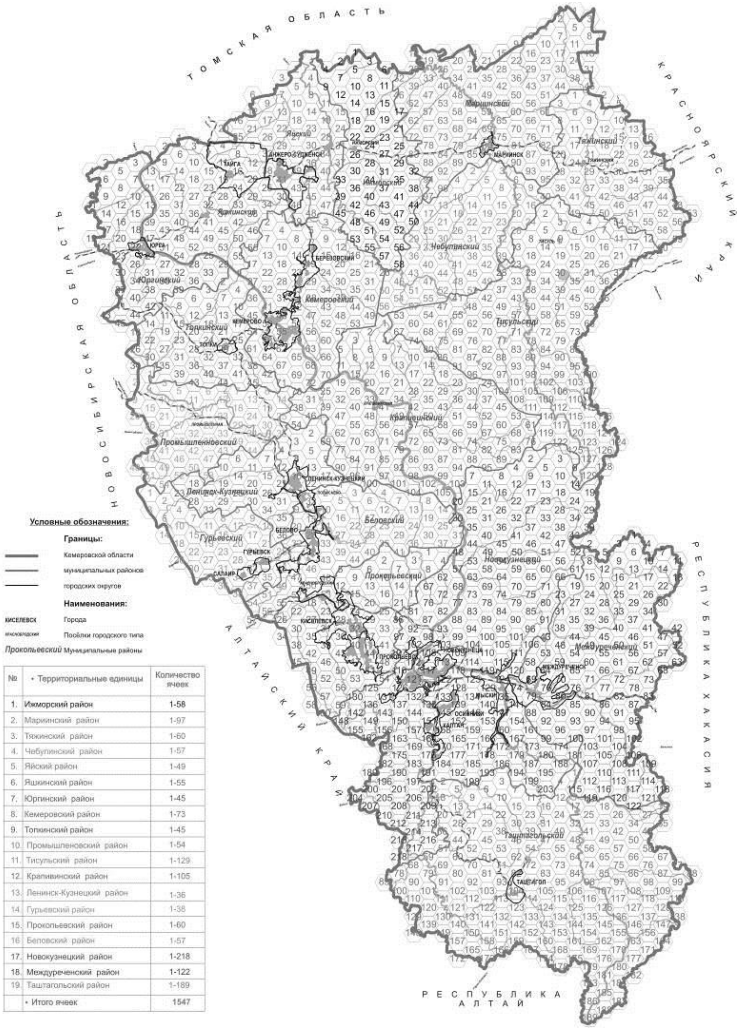
- выделение «объекта оценки» и «субъекта оценки»;
- определение критериев оценки объекта (показателей, факторов);
- сбор необходимой для оценки информации;
- приведение критериев к единой системе измерения;
- определение способов «сворачивания» оценочных критериев в интегральные показатели ТРП территории с последующим получением по ним результатов оценки;
- проверка и, при необходимости, корректировка результатов оценки;
- интерпретация полученных результатов оценки ТРП территории.

Данная последовательность действий может быть положена в основу комплексной оценки ТРП региона-субъекта, если каждый из этапов рассматривать с точки зрения последующего применения их результатов при разработке схем территориального планирования.

В качестве субъекта оценки выступает среднестатистический турист (рекреант), а в качестве «объекта» оценки выступают операционные территориальные единицы (ОТЕ). Согласно исследованиям А.Ф. Кудрявцева в 56% случаев в качестве ОТЕ используется административно-территориальное деление, а в 12% случаев – специально выделенные регулярные территориальные ячейки **[3]**. В связи со сложностью применения одного из этих видов ОТЕ в работе используется два вида территориальных единиц, привязанных к административно-территориальному делению Кемеровской области: для оценки природных туристско-рекреационных ресурсов – регулярные ячейки-соты с радиусом описанной окружности 10 км *(рис. 1)*, а для оценки культурно-исторических и инфраструктурных ресурсов – муниципальные районы с включенными в них городскими округами. Однако графическое представление результатов оценки всех ресурсов будет сводиться к единой ячеистой системе, где особое внимание уделяется границам муниципальных образований. В качестве критериев оценки составляющих туристско-рекреационного потенциала выступают как количественные, так и качественные показатели, приводимые к единой пятибалльной шкале. Для каждой группы ресурсов они будут различны.

Оценка природных рекреационных ресурсов. К первой группе оцениваемых ресурсов относятся природные рекреационные ресурсы. В работе

используется смешанный тип оценки данных ресурсов с преобладанием психолого-эстетической оценки. Комплексная бальная оценка эстетичности ландшафтов складывается из совокупности оценок таких его компонентов, как рельеф, водные ресурсы, растительность, с учетом значения особо охраняемых природных территорий и ограничивающего экологического фактора.



№	Территориальные единицы	Количество ячеек
1.	Ижморский район	1-58
2.	Маринский район	1-97
3.	Тяжинский район	1-60
4.	Чебулинский район	1-57
5.	Яйский район	1-49
6.	Яшкинский район	1-55
7.	Юргинский район	1-45
8.	Кемеровский район	1-73
9.	Топкинский район	1-45
10.	Промышленновский район	1-54
11.	Тисульский район	1-129
12.	Крапивинский район	1-105
13.	Ленинск-Кузнецкий район	1-36
14.	Гурьевский район	1-38
15.	Прокопьевский район	1-60
16	Беловский район	1-57
17.	Новокузнецкий район	1-218
18.	Междуреченский район	1-122
19	Таштагольский район	1-189
	Итого ячеек	1547

Рис. 1. *Схема деления территории Кемеровской области на ОТЕ с помощью ячеек-сот на основе административно-территориального деления*

В качестве важнейших характеристик рельефа в аспекте эстетической оценки выступают степень его расчлененности, контрастность, выраженность. Чем больше выражены эти свойства, тем разнообразнее рельеф. Границы морфологических районов, так называемые краевые зоны, являются часто наиболее привлекательными. И наоборот, монотонный рельеф является самым скучным. Преимуществом является наличие на территории уникальных и экзотичных форм рельефа.

С точки зрения технологического подхода при оценке рельефа учитывались свойства, выделенные Е.В. Колотовой, необходимые для лечебно-оздоровительного отдыха, пешеходного туризма и альпинизма **[2]**. Особое внимание уделяется рельефу с абсолютными отметками 1000–2500 м и средней крутизной 12–18 градусов, как наиболее пригодному для горнолыжного катания,

так как это перспективный вид туризма в Кузбассе.

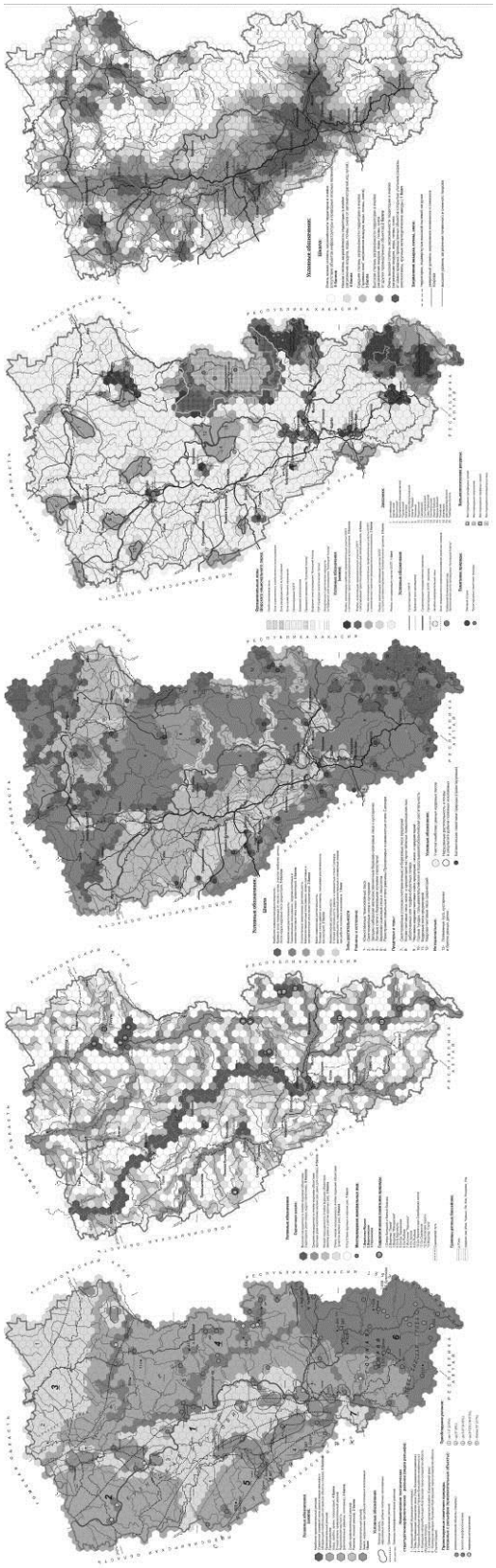


Рис. 2

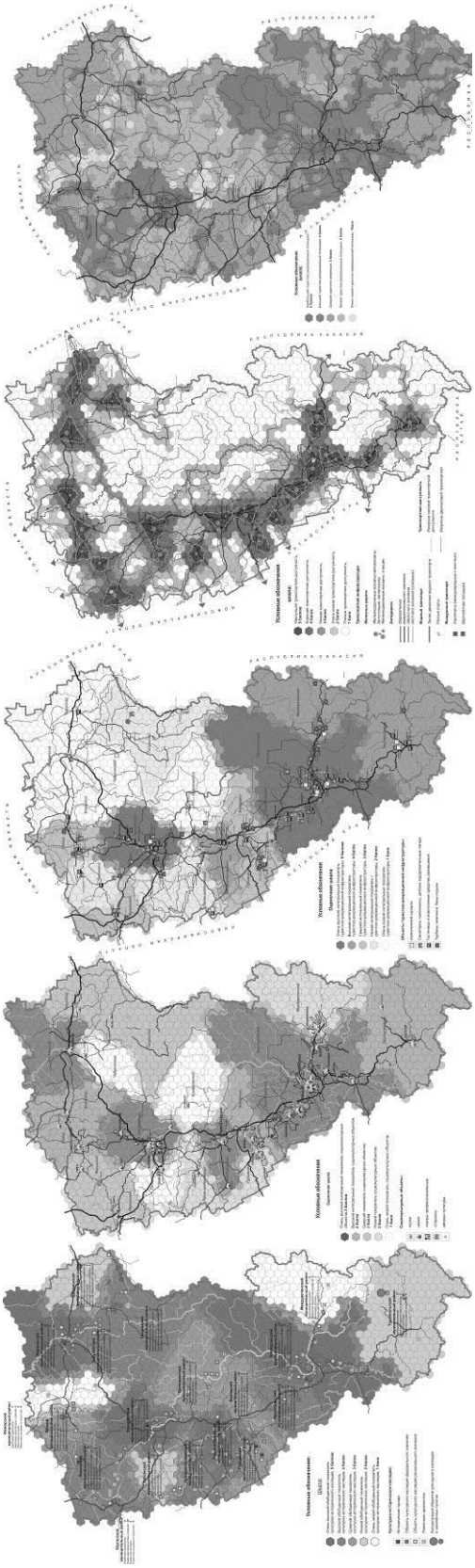


Рис. 3

Рис. 2. *Слева-направо: а) схема оценки рельефа Кемеровской области для целей туризма и рекреации; б) схема оценки гидрологических ресурсов Кемеровской области для целей туризма и рекреации; в) схема оценки растительности Кемеровской области по степени привлекательности для целей туризма и рекреации; г) схема оценки ООПТ Кемеровской области по степени привлекательности для целей туризма и рекреации; д) схема оценки степени загрязнения территории Кемеровской области*

Рис. 3 *Справа-налево: а) комплексная оценка объектов культурно-исторического наследия Кемеровской области; б) обобщенная оценка социокультурных объектов Кемеровской области для целей туризма и рекреации; в) схема оценки объектов туристско-рекреационной инфраструктуры Кемеровской области; г) схема оценки транспортной доступности; д) схема туристско-рекреационного потенциала Кемеровской области*

В связи с промышленной специализацией региона при оценке рельефа отрицательное значение имеют нарушенные и подрабатываемые территории. Результаты оценки привлекательности рельефа представлены в виде карты-схемы *(рис. 2а)*.

Водные объекты обладают ярко выраженным притягательным эффектом и, безусловно, доминируют в пейзаже. В рамках эстетической оценки наибольшей ценностью обладают площадные водные объекты-озера, водохранилища; крупные линейные водные объекты – реки; гидрологические памятники природы. Результаты оценки гидрологических туристско-рекреационных ресурсов представлены в виде карты-схемы *(рис. 2б)*, где по пятибалльной шкале определялась насыщенность территориальной ячейки водными объектами, представляющими собой туристско-рекреационный интерес.

Оценка растительности Кемеровской области осуществляется на основе психолого-эстетического типа оценки, где степень ее привлекательности рассматривается на примере равнинных и горных ландшафтов. На территории Кемеровской области имеется широкое разнообразие растительности.

Ранжирование территории Кемеровской области по степени привлекательности производится на основе степени живописности растительности, предложенной Н.Н. Даниленко и Л.П. Людвиг, с учётом ионизирующих лечебных свойств кедровых и сосновых лесов, краевых зон между различными типами растительности, а также участков с нарушенным растительным покровом в результате добычи полезных ископаемых **[1]**. Результаты оценки степени привлекательности растительных ресурсов представлены в виде карты-схемы *(рис. 2в)*.

Учет особо охраняемых природных территорий в составе природных рекреационных ресурсов необходим как для регламентации туристско-рекреационной деятельности на них, так и для придания большей ценности отдельным участкам Кемеровской области. Оценка производится с технологической точки зрения возможности использования различных категорий ООПТ в туристско-рекреационных целях в зависимости от режима их охраны и разрешенных видов деятельности *(рис. 2г)*.

Учет экологического фактора в оценке природных рекреационных ресурсов вносит определенные корректировки, поскольку у природных мест с неблагоприятной экологией сниженный туристический спрос. Оценка экологической ситуации производится с помощью ячеистой системы на основе карты-схемы «Современное состояние окружающей среды», разработанной

РосНИПИУрбанистики, на которой показаны ареалы загрязнения воздушного бассейна, высокий уровень загрязнения почвенного и снежного покровов, а также экологически опасные объекты. Учитывается загрязнение вдоль рек и транспортных магистралей *(рис. 2д)*.

Оценка культурно-исторических ресурсов для целей туризма и рекреации. Второй группой оцениваемых ресурсов являются культурно-исторические ресурсы Кемеровской области, служащие предпосылкой для организации культурно-познавательных видов рекреационных занятий. В культурно-исторические ресурсы входят две большие группы объектов: культурно-историческое наследие и социокультурные объекты.

Для оценки культурно-исторического наследия чаще всего используется обобщенный (интегральный) показатель. Этот показатель складывается из показателя насыщенности территории культурно-историческими объектами, показателя привлекательности различных групп культурно-исторических объектов и показателя плотности размещения культурно-исторических объектов на оцениваемой территории (вводится в работе). Для выведения обобщенного показателя все три вышеописанных показателя переводятся в пятибалльную шкалу и складываются со следующими весовыми коэффициентами: 0,35; 0,5; 0,15 соответственно. Конечные результаты оценки представлены в виде карты-схемы *(рис. 3а)*.

Оценка социокультурных объектов складывается из суммы трех показателей с учетом их весовой значимости: показателя насыщенности территориальной единицы социокультурными объектами (0,15); показателя их привлекательности (0,5) и показателя обеспеченности ими населения (0,35); поскольку они создаются исходя из потребностей населения. Результаты проведенной оценки представлены в виде карты-схемы *(рис. 3б)*.

Оценка социально-экономических ресурсов и условий. Третьей группой оцениваемых ресорсов являются социально-экономические ресурсы, под которыми понимается совокупность объектов и явлений антропогенного характера, которые необходимы для наиболее эффективного развития туристской индустрии. В рамках данной работы оцениваются только инфраструктурные ресурсы, к которым относится транспортная доступность и уровень развития учреждений туристско-рекреационной инфраструктуры. Под туристско-рекреационной инфраструктурой понимается совокупность средств, учреждений, сооружений, сетей и других элементов материально-технической базы, помогающих осуществлять рекреационную деятельность. Согласно анализу перечня работ по оценке объектов инфраструктуры туризма к оцениваемым объектам туристско-рекреационной инфраструктуры, сгруппированным по выделенным ОТЕ, относятся коллективные средства размещения общего и специального назначения, детские оздоровительные лагеря, туристические фирмы, предприятия общественного питания, горнолыжные комплексы. Оценка объектов туристско-рекреационной инфраструктуры складывается из суммы трех показателей с учетом их весовой значимости: показателя насыщенности территориальной единицы объектами ТРИ (0,5); показателя обеспеченности населения в местах в объектах ТРИ (0,35) и показателя плотности размещения объектов ТРИ на оцениваемой территории (0,15). Результаты проведенной оценки представлены в виде карты-схемы *(рис. 3в)*.

Транспортная инфраструктура играет одну из наиболее важных ролей в

процессе организации отдыха и рекреации населения. Определяющее значение имеет транспортная доступность разнообразных объектов туризма и рекреации. В связи с этим производится оценка степени комфортности транспортной доступности в границах принятых ОТЕ с помощью построенных изохрон часовой и двухчасовой транспортной доступности *(рис. 3г)*.

Вычисление обобщенного туристско-рекреационного потенциала производится сложением показателей, составляющих природный (5 показателей) и антропогенный (4 показателя) потенциал Кемеровской области. При этом для их равнозначного влияния они были переведены в пятибалльную шкалу. Результаты вычисления обобщенного туристско-рекреационного потенциала представлены в виде карты-схемы *(рис. 3д)*.

Заключение. Таким образом, рассмотренный алгоритм оценки ТРП Кемеровской области позволяет получить результаты, применимые для целей территориального планирования. Полученные карты-схемы оценки составляющих туристско-рекреационного потенциала Кемеровской области определяют пространственное расположение, количественные и качественные характеристики наиболее привлекательных туристско-рекреационных ресурсов, что является основой для разработки таких схем территориального планирования, как схема зонирования территории по характеру использования в туристско-рекреационных целях; схема капитального строительства объектов туристско-рекреационной инфраструктуры и др. Результаты вычисления обобщенного туристско-рекреационного потенциала Кемеровской области применимы для определения общей концепции наиболее перспективного развития туризма и рекреации, основной планировочной структуры проектируемой региональной туристско-рекреационной системы региона.

Библиографический список

1. *Даниленко Н.Н.* Региональные туристские ресурсы: понятие, влияние на развитие туризма, стратегии управления / Н.Н.Даниленко, Л.П.Людвиг. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 210 с.

2. *Колотова Е.В.* Рекреационное ресурсоведение: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент». – М., 1999.

3. *Кудрявцев А.Ф.* Выбор операционно-территориальных единиц при оценке рекреационного потенциала/ А.Ф.Кудрявцев, В.П. Сидоров, О.А. Скобелева // *Туризм и региональное развитие:* сб. науч. ст. – Смоленск: Универсум, 2006. – Вып. 4. – С. 85–88.

4. *Литвак А.И.* Интегральная оценка туристско-рекреационного потенциала региона (на примере Кемеровской области: Дисс. … канд. экон, наук: 08.00.05. – Кемерово, 2010.

5. *Саранча М.А.* Методологические проблемы интегральной оценки туристско-рекреационного потенциала территории // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: «Биология. Науки о земле». – 2011. – Вып. 1. – С.118–127.

Литвинов С.В.
svl_1978@mail.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 711.4:502
ББК 85.113

НОВЫЙ (УРБОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ) ПРИНЦИП СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ)

Аннотация. В статье как на научное противоречие обращается внимание на несоответствие административно-территориального деления России территориально-экологическим условиям ее территорий, имеющее место как на уровне страны в целом, так и в устройстве отдельных субъектов федерации. Как разрешение этого противоречия предлагается рассмотреть принцип соответствия выделяемых административно-территориальных единиц урбоэкологическому районированию территории.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство; трансформация; урбоэкологическое районирование.

Введение. Цель данной статьи – обозначить проблему изменения (совершенствования) административно-территориальной организации государства; обосновать территориальные, урбоэкологические принципы такого изменения. Автор считает, что урбоэкологические принципы административного деления территории являются универсальными, поскольку учитывают естественно присущие (экологические) характеристики рассматриваемой территории, поэтому в статье речь не идет о конкретной стране или ее части. Исследовательская «проверка» данных принципов осуществляется в настоящее время на примере совершенствования административно-территориальной устройства северо-востока России, проблема формирования расселения которого обозначена ранее в **[1]**.

1. Проблема. Развитие территории предполагает стремление получить в процессе ее освоения возможно больший экономический эффект, запуск определенных процессов жизнедеятельности, создание промышленных структур, изменение форм и видов расселения (формирование градостроительных систем). Очевидно, что развитие связано с потреблением ресурсов природной среды, изменением антропогенных нагрузок на территории.

Проблемой является поиск (количественное и качественное выражение) пределов развития: создание экологически оптимизированной организации территории, при которой обеспечивается устойчивое равновесное взаимодействие искусственной материально-пространственной среды с естественными природными геосистемами. Решение данной проблемы актуально в принципе для любой страны или крупных их частей, поскольку практически везде в результате деятельности человека нарушен гомеостаз природных комплексов.

Административно-территориальное устройство государства (по крайней мере, стран бывшего Советского Союза), как правило, учитывает отчасти социально-экономические, политические, этнические и природные факторы.

Факторы рационального природопользования, экологии, оптимальной пространственной организации расселения, градостроительства, как правило, на

конфигурацию границ административных субъектов (областей, округов и т.д.) не влияют. Это явно противоречит основной (фундаментальной) установке как развития вообще, так и территориального развития в частности: методологии *устойчивого развития*, то есть развития с приоритетом сохранения жизни на Земле, «безопасности, создания благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничения негативного воздействия хозяйственной и градостроительной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений» **[2]**.

Как известно, антропогенная нагрузка, «прикладываемая» к территории в точках-центрах и ареалах расселения, в местах размещения производственных и энергетических объектов, зонах добычи полезных ископаемых и т.п., должна уравновешиваться «несущей способностью» природных систем этой территории.

Зона экологического равновесия, например густонаселенного региона, по площади гораздо больше самого региона. В этом смысле данный регион «паразитирует» за счет экологических ресурсов окружения. Территория региона из этого окружения несет как «свою» антропогенную нагрузку (региональную систему расселения), так и нагрузку первого (более центрального и, как правило, более густонаселенного) региона и т.д. Реальное экологическое равновесие (по ряду экологических показателей) достижимо только в границах неких обширных территорий, включающих как сильно-, так и слабоурбанизированные регионы; экосистемы территорий этих последних компенсируют антропогенную «перегрузку» первых.

Проблема заключается в том, что административно зоны экологического равновесия никак не фиксируются, показатели экологического равновесия по ним никак не мониторятся, статистически не обрабатываются, а главное, их изменения не входят в сферу ответственности региональных и муниципальных властей.

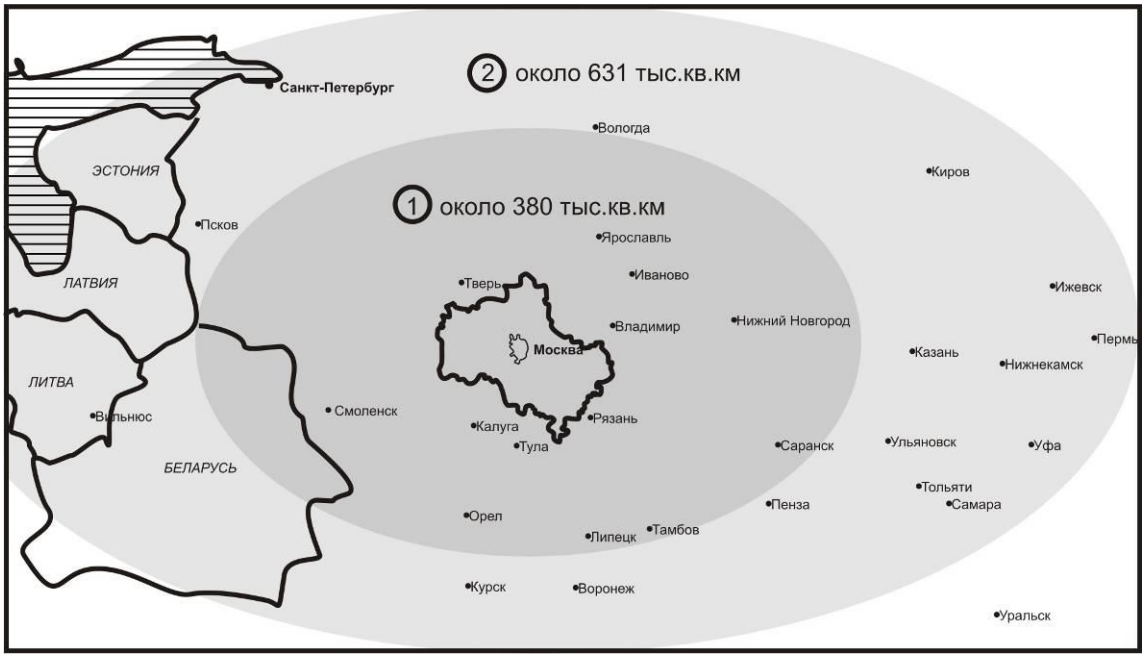


***Рис. 1**. Теоретический «Экологический след»: 1 – Москвы; 2 – Московской области*

2. Пути решения. Выработка принципов совершенствования административно-территориального устройства страны связана с решением следующих задач. Необходимо:

- выявить расселенческий каркас территории страны;
- определить урбоэкологические особенности формирования расселенческих градостроительных систем, провести пофакторный анализ компонентов окружающей среды и выявить особенности взаимодействия этих компонентов с градостроительными системами;
- проанализировать формулировку целей и полноту решения эколого-градостроительных задач в схемах территориального планирования административных субъектов (схем районной планировки);
- проанализировать существующие схемы урбоэкологического зонирования административных субъектов с целью определения общих зон экологического равновесия, буферных и компенсационных территорий;
- составить типологический ряд перспективных районов экономического и градостроительного освоения, определить ограничения их возможного развития (в конкретных показателях) с точки зрения достижения эколого-территориальных целей; оптимизировать границы выделения этих районов;
- обосновать деление территории страны на урбоэкологические районы – обширные территории, в границах которых при заданных параметрах антропогенных нагрузок достигается полное (или условное, или относительное) экологическое равновесие;
- установить «проблемные» территории с точки зрения несовпадения границ урбоэкологических районов и существующих границ административно-территориальных образований (областей, краев, республик); на таких территориях достижение экологических целей в процессе градостроительной деятельности потребует согласования управленческих решений соседних административных субъектов; эти территории, будучи целым в экологическом отношении, оказываются «разорванными» как объект проектирования, не входя полностью в сферу рассмотрения схем территориального планирования административных субъектов;
- разработать общие методологические принципы «включения» формирующихся структур расселения новых (перспективных) районов экономического и градостроительного освоения в структуру расселения административного субъекта, к которому они относятся, с учетом целей экологической оптимизации его территориальной структуры;
- разработать и конкретизировать территориальные методы экологической оптимизации для отдельных административных субъектов страны (в первую очередь тех субъектов, где идет активный процесс экономического и градостроительного освоения новых территорий);
- обосновать необходимость изменения административно-территориального устройства согласно с их урбоэкологическим районированием.

Теоретико-методологической базой решения указанных задач является методология региональной урбоэкологии – весь арсенал понятий, категорий, принципов и основные методологические подходы данного научного направления: территориально-градостроительный подход, комплексный подход, системный подход, биоэкономический подход **[3]**.

Заключение. В основу определения границ административных субъектов страны предлагается положить принцип строгого соответствия выделяемых административно-территориальных единиц урбоэкологическому районированию.

Это значит, что в границах административно-территориальной единицы обеспечивается полное (или условное, или относительное) экологическое равновесие.

Природная среда региона во взаимодействии с развивающимися антропогенными структурами (производственными, расселенческими, сельскохозяйственными, рекреационными) сохраняет основные свои характеристики – достаточную фотосинтезирующую активность автотрофных растений, воспроизводство в необходимых масштабах всех своих компонентов (воды, кислорода, биомассы), способность к самоочищению и дальнейшей эволюции.

Сохранение экологического равновесия в пределах административно-территориальной единицы должно стать первой (основной) ответственностью региональной власти и миссией жизни всего общества. Осознание этой миссии, принятие ее в свой «инстинкт самосохранения» будет способствовать сохранению жизни на Земле, снизит вероятность возникновения локальных, региональных и глобальных экологических кризисов.

Библиографический список

1. *Литвинов С.В., Шундрин А.Д.* Градостроительная проблемность Северо-Востока в связи с нефтегазовым освоением (от современности к будущему) Сообщение 3 // *Известия вузов. Строительство.* – 2005. – № 5. – С. 93–99.

2. Градостроительный кодекс РФ. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004) (действующая редакция от 22.10.2014) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/gskrf/.

3. *Владимиров В.В.* Расселение и экология. – М.: Стройиздат, 1996. – 392 с.

Гашенко А.Е.
antongashenko@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.5
ББК 85.113

ЗОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ

Аннотация. Статья раскрывает сущность зонирования как инструмента градостроительного регулирования. Рассматриваются цели и принципы зонального подхода к регулированию. Приводятся две существующие концепции зонирования и на примере новосибирской практики анализируются особенности одной из них.

Ключевые слова: зонирование; градостроительный регламент; градостроительное регулирование; перезонирование; территориальная зона.

Введение. Градостроительное зонирование — новая для пореформенной России технология регулирования городской застройки. Институт градостроительного (правового) зонирования был введен в практику еще в 1998 г. первым градостроительным кодексом **[4, с. 167]**. Идеологами градостроительных реформ была выпущена различная разъясняющая литература: подробные комментарии к градкодексу, методические указания по разработки ПЗЗ и даже написанная популярным языком «Азбука землепользования и застройки» **[3]**. Однако смысл института градостроительного зонирования был понят и осознан не сразу, и до сих пор проектировщики и управленцы допускают ряд методических и концептуальных ошибок при разработке основного градорегулирующего документа.

Основная часть. Градостроительное зонирование как инструмент регулирования реализует несколько концептуальных принципов, базовыми из которых являются два: 1) регулятивный принцип; 2) зональный принцип.

Регулятивный принцип зонирования состоит в том, что зонирование следует какой-либо проектной модели, посредством чего пространство реальности приводится в соответствие с этой моделью (как минимум реализуется тренд этой модели).

В качестве модели может выступать стратегия или концепция генерального плана или мастер-плана как набор установок (положений), подлежащих учету при градостроительном зонировании **[1, с. 40]**. А.А. Высоковский при разработке правил землепользования и застройки также применял модель неравномерно районированной структуры города **[4, с. 50–52]**.

Зональный принцип, составляющий существо зонирования, базируется на двух противоположенных правилах, описанных С.Ю. Трухачевым:

– правило средового соответствия **[5, с. 23]**;

– правило специального выделения **[5, с. 23]**.

Правило средового соответствия состоит в том, что зона назначает единый характер использования для той территории, на которую распространяется ее действие. Посредством градостроительного регламента назначаются единые функциональные и пространственные параметры среды на конкретной территории.

Под «средовым» понимаются те объекты, по отношению к которым необходимо задать функциональную и пространственную однородность, выровнять их соответствующие характеристики. Это те объекты, которые не являются уникальными, функционально или пространственно выделенными: жилые дома, рядовая общественная застройка, производственные объекты в составе своих промузлов и прочие монофункциональные территории. Градостроительным регламентом устанавливаются единые параметры таких объектов на локальном участке, который выделен территориальной зоной.

Под «специальным» в данной статье понимаются:

– объекты, специально выделенные для реализации действия модели, вносящие обоснованную неравномерность – как функционального характера (учреждения обслуживания, системные инфраструктурные объекты), так и пространственного характера (спланированные композиционные акценты и доминанты);

– объекты, возникшие исторически и потому представляющие ценность – объекты наследия.

Правило специального выделения фиксирует указанную неравномерность городского пространства.

Тем самым, описанный зональный принцип состоит из правила и исключения. Регулятивная функция зонального принципа призвана «выровнять» пространство там, где это допускает модель, и деформировать, «разбавить» пространство там, где этого требует та же модель. Сказанное не означает, что «выравнивание» должно приводить к упрощению и примитивизации городской среды. Модель может задавать достаточно высокую степень функционально-пространственной дифференциации. В масштабе всего города или района уникальными могут считаться отдельные локальные территории – кварталы и даже части кварталов, имеющие свою внутреннюю однородность и потому выделенные в зону. Градостроительные регламенты в данном случае могут подчиняться уже новой модели, выработанной на этапе планировки территорий **[2, с. 11]**.

Заметным и видимым на карте признаком выраженности зонального принципа является упорядоченность основной массы территориальных зон – как основной тренд, а также обоснованность неравномерности, исключительности конфигурации некоторых зон – как побочный тренд.

Из этого следует, что незапланированная или необоснованная неоднородность в конфигурациях территориальных зон нарушает зональный принцип регламентаций, так как функционально-пространственная модель перестает корректно действовать, нести запланированный проектный смысл. Чересполосица в зонировании, не заданная проектной моделью и не являющаяся особенностью исторически сложившегося землепользования, говорит о разрушении регулятивного начала и становлении института фактической инвентаризации (узаконивания) частных инициатив по корректировке градостроительного зонирования.

Таким образом, перед нами две функциональные концепции зонирования: «регулирующая» и «узаконивающая». Проиллюстрировать их можно на сопоставлении двух зональных схем: г. Куритибы (Бразилия) и г. Новосибирска. Выбор Куритибы для сравнения с Новосибирском может показаться предвзятым, но по ряду формальных критериев города очень схожи между собой.

Зонирование Куритибы изначально подчинялось главной стратегической модели, часто называемой «треугольником Лернера» (урбанист Жейме Лернер в то время занимал должность префекта города). Модель ставила землепользование в зависимость от конфигурации системы общественного транспорта и назначения элементов улично-дорожной сети. Были выделены зоны с различной градостроительной нагрузкой в зависимости от обеспеченности их транспортной инфраструктурой, в соответствии с чем к каждой зоне применялись различные регламенты (в частности, по плотности застройки). На *рисунке 1* показана схема зонирования города.

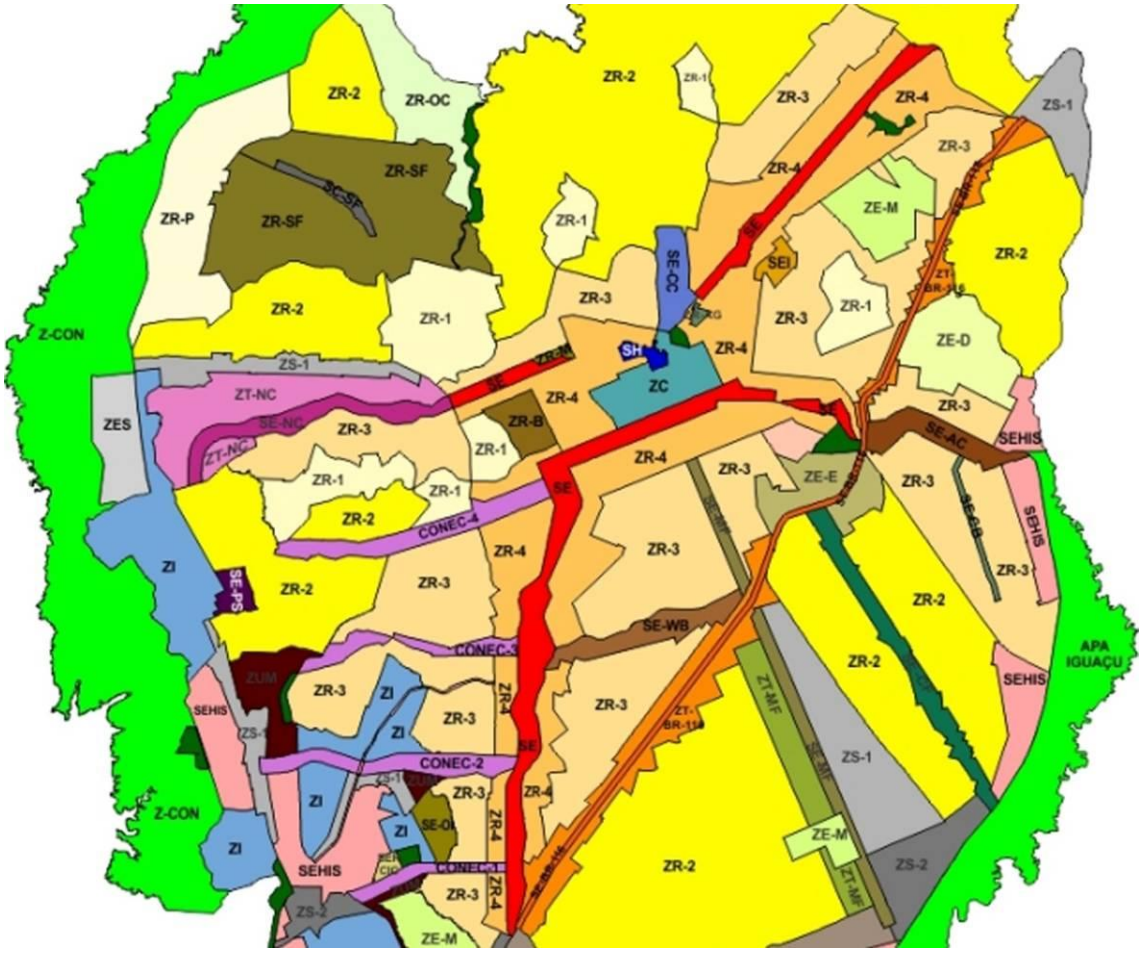


***Рис. 1**. Фрагмент схемы градостроительного зонирования (zoneamento) г. Куритибы*

Как видно из схемы, конфигурация регламентных зон подчинена некоторой запланированной концепции, что проявляется в четкости и целостности зонирования. Зоны выполняют свою регулирующую функцию, распределяя проектный смысл в соответствии с модельной логикой.

Иную картину составляет схема градостроительного зонирования новосибирских ПЗЗ (*рис. 2*, масштаб как на *рис. 1*). Она отражает два тренда:

1. Трансляция зонирования из генерального плана. Генеральный план Новосибирска не содержал локализованных пространственных стратегий, поэтому при разработке ПЗЗ функциональное зонирование генерального плана, достаточно общее и не отражающее естественных процессов развития

градостроительной системы, было практически буквально унаследовано правилами землепользования и застройки. Такой подход с самого начала критиковался идеологами градостроительных реформ, прежде всего из-за различия способов применения двух документов: долгосрочного и ситуативного **[3, с. 38]**. Результатом этого тренда стало, в частности, появление на территориях одной типологии застройки чуждых ей объектов, которые были санкционированы градостроительным регламентом территориальной зоны, транслированной из перспектив генерального плана, то есть «из будущего». В качестве примера можно привести появление на территориях индивидуальной застройки многоквартирных жилых домов.

2. Индивидуально-выборочное перезонирование. Именно этот тренд подрывает зональный принцип градостроительного регулирования. Его причина также спровоцирована отсутствием в генеральном плане локальных пространственных стратегий. Изменения в ПЗЗ вносятся по инициативе заинтересованных лиц, чьи строительные интересы вступают в противоречие с действующим градостроительным регламентом. Изменить регламент в границах одного участка нельзя, но можно изменить территориальную зону. Раз в полгода проводятся публичные слушания, на которые выносится порядка двухсот подобных ситуаций по всему городу. По причине отсутствия каких-либо содержательных оснований отказать заявителю (нет проектных моделей пространственного развития и соответствия формальным нормативам) такое перезонирование принимается на публичных слушаниях и закрепляется в общественном сознании как норма.

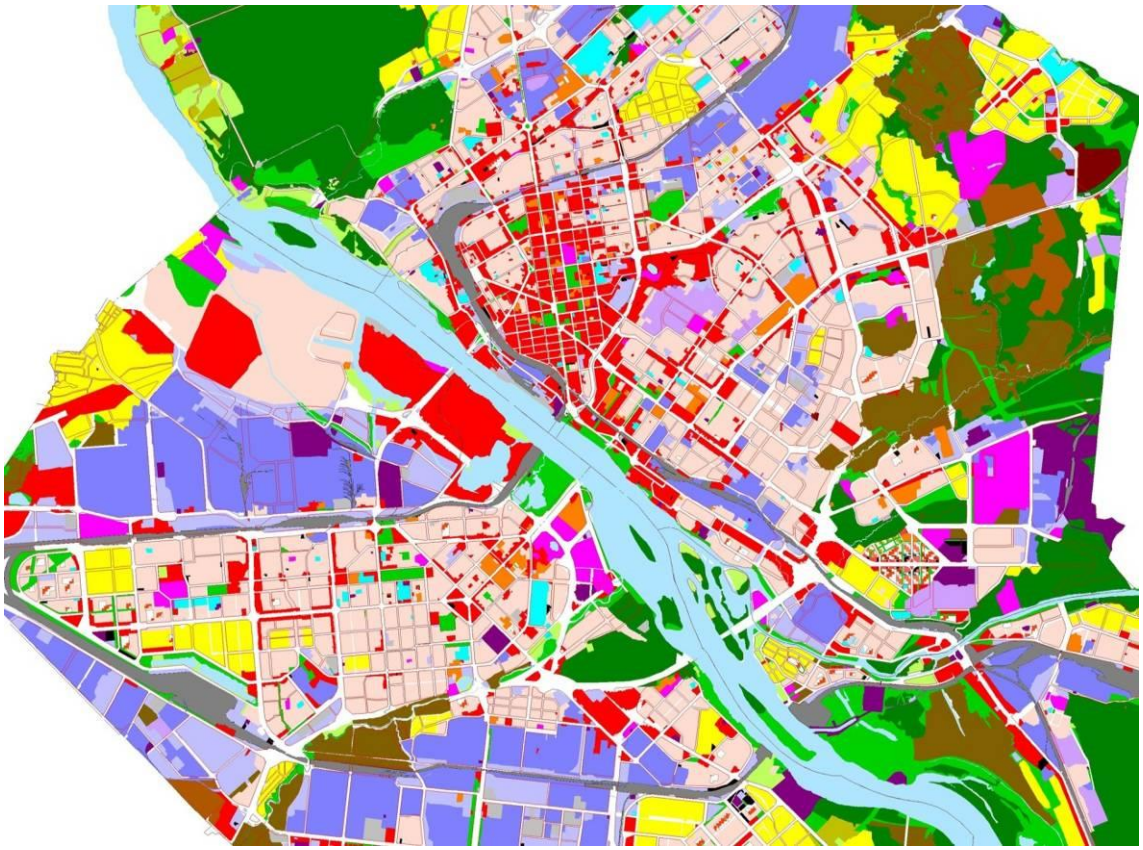


Рис. 2. *Фрагмент карты градостроительного зонирования г. Новосибирска*

Итогом работы становится карта территориальных зон со множеством «лоскутков» и «проплешин», назначенных ситуативно и несистемно. Карта правового зонирования (как она иногда альтернативно именуется) теряет одну из базовых ценностей для потребителя – правовую определенность **[4, с. 174]**. Ведь никто не застрахован от того, что на очередных публичных слушаниях собственник перезонирует свой земельный участок в зону с удобным для него, но нежелательным для остальных регламентом.

Заключение. Зональный принцип градостроительного регулирования имеет двойственное действие, одновременно выравнивая характеристики массовой среды и артикулируя развитие уникальных элементов. Задается такая дифференциация проектными моделями пространственного развития, принятыми в документах территориального планирования и планировки территорий. Отсутствие таких моделей приводит к потере регулятивного начала и «ручному управлению» зонированием, которое сводится к технической инвентаризации индивидуальных несистемных действий по перезонированию территории в соответствии с интересами отдельных заявителей. Результатом такого подхода становится отсутствие правовых гарантий стабильности градостроительной среды у ее пользователей, а также рыхлость и неупорядоченность самой среды. Напротив, наличие стратегических установок, выработанных на этапе территориального планирования, а также локальной конкретики, полученной при планировке территории, наполняет проектным смыслом регулятивные действия при градостроительном зонировании.

Библиографический список

1. *Крашенинников А.В.* Градостроительное развитие жилой застройки: исследование опыта западных стран: учеб. пособие. – М.: Архитектура-С, 2005.

2. *Митягин С.Д.* Кому, зачем и какие нужны правила землепользования и застройки // *Промышленное и гражданское строительство.* – 2008. – № 1. – С. 10–11.

3. *Трутнев Э., Бандорин Л.* Азбука землепользования и застройки: Главное о Правилах землепользования и застройки в популярном изложении. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2010.

4. *Трутнев Э.К.* Градорегулирование: Основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.

5. *Трухачев С.Ю.* Архитектурно-планировочные принципы градостроительного зонирования: на примере городов Юга России: автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Моск. архит. ин-т. – М., 2008.

Ушаков Д.Е.
Карелин Д.В.
u_dmitrii@mail.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 656; 656.1; 656.2; 31:656.
ББК 39.18; 39.8

СРАВНЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЕКАТЕРИНБУРГА И ПЕРМИ

Аннотация. Исследование посвящено оценке развития общественного транспорта на примере городов Екатеринбурга и Перми. Рассмотрены концептуальные подходы к решению существующих проблем, а также дана оценка эффективности реализации транспортной политики.

Ключевые слова: общественный транспорт; стратегический мастер-план; стратегический план; личный транспорт; обслуживание пассажиров; организация движения.

Введение. Стремительный рост уровня автомобилизации за последние 20 лет требует от крупнейших городов с количеством жителей более миллиона выработки новой политики в сфере транспорта **[1]**. Проблема состоит а том, что пропускная способность улицы ограничена, а во многих городах дополнительно накладываются проблемы сохранения архитектурного наследия. Некоторое время решением служило использование имеющихся резервов: расширение магистральных и районных улиц, локальные уширение улиц в границах и на подъездах к перекресткам; снос центральной зеленой полосы; строительство вне уличных переходов. Когда исчерпался резерв повышения пропускной способности, а количество личного транспорта продолжало расти, пришло понимание, что требуется выработать новую транспортную политику, которая бы позволяла эффективно использовать пропускной ресурс улиц, не создавая городских заторов как магистрального так и локального уровней.

Цель статьи: анализ стратегических проектов в сфере общественного транспорта городских округов Перми и Екатеринбурга.

Два уральских города выбраны не случайно. В городе Перми в 2010 г. принят Стратегический мастер-план, а в городе Екатеринбург в 2003 г. – Стратегический план развития. Оба плана реализуют транспортную политику, направленную на сбалансированную работу общественного транспорта. Основная задача – оценить сходства и различия в подходах к реализации данной концепции, а также эффективность реализации транспортной политики.

1. Концепция Стратегического мастер-плана города Перми. В 2010 г. был принят стратегический мастер-план, определяющий основные направления развития города Перми. В части транспорта он задает следующую политику:

– качество системы общественного транспорта должно быть поднято на высокий уровень, а ее охват расширен, она должна стать реальной альтернативой личному автотранспорту и иметь пространственный приоритет в городском центре Перми;

– профили главных улиц должны быть перепроектированы, при этом приоритет должен быть отдан пешеходным и велосипедным дорожкам, а также выделенным полосам движения общественного транспорта **[2]**.

Реализация концепции запланирована в три этапа до 2040 г. До 2020 г. предусмотрена реализация мероприятий, требующих наименьших вложений, но

при этом дающих наибольшую эффективность. Условно их можно собрать в три больших блока: иерархия важности по видам общественного транспорта; организация режима движения; взаимодействие перевозчиков и городской администрации.

Иерархия важности по видам общественного транспорта:

1. Главный вид общественного транспорта – трамвай, так как он является одним из самых экологически чистых видов транспорта и может перевозить большое количество пассажиров.

2. Автобус – второй по важности вид транспорта, дополняющий трамвай.

2.1. Автобусы большой вместимости имеют преимущественное применение.

2.2. Микроавтобусы выполняют вспомогательную функцию по отношению к главным видам общественного транспорта (трамваю и автобусу) и не должны конкурировать с ними. Их задача обслуживать небольшие замкнутые маршруты.

3. Троллейбус.

Организация режима движения:

1. Улучшение согласованности между расписаниями для облегчения пересадок между разными видами транспорта: трамваями, автобусами, поездами и микроавтобусами.

2. Сведение к минимуму количества дублирующих маршрутов общественного транспорта.

3. Более равномерное распределение общественного транспорта по территории города, охват отдаленных районов.

4. Уменьшение количества личного автотранспорта в центре города через:

– устройство перехватывающих парковок расположенных на подходах к центру города;

– введение парковок с ограниченным временем в центре города.

5. Отведение пространства в профиле дороги для создания комплексной сети выделенных полос, предназначенных для движения общественного транспорта.

Взаимодействие перевозчиков и городской администрации:

1. Городская администрация устанавливает «требования к обслуживанию» (схемы маршрутов движения, места остановочных пунктов, расписание движения, качество подвижного состава и т.д.), которые должны гарантироваться перевозчиками.

2. Городская администрация следит за перевозчиками и осуществляет контроль за выполнением условий контракта **[2].**

Мастер-план предусматривает принцип размещения высотной застройки рядом с линиями общественного транспорта, а также говорит, что более высокая концентрация застройки смешанных функций должна формироваться в пределах радиуса комфортной пешеходной доступности (250–500 м) от остановок общественного транспорта. Данное мероприятие вводится, согласно Мастер-плану, для того чтобы общественный транспорт создавал действенную альтернативу частным автомобилям **[2]**.

2. Концепция Стратегического плана развития города Екатеринбурга. Стратегический план города Екатеринбурга впервые был принят в 2003 г. Развитие транспорта включало программу удобного и доступного общественного транспорта, предполагающую сохранение приоритетности массовых видов муниципального транспорта **[6].**

В 2010 г. произведена актуализация стратегического плана до 2020 г. Цель

транспортной политики – формирование сбалансированной транспортной системы города. Концепцией является создание транспортной системы города, удобной для жизни населения в условиях высокого уровня автомобилизации через улучшение качества услуг пассажирского транспорта и совершенствование магистральной улично-дорожной сети (далее УДС).

Развитие транспорта включает два основных направления: развитие общественного транспорта и развитие магистральной улично-дорожной сети. Эти направления детализированы в двух программах: город, удобный для автомобилистов; город, удобный для пассажиров и пешеходов **[7].**

1. Город, удобный для автомобилистов.

Цель: развитие и эффективное функционирование магистральной улично-дорожной сети.

Задачи:

– улучшение организации дорожного движения на улично-дорожной сети;

– реконструкция ряда существующих городских дорог регулируемого движения и перевод их в категорию дорог скоростного движения, строительство новых скоростных дорог;

– регулирование движения, включая организацию одностороннего движения, выделение отдельных магистралей и полос проезжей части для движения только общественного транспорта;

– создание системы автостоянок (временного и постоянного пользования, перехватывающих);

– формирование идеологии внедрения платных парковок, примыкающих к проезжей части **[7].**

Детальные стратегические проекты: автомагистрали непрерывного движения – скоростные дороги, развитие регулируемой УДС, дом для автомобиля.

2. Город, удобный для пассажиров и пешеходов.

Цель: сохранение приоритетности массового транспорта через политику стимулирования горожан к использованию общественного транспорта, включающую:

– повышение скорости и комфорта поездок;

– оптимизацию маршрутной сети общественного транспорта;

– развитие скоростных видов общественного транспорта;

– обеспечение приоритета общественному транспорту при движении по улично-дорожной сети через обустройство обособленных полос для движения трамваев, троллейбусов и автобусов;

– удобство общественного транспорта для маломобильных групп населения;

– увеличение пропускной способности улиц для общественного транспорта;

– снижение негативного влияния транспорта на окружающую среду;

– ограничение въезда и стоянки автомобилей в центре города с организацией системы перехватывающих парковок **[7].**

Детальные стратегические программы: удобный общественный транспорт, город для пешеходов, комплексная схема организации дорожного движения.

3. Анализ реализации стратегических планов. Основываясь на отчетах о социально-экономическом развитии городов за последние годы, оценим показатели развития общественного транспорта *(табл. 1)* **[8, 3, 4].**

Таблица 1

Показатели развития общественного транспорта

Показатели	г. Екатеринбург			г. Пермь		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Пассажиропоток на всех видах городского пассажирского транспорта общего пользования, млн пассажиров в год, в том числе:	300,8	296,3	295	283	290,7	294,4
– автобус	116,4	110,1	114,8	232,6	238,4	242
– трамвай	106,8	100	93,7	34	34,9	35,5
– троллейбус	40,5	38,6	34,1	17	17,4	16,7
– метрополитен	37,1	47,6	52,4	-	-	-
Средняя эксплуатационная скорость движения городского пассажирского транспорта общего пользования, км/ч, в том числе:						
– автобус	16,1	16,2	16	18	18,5	18,5
– трамвай	12,9	12,8	12,9	14,7	15,1	15,4
– троллейбус	13,1	13,1	12,9	17,5	18	18

Города имеют различное распределение перевозок по видам транспорта. В Перми преимущественным видом транспорта является автобус – 82%, а в Екатеринбурге пассажиры распределены по всем видам транспорта. Основное отличие в составе общественного транспорта городов, наличие метрополитена в Екатеринбурге. Отчеты показывают фактическую ситуацию, но для рассмотрения причин изменения показателей требуется сравнить выполненные мероприятия *(табл. 2)*.

Таблица 2

Сравнение выполненных мероприятий

Мероприятия	г. Екатеринбург	г. Пермь
Создание обособленных полос движения для общественного транспорта, в том числе:		
– автобус	Нет	Да
– трамвай	Да	Нет
– троллейбус	Нет	Да
Уменьшение количества личного автотранспорта в центре города, в том числе:		
– уменьшение бесплатных парковок с неограниченным временем использования в центре города	Да	Да
– создание перехватывающих парковок	Да	Нет
Обновление подвижного состава	Да	Да

Мероприятия	г. Екатеринбург	г. Пермь
Преимущественное использование автобусов большой вместительности на основных маршрутах	Нет	Да
Развитие информационных технологий (единый проездной, он-лайн расписание, отслеживание место положения транспорта и т.д.)	Да	Да
Наличие органа власти контролирующего перевозчиков	Да	Да

Создание обособленных полос движения для общественного транспорта реализуется различно *(табл. 2)*. В Перми были созданы выделенные полосы для автобусов и троллейбусов на центральных улицах города, где автобусы обычно простаивают в заторах. В Екатеринбурге обособляются линии трамвая, обособление автобусов и троллейбусов остается проектом. На данный момент отделена половина от общего числа трамвайный путей.

Следует отметить большое различие в ценовой политике. В Екатеринбурге с 2012 г. стоимость проезда составляет 23 рубля **[8]**, а в Перми с 2015 г. для всех видов городского пассажирского транспорта тариф 16 рублей. Причина разницы тарифов требует отдельной оценки, так как прямые затраты являются определяющим фактором выбора средства передвижения.

В Екатеринбурге примерно половина перевозчиков автобусов частники. В собственности коммерческих маршрутов большую долю составляют малогабаритные автобусы. В Перми, напротив, все перевозчики автобусов – частники, при этом реализован принцип преимущественного использования крупногабаритных автобусов **[8]**.

Уменьшение бесплатных парковок с неограниченным временем использования в центре города реализуется различным образом. В Екатеринбурге реализуется создание платной парковки. Общий размер 1500 м/м, установлено 50 паркоматов, плата – 30 рублей в час. В Перми создаются парковки с ограниченным временем. Припарковаться на них можно не более чем на 180 минут. Всего на данный момент организовано 4 парковки в центре города **[5]**.

Создание перехватывающих парковок. В Екатеринбурге создана одна перехватывающая парковка на 400 машино-мест в южной части города и разрабатывается проект строительства второй перехватывающей парковки в северной части на въезде в город. В Перми перехватывающие парковки к настоящему времени не созданы, но предусматриваются генеральным планом **[9]**.

Меры по уменьшению привлекательности личного автотранспорта являются оправданными, так как при параллельном повышении удобства для автомобилей и общественного транспорта человек будет склонятся к использованию личного транспорта **[10]**.

Заключение. В работе были проанализированы стратегические проекты в сфере общественного транспорта городов Перми и Екатеринбурга. Транспортные концепции оценены на основе сравнения с социально-экономическим развитием городов *(табл. 1)*. Согласно отчетам, в Перми повышается количество жителей, использующих общественный транспорт, а в Екатеринбурге снижается, несмотря на схожесть транспортной политики. При этом количество пассажиров метрополитена увеличилось, снижение касается наземного транспорта Екатеринбурга. В Перми преимущественным видом транспорта является автобус

(табл. 1), и при этом наблюдается рост пассажиров. На основе сравнения мероприятий для наземного транспорта можно сделать вывод, что лимитирующим фактором привлекательности является предоставление пространственного приоритета – выделенные полосы. Общественный транспорт, двигающийся в общем потоке, априори не может конкурировать с личным автотранспортом **[10]**. Сопутствующим фактором увеличения привлекательности общественного транспорта является использование автобусов большой вместимости.

Стратегический план Екатеринбурга предусматривает устройство выделенных полос для всех видов наземного общественного транспорта, но реализация начата с обособления трамвайных линий. Автобусы, троллейбусы и половина трамваев движутся в общем потоке. Качество общественного транспорта влияет на привлечение пассажиров, но преимущества нового парка автобусов нивелируются уличными заторами, люди предпочтут ждать в личном автомобиле. Опыт Перми показывает, что первоочередным мероприятием должно являться устройство выделенных полос для автобусов и троллейбусов как дешевое и эффективное мероприятие.

Вторым лимитирующим фактором является ограничение пребывания в центре города личного автотранспорта. Это создание парковок в центре города с ограниченным временем пребывания – Пермь; и платных парковок – Екатеринбург. Прошло недостаточно времени для того чтобы оценить, какой подход к ограничению количества машин в центре лучше, но в любом случае это побуждает автовладельцев чаще использовать общественный транспорт.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/.
2. Преобразование города. Стратегический мастер-план [Электронный ресурс]. – URL: http://www.permgenplan.ru/content/view/9/13/ (дата обращения 16.10.2015).
3. Ежегодный отчет главы администрации города Перми за 2012 год [Электронный ресурс]. – URL: http://vetta.tv/news/city/24345 (дата обращения 16.10.2015).
4. Ежегодный отчет главы администрации города Перми за 2013 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gorodperm.ru/ economic/ main/strategy/effectivnost/ (дата обращения 16.10.2015).
5. Организация дорожного движения / Администрация города Перми [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gorodperm.ru/economic /city-services /transport_gh/traffic/ (дата обращения 16.10.2015).
6. Стратегический план развития города Екатеринбурга // Приложение к решению Екатеринбургской городской Думы от 10.06.2003 № 40/6. Официальный сайт города [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ekburg.ru/.
7. Стратегический план развития муниципального образования «Город Екатеринбург» до 2020 года // Приложение к решению Екатеринбургской городской Думы от 26.10.2010 № 67/30. Официальный сайт города [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ekburg.ru/.
8. Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» за 2011, 2012, 2013, 2014 годы / Департамент экономики [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ekburg.ru/ administration/ administration-gorod/12/11/42/ (дата обращения 08.11.2015).
9. Генеральный план города Перми // Приложение к решению Пермской городской Думы от 31.12.2010 №205 / Пермская городская дума. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gorodperm.ru/.
10. *Вукан Р. Вучик.* Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. А. Калинина; под науч. ред. М. Блинкина. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011.

Цзин Цун
Булгач Р.В.
Сатретдинова Р.С.
1242549197@qq.com
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 711-1
ББК 85.11

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАБРОШЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КИТАЕ

Аннотация. В статье раскрывается важная проблема преобразования территорий заброшенных промышленных комплексов в Китае. Приводятся модели ландшафтно-архитектурных планировочных решений реконструкции площадей заброшенных промышленных шахт.

Ключевые слова: экореконструкция; заброшенные промышленные территории; городская экология.

Развитие большинства крупных современных промышленных городов часто связано с проблемой преобразования территорий промышленных комплексов. С окончанием работы крупных промышленных объектов (например, угольные шахты) ухудшается экологическое состояние среды обитания людей. Сегодня проблема заброшенных промышленных территорий является актуальной в Китае, Германии и России, где на месте промышленных зон по добыче угля жители находятся под постоянным влиянием загрязнения атмосферы, социально-экологическим и социально-психологическим воздействием.

В строительной отрасли Китая накоплен определенный опыт по реконструкции подобных территорий, что дает возможность использовать архитектурно-ландшафтные принципы в разработке проектных решений **[1, 2]**.Существуют три типа ландшафтно-архитектурных решения реконструкции площади заброшенных промышленных шахт *(табл. 1)*.

Таблица 1

Типы ландшафтно-архитектурных решений реконструкции заброшенных шахт

№ п/п	Наименование	Содержание проекта	Инвестиции и разработчики	Достоинства	Недостатки
1.	**Модель экотуризма**	Ланшафтный парк, выставки, развлечения и др.	Правительство, госинвестиции крупным компаниям	Интересы общественности, охрана окружающей среды	Высокие затраты, сложность реализации, сроки завершения проекта
2.	**Зоны агролесомелиорации**	Развитие овощеводства, аквакультуры, выращивание фруктов и разведение цветов	Государственная поддержка частных корпораций и индивидуальных предпринимателей	Рациональное использование земельных ресурсов, достижение наибольшей выгоды в ограниченных условиях	Сложность технической поддержки и привлечении инвестиций в бизнес

3.	**Модель городского строительства**	Строительство жилых районов, офисов, зон отдыха в местах мелкого оседания грунта и устойчивости горных пород, а также доступности транспорта	Государственная поддержка, крупные инвесторы, строительные компании	Привлечь разработчиков для инвестиций, в полной мере задействовать стоимость земли	Высокие издержки, высокая интенсивность развития в процессе развития легко вызвать вторичное загрязнения окружающей среды, длительный срок окупаемости капитала

Первый тип – это модель экотуризма, когда площадь заброшенной шахты используется под ландшафтный парк, где можно проводить различные шоу, развлекательные мероприятия для детей и взрослых, создавать зоны отдыха. Такие решения социальной направленности по охране окружающей среды активно поддерживаются правительством Китая, а также общественностью. Однако есть у этой модели недостатки: высокие затраты, определенная степень сложности и сроки реализации.

Второй тип – создание зоны агролесомелиорации. Территории и площади заброшенной шахты можно использовать под овощеводство, разведение цветов, фруктовые сады. В этом случае необходимы поддержка государства и привлечение инвестиций в бизнес.

Третий тип – этой модель развития городского строительства: жилые районы, различные офисы. При реализации этой модели необходимы большие затраты по контролю грунтов, мелиорации, созданию хорошей инфраструктуры, привлечению инвестиций.

Первая модель предполагает развитие зоны экотуризма.

Структура территории заброшенной угольной шахты является очень сложной, как правило, сопровождается большой площадью грунтовых вод. Следовательно, в развитии экотуризма выбирают функциональную планировку путем использования водных бассейнов, озеленения и благоустройства прибрежной зоны отдыха.

Рис. 1. *Парк отдыха в городе Цзаочжуан на месте угольной шахты*

Есть и другие способы использования не только осевших шахт, но и

площадей промышленных зданий и сооружений заброшенных объектов. После завершения добычи угля в пустыне остается большое число промышленных зданий, сооружений, участков, заброшенных объектов, промышленных руин и т.д.

В Китае по примеру европейских стран (например, Рурская область в Германии) применяют инновационные технологии повторного использования этих промышленных объектов, придавая им новые функции.

Рис. 2. *Государственный парк на месте шахты Датун*

Неповторимый облик приобрел промышленный комплекс шахты Датун, на месте которого создали Государственный парк с выставочными площадями достижений современной науки и техники. Подземные помещения использованы под музей горного производства, где посетители и туристы могут познакомиться с горной культурой, посмотреть, как раньше добывали уголь и самим поучаствовать в этом процессе. Подземные коммуникации бывших шахт оборудованы под детские игровые лабиринты со сказочными персонажами.

Вторая модель ландшафтно-архитектурных решений реконструкции заброшенных шахт использует многофункциональный режим агролесомелиорации.

В этих целях проводится комплексная система организационно-хозяйственных и технических мероприятий, направленных на улучшение земель в целях создания наиболее благоприятных условий для развития сельского хозяйства или общего оздоровления природной среды **[3]**. Создается база для сельскохозяйственного производства, обеспечивающая гарантированные высокие урожаи. Осуществляются противоэрозионные мероприятия земель с неблагоприятными физическими и химическими условиями (засоленные, тяжелые глинистые почвы, пески и т.д.).

Наиболее существенное влияние на улучшение природных условий оказывает гидротехническая мелиорация (орошение, обводнение и осушение), изменяющая водно-воздушный режим почвы. Для этого строятся оросительные и осушительные каналы, трубопроводы, создаются водохранилища.

Проводится лесотехническая мелиорация путем выращивания древесной растительности. Сюда относятся: облесение местности, закрепление движущихся песков, создание защитных лесных полос и т.д.

Например, в городе Сюйчжоу на месте бывшей угольной шахты созданы эффективные высокоурожайные сельскохозяйственные угодья, где на освоенных земельных площадях размешаются фруктовые сады, животноводческие фермы, цветоводство, парники, рыбацкая деревня и др.

Рис. 3. *Карта агролесомелиорации угольной шахты в городе Сюйчжоу*

Режим производственной агролесомелиорации и строительных работ предусматривает динамический мониторинг почвы для анализа стабильности грунта, устойчивости фундамента от разрушения.

Третья модель городского строительства действует в рамках экономического развития города в целях улучшения среды обитания человека.

Архитектурно-планировочное решение этой модели в основном предполагает развитие и строительство экогородов и поселений. Реструктуризация промышленных объектов заброшенных угольных шахт проводится с применением инновационных технологий и достижений научных исследований в области архитектуры и строительства, городского строительства.

Главная задача такого проекта – создать привлекательность не только района экореконструкции, но и городской среды в целом, что способствует расширению границ города и повышению его репутации.

Городское строительство, которое ведется на месте бывшей шахты, создает гармоничную экологическую обстановку путем развития территорий парков, мест отдыха и зеленой зоны. Такая планировка благоприятно сказывается не только на этой территории, но также на экологической обстановке всего города.

В развитии подобных городов продвигается китайская концепция «мягкой силы», которая заключается в том, чтобы создать привлекательную зону для коммерческого бизнеса по расширению индустриальных промышленных парков.

Таким образом, эта модель предназначена для экономического развития и увеличения площади городского и сельского строительства.

Например, в городе Цзянсу, на месте горного оседания реализована уникальная философская идея создания города-сада **[4]**. Строительство ведется в двух направлениях: вначале развивается строительство крупномасштабных жилых районов с благоприятной средой обитания, затем создается экологическая зона в сочетании с водными бассейнами, гостиницами, развлекательными клубами и другими учреждениями современного обслуживания для создания хорошего досуга и развлечений.

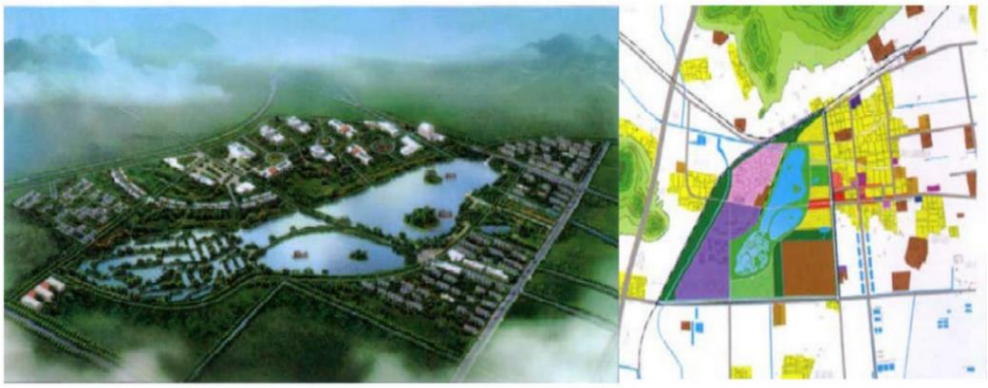


Рис. 4. *Экогородок в городе Цзянсу*

Таким образом, при создании модели объекта, связанного с экореконструкцией и рефункционализацией, широко используется принцип экологической преемственности, сохранения и восстановления в ходе архитектурно-ландшафтной реконструкции наиболее значимых компонентов природы; возрождения экологического баланса с использованием мелиоративных и защитных функций для взаимосвязи природных систем, что позволяет создавать благоприятную среду для обитания человека.

Библиографический список

1. 煤矿塌陷区规划与再开发模式研-以淮北东湖煤矿塌陷区规划为例.程小梅孙世界
2. 张全伟,陈琳. 内外城市展并地景观设计典型案例的对比、分析与思考[J]. 外借鉴, 2008.
3. 常江,陈晓璐.采煤塌陷区生态修复规划中的景观策略与方法-以青山泉镇塌陷地生态修复规划为例[J].规划设计, 2010 (12): 59–63.
4. Re-use Planning Methods of the Mining Subsidence Area Based on Landscape Ecology — A Case Study of Jiuli Area, Xuzhou. 罗萍嘉 / LUO Ping-jia 陆文学 / LU Wen-xue 任丽颖 / REN Li-ying.
5. The ExPloration and Research on Cultural Landscape Design of Yang Coal Mine Subsidence Feicheng Li Liyou (Art Designing) Directed by Sun Jiguo.

Клевакин А.Н.
kan0756@mail.ru
Битухеева Г.Ф.
bigu15@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.01
ББК 85.113

РЕКОНСТРУКЦИЯ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ГОРОДОВ КУЗБАССА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Формирование застройки по принципу «шахта-поселок» привело к расчлененности планировочной структуры городов Киселевска и Прокопьевска. Появление нового качества городской среды связано с необходимостью массового сноса ветхого жилья на отработанных территориях, отселением жителей на безугольные территории. Рассматриваются три возможных варианта пространственной реконструкции городов.

Ключевые слова: угледобывающие города Кузбасса; уплотнение существующей застройки; варианты пространственной реконструкции.

Урбанизация Кузбасса опиралась на концепцию соцрасселения, разработанную в 20–30-е гг. в СССР, а также теорию и практику градостроительства Европы. Населенные пункты возникали как строительство очередного производства, а причиной возникновения любого из них была только одна – промышленность.

Из-за необходимости повышения обороноспособности страны перед Великой Отечественной войной и стремительного заселения неосвоенных территорий жилью присваивается второстепенное значение. Оно формируется «при производстве», а все остальные функции трактуются как обслуживающие производство **[4]**.

По такому же принципу строится угольный Прокопьевск (1931 г.) и Киселевск (1936 г.). Проект основного центра г. Прокопьевска предложен в 1931 г. немецким архитектором Э. Маем на заседании Краевой плановой комиссии на возвышенности безугольной территории.

В эпоху индустриализации производство и добыча сырья признавалась главными факторами прогресса. Предполагалось, что связанная с победой социализма отмена частной собственности дает основание рассматривать город в качестве предмета проектирования *(рис. 1)*.

Для Прокопьевска и Киселевска характерным является децентрализованный характер застройки. Облик этих городов сформирован не столько как результат угледобывающей промышленности, сколько изначально специфическими природными условиями. Частично пересеченный рельеф с наличием лесных массивов на сопках, продиктованный близостью Кузнецкого Алатау, предоставлял возможность неожиданных, интересных архитектурно-планировочных решений.

Доминирующая угледобывающая промышленность подтолкнула к формированию застройки по принципу: «шахта-поселок», появилась расчлененность застройки, что является одним из главных недостатков планировочной структуры этих городов.

Монофункциональность, однонаправленность этих городов усугубили неблагополучную градостроительную ситуацию, вызванную в прошлом необходимостью стремительного развития угольных районов Кузбасса *(рис. 2)*.

Рис. 1. *Рост контингента рабочих, жилой площади и производительности труда*

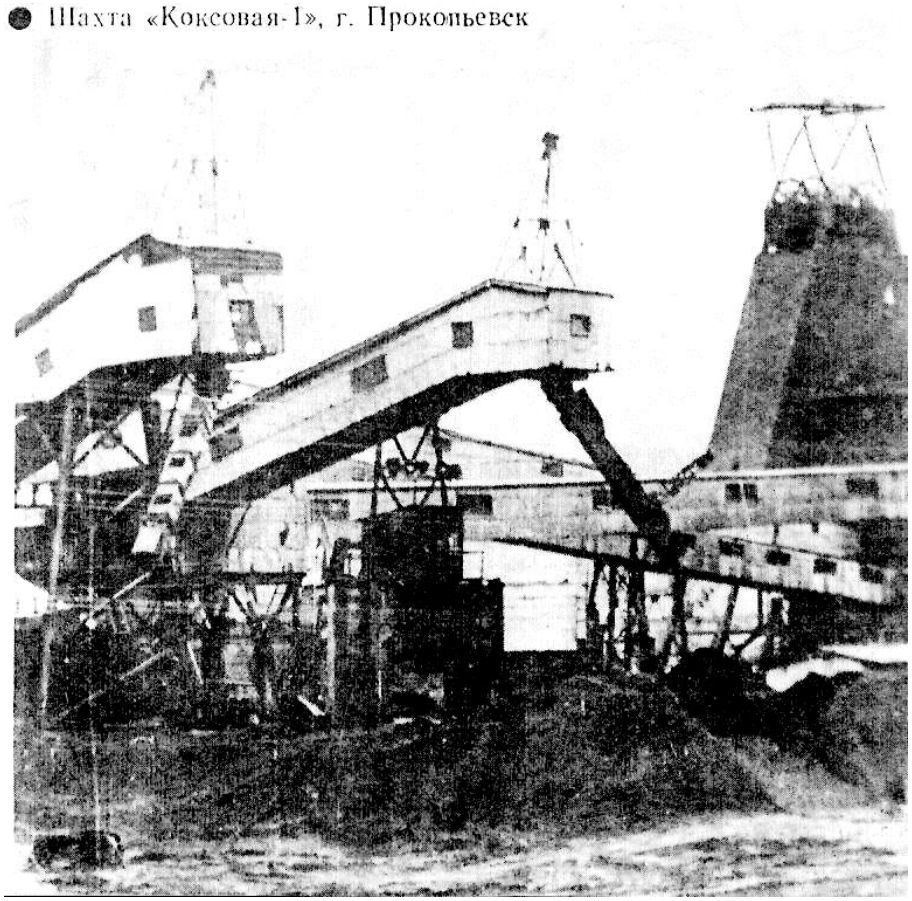


Рис. 2. *Шахта Коксовая в период Великой Отечественной войны*

В настоящее время Прокопьевск и Киселевск – города, являющие собой наследие советской эпохи, где сочетаются попытки использования европейского градостроительного опыта и необходимость создавать жилье и инфраструктуру близко к местам приложения труда с целью экономии средств.

Проблема. Градостроительная наука не выработала подходов к преобразованию поселений индустриального типа. Структуры, представляющие бизнес в городах и поселениях Кузбасса, ограничивают свою позицию интересами добычи сырья, не обращая внимания на вопросы развития инфраструктуры, экологии, решение накопившихся социальных проблем. Местная власть, не желая нести ответственность за ошибки и промахи принятия решений центра и крупных ведомств советской эпохи, не нацелена на выработку представлений о будущем поселений и городов Кузбасса.

По нашему мнению, выход из индустриальной эпохи, спад угледобычи в этих районах влечет за собой необходимость «трансформации» сложившихся городских образований, а именно переход от «расчлененной» к «компактной» планировочной структуре. Необходимость формирования гибкой планировочной структуры продиктована требованиями времени, когда необходима комплексная реконструкция, включая биологическую и лесную рекультивацию; сохранение и уплотнение уже исторически сложившихся и устоявшихся центров: Красный камень (в Киселевске), Тырган и Старый центр в Прокопьевске *(рис. 3)*.

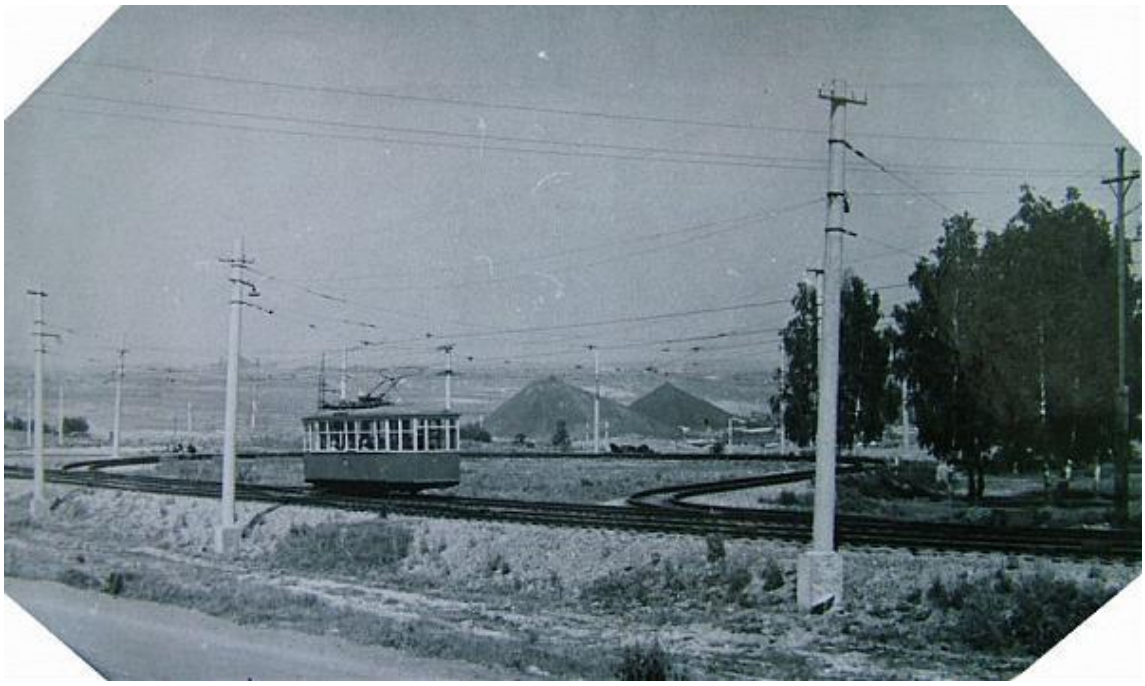


Рис. 3. *Панорама города Прокопьевска. Фото из архива городского музея г. Прокопьевска*

Процесс уплотнения как нового качества городской среды начался в 2000-х гг. Снос ветхого жилья на отработанных территориях в Прокопьевске и отселение жителей на безугольные территории в начале 2000-х гг. приобретает массовый характер.

Реконструкция исторически сложившихся центров призывала отойти от «рыхлости» «по принципу наполняющей застройки, а «также к повторному использованию и трансформации заброшенных территорий» **[2]**. Развитие центра,

усиление его значимости для города происходит за счет сосредоточения в нем наиболее уникальных функций, за счет повышения уникальности всей пространственной среды центра в целом, усиления значения центрального ядра» **[2]**.

Опыт и практика российской действительности последнего десятилетия свидетельствует, что организация работ по поиску вариантов пространственной реконструкции городов должна основываться на конкурсной основе, с привлечением зарубежных участников. Возможны несколько вариантов. Первый – перенос старого города на новое место. Второй – создать городской центр на новом месте. Целостность структуры поселения в этом случае обеспечивается повышением взаимосвязи и взаимодействия между существующими и вновь возникающими частями структуры. Приоритет отдается вопросам строительства скоростных автомобильных и железнодорожных магистралей. Третий – повышение качества пространственной среды за счет интенсификации использования территории в сложившихся границах города и консолидации застройки **[6, с. 320]**.

Библиографический список

1. *Клевакин А.Н.* Сибирский город в эпоху перемен. – Новосибирск: Наука, 2008.

2. *Клевакин А.Н.* Реконструкция городской среды (теория-методология-практика). – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2013.

3. *Загороднов Е.И.* О власти и о земле // *Управление развитием территории*. – 2014. – № 4. – С. 43.

4. *Битухеева Г.Ф.* Особенности расселения в промышленных районах Кузбасса // Всероссийская научно-практическая конференция. «Проблемы и перспективы развития градостроительства, архитектуры и архитектурного образования в Сибири»: сб. ст. – Новосибирск: НГАХА, 2002.

5. *Битухеева Г.Ф.* Поиск новых форм градостроительных решений в Сибири в 20–30-е гг. XX века» // Всероссийская научно-практическая конференция «Сибирская архитектурно-художественная школа: наука, практика, образование»: сб. ст. – Новосибирск: НГАХА, 2007.

6. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим / колл. авт.; кураторы В. Мельникова, А. Муратов. – М.: Московский урбанистический форум, 2014. – 519 с.

Сергеенко А.М.
a.sergeenko@me.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.55 (571.14)
ББК 85.118

ТВОРЧЕСКИЙ КЛАСТЕР КАК НОВЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В статье рассматривается генезис творческого кластера в мировой практике и в Новосибирске и его роль в реновации бывших промышленных территорий.

Ключевые слова: новый творческий кластер; городская среда; городское развитие; урбанизм; промышленные территории.

В эпоху постиндустриального развития и нового урбанизма, когда происходит переосмысление взаимоотношений города и человека, когда промышленность постепенно освобождает центры современных городов, появляется новая функциональная зона, которая получила название «творческий кластер».

Города сегодня – узлы мировых потоков не только грузов и капитала, но и людей, информации, новых технологий и творческих идей **[1].**

Из многочисленных определений, что такое «creative cluster», можно выделить предложенное экспертом ЮНЕСКО по креативным городам Саймоном Эвансом. Он говорит о кластере как о сообществе творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на некой замкнутой территории. Такие места предназначены не только для работы, но и для жизни, для общения и в итоге – для генерирования общих идей.

Креативные кластеры возникают в основном путем освоения промышленных объектов и территории, которые не функционируют в связи со свертыванием производства в крупных российских городах. Как правило, это концентрация мест для творчества и его презентации (например, студии, художественные мастерские, галереи и т.п.) на одной территории. Активное развитие подобных кластеров наблюдается на всех континентах, создаются креативные платформы как катализаторы экономических и социальных изменений общества. В Кейптауне (ЮАР) создан в 2006 г. «Africa centre»; в Толидо (штат Огайо, США) с 1985 г. существует «Collingwood Arts Centre»; в Берлине (Германия) «Berlinerpool», в Финляндии «Art Centre KulttuuriKauppila»; в г. Токио (Япония) «Youkobo Art Space»; в Австралии «Hill end. Artist in residence» и т.д. В начале 2000-х аналогичные центры стали появляться в России (Москва, Пермь, Санкт-Петербург, Суздаль и др.). В Москве это, например, арт-галереи «Винзавод», «Гараж», центр дизайна «Art-play». Отдельно стоит отметить культурный центр «ZИЛ» – пилотный проект Правительства Москвы, который под руководством Елены Зеленцовой превратился из бывшего дома культуры огромного автозавода в эталонный центр творческого развития. Прототипом его является крупнейший и один из первых в мире культурный центр «Барбикан» (Лондон, Великобритания). На таких площадках могут найти себе применение многочисленные творческие объединения и отдельные художники **[4].**

Творческий кластер – это самый яркий пример перехода от индустриальной эры к интеллектуально-цифровой. Кластер не только дает духовное и экономическое развитие людям, но и помогает зданиям бывшей производственной инфраструктуры обрести новую жизнь, сохранить исторически ценную архитектуру. Далее на этом месте в результате развития творческого кластера возникает процесс взаимодействия творчества и экономики. Появляются новые продукты, новые нестандартные форматы, и это приносит свои экономические выгоды – развивается инфраструктура, растет приток потребителей, туристов, что способствует развитию территории в целом **[2].**

Концепция развития «творческих индустрий» впервые возникла в Великобритании, где с 1998 г. она является одним из приоритетов национальной и муниципальной политики. Официальной точкой отсчета работы по «творческим индустриям» в России стала стартовавшая в 2003 г. совместная программа Совета Европы, Министерства культуры РФ и Института культурной политики «План действий для России». Однако практика творческих объединений «в духе» кластеров, в первую очередь в Москве, наметилась вне и часто ранее государственных программ. Думается, что начиналась она как естественная форма развития жизнедеятельности постиндустриального мегаполиса, но, несомненно, в своем развитии по российским городам и регионам обрела специфические черты [5].

Дмитрий Мильков, президент «Центра развития творческих индустрий» в г. Санкт-Петербурге с 2001 г. занимается изучением и развитием креативных индустрий, и в своей статье о государственной поддержке творческих индустрий пишет: «Мировой опыт демонстрирует значение творческих индустрий для культурного, социального и экономического благополучия территорий, но эффективное и устойчивое развитие сектора обеспечивается целенаправленной и комплексной поддержкой органов власти. Эта поддержка (прямая и через уполномоченные агентства, финансовая и административная, исключительная и в составе частно-государственных партнерств) – залог успеха большинства состоявшихся зарубежных проектов. Именно кластерный (объединяющий компании на основе прямого соседства, территориальной близости или инфраструктурного единства) характер этих проектов в первую очередь работает на результат. Наиболее масштабные международные проекты в сфере культуры направлены на серьезные изменения городской среды, внешний и внутренний маркетинг значительных городских территорий, поддержку всей творческой отрасли, а не отдельных ее представителей. Признание кластерного подхода как основополагающего в политике и практике государственной поддержки творческих индустрий – вот рецепт эффективности этой поддержки» **[3, с. 69].**

Можно утверждать, что за это время сложилась типология творческих кластеров в зависимости от концепции, природы возникновения и преобладающих составляющих элементов этих объединений. Так, творческие кластеры можно разделить:

- на однородные, объединяющие предприятия одного сектора (например, мультимедиа или дизайн);
- многопрофильные, объединяющие предприятия разных секторов (например, дизайнерские и архитектурные бюро, производство кино и видеопродукции, музыку и т.д.).

По природе возникновения кластеры могут быть: частными, возникшими по инициативе индивидуальных предпринимателей и частных организаций, и муниципальными, возникшими по инициативе и при поддержке городских властей. Кластеры варьируются в своих масштабах. Это могут быть крупнейшие районы, такие как «Голливуд» и Стэнфордский исследовательский и промышленный парк вблизи города Пало Альто «Силиконовая долина» **[6].**

Новосибирская область богата творческими профессиями, людьми с высоким творческим потенциалом. Существует серьезная проблема в том, что хотя творческий потенциал высок, эффективной работы с населением в настоящее время не получается, потому что нет платформы, объединяющей профессионалов в сфере креативных индустрий, что тормозит развитие современной городской среды **[4].**

Проекты подобных творческих кластеров разрабатывались в рамках дипломного проектирования на кафедре ДАС НГАХА. В качестве возможной площадки рассматривалась территория Речпорта.

В 2014 г. в Новосибирске появился лофт-проект «Мельница» – многофункциональный центр с уникальной историей для бизнеса премиум сегмента, расположенный на ул. Фабричная. Главный корпус – одно из первых кирпичных зданий Новониколаевска. Здесь располагалась первая мельница с электрическим приводом, построенная в 1910 г. товариществом «Сибирский мукомол». На территории «Мельницы» под одной крышей находятся: креативные офисы, салоны и шоу-румы, бутики, ателье, коворкинг, галерея. Фактически на данный момент это только одно здание. «Мельнице» еще предстоит создать уникальную среду на прилегающей городской территории. А также существует проблема пешеходной связи с центром города.

Еще одним подобным проектом могло бы стать арт-пространство «Трава» – открытое в помещении бывшей шоколадной фабрики по адресу: ул. Фрунзе, 19а. Однако «Трава» занимает еще более скромные площади, нежели «Мельница» (всего часть здания), а остальное пространство отдано разным арендаторам, никак друг с другом не связанным.

Будучи инновационным направлением для России, продвижение творческих индустрий сопряжено с рядом проблем и дефицитов. Не хватает прежде всего:

- понимания значимости творческих индустрий для развития культуры и экономики страны;
- теоретической базы – тема творческих индустрий практически не звучит и не освещается в работах по современной культуре и менеджменту;
- профессионалов-практиков в сфере творческих индустрий (заметим, что многие предприятия, которые успешно работают в России, относятся именно к этой сфере, но менеджеры и владельцы не осознают специфику их работы, их возможную роль и место в развитии экономики) **[2].**

Идея создания общего творческого пространства действительно нужна Новосибирску. Разработка и реализация проекта творческого кластера важна как для имиджа области, так и для города, претендующего на звание столицы Сибири. Создание подобной творческой составляющей благоприятно скажется на городской среде, на развитии и регенерации территорий, находящихся в упадке, будет способствовать росту деловой активности, улучшению инвестиционного климата в регионе.

Библиографический список

1. *Зеленцова Е.В.* Возрождение «города мастеров» // Вестник НГУЭУ. – 2009. – №1 [Электронный ресурс]. – URL: https://nsuem.ru/science/publications/herald/archive/2009_1_116.pdf.

2. *Ляшко А.В.* Творческий кластер в городе-музее: опыт петербургских креативных пространств // Институты памяти в меняющемся мире: сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. (факультет философии СПбГУ, 2012) / под ред. А.А. Никоновой, М.В. Бирюковой. – СПб., 2013.

3. *Мильков Д.В.* Государственная поддержка творческих индустрий в России: опасности и возможности // Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие (сб. информационных и аналитических мат-лов) / под общ. ред. О.Н. Астафьевой. – Ульяновск: ООО «Мастер студия», 2013. – 76 с.

4. *Сапрыкина А.Н.* Кластеры в сфере культуры: необходимость формирования и особенности создания // Вопросы управления. Вып. №2(27). – 2014. – апрель. – URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2014/02/18/.

5. *Шильдт Л.А., Белова И.А.* Развитие творческих кластеров: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Экономика и управление в XXI веке: теория, методология, практика», г. Москва, 30 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nauteh.ru/index.php/conference-cnf-2012-02/94-a.

6. URL: https://readymag.com/hleb/itstimetocreativecluster/5/.

Боровикова Н.В.
borovikova21@mail.ru
Боровикова Н.Н.
nadinbor@mail.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 711.01/09
ББК 85.118

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ КЛАСТЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛЕСОСИБИРСКА)

Аннотация. В исследовании рассматриваются особенности формирования нового общественного центра монопрофильного города в условиях создания кластерного образования на примере города Лесосибирска.

Ключевые слова: монопрофильный город; моногород; кластерная политика; общественный центр; промышленный город; кластерное образование.

Введение. В условиях перехода к шестому технологическому укладу и общей политики реиндустриализации страны вопросы переоборудования производственных территорий, их последующей жизни и жизни промышленных городов, как и прежде, остаются максимально актуальными. Индустриальная база Сибирского федерального округа представлена большим количеством предприятий, которые сориентированы, как правило, на добычу ресурсов и располагаются вблизи месторождений. Третий этап (2016–2020 гг.) Концепции долгосрочного экономического развития РФ и, в частности, сценарий развития Сибири предполагают интенсивное развитие технологических комплексов, ускоренное развитие высокотехнологичных отраслей производства, технологическое перевооружение традиционных отраслей по добыче и переработке сырьевых ресурсов. Безусловно, что трансформация промышленной базы скажется на изменении среды города и повлечет за собой ее неизбежную и необходимую корректировку.

Одним из путей развития монопрофильных городов станет создание кластерного образования на основе существующей производственной базы, что повлечет значительные перемены в градостроительном, архитектурно-планировочном и социально-экономическом аспектах. При этом формирование кластерного образования в проектном отображении будет представлено комплексным проектом освоения территории. Одно из важнейших мест в таком проекте будет занимать новый (или обновленный) общественный центр, сформированный с учетом всех требований, адекватно отвечающих современности.

Монопрофильный город – это город с явно выраженным промышленным профилем определенной направленности. Концепция развития монопрофильных промышленных городов предшествующей формации частично отражена в исследовании «Моногорода. Перезагрузка», проведенного промышленной группой «Базовый Элемент» в 2013 г. Отсутствие государственной поддержки деградирующих моногородов и, как следствие, безработица, обвал коммунальных служб и социальной сферы приведут к лавинообразному нарастанию протестной

активности в городах данного типа, где сегодня проживает около 100 тыс. человек. Стало очевидно, что нужно принимать срочные меры, чтобы предотвратить социальные коллапсы в проблемных городах.

Три типовые модели развития моногородов были сформулированы в ходе исследования:

- «управляемое сжатие» (для городов с закрывающимся градообразующим предприятием и без потенциала развития городской экономики);
- «стабильный моногород» (для поселений со стабильно работаюшим градообразующим предприятием, но без потенциала развития альтернативной экономики);
- «индустриальная диверсификация» (для городов с инвестиционным потенциалом).

Наиболее экономически оправданной типовой моделью является не ликвидация, а «управляемое сжатие» городов, которые имеют подобные проблемы (в ходе исследования установлено, что ликвидация обойдется в пять-шесть раз дороже «управляемого сжатия»).

Кроме того, политика управляемого сжатия позволит вернуть в экономическую деятельность 45–50 тыс. человек, многие из которых являются квалифицированными работниками с хорошими навыками к переобучению. Управляемое сжатие – это контролируемое за счет миграции сокращение численности населения города до оптимального размера с учетом состояния городской экономики при обеспечении социальных гарантий жителям, которые остаются в городе. Эта модель может быть реализована в тех случаях, когда город или поселок в перспективе имеет шанс на ревитализацию (структурную перестройку городской экономики). Управляемое сжатие было успешно реализовано в небольших моногородах Канады и Австралии.

Для формирования моделей развития моногородов была использована следующая методика, состоящая из трех этапов: 1 – типологизация, 2 – формирование сценариев развития, 3 – разработка многофакторных моделей развития моногородов **[1]**.

Министерство экономического развития Российской Федерации разработало проект Концепции кластерной политики России в 2007 г., а концепцию долгосрочного социально-экономического развития – в 2011-м, согласно которой кластер является основной формой инновационного развития наряду с технологической платформой **[2]**.

Кластерная политика – это современный и своевременный подход к развитию сферы услуг и промышленности в условиях глобальной экономики путем специализации отдельных географических мест или целых регионов. В условиях агломеративных процессов и постиндустриального общества формирование кластера позволяет развивать и поддерживать конкурентные преимущества национальной отрасли как в границах государства, так и на международном рынке **[3]**.

Первым этапом для реализации кластерного проекта является проведение предварительного (предпроектного) исследования – выявление предпосылок для формирования и развития кластера, а также определение точек приложения необходимых усилий. Помимо этого, оцениваются перспективы дальнейшего развития. На втором этапе происходит выявление реальных, заинтересованных в процессе интеграции участников и после этого разрабатывается механизм

формирования кластерной структуры. Организационное построение, позволяющее определить масштабы деятельности участников и вероятности изменения таких параметров, складывается на третьем этапе. В свою очередь, мониторинг кластера производится на завершающем четвертом этапе.

Важнейшее значение в развитии наиболее легко трансформируемой под условия шестого технологического уклада лесоперерабатывающей отрасли придается Лесосибирскому комплексу, являющемуся с момента образования города крупнейшим монопрофильным центром переработки древесины в крае, а также значительным транспортно-логистическим комплексом. Выгодное транспортно-географическое положение – главный фактор развития Лесосибирска, позволивший ему «отобрать» многие функции у соседнего города Енисейска. Связь района с краевым центром осуществляется железнодорожным, автомобильным и речным транспортом.

Рис. 1. *Модель Лесосибирского научно-производственного инновационного кластера*

Основные объемы древесного сырья осваиваются здесь тремя комбинатами: ЗАО «Новоенисейский ЛХК», ОАО «Лесосибирский ЛДК №1» и ОАО «Маклаковский ЛДК», но создание лесопромышленного кластера базе существующих предприятий и инфраструктуры – необходимо. Его важнейшими элементами, помимо уже существующих деревообрабатывающих комбинатов, должны стать планируемые к строительству целлюлозно-бумажный комбинат, гидролизный завод и сеть малых лесохимических предприятий. Однако для его наиболее успешной реализации требуется создать современный лесохимический комплекс, включающий несколько отдельных направлений потребления различного сырья.

Вариативность структуры и состава кластерных образований позволяет создать на базе Лесосибирска группу крупных и малых предприятий, структурированных в виде сети, объединенных в единую пространственно-планировочную структуру общей технологической цепью по выпуску продукции

глубоких переделов и сконцентрированных на развитии и поддержании своего интеллектуально-технологического потенциала – Лесосибирский научно-производственный инновационный кластер.

Город имеет вытянутую вдоль Енисея линейную структуру, так как сложился путем объединения ряда поселков. Отдельные жилые массивы, сгруппированные вокруг предприятий, соединяются бетонной автотрассой с регулярным пассажирским сообщением. Чередование промышленных, селитебных и коммунально-складских зон характеризует планировочную ситуацию. Деревообрабатывающие предприятия размещаются вдоль берега Енисея из-за необходимости доставки лесоматериалов по реке. Поэтому промышленными территориями занята почти вся прибрежная зона. Городская среда в части функционального зонирования сформировалась в соответствии с архитектурно-планировочными решениями Генерального плана 1988 г. Проектом генплана предусматривалась активная реконструкция города: сносу подлежало около трети малоэтажного жилищного фонда и появление многоэтажной застройки на этих территориях. Но этого не произошло. Помимо этого, ряд предприятий вкраплены в жилую застройку, а сама территория города состоит из исторически сложившихся образований: п. Черемушки, п. Мирный, п. Маклаково, п. Строитель, п. Ново-Маклаково. Часть объектов городского значения размещаются в бывшем п. Ново-Маклаково, а часть – по ул. Горького в бывшем п. Маклаково. Как такового общегородского центра не имеется. При этом в ситуации достаточно четкого функционального зонирования выделяются три основные промышленные зоны: северная, центральная и южная. В целом город не представляет единого жилого образования и это выливается в один из ведущих недостатков существующей планировочной структуры **[4].**

Генпланом 2008 г. намечена территория в районе между северной и южной промышленными зонами, включающая новый общественный центр, жилые группы и объекты социально-бытового обслуживания. Детального проектного предложения как такового не существует. При этом именно на этой территории площадью около 140 га предполагается размещение общегородской набережной как части общественного городского центра. В настоящее время освоена малая часть данной территории, на которой размещена автобаза, остальная часть пустует.

Вариант проектного решения был предложен в рамках дипломного проектирования специалитета НГАСУ (Сибстрин) и использован в дальнейшем в прикладной части научного исследования для участка площадью 135 га, включающего жилые и рекреационные, спортивные зоны, а также основное кластерное образование – площадку, обеспечивающую полный цикл от обучения и подготовки кадров, наукоемких производств до реализации продукции, на примыкающей территории многофункционального общественно-делового центра предусмотрены выставочные площадки. Обширные озелененные пространства – система парков, скверов и бульваров перемежают застроенные территории.

В основу решения был положен комплексный подход освоения территории с учетом всех основных функциональных компонент. Выраженное чёткое функциональное зонирование от рекреационных и спортивных функций к жилым зонам различной этажности с постепенным ее повышением с севера на юг – к общественно-деловой и производственной застройке. Предложены разные подходы к формированию жилой застройки – с линейным расположением жилых

домов, замкнутыми кварталами, группами жилых домов. Сочетание различных подходов к организации пространства позволяет создать разнообразие выбора для жителей территории и обеспечивает возможности создания комфортного микроклимата. Разработанные варианты жилых домов выдержаны в спокойной цветовой гамме, современном стиле, с умеренной детализацией фасадов. Данные типы домов позволят создать масштабную человеку жилую среду.

Рис. 2. *Общие виды проектного предложения проектируемого участка*

Рис. 3. *Генеральный план проектируемого участка*

Предложенная планировка имеет ясную структуру, увязанную с существующими городскими улицами. Сформирована система главных прямых коммуникационных направлений, а также живописных проездов и пешеходных маршрутов через жилые территории. Проектное решение предполагает организацию набережной, с выходом на нее основных улиц и зон озеленения.

В северной части территории, примыкающей к существующей застройке, предполагается создание парковой зоны с комплексом спортивных площадок и сооружений, соседствующих с храмовым комплексом, который является современным культовым сооружением и новым символом города.

Заключение. Таким образом, в результате комплексного подхода с учетом включения в проект планировки объектов разного функционального назначения, размещенных на одной территории, создается своего рода «город в городе», организованный как «новый многофункциональный общественный центр», объединенный набережной и перемежающимися с жилыми элементами выходами к существующей застройке. При этом существует возможность общественных обсуждений и, как результат, вовлечение населения в процесс изменения города, имеющего хорошие шансы

В предпроектном исследовании рассматривались следующие градостроительные документы: «Проект генерального плана г. Лесосибирска 1988 г.», Красноярскгражданпроект; «Проект генерального плана г. Лесосибирска 1988 г.», Красноярскгражданпроект; «Комплексный проект реконструкции с детальной планировкой центральной части п. Подтесово 1992 г.», Сибгипроречтранс; «Комплексный проект реконструкции с детальной планировкой центральной части п. Стрелка 1991г.», Сибгипроречтранс.

Библиографический список

1. ПГ «Базовый Элемент», «Моногорода. Перезагрузка». – М., 2013.

2. Available: http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog/Моногорода%20Перезагрузка%20(2).pdf.

3. «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года» 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://www-sbras.nsc.ru/win/anons/1689/10/str-razv-sib.pdf.

4. *Кожемяко Н.* Инструменты управления стратегическим развитием лесного сектора в формате государственно-частного партнерства. – М., 2011.

5. *Орлов И.И., Кучеренко Ю.И., Устинова Л.Г.* Пояснительная записка «Генеральный план г. Лесосибирска». – Красноярск, 2008.

6. Лесной и химический комплексы – проблемы и решения. – Красноярск, 2011.

Маслова Е.В.,
Туманик Г.Н.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.55
ББК 85.118

РЕНОВАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАЛИНИНГРАДА

Аннотация. В статье рассматривается историческая застройка центра Калининграда: зоны Замкового пруда, Университетской площади и частично зона Королевской горы, и Лёбенихт. Анализируется состояние в довоенный период, после военный и в настоящее время.

Ключевые слова: реновация городской среды; историческая застройка; береговая линия; пешеходные зоны; экономическая привлекательность.

В последние годы активно обсуждается идея реновации исторического ядра Калининграда: обогащение пространства города и введение большего числа функций в закостенелую центральную часть. Восстановление памятников архитектуры должно привлечь в город больше туристов, создать более привлекательную среду для малого и среднего бизнеса, тем самым обогатить и оживить его. Понятно, что будущее невозможно построить без опоры на прошлое.

Изначально Университетская площадь являлась Королевским садом, позднее в зоне Королевского сада расположились такие значимые здания, как Университет Альбертины и Городской театр. Эти два здания играли большую роль в облике города. Университетская площадь являлась площадью в традиционном европейском смысле: обустроенная территория с единой идеей, мощением, зонами отдыха, фонарями и значимыми для города символическими объектами. В военные года на территории сада перед Университетом располагался бункер Отто Ляша.

Зона Замкового пруда являлась главным прогулочным местом в городе. По периметру озера был организован променад, в цокольных этажах прибрежных зданий располагались рестораны и торговые лавки. К главным объектам данной зоны можно отнести Комплекс зданий городской больницы милосердия, здания гостиницы «Парк-отель», Городского зала, военной комендатуры и Бургкирхи.

В зоне Королевской горы располагалась одна из главных достопримечательностей города – Королевский замок (1255 г.), построенный в эпоху Тевтонского ордена.

Как и во множестве европейских городов, в Калининграде исторически сложилась очень плотная квартальная застройка. При этом он славится своими зелёными насаждениями, славой города-сада.

В период Великой Отечественной Войны центральное ядро города серьезно пострадало от бомбардировок, большая часть города была разрушена.

В советский период застройка и облик Калининграда претерпели значительные изменения. Самое значительное и ныне осуждаемое – уничтожение Королевского замка и в последующем возведение на его месте Дома Советов. Произошли кардинальные градостроительные изменения в сторону укрупнения участков, появилась строчная застройка. Большинство уцелевших памятников архитектуры было сохранено и существует на данный момент. Сохранились:

Университет Альбертины, гостиница «Парк-отель», Городской зал, военная комендатура, комплекс зданий городской больницы милосердия. Так же сохранился бункер Отто Ляша, на данный момент в нём располагается музей – Блиндаж.

После принятия решения об участии Калининграда в проведении Чемпионата Мира по футболу в 2018 г., город привлекает больше инвестиций. Последовала череда международных конкурсов для определения дальнейшего архитектурного и градостроительного развития исторической части города. Данные факторы могут помочь поднять уровень благоустройства города, сделать его важным туристическим центром, привлекательным для бизнеса.

Нынешнюю хаотичную строчную застройку предлагается заменить более характерной для Калининграда квартальной застройкой. Новая квартальная застройка не будет повторять очертания старой. Между важными городскими объектами будут созданы пешеходные связи. На цокольных этажах рекомендуется обустроить торговые зоны. Плотный пешеходный поток между объектами создаст высокий уровень потребительской активности. Зеленые насаждения, которые подчинялись правилам строчной застройки следует сделать более организованными. Следуя европейским традициям рекомендуется делать входы на цокольные этажи вровень с землей. Это сделает среду привлекательной для маломобильных групп населения.

В Калининграде наблюдается большой количество велосипедистов. Создание более комфортной среды для них поможет разгрузить автомагистрали и улучшить экологическую обстановку в городе.

В Зоне Университетской площади следует восстановить здание Городского театра, но наделить его другими функциями, возможно расположить здесь администрацию БФУ им. И.Канта или отдать здания под еще один университетский корпус. В соседствующих с университетом зданиях можно расположить общежития, административные службы или студенческие аппартаменты. По возможности стоит организовать галерейную систему, которую изначально задумывал архитектор Университета Альбертины – Штюллер. Так же целесообразно создать единую пешеходную связь с Нижним прудом и центральной площадью Калининграда – площадью Победы.

Рекомендуется восстановить здание Бургкирхи и сделать его доминантой ансамбля Замкового пруда, ныне известного как Нижний пруд. Так же следует проложил пешеходные связи со стороны больничного корпуса и военной комендатуры. Эти пешеходные направления будут поддерживаться с другой стороны Нижнего пруда. По периметру Нижнего пруда следует восстановить старинные особняки. От них сохранились подвальные помещения и фундаменты. Проложить транзит от площади Василевского к каскаду Нижнего пруда, тем самым оживить ныне не используемую береговую линию со стороны задних фасадов больничного комплекса.

Осуществив эти предложения можно вернуть пруду былое величие и снова сделать его одним из важнейших центров отдыха в черте города.

В целом концепция реновации архитектурной и градостроительной среды лежит в обращении к потенциалу исторической застройки. Калининград потенциально привлекателен для инвестиций и при создании более организованной городской среды можно на порядок повысить градостроительную роль общественных пространств, находящихся в историческом ядре.

Клевакин А.Н.
kan0756@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.01
ББК 85.113

ОБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК МЕСТА СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ г. НОВОСИБИРСКА

Аннотация. Исследование осуществлено в три этапа. Выделены районы в частях города и составлена их экспертная оценка. Проведен опрос посетителей объектов обслуживания. Теоретическая часть исследования опирается на работы по истории городов, теорию урбанизации. Эмпирический этап включал оценку качеств городской среды и пилотный опрос посетителей кафе, объектов быстрого питания.

Ключевые слова: объекты общественного обслуживания; места социальных контактов; кафе; анкетный опрос посетителей.

Активно используемые в 70–80-е гг. прошлого века традиционные объекты культуры г. Новосибирска – театры, концертные залы – в настоящее время утрачивают прежнюю конкурентоспособность. Снизилась популярность универсальных магазинов Новосибирска (ЦУМ, ГУМ). Получает распространение новый тип сооружений – торгово-развлекательный центр. Каждый вновь возникающий в городе подобный объект добавляет новые виды услуг, расширяет ассортимент предоставляемых товаров. Это позволяет сохранять популярность новых центров.

Основная гипотеза исследования состоит в предположении: сетевые торговые центры нарушают естественный процесс складывания социальных контактов в городе, деформируют сложившуюся картину потребления традиционно городских объектов общения, наблюдается падение значимости сложившихся улиц города, активность городской жизнедеятельности перемещается на периферию общегородского центра.

Для обследования объектов социальных контактов были выделены локальные места, точки, встроенные в первые этажи домов кафе, заведения «быстрого питания», крупные торгово-развлекательные центры.

Кафе в европейском городе. Европейский город положил пять краеугольных камней, на которых сложилось публичное пространство и городское сообщество. Среди них – уличная харчевня, трактир, пивная, ресторан, кафе **[1, с. 159]**. В Италии на путях следования паломников – вдоль транспортных дорог и путей – прокормиться можно было в ресторанах, трактирах-траториях, допотеатро, остериях, пиццериях, тавернах, локандах, барах, молочных, кондитерских, кафе, чайных залах, дегустационных погребках, столовых при фабриках, постоялых дворах для шоферов-дальнобойщиков, фриджиториях, ростиччериях, фьяскеттериях, бутебродных, киосках, винотеках. Уличные кафе на протяжении тысячелетий оставались главными местами в старых и новых городах и поселениях **[2, с. 455]**. По выработанной тысячелетиями традиции бары посещаются пять раз в день. Здесь завтракают, перекусывают в середине утра, после обеда, чтобы выпить кофе около шести и за аперитивом и чтобы напиться кофе после ужина **[2, с. 457]**.

Кафе в социалистическом городе. Практика социалистического строительства выработала особую традицию. В советской градостроительной науке получает распространение термин «учреждения обслуживания». Объекты торговли и общественного обслуживания в соответствии с трехступенчатой системой обслуживания должны были размещать в микрорайонах, районах и общегородских центрах. Улица подменяется транспортной магистралью. Понятие «пешеходный путь» существовало лишь на словах – в рассуждениях и схемах проектантов. На практике доминировали транспортные магистрали. За всю советскую историю крупнейший город Новосибирск так и не смог освободить уличное пространство от потока машин, превратив участок центра в пешеходное пространство. Широко употребляемое слово «город» к 80-м годам прошлого столетия утратило традиционный для европейской культуры смысл – место сосредоточения социальных контактов – харчевень, трактиров, пивных, ресторанов, кафе. Эту функцию во многом стала выполнять первичная жилая ячейка, становясь наряду с городом одним из фокусов поляризации структурных единиц города – «квартира играет особую социально-культурную роль, служит местом общения и получения информации через средства связи и массовой коммуникации» **[3, с. 8]**.

В оттепельные 60-е гг. кафе все-таки заявляют о себе. Главным образом в республиканских городах, в Ленинграде и Москве. Здесь собирается молодежь, творческие люди, командировочные. В Москве прославились заведения на улице Горького, Калининском проспекте. В фильмах того времени показана особая атмосфера. Обязательным атрибутом кафе и ресторанов становится музыка.

Для подавляющей части советского общества кафе и рестораны остаются не доступны. Представителям пожилого поколения посещать кафе было не по карману. Женская часть размещалась у входа в подъезд на скамейках, перед домом. Мужское население распределяет себя между игрой в домино во дворе, в свободных от присмотра участкового гаражами и все теми же кухнями хрущевских квартир. В виде исключения о кафе и ресторане советский гражданин вспоминает изредка, по особым случаям – в день проведения торжеств – свадеб, юбилеев, дней рождений.

Части города и объекты обслуживания. В Октябрьской части города опрошены посетители трактира русской кухни «Печки-Лавочки» и покупатели супермаркета «Бахетле».

В левобережной части города анкетирование проведено в японском ресторане.

В центральной части города на вопросы анкеты отвечали посетители одного из самых старых кинотеатров города.

Улица Гурьевская в Октябрьской части. В районе много продуктовых магазинов: «Мария-Ра», «Горожанка», Октябрьский рынок, мелких продуктовых магазинов с отделами «фрукты-овощи», молочными и мясными продуктами. Широкий ассортимент свежих продуктов и домашняя выпечка, кулинарные деликатесы приобретаются в магазине «Бахетле». Размещение этого объекта удобно относительно транспортной магистрали по пути в центр.

Что касается магазинов одежды, бытовой техники, аптек и пр., – все они также расположены неподалеку. На ул. Кирова это Октябрьский универмаг, «Эльдорадо», DNS, здесь же аптеки, отделения нескольких банков. Следует отметить, что желающие иметь выбор товаров (например, одежды) вынуждены

выезжать в другие районы города.

Спортом можно позаниматься на стадионе Сибстрина либо в парке, возле Октябрьской магистрали. В этих двух местах ничего нет кроме дорожек, газонов и деревьев, которых там тоже мало. Но в этом месте можно часто встретить людей, занимающихся спортом, и людей, выгуливающих собак. Собаководы вообще постоянные посетители этого парка, они гуляют там и зимой и летом. Собираются в группы, общаются, а собаки тем временем бегают и играют друг с другом. Это место для пробежек и легкой атлетики, но, к сожалению, для отдыха оно не предназначено. Слишком уж там пусто, нет лавочек и не на что посмотреть.

Мест рекреации на ул. Гурьевской не существует. Пешеходные пути не организованы, в большом количестве мест заложенные в прошлом тротуары подпираются парковками автотранспорта или входными группами встроенных магазинов. Жилые дома не несут в своем облике никакой эстетики. На участке частной застройки встречаются различного рода «дешевые» магазины, при этом отсутствуют заведения, организующие досуг населения.

Среди негативных качеств следует указать на участок частной застройки. Он имеет неприглядный вид, отсутствует освещение улиц в вечернее и ночное время.

В районе ул. Гурьевской Октябрьской части города мало мест для прогулки.

Один из популярных маршрутов в летнее время – это путь от ул. Гурьевской мимо Октябрьского рынка и СибГУТИ к площади перед ГПНТБ, мимо станции метро «Октябрьская» через мост мимо театра «Глобус» к главной площади города.

Эксперты делают заключение – самая скромная архитектура отходит на второй план, если в среде плохое наполнение. Людям может уже не будет интересно смотреть на красивые дома, находясь в некомфортных условиях, заставляя смотреть только под ноги»**.**

Опрос посетителей трактира русской кухни «Печки-Лавочки». Опрошено 4 человека: 3 женщины (25, 30 и 35 лет) и один мужчина (43 года). Выявленные данные свидетельствуют, что два человека бывают здесь часто, еще двое бывали тут несколько раз. Все четверо отметили, что это заведение хорошее, и что их привлекает здесь приятная обстановка и хорошее обслуживание. Двое из опрошенных ответили, что они работают поблизости, другие двое сказали, что они живут недалеко. Стоит отметить, что других подобных учреждений поблизости нет. Все заведения подобного уровня в основном сосредоточены в центре города.

В других районах города люди посещают торгово-развлекательные центры: «Ройял парк», «Аура», «Мега». Также стоит отметить кинотеатр «Победа», все четверо опрошенных бывали там пару раз либо часто посещают его.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о местном характере функционирования объекта. Причины посещения трактира определяются фактором отсутствия выбора других подобных учреждений, близостью мест работы и места проживания.

Опрос посетителей супермаркета. По оценкам экспертов, супермаркет домашней еды «Бахетле» – одно из немногих приятных мест в Октябрьской части Новосибирска. Здесь есть много необычных товаров. Цены высокие. Рядовому покупателю тоже можно сюда ходить, так как цены на товары средней категории практически такие же, как и в других супермаркетах. Предположительно, большой доход этому месту приносит еда, приготовленная по собственным рецептам. Немаловажно, что на выходе из супермаркета расположен цветочный

магазин. Волна цветочного аромата встречает и провожает посетителей.

Среди опрошенных 5 посетителей: 3 женщины (22, 27 и 34 года) и 2 мужчины (30 и 46 лет). Выявлено, что четыре человека ходят сюда постоянно или бывают тут время от времени, и лишь один человек зашел сюда случайно. Заведение отмечено как хорошее. В основном посетителей привлекает здесь широкий ассортимент и наличие особых товаров и услуг – наличие вкусной домашней выпечки и прочих готовых блюд. Один человек отметил, что это место расположено на его привычных транспортных маршрутах, два человека отметили, что они работают неподалеку, один человек сказал, что он живет рядом, и еще один сказал, что тут рядом живут его друзья или родственники.

В других районах города эти люди посещают различные торгово-развлекательные центры: «Аура», «Ройял парк», «Мега». Три человека отметили кинотеатр «Победа». Также были отмечены такие заведения, как: «Печки-Лавочки», «Кофемолка», «Шашлыкоff», «Перчини», кофейня «Traveler’s Coffee», кондитерская «Кузина». Кроме того, один человек отметил кафе «Кардамон». Всего один опрошенный указал, что посещает оперный театр.

Таким образом, результаты опроса супермаркета в Октябрьской части Новосибирска свидетельствуют, что основной причиной посещения является удобное расположение относительно городской магистрали и особый ассортимент предлагаемых услуг. Основной контингент посетителей – сотрудники расположенных по близости офисов. Среди других мест, которые посещают опрошенные, – торгово-развлекательные центры «Аура», «Ройял парк», «Мега», кинотеатр «Победа», трактир «Печки-Лавочки», «Кофемолка», рестораны «Шашлыкоff», «Перчини», Traveler’s Coffee», кондитерская «Кузина», кафе «Кардамон», оперный театр.

Улицы Вертковская-Сибиряков-Гвардейцев Октябрьской части. В микрорайоне по ул. Вертковской, ул. Сибиряков-Гвардейцев мало мест, где можно было бы скоротать свой досуг или провести время с друзьями.

Во дворе дома номер 21 недавно построен спортивный комплекс. Здесь зимой заливается каток, а летом это футбольное поле, также там находятся столы для тенниса. Комплекс работает по расписанию – с 9.00 до 21.00 каждый день. Проходя мимо, всегда слышишь музыку, играет радио и много ребят, которые стоят рядом или играют внутри. Это очень хорошо, потому что детям прививают любовь к спорту и у них есть место, где провести время с друзьями и с пользой.

Парк по ул. Вертковской 5–8 лет назад был простой аллеей со скамейками. Депутаты постарались на славу, почистили и причесали аллею, замостили, осветили, добавили различные развлекательные точки и зоны отдыха. Жители прилегающих домов сразу же облюбовали это место для отдыха. Для привлечения молодежи организовали бесплатный вайфай. Сработало, теперь молодые ребята, вместо того чтобы сидеть в социальных сетях, гуляют в летнее время в парке. Приятно видеть улыбающихся и танцующих пожилых людей – бабушек и дедушек. Есть места для прогулок мам с детьми и колясками. В парке организованно несколько небольших точек с детскими площадками. Еще существуют спортивные зоны с тренажерами и теннисный стол. Вечером аллея очень красивая. Помимо фонарного освещения многие деревья украшены гирляндами. Аллея смотрится уютной и праздничной.

Сквер Сибиряков-Гвардейцев не является местной достопримечательностью, это просто приятное место для прогулок. Парк представляет собой рощицу с

главной аллеей и второстепенными тропками. Отсутствуют какие-то интересные функциональные точки.

Основной ареал концентрации различных мест и заведений находится на площади Маркса. Здесь несколько торговых центров, магазины с продуктами, многочисленные торговые ларьки. Несколько точек обслуживания – рестораны, бары, кафе, места, куда можно позвать друзей и провести вместе время. Кинотеатр в Сан-Сити – Синема парк.

Опрос посетителей японского ресторана. Ресторан «Харакири» в районе ул. Вертковской – место, посещаемое жителями ближайших микрорайонов. Объект посещают, потому что поблизости это единственное такое место. Здесь предпочитают делать заказы и не переплачивать за доставку. Другой вариант – экономят свое время – делают заказ еды домой с доставкой.

Часто посещают, потому что есть свободное время. Один человек из опрошенных был там впервые. 2 из 5 были несколько раз, остальные 2 бывают здесь часто.

Основной контингент – жители ближайших микрорайонов. Место все оценивают как очень хорошее, с приятной обстановкой и хорошим обслуживанием, а также выделяют это место, как место с хорошим ассортиментом и выбором.

В основном этот ресторан посещают молодые люди или же люди от 30–40 лет, которые живут поблизости. Один человек ответил, что здесь живут его друзья и он тут впервые. Один ответил, что работает поблизости.

Из других мест нашего города в основном все выделяют оперный театр; торговые центры «Роял-парк», «Аура», «Мега». Кафе «Кардамон» назвали 3 из 5, филармонию назвали 4 из 5. Кинотеатр «Победа» выделили все опрошенные, а кинотеатр «Маяковский» назвали 2 из 5.

Посетители этого места – люди от 20–40 лет. Двое из опрошенных – мужчины и три женщины. В основном люди с высшим образованием (один из опрошенных с неоконченным высшим)

Эксперт, жительница ул. Вертковской, считает, что респонденты возраста с 25 лет отдают предпочтение данному заведению поблизости от дома, экономят свое время. Опрошенные посещают центр города «по особым случаям». Однако отмечено, что это не значит, что они не знают «различные места» в центре, где можно провести время с друзьями.

Подавляющая часть населения предпочитает торговые и развлекательные по причине их многофункциональности. Распространенное суждение – «Сан-Сити» – хорошее место, чтобы и в кино сходить, и в магазин, и за покупками, и детей сводить можно развлечься и поиграть, также часто там проводятся детские конкурсы и различные бесплатные мероприятия.

Результаты пилотного опроса и мнение эксперта свидетельствуют о нескольких тенденциях – замыкание функционирования учреждения на ближайшее окружение, стремление жить «на бегу» – экономить время, отдавать предпочтение сетевым центрам досуга.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о местном характере функционирования обследуемого ресторана. Основной причиной посещения ресторана жителями прилегающих микрорайонов левобережной части Новосибирска является фактор экономии затрат времени и денег. Пользуются популярностью объекты, расположенные в районе пл. Маркса левобережной части

Новосибирска. Среди других мест выделены объекты центральной части города. В число посещаемых объектов входит кинотеатр «Победа», оперный театр, концертный зал, уличное кафе «Кардамон».

Опрос посетителей кинотеатра «Победа». Посещения объекта связаны с привычкой, по пути в другие учреждения, по причине наличия свободного времени и случайно. Выбор кинотеатра «Победы» в качестве места посещения происходит в условиях, когда поблизости расположено два аналогичных по назначению объекта – кинотеатры «Пионер» и Маяковского.

Двое оценили кинотеатр как очень хороший, двое как хороший и один как рядовой.

Посетители бывают там часто (2 чел.), были несколько раз (2 чел.), а также 1 посетитель был впервые.

Посетителей привлекает: приятная обстановка, хорошее обслуживание (3 чел.).

Все опрошенные посетители проживают в разных районах и частях города – в Заельцовской, Октябрьской частях, Академгородке, Кольцово, на улице Фрунзе.

Среди объектов, посещаемых опрошенными в кинотеатре «Победа», были также названы оперный театр, филармония. Торговый центр «Мега» указал один опрошенный и «Ауру» – три человека. По одному из опрошенных отметили кафе «Кардамон» и кафе «Перчини».

Возрастные категории опрошенных ограничены 31 годом и распределились 19 (два человека), 21, 24, 30.

По уровню образования – трое опрошенных имеют незаконченное высшее, двое – высшее.

Среди опрошенных три женщины и двое мужчин.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют об общегородском характере функционирования кинотеатра «Победа». География мест проживания представлена районами города, в том числе удаленными от центральной части. Среди популярных мест посещения выделены театр, концертный зал, торгово-развлекательные центры, уличное кафе в старой части Новосибирска. Уникальность пространственного окружения, а также репертуар просмотра уникальных фильмов выступают в качестве ключевой причины посещения кинотеатра.

Политика уличных кафе и городской системы обслуживания. Проведенный пилотный опрос охватывал опрос посетителей четырех объектов. Обобщение результатов ответов на вопросы анкеты свидетельствует, что среди популярных мест общения и культурных контактов выделены такие признанные, как театр оперы и балета, концертный зал.

Особая категория учреждений, предназначенных для встреч лицом к лицу (кафе «Кардамон»), оказывается одинаково предпочтительна как для жителей старой центральной части, так и для жителей периферийных районов г. Новосибирска.

Необходима политика кафе как часть городской политики, направленная на создание условий для развития бизнеса уличных заведений в старой части города, вдоль улиц, в первых этажах домов. Это налоговые послабления для периода начального развития, предоставление кредитов, регламентация услуг.

Проведенный пилотный опрос посетителей объектов обслуживания в районах центральной и периферийных частях указывает на существование

преград на пути формирования публичного пространства и формирования городского сообщества г. Новосибирска.

Характер функционирования объектов обслуживания в районе ул. Гурьевской, ул. Кирова свидетельствует об отсутствии выбора в кафе. Существует необходимость в насыщении специализированными учреждениями, могущими становиться местами социальных контактов *в относительно бедной и пока малонасыщенной среде*.

Проводимые мероприятия по благоустройству и размещению объектов в районах типовой массовой застройки (улицы Вертковская, Сибиряков-Гвардейцев левобережной части Новосибирска) не увязываются с общей ситуацией, не включают решения по открытию специальных мест для общения, социальных контактов.

Заключение. Новые объекты – сетевые торгово-развлекательные центры г. Новосибирска – заняли площадки, зарезервированные в 70-е гг. прошлого века для «важных и значимых» доминант планировочной структуры города. Эти «центры» нарушили картину распределения социальных контактов. Крупные магазины не предназначены для отдыха горожан. Уличные кафе остаются местами, где «есть возможность общаться в приятной атмосфере. Приоритетным направлением политики размещения объектов социально-культурного характера является увеличение удельного веса уличных кафе как в центральной, так и в периферийных частях г. Новосибирска.

Исследование выполнено в рамках спецкурса «Предпроектный и проектный анализ в средовом дизайне» на кафедре ДАС, а также по курсам «Мультимедийные и компьютерные технологии» и «Компьютерные технологии проектирования» на кафедре КТП и ОТД Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (НГУАДИ) в 2015 г.

Описание районов города, а также проведение анкетного опроса посетителей расположенных в них объектов обслуживания выполнено студентами 401, 341 групп НГАХА (НГУАДИ) А. Степановой, Р. Зиминым (улица Гурьевская в Октябрьской части), В. Козловой (улицы Вертковская, Сибиряков-Гвардейцев в левобережной части города), Н. Шевченко (кинотеатр «Победа» в центральной части города).

Сравнительная оценка уличных кафе и кафе в торгово-развлекательных центрах дана студенткой 401 группы Е. Геккель.

Библиографический список

1. *Глазычев В.* Глубинная Россия: 2000–2002. – СПб.: Новое изд-во, 2002.

2. *Костюкович Е.* Еда – итальянское счастье. – М.: ОГИ, 2014.

3. *Коган Л.Б.* Социально-культурные механизмы развития жилых комплексов в городской среде // *Оздоровление городской среды при планировке жилых районов.* – М.: Стройиздат, 1977.

Клевакин А.Н.
kan0756@mail.ru
Колотилина Е.А.
kotenok.29@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.01
ББК 85.113

ГОРОДСКОЙ КИНОТЕАТР: ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ВЫБОР ЖИТЕЛЕЙ г. НОВОСИБИРСКА

Аннотация. Исследование выполнено в рамках учебного курса «Предпроектный анализ», читаемого на кафедре дизайна архитектурной среды НГУАДИ. Теоретическая часть исследования опирается на работы по взаимодействию объекта с его пространственным окружением. Для сравнения в реконструируемом участке старого района центральной части и вновь застраиваемого участка на границе с центральной частью города выбраны кинотеатры. Эмпирический этап исследования включает проведение пилотного опроса посетителей, обработку и интерпретацию полученных результатов. Проведена оценка предпочтений жителей.

Ключевые слова: объект и его пространственное окружение; кинотеатры; анкетный опрос посетителей; предпочтения жителей, оценка.

Для сопоставления был выбран один из самых старых кинотеатров («Победа») и новый, входящий в структуру торгово-развлекательного комплекса («Синема Парк»).

Кинотеатр «Победа» расположен в центре города, имеет особую архитектуру, в нем особая атмосфера. В 70-е гг. два его кинозала пользовались широкой популярностью у жителей города. Это было место отечественных и зарубежных кинопремьер. Праздничное настроение фойе кинотеатра создавалось игрой джазового оркестра. Работал буфет и кафетерий. В настоящее время, после реконструкции, количество залов увеличено до семи. Киноконцертный комплекс «Победа» – одно из самых модных мест г. Новосибирска. Помимо кинопремьер и кинопоказов, это место проведения городских форумов, международных акций.

«Синема Парк» находится в составе сетевого торгового центра, расположенного на границе центральной и Калининской частей города. Посещение кинотеатра можно совместить с посещением магазинов, расположенных на этажах торгового центра. Здесь большой выбор фильмов, просмотр которых проходит в десяти кинозалах.

В рейтинге восемнадцати крупнейших кинотеатров г. Новосибирска два выбранных кинотеатра занимают различные положения. Среди зарегистрировавшихся посетителей сайта «Киноафиша» на первом месте находится кинотеатр «Синема Парк», а рейтинг расположенного в самом центре кинотеатра «Победа» определяется пятым местом в таблице **[1].**

В исследовании использована анкета, разработанная в группе социологических проблем ЦНИИП градостроительства под руководством доктора архитектуры Л.Б. Когана **[2]**. Из-за ограничения времени, определяемого регламентом часов спецкурса, принят вариант пилотной формы опроса. В каждом из выбранных кинотеатров опрошено по 10 посетителей.

Таблица 1

Возраст и место проживания посетителей кинотеатра «Победа»

Мужчины (возраст – место проживания):	*Женщины* (возраст – место проживания):
21 – Калининский район	20 – Черепаново, НСО
22 – Калининский район	23 – Октябрьский район
23 – Калининский район	34 – Центральный район
26 – Дзержинский район	43 – Центральный район
56 – НСО	55 – НСО

Было опрошено десять человек, из которых пять мужчин и пять женщин. В основном охотно отвечали молодые люди от 20 до 26. Реже соглашались на интервью люди старшего возраста. Двое человек из десяти проживают поблизости, трое из опрошенных приехали посмотреть фильмы из Новосибирской области. Остальные пятеро приехали из близлежащих районов правобережной части города.

Один из них сравнительно недавно переехал в Новосибирск, посетил кинотеатр всего лишь пару раз и оценил его как «хороший». Этот респондент остался доволен и атмосферой кинотеатра, и обслуживанием, и количеством фильмов в прокате. Двое иногородних (мужчина и женщина) оценили заведение как «хорошее» и «очень хорошее». В этом кинотеатре они не первый раз, и каждый раз возвращаются – полностью довольны количеством фильмов в прокате и атмосферой кинотеатра. Три девушки, проживающие в Калининском районе, оценили кинотеатр как «хороший» и «очень хороший». Они остались также довольны и обслуживанием, и хорошим выбором фильмов. Студенты поддерживают демократичность цен на билеты.

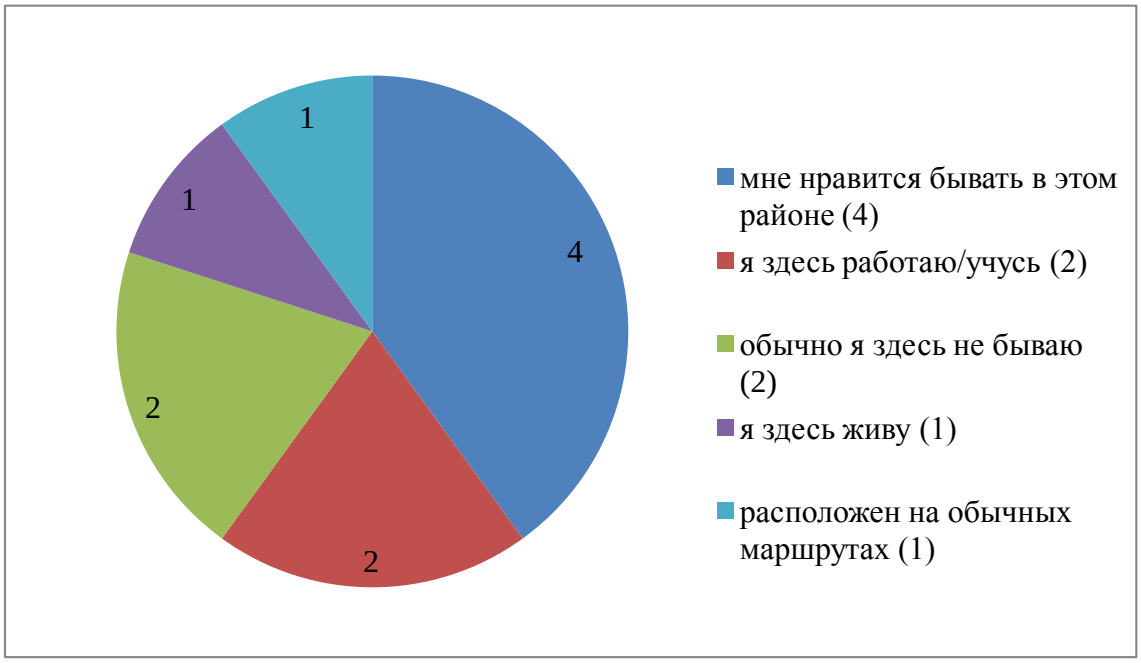


Диаграмма 1. *Связь кинотеатра «Победа» с районом*

Из приведенной диаграммы видно, что особое расположение в структуре города находит отражение в оценках посетителей. Фактор привлекательности пространственного окружения (4%) опережает другие альтернативы ответов, которые распределяются в пределах от 1 до 2%.

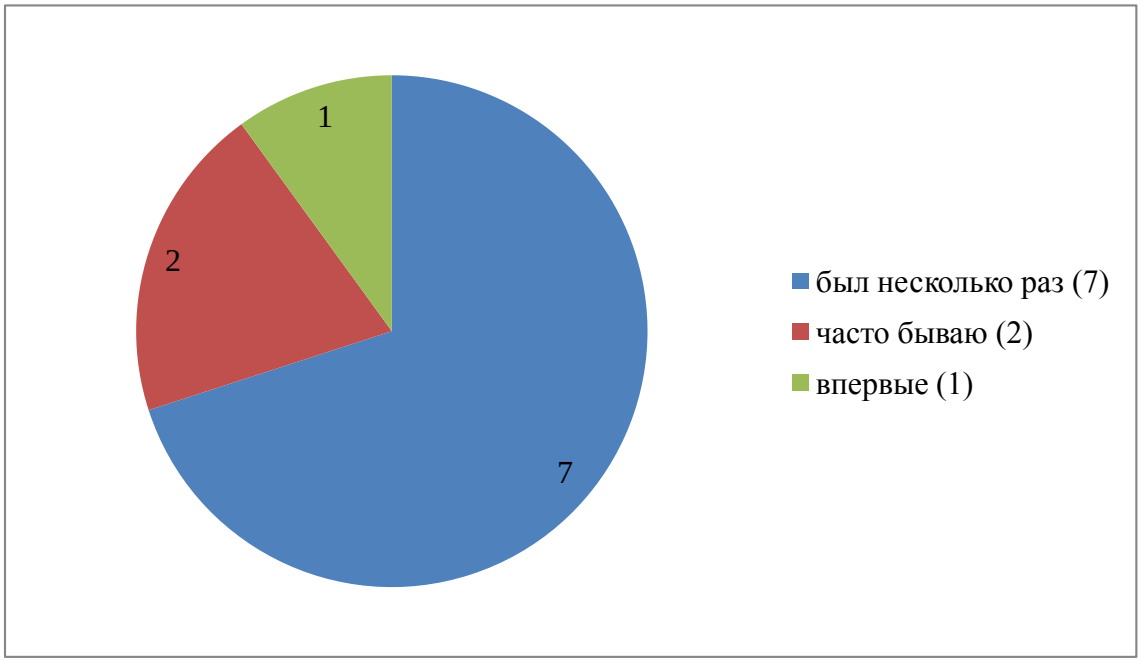


Диаграмма 2. *Раньше вы здесь бывали (кинотеатр «Победа»)*

Диаграмма доказывает, что все, кто был в этом кинотеатре, возвращаются в него. Лишь один человек был впервые и остался полностью доволен услугами.

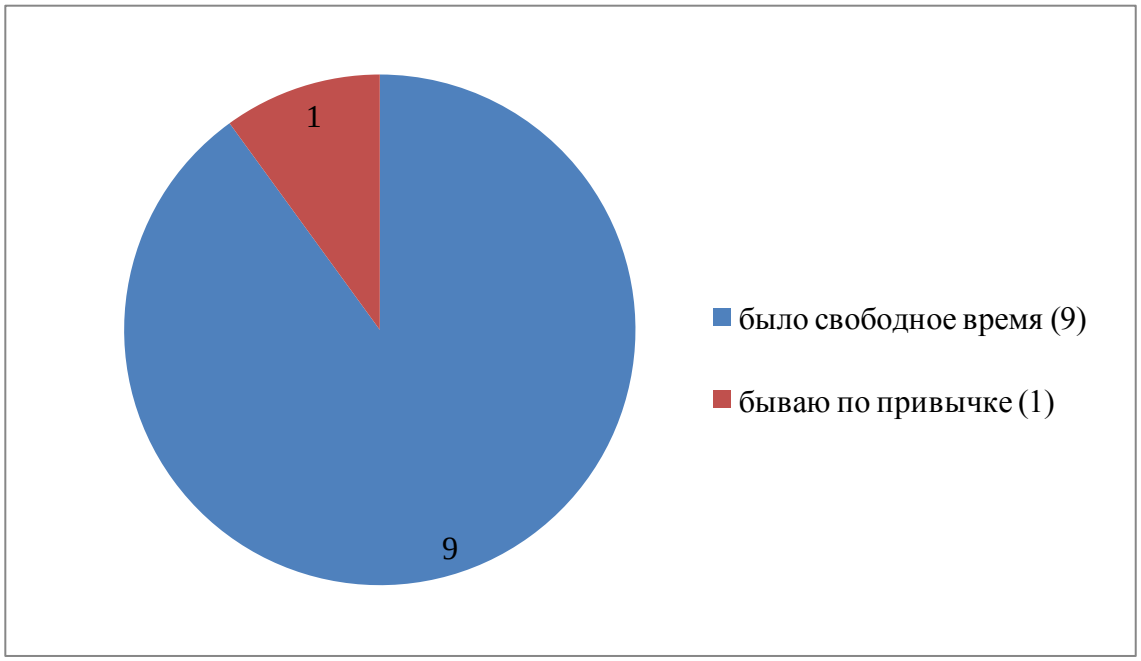


Диаграмма 3. *Причины посещения кинотеатра «Победа»*

Обращает внимание тот факт, что девять опрошенных из десяти указали вариант ответа «пришел сюда, потому, что было свободное время». В ответах на вопрос позиция «пришел сюда, потому, что поблизости нет подобных учреждений» не отмечена ни одним из опрошенных. Это свидетельствует о том, что в районе обследования, кроме кинотеатра «Победа», расположены другие подобные учреждения.

Девять из десяти человек пришли в кинотеатр в свободное время с целью посмотреть хорошее кино и приятно провести время.

Возраст и место проживания посетителей кинотеатра «Синема Парк». Среди опрошенных посетителей кинотеатра «Синема Парк» 6 женщин и 4 мужчин. Преобладает категория молодых людей от 17 до 25 (7 человек), и двое относятся к возрастной группе от 25 до 38 лет. В кинотеатр приезжают из разных районов города. Трое опрошенных приехали из левобережной части, такое же количество из октябрьской части города, трое из соседнего района, один опрошенный проживает в пригороде (г. Бердск). В торговый центр жители приезжают из разных районов города с несколькими целями – посмотреть кино, за покупками и т.д.

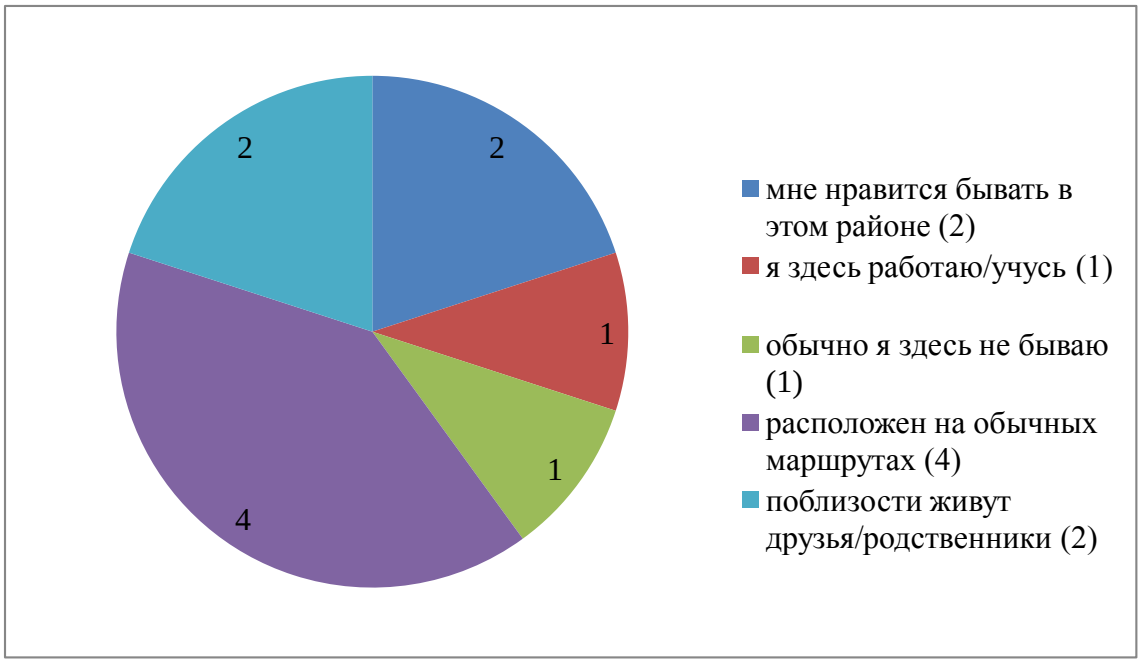


Диаграмма 4. *Связь кинотеатра «Синема Парк» с районом*

Опрос свидетельствует, что посещение «Синема Парка» в первую очередь определяется фактором «расположения на обычных маршрутах» (4%). При этом варианты ответов, свидетельствующие о близости проживания друзей, родственников и ценности района размещения кинотеатра, имеют в два раза меньшие значения (по 2%). Фактор случайности и близости места работы, обучения имеют самое низкое значение (по 1%).

Связь объекта с его пространственным окружением в старом районе города по сравнению с вновь застраиваемым районом оказывается в два раза интенсивнее (4 против 2%).

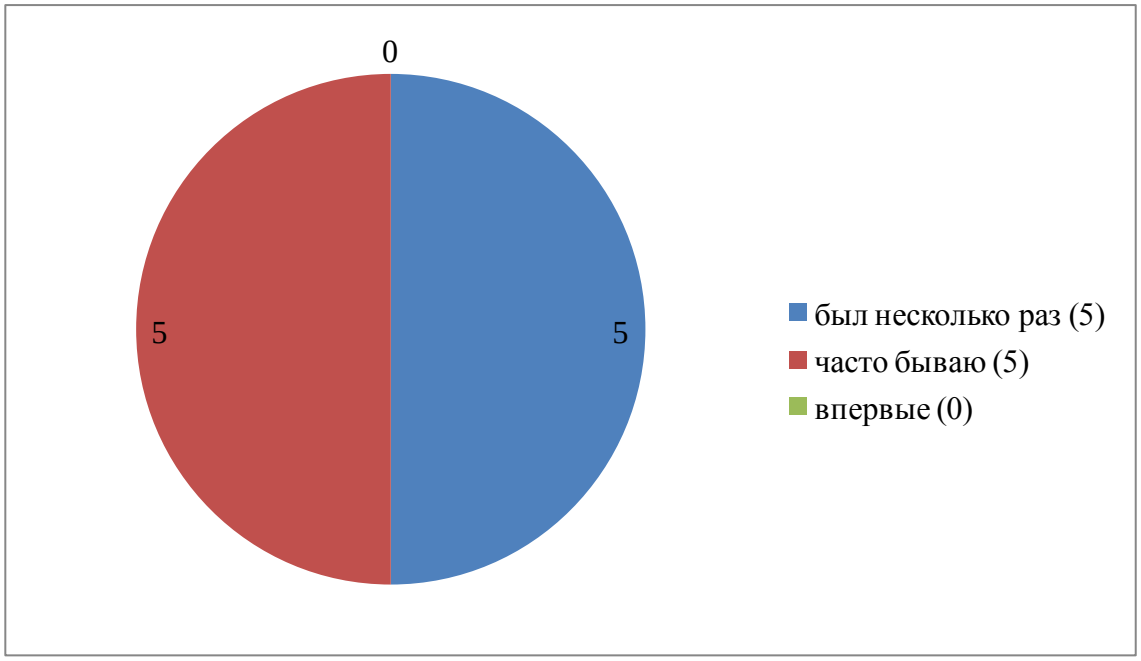


Диаграмма 5. *Раньше вы здесь бывали («Синема Парк»)*

Позиция «впервые» не получила ни одного ответа. Ответы остальных посетителей распределились поровну между ответами «был несколько раз» и «часто бываю». Вероятно, что частота посещения может определяться не только целевым посещением кинотеатра, но и возможностью попутного посещения магазинов торгового центра.

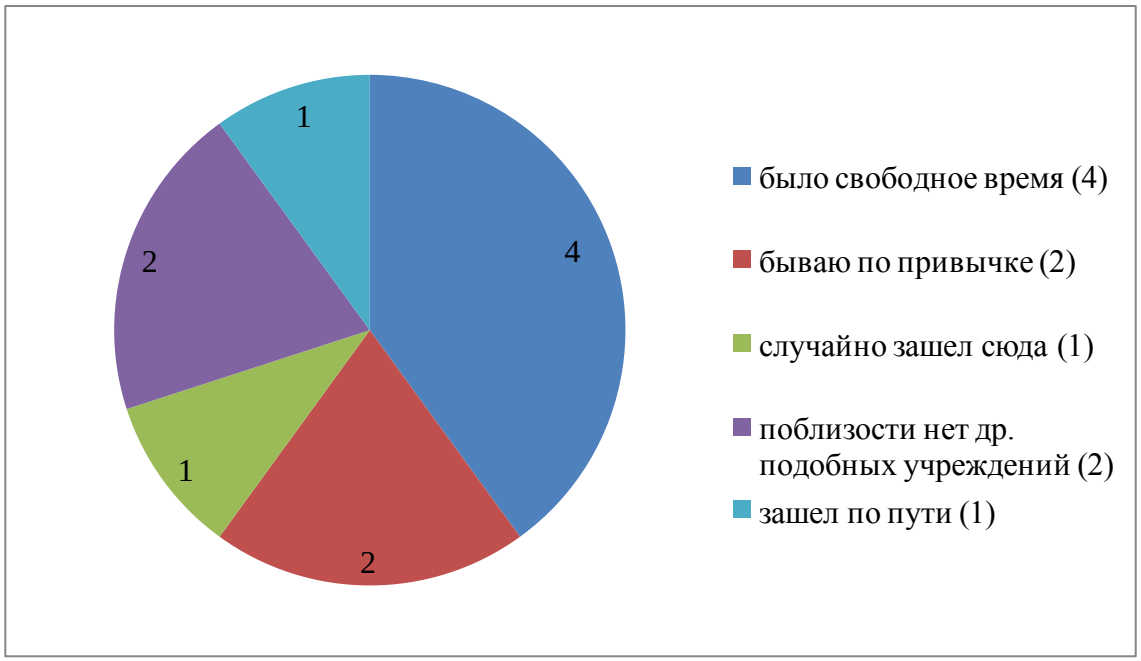


Диаграмма 6. *Причины посещения кинотеатра «Синема Парк»*

Среди причин посещения кинотеатра «Синема Парк» на первом месте находится вариант ответа «было свободное время» (4%). Самая малочисленная доля ответов – свидетельствующая о случайном характере посещения (1%). Промежуточное положение заняли варианты ответов, относящиеся к группе посещений «по привычке» и посещения «по причине отсутствия поблизости других подобных учреждений» (по 2%).

Обращает внимание тот факт, что двое опрошенных из десяти указали на отсутствие поблизости других подобных учреждений.

Заключение. Использование методики социально-градостроительного исследования позволяет выявить проявление фактора «пространственной среды». Сопоставление материалов обработки пилотного опроса указывает на то, как в условиях функционирования учреждений обслуживания современного города происходит взаимодействие «объект-среда».

Находящийся в составе торгового центра кинотеатр «Синема Парк» посещают в большей степени по причинам, связанным с попутным посещением расположенных в торговом центре магазинов, учреждений общественного питания.

Результаты обследования свидетельствуют о том, что четверым опрошенным посетителям «Победы» из десяти нравится бывать в «этом районе города». В то время как только два человека из десяти опрошенных в «Синема Парке» выделило позицию «мне нравится бывать в этом районе города». Фактор привлекательности среды в большей степени проявляется в районе старой части города, чем в районе послевоенной застройки.

По совокупности факторов кинотеатр «Победа» оказывается более привлекательным для горожан, чем современный кинотеатр «Синема Парк».

Кинотеатр «Победа» может быть назван традиционно городским кинотеатром Новосибирска.

Библиографический список

1. URL: http://www.nsk.kinoafisha.info/cinema/rating.

2. *Коган Л.Б.* Социально-культурные функции города и пространственная среда. – М.: Стройиздат, 1982. – 176 с.

Ивкина Е.А.
katy-ivkina@mail.ru
Тихов В.Г.
vladislav-tikhov@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.01
ББК 85.113

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УЛИЦЫ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ «ДУХА ВРЕМЕНИ»

Аннотация. Исследование посвящено формированию архитектурной среды исторической улицы города в контексте «духа времени». Целью статьи является выявление принципов и приемов повышения художественно-образных качеств среды исторической улицы. В заключении делаются выводы о практической значимости выявленных принципов и приемов развития архитектурной среды на примере исторической улицы Красный Путь в городе Омске.

Ключевые слова: архитектурная среда; историческая улица; «дух места».

Введение

Искусство формирования городов – особое искусство и по своей специфике может считаться обособленным от других его видов. Каждый город имеет неповторимый облик, который формируется и развивается в своеобразных природных условиях и в разные исторические времена.

Сегодня никто не станет оспаривать тот факт, что города являются культурной основой современной цивилизации, в них проживает большая часть населения. Именно городская среда, уклад жизни и население определяют вектор развития культуры общества **[3, с. 3]**.

Образ города рассматривается как совокупность двух подсистем: визуально-воспринимаемой, существующей в объективной реальности и складывающейся из особенностей культурно-антропогенной среды и природно-ландшафтных характеристик, и «мифической», бытующей в сознании горожан. С одной стороны, он проявляет себя в объективной реальности как конкретная предметно-пространственная среда, включающая в себя прежде всего архитектурно-планировочную компоненту, посредством которой образуется городской предметный континуум, и природно-ландшафтную составляющую. С другой стороны, образ города выступает как рефлексия личностей и сообществ, населяющих данное пространство. В данном смысле образ города задается совокупностью образов-символов, мифов, отражающих визуально воспринимаемый облик города, отраженный в сознании его жителей **[3, с. 6]**.

В формировании городского пространства особую значимость для города представляют главные улицы. Во-первых, они формировались с целью налаживания как внутрисистемных связей на городской территории, так и направлений, ведущих к близлежащим поселениям. А во-вторых, в основном появлялись с момента зарождения городов и несут в себе исторический контекст.

Основная часть

Город Омск был основан в 1716 г., крепость представляла собой фигуру правильного пятиугольника и своими «лучами» формировала направление будущих главных магистралей, среди которых была улица Красный Путь (бывш. ул. Капцевича). Ее семантика отразилась в трех сменявших друг друга названиях.

На заре формирования города названия улицам стихийно давали сами жители. В начале XIX в. будущий «Красный Путь» называли Загородной улицей, потому что находилась она на окраине и вела к Загородной роще.

Вторым событием в названии улицы в 1822 г. послужило создание на территории Сибири двух самостоятельных генерал-губернаторств: Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского. В конце XIX в. улицам стали давать официальные названия и Загородной выпала честь именоваться улицей генерал-губернатора Западной Сибири Петра Михайловича Капцевича – улица Капцевича.

Окончательным событием в названии улицы послужила революция, сделавшая Омск столицей Белой России. В ноябре 1919 г. командарм Тухачевский с частями 3-й и 5-й армии стремительным ударом прорвал оборону войск Колчака и вошел в Омск. Путь, по которому входили красные части, проходил по загородной дороге, которая заканчивалась улицей Капцевича и по самой улице. Поэтому над новым названием долго не думали, так у улицы появилось новое имя – «Красный Путь».

Постепенно улица Красный Путь из маленькой незначительной улицы превратилась в широкий главный проспект. На сегодняшний день ее протяженность составляет около 5,5 км.

Архитектурное пространство улицы воспринимается в движении. Смена впечатлений, происходящая во время движения – это определенное сценическое действие. Двигаясь в пространстве улицы, человек ориентируется в нем по ряду признаков. Главными признаками ориентации являются логическое соответствие территории своему назначению (главное – второстепенное, парадное – кулуарное) и эмоциональная окраска (солнечное – тенистое, пестрое цветное – нейтральное монохромное и т.д.) **[1, с. 92]**.

Самый крупный пространственный модуль, который в XVII и XVIII вв. устанавливался как стандарт длины главных улиц и парковых проспектов, исчисляется 3 км, что составляет максимальный предел четкой видимости при рассеяном освещении **[1, с. 96]**.

Сегодня не существует общепринятой системы классификации городских пространств. Объясняется это исключительной сложностью самого объекта, который, как и «каждое произведение художественной архитектуры, является единым и цельным организмом, в котором объединены функциональные, технические и формально идеологические моменты» **[2, с. 5]**.

Можно выделить два класса геометрических сочетаний объемно-планировочной структуры городской среды: линейные системы и системы дискретных взаимоувязанных пространств.

Линейные системы объединяют объекты, восприятие которых основанно на последовательном сложении ряда картин, нанизанных на продиктованную геометрией пространства общую ось движения: улицы, пешеходные трассы **[4, с. 168]**. Линейные разновидности, составленные цепочкой локальных ячеек, имеют две особенности: направленность строения, ярко выраженное движение пространства к замыкающим его перспективам и необходимость удержать

внимание зрителя на его конкретных точках или отрезках **[4, с. 182]**.

Дисперсная система – самая сложная форма городских пространств. Одна из главных проблем – необходимость соединения отдельных зрительно изолированных площадок в художественное целое. Объединить единичные фрагменты, подчинив их общей системе, избегая повторов и монотонности.

По характеру архитектурно-пространственной организации улицу Красный Путь можно отнести к дисперсной системе. Перенасыщенная и недоступная одномоментному восприятию визуальная среда улицы часто воспринимается как пустота, тем самым усложняется задача формирования единого и устойчивого «образа места». Как отмечают современные исследователи, большой город разгружает мышление и перегружает зрение **[3, с. 5]**.

Восприятие улицы как целостной пространственной системы связано с движением, развертываемым во времени. Постепенная смена кадров и ориентиров движения определяет плотность информативной нагрузки восприятия **[3, с. 29].**

С методологической точки зрения для формирования единого образно-семантического характера архитектурной среды исторической улицы предлагается использовать теоретическую модель «художественно-дизайнерского каркаса», структурными элементами которого являются: протяженные фрагменты строчной застройки (по четной и нечетной сторонам улицы), «вход» и «выход» улицы, перекрестки прилегающих улиц, отдельные стоящие памятники архитектуры и истории, открытые пространства (курдонеры зданий, скверы и парковые ансамбли).

Архитектурно-пространственная среда исторической улицы должна развиваться по принципу «непрерывности семантического образа» в контексте «духа места». Интервал между разными пространственными впечатлениями, которые возникают во время движения по улице, может варьироваться, но существуют пороги, нарушение которых может породить отрицательные эмоции. Чрезмерное сокращение интервала создает утомительную перенасыщенность и перестает восприниматься структурированность архитектурной среды, в результате чего наступает дезорганизация мысленного образа. Растянутость интервала породит ощущение монотонности. Поэтому целесообразным будет выполнить членение улицы с помощью модуля 200 м, что является оптимальным для зрительного восприятия наблюдателя.

Для создания единого семантического образа архитектурной среды улицы Красный Путь следует разделить ее на пространственные модули, участки, учитывая их архитектурно-планировочную структуру. Важно также учесть семантическое восприятие «начала» улицы «вход-выход» (возможен вариант «вход-вход»).

В качестве основных приемов формирования архитектурно-пространственной среды улицы Красный Путь в рамках реализации принципа «непрерывности семантического образа» следует указать следующие:

– объемные (использование архитектурных и художественно-дизайнерских форм – различного рода членений, устройство дополнительных проемов, пластических деформаций, фактур), малые архитектурные формы (ограды, лестницы, движущие тротуары, подпорные стенки, балюстрады, фонтаны, фонари, скамьи, урны, навесы, беседки и др.), произведения монументально-декоративного искусства (памятники и скульптуры), объемные элементы ландшафтного дизайна;

– плоскостные (функциональные площадки, дороги, проезды и другие планировочные элементы), использование суперграфических средств организации пространства (фасадов, цвето-графического мощения площадей и тротуаров в семантической трактовке), произведения монументально-декоративного искусства (декоративные панно), ландшафтные объекты (газоны, цветники, водоемы и др.);

– интерактивные (средства визуальной коммуникации – рекламы, вывески), витрины, эмблемы, надписи и указатели, устройства светового дизайна (медиа-, аудио- и телевизионные средства с использованием современных коммуникационных технологий, светоформы), средства временного убранства (транспаранты, перетяжки, плакаты, арт-объекты и инсталляции);

В основу материализации «духа места» улицы Красный Путь должна быть положена прорисовка объемно-планировочных и дизайнерских форм и элементов – средств формирования средового объекта или системы **[4, с. 179]**.

Предложенные приемы формирования архитектурной среды исторической улицы позволят создать ее своеобразный семантический образ, раскрыть его образно-символическое содержание и напомнить об истории возникновения и развития.

Заключение

В преддверии 300-летия города Омска реконструкция исторических объектов, улиц, площадей с целью воссоздания истории развития города является весьма актуальной. При помощи выявленных приемов и средств формирования открытых городских пространств можно раскрыть индивидуальность среды, «дух места», «дух времени» исторической улицы Красный Путь в городе Омске, а также сделать ее информативной для потребителя и способной расширить кругозор касательно истории города.

Результаты работы могут лечь в основу дальнейшего исследования на научном уровне с разработкой принципов реновации образов архитектурно-художественного каркаса улицы Красный путь в городе Омске, что послужит опорой для сохранения историко-культурного наследия родного края.

Библиографический список

1. *Анисимова Л.В.* Городской ландшафт. Социально-экологические аспекты проектирования: учеб. пособие. – Вологда: ВоГТУ, 2002. – 192 с.

2. *Голосов П.И.* Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1, 2.– М.: Искусство, 1975.

3. *Горелова Ю.Р.* Архитектурная среда города: образные характеристики, генезис и динамика (на материалах г. Омска): учеб. пособие. – Омск: СибАДИ, 2013. – 330 с.

4. Дизайн архитектурной среды: учебник для вузов / Г.Б. Миневрин [и др.]. – М.: Архитектура-С, 2004. – 504 с.

Шетько М.С.,
Фукс Л.П.
shetcko.mixail@yandex.ru
НГАСУ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ УЛИЦЫ ИНСКОЙ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ЕЕ В ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

Аннотация. Современная застройка поглощает историческую ткань Новосибирска. Одна из первых улиц города Инская сохраняет последнюю возможность воссоздания в городе целостного фрагмента исторической среды. Возможен ли компромисс между требованиями Генплана, диктующего высокоплотное использование данной территории, и возможностью воссоздания в этом месте исторической городской среды? В статье на основе анализа отечественного и зарубежного опыта формируется концепция компромиссного подхода к реконструкции улицы Инской.

Ключевые слова: воссоздание исторической среды; пешеходная улица; преодоление изоляции; компромиссная реконструкция; инвестиционная привлекательность.

История вопроса

Историческая среда формирует облик города. И Рим, чьи корни ушли далеко в античность, и Санкт-Петербург, основанный более трех веков назад известны прежде всего своими памятниками и исторической застройкой. Если большие старые города насыщенны сооружениями, ценными в культурно-историческом смысле, то молодым поселениям труднее сохранить свое лицо, обрести архитектурный облик.

Эта проблема актуальна для Новосибирска. Сохранение его историко-культурной среды является важной градостроительной задачей. Новосибирск не избалован такой архитектурной базой, как Томск, Иркутск. Он младше и развивался отличающимися от своих спутников темпами. Вместо постепенного расширения от острога первых поселенцев, как это было в случае большинства других сибирских городов, Новосибирск начинал формироваться как рабочий поселок мостостроителей. Развитие города как культурного, научного и промышленного центра происходило высокими темпами, и эта стремительность не могла не сказаться на его архитектуре. Она по-своему уникальна. Такие архитекторы, как Андрей Дмитриевич Крячков, Борис Александрович Гордеев, Александр-Исаак Зиновьевич Гринберг внесли большой вклад в придание городу определенной самобытности. Тем не менее сегодня в Новосибирске невозможно найти целостных фрагментов исторической среды. Она представлена лишь несколькими улицами, которые растворяются в современной, подавляющей ее масштаб застройке. В некотором смысле Новосибирск схож с Нью-Йорком. Конечно, это совершенно другой масштаб, но очень похожая проблема, когда город постепенно лишается связи со своими истоками.

Большая часть застройки Новониколаевска первых десятилетий – это в первую очередь деревянное строительство. Большое внимание деревянному зодчеству Новосибирска уделил С.Н. Баландин в своей книге «Новосибирск.

История градостроительства 1893–1945 гг.». Автор видит следующие объективные причины преобладания этого строительного материала на ранних этапах развития города:

– дешевизна материала и его обилие в Сибири;

– хорошая теплостойкость, гигиеничность и простота в обработке;

– возможность строить круглый год;

– короткие сроки возведения зданий.

Несмотря на повсеместность деревянного домостроения, до наших дней дошло не так много памятных сооружений. Во-первых, многие жилые дома в Новониколаевске были низкого качества ввиду необходимости быстрого возведения построек и преобладания среди жителей крестьян и рабочих **[1].** Огромный ущерб деревянному Новониколаевску нанес пожар 1909 г., уничтоживший около 800 домов в историческом ядре города. Разрушение памятников недобросовестными застройщиками было совсем не редкостью и в 90-е гг. 20-го столетия и, к сожалению, случается и сегодня.

В городе прослеживается дефицит собственной истории, архитектурной среды Новониколаевска, нетронутой и целостной, способной продемонстрировать, с чего начинался поселок и как он развивался. В этом аспекте чрезвычайно перспективной представляется одна из его первых улиц – Инская. Она в значительной степени сохранилась в своем первозданном виде и поэтому имеет серьезный общественно-культурный потенциал.

На Инской и в ее окрестностях расположены интересные с точки зрения архитектуры постройки. На сегодняшний день 4 из них внесены в перечень объектов культурного наследия Новосибирска и охраняются как памятники истории и культуры Новосибирской области: контора инженера Г.М. Будагова по ул. Большевистская, 7; жилой дом по ул. Большевистская, 29; здание Закаменского райкома ВКП(б) по ул. Инская, 55; усадьба Тереньтевых по адресу Инская, 65. Также застройка представлена объектами, значимыми в культурно-историческом аспекте, но не являющимися памятниками с юридической точки зрения. Наиболее яркие из них: здание коррекционной школы № 1 (школа водников им. Кирова № 56) по адресу Инская, 61; двухэтажное кирпичное здание, Инская, 7; хлебозавод, Инская, 4.

Инская – одна из первых улиц старого города. Оттолкнувшись от Транссиба, она дублировала Алтайский тракт, в непосредственной близости от нее прошел и Турксиб. История улицы насчитывает несколько характерных этапов:

– с основания до 20-х гг. XX в. Это время массовой застройки улицы, среди рядовой застройки выгодно выделялись дома, принадлежащие купцам и зажиточным гражданам, некоторые из них охраняемы сегодня как памятники. Не вошедшие в реестр охраны здания представляют характерную массовую застройку старого Новониколаевска;

– с 20-х по 50-е гг. XX в. Деревянное домостроение уступает место каменному. Увеличивается этажность, масштаб. В этот период появляется выполненная в духе сталинского классицизма школа водников им. Кирова № 56, в начале улицы развивалась промышленная зона, во многом определившая уклад жизни района, представленная территорией хлебозавода;

– с 50-х по 90-е гг. XX в. Вследствие открытия в 1955 г. Октябрьского (Коммунального) моста через Обь произошло рассечение цепочки кварталов Инской на две части. Это послужило катализатором постепенной деградации

среды улицы и ее обособления от жизни города. Она начала ветшать и превратилась в маргинальную, непопулярную территорию,

– 90-е гг. XX в. и начало XXI в. – начало застройки ветхого деревянного квартала кирпичными зданиями. Появилась гостиница «Набережная», которая своим масштабом подавила малоэтажную улицу и резко выбилась из окружающей среды, не имея при этом архитектурной или исторической ценности. Деревянные здания, представляющие характерную архитектуру Новониколаевска, перешагнув отмеренный им 100-летний рубеж, пришли в упадок или вовсе разрушились (контора инженера Будагова, полукаменное здание на ул. Инской, 22) **[2]**.

Проблематика

Генеральный план развития городской территории до 2030 г. предполагает размещение на территории улицы Инской общественно-деловых пространств **[3]**. Опасность окончательной утраты исторического ансамбля вполне реальна. Простого восстановления и консервации комплекса памятников сегодня недостаточно. Данный участок находится, во-первых, в непосредственной близости к центру, а следовательно, высокая стоимость земли требует достижения высокой плотности застройки. Во-вторых, в стратегически важном для города месте, способном повлиять на решение актуальнейшей проблемы: возвращение в общественное пользование набережной, отрезанной сегодня транспортными магистралями. Предложения по развитию данного участка должны содержать компромисс между сохранением ценной среды и ее коммерциализацией, причем с упором на последнее. Инвестиционная привлекательность территории обусловлена еще и тем, что основным источником финансирования подобных проектов выступают частные инвесторы, которых интересует прежде всего извлечение выгоды.

Территория имеет ряд частных проблем, без устранения которых невозможен переход к осмыслению ее как общественного кластера:

– транспортная изоляция;
– отсутствие коммунальной инфраструктуры;
– деградация 100-летних деревянных зданий;
– низкая плотность застройки (7% территории).

Решение этих частных вопросов позволит интегрировать историческую территорию в жизнь города, популяризировать ее среди жителей и туристов.

Для того чтобы лучше понять возможные пути решения проблем Инской, обратимся к отечественному и зарубежному опыту реконструкции городской среды.

Анализ опыта

Одним из наиболее современных на сегодняшний день примеров работы с исторической средой города является иркутский 130-й квартал или, как его еще называют, «Иркутская слобода».

Проект представляет собой специально создаваемую зону исторической застройки, расположенную на месте первых поселений иркутян. Как и в случае с улицей Инской, здесь фрагментарно сохранилась первоначальная деревянная застройка, которую отреставрировали, сохранив ее оригинальный вид. При этом здания, не имеющие ценности, были демонтированы. Важным аспектом реконструкции исторической среды 130-го квартала явилось внедрение новых

функций. Застройка образца XIX–XX вв. морально устарела и не могла удовлетворять запросам современных горожан. По этой причине в Иркутской слободе за историческими фасадами и улицами были размещены функции и процессы, вполне отвечающие требованиям, предъявляемым к сегодняшним общественно-культурным центрам: гостиница, выставочный зал, кафе, деловой центр, медицинские учреждения, офисы, мастерские, магазины.

Примененный в Иркутской слободе метод оказался прогрессивным и востребованным. Немаловажную роль в этом сыграла его коммерческая направленность. За 2014 г. общая выручка проекта составила около 11 млрд. руб. При этом общие вложения не более 2,5 млрд. руб. и состоят практически на 100% из частных инвестиций. Немаловажно также и то, что 130-й квартал это еще и более 1500 рабочих мест.

В современных реалиях инвестиционный потенциал является одним из важнейших факторов при реконструкции среды. Опытом воссоздания исторического ядра Иркутска уже пользуются при реконструкции культурных сред городов: Улан-Удэ, Самара, Иркутск (новый проект «Иркутские кварталы»).

На сегодняшний день концепция 130-го квартала является одной из наиболее комплексных и дальновидных. Авторам проекта удалось достичь и исторической достоверности построек, и экономической эффективности территории. При этом оба эти направления органично сочетаются. Бутики, пабы и рестораны не мешают культурной жизни, а, напротив, поддерживают ее **[4]**.

Интересным представляется проект реконструкции и модернизации исторического центра города Самары, представленного преимущественно промышленно-складской зоной в границах ул. Комсомольской, ул. Фрунзе и акваториях рек Волги и Самары. Предполагается организация рекреационной зоны с концертно-конгрессным залом и Дворцом бракосочетания, тематического парка, зоны спортивных площадок, школы и гостиничного комплекса. Для создания общественного центра будет проведено обновление кварталов, предполагающее реставрацию памятников и реконструкцию прочих зданий в стилистике «купеческой Самары» с приспособлением первых этажей под различные коммерческие функции, сохраняя в целом жилой характер кварталов и благоустраивая дворовые территории.

Этот проект интересен концепцией преобразования индустриальной среды в удобную и эстетичную пешеходную территорию. В сравнении с предыдущим примером в данном проекте в слишком малой степени уделяется внимание именно памятным зданиям и сооружениям. Упор делается на большие пространственные объемы, в которых «растворяются» исторические постройки. Тем не менее идея реконструкции исторического ядра Самары имеет актуальность применительно к улице Инской, так как предлагает концепцию пешеходной доступности и человеческого масштаба территории **[5]**.

Деловой квартал «Красная Роза 1875», расположенный в Центральном административном округе города Москвы, в районе Хамовники, является прекрасным примером деликатного внедрения совершенно новой функции в историческую среду города. Располагающиеся по красной линии и в ключевых точках ядра ценные постройки (усадьба, типография, фабрика) отреставрированы и восстановлены. При этом в свободном от построек центре квартала появились благоустроенные современные дворы и нейтральные объемы, в которых расположены офисы, рестораны, магазины и организации административного

назначения.

С точки зрения архитектурной выразительности и сохранения исторической среды квартал безупречен. Массивные стеклянные конструкции не диссонируют с памятниками. Они подчеркивают их значимость, растворяясь за историческими кирпичными фасадами и выполняя роль фона. Расположенные на территории элитные заведения лаконично внедрены в характерную для города среду без потери актуальности. При этом не пришлось жертвовать ни функционализмом территории, ни сохранением ее облика **[6].**

Может показаться, что данный пример не подходит в качестве метода реконструкции среды на улице Инской, так как отличается по масштабу. Однако масштаб в данном случае не играет решающей роли: подобная нейтральная организация фоновой застройки не будет подавлять и одно-двухэтажные деревянные дома. Как и в квартале «Красная роза», так и на улице Инской ядро внутриквартальной территории практически не освоено и вполне может быть насыщено учреждениями общественно-деловой функции.

Важным аспектом реконструкции территории улицы Инской является организация комфортного пешеходного движения. Создать место для парковок здесь сравнительно просто – возможно использование подземного пространства с учетом рельефа, устройство наземных мест хранения транспорта ввиду обилия запущенных территорий. Формирование остановочных пунктов общественного транспорта не представляет серьезных трудностей. Ситуация же с пешеходной доступностью улицы – иная. Тот факт, что Инская окружена труднопреодолимыми барьерами (железнодорожными путями, оживленными городскими магистралями – ул. Большевистской, Ипподромской, транспортной развязкой Коммунального моста) является одной из причин ее непривлекательности. На улицу сложно попасть пешком.

Выход из подобной ситуации нашли нидерландские специалисты. В городе Роттердам был построен самобытный, функциональный и утилитарный мост. Вот как комментирует это необычное сооружение сайт Archinectnews: «Расположенный в центральном Роттердаме мост повторно соединяет раньше отделенные области Центрального вокзала, севера Роттердама и области между RotterdamNorth и Binnenrotte. Строительство моста началось в 2012 г. и закончилось в 2014-м. Мост также соединяет серию коммерческих и коммунальных мест, которые помогут подвезти экономический рост Хофплейна: DakAkker – городской сад на крыше, пятно ночной жизни, названное Delftsehof, благоприятный для ребенка Парк Помпенберга и парк HofpleinStationRoof, который в настоящее время обновляется в зеленую зону» **[7].**

Такое решение актуально для улицы Инской. Подобная безбарьерная сеть пешеходных дорог позволит организовать комфортный доступ к исторической среде с набережной и от станций метро («Речной вокзал», «Октябрьская») и удобную циркуляцию между ее элементами, а главное – обеспечить безопасность посетителей улицы, которым не придется пересекаться с оживленной автомобильной дорогой.

Помимо приспособления улицы для пешеходного движения важно найти применение постройкам, имеющим ценность, но морально устаревшим. Если традиционная деревянная застройка Новониколаевска вполне подходит для организации в ней мастерских, музеев, административных помещений, то индустриальные постройки, такие как здание хлебозавода, требуют иного, более

широкого подхода.

В мировой практике распространен метод переоборудования промышленных помещений под различные общественные функции. Первооткрывателем этого архитектурного направления считается американский дизайнер Энди Уорхол.

С некоторого времени течение «лофт» стало популярно и в странах СНГ. В качестве примера стоит привести санкт-петербургский «Лофт Проект Этажи».

Находящийся в центральной части города Смольнинский хлебозавод в 2007 г. был переоборудован под многофункциональный общественный комплекс. «Этажи» разбиты на зоны различного назначения. На территории комплекса находятся: выставочные пространства и художественные галереи, часть площадей сдается в аренду магазинам и кафе, также на территории комплекса расположена гостиница.

В интерьерах «Этажей» сохранены и законсервированы элементы оригинального пространства: окантованные металлом бетонные колонны, оборудование для выпечки хлеба, стоки для муки, котельные трубы, чугунный пол. Дополнительно установлена антикварная и дизайнерская мебель, вмонтированы в пол стеклянные окна, на некоторых этажах пространство делится подиумами. Фасад здания остался практически неизмененным, не считая ремонта и реставрации. Крыша одного из сегментов здания используется как открытое кафе и терраса. Декор представлен характерными для данного направления минималистичными элементами и изображениями, которые делают более привлекательным серый индустриальный облик завода **[8].**

Такой подход к использованию промзон и заброшенных территорий уже давно зарекомендовал себя в мире. Подобные арт-объекты позволяют оживить среду, привлечь продвинутую молодежь и творческих личностей. В разрезе Инской такое преобразование промышленной зоны более чем оправдано. Оно необходимо. Не вызывает сомнения тот факт, что улица готова к подобным трансформациям.

Сохранение исторического ансамбля Инской необходимо, это не только дань прошлому города. Создаваемая на основе улицы общественная среда будет выделяться среди прочих деловых и развлекательных городских центров. Уникальность и историко-культурное осмысление комплекса – это серьезный стимул для инвестиций в проект.

Концепция

На основе предложенных выше методов работы с исторической средой городов коллективом студентов и преподавателей НГАСУ (Сибстрин) была разработана концепция реконструкции улицы Инской. Основная цель проекта – создание современной общественно-культурной среды на основе исторического ансамбля и преодоление пространственной изоляции территории. Для достижения цели в проекте решались следующие задачи:

– транспортная организация участка проектирования;

– функциональное наполнение участка проектирования;

– архитектурно-пространственная организация участка проектирования.

При разработке транспортной организации участка были предложены варианты решения проблем пешеходной доступности улицы, размещения парковочных мест, автомобильного режима улицы. Пробивка автомобильной дороги параллельно Инской с северо-восточной стороны железной дороги

позволила организовать объезд и освободить территорию от машин. Потребность в парковочных местах не вызвала большой проблемы ввиду наличия незастроенных участков и возможности углубления под землю. В концепции предлагается вариант размещения стоянок в западной части улицы, так как это удобный въезд, близость к лофту, место, обособленное от исторического ансамбля Инской.

Целесообразно использовать близость исторического комплекса к крупной транспортной развязке на пересечении улиц Восход и Большевистской. Пешеходная сеть по примеру роттердамского «Luchtsingel» способна организовать удобный, эстетичный, а главное, безопасный способ перемещения через оживленную магистраль. Такое решение позволит минимизировать пересечение людских и автомобильных потоков, а также создать градостроительную «изюминку». Дополнительно предусмотрен подземный переход под оживленной автодорогой, ведущий непосредственно к городской набережной. Вдоль Инской предлагается проложить прогулочный маршрут.

Функциональное наполнение участка осуществляется с помощью нового строительства и перепрофилирования морально устаревших объектов и зон. Территория условно разделилась на две зоны: торгово-развлекательную и общественно-культурную. Развлекательные и торговые функции необходимы для привлечения потока посетителей. Однако их следует обособлять от исторического ансамбля. Для этого в свободной от памятников средней части кварталов улицы Инской выполнена организация протяженных стеклянных галерей общественно-культурного назначения.

Проектируемая прогулочная зона также наполняется общественно-культурным содержанием. Сохранившиеся усадьбы рекомендуется переоборудовать под музеи, пабы, рестораны, элитные бутики.

В начале улицы появились хостел, центр культуры, целевой аудиторией которых является молодежь. Создание лофта в другом конце улицы на базе здания хлебозавода позволило создать прогулочный маршрут параллельно исторической застройке, наполнить территорию посетителями и в конечном итоге встроить ее в жизнь города.

Территория хлебозавода, переоборудованного в лофт, позволяет удобно разместить на ней все необходимые в данном случае функции: питание, выставочные помещения, гостиничный комплекс, залы различного назначения.

Архитектурно-пространственная организация участка акцентирует историческую застройку улицы. Она предполагает достоверную реставрацию памятников, создание удобной прогулочной среды посредством озеленения, внедрения малых архитектурных форм, удобной коммуникации между элементами территории.

Монотонные прозрачные фасады проектируемых галерей не только не подавят, но и напротив, подчеркнут самобытную и разнообразную архитектурную композицию улицы. Минимализм в оформлении промышленного объема лофта в совокупности с современной застройкой в восточном конце улицы позволит зафиксировать исторический ансамбль усадеб и крестьянских построек как по масштабу, так и по стилистической направленности.

Заключение

В результате исследовательской и проектной деятельности удалось сформировать концепцию реконструкции территории улицы Инской. В работе предложены варианты решения таких фундаментальных проблем участка, как:

– уплотнение среды до соответствия требованиям, предъявляемым к городскому центру;

– создание общественно значимого пространства, наполненного передовыми социальными функциями и являющегося логичным развитием городского центра;

– сохранение фрагмента исторической среды Новониколаевска и придание ей инвестиционной привлекательности;

– связь набережной и территории, прилегающей к станции метро «Речной вокзал» с центральной частью города, встраивание их в планировочную структуру центра посредством улицы Инской.

Работа, выполненная студенческим коллективом 611 группы на основе разработанной в рамках проведенного исследования концепции, представляет практическую ценность, может лечь в основу формирования задания на реконструкцию архитектурной среды улицы Инской в городе Новосибирске.

Библиографический список

1. *Баландин С.Н.* Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.

2. URL: http://sib.fm/articles/2013/04/11/ulica-grjoz.

3. Решение Совета депутатов города Новосибирска от 26.12.2007 г. № 824 «О генеральном плане Новосибирска».

4. URL: https://ru.wikipedia.org.

5. URL: http://sv-bob.livejournal.com/.

6. URL: http://www.krasnaya-roza.ru/.

7. URL: http://archinect.com/.

8. URL: http://www.the-village.ru/.

Заитдинова В.М.,
Дудина Т.С.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.523
ББК 85.113

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ КРАСНОГО ПРОСПЕКТА (НОВОСИБИРСК)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования системы общественных пространств в центральной части крупнейшего сибирского города – Новосибирска. Анализируются принципы организации пешеходных связей в структуре города. Проводится анализ сложившейся системы общественных пространств в зоне влияния Красного проспекта и даны рекомендации по их дальнейшему развитию и освоению новых территорий на протяжении всего проспекта (от ул. Большевистской до Северного объезда).

Ключевые слова: общественные пространства города; Красный проспект; Новосибирск.

Введение. Город – единый целостный организм. Наличие прогрессирующей периферии является необходимым условием развития центра города, так как в развитии города важнейшую роль играет связь центра и периферии **[3]**. В исследовании рассматривается Красный проспект, как пространство концентрации городских функций, и одно из агломерационных направлений (северо-восточное, пос. Пашино) **[6]**. Особое место в процессе урбанизации принадлежит городской культуре. Одной из основных частей культурного пространства города являются социально-культурные связи и коммуникации. В городской культуре особую роль играет фактор пространства, характер пространственной среды и ее структура. Основу городских процессов составляет взаимодействие социальных и пространственных факторов. Пешеходные коммуникации и пространства – место важнейших социальных взаимодействий горожан **[2]**.

Общественные пространства занимают важное место в жизни города: эти зоны формируют городскую среду, делают ее привлекательность для жителей. Наличие интенсивно функционирующих общественных пространств увеличивает эффективность городской среды и улучшает качество жизни горожан **[1]** *(рис. 1)*.

Общественные пространства на Красном проспекте (Новосибирск). В проекте планировки центральной части Новосибирска северо-восточное агломерационное направление определяется как резерв развития общегородского центра, здесь намечены основная транспортная магистраль и станции метрополитена **[7]** *(рис. 2)*.

В проекте планировки территории, прилегающей к городскому аэропорту «Северный» в Заельцовском районе есть общественная зона, но она не имеет структуры. Поэтому предлагается более детальная проработка этого общественного пространства **[7]**.

В настоящее время в формирующемся общегородском центре можно выделить три зоны с преобладанием определенных общественных функций:

1) от ул. Советская до ул. Орджоникидзе – административные и уникальные культурно-просветительские функции. Собор Святого Александра Невского, Новосибирский Государственный художественный музей, Новосибирский государственный зал им. Каца, Новосибирская государственная филармония,

Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирский государственный академический театр оперы и балета.

2) от ул. Орджоникидзе до ул. Достоевского – научно-образовательная функция. Здесь представлено значительное число образовательных и научных учреждений различных уровней и профилей: общеобразовательные школы, образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования, а также научно-исследовательские институты.

3) от ул. Достоевского до конца Красного проспекта, где представлены деловая, торгово-развлекательная функции.

Наиболее интенсивно функционирующие общественные пространства в ядре городского центра сосредоточены на площади Свердлова, в Первомайском сквере и в Театральном сквере; длина участка составляет около 3 км **[4]** *(рис. 3)*.

Рис. 1. *Схема общественного пространства – один из практических инструментов, разработанных для проведения оценки качества общественных пространств. Во внутреннем кольце находятся ключевые характеристики. В среднем кольце приведены нематериальные (неосязаемые) качества. Во внешнем кольце – показатели, которые можно измерить количественно. URL: http://urbanica.spb.ru/ (дата обращения: 15.02.2016)*

Предложения по развитию общественных пространств существующей части Красного проспекта (до аэропорта Северный). Предлагается развить сформировавшуюся систему общественных пространств на Красном проспекте в направлении аэропорта «Северный».

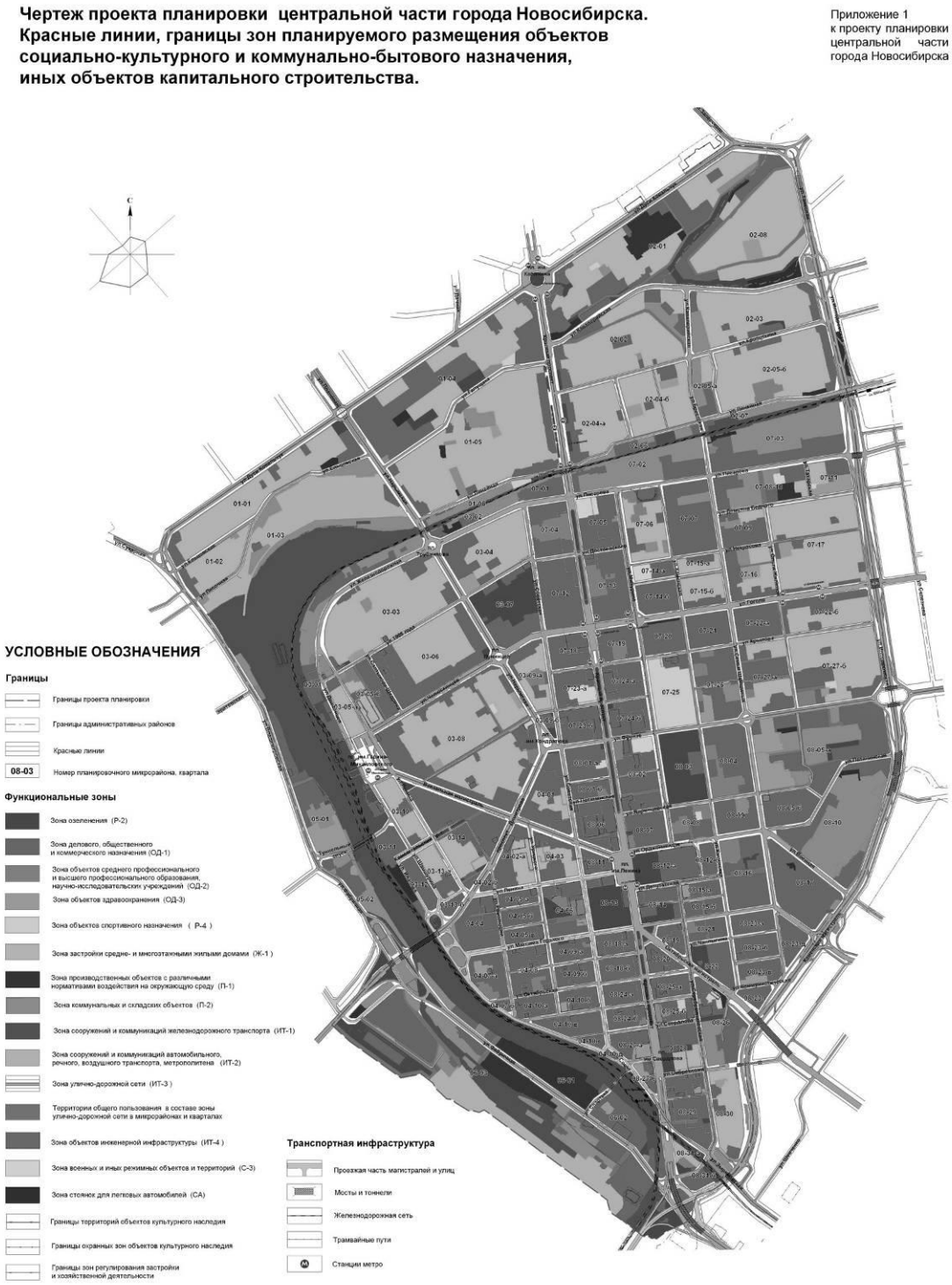


Рис. 2. *Проект планировки центральной части г. Новосибирска URL: http://dsa.novosibirsk.ru/ru/site/1960.html (дата обращения: 25.02.2016)*

Необходимо составление схемы развития сложившихся локальных зон социальной активности, а именно: создание непрерывной системы общественных пространств, путем объединения сложившихся общественных пространств по

Красному проспекту и примыкающих к нему кварталам. Тем самым обеспечивается непрерывность и цельность системы общественных зон жилого района.

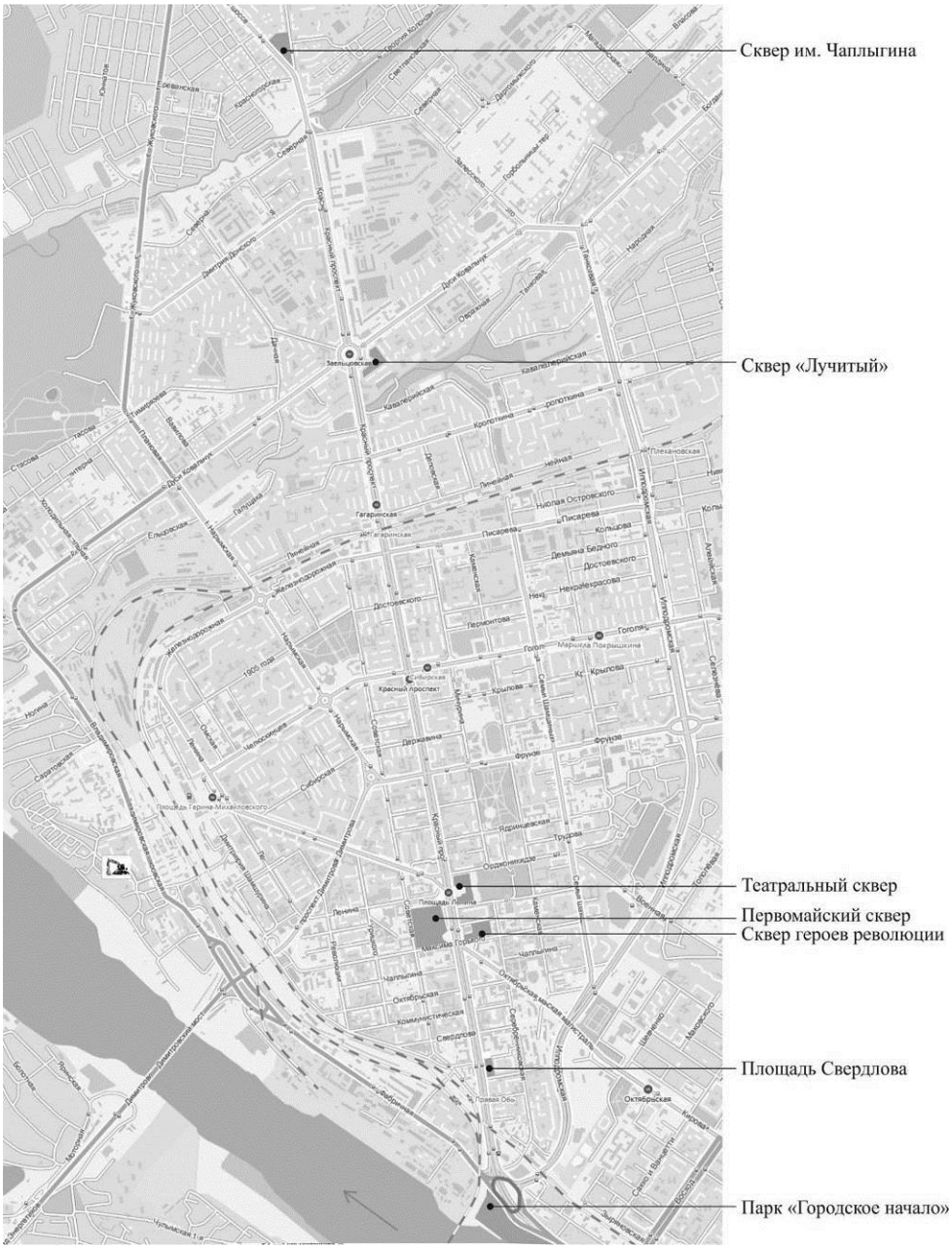


Рис. 3. *Схема существующего озеленения на Красном проспекте. Графические материалы автора.*

Парки общегородского и районного значения, а также примыкающие к главной магистрали малые общественные пространства должны быть объединены в единую систему его структурно-планировочной организации.

На данный момент пространство между улицами и зданиями (малое дворовое пространство) мало используется. Требуется благоустройство, нет взаимодействия между внутриквартальными пространствами и общественными

парками и скверами. Кварталы, примыкающие к Красному проспекту, следует реконструировать с организацией развитых пешеходных зон. Параллельно Красному проспекту будут проходить пешеходные пути, связывающие внутриквартальное пространство в единую систему.

Множество общественных пространств малого масштаба располагается вдоль улиц, внутри кварталов, вдоль продольных и радиальных связей. Предлагается концепция «зеленых скверов», «скверов с твердым покрытием», «детских площадок» и «школьных дворов».

Предлагается включение небольших площадей в структуру кварталов, полос озеленения вдоль одной из сторон квартала, площадей во дворах и зеленых скверов.

В сложившейся части Красного проспекта существует бульвар. Вдоль Красного проспекта предлагается сохранить существующие курдонеры, выходящие на Красный проспект, и организовать новые курдонеры и бульвары вдоль Красного проспекта.

Предложения по развитию общественных пространств в проектируемой части Красного проспекта (от аэропорта «Северный» до Северного объезда). Архитектурная композиция системы общественных пространств должна вытекать из общей композиции города, композиционного решения отдельных функциональных зон, ранжирования архитектурных доминант, их взаимосвязей.

Важнейшими приемами и средствами совершенствования архитектурно-художественного облика городских пространств являются пять составляющих: структурность, соразмерность, гибкость, целостность и разнообразие.

Структурность – это создание своеобразного структурного построения (каркаса): системы доминант, акцентов, открытых пространств, визуальных осей.

Соразмерность – это соотнесенность пропорций и масштаба пространственных элементов с человеком и с основными характеристиками города.

Гибкость композиционных систем – это создание условий, когда на каждом этапе формирования площади города сохраняется определенная завершенность.

Целостность – это обеспечение возможности обобщенно представить композицию пространства.

В больших и крупных городах имеет значение динамичность пространственных композиций, смена видовых кадров. Для восприятия пешеходами следует предусматривать смену видовых кадров через каждые 20 метров при среднем времени восприятия одного кадра 14 секунд **[5]**.

Свободное пространство вокруг компактно-расположенных групп зданий, внутренние дворы, крытые переходы и т.п. – все это создает единую пешеходную зону, благодаря которой обеспечивается взаимосвязь объектов обслуживания с окружающей средой, улучшается зрительная ориентация посетителей.

В проектируемой части Красного проспекта предлагается развить бульвар на протяжении всего Кранного проспекта до Северного объезда. Вдоль Красного проспекта предлагается создать курдонеры и бульвары вдоль фасадов зданий, выходящих на проспект.

Малые общественные пространства высокого качества могут быть интегрированы в существующую структуру города. Зеленые скверы и скверы с твердым покрытием запланированы вдоль границы кварталов и перед кварталами, между зданиями или на свободном углу, сформированном сбивками в сетке улиц.

Необходимо определить тип пространства – с мягким покрытием (зеленый сквер) или с твердым (сквер с твердым покрытием). Второй важный аспект – это характер использования. С точки зрения пространства, стратегия преследует создание четких границ, сформированных объемными элементами (фасад здания, подпорная стенка или ограда, зеленая граница, созданная деревьями или кустарником). С точки зрения функции, малые общественные пространства могут быть запроектированы как парки или сады, спортивные или детские площадки. Территории школ можно относить как к зеленым скверам, так и к скверам с твердым покрытием. Связанность с окружением может варьироваться, так как с одной стороны эти пространства всегда будут граничить с фасадом здания.

Выводы. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. На Красном проспекте можно выделить три зоны с преобладанием: 1) административной и культурно-просветительской функции; 2) научно-образовательной функции; 3) деловой, торгово-развлекательной и жилой функции

2. В сложившейся части Красного проспекта предлагается сохранение существующего бульвара, курдонеров и другого озеленения вдоль Красного проспекта, организация новых курдонеров и бульваров вдоль фасадов зданий. Также предлагается реконструкция кварталов, примыкающих к Красному проспекту, где параллельно главной улице города будут проходить пешеходные связи, которые объединят в единую общественную систему существующее озеленение.

3. В новой части Красного проспекта (от аэропорта Северный до Северного объезда) предлагается «дублирование» функциональных зон с преобладанием административной и культурно-просветительской функции, научно-образовательной функции, деловой, торгово-развлекательной и жилой функции

В зоне с преобладанием культурно-просветительной функции предлагается использовать прием организации бульваров на протяжении всего Красного проспекта до Северного объезда. Также вдоль Красного проспекта предлагаются создание курдонеров, бульваров вдоль фасадов зданий, выходящих на Красный проспект.

Библиография

1. *Гейл Ян.* Город для людей. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – С. 65–98.

2. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. – М.: Европа, 2008. – С. 78–95.

3. *Коган Л.Б.* Социально-культурные функции города и пространственная среда / Л.Б. Коган. – М.: Стройиздат, 1982. – С. 12–34.

4. Красный проспект, 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 15.02.2016).

5. «Особенности композиционно-пространственной организации общественных центров разных типов», 2014 г. – URL: http://studopedia.ru/ https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 07.04.2016).

6. *Правоторова А.А.* Влияние агломерационных социально-культурных связей на развитие структуры крупнейшего города. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – М., 1979. – С. 12.

7. Центральная часть г. Новосибирска, 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://dsa.novosibirsk.ru/ru/site/1960.html (дата обращения: 25.02.2016).

Гамалей А.А.
gamaley10@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия
Сергеенко А.М.
a.sergeenko@me.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.55 (571.14)
ББК 85.118

ЛАНДШАФТНО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза цикличного освоения территорий города на примере участков малых и больших рек города Новосибирска. Выделены и рассмотрены основные исторические этапы этого процесса.

Ключевые слова: городская среда; рекреационные территории; экология; малые реки; городское развитие; урбанизм; водно-зеленый диаметр города.

1. Актуальность. Ландшафтно-рекреационные территории города представлены городским парками, скверами, садами, набережными, аллеями и другими озелененными зонами общего пользования.

Обращаясь к проблеме формирования и развития этих территорий, хотелось бы более подробно остановиться на особенностях развития прибрежных, примыкающих к р. Оби, как наиболее крупной ландшафтно-рекреационной зоне города.

Актуальность обустройства этих мест общего пользования обусловлена тем, что к ним прилегают основные районы застройки, на которых проживают 86% населения города. Данные прибрежные участки являются наиболее привлекательными с точки зрения инвестиционного развития для дальнейшей застройки и реконструкции.

Особенностями использования прибрежных территорий г. Новосибирска являются: преимущественное размещение здесь стихийно сложившихся районов индивидуальной жилой застройки и производственных объектов; отсутствие системы благоустройства (участки обустроенной набережной занимают всего 1,9 кв. км – Октябрьская набережная).

Однако администрацией г. Новосибирска предпринимаются значительные усилия по рекультивации прибрежных территорий малых рек города.

В 2006 г. впервые в России между Федеральным агентством водных ресурсов и муниципальным образованием – мэрией Новосибирска – было подписано соглашение, предусматривающее мероприятия по привлечению населения к решению проблем водных объектов, сохранению и восстановлению их рекреационных способностей. В соответствии с этим документом федеральное ведомство финансирует 70% работ по восстановлению и охране водных объектов, остальные 30% добавляет городской бюджет. Кроме того, в 2007 г. вступил в действие новый Водный кодекс РФ, в котором закреплено право субъектов Федерации на получение субвенций на природоохранные проекты. Результатом сотрудничества стало благоустройство, проведенное на шести малых реках

города. Так, в 2008 г. на реках Камышенка, Нижняя Ельцовка, Каменка, Первая Ельцовка были проведены берегоукрепительные работы **[2]**. Также на реках осуществлялось углубление и, где возможно, спрямление русла рек. В основном такие кардинальные работы проводились в пойменных затопляемых местах для обеспечения максимального пропуска воды в период половодья. Для этого, например, расширено русло реки Камышенки до 10 м. Это гарантирует защиту близлежащих домов от затопления паводковыми и грунтовыми водами. Одним из крупнейших городских водных объектов, на котором осуществлялись берегоукрепительные и очистные мероприятия, стала Нижняя Ельцовка. В 2006–2007 гг. на берегах реки проведена большая работа – восстановлено русло от Оби до Бердского шоссе **[2]**. Берега реки соединили пешеходные мостики, автомобильные переезды. После проведенного благоустройства появилась небольшая набережная, которая используется как зона отдыха.

В 2009 г. на благоустройство реки Тулы было выделено 50 млн. руб. Дно реки было очищено от мусора и иловых отложений, русло расширено для увеличения ее пропускной способности и предотвращения затоплений в период паводка. С этой целью было также выполнено спрямление реки на участке протяженностью 400 м. В Кировском районе Новосибирска вблизи устья Тулы на берегу планируется создание рекреационной зоны.

Новое русло обрела и Плющиха: оно стало глубже и шире, также укреплены берега реки. В июне 2011 г. утвержден проект планировки перспективного микрорайона в Октябрьском районе от ул. Автогенной до р. Плющихи. В окончательном варианте проекта зона общественно-деловой застройки в долине р. Плющихи превращена в рекреационную зону **[2].**

В 2015 г. в конкурсе по реконструкции территории «Соснового бора» победил проект выпускницы НГАХА Д. Друщенко, включающий в себя и благоустройство берегов р. Ельцовки. Летом 2015 г. начался первый этап работ по проекту: укреплена береговая линия и очищено от мусора русло реки. Дорожки, ведущие к реке, укрепили щебнем. В дальнейшем в парке появится терраса, пандусы, тематическая и смотровая площадка.

2. **Проблема.** Таким образом, основными объектами рекультивации, благоустройства и т.д. являются русла и берега малых рек. В то же время развитию прибрежных территорий р. Оби не уделяется должного внимания, очевидно, в силу того, что они представляют собой обширные площади со сложными условиями их освоения. Показателен и такой пример: расстояние между фронтами застройки левого и правого берегов р. Оби в районе Горский жилмассив – ул. Большевистская составляет около 2 км.

В итоге уже долгое время актуальна проблема: отсутствие достаточной организации системы озеленения и благоустройства в пойме р. Оби, отсутствие современных общественных пространств на берегах реки, отвечающих требованиям города-миллионника.

3. Гипотеза. Основываясь на урбанистической модели зонирования «центр-периферия» *(рис. 1)* авторами предлагается гипотеза цикличного освоения территории города, включающая в себя процессы центробежного (экстенсивного) и центростремительного (интенсивного) развития. Данная гипотеза может быть распространена на освоение участков малых и больших рек города.

Что это значит в контексте г. Новосибирска? Мы видим хаотичную на первый взгляд застройку малых рек (Ельцовки, Тулы, Ини и т.д.) и в то же время

недостаточное строительство в пойме р. Оби. Но эти процессы укладываются в цикличную модель освоения городских территорий.

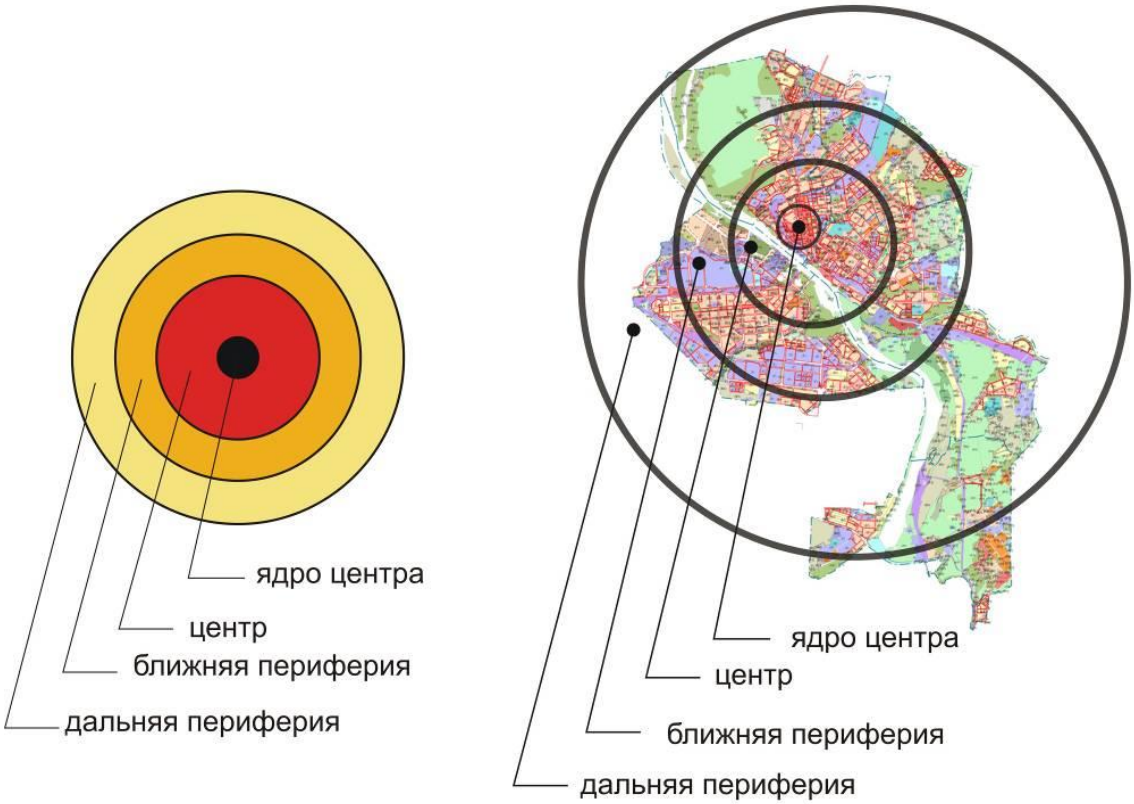


Рис. 1. *Поясная модель зонирования г. Новосибирска*

I - этап формирование структурообоазующего ядра (1900-е гг.-1940-егг.)
II - этап центробежного (экстенсивного) освоения территории (1960-70-е гг.)
III - этап центростремительного (интенсивного) освоения территории (современный этап)

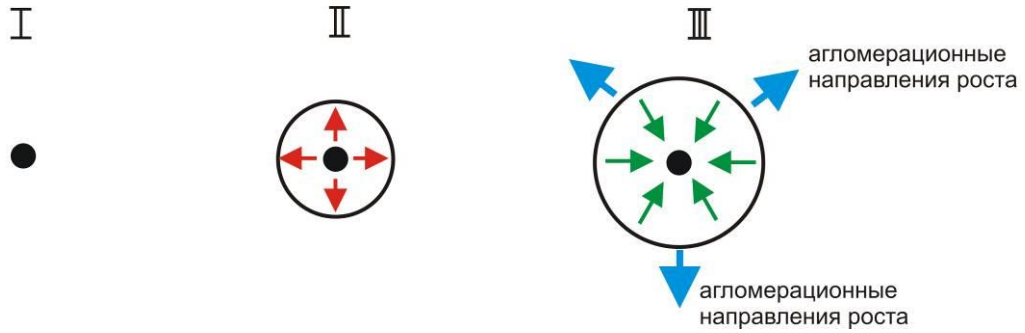


Рис. 2. *Основные этапы цикличного развития г. Новосибирска*

4. Основные исторические этапы *(рис. 2).* На этапе возникновения города Новониколаевска активно застраивались участки, примыкающие к железнодорожному мосту, который можно назвать «ядром» города, как, например, острог, крепость в городах центральной Руси IX–XII вв. или заводы в городах Урала XVII–XVIII вв. И далее происходило хаотичное строительство частных подворий вдоль поймы Каменки и транссибирской железнодорожной магистрали. Свое завершение этот этап получил с размещением эвакуированных промышленных предприятий, заводов из центральной части страны в 40-х гг. XX в.

Второй этап центробежного освоения территории приходится на 60–70- е гг. XX в. В это время наступил бум жилищного строительства на периферийных территориях (жилмассивы Восточный, Снегири, Родники, Троллейный; Ленинский, Затулинский районы). При этом центральные площадки, ранее занятые ветхой застройкой, продолжали ветшать и получили названия «Нахаловка», «Закаменский район» и т.д. До начала XXI в. территория, примыкающая к НГАТОиБ, представляла собой типичный деревенский ландшафт.

В это время и позже – в 90–2000-е гг. малые реки (Ельцовка, Тула) приходят в еще более запущенное состояние – несанкционированная застройка гаражами, свалки и т.д. В 1967 г. начались работы по замытию р. Каменки в коллектор и строительство Каменской магистрали.

Современный этап развития города может быть охарактеризован как центростремительный, хотя в это же время остаются процессы центробежного развития периферийных районов, таких как Первомайский район, микрорайон «Стрижи» и т.д.

Примерами повторного освоения центральных территорий могут быть названы проекты застройки за оперным театром, реконструкция гостиницы «Центральная», проекты точечной застройки бывших Железнодорожного и Центрального районов.

Также на современном этапе мы видим пока единичные примеры выхода застройки к реке и использования прибрежных участков (жилой комплекс «Европейский берег», аквапарк). Этому способствовало и строительство Бугринского моста, давшее толчок для развития прибрежных территорий р. Оби.

Таким образом, на современном этапе мы можем констатировать интенсивную застройку пойм малых рек и начало освоения пойменных территорий р. Оби. Вопрос в том, каковы эти процессы: положительны или отрицательны для развития города, так как эти территории могли бы быть использованы как рекреационные зоны, общественно-пешеходные пространства, экопарки и т.д. Данные вопросы зон – в стратегии развития городского ландшафта. Например: ландшафтно-экологический подход или социально-ориентированный подход. К сожалению, стратегия города не включает в полном объеме в себя проблематику ни той ни другой концепции.

Заключение. Прибрежные зоны и поймы малых рек города являются ресурсом развития социально-экологического и рекреационного каркаса города. В связи с этим необходимо уточнить территориальное зонирование прибрежных территорий исходя из принципа экологического равновесия между искусственным и природным ландшафтом (зелеными и застроенными территориями).

Тематическое зонирование прибрежных зон могло бы способствовать их большей привлекательности и повышению капитализации этих территорий.

Ландшафто-рекреационые территории водно-зеленого диаметра Оби являются потенциальной составляющей архитектурно-художественного образа города *(рис. 3)*.

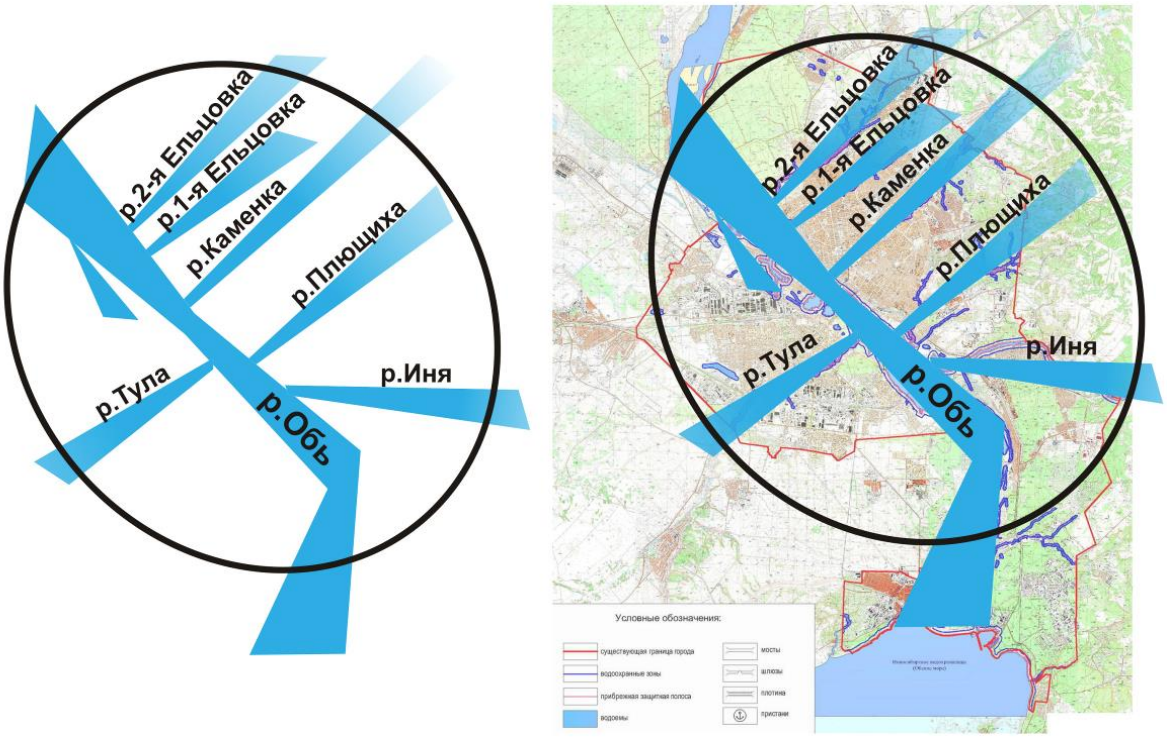


Рис. 3. *Модель водно-зеленого диаметра г. Новосибирска*

Библиографический список

1. *Григорьев В.А.* Модель планировочной структуры крупного города в условиях долинно-речного ландшафта Сибири: Эколого-градостроительный аспект: автореф. дис. … канд. архитектуры. – Новосибирск, 2004.

2. Все о новостройках [Электронный ресурс]. – №8 (87). – август 2011. – URL: http://www.vseon.com/realty/themes/blagoustrojstvo/item/1327.html.

Давыденко С.А.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711
ББК 85.118

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются градостроительные проблемы набережной реки Оби в Новосибирске на современном этапе развития города. Делается вывод, что главные проблемы освоения пойменных территорий остаются нерешенными и в начале XXI в. Стремление привлечь сюда частных инвесторов только усугубит ситуацию и лишит горожан возможности пользоваться этим потенциально великолепным рекреационным пространством, по праву принадлежащим всему городу.

Ключевые слова: градостроительные проблемы; набережные; Новосибирск.

Жители Новосибирска не могут не замечать, как меняется облик нашего города. Особенно в последнее десятилетие. Мы видим появление новых зданий и сооружений, современных архитектурных решений, повышение качества благоустройства городских территорий, снос уродующей облик города ветхой малоэтажной застройки. Освоение внутригородских территорий, ранее по различным причинам не востребованных.

Одни из главных панорам, где мы можем одним взглядом окинуть добрую половину нашего города, открывается с берегов Оби. Горожанам и гостям Новосибирска, переезжающим с одного берега реки на другой по мостам, открываются впечатляющие виды, позволяющие оценить красоту современного Новосибирска и динамику его развития, повышающийся уровень благоустройства.

Вместе с тем, отдавая дань качественным изменениям, нельзя не заметить один из существенных изъянов в облике нашего города – удручающее, крайне запущенное состояние поймы Оби, особенно заметное в периоды межсезонья, когда буйная зелень, или выпавший снег не скрывают под собой неухоженную, дикую растительность, унылые развалины и мусорные кучи.

Парадоксально, но город, амбициозно претендующий на звание столицы Сибири и имеющий в своих границах протяженность береговой линии около 25 километров, практически не имеет обустроенной береговой линии, автомобильных и пешеходных выходов к реке. Великая сибирская река Обь, которой горожане справедливо гордятся, вместо главного градостроительного элемента Новосибирска скорее видится досадным препятствием, разделяющим город на две части.

Пожалуй, каждому жителю нашего города известно, что толчком к появлению Новосибирска стало строительство железнодорожного моста через Обь. Строительство транссибирской железной дороги, наличие мощной водной артерии, огромных неосвоенных территорий и удачное географическое расположение стали главными факторами бурного роста города. При этом, с самых первых десятилетий своего развития будущий Новониколаевск – Новосибирск стал развиваться вглубь прибрежных территорий, удобных для застройки, все дальше отодвигаясь от реки. Конечно, осваивать прибрежные территории более затратно. Из-за риска подтопления эти территории нуждаются в строительстве защитных дамб, поэтому застраивались они преимущественно частными домами часто стихийно и незаконно, или раздавались под садовые

участки, а регулярное их подтопление и сегодня являются причиной головной боли городских властей. Большая часть этой застройки сохранилась до сих пор и сегодня является серьезным препятствием для активного освоения прибрежной зоны из-за необходимости материальной компенсации за снос.

Еще одним препятствием между городом и рекой стала железная дорога. По мере роста Новосибирска становилось ясно, что трассировка железной дороги на правобережье Оби была выбрана не вполне удачно. Дорога, давшая толчок к развитию нашего города, отрезала от правого берега большую часть территории правобережья, включая городской центр, быстро обросла промышленной и частной застройкой, существенно затруднив возможность устройства автомобильных и пешеходных выходов к реке и обустройства набережной. Пока Новосибирск, период бурного роста которого пришелся на советское время, строился, в первую очередь, как поселение для работы, в стране решались грандиозные задачи по подъему промышленности, остро стоял вопрос обеспечения горожан жильем, благоустройство берегов Оби было задачей далеко не первостепенной.

Конечно, городские власти понимали, что благоустраивать прибрежные территории необходимо, и это было частью каждого утверждавшегося генерального плана развития города. Так появилась октябрьская набережная, строительство которой началось еще в пятидесятые годы двадцатого века, в период экономического подъема страны. Но протяженность ее недопустимо мала для такого крупного мегаполиса и расположена она не в самом доступном для горожан месте. По окончании строительства октябрьской набережной, вопрос обустройства прибрежных территорий был и вовсе отложен на долгие годы. Попытка застроить берег Оби в Железнодорожном районе была предпринята в 1978 г., когда институтом Новосибгражданпроект был разработан план детальной планировки жилого района «Прибрежный», предусматривавший снос знаменитой «нахаловки», укрепление берега и устройство набережной, но проект оказался непосильным даже для советской власти. Проблема связи центр города – набережная не решена до сих пор. Чтобы прогуляться по благоустроенной набережной, жителям даже центральной части города сначала надо предпринять длительный пеший переход, что не всякому по силам, либо автомобильное путешествие на общественном или личном транспорте. Во всех генеральных планах города, начиная с 1928 г., предполагалось развитие центра города в сторону Октябрьского района, при этом предусматривались связи этого центра с набережной, в том числе широкий бульвар, который должен был соединить улицу Кирова с набережной Оби. Сегодня становится очевидным, что и этот замысел не будет воплощен, территории, резервированные для этих целей, активно и стихийно застраиваются. Выход города к Оби с созданием благоустроенных набережных пока остается нереализованной градостроительной задачей. Интерес к обустройству берегов Оби у городских властей несколько обострился после трагических событий на Дальнем востоке в 2013 году и на Алтае в 2014 г., когда после разрушительных наводнений, принесших огромный материальный ущерб и человеческие жертвы, стал срочно разрабатываться проект укрепления берегов в зонах подтопления и строительства новых набережных. Но этот проект – инженерный, проекта архитектурно – дизайнерского не существует и в ближайшей перспективе не предвидится.

Революционные изменения в общественной жизни страны, произошедшие за два с половиной последних десятилетия, наложили свой отпечаток на облик нашего города. На обломках рухнувшей советской системы градорегулирования появилось новое градостроительное законодательство, во многом пока несовершенное, а на смену государству – главному инвестору, пришел частный строительный бизнес, не только местный, но и зачастую иногородний. Бизнесу требуются свободные площадки для строительства коммерческого жилья, офисных и торговых центров, и его интересы часто не совпадают с пожеланиями жителей города. В условиях нехватки финансовых ресурсов для реализации градостроительных решений функции городских властей фактически свелись к раздаче земельных участков в черте города под новое строительство, часто вопреки собственному утвержденному генеральному плану.

Но и этот период сейчас заканчивается, мы видим, что удобных для строительства свободных площадок в городе практически не осталось, поэтому вполне ожидаемо взгляды строительных организаций все чаще обращаются на невостребованные ранее рекреационные зоны: поймы малых рек и прибрежные территории Оби. Привлекательность этих территорий, имеющих огромную градостроительную ценность, со временем будет только расти. Этот возрастающий интерес вызывает обоснованную тревогу городской общественности, так как на памяти горожан слишком много воспоминаний о конфликтах со строительными организациями, постоянно пытающимися правдами и неправдами отвоевать часть той или иной озелененной территории под застройку.

Здравый смысл и опыт других городов России и зарубежья говорит о том, что концепция освоения поймы Оби с долинами впадающих в нее малых рек должна заключаться, прежде всего, в сохранении их природных качеств. В благоустройстве берегов для последующего использования в рекреационных целях и крайне осторожном отношении к их урбанизации, причем рекреационно-ландшафтная составляющая явно должна доминировать. Роль поймы Оби чрезвычайно важна, как градостроительной составляющей, так и экологической, а возможные ошибки в ее освоении приведут к непоправимым последствиям для «речного фасада» и города в целом.

В соответствии с действующим генеральным планом города Новосибирска, утвержденного решением Совета депутатов города Новосибирска в 2007 году, выполнены проекты планировки прибрежных территорий. Но в проектах планировки не решаются композиционно – пространственные задачи и архитектурно – дизайнерские задачи. Утвержденной концепции прибрежных территорий в составе единой развитой архитектурно – пространственной системы не существует. Этот факт вызывает у общественности опасения, что сложившийся в последнее время в отношениях городской власти и инвесторов-застройщиков алгоритм, исключающий предварительное широкое обсуждение проектных решений, проведение конкурсов, и фактически сводящийся к раздаче участков, переносится сегодня и на эти важнейшие для города территории. При этом никто не знает, что же получится в итоге. Нарушается важнейший принцип: от общего к частному. В условиях несовершенного законодательства в области градорегулирования и отсутствия юридически обязывающей документации инвесторы, получившие земельный участок, не обязаны согласовывать свои решения с городскими властями, это в полной мере относится и к прибрежной

зоне Оби. Передавая застройщику участок, власть автоматически лишается хоть каких – то рычагов влияния на принимаемые архитектурные решения. Примером такого «точечного» подхода сегодня являются микрорайон «Европейский берег» (по ул. Большевистской), «Ясный берег» (район «Лесоперевалка»), аквапарк у Димитровского моста в Ленинском районе, и др. Все эти проекты разрабатывались силами инвесторов, и к решениям которых ни городская администрация, ни архитекторы Новосибирска не имеют никакого отношения. Да, в качестве бонуса город получит благоустроенные набережные, на устройство которых своих средств не хватает, но не получится ли так, что в целом выглядеть эти набережные будут, как лоскутное одеяло, да и прогуляться по ним горожанам будет проблематично, учитывая сложившуюся в Новосибирске практику огораживания новых комплексов. Наверное, нет причин сомневаться в профессионализме авторов этих проектов, но не приведет ли такая политика к тому, что в отсутствии единой концепции новые архитектурные объекты не сложатся в цельный ансамбль, без единого композиционного решения, и горожане, в конечном итоге, получат всего лишь цепочку прибрежных анклавов.

Обеспечение выхода города к реке. Раскрытие городской структуры на долину реки Оби, с благоустройством набережных в границах от плотины ГЭС до Заельцовского бора на правом берегу, и до Криводановского бора на левом. Вынос из прибрежной зоны речного порта и промпредприятий, со сносом ветхого жилья. Это задача грандиозная, и в современных экономических условиях для города кажется совершенно непосильной. Решение ее займет, может быть, не один десяток лет, но это единственный правильный путь, соответствующий масштабам Новосибирска и его статуса и хочется надеяться, что когда-нибудь у жителей города будет возможность гордиться уютными набережными и великолепными панорамами города, открывающимися с берегов Оби.

Библиографический список

1. *Пивкин В.М., Чиндяева Л.Н.* Экологическая инфраструктура современного города. – Новосибирск: Сибпринт, 2002.

2. *Туманик Г.Н.* Реконструкция исторической зоны центра Новосибирска: проблемы и решения // *NEO. Архитектура. Дизайн. Строительство.* 1997.

3. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства. 1893-1945гг. – Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1978.

4. *Колпакова М.Р., Туманик Г.Н.* Новосибирск: город в 2000 году. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989.

5. *Ерохин Г.П.* Эволюция пространственной структуры г. Новосибирска, 1893-2007 гг. – Новосибирск: НГАХА, 2008.

6. *Романовский В.Г.* Оздоровление городской среды. (Актуальные аспекты развития сибирских городов). – Новосибирск: Сибирская ярмарка, 2008.

7. *Туманик Г.Н.* Новосибирск. Неиспользованные возможности градостроительного формирования. Новосибирск: НГАХА, 2014.

8. Официальный сайт мэрии города Новосибирска.

Ворошилов С.А.
Voroshilov.savva@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711
ББК 85.118

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ УСЛОВИЙ НА ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕКИ ОБИ В НОВОСИБИРСКЕ

Аннотация. В статье рассматривается влияние мероприятий по инженерной подготовке на проект реконструкции прибрежных территорий реки Оби в Новосибирске. Анализируется специфика природно-ландшафтных условий этих территорий. Выявляются наиболее оптимальные с планировочной и экономической точки зрения методы инженерной подготовки и их влияние на возможные архитектурно-планировочные решения проекта реконструкции.

Ключевые слова: проект планировки; прибрежные территории; трансформация и реконструкция застройки.

Введение. В соответствии с Генеральным планом г. Новосибирска (СИАСК, 2007 г.) и выполненным в его развитие Проектом планировки прибрежных территорий реки Оби в Первомайском и Советском районах предусмотрена постепенная трансформация расположенных здесь садовых обществ в жилые районы. В соответствии с этим, должны быть разработаны инженерные мероприятия по освоению пойменных территорий, формированию транспортной системы и структуры объектов культурно-бытового обслуживания. Специфика этих мероприятий окажет влияние на характер реконструктивных решений.

Цель: анализ градостроительных проблем реконструкции прибрежных территории реки Оби в Первомайском и Советском районах г. Новосибирска.

Задачи:

1. Анализ природно-ландшафтной специфики прибрежной территории и ее гидрологических условий
2. Выявление оптимальных методов защита территории от затопления и подтопления
3. Влияние метода гидрологической защиты территории на характер реконструкции и архитектурно-планировочных решений.

1. Анализ природно-ландшафтной специфики прибрежной территории и ее гидрологических условий. Анализ территории показывает, что почти вся она находится выше уровня высоких вод сезонных паводков р. Обь, но, несмотря на это частично подвергается подтоплению *(табл. 1)*. Это касается участков садовых некоммерческих товариществ, которые проектом реконструкции предусмотрено развить в качестве малоэтажной застройки для полноценного круглогодичного проживания *(рис. 1)*.

Как отмечено в документе, «в целом многолетние наблюдения гидрологической обстановки, вызванной повышенными сбросами воды из Новосибирского водохранилища, позволяют сделать вывод, что подтопление пойменной части реки Обь в черте города Новосибирска начинается при уровнях воды выше 350 см» **[1]**.

Таблица 1

Уровень участков садовых некоммерческих товариществ над нулевой отметкой водомерного поста, в см **[2]**

Уровень, см. над нулем водомерного поста.		350-370	380	390	400	415	430	450	470
город/район	садоводческое общество	Количество участков (шт.)							
г. Новосибирск, Первомайский район	«Геолог»	13	22	22	72	72	120	302	362
	«Строймашевец»	0	24	24	65	65	105	198	210
	«Геофизик»	0	0	3	7	60	114	120	120
	«Молодость»	0	0	0	11	11	24	49	80
г.Новосибирск, Советский район	«Волна»	0	0	0	0	10	60	250	250
	«Дорожник»	0	0	0	3	3	4	70	70
	«Путеец»	0	0	0	0	0	45	93	93
	«Театральный»	0	0	0	0	0	3	5	6
	«Здоровье»	0	0	0	0	0	22	320	320
	«Отдых-2»	0	0	0	0	0	0	10	20
Новосибирский район, Мочищенское МО	«Ивушка»	0	0	0	0	0	60	110	110
	«Ивушка-2»	0	0	0	0	0	30	205	205
	«Волна»	0	0	0	0	0	10	20	20
	«Обь-М»	0	0	0	0	0	5	15	15
	«Луч-2»	0	0	0	0	0	0	15	180
Новосибирский район, Кудряшевское МО	«Иней-1»	0	0	0	0	0	40	100	129
	«Иней-2»	0	0	0	0	0	3	60	229
	«Обские зори»	0	0	0	0	0	0	20	150

Новосибирский район, Кубовинское МО	«Электрон»	0	0	0	0	0	0	0	100
Колыванский район	«Ветеран»	0	0	0	0	0	0	10	10
	«Ежевичка»	0	0	0	0	0	0	10	35
	«Заря»	0	0	0	0	0	0	38	38
	«Аква»	0	0	0	0	0	0	35	35
	«Рыбачий»	0	0	0	0	0	0	0	30
	«Авиастроитель»	0	0	0	0	0	0	0	2
Итого	25	13	46	49	158	221	645	2055	2819

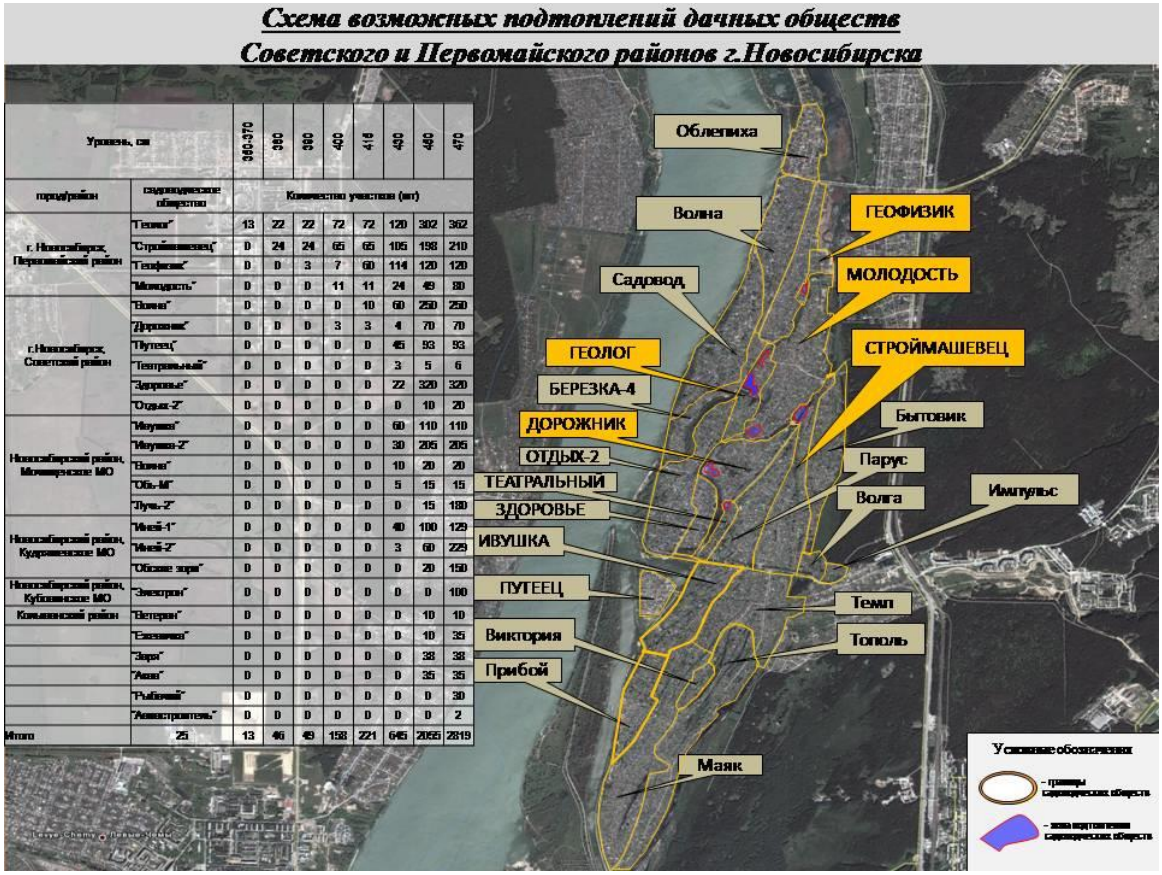


Рис. 1. *Схема подтопления территорий садовых некоммерческих товариществ во время паводка (зоны подтопления выделены синим цветом). Состояние на 4 июня 2014 г., 09:43. Источник: МЧС по Новосибирской области* **[3]**

2. Защита территории от затопления и подтопления. Ввиду расположения большей части исследуемой территории выше уровня высоких вод сезонных паводков р. Оби, метод обвалования для ее защиты от затопления и подтопления здесь не актуален, так как он подходит лишь для районов, расположенных ниже уровня высоких вод. В данном же случае экономически оправдан метод подсыпки с целью повышения уровня отметки земли на отдельных, небольших участках. Подкрепленный системой дренирования и подпорных стенок по линии берега реки Обь и устройством набережных, этот метод позволит снизить уровень грунтовых вод. После этого они не будут угрожать также зоне средне- и многоэтажной застройки вдоль Бердского шоссе, что связано с большей нагрузкой от многоэтажных зданий и глубоком уплотнением грунтов при их строительстве.

На всей реконструируемой территории предусмотрено широкое использование асфальтобетонного покрытия и тротуарной плитки. Ввиду этого необходимо устройство сбора и отведения поверхностных талых и ливневых вод – во избежание их стока вниз по дельте реки в зону малоэтажной застройки с последующим ее затоплением и загрязнением реки сточными водами.

3. Влияние защиты от подтопления на характер реконструкции и архитектурно-планировочные решения. Главное архитектурно-планировочное отличие метода повышения уровня отметки земли от обвалования заключается в возможности беспрепятственного выхода города к воде. Защищенность городской территории, ее функционально-планировочная обеспеченность и эстетическая полноценность в этом случае будет обеспечена устройством развитых набережных вдоль линии застройки и поперечных пешеходных эспланад, связывающих береговую линию, жилые кварталы и межквартальные рекреационные зоны. Последние будут представлены сохраняемыми лесопарковыми участками, облагороженными, ныне существующими водными протоками.

Выводы. Согласно результатам нашего исследования, одной из ключевых проблем реконструкции этих территорий станет защита от сезонных паводков реки Обь.

1. Первоочередная, вследствие чего важнейшая на данном этапе проблема реконструкции – защита территории от затопления и подтопления. Наибольшей опасности сезонных паводков реки Оби подвергаются участки малоэтажной застройки. Значительно меньшая опасность угрожает планируемым много- и среднеэтажным кварталам вдоль Бердского шоссе.

2. Соответственно, согласно специфике территории, проект реконструкции обязательно должен предусматривать подсыпку территории на участках малоэтажной застройки, расположенных ниже уровня высоких вод.

3. Выбранное решение защиты от подтопления предопределяет одновременное достижение гидрологической безопасности выполнение архитектурно-планировочных требований, обеспеченных функциональным взаимодействием всех элементов городской среды.

Библиографический список:

1. Электронный ресурс: http://baikal24.ru/text/06-06-2014/novosibirsk/
2. Электронный ресурс: http://nsknews.info/news/141961
3. Электронный ресурс: http://sibkray.ru/news/1/864414/

Галеева А.С.
alina.indesign@mail.ru
Клевакин А.Н.
kan0756@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 712.253(571.14)
ББК 85.113

ОЦЕНКА ПАРКОВ г. НОВОСИБИРСКА

Аннотация. Исследование осуществлено в рамках учебного курса, читаемого на кафедре дизайна архитектурной среды. Эмпирический этап включал пилотный опрос жителей г. Новосибирска, обработку полученных материалов, их описание, формулировку выводов. Оценка состояния трех главных парков города опирается на совокупность параметров, представленных в виде диаграмм.

Ключевые слова: парк; анкета; пилотный опрос жителей; оценка.

Проблема. Новосибирск, претендуя на звание глобального города, включается в мировое соревнование. Для того чтобы конкурировать за звание современного города, удобного для жизни, работы и отдыха, нельзя не учитывать опыт западных коллег, а также современные стандарты качества «парковой культуры». Проведение рейтинга поможет оценить реальную ситуацию, наметить направления по благоустройству и развитию парков.

Цель – провести сопоставление парков г. Новосибирска для семейного отдыха по степени их привлекательности, доступности, готовности к посещению населением. **Задачи:**

– ознакомиться с опытом оценки парков;
– разработать анкету и провести обследование;
– обработать результаты обследования;
– интерпретировать результаты обследования парков.

Выбор объекта исследования. В Новосибирске имеются различного рода озелененные территории – парки, лесопарки, скверы, сады, бульвары. В связи с различиями видов парков единой системы оценки парков не существует. При их сравнении могут возникнуть проблемы несопоставимости. Выбраны наиболее известные места традиционного отдыха в правобережной части г. Новосибирска – Первомайский сквер, Нарымский сквер, парк «Городское начало» (Центральная набережная).

Методика исследования. В нашем исследовании мы обратились к опыту ученых Объединенной дирекции «Мосгорпарк» и сотрудников, занимающихся благоустройством зеленых территорий **[1; 2; 3]**. Формирование рейтинга проходило в четыре этапа – социологический опрос населения в Интернете, оценка привлекательности парков экспертами, опрос посетителей парков, выявление причин, по которым горожане не посещают парки. Данный подход был положен в основу проводимого нами исследования по г. Новосибирску.

С учетом анализа всей изученной информации и специфики Новосибирских ПКиО разработана анкета для оценки парков. Анкета состоит из трех разделов: идентификация участника опроса, вопросы, пожелания по благоустройству (дополнительные комментарии).

Анкета включает следующие вопросы:

1. Доступность на общественном транспорте.
2. Качество инфраструктуры.
3. Ухоженность и чистота.
4. Доброжелательная и привлекательная атмосфера на входе.
5. Организация развлечений (концерты, выставки, ярмарки, зимние аттракционы).
6. Сохранение исторического наследия (забота об исторических/ культурных памятниках в парке).
7. Частота посещения (сколько раз в месяц?)
8. Насколько вероятно то, что Вы посоветовали бы этот парк друзьям или родственникам?

Всего было опрошено 15 человек, по 5 человек в каждом парке – Первомайском сквере, Нарымском сквере и парке «Городское начало». Возраст опрошенных от 22 до 45 лет. 7 опрошенных имеют постоянную работу, 8 – студенты. 4 мужчин, 9 женщин.

Доступность на общественном транспорте. Первомайский сквер получил самую высокую оценку по данному вопросу – 4,53. По сравнению с Нарымским сквером (3,6) и парком «Городское начало» (3,2) Первомайский сквер расположен в центре города, в месте отличной транспортной доступности, до него можно добраться на всех видах общественного траспорта – метро, автобус, троллейбус, маршрутное такси.

Качество инфраструктуры. Согласно анкетному опросу, респонденты одинаково оценивают качество инфраструктуры Нарымскго сквера и Первомайского сквера – 3,53. Можно утверждать, что транспортная структура непосредственно влияет и на качество инфраструктуры парков.

Ухоженность и чистота. Ведущими парками по показателям ухоженности и чистоты остаются Первомайский сквер (3,93) и Нарымский сквер (3,8). Парк «Городское начало» по сравнению с остальными парками недавно начал свое развитие, в нем еще не отработана четкая система функционирования и обслуживания, его оценка составила 3,0 пункта.

Доброжелательность и привлекательная атмосфера. Оценивая парки по обстановке на входе, посетители выделили Первомайский сквер (3,53) и Нарымский сквер (3,53). Эти парки расположены вблизи остановок общественного транспорта, что привлекает гостей провести время в данном парке. Фонтан в Первомайском сквере обозначает входную зону и приглашает отдохнуть у воды. Отличительная черта Нарымского сквера – это наличие рядом двух достопримечательностей г. Новосибирска – Новосибирского государственного цирка и Вознесенского кафедрального собора.

Организация развлечений (концерты, выставки, ярмарки, зимние аттракционы**).** Первомайский сквер – самое популярное место проведения праздников. Оценка данного места составила 4,2 пункта, что опережает оценки по Нарымскому скверу (3,0) и парку «Городское начало» (3.86).

Сохранение исторического наследия (забота бо исторических/культурных памятниках в парке). Набережная Новосибирска получила самую высокую оценку по вопросу «сохранение исторического наследия (4,06). Несмотря на свой относительно «молодой» возраст, парк «Городское начало» со дня своего основания стал местом размещений достопримечательных объектов. Здесь размещен памятник императору Александру III, закладной камень аллеи 120-

летия Транссибу, пролет фермы первого железнодорожного моста.

Частота посещения парков. Первомайский сквер остается самым посещаемым местом (3,73) по сравнению с парком «Городское начало» (3,1) и Нарымским сквером (1,46). Выбор жителей делается к рекреации, которая находится в наиболее оживленной части общегородского центра и в пользу парка, который расположен непосредственно у реки.

Вероятность рекомендации данного места друзьям и родственникам. Анкетный опрос выявил, что Нарымский сквер, являясь не самым популярным местом отдыха, в целом получает достаточно высокую рекомендацию. В 3,6 пункта оценено желание опрошенных рекомендовать это место своим друзьям и родственникам.

Пожелания по благоустройству (Нарымский сквер). Нарымский сквер позиционируется как место семейного отдыха. В связи с этим большинство участников опроса проголосовало за развитие инфраструктуры парка в следующем направлении – создание сети велодорожек (четыре из пяти опрошенных), появление проката инвентаря (три из пяти опрошенных) и увеличение числа детских площадок (три из пяти опрошенных). Трое респондентов отметили нехватку парковочных мест. Недостаточную освещенность и отсутствие необходимого количества туалетов подчеркнули по двое участников анкетирования в каждом пункте. Посетители считают Нарымский сквер довольно доступным для посещения инвалидами, только один человек уделил внимание этому аспекту. Предметное наполнение парка гости в целом оценивают положительно, не испытывают необходимости в дополнительных урнах и аттракционах.

Пожелания по благоустройству (Первомайский сквер). Первомайский сквер получил высокие оценки по многим критериям, согласно опросу жителей города. Для дальнейшего успешного развития парка гости в первую очередь отмечают необходимость создания велодорожек (четыре из пяти опрошенных) и проката инвентаря (трое из пяти опрошенных). Отдыхающие в парке в вечернее время рекомендуют добавить осветительных приборов (трое из пяти опрошенных). Недостаточное функциональное наполнение – детские площадки, туалеты и скамейки – отметили по два человека в каждом пункте. Посетители расценивают Первомайский сквер в целом как доступную для инвалидов среду, полагая что этому вопросу уделят больше внимания (двое респондентов). Не смотря на то что парк находится в центре города, количество парковочных мест гости считают достаточным, только один из пяти человек отметил их нехватку. Размещение дополнительных аттракционов в сквере гости не считают целесообразным.

Пожелания по благоустройству (парк «Городское начало»). Парк «Городское начало» имеет достаточно обширную инфраструктуру, но, несмотря на это, в нем нет велодорожек, именно этот пункт отметили все опрашиваемые посетители. Четверо из пяти респондентов выбрали пункты «добавить осветительных приборов» и «прокат инвентаря». Согласно опросу, в парке недостаточное количество туалетов, трое из пяти выбрали этот пункт. С точки зрения доступности для инвалидов парк находится на среднем уровне. Необходимость развития этого типа инфраструктуры отметили трое из пяти посетителей. За увеличение количества парковочных мест, урн и скамеек проголосовали по двое участников опроса в каждом пункте. Набережная в

большей степени насыщена аттракционами и детскими площадками, поэтому данные пункты набрали по одному голосу. Дополнительно респонденты указали на недостаточное число мест для отдыха – беседок и кафе.

В целом результаты анкетного опроса свидетельствует, что по совокупности параметров оценка парков г. Новосибирска распределяются в следующем порядке.

1 место – Первомайский сквер (средняя оценка 3,87);

2 место – Парк «Городское начало» (Центральная набережная) (средняя оценка 3,3);

3 место – Нарымский сквер (средняя оценка 3,29) *(диаграмма 1)*.

Диаграмма 1. *Оценка парков г. Новосибирска по совокупности параметров*

Также следует указать, что по ряду параметров парки г. Новосибирска не отвечают современным требованиям. Отсутствует специальное обустройство мест отдыха для людей с ограниченными возможностями – нет специально оборудованных пешеходных переходов, лестниц, пандусов, туалетов. Парки не представлены в сети интернета (отсутствуют веб-сайты). Среди обязательных требований к местам публичного отдыха в городе – наличие охраны, безопасность посетителей. По этим параметрам новосибирские парки не выдерживают критики.

Заключение. Обобщающий вывод по результатам исследования, проведенного в рамках спецкурса в течение осеннего семестра 2015 г. – необходимо изменение отношения властей к проблеме внутригородского отдыха. В настоящий момент времени требуется кардинальная реконструкция парков г. Новосибирска.

Библиографический список

1. Методика и социологический инструментарий построения социального рейтинга парков г. Москвы для семейного отдыха. – URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/Parks_metodika.pdf .

2. Методика построения социального рейтинга парков г. Москвы для семейного отдыха в зимний период. – URL: http://ria.ru/docs/sn/Metodic_winter_parks.html.

3. Рейтинг лучших столичных парков. – URL: http://www.rg.ru/2014/02/13/parki-site-anons.html.

Карнаухов А.В.
ab.solart@gmail.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 712.25(1-191) (571.4)
ББК 85.118.7(2Рос–4Нос)

КОНЦЕПЦИЯ ДИСПЕРСНОГО ПАРКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ г. НОВОСИБИРСКА

Аннотация. В статье представлен процесс формирования идеи связанных общественных пространств для центральной части Новосибирска.

Ключевые слова: парк; концепция; общественные пространства; благоустройство и озеленение; целостность.

Внимание к городским общественным пространствам, их наполнению, качественным характеристикам волнует сегодня как архитекторов, так и потребителей этих пространств. Пространства, отвечающие запросам горожан, создают благоприятный психоэмоциональный фон, обеспечивая комплекс потребностей – от элементарной безопасности до запросов на гармоничную городскую среду. Такие пространства представляют маркеры идентичности для жителей, что, в свою очередь, обеспечивает бережное отношение к ним **[1, с. 9]**.

Весной 2015 г. был запущен проект развития зеленых зон Новосибирска, первым этапом которого была экспертная оценка состояния зеленых пространств города. В результате были получены комплексные данные по состоянию 28 его зеленых пространств.

В качестве «пробного шара» было решено сформулировать концепцию развития ЦПКиО Новосибирска. Занимаясь этой разработкой в части архитектурной концепции на стадии анализа и обобщения полученных данных (соцопросы, маркетинговая концепция и пр.) мы увидели, что 2 количественных параметра не соответствуют фактическому состоянию парка – его площадь и расчетное количество посетителей. В актуальном на данный момент СП 42.13330.2011 читаем следующее:

..пункт 9.4 «…Площадь территории парков, садов и скверов следует принимать не менее 15 га для городских парков»;

..пункт 9.16 «…Расчетная численность единовременных посетителей территории парков, лесопарков, лесов, зеленых зон следует принимать не более 100 чел/га для городских парков».

Но фактическая площадь ЦПКиО составляет 7,6 га (с учетом вычета ЗУ театра музыкальной комедии и ЗУ кафе «Бухара»).

Что касается количества посетителей, то, со слов директора парка А.Б. Гольмана, в праздники Центральный парк принимает порядка 15 тыс. человек.

Далее стало очевидным, что территория парка (в том виде, какая она есть) перегружена функционально и эта нагрузка не снимается запросами горожан к парку. Плюс возможная реконструкция театра музыкальной комедии, которая предполагает увеличение площади застройки более чем в 2 раза, потенциально уменьшает площадь Центрального парка.

Таким образом, данное пространство не соответствует статусу парка и может быть позиционировано как микропарк, как сквер или как возможная новая форма городского пространства с неопределенным означающим.

Сравнив площади центральных парков в других городах, мы обнаружили, что при позиционировании Новосибирска как 3-го по величине города в России (по количеству населения) площадь нашего Центрального парка несопоставимо мала по сравнению даже с небольшими городами *(рис. 1)*.

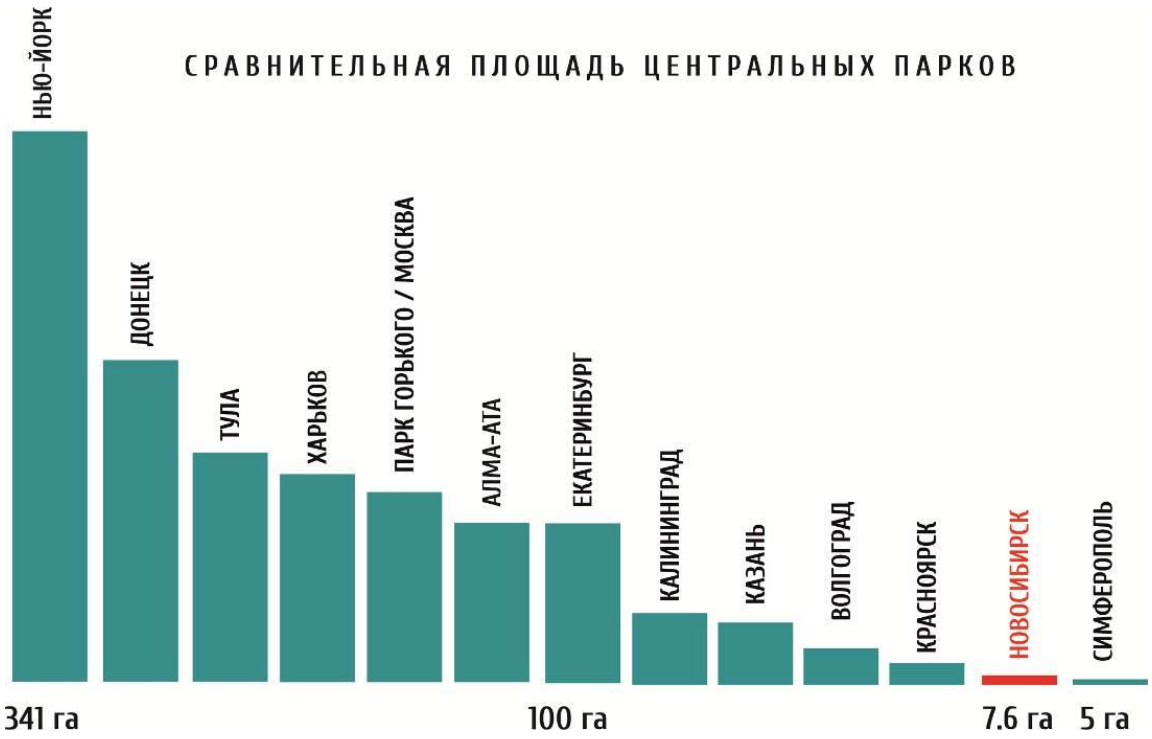


Рис. 1. *Сравнительная площадь центральных парков (составлено А. Архиповой)*

Таким образом, исходя из несоответствия площади и функциональной перенасыщенности парка, была предложена идея дисперсного[1] парка, который объединяет озелененные территории центральной части города в радиусе 1 км.

Что дает развитие новой «единицы» общественного пространства Новосибирска?

Во-первых, мы получим целостную систему общественно-рекреационных пространств в радиусе 1 км, то есть в зоне пешеходной доступности.

Во-вторых, разумное распределение функций в пределах этого пешеходного радиуса, что позволит не сосредотачивать их в одном месте (Центральный парк) и не дублировать их. Так, распределение помогает переназначить и определить уникальные функции для каждой из составляющих дисперсного «пазла», которые в конечном счете позволят сформировать картинку как взаимосвязанные части единого целого, где каждая часть обладает своей идентичностью.

В-третьих, система пешеходных связей, собирающая зеленые территории, логично ложится на концепцию формирования пешеходно-прогулочных зон, предлагаемых ранее для Новосибирска. Это «театральный бульвар» и «пешеходная часть улицы Ленина», которые обоснованно встраиваются и

являются доминирующими связями в системе большого дисперсного парка *(рис. 2)*.

В-четвертых, можно предположить, что новый бренд, которым является «дисперсный парк», повысит туристическую привлекательность Новосибирска.

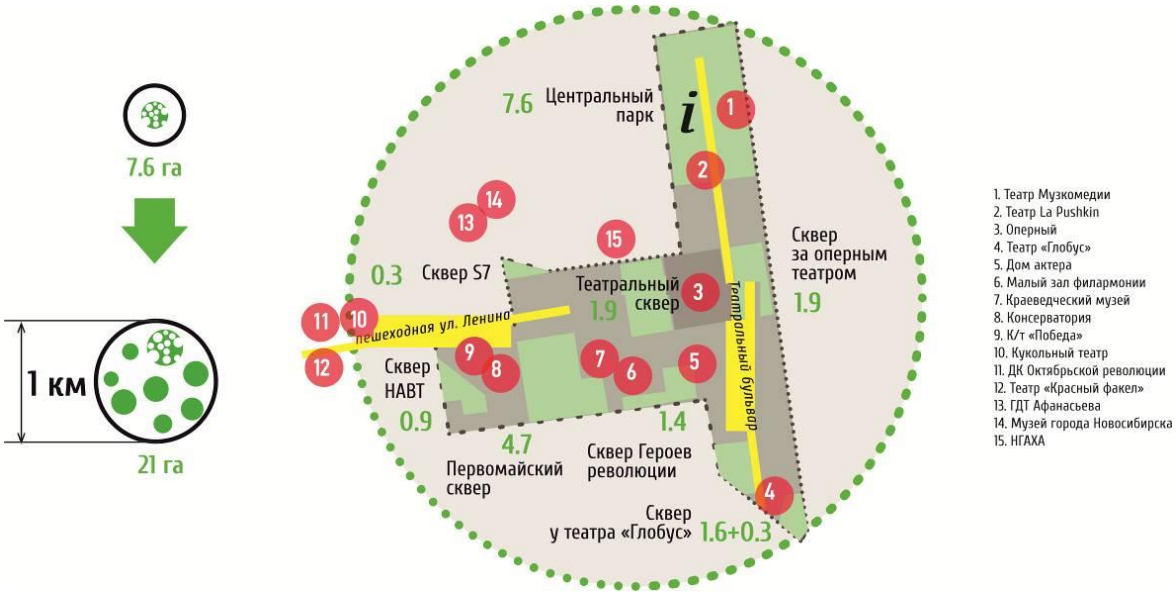


Рис. 2. *Схема большого дисперсного парка в г. Новосибирске (составлено А. Архиповой)*

Примечания

[1] Дисперсия (от лат. *Dispersio* – рассеяние) – единое образование отдельных территорий парков и скверов, обладающее различным набором функций и связанных информационно, пешеходно и навигационно.

Библиографический список

1. *Гейл Ян.* Города для людей. – М.: Крост, 2012.

Алексеева А.А.
Колосова И.И.
Likosha92@gmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 730
ББК 85.13

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫМ ГЕРОЯМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

Аннотация. В данном исследовании будут рассмотрены и проанализированы самые интересные и знаменитые памятники литературным героям отечественной литературы, установленные на территории России.

Ключевые слова: памятник; скульптура; наполнение городской среды; литературные герои.

Введение. Организация городской среды – процесс постоянный. Он включает в себя не только формирование собственно застройки городских территорий, но и создание высокохудожественной архитектурно-пространственной среды в целом, той среды, которая составляет суть понятия «облик города». Облик города, в свою очередь, напрямую связан как с созданием новых архитектурных объектов, так и сохранением существующих, наиболее ценных памятников архитектурного наследия. Другое дело, что реальные социально-экономические и культурные условия являются главными предпосылками по созданию конкретной пространственной среды, в которой обитает горожанин. Качество такой среды становится фактором, влияющим на архитектурно-художественный облик как города, так и отдельных его районов. При этом следует помнить, что формируют облик города не только здания и сооружения, разные по функциональному назначению, но и малые архитектурные формы (МАФы). Наиболее распространенными МАФами в городской среде стали скульптура или памятник.

Наша страна на протяжении всей истории существования гордилась своими выдающимися писателями. Многие из них внесли весомый вклад и оказали огромное влияние на национальную и мировую литературу. Именно поэтому ставить памятники литературным героям российских писателей – традиция, сложившаяся много лет назад. В настоящее время на площадях, улицах, в городских парках и скверах во многих городах нашей страны установлены памятники наиболее знаковым литературным героям.

Следует отметить, что анализ проводится не в хронологическом (в соответствии со временем возведения) порядке. Памятники в исследовании сгруппированы по принадлежности к авторам литературных произведений и рассматриваются по ряду основных характеристик: местоположение в городской среде, пространственные габариты, используемые материалы и т.д.

1. Памятники героям сказок Э.Н. Успенского. Самым известным из выдающихся писателей России в мире считают Эдуарда Успенского. Его произведения изданы на 25 языках и популярны во многих странах, особенно в Голландии, Франции, Японии, Финляндии, США. Как дети, так и взрослые любят созданных автором героев, особенно Крокодила Гену и Чебурашку. Их образы настолько трогательны и «человечны», что стали самыми распространенными при

создании скульптур **[1]**. Так в 2005 г. в рамках программы по благоустройству г. Раменское (московская область) был установлен памятник «Крокодил Гена и Чебурашка» (*рис. 1*а). В скульптурной композиции помимо названных героев присутствуют также старуха Шапокляк и ее крыса Лариса. Бронзовый памятник сказочным героям создан новокузнецким скульптором Олегом Ершовым, расположен на пересечении двух улиц Михалевича и Гурьева в центральной части города. Высота крокодила Гены – 2 м, Чебурашки – 0,5 м. Под фигурами всех четверых героев выложены прямоугольники (из тротуарной плитки, отличной от общего цвета), которые имитируют пьедестал.

Другим памятником стал объект, расположенный на пересечении улиц Советская и Коммунаров в г. Ижевске. Скульптура установлена в 2005 г. Здесь чугунный крокодил во фраке и цилиндре вольготно развалился на лавочке (*рис. 1б*). Горожане думают, что это крокодил Гена. Однако автор Асен Сафиуллин сообщил, что его единственной целью было создание интересной городской скульптуры, привлекательной как для молодежи, так и для других жителей Ижевска. И он не предусмотрел, что двухметровый крокодил станет причиной противоречий, связанных с местными историческими фактами. Дело в том, что крокодилами когда-то дразнили ижевских оружейных мастеров, лучших из которых награждали длинными, расшитыми золотом зелеными кафтанами и цилиндрами. Этот костюм был знаком принадлежности к профессиональной элите, труд которой оплачивался выше. Именно поэтому простые люди завидовали им и звали крокодилами. Сегодня этот факт мало кому известен, поэтому большинство ижевцев искренне считают скульптуру крокодилом Геной.

а *б*

Рис. 1. *а – памятник «Чебурашка и его друзья», г. Раменское, 2005 г.; б – памятник «Крокодил», г. Ижевск, 2005 г.*

Другим событием стало открытие музея Чебурашки в 2008 г. на территории детского сада №2550 в Восточном административном округе Москвы. На входе в здание стоит знаменитая телефонная будка, куда автор сказки поселил Чебурашку. С двух сторон будки расположились выполненные из гипса и разрисованные фигурки Гены и Чебурашки. Высота Крокодила – 1,2 м, Чебурашки – 0,6 м (*рис. 2а*). Главным экспонатом музея стала пишущая машинка, на которой Эдуард Успенский печатал историю Чебурашки. Он же стал инициатором создания музея, который полюбился как детям, так и их родителям **[2]**.

Еще один памятник крокодилу Гене и Чебурашке установлен в г. Хабаровске в 2011 г. на территории городских прудов (*рис. 2б*). Интересной особенностью композиции стало «портретное» сходство с оригиналами – великолепными куклами, созданными к мультфильму художником Леонидом Шварцманом. Высота Чебурашки вместе с ящиком, на котором он стоит, – 0,8 м, крокодила Гены, который играет на гармошке, – 1,7 м. Фигуры являются частью своеобразной «галереи», распложенной в центральной части города вдоль искусственных прудов.

а *б*

Рис. 2. *а – скульптуры «Крокодил Гена» и «Чебурашка» рядом с входом в музей Чебурашки, г. Москва, 2008 г. б – памятник «Крокодил Гена и Чебурашка», г. Хабаровск, 2011 г.*

2. Памятники героям сказок А.С. Пушкина. Следующими по количеству воплощений стали скульптуры героев из произведений великого русского поэта Александра Пушкина. Персонажи его сказок настолько колоритны и запоминаемы, что им были поставлены памятники не только в нашей стране, но и за рубежом.

Наиболее популярным произведением А.С. Пушкина является «Сказка о рыбаке и рыбке». Памятники главной героине – Золотой Рыбке – установлены во многих городах. Она является символом того, что желания сбываются.

Одним из памятников рыбке стал объект в г. Астрахани *(рис. 3а)*. Это бронзовая скульптура высотой 2,3 м. У рыбки корона на голове и пышный хвост, «пряди» которого, переплетаясь с волнами, на которых она парит, образуют два сердца. Стало традицией фотографироваться здесь влюбленным парам. Автор – астраханский скульптор Марат Джамалетдинов. Скульптуру отлили в Ижевске, весит она 600 кг **[3]**.

В 2008 г. в Москве в структуре мероприятий по реконструкции (*рис. 3 б*) манежной площади был построен комплекс взаимосвязанных между собой фонтанов и искусственных водоемов. В одном из каналов, соединяющих фонтаны, стоит скульптура старика с золотой рыбкой, автором которой стал Зураб Церетели **[3]**.

Еще несколько памятников исполнительнице желаний установлены в Абакане, Санкт-Петербурге, Кемерово и других городах.

Следующим героем, которому в 2008 г. установили бронзовый памятник высотой вместе с пьедесталом 1,5 м, стал Ученый кот (*рис. 3в*). Расположен он в г. Геленджике. Образ сложился в соответствии со строчками из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе

том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом…». В одной лапе у кота книга – символ мудрости, учености, другая – поднята в поучающем жесте – словно кот вещает что-то важное, умное. Студенты перед экзаменом трут его когтистую лапу наудачу. Автор Д.В. Лындин **[4]**.

а *б* *в*

Рис. 3. *а – памятник «Золотая рыбка», г. Астрахань (Россия), 2011 г.; б – скульптура «Старик и Золотая рыбка», г. Москва, 2008 г.; в – скульптура «Кот ученый», г. Геленджик, 2008 г.*

Для многих скульпторов Кот ученый стал самым любимым персонажем, именно поэтому его изваяния есть в городах Пушкине, Оренбурге, Туле и Перми.

3. Памятники героям сказок К.И. Чуковского. Не менее известен в нашей стране и другой российский писатель – К.И. Чуковский. Самыми известными из написанных им сказок стали «Мойдодыр» и «Айболит». По обеим сказкам сняты мультфильмы. Говоря о сути своего произведения, автор отмечал, что «это страстный призыв маленьких к чистоте, к умыванию» **[2]**.

Памятник знаменитому Мойдодыру установили в столичном парке «Сокольники» в 2012 г. на Песочной аллее рядом с минизоопарком и детским городком (*рис. 4а*). Высота памятника – 1,8 м, вес – 800 кг. Автор – петербургский скульптор Марчел Коробер. Существует примета, что если потереть нос, который выполнен в виде крана, и загадать желание, то оно сбудется **[5]**.

Другой памятник по мотивам сказки Корнея Чуковского установлен в Великом Новгороде, рядом с муниципальной баней на пр. Корсунова в 2008 г. Он представляет собой фигуру жены Мойдодыра – «Мойдодыршу» и его сына «Мойдодыренока» (*рис. 4б)*. Двухметровая бронзовая «чистюля» с надетым на голову большим тазом, краном вместо носа и умывальником на животе широко улыбается. Рукой-полотенцем супруга Мойдодыра держит коляску, в которой сидит маленький «Мойдодыренок» с зубной щеткой в руках. Малыш свешивает из коляски ножки, ступни которых выполнены в виде больших щеток. Коляска служит одновременно и скамейкой, где есть место для желающих сфотографироваться. Для того чтобы поход в баню был успешным, следует потереть щетки на ногах у маленького Мойдодыренка. Автор – местный скульптор Виктор Корнилов **[6]**.

а *б*

Рис. 4. *а – памятник Мойдодыру, г. Мсква, 2008 г.; б – памятник Мойдодыру, г. Великий Новгород, 2008 г.*

Следующим персонажем одноименной сказки Корнея Чуковского, которому установлен памятник, стала Муха-Цокотуха. Скульптура находится в городе Сочи на Площади Искусств. Муха «присела» на спинку декоративной скамейки в форме кусочка тыквы, сама тыква стоит рядом со скамейкой, из ее разреза сыпятся семечки (*рис. 5а*). Максимальная высота скульптуры – 1,5 м. Скульптор Акоп Халафян. Выполнена из бронзы **[3].**

Другой сказкой Чуковского, герою которой установлен памятник, стала сказка «Айболит». Скульптура доктору и его пациентам появилась в июле 2011 г. на ул. Калинина в г. Анапе в Центральном парке (*рис. 5б*). В образе доктора авторы – скульптор В.П. Поляков и архитектор Рысин – отразили лучшие качества медицинского персонала анапских здравниц. Самый известный в мире врач высотой около 2 м сидит под деревом. В его руках медицинский чемоданчик, справа от фигуры – зонт. Со всех сторон Айболита окружают зверьки-пациенты (поросенок, белочка, попугай и др.). Все скульптуры выполнены из бронзы. Здесь также сложилась традиция, которая гласит, что прикосновение к медицинскому кресту, расположенному на сумке доктора, поможет избавиться от многих недугов. При этом если погладить сидящую рядом бронзовую белочку, то уйдут проблемы с суставами **[7].**

Еще один памятник Айболиту открыт в сквере у городской ветеринарной станции в г. Иркутске на ул. Красноказачьей в 2014 г. (*рис. 5в).* Доктор в одной руке держит кошку, в другой – портфель, у его ног сидит собака. Высота бронзового памятника – 2,1 м, скульптор Наталья Бакут **[5].**

а *б* *в*

Рис. 5. *а – скульптура Муха Цокотуха, г. Сочи, 2001 г.; б – памятник «Доктор Айболит», г. Анапа, 2011 г.; в – памятник «Доктор Айболит», г. Иркутск, 2014 г.*

4. Памятники героям сказок П.П. Ершова. Другой русский писатель – П.П. Ершов – стал известен как автор сказки «Конек-Горбунок».

В г. Тобольске существует сквер его имени. В рамках благоустройства сквера, в 2008 г. – в преддверии 420-летия Тобольска, было решено установить памятник писателю и его сказочным героям. Скульптура изображает молодого писателя, в руках которого книга и перо. У его ног – Конек-Горбунок, стоящий на задних ногах (*рис. 5а*). В сквере также расположились: скульптура Иванушки с Коньком-Горбунком (*рис. 6в),* Жар-птица, Кит с Тобольским кремлем на спине и Царь, пробующий ногой молоко перед прыжком в котел *(рис. 6б*). Автор памятников – народный художник России Михаил Владимирович Переяславец **[2]**.

а

б

в

Рис. 6. *Скульптуры, Тобольск, 2008 г.: а – Петр Ершов и Конек-Горбунок; б – Царь, прыгающий в котел; в – Иванушка и Конек-Гобунок*

В городе Астрахани в 2011 г. неподалеку от ТЮЗа установлен еще один памятник Иванушке и Коньку-Горбунку (*рис. 7*). Бронзовый Иванушка одет в кафтан и сапоги, в руках держит перо Жар-птицы. У его ног скачет Конек-Горбунок. Автор памятника – волгоградский скульптор Сергей Александрович Щербаков. Вес скульптуры – 700 кг, высота – 2,3 м. Группа отлита из бронзы **[7]**.

Рис. 7. *Памятник Иванушке и Коньку-Горбунку, г. Астрахань, 2011 г.*

Заключение. Список памятников, посвященных героям литературных произведений русских авторов, можно продолжать. Друге дело, что задачей

данного исследования стал анализ наиболее интересных, знаменитых и известных любому россиянину. Он позволил сделать ряд выводов, общих для многочисленных скульптурных композиций:

- Главная цель возведения таких памятников и скульптур – это приобщение населения к чтению качественной художественной литературы, формирование интереса к положительным литературным героям, знакомство с творчеством авторов произведений, популярных во всем мире. Такие герои пропагандируют (в хорошем смысле этого слова) общечеловеческие ценности.
- Самое распространенное место установки таких объектов – центральное расположение пространств общегородского значения, во многих случаях это городской парк. Взаимодействуя с окружающей архитектурной или природной средой, памятники литературным персонажам становятся центром притяжения культурной жизни горожан и туристов.
- Большинство памятников героям установлены не поодиночке, а в составе группы, где главного сопровождают другие персонажи того же автора или сказки. Они могут представлять собой как единую композицию, так и располагаться на расстоянии друг от друга.
- Многие памятники в процессе эксплуатации «получают» свою легенду и по поверьям жителей «исполняют желания».
- Авторами скульптур являются, как правило, местные скульпторы, в отдельных случаях – приглашенные скульпторы из других городов.
- Высота памятников варьируется от 0,5 до 3 м, самая распространенная высота от 1,5 до 2,1 м.
- В качестве материала для изготовления таких памятников используют бронзу, реже – другие материалы.
- Часть скульптур выполнена похожими на прообразы своих героев – в случаях, когда ранее по произведению снят мультфильм.

Таким образом, можно смело утверждать, что скульпторы, посвященные сказочным литературным персонажам, играют важную роль как в жизни человека, так и в формировании интересного средового пространства. Памятники выполняют самые разные задачи. Как и другие виды искусства, данный вид скульптур имеет свою специфику. Она выражается и в содержании, и в выборе материалов для изготовления памятников, и используемых выразительных средств. Сказанное позволяет осознать ответственность, которая ложится на авторов произведений и тех, от кого зависит появление на улицах города новых скульптурных произведений.

Библиографический список

1. *Воронов Н.* Люди. События. Памятники. – М.: Просвещение, 1984. – 208 с., ил.

2. *Гаврилова Р.* Со страниц любимых книг – в бронзу и гранит: путешествие для детей 7–10 лет / Р. Гаврилова, Н. Волкова // Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки. – 2004. – №7. – С. 52–55.

3. Герои на все времена // *Эскиз.* – 2005. – №5. – С. 7–8.

4. Как выглядит памятник невидимке? // *Вокруг света.* – 2005. – №9. – С. 32. – (Вопрос-ответ).

5. *Кожевников Р.Ф.* Памятники и монументы Москвы. – М., 1976. – С. 160–161.

6. Необычные памятники // *Всемирный следопыт.* – 2006. – №5. – С. 20–21.

7. *Юрьев В.* Память в камне и бронзе // *А почему?* – 2006. – №3. – С. 33.

Зинченко Н.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 75.05. (571.14)
ББК 85.146.1(2Рос4нос)

МОЗАИКИ В РЕКОНСТРУКЦИИ АЛЛЕИ КРАСНОГО ПРОСПЕКТА НОВОСИБИРСКА

Либо здесь родился свет, либо, плененный, он царит здесь свободно.
Одна из строк надписи в вестибюле
Архиепископской капеллы в Равенне,
конец V – начало VI в.

Аннотация. Исследование опыта использования произведений монументальной живописи в технике римской мозаики при реконструкции городской среды.

Ключевые слова: реконструкция; монументальная живопись; мозаика.

Одной из важнейших составляющих в процессе формирования гармоничной, эстетически выразительной городской среды является монументальное искусство. Произведения монументальной скульптуры и монументальной живописи не просто важные пластические и смысловые элементы архитектурного ансамбля – это «...человеческие ориентиры, которые люди создали как символы своих идеалов, целей, действий. Они предназначены пережить период, породивший их, и составить наследство для будущих поколений. Как таковые они образуют связь между прошлым и будущим» **[1, с. 293]**.

Среди техник монументальной живописи, применимых в условиях современной городской среды, можно отметить мозаику. Мозаика – одно из древнейших и самых красивых видов монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства. Его истоки восходят к временам древних шумерских династий, живших на Ближнем Востоке в III тысячелетии до н.э. Шумеры инкрустировали деревянные и глиняные изделия ракушками, слоновой костью и другими материалами, приклеивая их смолой. Но наибольшего расцвета мозаика достигла в Древней Греции в эпоху эллинизма (323–27 гг. до н.э.), что было обусловлено подъемом наук, развитием новых отраслей знаний, религиозным уклоном философии: в столицах эллинистических государств были возведены дворцовые постройки, в которых широко использовались мозаичные покрытия интерьеров и полов внутренних двориков. Использование мозаики быстро распространилось по всей Римской империи. Наиболее популярными материалами были смальта и мрамор, иногда в ход шли также галька и мелкие камушки. Золотые кусочки смальты таинственно переливались и давали необыкновенную игру света на сводах и стенах храмов, передавая «Божественное сияние».

XII в. в истории мозаики был ознаменован возникновением техники флорентийской мозаики – самой сложной из всех мозаичных техник. Свое название данная техника получила благодаря мастерам из Флоренции, которые первыми стали использовать природный, естественный рисунок поделочного камня (обычно мрамора и яшмы) для создания готовых картин. К концу XVI в. эта

уникальная техника была выработана окончательно и больше уже не претерпевала изменений до наших дней. Главная особенность флорентийской мозаики – тщательная, почти без швов, подгонка тонких каменных пластинок, которая позволяет достигать художественного эффекта за счет тончайшего подбора оттенков камней с использованием их природного рисунка.

В России расцвет мозаичного искусства начался в эпоху Просвещения, когда вначале 1750-х гг. великий русский ученый М.В. Ломоносов заново разработал методы отливки и шлифовки смальты. К началу 1760-х гг. на специально построенной фабрике под Санкт-Петербургом Ломоносов создал более 100 основных тонов цветных смальт и свыше тысячи их оттенков. В XVIII в. это было единственное в России художественно-промышленное предприятие. Параллельно с химическими экспериментами ученый разработал собственную технику мозаичного набора в стиле академической живописи. За первые 15 лет работы мозаичной мастерской Ломоносова были созданы портреты Петра I, Елизаветы Петровны, Александра Невского и др. выдающихся людей России. Особый художественный интерес представляет набранный самим ученым образ Христа. Ломоносовым был разработан грандиозный проект: памятник-надгробие великому преобразователю России Петру I, для которого была создана картина «Полтавская баталия». Это последняя работа Ломоносова и единственная монументальная мозаика XVIII в. в России. Сегодня она украшает парадную лестницу в здании Академии наук в Санкт-Петербурге.

В Новосибирске есть ряд известных примеров использования техники мозаики в городской среде: «Покорители Оби» панно у Новосибирской ГЭС (1970), «Письменность, печать» на фасаде издательско-полиграфического предприятия «Советская Сибирь» (1979) автор В. Сокол, «Труд, наука и культура» – фасад здания Областного совета профсоюзов, «Человек и наука медицина» – на фасаде Института комплексной и экспериментальной медицины (1984), автор В. Кирьянов, и др. объекты. В то же время большинство произведений монументального искусства, появившихся за последние десятилетия в среде Новосибирска, особенно в исторической его части, относятся к городской скульптуре. Поэтому особенно интересен опыт применения мозаичных панно при реконструкции аллеи Красного проспекта, осуществленной в 2015 г.

Концепция комплексной реконструкции Красного проспекта, созданная на кафедре дизайна городской среды НГАХА под руководством заведующего кафедрой архитектора А.А. Гамалея, предусматривает посвящение отдельных аллей различным темам. Участок от ул. Колыванской будет посвящен основателям Новосибирска, за ним аллея маршала А.И. Покрышкина, дальше по Красному проспекту в сторону площади Калинина – Молодежная, Литературная аллеи, Цветной бульвар. Первым объектом, разработанным коллективом архитекторов и художников – преподавателей НГАХА/НГУАДИ (руководитель А.А. Гамалей) и реализованным к празднованию 70-я Победы в Великой Отечественной войне, стала аллея маршала Покрышкина.

Александр Иванович Покрышкин – уроженец города Новониколаевска (в настоящее время Новосибирск), советский летчик-истребитель, первый трижды Герой Советского Союза, маршал авиации. Участник Великой Отечественной войны с первых и до последних ее дней. Войну старший лейтенант А.И. Покрышкин встретил в должности заместителя командира эскадрильи на

Южном фронте, а завершил в звании полковника и должности командира 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии. В 1949 г. 7 ноября на торжественном митинге в присутствии А.И. Покрышкина был открыт памятник в связи с присвоением ему звания Героя Советского Союза. Монумент располагался в начале бульвара Красного проспекта, идущего от площади им. Ленина на север, между зданиями облпотребсоюза и высшей партийной школы, и представлял собой бюст на треугольном в плане со ступенчатым рустом постаменте с гранитным основанием (круглая площадка радиусом в 1,6 м); авторы – лауреат Государственной премии скульптор М.Г. Манизер и известный советский архитектор И.Г. Лангбард.

Монумент стал значительным памятным и эстетическим элементом градостроительной структуры центра города. Бюст маршала Покрышкина признан памятником монументального искусства федерального значения (постановление СМ РСФСР №1327 от 30.08.1960 г.). Но в 1981 г. по решению облисполкома № 496 от 02.07.1981 г. в связи со строительством на пл. Ленина метро и реконструкцией магистрали монумент был перемещен на площадь Свердлова **[2]**.

По замыслу архитекторов, при реконструкции 2015 г. тема подвигов советских авиаторов в годы Великой Отечественной войны на аллее, начинаемой монументом Покрышкину, развита обелисками, посвященными военным летчикам Новосибирска, и мозаичными стелами *(рис. 1)*. Волнообразный рисунок пешеходного бульвара призван символизировать траекторию полета истребителя, осуществлены ночная подсветка и художественное оформление входной зоны северной части аллеи, на аллее появились скамьи для отдыха и дорожки, вымощенные гранитом.

Рис. 1

Автором мозаик является доцент НГУАДИ Николай Иванович Зинченко, совместное выполнение в материале со старшим преподавателем НГУАДИ Романом Зиновьевичем Вышинским.

Для исполнения панно была взята техника римской мозаики, выполненная прямым набором из смальты (цветное непрозрачное стекло). Все композиционное решение построено по диагонали, что придает динамичность изображениям. В силу небольшого размера мозаик, чтобы придать образность и монументальность, был применен прием фрагментарности для вынесения зрителя за пределы

изобразительной плоскости, тем самым позволив ему самому сформировать полную картину событий.

На первой стеле изображен пикирующий советский истребитель МиГ-3 под №5, на этой модификации самолета А.И. Покрышкин начинал свой боевой путь. Воспринимая данную композицию, зритель погружается в суровое время Великой Отечественной войны. Истребители… небо в огне... где даже юный летчик – мальчишка становится мужчиной – защитником своей Родины *(рис. 2)*.

Рис. 2

С апреля 1943 г. Александр Иванович продолжил свой героический путь на трех модификациях американских истребителях Р-39 Аэрокобра. Этот истребитель – штурмовик, который позволял использовать мощное вооружение, стремительность и напор атакующего самолета, дает возможность ощутить сражение в небе в полном его масштабе *(рис. 3)*.

Рис. 3

Победу А.И. Покрышкин встретил трижды Героем Советского Союза в звании полковника. На данной композиции изображен один из символов победы России над врагом – Георгий Победоносец, копьем поражающий дракона. Само изображение Победоносца вынесено за изобразительную плоскость. Георгиевская лента проходит по всем композициям мозаик *(рис. 4)*.

Рис. 4

Завершает композиционное решение аллеи изображение символики ВВС России, призванное показать преемственность поколений и доблести школы советских и российских военных летчиков *(рис. 5)*.

Рис. 5

Спустя 10 веков мозаика остается одним из самых ярких видов монументального искусства, неограниченного в своих возможностях, наполняющего жизнь людей красотой и гармонией.

Библиографический список

1. *Толстой В.П.* Специфика монументального искусства, его виды и жанры // *Советское искусствознание*. – М.: Советский художник, 1985. – Вып. 19.

2. *Баландин С.Н.* Новосибирск: История градостроительства 1945–1985 гг. – Новосибирск, 1986.

Лихачев Е.Н.
Лихачева А.Е.
lixachev@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК [72.063/.038+728.9](47+57)
ББК 85.113

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрены социально-экономические факторы трансформации индивидуальных крестьянских хозяйств в России на рубеже XIX–XXI вв. Определены научные проблемы и основные задачи исследования по развитию архитектурной типологии крестьянских фермерских хозяйств.

Ключевые слова: крестьянские фермерские хозяйства; типология; трудовая повседневность; процессы; крестьянский быт; аграрные реформы; проблемы исследования.

Трудовая повседневность составляла основу жизнедеятельности русского крестьянства, а ее содержание до начала XX столетия составляли традиционные формы аграрного производства. Духовные основы земледелия выражались в эстетическом восприятии производственного процесса и этике трудовых отношений. Характер аграрного труда выработал архетип слитности крестьянина с землей. Земледельческий труд для крестьянина был больше, чем просто процесс материального воспроизводства, он составлял основу его духовной жизни. Сакральное отношение жителей села к земле обнаруживалось в распространенном обычае клятвы землей и в многочисленных деревенских обрядах, которые были с ней связаны. Условия крестьянского труда определялись циклом сельскохозяйственных работ и православным календарем. Природно-климатический фактор выработал рациональные сроки и приемы обработки земли, а также меры для минимизации хозяйственного риска. Повседневный труд русского земледельца, основанный на опыте предыдущих поколений, характеризовался традиционными формами организации хозяйственных и семейно-бытовых процессов и оказывал существенное влияние на функционально-планировочную структуру среды жизнедеятельности семейного крестьянского хозяйства. Орудия труда были не столь примитивны и позволяли хлеборобам достаточно качественно производить необходимые технологические операции. Многолетний опыт хозяйствования в сочетании со знанием особенностей почв, природно-климатических условий и местного ландшафта позволял крестьянам определить наиболее рациональные приемы и сроки обработки земли. Жесткая зависимость земледельческого труда от погодных условий нашла свое отражение как в народных приметах, так и в приемах планировочной организации крестьянской усадьбы и архитектуре жилья.

Мотивация трудовой деятельности крестьянства выражалась в обеспечении потребностей крестьянской семьи, которые определяли перечень сельскохозяйственных культур, производимых земледельцами. Их выбор зависел от качества почв, погодных условий, урожайности и т.п. Производство «рыночных» культур было обусловлено нуждой крестьян в средствах, необходимых для уплаты налогов и приобретения промышленных товаров. Составной частью земледельческой культуры русской деревни являлась система технологических операций, направленная на получение урожая. Агротехнические новации рождались как на основе индивидуального опыта земледельцев, так и посредством заимствования образцов

хозяйствования лучших помещичьих хозяйств. Рабочее время и силы взрослых членов домохозяйства, мужчин, были задействованы прежде всего на полевых работах (раскорчевка, пахота, посев, сенокошение, жатва хлеба косами) и обмолоте хлебов; в животноводстве – на обеспечении всего скота водой в стойловый период, уходе за лошадьми; в домашнем быту – на заготовке дров. Мужскими промыслами считались извоз, охота, рыболовство, обработка металла и дерева. Главные и весьма трудоемкие женские занятия – прополка полей от сорняков, сгребание скошенного сена, большинство огородных работ, жатва хлебов серпом, уход за всеми видами скота (кроме лошадей), доение коров и переработка молока. Большие затраты труда женщин требовались в прядении и ткачестве, и особенно – в сфере домашней работы (приготовление пищи, уборка, пошив и стирка одежды и другое), которая отнимала более 40% всего рабочего времени и удлиняла женский рабочий день на 1–2 часа по сравнению с мужским. Обязанностью подростков было: боронить пашню и заделывать семена, управлять лошадью во время перевозки копен на сенокосе и обмолота хлебов, водиться с младшими детьми. В работах по жилищу и подворью, в уходе за малышами до глубокой старости участвовали пожилые люди. Многопрофильность российского крестьянского труда стала одним из следствий длительного сохранения натурального хозяйства. Помимо земледельческих навыков каждый крестьянин должен был быть и плотником, и столяром, и печником, и сапожником **[1].**

Сфера крестьянского быта отличалась наибольшей устойчивостью. Причины тому – характер аграрного производства, замкнутость сельского мира и крестьянский традиционализм. Отличие в пище, одежде, жилище находилось в прямой зависимости от хозяйственного достатка крестьянской семьи. Перемены в сельском быту были следствием участившихся связей с городом, влиянием отхожего промысла, увеличения денежных накоплений и роста культурных потребностей жителей села.

Вопросы повседневной жизни деревни регулировались через традиционную форму крестьянского самоуправления – сельский сход (общину). Соборный характер решения повседневных вопросов деревенской жизни позволял наиболее полно учитывать интересы и нужды членов сельской общины. Сельская община выступала хранительницей нравственных устоев деревни, осуществляя контроль над поведением своих членов силой общественного мнения. Общинная помощь регулировалась целой системой норм поведения. Принципы крестьянского общежития основывались на христианской морали. Семейно-брачные отношения, этические нормы поведения, формы проведения досуга, различные виды взаимопомощи формировались и приобрели присущие им черты под воздействием православия. Православные традиции были органически вплетены в канву повседневной крестьянской жизни, которая проходила не только в рамках сельской общины, но и церковного прихода **[2].**

Увеличение сельского населения в обжитых районах страны в условиях ограниченности пахотных земель вело в малоземелью крестьянских хозяйств, что побуждало к более интенсивному использованию сельскохозяйственных угодий, способствовало массовому переселению крестьян из европейской части Российской империи на территории Сибири и Дальнего Востока и проведению в 1906 г. аграрной реформы в России. Центральным звеном аграрной реформы П.А. Столыпина было создание крепкого семейного крестьянского хозяйства, а ее долгосрочной целью – устойчивое процветание и развитие сельского хозяйства и

крестьянства, интеграция крестьянства в рыночную экономику. Реформа разворачивалась в нескольких направлениях:

– замена коллективной собственности на землю сельских обществ полноценной частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев;

– искоренение устаревших сословных гражданско-правовых ограничений, препятствовавших эффективной хозяйственной деятельности крестьян;

– повышение эффективности крестьянского сельского хозяйства; выделения крестьянам-собственникам участков «к одному месту» (отруба, хутора); проведения землеустроительных работ по разверстанию чересполосных общинных земель.

– поощрение покупки частновладельческих (прежде всего помещичьих) земель крестьянами. Поощрение наращивания оборотных средств крестьянских хозяйств через кредитование во всех формах.

С началом Первой мировой войны реформа замедлилась, а Февральская революция 1917 г. стала концом реформы. Временное правительство не смогло добиться даже минимального уровня контроля над ситуацией в деревне. Немедленно начался захват помещичьих земель и разорение усадеб. Во многих случаях такому же захвату подвергались и частновладельческие земли наиболее преуспевших крестьян. В результате к концу 1917 г. помещичье землевладение было окончательно уничтожено, а крестьянскому частному землевладению был нанесен огромный урон. Большинство земель, ранее закрепленных в собственность, было переделено между крестьянами по уравнительному принципу. Советская власть признала все формы землевладения (общинную, частную, коллективную), кроме помещичьей формы. В результате крестьяне-собственники на отрубах, бывшие главной целью столыпинской реформы, в некоторых случаях смогли просуществовать до коллективизации, которая разрушила последние остатки аграрного строя старой России. Административно-командная система советского государства окончательно разрушила традиционные социально-хозяйственные основы жизни крестьянской семьи, повлияла на духовный мир и семейно-бытовые традиции крестьян, существенно изменила форму сельскохозяйственного производства и сельскую среду жизнедеятельности. Поступательный, эволюционный процесс развития архитектурно-планировочной структуры индивидуальных крестьянских хозяйств России, основанный на традиционных укладах и производственно-хозяйственных и семейно-бытовых процессах прервался на десятилетия **[3]**.

Происходящие в России на рубеже XX–XXI вв. социально-экономические и политические преобразования привели к появлению новых форм организации сельскохозяйственной деятельности. Сегодня в составе сложившегося многоукладного сельского хозяйства России, отражающего многообразие организационно-правовых форм и хозяйственных особенностей производителей, свою нишу занимают крестьянские фермерские хозяйства (КФХ). Из них более 95% являются хозяйствами семейного типа. Семейный сектор представляет собой наиболее динамично развивающуюся часть агропромышленного комплекса, важнейшую движущую силу возрождения аграрной России. За последние 12 лет ежегодные темпы роста производства в данном секторе составили более 13%, что значительно выше, чем в целом по сельскому хозяйству страны. Доля КФХ в производстве зерна возросла до 24%. Производство картофеля за последние пять лет по отрасли увеличилось на 7,5%, а в фермерском секторе прирост составил

74,1%. По овощам за аналогичный период увеличение производства составило 19% по отрасли и 64,7% – в фермерских хозяйствах. Фермерский сектор является единственным, в котором неуклонно растет поголовье крупного рогатого скота (КРС) и увеличивается производство молока. Личные подсобные хозяйства и крестьянские фермерские хозяйства образуют особую категорию – крестьянские семейные хозяйства (КСХ). С 1995 по 2014 г. удельный вес КСХ в общем объеме производства сельхозпродукции в России вырос с 49,8% до 60,1% – они стали главными товаропроизводителями в стране **[4]**.

Помимо производственной функции крестьянское фермерское хозяйство играет важную роль в общественной жизни российского села, укреплении института крестьянской семьи, трудовом и нравственном воспитании детей, улучшении демографии, обеспечении заселенности обширных российских территорий, социальном контроле и защите природной среды. Выступая на съезде фермеров в Тамбове в марте 2011 г., В. Путин отметил: «Мы с полным основанием можем говорить, что фермерство в России состоялось как экономическая и социальная сила, в значительной степени как опора страны, как важнейший источник развития российских территорий, возрождения нашего села и его лучших традиций». 22 ноября 2013 г. Организация Объединенных Наций провозгласила 2014 год Международным годом семейных фермерских хозяйств с целью обратить внимание на их огромный потенциал в борьбе против голода, а также подчеркнуть их роль в сохранении природных ресурсов:

– семейные и мелкие фермерские хозяйства неразрывно связаны со всемирной продовольственной безопасностью.

– семейные фермерские хозяйства сохраняют традиционные виды продовольствия, способствуют сбалансированному питанию, охране сельскохозяйственного биоразнообразия и рациональному использованию природных ресурсов.

– семейные фермерские хозяйства позволяют добиться экономического роста на местном уровне, особенно при наличии конкретной политики, направленной на социальную защиту и благосостояние общества.

Важной задачей комплексного освоения природных ресурсов и развития аграрного сектора Сибири, играющей возрастающую роль в экономике страны, является увеличение устойчивого производства сельскохозяйственной продукции. В рамках федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.» и региональной «Концепции развития сельского хозяйства Новосибирской области» среди прочих предусматривается решение следующих задач, связанных с развитием КФХ:

– устойчивое развитие сельских территорий в качестве непременного условия сохранения сельских трудовых ресурсов области, относительно равномерное расселение жителей области по ее территории;

– повышение качества жизни сельского населения и создание условий для переселения жителей городов и поселков в сельскую местность для работы;

– обеспечение реальной государственной поддержкой крестьянских подворий, объединение их в производственную кооперацию по производству экологически чистой продукции;

– поддержка и обеспечение опережающего развития малых форм хозяйствования – крестьянского подворья и фермеров;

– развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских

(фермерских) хозяйств;

– минимизация логистических издержек и оптимизация факторов, определяющих конкурентоспособность продукции с учетом рационального размещения и специализации сельскохозяйственного производства по районам области.

– экологизация и биологизация агропромышленного производства на основе применения новых технологий в растениеводстве, животноводстве в целях сохранения природного потенциала и повышения безопасности пищевых продуктов.

В малых поселениях Западной Сибири крестьянские семейные хозяйства сегодня дают более 80% потребности семьи в продуктах питания. Их производство связано с трудностями, создаваемыми более суровыми климатическими условиями. По сравнению со средней полосой Европейской России здесь более низкие зимние температуры, снегопады, более длительным зимним периодом и более коротким летним вегетационным периодом. В таких условиях КСХ требуют больших земельных участков и значительно больших затрат времени и труда на их обработку. Отсутствие централизованного снабжения значительной части сельского населения мясомолочными продуктами влечет за собой и большее количество содержащегося в типичном крестьянском семейном хозяйстве скота и птицы. В результате КСХ сибиряков требует затрат времени в 2–4 раза больше, чем в хозяйствах европейской части страны. Это вызывает стремление населения сокращать трудоемкость КСХ без снижения его продуктивности.

В течение последних 30 лет в южной аграрно-индустриальной зоне Западной Сибири исчезло более 8 тысяч поселений. Полностью обезлюдело 33% прежде заселенных территорий района, по величине это 160 тыс. кв. км. Миграционный отток жителей из аграрных зон уменьшил там плотность сельского населения с 5 до 3 чел. на 1 кв. км. Центр тяжести в распределении многих видов производства сместился в урбанизированные зоны региона.

Изучение опыта формирования крестьянских фермерских хозяйств в Западной Сибири позволило определить ряд проблем и задач. К ним относятся:

– установить основные этапы и особенности эволюции типов индивидуальных крестьянских и фермерских хозяйств в Западной Сибири;

– провести сравнительный анализ и определить закономерности архитектурного формирования КФХ в отечественной и зарубежной практике;

– определить типологические особенности размещения КФХ в системе расселения с учетом новых концепций пространственной организации территорий, найти рациональные приемы и построить модели оптимального размещения, взаимосвязи КФХ с жилыми зонами, транспортными коммуникациями, с объектами производственной и социальной инфраструктуры сельских поселений, с элементами природной среды;

– провести оптимизацию архитектурно-планировочной структуры КФХ в энергозатратных условиях Сибири, определить параметры и состав функционально-планировочных элементов крестьянского фермерского хозяйства и усадьбы, учитывающие особенности производственно-хозяйственных и семейно-бытовых процессов в КФХ, использование альтернативных, возобновляемых источников энергии и решение экологических задач;

– предложить конструктивно-технические решения жилых и производственных зданий КФХ и приемы объемно-пространственного построения комплекса КФХ для энергозатратных условий Западной Сибири.

Разработка научной темы обусловлена территориальными особенностями расселения в Сибири с характерной очаговой ее концентрацией в урбанизированной зоне юга региона, где сосредоточены трудовые инвестиции, инфраструктура, транспортные потоки. Из-за редкой заселенности юга Сибири вся ее территория и сельскохозяйственные земли мало насыщены социальной, производственной и транспортной инфраструктурой, что является причиной экстенсивности хозяйства в аграрных зонах сельского расселения. Разобщенность населенных пунктов удорожает производство, переработку и сбыт продукции. В аграрной зоне за последние годы количество населения уменьшилось на треть, в ткани сельского расселения растут пустоты. Территория с наибольшим потенциалом формирует вокруг себя поле притяжения.

Существенно изменилась типология сельскохозяйственных предприятий. Повышается роль индивидуального фермерского хозяйства, которое в развитых странах мира является ведущим элементом сельскохозяйственного производства. Отсутствие исследований регионального опыта функциональной и архитектурно-планировочной организации сельской производственной среды определяет необходимость установить закономерности градостроительного развития, выявить характерные тенденции и дать принципиальные предложения по архитектурно-планировочному преобразованию среды агропромышленного производства, выявить особенности архитектурного формирования крестьянских фермерских хозяйств в энергозатратных условиях Западной Сибири.

Следует учитывать малый опыт архитектурного формирования КФХ в России и на территории Сибири и отсутствие за последние годы научных исследований в данной области как следствие распада системы зональных научно-исследовательских и проектных институтов в регионе, которые внесли большой вклад в практику проектирования сельских поселений и сельскую жилую и производственную архитектуру Сибири. В этой связи возникает необходимость теоретической разработки вопросов, связанных с особенностями эволюции архитектурного формирования крестьянских хозяйств Сибири и проектированием и строительством КФХ в новых социально-экономических условиях, основанных на современных тенденциях развития технологий, науки и техники, с выявлением их специфики, обусловленной суровыми климатическими условиями, сложившейся неравномерной системой расселения, особенностями функционально-планировочной и архитектурно-пространственной организации крестьянских фермерских хозяйств, в основе которых лежит неразрывное сочетание элементов сельской среды: объектов производства, жилой зоны, транспортной, инженерно-технической и хозяйственно-бытовой инфраструктуры и природного и культурного ландшафта.

Библиографический список

1. Крестьянское хозяйство (двор) // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН: Изд-во «Историческое наследие Сибири». – Новосибирск, 2009.
2. *Явнова Л.А.* Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: дис. … канд. ист. наук. – Бийск. 2002.
3. *Жулаева А.С.* Образ жизни крестьян Восточной Сибири, 1920–1926 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Красноярск, 1999.
4. Экономическая эффективность и социальная значимость семейных фермерских хозяйств: матлы Всероссийской науч.-практ. конф., 3–4 декабря 2013 г., Москва, Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). – М.: Брейн Принт, 2014. – 256 с.

Ивлева А.М.
ivleva.anny@yandex.ru
Булгач Р.В.
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 711.1
ББК 85.113

ПОСЕЛОК С АГРОКОМБИНАТОМ И ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМОЙ НА ОСНОВЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА

Аннотация. Исследование посвящено проектированию поселков с агрокомбинатом с энергоэффективной системой на основе замкнутого цикла, позволяющим максимально эффективно использовать ресурсы, обеспечить высокое качество жизни и производимой продукции с минимальным ущербом для окружающей среды. Проектирование таких поселков должно происходить в соответствии с концепцией устойчивого развития, иметь гармонично развитую структуру и представлять собой симбиоз жилого и агропромышленного секторов.

Ключевые слова: энергоэффективность; устойчивое развитие; жилая архитектура; агропромышленная архитектура.

1. Основные проблемы устойчивого развития в современном мире. Концепция устойчивого развития, возникшая в 1970-х гг., становится все более актуальной. Она подразумевает гармоничное развитие трех составляющих: экономической, социальной и экологической. С ростом населения планеты проблемы устойчивого развития становятся более масштабными, и появляется острая необходимость их стратегически правильного решения.

Одна из ключевых проблем современного общества – это эффективное использование энергоресурсов. Энергетическая промышленность использует большое количество ресурсов, а также вносит значительный вклад в загрязнение окружающей среды. В декабре 1997 г. в городе Киото (Япония) был принят Киотский договор – соглашение, обязывающее развитые страны и страны с переходной экономикой сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов: углекислого газа, метана, фторуглеродов, закиси азота и гексафторида серы **[1]**. Российская Федерация взяла на себя обязательства сохранить количество выбросов на уровне 1990 г., однако 27 сентября 2015 г. на саммите Глобального развития в рамках Генеральной ассамблеи ООН глава МИД РФ Сергей Лавров заявил о перевыполнении Россией своих обязанностей по Киотскому протоколу, приводя данные об уменьшении выбросов от энергетического сектора в России за последние 20 лет на 37%. Тем не менее Россия все еще имеет большой потенциал для улучшения данного показателя. Энергетическая промышленность является лидером по выбросам парниковых газов, в России доля выбросов в этом секторе составляет 36% от общего числа. Таким образом, повышение энергоэффективности зданий несет в себе огромный потенциал снижения выбросов в атмосферу, а также повышения качества жизни людей.

Помимо экологического аспекта существенную роль играет экономическая составляющая. Характерной особенностью нашей страны является наличие обширных территорий и большое расстояние между населенными пунктами,

особенно в азиатской части России. Дороговизна монтажа тепло- и электросетей на большие расстояния, а также существенные теплопотери при большой длине трубопровода приводит не только к повышению стоимости расширения городов и населенных пунктов, но и делает трудновыполнимым освоение отдаленных территорий.

Особое место занимают тепло- и электрогенераторы, использующие возобновляемые источники энергии. Они экологически чистые, могут быть установлены локально без прокладки сетей и не требуют топлива, избавляя от необходимости его доставки. Однако стоимость производства оборудования достаточно высока при низком КПД. Тем не менее технологии производства постоянно развиваются, повышая качество продукции и снижая ее стоимость. Нынешний рекорд КПД фотоэлемента – 44,7%. Такой фотоэлемент создала группа специалистов из Института систем солнечной энергии общества Фраунгофера компаний Soitec, CEA-Leti и Центра имени Гельмгольца (Берлин) в 2013 г. **[2]**.

Еще один важный вопрос – это решение проблемы утилизации отходов. В России ежегодно производится около 3,8 млрд. тонн всех видов отходов. Количество ТБО составляет 63 млн. тонн/год (в среднем 445 кг на человека). Состав ТБО: бумага и картон – 35%, пищевые отходы – 41%, пластмассы – 3%, стекло – 8%, металлы – 4%, текстиль и другое – 9%. В среднем перерабатывается 10%–15 % мусора. Твердые бытовые отходы подвергаются переработке только на 3%–4%, промышленные на 35 %. В основном мусор свозится на свалки – их в России около 11 тысяч. В них захоронено около 82 млрд. тонн отходов. Накопление отходов на свалках приводит к химическому и биологическому загрязнению почвы, использованию большого количества территорий **[3]**.

Также существует проблема производства качественных продуктов питания. Для снижения стоимости производства продукции многие агропромышленные комплексы используют удобрения, ускорители роста и т.д. в растениеводстве и гормональные препараты, антибиотики и т.д. в животноводстве в объемах, превышающих предельно допустимую норму, что оказывает негативное влияние на здоровье человека и состояние окружающей среды.

2. Концепция поселка с агрокомбинатом с энергоэффективной системой на основе замкнутого цикла. Поселок с агрокомбинатом с энергоэффективной системой на основе замкнутого цикла представляет собой единую систему, состоящую из жилого и агропромышленного блоков. Система представляет собой замкнутый цикл обмена ресурсами между блоками. Агропромышленный блок производит и поставляет в жилой блок продукты, кислород, вырабатываемый растениями, и электричество, а использует отходы жилого блока: биологические отходы, сточные воды, углекислый газ – в качестве ресурсов.

3. Решение проблем устойчивого развития в энергоэффективной системе на основе замкнутого цикла поселка с агрокомбинатом. Данная система включает в себя все аспекты устойчивого развития, обеспечивая жителей рабочими местами и комфортной средой с заботой об окружающей среде.

Энергообеспечение решается полностью за счет комбинации возобновляемых источников энергии.

Использование энергии солнца является одним из наиболее популярных в настоящее время способов применения возобновляемых источников энергии. Солнечные панели используются для преобразования энергии солнечной радиации в тепловую или электроэнергию для обеспечения потребностей

комплекса. КПД фотоэлементов повышается за счет использования линз, которые собирают солнечный свет в пучок и направляет на фотоэлемент. Таким образом, увеличивается количество энергии, поступающей на солнечную панель, что позволяет повысить КПД элемента и уменьшить его площадь.

Геотермальные тепловые насосы (также называемые тепловыми насосами грунтового источника) используют постоянную температуру земли для согревания или охлаждения помещений. Они, как правило, эффективней воздушных тепловых насосов, служат дольше и могут обеспечить горячей водой с большей энергоэффективностью, нежели стандартный электрический водонагреватель.

Помимо этого, важно учесть необходимость рационального проектирования для максимального использования солнечного света и тепла.

Еще один распространенный тип возобновляемой энергии – это энергия ветра. Для использования этого типа энергии создаются ветрогенераторы – устройства для преобразования кинетической энергии ветрового потока в механическую энергию вращения ротора с последующим ее преобразованием в электрическую энергию. Мощность ветрогенератора зависит от мощности воздушного потока, определяемой скоростью ветра и ометаемой площадью. Наиболее эффективны горизонтально-осевые системы.

Также проблему обеспечения энергией частично способно решить правильное озеленение территории. Рациональное использование озеленения способно сократить расходы энергии на 10–25%. Озеленение – это природный способ защиты от летнего перегрева солнцем и от холодных зимних ветров. Удачно посаженое растение способно создать эффективный щит от неблагоприятного климатического воздействия и при этом повысить эстетический уровень здания. Для использования озеленения в качестве щита от палящего солнца и холодного ветра важно учитывать ориентацию здания или сооружения по сторонам света. Правильная посадка деревьев может снизить перегрев здания летом на 40–80% **[4].**

Вечнозеленые растения способны существенно замедлить холодный зимний ветер, который в Новосибирской области обычно дует с юго-запада. Большие лиственные деревья дают тень и прохладу летом и в тоже время пропускают солнечный свет зимой. Лиственные деревья наиболее эффективно высаживать на восточной, западной и южной сторонах здания **[4].**

Для повышения эстетического облика блоков комплекса и улучшения качества среды можно использовать вертикальные сады. Идея таких садов принадлежит французскому ботанику Патрику Бланку. Бланк разработал технологию вертикального озеленения, позволяющую закреплять растения на поверхности стены. Если говорить о внешних живых стенах, то на фасаде здания монтируется металлическая рама с тонким непромокаемым каркасом из пластика, покрытого полимерным войлоком с отверстиями (кармашками), куда высаживаются растения. Толщина установки не превышает нескольких сантиметров, а небольшой вес безопасен для стен здания: квадратный метр сада весит примерно 30 кг. Высаженный сад автоматически получает питательный минеральный раствор для беспочвенного выращивания и воду через специальные трубки и фильтры. Патрик Бланк каждый раз создает новую растительную картину, не повторяясь и радуя своих заказчиков. В самой технике посадки вертикального сада нет ничего сложного, она довольно примитивна, самое сложное и интересное в этой работе, по словам Бланка, – это знать какое растение

куда посадить (так, более светолюбивые растения помещаются в верхние ярусы, а тенелюбивые – внизу по законам природы).

Важный момент системы комплекса – это обмен ресурсами между блоками. Агропромышленный блок поставляет в жилой блок продукты питания и кислород, забирая у жилого блока биологические отходы, используемые для дальнейшей переработки и применяемые в качестве удобрения, и углекислый газ, который растения используют для фотосинтеза.

Системный подход позволяет снизить расходы на энергетические ресурсы и удобрения, что избавит от необходимости использования опасных для здоровья человека и состояния окружающей среды методов производства. Таким образом, подобная система способна увеличить качество производства в агропромышленном блоке и повысить качество жизни в жилом блоке в совокупности со снижением стоимости ресурсов.

Заключение. Предложена энергоэффективная система поселка с агрокомбинатом на основе замкнутого экологического цикла в границах концепции устойчивого развития современной среды обитания. Использованы наиболее современные методы и подходы, обеспечивающие высокий уровень энергоэффективности и качества жизни с минимальным ущербом для окружающей среды. Подобные системы можно использовать как при расширении территорий существующих поселений, так и для освоения новых, в том числе отдаленных, территорий.

Библиографический список

1. Официальный текст Киотского протокола к рамочной конвенции Организации объединенных наций об изменении климата, 1998. – 26 с.
2. *Nisson N.* The Virginia Energy Savers Handbook. A Guide to Saving Energy, Money, and the Environment / N. Nisson, A. Wilson. – Virginia: Virginia State University, 2008. – 176 p.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2011 году». – С. 67.
4. Soiltec [Электронный ресурс]: Франция. Soiltec, 2013. – URL: http://www.soitec.com/, свободный.

Рукавишникова А.М.
anna_ru_84@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.1
ББК 85.113

МОДЕЛИ ГРУППИРОВКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Аннотация. В производственной практике существуют модели группировки элементов животноводческих ферм крупного рогатого скота. Основой в архитектурно-планировочных решениях схем генеральных планов животноводческих ферм является разделение технологических циклов на специализированные производственные площадки. Используя технологический подход по организации производственного процесса ферм крупного рогатого скота, предлагается четыре модели группировки функциональных элементов при формировании производственных территорий.

Ключевые слова: животноводческие комплексы; архитектурно-планировочные решения; технологические процессы; производственные территории.

В настоящее время большое значение уделяется проектированию новых крупных животноводческих комплексов. Проектируя животноводческие комплексы для крупного рогатого скота, необходимо учитывать природно-климатические, социально-экономические условия и др. при выборе технологических и технических решений. Реконструкция существующих или строительство новых животноводческих комплексов позволяет создать оптимальные условия для содержания животных.

Мировая и современная российская практика показывает, что содержание скота в условиях беспривязного содержания максимально соответствует физиологии животных. Поэтому беспривязное содержание представляет основную форму содержания крупного рогатого скота **[1]**.

В производственной практике существуют три модели ферм крупного рогатого скота:

– ферма по производству молока;

– ферма по производству молока и выращиванию ремонтных телок;

– ферма по производству молока и говядины с законченным производственным циклом.

Эти модели в процессе производства требуют применения передовых технологий и оснащения современным оборудованием.

Основной тенденцией в архитектурно-планировочных решениях схем генеральных планов животноводческих ферм является разделение технологических циклов на специализированные производственные площадки. В производстве они соединены только технологическими линиями, имея самостоятельные объекты с автономной системой инженерного обслуживания.

Используя технологический подход по организации производственного процесса ферм крупного рогатого скота, предлагается четыре модели группировки функциональных элементов при формировании производственных территорий генеральных планов:

1. Освоение трехплощадочного производства, основанного на реконструкции или новом строительстве товарных крупных комплексов КРС мощностью 1600 более коров *(рис. 1)*. Основным направлением является перевод из старых помещений цеха содержания дойных коров и телят до 6 месяцев с родильным отделением в новые высокомеханизированные фермы. Размещение цехов содержания ремонтного и откормочного молодняка производить в имеющихся в хозяйстве или вновь проектируемых (по необходимости) помещениях. Следовательно, схема генерального плана будет представлять собой не единую ограниченную территорию, а рассредоточенную специализированными производственными площадками.

2. Освоение кооперированного одноплощадочного или двухплощадочного производства основано на реконструкции или новом строительстве ферм КРС мощностью 800–1200 коров. В этом случае при новом строительстве молочно-товарная ферма и ферма по выращиванию ремонтных телок и нетелей будет размещаться на одной территории главного предприятия, при реконструкции на расстоянии друг от друга в зависимости от существующих помещений. Откорм крупного рогатого скота рассредоточен на фермерских подсобных хозяйствах или продан населению *(рис. 2, 3)*.

3. Освоение одноплощадочного производства основано на реконструкции или новом строительстве ферм по производству молока и говядины с полным производственным циклом мощностью 300–600 коров. Схема генерального плана будет представлять единую площадку с соблюдением санитарного разрыва между молочной фермой и откормом молодняка *(рис. 4)* **[2]**.

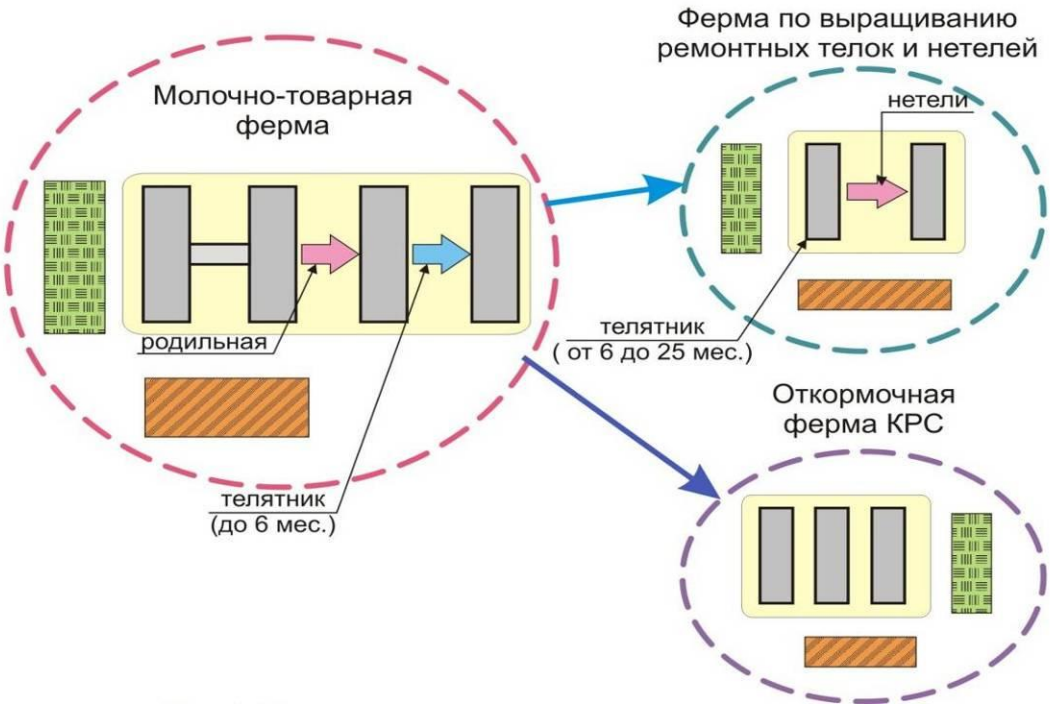


Рис. 1. *Трехплощадное производство крупных молочно-товарных ферм*

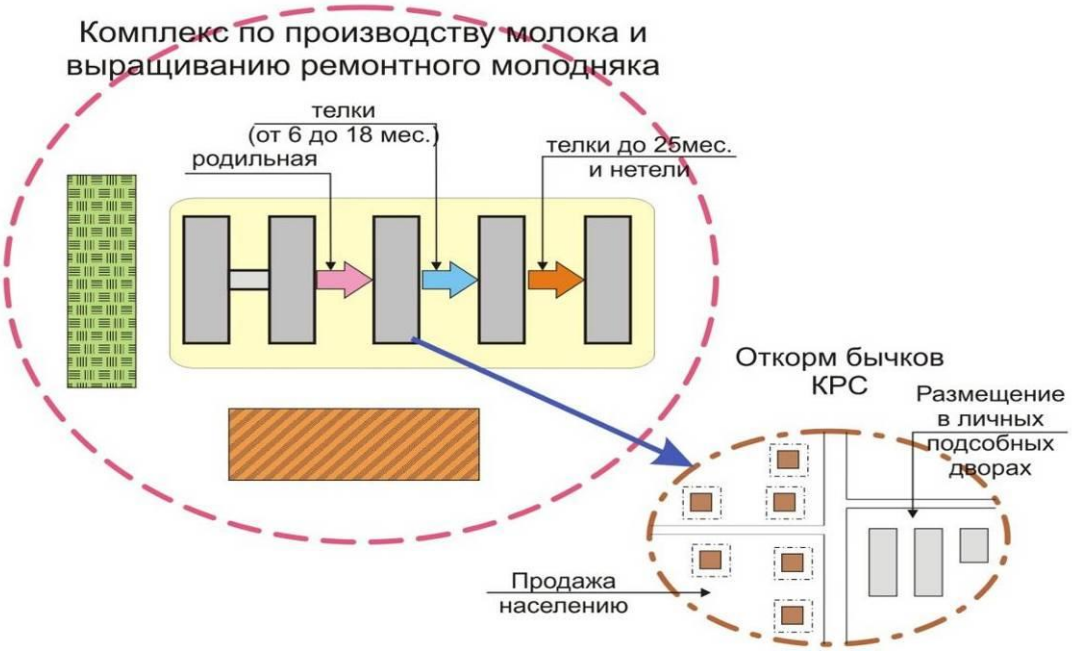


Рис. 2. *Кооперированное одноплощадное производство средних молочно-товарных ферм*

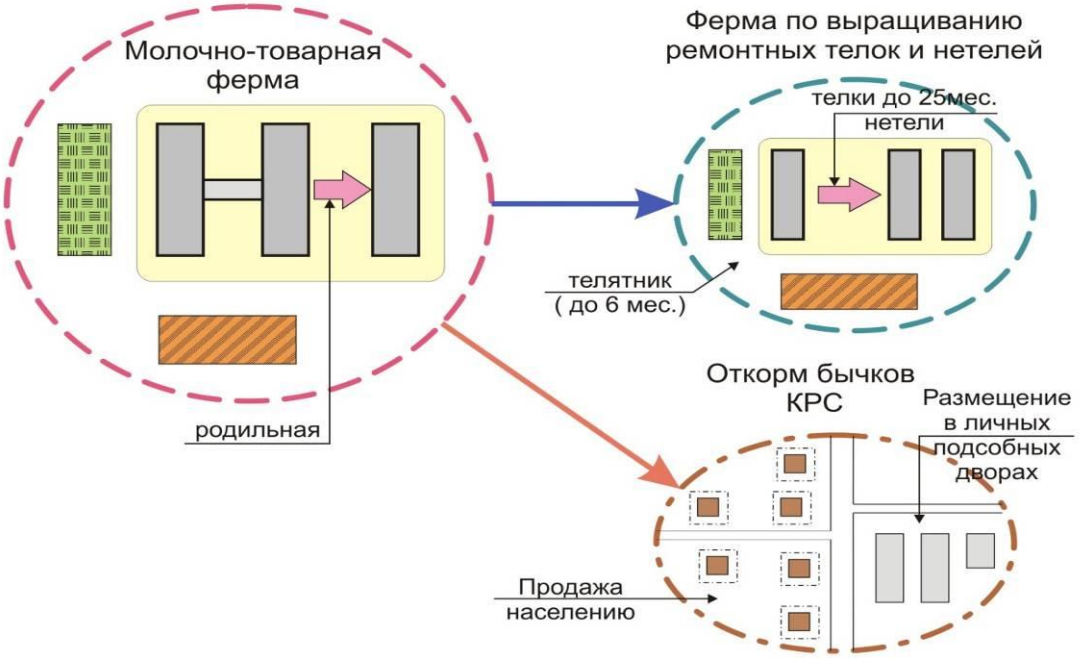


Рис. 3. *Кооперированное двухплощадное производство крупных молочно-товарных ферм*

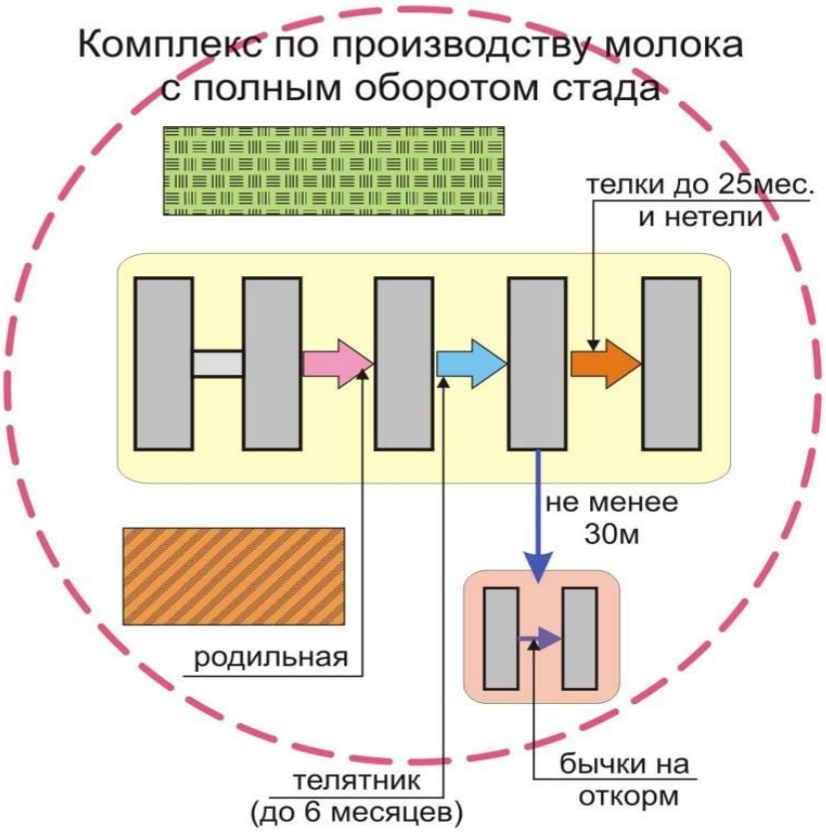


Рис. 4. *Одноплощадное производство средних молочно-товарных ферм*

Заключение. В данных моделях группировки элементов животноводческих ферм можно выделить следующие:

– узкую специализацию предприятий, расположенных на расстоянии друг от друга, чтобы позволить избежать серьезных последствий загрязнения окружающей среды и отрицательного влияния биологических факторов на здоровье и продуктивность животных;

– принципиально новый подход при проектировании и строительстве предприятий КРС, который обеспечит поэтапный ввод производственных помещений в эксплуатацию и более быструю их окупаемость.

Все четыре модели группировки элементов ферм необходимо базировать на ресурсосберегающих технологиях нового поколения.

Библиографический список

1. Рекомендации по переходу с традиционной на беспривязную систему содержания крупного рогатого скота с целью миниминизации потерь продуктивности животных в АПК Ленинградской области. – СПб: ГНУ СЗНИИМЭСХ Россельхозакадемии, 2008. – 64 с.
2. СибНИИЖ 14.Н1 // Отчет / Клименок И.И., Рогачев В.А., Колчев А.Г., Мартыко Ю.И., Бакланова Н.Н, Яковенко Н.А, Чайко Н.В., Рукавишникова А.М. – Новосибирск, 2012.

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

Акименко А.В.
akimenko_nastya@mail.ru
Курбатова Н.В.
gfgfvfvf@ngs.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

ТЕКСТИЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Исследование посвящено транспарентным свойствам зданий и сооружений посредством применения текстильной архитектуры. На примере концепции детского развлекательного комплекса показана технология применения текстильной архитектуры на территории Юго-Западной Сибири.

Ключевые слова: текстильная архитектура; транспарентная архитектура; прозрачные конструкции.

1. Популярность текстильной архитектуры. Современное строительство и технологии в строительстве не стоят на месте, а развиваются с каждым днем, привнося инновации в архитектурный облик многих городов. На сегодняшний день текстильная архитектура является этим новшеством, которая набирает все больше и больше популярности в строительстве. Однако многие проектировщики, практикующие в северных районах или в местах с резко континентальным климатом, относятся к текстильным технологиям проектирования скептически, так как у них возникает множество вопросов и разночтений по поводу пригодности и практического применения. В зарубежной практике текстильная архитектура уже завоевала признание в архитектурных и строительных кругах и активно применяется для строительства не только общественных, но и жилых зданий **[2]**.

Конечно, в Европе и в Америке климат более мягкий, в этих странах архитекторы не заостряют особо свое внимание на таких важных вещах, как снеговая нагрузка, образования конденсата (используя большие остекленные прозрачные поверхности при большом перепаде наружной и внутренней температуры), значительная потеря тепла при использовании большепролетных прозрачных конструкций. Такие вопросы вполне логичны. Они возникают у «архитекторов севера» по причине отсутствия информации о возможности использования новых текстильных материалов, особенно для больших прозрачных фасадных поверхностей зданий, возводимых в северных районах **[1]**.

2. Концепция детского развлекательного комплекса с применением текстильной архитектуры. С целью более глубокого изучения темы текстильной архитектуры, автором был разработан проект детского развлекательного комплекса на побережье реки Обь в Новосибирской области. Комплекс расположен в Октябрьском районе на правом берегу реки на набережной неподалеку от аттракциона «Колесо обозрения» *(рис. 1)*.

Данная работа отчасти нацелена на то, чтобы призвать архитекторов и заказчиков использовать текстильную архитектуру, убедить их в экономичности, в

малой трудозатратности и развенчать сомнения о применении данной технологии в северных районах.

Концепция архитектурного решения достаточно проста. Здание в плане имеет обычную прямоугольную форму, по высоте делиться на три этажа. Строение завершается сложноорганизованной пространственной зеленой кровлей со световыми проемами (шедовые окна). Ограждающая поверхность всего здания выполнена из навесного текстильного фасада, также акцент входной части берет на себе навес из тентового текстильного материала, который поддерживается на металлических опорах и крепиться на растяжках к ним.

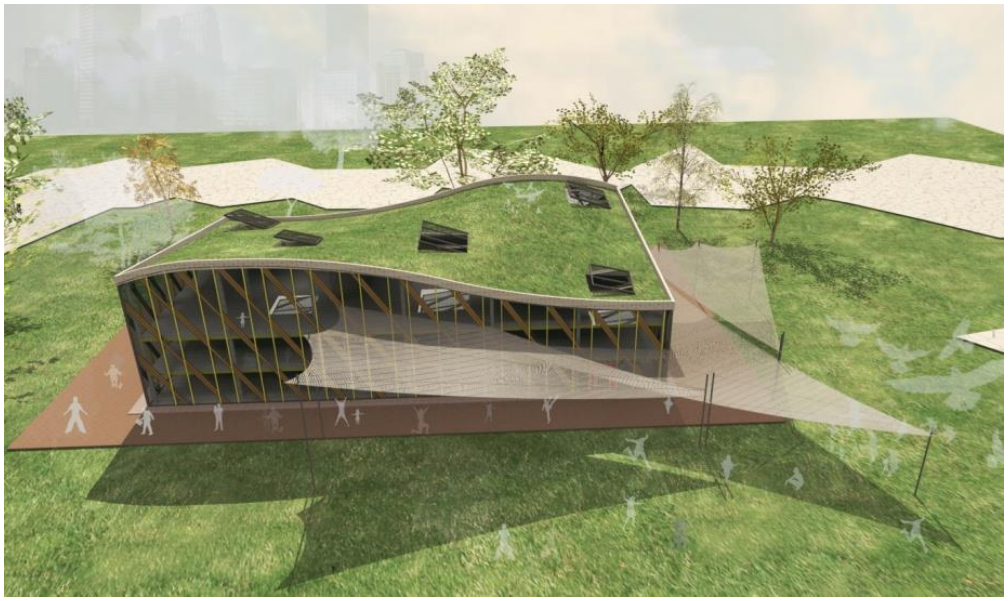


Рис. 1. *Концепция здания развлекательного комплекса*

Рис. 2. *Алюминиевые конструкции Kalzip Natur Dach*

3. Технология текстильной архитектуры. Начнем с крыши здания: кровля здания выполнена с применением технологии легких алюминиевых конструкций Kalzip Natur Dach **[3]** *(рис. 2)*. Применение данной технологии Kalzip позволяет проектировать кровлю сложной формы, при этом конструкция остается легкой формы, ее возведение не является трудозатратным, так как применяется длинные листы без стыков, кроме того, возможно производство алюминиевых конструкций

Kalzip на строительной площадке **[3]**. Также данная система не позволяет создавать мостиков холода, имеет хорошую звуко- и теплоизоляцию. Более того, разновидность данной кровли типа Natur Dach дает возможность создания зеленой кровли, что является большим плюсом и дополнительным элементом озеленения в городской застройке.

Продолжим убеждать «архитекторов севера» использовать в своих проектах текстиль. Как было сказано выше, ограждающая конструкция здания выполнена из навесного текстильного фасада. Данная конструкция состоит из четырех составных частей: утеплитель, который обеспечивает звукоизоляцию, защиту от промерзания и конденсата; ветрозащита, которая выполняет очень важную функцию, такую как регуляция влажности, и защищает здание; крепежная подсистема и облицовочные материалы. Данная система экономит тепло и требует минимальное обслуживание, легко ремонтируется и обеспечивает хороший температурный режим в здании.

Что касается навеса у главного входа, данная конструкция выполнена из мембраны PEC/PVS Тур III. Эта мембрана характеризуется высокой износостойкостью, выдерживает значительные снеговые нагрузки, что немало важно для районов с высоким коэффициентом выпадения снеговых осадков **[3]**.

Таким образом, на примере данного проекта можно сказать, что строительство транспарентных зданий из текстильной архитектуры имеют право на существование и в северных районах. При этом особое внимание следует уделять изучению технических характеристик самих текстильных материалов, таких как трудногорючесть, высокая прочность, экологичность, защита от UF лучей, долговечность и экономичность.

Заключение. Тема «текстильная архитектура как элемент транспарентности» является одной из самых дискуссионных проблем современности в архитектуре – как непосредственно для населения крупных городов, так и для профессионального архитектурно-строительного сообщества.

Транспарентная архитектура наиболее перспективное направление в строительстве. Архитектура – это философия. И она всегда отражает состояние общества. Человечество сейчас не может существовать без коммуникации – мы постоянно общаемся, разговариваем, путешествуем **[2]**. Человечество становится все более открыто миру и наши отношения должны быть прозрачны. Поэтому текстильная архитектура позволяет приблизиться к этому уровню жизни. Текстиль играет важную структурную роль в архитектуре. Данная архитектура является высокотехнологичным решением, которое часто не может быть достигнуто с помощью любого другого материала.

В нашей теме мы попыталась приблизить возможность использования текстильной архитектуры на примере концептуального решения детского развлекательного комплекса в суровых климатических районах Сибири, применили те текстильные материалы, которые подходят по свойствам для строительства в таких районах.

Библиографический список

1. Quinn 2010 – Quinn B. Textile Futures: Fashion, Design and Technology. – Oxford: Berg, 2010.
2. *Rowe C. and Slutzky R.* Transparency. – Basel: Birkhäuser, 1997.
3. URL: http://www.kalzip.com/kalzip/ru/home/default.aspx?lang=ru

Клевакин А.Н.
kan0756@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 728.37(73)
ББК 85.113

ДОМА-МУЗЕИ МАССАЧУСЕТСА (США)

Аннотация. Статья посвящена старым домам-музеям Новой Англии. Два дома миллионеров на побережье в Род-Айленде, дом Филлипса в Салеме и семейный дом Вальтера Гропиуса в Линкольне превращены в музеи и принадлежат Историческому обществу охраны Новой Англии. Приводятся фотографии построек, сделанные автором во время посещения и осмотра объектов.

Ключевые слова: дома-музеи Массачусетса; хозяева; Историческое общество охраны Новой Англии.

Два дома Ньюпорта. В конце XIX в. финансовые семьи Нью-Йорка облюбовали побережье штата Род-Айленд для проведения летнего отдыха**.** Ими были приобретены участки прибрежной полосы портового, а позже железнодорожного городка. Владельцы пригласили архитекторов, способных перенести в Новый Свет образцы европейской архитектуры. На месте ранее существовавших деревянных строений возникают новые для Америки образцы – дома-виллы.

В домашнем хозяйстве переселенцев находят место такие новшества, как телефон, ванные комнаты, автомобили. Техника и культура столичного города переносится в портовый и курортный город и закрепляется как норма жизни. В обиход домашнего хозяйства отдыхающих на фоне природы входят обширные террасы, стриженные лужайки. Частью создаваемого комфорта становятся оборудованные кухни, облицованные белой глазурованной плиткой туалеты, унитазы. В настоящий момент в перечне домов, включенных в список сохраняемых объектов Ньюпорта, десять строений прошлой эпохи. Удалось посетить два из них.

Рис. 1. *Дом Вандербильтов (The Breakers). Фото автора, 2013 г.*

Дом Вандербильтов (The Breakers) – самый величественный и представительный. Внешний вид и внутренние покои выполнены в тяжеловесной

архитектуре *(рис. 1)*. На террасе второго этажа – по типу французских, с круглыми отверстиями по бокам, плетеные кресла. Отвесные скалы побережья не позволяли оборудовать подход к океану, поэтому солнечные ванны принимались постояльцами не выходя из дома. Конные экипажи доставляли владельцев имения со станции железной дороги. Самое большое впечатление при осмотре усадьбы остается не столько от самого дома, его участка, сколько от портретов хозяина (Корнелиус Вандербилт II) и хозяйки – работа кисти Джона Сингера Сарджента (John Singer Sargent) **[1]**. Их красивые лица встречают посетителей музея и сопровождают их своим проникновенным взглядом.

Со временем дом приходит в упадок. Благодаря деятельности Общества сохранения Ньюпорта были собраны необходимые средства для выкупа ценного строения и проведения необходимого ремонта. В 1972 г. Общество сохранения купило дом у наследников и присвоило ему статус исторического памятника. По прошествии 24 лет дом Вандербильдов открывается для посетителей.

Рис. 2. *Дом «Вязы» (The Elms). Фото автора, 2013 г.*

Дом «Вязы» (The Elms). Усадьба с домом и огромным деревом на поляне принадлежали хозяевам, сделавшим свое состояние в угольной промышленности Пенсильвании. Мистер Berwind пригласил архитектора Horace Trumbauer спроектировать дом по образцу середины XVIII в. – французский Chateau d'Asnieres. Со вкусом выполнено внутреннее убранство и сады прилегающего участка. Мебель, коллекция керамики, венецианская живопись, мраморная бронзовая скульптура мастерски согласованы и производят сильное впечатление *(рис. 2)*. В каждом из американских музеев имеется магазин. Это составная часть экспозиции. Как правило, в конце экспозиции посетителей ждут специально подобранные сувениры, выполненные на тему или по мотивам. На прилавках магазина усадьбы «Вязы», помимо сувениров, украшений, головных уборов к летнему сезону, прекрасный выбор книг. Это *The Rail Road Photographs of David Plowden*, дома Новой Англии, *Costal style*. *Sally Hayden & Alice Whately* и т.д.

Появление летних резиденций Нью-Йоркской знати способствовало складыванию в прибрежном Ньюпорте Род-Айленда новой архитектуры. Социальные и архитектурные достопримечательности задали темп и масштаб последующих преобразований Ньюпорта. Прежнее дерево колониальной архитектуры сменяется архитектурой летнего дома-дворца из камня.

Сегодня каждый, кто проявляет интерес к истории Ньюпорта, может стать

членом Общества сохранения. Предлагается несколько разных уровней членства. На сайте можно увидеть полный список преимуществ. Общество также предлагает изучать американскую архитектуру. Это можно делать на образцах сохранившихся строений с XVIII в. – стиля Beaux Arts – «коттеджи» Белью-авеню. Прогрессивные образцы призваны демонстрировать место местных построек в американской истории.

Действующая программа сохранения наследия, действующая на территории Ньюпорта, предполагает проведение исследований, фестивалей, просвещение среди детей. В одной из самых романтических построек Америки можно испытать одинаково равноправное отношение к себе наравне с выдающимся лидером, международным деятелем, европейской знатью, звездами Голливуда. Сегодня архитектурный шедевр золотого века Америки дом Rosecliff не только действующий музей. Эта постройка используется для блестящих и элегантных развлечений. Предлагается разместить свадебную семью с гостями до 220 человек. В распоряжении желающих отдохнуть – открытая терраса с видом на Атлантический океан **[2]**.

Рис. 3. *Дом Филлипса. Фото автора, 2013 г.*

Дом Филлипса *(рис. 3)*. Экскурсия в Салем включала осмотр дом Филлипса. Это музей, раскрывающий частный мир семьи и его обслуживание. Единственно сохранившаяся в подлинности постройка исторической Честнат-стрит, открытая для публичного осмотра. Рассказ гида помогает проникнуть в атмосферу начала XX века. Кухня, кладовая, и спальня домашнего обслуживающего персонала представляет редко замечаемую картину того, как функционировало трехэтажное строение. Помимо канализации, электричества, водопровода вводились переговорные устройства между этажами. Так обитатели гостиной и спальной могли быть оповещены о готовности блюда с помощью голосовой связи. В расположенном на участке гараже сохранены два автомобиля – еще одна новация жизни прошлой эпохи.

Дом-музей Вальтера Гропиуса в Линкольне *(рис. 4)*. После закрытия высшей школы строительства и художественного конструирования Баухауз ее руководитель Вальтер Гропиус вынужден был покинуть Германию. Сначала ему разрешили выезд в Англию, а в 1938 г. Гропиус получил предложение о работе на архитектурном отделении Гарвардского университета в США. Америка открывалась для мастера как страна, где Гропиус смог бы продолжить свою деятельность в роли пионера нового стиля в архитектуре и дизайне. Недолго

пожив в арендуемом доме, семья Гропиус приняла решение построить свой собственный. Жилище традиционного колониального стиля не устраивало ни самого Гропиуса, ни его жену Ильзу. Благодаря помощи мецената и покровителя Helen Storrow Гропиус получает двадцать тысяч долларов и возможность выбора в личное пользование участка в пригороде Бостона для будущего домовладения. Выбор Линкольна определялся близостью Гарварда и Конкорда, в котором располагалась гимназия дочери Гропиуса.

Рис. 4. *Дом-музей Вальтера Гропиуса в Линкольне. Фото автора, 2013 г.*

Проект дома для своей семьи архитектор Вальтер Гропиус выполнил собственноручно. В доме и сейчас сохранились подлинные вещи и обустройство комнат, а на придомовой территории – возделанный хозяином и его женой ландшафт. Посещение дома дает представление о мастерстве хозяина, искусстве ведения домашнего хозяйства, вкусах и предпочтениях хозяев.

По своему построению – планам и фасадам – семейный дом в Линкольне является воплощением идей Баухауза. Дом был организован в два уровня: первый – для публичной, второй – для приватной жизни. В доме четыре ванные комнаты – две на первом этаже и две на втором. Обустройство дома свидетельствует как о рациональности и взвешенности проектного решения, так и об ограниченности возможностей переселенцев.

Нацистский режим не позволил вывезти денежные средства из Германии. Гропиус смог взять только личные вещи и мебель, которые и составили основу обустройства комнат нового дома. Образцы экспериментальной мебели из гнутых металлических трубок и прочной ткани, созданной в Германии (столы, стулья, кровати, диван), расположились в кабинете, гостиной, двух спальных комнатах.

В цехах Баухауза – по техническим требованиям Гропиуса – из фанеры, клена и грецкого ореха был выполнен единственный экземпляр большого стола на двух человек. Два единомышленника – Гропиус и Бройер – должны были работать рядом. Разработанный в Дессау «двойной» стол переехал вместе с остальной мебелью в Америку и занял место в кабинете хозяина. Расположенное над столом ленточное окно открывает вид на участок яблоневого сада.

На втором этаже для дочери оборудуется отдельная комната. По решению отца четырнадцатилетний подросток получает автономное пространство. К спальне примыкает открытая терраса. С уровнем земли комната также связана

отдельной винтовой лестницей. Это главное украшение фасада Ати, дочери Гропиуса, разрешалось использовать в любое время суток. Не нарушая покоя родителей, можно было покинуть семейный дом и вернуться обратно незамеченной.

В архитектуре дома, помимо инновационных по тем временам материалов – стеклянных блоков, акустической штукатурки из пористого материала, хромированных перил, новой технологии в освещении гостиной, использовались традиционные для Новой Англии материалы – вертикальная вагонка в отделке комнат, пробковое покрытие пола комнат, кирпич и валуны. Больших размеров холодильник на кухне был подарен владельцу дома фирмой General Electrics.

Ландшафт вокруг дома был преобразован руками хозяев. Были посажены белая сосна, вяз, дуб, бук, розы. С восточной и западной сторон дома на деревянных шпалерах расположена виноградная лоза. Вместе зеленые насаждения обеспечивают укрытие частной жизни со стороны дороги. Еще одна виноградная лоза, выходящая на террасу второго этажа, была посажена, чтобы связать дом с окружающим пейзажем. Каменные стены, выложенные владельцем собственноручно, сочетаются с натуральными валунами.

Гараж был выстроен по совету миссис Storrow у подножия холма слева от входа в дом. В настоящее время в этом строении расположен офис дома-музея.

Сложение усилий семьи, близких, которые помогали в строительстве, привели к блестящему результату: дом Вальтера Гропиуса в Линкольне – это «счастливая амальгама» новой народной Англии и духа Баухауза.

При жизни хозяина дом Гропиуса был Меккой для знаменитостей. Об этом свидетельствуют записи в гостевой книге и сохранившиеся фотографии. Единственный экземпляр этой книги сберегается по традиции выходцев из Германии.

Дом с яблоневым садом на холме потерял своего хозяина в 1969 г. В оставленном завещании сообщается, что Гропиус любит свою жену Ильзу и доверяет ей дом. Миссис Гропиус выполнила намерение мужа и создала архив Вальтера Гропиуса в Гарварде. Этот архив пополнился семейными материалами и произведениями искусства из музеев и архивов Берлина.

Превратить семейный дом Вальтера Гропиуса после его смерти в музей (Gropius House) помогло частное Историческое общество охраны Новой Англии (Historic New England). Передача дома и его имущества обществу была осуществлена в 1979 г. **[3].**

Библиографический список

1. URL: http://www.niceartgallery.com/ru/John-Singer-Sargent/Cornelius-Vanderbilt-II.html.
2. URL: https://tix.newportmansions.org/ecommerce/ItemList.aspx.
3. Сайт общества «Historic New England» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.historicnewengland.org/.

***

Благодарности. Выражаю признательность Ирине и Майклу Браун, подарившим поездку в Салем. Благодарность неутомимости и терпению Мартина Роммеля и гостеприимству Юлии Седых. Знакомство и осмотр достопримечательностей Новой Англии не могли состояться, если бы ни вдохновитель путешествия – моя жена Настасья.

Гребенников С.А.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 75.05. (571.14)
ББК 85.146.1(2Рос4нос)

ВИТРАЖ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СИНАГОГИ ЕВРЕЙСКОГО ОБЩИННО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «БЕЙТ МЕНАХЕМ», НОВОСИБИРСК)

Аннотация. Исследование опыта создания произведения монументальной живописи в технике витраж в современном культовом пространстве Новосибирска.

Ключевые слова: монументальная живопись; витраж; синагога.

Витраж как техника монументально-декоративного искусства, основанная на заполнении архитектурных проемов цветным светопропускающим материалом, известен с древнейших времен. Начиная с раннехристианских базилик, а позднее в романских храмах витраж стал важной составляющей в создании художественных образов интерьеров общественных, часто культовых зданий.

В России витражи существовали еще в XII в., однако распространение, прежде всего в столице, получили с 1820-х гг. с появлением моды на готические мотивы в архитектуре. В 1890–1910-е гг. в России витражи можно было видеть практически во всех видах архитектурных сооружений, независимо от их типологии и интерпретации фасадного декора: исторические реминисценции перестали определять возможность декоративного остекления тех или иных помещений. Оно получило в это время чрезвычайно широкое применение: стеклянные потолки, лестничные окна, мебельные дверцы, рекламные вывески и даже ограды домов – вот область его использования.

Прерванная в годы гражданской войны история витражного искусства не была продолжена в России в 1920-е гг.: архитекторы-конструктивисты отказались от использования цветного остекления. В 1930-е гг. в России «возродился» классический витраж. В нем, как и во всем советском искусстве, долгое время господствовали принципы социалистического реализма.

История витража в Новосибирске, городе достаточно молодом, насчитывает едва ли 60 лет с момента появления первого, привезенного в качестве экспоната на юбилейную областную выставку 1957 г., проводимую Союзом художников СССР. Впоследствии этот литой витраж на цементном растворе был смонтирован в Городской картинной галерее, открывшейся в 1958 г. (сейчас Городской центр искусств) и хорошо сохранился до наших дней. Второй витраж – «Мой город», известный только по эскизам согласования, был запроектирован Н.Д. Грицюком для конференц-зала Турбогенераторного завода в 1963 г. Вероятно, это был классический наборный витраж на свинцовом профиле.

В дальнейшем только эти две техники из всего многообразия видов витража продолжали достаточно широко применяться в общественных пространствах Новосибирска. Можно назвать такие произведения: «Наука» – классический витраж в вестибюле НГУ (1975), «Города Сибири» – литой витраж на алюминиевой фрезерованной основе, станция метро «Речной вокзал» (1985),

автор В.П. Сокол; клуб «Эсторо», школа в микрорайоне «Снегири» – классический витраж с декоративными сварными решетками, С.Ю. Шишков; Международный центр компьютерной томографии (1992) – классический витраж, свинец; Театр кукол – главный и боковой фасады (1994) – классический витраж на стальной основе; санаторий «Парус» (1991–1992) – накладной витраж на свинцовом профиле; «Первый ректор Г.П. Лыщинский», главный корпус НГТУ (2005) – классический витраж, свинец; Дворец бракосочетаний (2006) – декоративный классический витраж, свинец; станция метро «Гагаринская» (2011) – стекло, гравировка; станция метро «Маршала Покрышкина» (2013) – классический витраж, латунь, И.Я. Ельченко.

Вот далеко не полный список витражей общественных зданий Новосибирска, для изготовления которых применялось отечественное стекло Брянского завода, очень ограниченное по цвету и фактуре, литые или фрезерованные основы либо классическая свинцовая протяжка. Сама технология выполнения этих витражей влияла на их образное решение.

В 2000 гг. в Новосибирске стали применяться и новые техники витражного искусства – появилось американское витражное стекло фирмы «Spectrum» с большим разнообразием цветовых, световых, фактурных свойств и полноценным инструментарием технологии «Тиффани»* – фольга, флюсы, патины, оборудование для обработки стекла. Это значительно разнообразило спектральную палитру и обогатило линейную структуру и пластику рисунка. Но применялись эти возможности преимущественно в частных интерьерах. Вместе с этим значительно расширилась тематическая программа произведений монументальной живописи – появилась необходимость в значительных по размеру, но камерных по масштабу и детализации витражах в частных интерьерах; появились и новые для Новосибирска типы общественных интерьеров, предполагавших включение витражей.

Одним из примеров применения новых технологий и одновременно создания сюжетной программы в необычном общественном интерьере может служить витраж «Райские врата», авторы – Александр Шуриц, член СХР, Сергей Гребенников, член СХР, доцент кафедры РЖС НГУАДИ. «Райские врата» –витраж синагоги Новосибирского Еврейского общественно-культурного Центра «Бейт Менахем», расположенного в Центральном районе города.

Архитектурным и формообразующим центром здания является зал синагоги, крупнейший в России. Традиционно главное место синагоги – шкаф для хранения свитка торы, закрытый декоративным занавесом. Вокруг этого занавеса, обращенного в сторону Иерусалима, создан «Арон Кодеш» – «Райские врата». Это сооружение, высотой 7 м, состоит из 12 квадратных панелей витража. Каждая панель 1,25×1,25 м, встроена в деревянную раму, что образует прямоугольную арку вокруг хранилища Торы.

Применение техники «Тиффани» позволило максимально использовать линейные возможности резки цветного стекла «Spectrum», создать качественную и долговечную конструкцию, которая подсвечивается лампами, установленными в нише за ней. В результате работы в течение года был создан уникальный витраж, не имеющий аналога не только в России, но и за рубежом.

Главная тема «Райских ворот» – двенадцать колен Израиля, то есть двенадцать предков и символов Израиля. У каждой части витража есть имя и тема изображения, основной цвет. По канонам иудаизма в синагоге не может быть

изображения людей и потому все, что изображено в витражах, строго регламентировано. Отсчет панелей витража идет снизу левой стороны.

Итак, имена и основные темы 12 частей «Райских ворот» Биньямин – первый храм Иерусалима. Иосеф – сноп пшеницы. Ашер – оливковое дерево. Гад – шатры и палатки. Нафтали – рог Шафар, музыкальный и ритуальный инструмент. Дан – старинные весы. Звулон – парусный корабль. Исхар – книга. Йегуда – царская корона. Леви – 12 камней – символ колен Израиля. Шимон – разрушение Храма. Реувен – цветок, роза.

В декоративных обрамлениях каждой панели присутствует традиционный орнаментальный элемент: колесо, звезда, лотос, папирус, капитель, цветок, кувшин. В каждой панели в нижней части закомпоновано имя на иврите. Шрифт имеет элементы традиционного письма, но оригинален по написанию. Каждая панель состоит из стекол с преобладанием необходимого символического цвета, но все панели объединяют основные яркие цвета – синий, белый, красный, желтый.

Деревянное обрамление «Райских ворот», рельефы, колонны, тексты выполнены из качественных пород хвойной древесины и затонированы темным, шоколадного оттенка цветом.

Таким образом, в Новосибирске создано уникальное произведение витражного искусства, украшающее общественный центр, яркое цветное сооружение, которое стало доминантой большого пространства зала.

Примечание

* Тиффани Луис Комфорт – один из самых известных витражистов в мире, американский художник, дизайнер, яркий представитель модерна. Всемирную известность ему принесли его изысканные работы из стекла. Помимо витражей Луис Комфорт занимался изготовлением абажуров и различной бижутерии в собственной технике, изобретенной им самим. Способ соединения кусочков стекла при помощи медной фольги, изобретенный им, позволяет делать произведения более ажурными, сложными, изящными, а также новые виды стекол, созданные им, произвели революцию в витражном искусстве. Медные полоски, вырезанные и приклеенные к стеклу пчелиным воском, спаиваются между собой оловом. Так появилась возможность соединения мельчайших кусочков стекла и создание более сложных объемных форм. Эта техника сначала применялась им только для создания абажуров, позже он стал замещать классическую технику со свинцовыми перемычками для создания витражей, собственной технологией.

Бочкарева А.Р.
Лихачев Е.Н.
lixachev@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 725.1
ББК 85.113

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ МЕДИАЦЕНТРОВ

Аннотация. Исследование посвящено особенностям размещения различных типов зарубежных медиацентров в структуре города.

Ключевые слова: медиацентр; процессы; размещение в структуре города; типология; планировочные элементы.

Конец XX в. отмечен феноменом внедрения медийного (информационного) фактора во все области жизнедеятельности человека. Современный человек постоянно находится в процессе информационного обмена. При решении задач по обеспечению эффективного функционирования данного обмена, возникает необходимость создания архитектурных объектов, им отвечающих. Данный тип архитектурных объектов назван медиаобъектами.

Исторически медиаархитектура развилась на базе классической печатной библиотеки. Такие процессы, как стремительное развитие информационных технологий и использование новых носителей информации, привели к расширению функционального значения библиотеки, выделился особый тип библиотеки – *медиатека*. Медиатека сочетает в себе черты классической библиотеки и интегрированного культурно-информационного пространства, в котором используются различные средства коммуникации. Медиатека продолжает свое развитие, «обрастая» социальными функциями, превращаясь в культурно-информационный центр (медиацентр).

В статье рассматриваются примеры медиацентров в структуре различных городов мира. При функциональном анализе объектов было выявлено три основных группы медиацентров: медиацентр при университете, как городской культурно-информационный центр и как пресс-центр. В статье сделан акцент на определении особенностей размещения выявленных групп в структуре города. Для этого каждый объект рассматривается по следующим критериям: относительно центра города, относительно кампуса университета (актуально для медиацентров, относящихся к первой группе), а также анализируется функциональное назначение прилегающих территорий.

Медиацентр при университете. Медиацентр в структуре университетского кампуса – это многофункциональный комплекс, планировочно-функциональным ядром которого является медиатека. Хочется отметить, что в медиацентре при кампусе, помимо пространств для переработки и хранения информации, немаловажную роль играет коммуникационное пространство, а также пространство для проведения различных мероприятий (выставочные залы, лектории, аудиовизуальные залы и т.д.).

В статье рассматривается три университетских медиацентра: Wohl Centre при университете Bar Ilan в Рамат-Гане (Израиль), Run Run Shaw Creative Media Centre при университете City University's School of Creative Media в Гонконге (Китай) и Медиацентр Library and Learning Centre при кампусе университета University of Vienna в Вене (Австрия) *(рис. 1)*.

Рис. 1. *Wohl Centre при университете Bar Ilan в Рамат-Гане (Израиль); Run Run Shaw Creative Media Centre при университете City University's School of Creative Media в Гонконге (Китай) и Медиацентр Library and Learning Centre при кампусе университета University of Vienna*

Архитектура рассмотренных зданий представляет собой пример деконструктивизма. Все три здания имеют схожий набор функций, который включает в себя конференц-залы, большой оборудованный лекторий (он же – театральная зона для представлений), залы для презентаций, аудитории для семинаров, залы для просмотра кинофильмов. Эти сооружения сконструированы для смежных видов деятельности, основанных на коммуникации.

• **Расположение медиацентра относительно кампуса** *(рис. 2)*

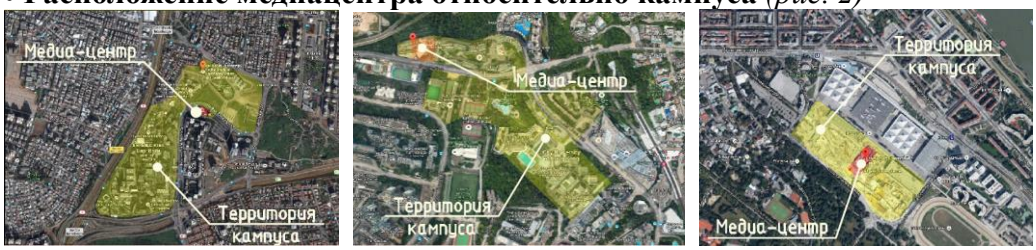


Рис. 2. *Схема расположения медиацентров в структуре относительно кампуса (Wohl Centre, Run Run Shaw Creative Media, Library and Learning Centre)*

Медиацентры, относящиеся к данной группе, располагаются на территории университетских кампусов, что делает их легкодоступными для студентов.

• **Расположение медиацентра относительно центра города** *(рис. 3)*

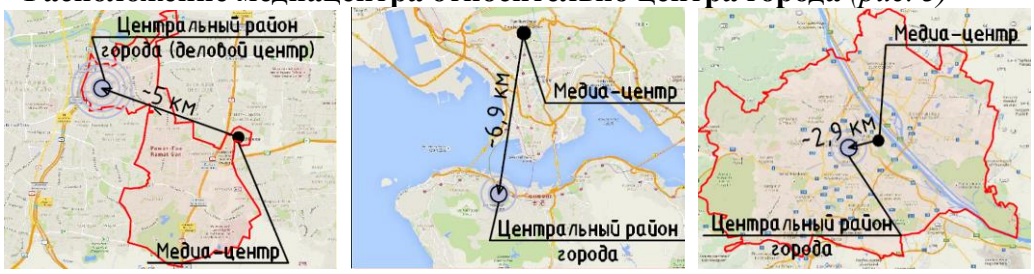


Рис. 3. *Схема расположения медиацентров относительно центра города (Wohl Centre, Run Run Shaw Creative Media, Library and Learning Centre)*

• **Функциональное назначение прилегающих территорий** *(рис. 4)*

Рис. 4. *Схема функционального назначения прилегающих территорий (Wohl Centre, Run Run Shaw Creative Media, Library and Learning Centre)*

Прилегающие к кампусам территории представляют собой преимущественно жилую застройку. Удаленность от центра влияет на их функциональное наполнение: к примеру, наиболее близким к центру города университетом является University of Vienna. Кампус университета имеет меньшую площадь, а прилегающие к нему территории включают в себя общественно-деловую зону, спортивные сооружения, парк аттракционов.

Медиацентр как городской культурно-информационный центр. Данный тип медиацентра представляет собой многофункциональный общественный комплекс, совмещающий в себе технологические функции медиаобъекта и социальные функции общественного здания. Медиаядро зависит от общей функциональной направленности центра. Как правило, основной функцией центра служит медиатека, которая обычно дополняется выставочным пространством, пространством социальной коммуникации и рекреации. Если же у центра преобладает зрелищная направленность, то его медиаядром может служить любой тип аудиовизуального зала (кинотеатр и т.д.). Данный тип нередко функционально дополняется мастерскими, монтажными студиями, лекториями и т.д. В качестве примера были рассмотрены: Dogan Media Center в Анкаре (Турция), Sendai Mediatheque (медиатека, монтажная студия, культурно-информационный центр) в городе Сендай (Япония), Peckham Library and Community Centre (библиотека и культурно-информационный общественный центр) в городе Лондон (Великобритания) *(рис. 5)*.

Рис. 5. *Dogan Media Center, Sendai Mediatheque, Peckham Library and Community Centre*

Архитектурно здания представляют собой простые объемы. Dogan Media Center и Sendai Mediatheque в плане представляют собой квадрат, а Peckham Library and Community Centre – прямоугольник. Медиаядром зданий является медиатека, которая дополняется рекреационными, выставочными, зрелищными и коммуникативными пространствами.

- **Расположение медиацентра относительно центра города** *(рис. 6)*

Рис. 6. *Схема расположения медиацентров относительно центра города (Dogan Media Center, Sendai Mediatheque, Peckham Library and Community Centre)*

• **Функциональное назначение прилегающих территорий** *(рис. 7)*

Рис. 7. *Схема функционального назначения прилегающих территорий (Dogan Media Center, Sendai Mediatheque, Peckham Library and Community Centre)*

Медиацентры находятся недалеко от центра города, расстояние составляет 2–6 км, прилегающие территории насыщены функциями: общественно-деловые зоны, госучреждения, парки, крупные торговые центры, университеты, спортивные и медицинские центры. Примечательно, что недалеко от медиацентров зачастую находятся выставочные центры и арт-галереи.

Медиацентр как пресс-центр. К данному типу относятся многофункциональные информационные центры, включающие в себя базовую платформу для создания различных телевизионных программ, предприятия сферы информационных технологий, а также рядовые офисные пространства. Для примера взяты: медиацентр Phoenix international media center в Пекине (Китай) и медиацентр Мультимедиамолл приморского кластера в городе Сочи (Имеретинская долина) *(рис. 8)*.

Рис. 8. *Phoenix international media center; Мультимедиамолл приморского кластера*

• **Расположение медиацентра относительно центра города** *(рис. 9)*. Данный тип объектов характеризуется тем, что находится далеко относительно центра города. Расположение медиацентров продиктовано их функциональной спецификой. К примеру, Мультимедиамолл был запроектирован как Олимпийский международный вещательный центр и находится в непосредственной близости к Олимпийской деревне *(рис. 10)*.

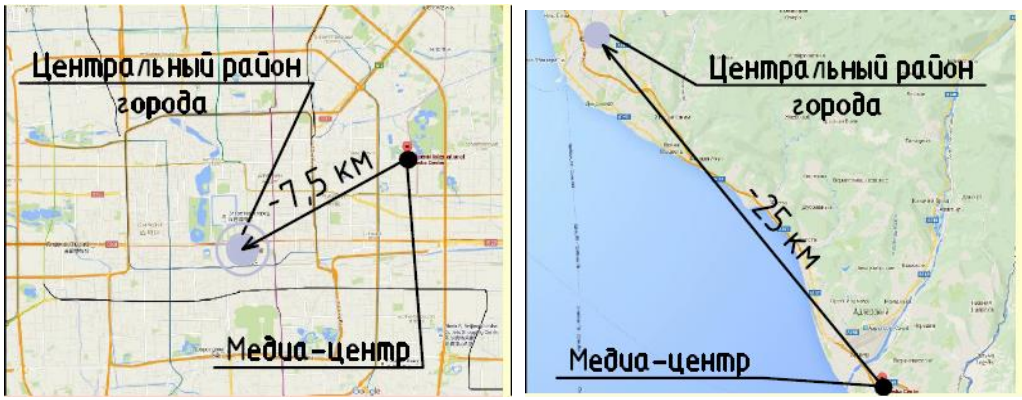


Рис. 9. *Схема расположения медиацентров относительно центра города (Phoenix international media center; Мультимедиамолл приморского кластера)*

• **Функциональное назначение прилегающих территорий** *(рис. 10)*

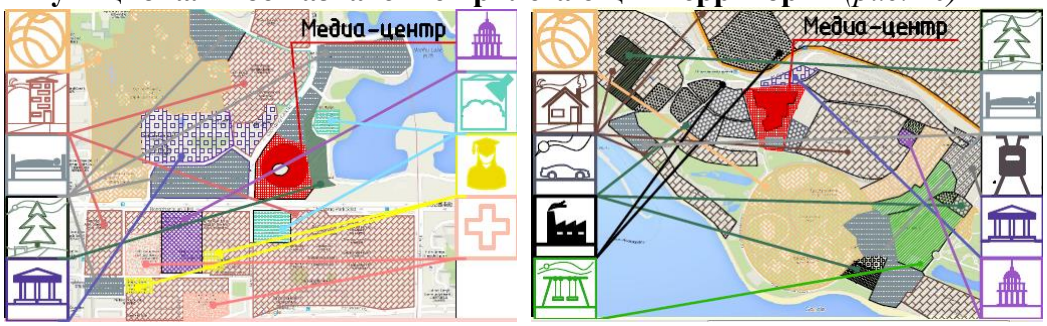


Рис. 10. *Схема функционального назначения прилегающих территорий (Phoenix international media center, Мультимедиамолл приморского кластера)*

Заключение. Современные тенденции в архитектуре отмечены феноменом внедрения медийного фактора. Медиатехнологии постоянно развиваются, приводя к проблеме быстрого устаревания архитектурных объектов, необходимых для эффективного информационного обмена. Изначально функции медиаобъекта имели библиотеки, которые потом эволюционировали, расширив спектр своих функции. Медиаобъекты включают в себя такие функции, как информационный обмен, социальное взаимодействие в различных сферах, включая досуг и рекреацию. Было рассмотрено восемь примеров медиацентров из мировой практики. На основе их функционального анализа были выделены три основных типа медиацентров: медиацентр при кампусе, медиацентр как городской культурно-информационный центр и медиацентр как пресс-центр. Каждый из типов рассматривался с точки зрения расположения медиацентра относительно центральной части города, а также был проведен анализ прилегающих территорий. Анализ расположения объектов относительно центра показал, что наиболее удаленным типом от центральной части города является тип «медиацентр как пресс-центр», его расположение продиктовано функциональной спецификой. Было выявлено, что тип «медиацентр как культурно-информационный центр» имеет наиболее функционально насыщенные прилегающие территории, а тип «медиацентр в структуре университета» располагается на территории кампуса, что делает его легкодоступным для студентов.

Завылёнков С.А.
sr.sem92@gmail.com
Булгач Р.В.
gfgfvfvf@ngs.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 728.01
ББК Н22

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ. ИНТЕГРАЦИЯ ПОМЕЩЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЖИЛЫЕ ДОМА

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия деловой, обслуживающей и жилой функции в составе жилых комплексов. Этот естественный процесс, протекающий под влиянием человеческого стремления к увеличению эффективности пространств, четко осознается в наше время. При стремительно увеличивающемся темпе жизни современный человек стремится все необходимые ему услуги иметь под рукой. Интересно понять причины зарождения идеи по интегрированию общественных функций в жилую застройку и попытаться просчитать дальнейший путь развития этой тенденции.

Ключевые слова: офисно-жилая структура; интеграция; история архитектуры; типология зданий; многофункциональные комплексы.

Практика совмещения пространств разного функционального назначения в структуре жилого дома, тесно связана с принципом высокоплотной квартальной застройки. При этом квартальная застройка не была хаотичной, а подчинялась осмысленной иерархии структуры средневекового города. В предметном плане: низкоплотная блокированная жилая застройка с торговыми лавками, ремесленными мастерскими в первых этажах; сады и огороды, сходящиеся к узкой скотопрогонной дорожке посредине. В социальном измерении каждый квартал был ремесленной гильдией, соседством свободных горожан, объединенных общностью интересов **[4, с. 125]**. Этот принцип сохраняется вплоть до возникновения крупного промышленного производства.

Одним из ярчайших примеров проектирования многофункциональных комплексов в современной истории является творчество конструктивистов Я.Г. Чернихова и М.Я. Гинзбурга. Например, Гинзбург был всецело поглощен идеей реализации оптимальной эффективности в архитектуре. Он восхищался четкой и до предела ясной организацией машины. Это натолкнуло его на мысль о необходимости применения в архитектуре конвейерного способа воспроизводства человека по аналогии с конвейерным производством на заводах Генри Форда. Под воздействиям идей социального управления метод конструктивизма меняет объект проектирования с архитектурой формы на организацию жизни и деятельности людей. Основной задачей архитекторов того времени было создание оптимальной организации социально-культурных процессов, а здание представляло собой лишь конструктивную оболочку функциональной структуры. Это повело за собой создание новых типов жилых зданий – домов-коммун. Эти дома состояли из двух частей: жилой и общественной. Так, в соцгороде в Иркутске предполагался дом-коммуна на 300–350 человек, который состоял из зала на 200 человек, детских яслей, центральной душевой общественного пользования, прачечной, мойки, паровой, сушильной, гладильной и отдельных квартир для каждой семьи.

Проектный метод Н.С. Кузьмина был изложен в его дипломном проекте дома-коммуны для 5140 горняков шахты №5/7 в Анжеро-Судженске, выполненный в 1928–1929 гг. На профессиональное мировоззрение Кузьмина глубокое влияние оказал конструктивизм. На основе положений Тейлора и Форда Кузьмин разработал «научную организацию быта» (НОБ). Он использовал НОБ для организации пространств повседневной жизни проживающих в коммуне шахтеров. Используя данные статистики, он разделил население коммуны на возрастные группы и составил круговую диаграмму «график жизни». Бытовой процесс для каждой возрастной группы Кузьмин расчленил на 7 разделов: 1) отдых, сон, восстановление сил; 2) питание; 3) половая жизнь; 4) воспитание детей; 5) культурное, физическое развитие; 6) хозяйственное и санитарно-гигиеническое обслуживание; 7) медицинское обслуживание.

Современные тенденции развития многофункциональных комплексов в вопросе интегрирования офисных пространств представлены в научной статье В.А. Колгашкина «Предпосылки и основные тенденции формирования в современных условиях жилых комплексов с интегрированными деловыми функциями». Статья рассматривает интеграцию общественных функций с точки зрения социально-экономического и психологического аспектов. Определяются новые направления жилого и офисного пространства и основные тенденции интеграции офисной и жилой структур, заключающиеся:

- в сочетании жилых единиц с системой многофункциональных рабочих пространств;
- расширении типологии домашних офисов;
- уменьшении масштаба офисно-жилых комплексов, расширяющем возможности градостроительного размещения;
- развитии комбинированных моделей» **[3, с. 11]**.

Автор основывается на реализованных и концептуальных проектах, таких как Shinonome Canal Court, арх. Yamamoto & Field Shop (Токио, Япония), Jai Wai Soho, арх. Yamamoto & Field Shop (Пекин, Китай), Slender/Bender, арх. Deadine, (Берлин, Германия), St. Jakob Turn, арх. Herzog & de Meuron (Базель, Швейцария) и мн. др. Таким образом, тенденция расположения мест приложения труда в непосредственном контакте с жильем не нова. В последние десятилетия она получила принципиально новое развитие, особенно с приходом информационных технологий. Что касается системы бытового обслуживания, из исторического опыта следует, что, кроме более эффективной увязки технологических процессов, человек в жилом пространстве приобретает более комфортные условия проживания. В настоящее время происходят стихийные процессы насыщения общественными функциями жилых пространств. Объединение жилой, обслуживающей, рекреационной и прочих общественных функций в многофункциональные комплексы способствует разрешению проблем, связанных с повышением уровня обслуживания населения и в целом улучшения качества среды обитания.

На данный момент основными документами, применяемыми при проектировании многофункциональных зданий являются:

- Многофункциональные здания и комплексы МГСН 4.04-94.
- Архитектурно-планировочные решения многоквартирных жилых зданий СП 31-107-2004.

• Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СП 42.13330.2011.

• Жилые здания многоквартирные. СП 54.13330.2011.

• Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях. СанПиН 2.1.2.2645-10.

• Общественные здания и сооружения. СП 118.13330.2012.

• Жилищный кодекс российской федерации (ЖК РФ) от 29.12.2004 N 188-ФЗ.

Исходя из этих нормативных документов, основными проблемами интеграции офисных пространств в жилые здания являются:

1. Соблюдение уровня допустимого акустического сопротивления смежных ограждающих конструкций между общественным и жилым помещением.

2. Соблюдение необходимых параметров противопожарной безопасности при нахождении в пространстве этажа разных функциональных групп помещений.

3. Определение максимального количества человек, эвакуируемых с этажа, и возможность эвакуации из разных функциональных зон через общие лестничные клетки.

4. Определение необходимых параметров офисных помещений для нормальной работы.

5. Расчет количества машино-мест на приобъектных автостоянках и размещение их относительно зданий, площадок благоустройства и друг друга.

6. Определение формы собственности помещений для индивидуального приложения труда.

7. Обеспечение изоляции жилых помещений от представительских офисов.

8. Расчет нормативных параметров вместимости для разного режима использования общественных помещений.

Проблема размещения общественных помещений в пространстве жилого этажа была решена согласно СП 31-107-2004 «Архитектурно-планировочные решения многоквартирных жилых зданий», п. 7.2.4 «В квартирах блокированных жилых домов, в которых предусмотрены помещения для индивидуальной трудовой деятельности, допускается устраивать лестницу между подсобными помещениями квартиры (передней, коридором или холлом) и нежилыми помещениями для индивидуальной трудовой деятельности, располагаемыми под данной квартирой» **[2, с. 24]**. Стоит отметить, что вопрос размещения подобных планировочных единиц не освещен должным образом в нормативной документации. Например, невозможно с уверенностью выполнить расчет необходимого количества машино-мест, отнеся площадь помещения для индивидуального приложения труда к одной из функциональных групп. Помещение должно относиться к одной из квартир, представляя собой дополнительные помещения (также это мешает устройству общественных пространств в пространстве этажа). Однако, руководствуясь Жилищным кодексом российской федерации (ЖК РФ) от 29.12.2004 N 188-ФЗ, помещение для индивидуального приложения труда было отнесено к нежилому и рассчитывалось по нормам офисных помещений.

Исходя из вышесказанного, по теме научного исследования определенны основные вопросы, требующие дальнейшей проработки, которые можно разделить на несколько принципиальных направлений:

1. Согласование существующего практического опыта по проектированию многофункциональных комплексов с нормативной документацией.

2. Разработка нормируемых параметров интегрируемых общественных помещений.

3. Определение наиболее благоприятной градостроительной среды для многофункциональных комплексов различного назначения.

4. Определение социально-экономического влияния среды на пользователей.

При решении хотя бы части представленных проблем проектирования многофункциональных комплексов жилые здания приобретут, кроме всего, большую гибкость объемно-планировочных решений. Так, например, размещение офисных помещений, не требующих продолжительной инсоляции, на северной стороне позволят проектировать более логичные по планировочной структуре здания, не уменьшая при этом коэффициент полезной площади этажа. Встраивание обслуживающих функций в жилые дома позволит создать закрытые общественные пространства и увеличить коэффициент компактности здания, что является немаловажным параметром в условиях холодного климата. Также стоит отметить, что интегрированные офисные пространства, такие как помещения для индивидуального приложения труда, придают возможность трансформации жилого пространства в процессе изменения состава проживающих там семей.

В качестве практической работы по исследуемой теме нами выполнен дипломный проект многофункционального жилого комплекса с интегрированными офисными помещениями *(рис. 1)*. Проектируемые здания состоят из подвального и чердачного технического этажей, трех этажей общественного назначения, жилых этажей, отделенных техническим этажом, и смотровых площадок на верхних этажах. Одно из зданий располагается на стилобате с функцией автостоянки. На участке также предусматривается строительство подземной парковки. На первых трех этажах располагаются помещения свободной планировки офисного и административного назначения с отдельными от жилой части входами.

Площадь помещений – 11 337,42 кв. м. Также на первом этаже размещены вход в жилую часть с лестнично-лифтовым узлом, в котором установлены 3 лифта различной грузоподъемности и размера. Планировочная структура жилых этажей секционного типа характеризуется расположением жилых помещений вокруг вертикальной коммуникации – лифтового холла. Всего в секции 9 однокомнатных квартир-студий, 189 однокомнатных, 246 двухкомнатных квартир-студий, 288 двухкомнатных, 264 трехкомнатных квартир-студий, 96 трехкомнатных квартир. Из них 468 квартир с помещениями для индивидуального приложения труда. Четырехкомнатные и более квартиры, также как и двухуровневые, в проекте не предусматриваются из-за их нерентабельности.

Приложение

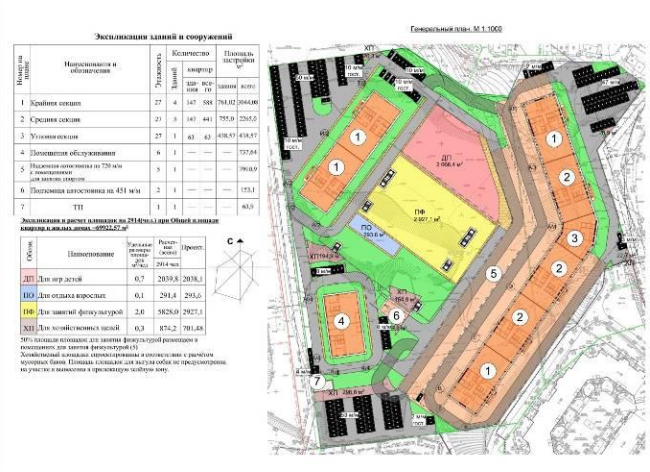
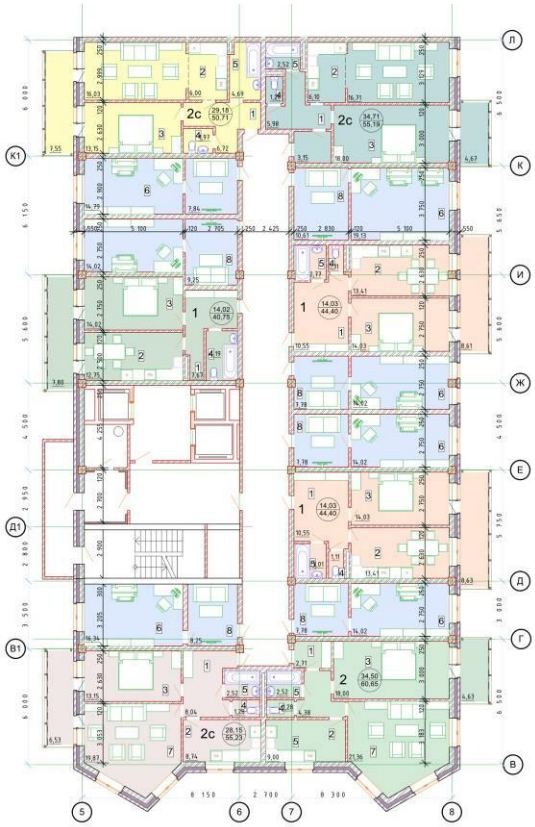


Рис. 1. *Дипломный проект многофункционального жилого комплекса (генплан, план этажа)*



Библиографический список

1. *Григорьев А.Н.* Организационно-экономические механизмы формирования сервисных комплексов для различных типов офисных и жилых зданий (на примере г. Москвы): автореф. дис. … канд. архитектуры. – М., 2010. – 33 с.
2. Архитектурно-планировочные решения многоквартирных жилых зданий. СП 31-107-2004.
3. *Колгашкина В.А.* Предпосылки и основные тенденции формирования в современных условиях жилых комплексов с интегрированными деловыми функциями.
4. *Глазычев В.Л.* Урбанистика. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. – 360 с.
5. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СП 42.13330.2011.
6. Жилищный кодекс российской федерации (ЖК РФ) от 29.12.2004 №188-ФЗ.
7. Жилые здания многоквартирные. СП 54.13330.2011.
8. Многофункциональные здания и комплексы МГСН 4.04-94.
9. Решение от 24 июня 2009 года №1288 г. Новосибирск «О Правилах землепользования и застройки города Новосибирска».
10. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях СанПиН 2.1.2.2645-10.

Маликова К.А.
Пустоветов Г.И.
Ksenia.malikova@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОННОСПОРТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ИХ СОВРЕМЕННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Исследование посвящено предпосылкам образования конноспортивных комплексов как одного из востребованных на данный момент типов коневодческих предприятий. За последние несколько лет в России стал заметен рост интереса к конному спорту как со стороны общества и государства, так и со стороны бизнеса. Соответственно возросла необходимость в разработанных по всем современным технологическим нормам зданий и сооружений. В статье дается краткий обзор формирования коневодческих предприятий, рассмотрены их характеристики и основные типы. Выявлены наиболее интересные моменты в классификации и типологии зданий и сооружений конноспортивных комплексов для условий России.

Ключевые слова: коневодческие предприятия; ипподром; конный завод; конноспортивный комплекс.

Архитектурные объекты коневодческих предприятий различного типа существуют уже не одно столетие. Человек с момента одомашнивания лошади крепко связал с ней свою судьбу, пройдя через историю верхом на ее спине, свершая открытия и подвиги. Эту связь можно легко проследить через литературу, живопись, историю, машиностроение и даже космонавтику. Мало, например, кому известно, что величина 4 фута 8.5 дюйма, расстояние между рельсами, ширина двигателей космического корабля «Кеннеди», а также длинна оси конки – это ширина двух крупов лошадей. Архитектура, в свою очередь, осталась богата такими архитектурными объектами, как древние ипподромы, царские конюшни и воинские манежи. Многие из доживших до нынешнего времени зданий и сооружений претерпели реконструкции, некоторые остались памятниками архитектуры, и только малая часть используется по назначению. Но это совсем не значит, что век коня прошел. Лошадь лишь сменила роль, из «рабочей лошадки» стала символом красоты, грации, объектом восхищения, спортивных достижений и показателем статуса.

Помимо меняющегося значения лошади в жизни человека менялось и место ее содержания. Процесс совершенствования коневодческих предприятий как типологической единицы происходил непрерывно. Типология классифицирует коневодческие предприятия по разнообразным признакам: назначению, типу содержания, объемно-пространственной структуре и другим специальным параметрам. Основными видами принято считать ипподромы, конные заводы и конноспортивные комплексы. Первоначально самостоятельным архитектурным объектом с ярко выраженной пространственной структурой и характерными признаками принято считать ипподромы.

Первые ипподромы появились еще в Древней Греции. На них проходили скачки и состязания колесниц, с тех пор и сохранилось название, состоящее из двух греческих слов: *иппос* – лошадь и *дромос* – бег. В дословном переводе

ипподром – это место для бега лошадей. Также ипподром был местом светских мероприятий, смотром и испытанием войск, а также местом проведения парадов.

Для большинства современных людей ипподром – это место, где можно делать ставки на лошадей, выигрывать и проигрывать. Однако играть в тотализатор начали гораздо позднее, чем просто ходить на скачки и наслаждаться азартным зрелищем. Если обратиться к истории, ипподром в первую очередь имел стратегическое значение.

Самый древний ипподром был обнаружен археологами на раскопках в Олимпии. Об этом ипподроме упоминал еще древнегреческий автор Павсаний. Он писал о нем как самом величественном строении. Из римских источников известно, что император Нерон произносил речи на ипподроме. Ипподромы Древней Греции и Рима в то время представляли собой прямоугольную площадку с закругленными концами и стоящей посредине стеной. Вокруг площадки находились трибуны для зрителей. Ипподромы чаще всего располагались в центре городов, нередко были присоединены к дворцовым комплексам *(рис. 1)*. Императорское ложе было соединено с дворцом крытым переходом. Ипподром в Константинополе был спроектирован по подобию Circus Maximus («Величайший цирк») в Риме.

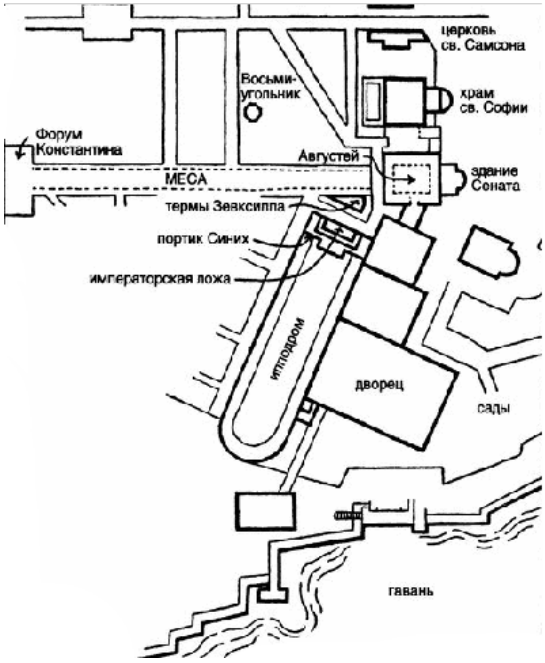


Рис. 1. *Ипподром в Константинополе*

На малом ипподроме Кейсарии, построенном царем Иродом из дерева и перестроенном затем в камне, проходили гонки на колесницах. По свидетельствам современников, в частности Иосифа Флавия, амфитеатр малого ипподрома мог вместить от 7000 до 9000 человек. Раскопки большого ипподрома еще не завершены.

В Средние века ипподром имел ничуть не меньшее значение, чем в Древней Греции и Риме, отличие было лишь в размерах. На смену каменным гигантским амфитеатрам пришли открытые ристалища с возводимыми по краю трибунами для зрителей. На них проводились рыцарские турниры и парады. В тот период

времени лошадь начала приобретать особый статус. Известная фраза Ричарда III «Полцарства за коня!» говорит о возросшей ценности лошади, об изменении отношения к ней. Она была необходима не только как рабочая единица. Где-то требовались более резвые лошади, где-то выносливые, где-то сильные, а где-то необходима была грация и красота. В то время появился системный подход к выбору лошади, начали возникать конные заводы, велся племенной учет. Чаще всего это был семейный род деятельности. Архитектура конезаводов того времени представляла собой загородный дворцовый комплекс с большим приусадебным хозяйством на несколько гектар с пастбищами. Гармоничный, стилистически выдержанный ансамбль состоял из усадьбы, конюшен, манежа и ряда хозяйственных построек. Примером такого комплекса в Европе можно привести Кладрубский конный завод (Чехия), один из старейших ныне действующих в Европе; в 2009 г. он отметил 430-летие.

Cheveley Park Stud *(рис. 2)* – еще один из старейших и ныне действующих конных заводов, расположенный в сердце скакового коневодства Великобритании – в окрестностях Ньюмаркета. Назван по имени замка Cheveley Park, который был построен в 1341 г. неким сэром Джоном де Палтени (John de Pultenay), бывшим тогда мэром Лондона. В Cheveley Park гордятся тем, что среди его владельцев были восемь особ королевской фамилии. Замок всегда окружали обширные земельные владения, на которых разводили лошадей. В 1730–1740 гг. Cheveley Park превратился в один из центров разведения скаковых лошадей. В обширном поместье было все для успешного коневодства, даже собственный ипподром.

Рис. 2. *Замок Шевалье Парк*

Рис. 3. *Хреновской конный завод*

В России в конце XVIII в. с подачи графа А.Г. Орлова-Чесменского в Москве на Донском поле был обустроен по английскому образцу круг для скачек длиной в 2 версты. Скачки проводились по довольно строгим правилам. Учитывались возраст, происхождение и даже пол лошади, а также вес наездников. Граф Орлов создал и один из первых конных заводов России – и ныне действующий Хреновской конный завод *(рис. 3)*, на котором были выведены гордость русского коннозаводства – орловские рысаки.

Первый в России ипподром был организован в 1826 г. в Лебедяни Тамбовской губернии (современная Липецкая область). Другой старейший ипподром России был создан в Москве в 1834 г., в год учреждения Московского общества рысистого бега. Для проведения летних соревнований было выделено Ходынское поле площадью около 121-й десятины земли. В августе 1834 г. состоялся первый рысистый заезд на Ходынском поле, что и послужило

открытием Московского ипподрома. С 1835 г. зимние бега проводились по льду Москвы-реки. Поначалу этот ипподром использовался только для испытаний орловских рысаков, но в 1951–1955 гг. здание ипподрома с трибунами было перестроено архитектором И.В. Жолтовским и с тех пор там проводятся скачки и бега *(рис. 5)*. В 1837 г. создаются беговые общества и устраиваются ипподромы в Тамбове и Воронеже. В 1880 г. бега проводятся уже в 24 городах России.

Современный ипподром – это комплекс зданий и сооружений общественного значения, где проводятся бега и скачки. На территории ипподрома или рядом с ним располагаются конюшни для лошадей, ветеринарный лазарет, карантин, кузница, хозяйственные службы. Крупные ипподромы оснащены современными техническими средствами, позволяющими получать полную и точную информацию о ходе испытаний, включая видеозапись, автоматическую фиксацию резвости рысаков, фотофиниш, мониторы, табло для информации зрителей, автоматизированную систему взаимных пари, автостарты и т.д.

Рис. 4. *Ипподром Аскот (Великобритания)*

Рис. 5. *Ипподром в Москве (Россия)*

Стандартный ипподром в среднем занимает территорию 30–40 га, вместимостью 200–300 голов лошадей, как в случае ипподрома круглогодичного содержания на нем животных, так и временно, только на период соревнований. Трибуны могут вместить 1500–2000 тыс. человек.

Одним из самых популярных и старых ипподромов в мире является ипподром в Великобритании Аскот (Ascot) *(рис. 4)*, расположенный в одноименном городке (был открыт королевой Анной в 1711 г. и по сегодняшний день имеет высокий показатель посещаемости).

Для окупаемости ипподрому еженедельно надо проводить хотя бы 1 день забегов, это в среднем по пять стартов. При нынешней популяризации конного спорта в целом это становится весьма затратным мероприятием. Низкая посещаемость ипподромов в России привела к закрытию многих из них и разорению конных заводов, занимающихся разведением и подготовкой лошадей. В такой ситуации строительство новых ипподромом маловероятно, поэтому на данном этапе в этой сфере идут пока плановые реконструкции и модернизации существующих комплексов до новых современных стандартов.

На фоне удручающей ситуации в строительстве крупных коневодческих предприятий появилась новая тенденция проектирования небольших конноспортивных комплексов для содержания и подготовки верховых лошадей (рис. 6). Чаще всего они двух типов: соревновательные – публичные и для содержания – закрытые. Популярность такого рода центров обусловлена

экономическими соображениями и ростом интереса к верховым видам конного спорта. Для таких центров нет необходимости в посещаемости и огромных территориях. Чаще всего они занимают от 6 до 10 га на 40–50 голов лошадей постоянного в нем содержания, а количество на город может достигать от 20 до 200 и более. Застройка ведется хаотично. По мониторингу нескольких городов, а именно – самых популярных по конному-спорту и их количеству на город, Москвы и Санкт-Петербурга, предпочтения отдаются общественным паркам, заброшенным сельскохозяйственным угодьям и постройкам, окраинам города и пригородным районам, но с удобной транспортной доступностью.

Рис. 6. *Современные конноспортивные комплексы*

На данном этапе в проектировании подобного рода зданий и сооружений появилась тенденция строительства конно-спортивных комплексов в составе загородных жилых поселков. Популярность объясняется ростом интереса к конному спорту среди обеспеченного населения с достатком выше среднего, это дает застройщику полагать, что востребованность на рынке частного малоэтажного строительства за счет такого рода тендема будет выше.

Конноспортивный комплекс – это не просто здания и сооружения для содержания лошади. Для большей части населения России конюшня – это как минимум неприглядного вида деревянный сарай или как максимум ферма времен

Советского Союза из железобетона в деревенской глуши. Причиной этого является низкая популяризация конного спорта по России и его финансовая недоступность. Следует отметить также, что рассматриваемая проблема очень тесно связана с экономическими и политическими проблемами в российском обществе в целом. По оценкам специалистов, российский конный спорт отстает от зарубежного на 20, а то и 40 лет. Тогда, когда мы разрушали отечественное коннозаводство, Европа продолжала развиваться в этом направлении. Это можно оценить, например, по количеству лошадей на человека (в Германии, к примеру, на одного жителя приходиться 10 голов лошадей племенного спортивного разведения) или количеству конных комплексов на город.

Нельзя не отметить еще одну популярную тенденцию наших дней – многофункциональность. Этот тренд не обошел и столь «архаический» вид деятельности, как верховая езда. Сегодня крупный конноспортивный объект – это комплекс зданий и сооружений общественного, сельскохозяйственного и спортивного назначения. В состав комплекса могут входить крытые и открытые спортивные манежи, конюшни, боевые поля для проведения соревнований со специальными покрытиями, места для выгула лошадей, ветеринарная клиника, гостиницы, рестораны и кафе, бизнес-центр, рекреационные зоны, парковки и многое другое.

Изучение архитектурно-типологических особенностей конноспортивных комплексов, их исторических и экономических аспектов необходимо в связи с ростом количества новых комплексов. Совершенствование конных комплексов дает новые возможности в решении задач повышения эффективности использования пригородных зон, роста их привлекательности для городских жителей и улучшения эстетических качеств этих территорий.

Несмотря на то что современный человек предпочитает «железного коня» с десятками и сотнями лошадиных сил, автомобиль или другой более скоростной вид транспорта, всадник и лошадь, несомненно, еще долго будут привлекать внимание художников, архитекторов и других представителей профессий своей внутренней энергией, стремительностью, пластичностью, красотой, силой, гармонией – всем тем, чего человеку не хватает в сегодняшнем мире.

Библиографический список

1. *Каждян А.П.* Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002. – 320 с.
2. *Иванов М.С.* Олимпийские игры и конный спорт. – М.: Физкультура и спорт, 1984.
3. *Витт В.О.* Из истории русского коннозаводства. Создание новых пород на рубеже XVIII–XIX столетия. – Изд-во «Сельхозгиз», 1952. – 360 с.
4. Московский ипподром / под ред. М.Н. Эфрос. – Московский рабочий, 1984.
5. Коневодство и конный спорт. – 1990. – №7. – С. 8–10.
6. *Климеш Р., Хилл Ч.* Строительство конюшен. – М.: Аквариум, 2005.
7. Нормативные документы: НТП АПК 1.10.04.001-00 – Нормы технологического проектирования коневодческих предприятий; НТП АПК 1.10.04.003-03 – Нормы технологического проектирования конноспортивных комплексов.

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

Семикин П.В.
litodano@mail.ru
Стрижакова Л.К.
ksp@ngaha.ru
ФГБОУ ВО «НГУАДИ», г. Новосибирск, Россия

УДК 692.4
ББК 38.55

АНАЛИЗ АВАРИЙНОГО СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ КОНСТРУКЦИЙ КРЫШИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены нарушения, допущенные при монтаже деревянных шатровых ферм и наслонных стропил в покрытии общественного здания. Представлены схемы необходимых дополнительных элементов. Намечены способы безопасного демонтажа и этапы реконструкции крыши.

Ключевые слова: конструктивная система; деревянные фермы; прогоны; наслонные стропила; стыки; опорные узлы; необратимые деформации; реконструкция крыши.

1. Объемное и конструктивное решение здания. Общественное здание, расположенное на перекрестке Красного проспекта и улицы Орджоникидзе, своими фасадами участвует в формировании архитектурной композиции площади Ленина. Пятиэтажное здание с подвалом выполнено в форме «каре», по внешнему периметру завершено фронтонами высотой 5,8 м и включает три объема. Центральный объем по главному фасаду шириной 21,3 м выполнен длиной 42,7 м и дворовому фасаду – 30 м *(рис. 1)*. Два симметричных крыла длиной по 35 м выступают от центрального объема на 1,9 м. От главного фасада до оси «Г» их ширина составляет 15,1 м, а дальше увеличена до 21,3 м.

С целью создания гибкой объемно-планировочной структуры в сооружении была реализована каркасно-стеновая конструктивная система. В качестве вертикальных несущих конструкций принят железобетонный каркас с 1 по 4 этажи и кирпичные стены: по периметру здания толщиной 710 мм; между объемами вдоль осей «4» и «7» толщиной 380 мм. С помощью стен образованы четыре ядра жесткости в виде четырех лестничных клеток, которые сконцентрированы у внутреннего контура «каре». Две клетки расположены в торцах боковых объемов и две расположены между центральным и боковыми объемами. Все внутренние несущие стены выходят на чердак фронтонами высотой до 3 м.

В каждом объеме между несущими стенами установлены монолитные железобетонные колонны сечением 540х540 мм, так же выполняющие роль вертикальных несущих конструкций. Внутри здания, вдоль центральной части и поперек боковых стоят два ряда колонн с шагом от 3,1 до 5,4 м, которые

разделяют центральный объем между осями «4-7/Б-Д» на три пролета, равных 9,2; 4,04; 6,3 м. В среднем пролете предусмотрен сквозной коридор.

В боковых объемах между осями «А-Ж», ортогонально первому каркасу стоят два ряда колонн с шагом до 4,4 м по осям «2-3» и «8-9», разделяющие их на три пролета, равные 3,14; 5,25 и 6,7 м. В местах пересечения рядов шаги колонн согласованы между собой. В средних пролетах боковых объемов выделены коридоры шириной 3,65 м. Перегородки толщиной 250 мм выполнены из кирпича и отстоят от первого продольного ряда колонн на 0,85 м.

Устойчивость вертикальных элементов системы обеспечена горизонтальными дисками жесткости: системой железобетонных балок, соединяющих колонны поэтажно в двух направлениях между собой и с несущими стенами; железобетонными дисками перекрытий и кирпичными стенами. Перекрытия подвала, первого и второго этажей монолитные железобетонные; третьего и четвертого этажей – деревянные по железобетонным балкам.

На пятом этаже несущие каркасы из колонн и деревянных балок сохранены частично: в левом объеме на участке между осями «В-И/1-5»; в правом – на двух участках между осями «В-И/6-7» и «Е-И/7-10»; в центральном – между колоннами вдоль осей «В» и «Г». На этих участках, примыкающих к внутреннему контуру здания, перекрытия выполнены по деревянным балкам, длиной от 4 до 7 м *(рис. 1)*. Шаг балок принят по расчету и не превышает 0,8 м.

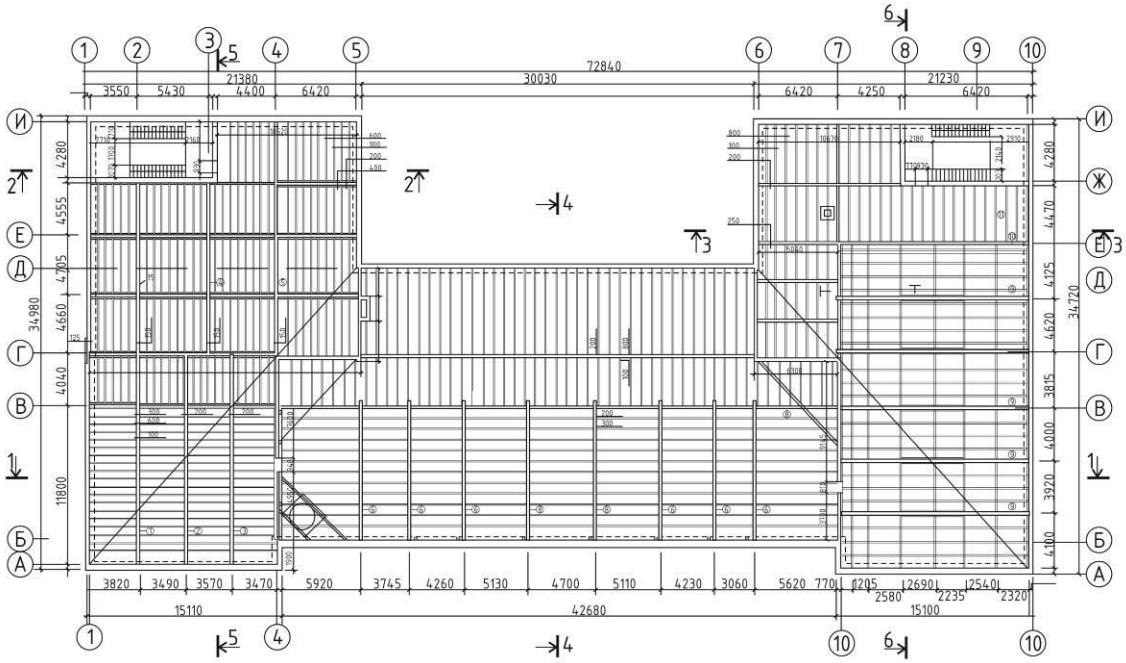


Рис. 1. *План балочных и подвесных перекрытий 5 этажа*

Таким образом, на пятом этаже в каждом объеме были предусмотрены помещения без промежуточных опор, в которых требовалось выполнить перекрытия и крышу: в левом объеме размером 11,6х15,1 м; в правом – 15,1х24,7 м; в среднем – 9,6х42,7 м.

Громадные размеры малоуклонной крыши, перекрываемой с помощью деревянных конструкций, изначально требовали особого внимания к обеспечению

надежности, прочности, устойчивости и непрерывности передачи действующих нагрузок между ними. В соответствии с этими условиями были согласованы между собой два типа несущих конструкций: брусчатые шатровые фермы и односкатные наслонные стропила.

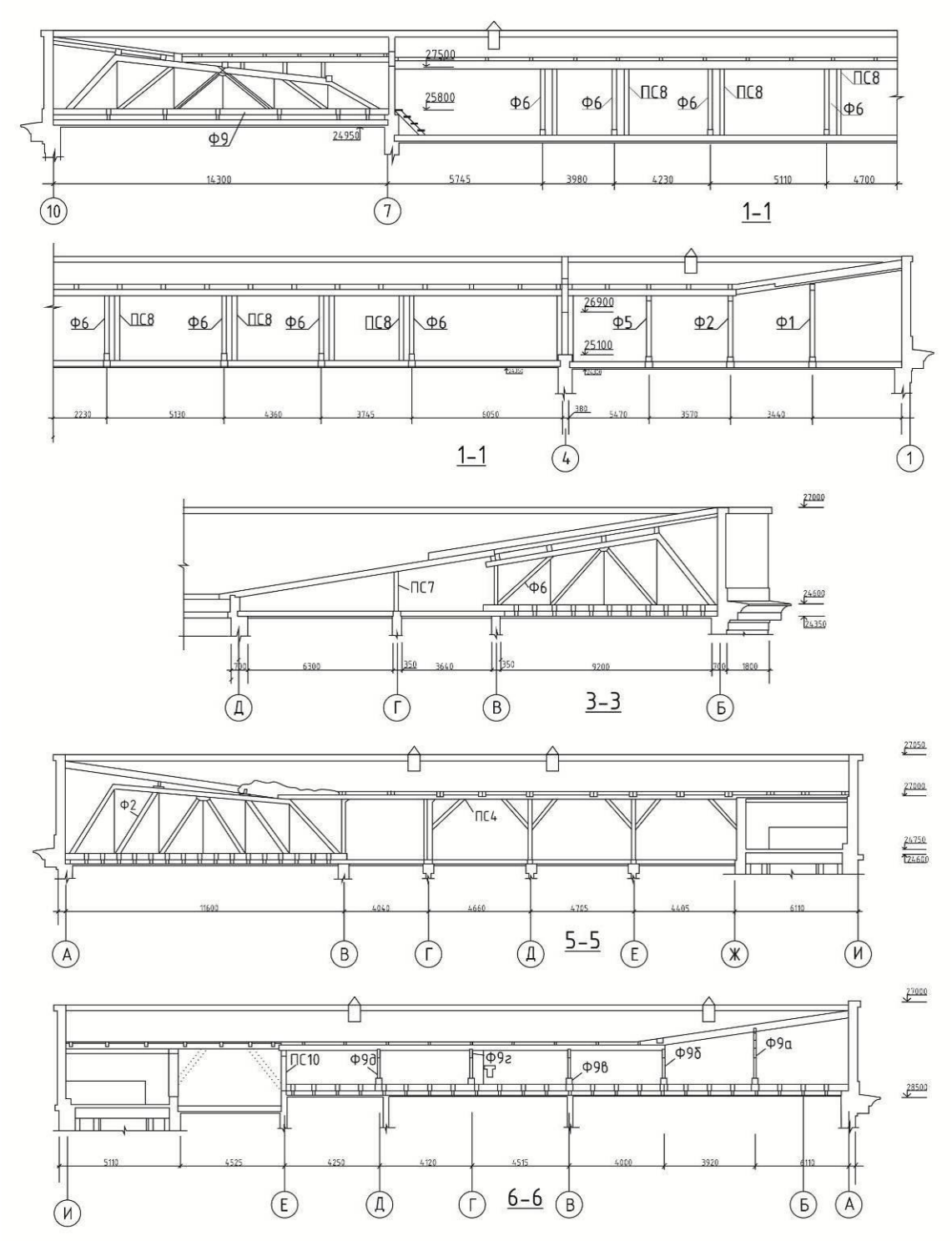


Рис. 2. *Поперечный разрез 4-4 и продольные разрезы 1-1, 5-5, 6-6 крыши*

Обмерные чертежи, выполненные группой архитекторов под руководством к.арх., профессора Журина Н.П., дают общее представление о конструктивном решении крыши, в котором применены плоскостные деревянные конструкции, *(рис. 2)*. В центральном объеме на несущую стену вдоль оси «Б» и главные балки по оси «В», на расстоянии около 6,0 м от фронтонов поперечных стен установлены восемь односкатных ферм Ф6 пролетом 9,6 м. Шаг ферм согласован с шагом колонн на этом участке и находится в интервале от 3,75 до 5,15 м.

В левом крыле на несущую стену по оси «А» и главные деревянные балки по оси «В» установлены три фермы Ф1, Ф2 и Ф3 разной высоты, пролетом 11,9 м. Перекрытия на этих участках выполнены подвесными. Балки перекрытий подвешены с помощью специальных хомутов к нижним поясам упомянутых ферм с шагом 0,7- 0,8 м.

В правом крыле пять ферм Ф9 пролетом 14,3 м стоят на продольных несущих стенах с шагом 4 м на расстоянии около 4,0 м от фронтов поперечных несущих стен. В узлах нижнего пояса ферм Ф9 хомутами закреплены прогоны, которые концами установлены на стены и служат опорой для подвески балок подвесного потолка.

Таким образом, в уровне пятого этажа устойчивость несущего каркаса была обеспечена с помощью перекрытий, в том числе и подвесных, изготовленных в соответствии с техническими требованиями.

Над каждым объемом здания, между фронтонами и несущими стенами, выполнены односкатные крыши с уклоном около 9°, которые по дворовому контуру завершены карнизами. В боковых объемах крыши примыкают к торцевым фронтонам между отметками 28.700 и 25.350. Сопряжения между встречными скатами проходят по двум диагоналям-ендовам, длиной около 31 м, которые закреплены в углах фасадных фронтонов и с помощью стоек к верхним поясам ферм, пересекают перекрытия лестничных клеток до углов карнизной части стен.

Рис. 3. *Верхний узел фермы с фрагментом покрытия*

В центральном объеме элементы крыши установлены на наружные несущие стены, на два ряда главных балок и перекрывают три пролета. В первом пролете 9,6 м стоят восемь шатровых ферм Ф6, которые по верхнему сжатому поясу имеют три панели, по нижнему – четыре. Сжатые восходящие раскосы примыкают к поясам на врубках, упором торцов во вкладыши и зафиксированы скобами. Вертикальные растянутые стойки из круглой стали частично передают нагрузку от подвесного потолка в узлы верхнего пояса *(рис. 3)*. Высота ферм принята равной $^1/_3$ от пролета. Фермы надежно закреплены на опорах, а узловые соединения выполнены с высокой точностью. Между узлами верхних поясов ферм лежат прогоны, которые в крайних 6-ти метровых пролетах закреплены к стойкам стенового каркаса. Сверху прогонов с шагом 1,5-2,0 м уложены стропила, один свободный конец которых закреплен в штрабах фронтона. По стропилам выполнен дощатый настил под кровлю.

Часть крыши длиной 42,7 м над двумя пролетами, равными соответственно 4,04 и 6,9 м, построена с помощью наслонных стропил. Для этого на оба ряда колонн были закреплены нижние прогоны, а на них установлены стойки разной высоты. Таким образом шаг стоек был согласован с шагом шатровых ферм. По каждому ряду стоек закреплены верхние прогоны, по которым через 1,5-2,0 м уложены двухпролетные стропильные ноги длиной более 11 м. В пролетах более 5 м верхние прогоны усилены подкосами и вертикальными схватками в виде металлических стержней между верхними и нижними прогонами. На выступе в карнизном узле концы ног уложены на обвязки и через одну закреплены к стенам с помощью закруток и костылей.

Все элементы наслонных стропил (стойки, прогоны, стропильные ноги и подкосы) выполнены из пиленого леса и соединены между собой скобами. Сращивание протяжных элементов: прогонов и стропильных ног решены косыми прирубами, которые распределены по длине в произвольном порядке. Надежность работы плоскостных конструкций под воздействием нагрузок, действующих в их плоскости, обеспечивается соблюдением норм и правил в процессе проектирования, изготовления и монтажа на строительной площадке.

2. Обеспечение совместной работы конструкций крыши. Плоскостные конструкции, установленные в проектное положение и соединенные между собой дополнительными элементами, образуют пространственную систему, способную воспринимать внешние силовые воздействия любого направления, сохранять свою неизменяемость и прочность, передавая опорные реакции несущих конструкций на несущие элементы перекрытия. В этой связи уместно напомнить некоторые особенности проектирования шатровых ферм и подстропильных систем, широко применяемых в пятидесятые годы прошлого века. Во-первых, шатровыми фермами перекрывали пролеты до 15 м и устанавливали их с шагом не более 3 м. Высоту ферм в середине пролета назначали более $^1/_6$ пролета. Во-вторых, в номенклатуру были включены три типа ферм с одинаковым числом панелей по верхним и нижним поясам (***n***=4, 6, 8). На стадии расчета это позволяло увеличить расчетную длину сжатого верхнего пояса двумя панелями с нулевыми усилиями, передать действующие нагрузки на два дополнительных узла и обеспечить безопасную работу конструкций в односкатных и двухскатных крышах с фронтонами. Для этого, после монтажа ферм в опорных узлах устанавливали дополнительные стойки и продолжали с помощью стыка верхний пояс до пересечения со стойкой. Пространственная устойчивость таких

конструкций решалась устройством горизонтальных и вертикальных связей, соединяющих фермы попарно.

Таким образом, отсутствие горизонтальных и вертикальных связей, ошибки, допущенные при монтаже покрытия общественного здания, не только исказили расчетную схему ферм, но и подвергли их беспрепятственным динамическим деформациям, которые неизбежны при знакопеременных шквалистых порывах ветра.

Правильно спроектированные и собранные по проекту наслонные стропильные системы отличаются простотой конструкции, возможностью их изготовления в построечных условиях из бревен и брусьев, эффективно работающих на сжатие и поперечный изгиб, небольшим расходом стали на скобы, болты, накладки и схватки. Стыки верхних и нижних прогонов располагают вблизи стоек. Стропильные ноги, образующие скат крыши, укладывают на верхние прогоны с шагом 0,8-1,4 м и стыкуют по длине вблизи стоек. В поперечном направлении стропильные ноги, перекрывающие пролет до 6,5 м, также усиливают через одну введением подкосов снизу. В этом случае, при шарнирном креплении стоек, подкосы связывают между собой нижние прогоны и стропила в единую рамную конструкцию.

В системах с двумя рядами стоек поперечную устойчивость обеспечивают с помощью вертикальных схваток между верхними и нижними прогонами, распорок между нижними прогонами и горизонтальных схваток между стойками. В местах примыкания наслонных стропил к фронтонам несущих стен предусматривают стеновые каркасы, повторяющие систему из стоек, ног и подкосов.

3. Аварийное состояние несущих конструкций крыши. Учитывая протяженность стропильной системы (42,7 м), в которой отсутствуют стеновые каркасы, распорки, горизонтальные схватки между стойками и связи между ними в крайних пролетах и, принимая во внимание, что крайние прогоны ферм и верхние прогоны стропил закреплены в крайних узлах ферм, горизонтальные деформации передаются на все элементы покрытия, в том числе и на несущие стены центрального объема.

Установкой дополнительных элементов в фермах Ф6 и подстропильных системах ПС-7 и ПС-8, а также монтажом ветровых и горизонтальных связей, стеновых каркасов обеспечивается геометрическая неизменяемость несущих конструкций *(рис. 4, 5)*.

В левом объеме несущие элементы крыши так же выполнены с помощью деревянных шатровых ферм и подстропильных систем. Три фермы Ф1, Ф2 и Ф3 перекрывают пролет, равный 11,6 м, и расположены между поперечными фронтонами, примерно с одинаковым шагом, который не превышает 3,6 м. Все фермы имеют по нижнему поясу шесть панелей, а по верхнему – пять, что не соответствует расчетной схеме. К нижним поясам ферм подвешены элементы перекрытия. Ферма Ф1 высотой 3,5 м выполнена с параллельными поясами, с помощью стойки в опорном узле по верхнему поясу продолжена до стойки на оси «Г» и связана с подстропильной системой ПС1. Односкатные фермы Ф2 и Ф3 изготовлены высотой 3,2 м у левой опоры и так же с помощью стоек у правых опор продолжены до стоек на оси «Г». В этом блоке отсутствуют необходимые вертикальные и горизонтальные связи. Таким образом, была создана ситуация, не позволяющая объединить верхние пояса ферм с помощью прогонов и уложить

дополнительные стропила по встречным скатам у ендовы. В результате, вместо шести прогонов по верхним поясам ферм установлено три прогона, которые передают двойные сосредоточенные нагрузки в задействованные узлы, вызывают искажения геометрической формы ферм и перемещения стропил и прогонов в штрабах фронтонов.

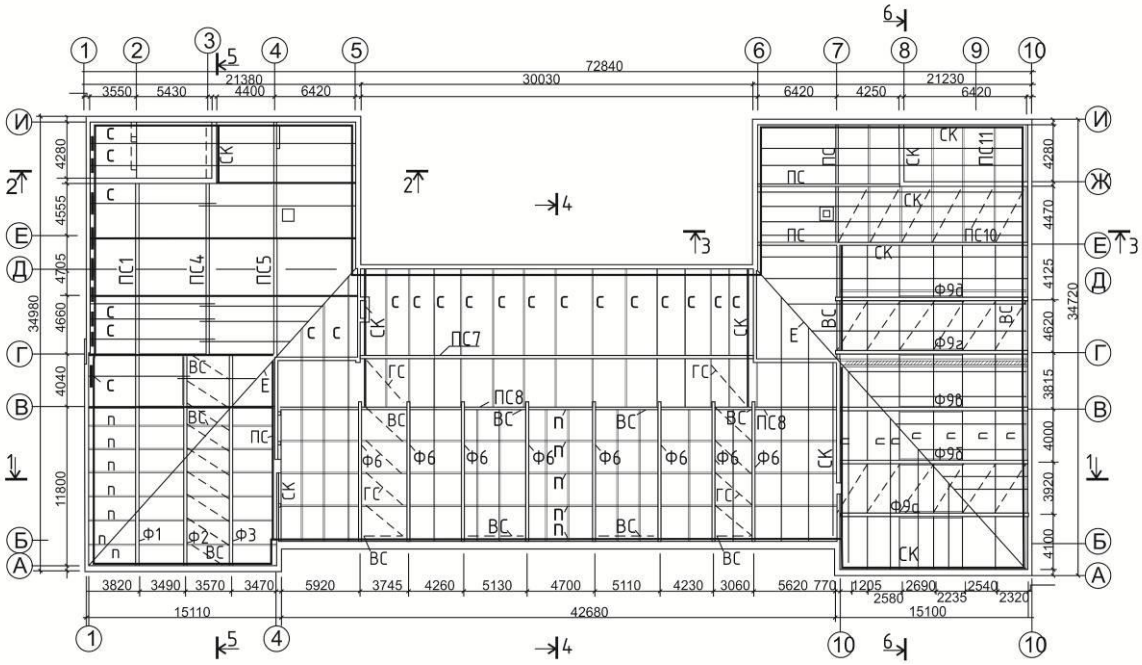


Рис. 4. *Схема расположения в покрытии: ферм (Ф); подстропильных систем (ПС); прогонов (П); стропил (С); стеновых каркасов (КС); вертикальных (ВС) и горизонтальных связей (ГС); ендов (Е)*

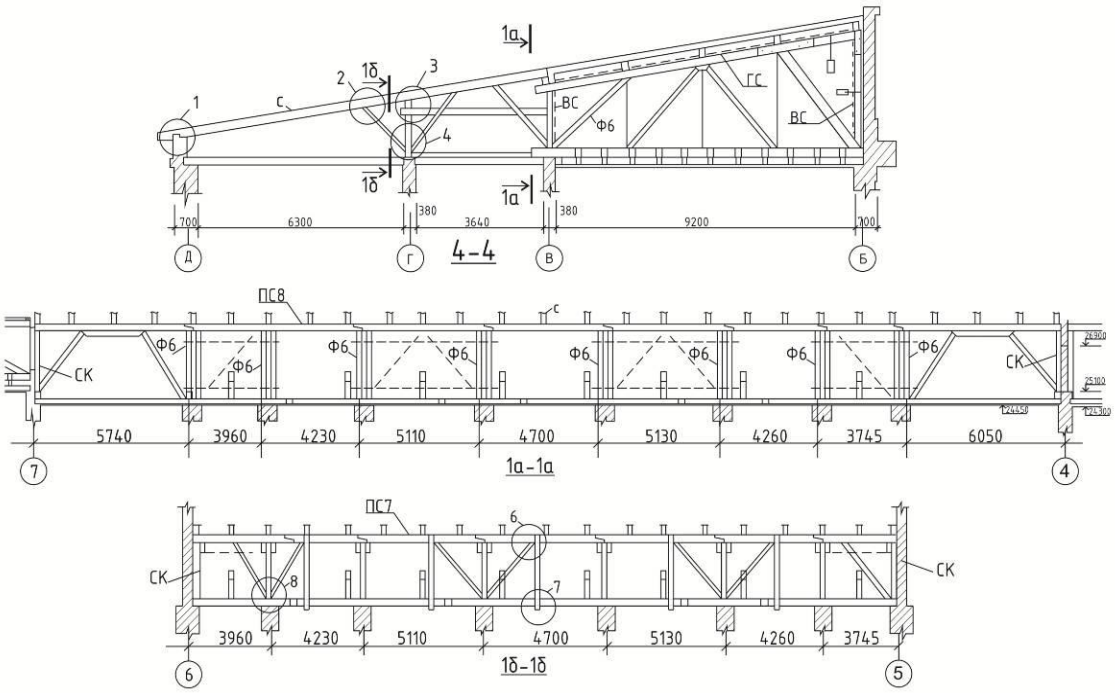


Рис. 5. *Схемы установки дополнительных элементов в конструкции ферм Ф6 и односкатных наслонных стропил ПС-7, ПС-8 в центральном объеме*

Между тем, совместную работу конструкций этой части крыши можно обеспечить обычными приемами:

- достроить недостающие узлы ферм;
- с помощью металлических разновеликих башмаков выровнять отметки верхних поясов;
- установить соответствующие стеновые каркасы;
- закрепить прогоны в узлах верхних поясов и на обвязках стеновых каркасов;
- связать фермы Ф1 и Ф2 между собой с помощью вертикальных и горизонтальных связей.

Остальные элементы формирующие скат кровли, можно устанавливать по прогонам несущего блока.

Участок крыши между осями «Г-И» левого объема решен с помощью четырехпролетных подстропильных систем разной высоты 3,7; 3,2; 1,43 м. В продольных пролетах, кроме связевого, между фермами и системами, верхние прогоны усилены подкосами. Поперечная жесткость линейных конструкций, шарнирно установленных по нижним прогонам, не обеспечена подкосами между нижними прогонами и стропильными ногами, схватками между стойками, горизонтальными и вертикальными связями в промежуточном пролете «В-Г». Устойчивость несущей системы крыши в левом объеме обеспечивается установкой дополнительных элементов между конструкциями *(рис. 6)*.

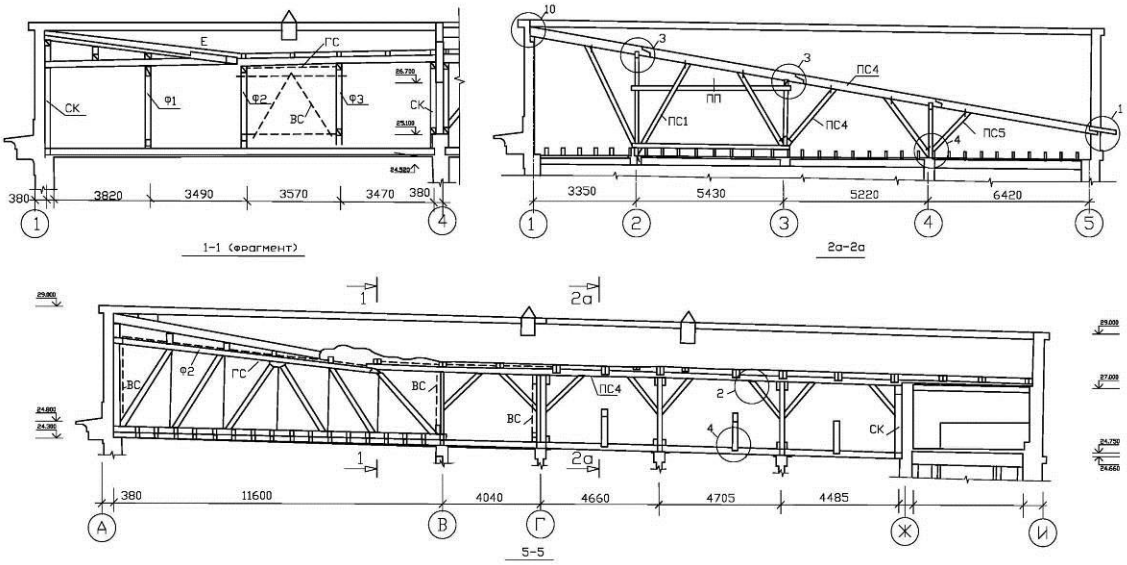


Рис. 6. *Схемы установки дополнительных элементов в конструкции ферм Ф1, Ф2, Ф3 и подстропильных систем ПС1, ПС4, ПС5 в левом объеме*

Состояние несущих конструкций в правом объеме можно оценить, как катастрофическое. Пять односкатных ферм Ф9 перекрывают пролет 15,1 м и расставлены с шагом от 3,9 до 4,3 м между фронтоном по оси «А» и подстропильной системой ПС10 по оси «Е». Опорные узлы ферм решены лобовым опором на металлических натяжных хомутах, передающие усилия от вкладыша, в который упирается раскос, на накладки, соединенные с нижним поясом стальными цилиндрическими нагелями и болтами. Стыки нижних

двухветвевых поясов раздвинуты на две средние панели и решены с помощью досок, закрепленных с помощью нагелей и болтов. Приторцовка стыкуемых элементов, врубки и подушки, сложные опорные, узлы и стыки растянутых поясов были выполнены с большой тщательностью.

Расчетную схему ферм, наверняка, принимали с шестью панелями по верхним и нижним поясам. Высота ферм в середине пролета составила $^1/_8$ от пролета, что для таких ферм считается редкостью. К нижним поясам ферм закреплены конструкции подвесного потолка, нагрузки от которых передаются в узлы верхнего пояса. Над тремя фермами, между встречными скатами крыши предусмотрена ендова, которая пересекает верхние пояса ферм Ф9а, Ф9б, Ф9в: над первым узлом от первой опоры; над узлом в середине пролета и над первым узлом от правой опоры, соответственно. В процессе сборки крыши от этих узлов, вдоль верхних поясов ферм с помощью стоек разной высоты были закреплены мощные дополнительные балки, которые прошли мимо опорных узлов и концами зафиксированы в штрабах фронтонов *(рис. 7)*. Между тем, эти надстройки предназначены для формирования скатов, считаются второстепенными и должны стоять на прогонах несущего каркаса.

Рис. 7. *Общий вид покрытия в правом объеме над средним узлом фермы Ф9б*

Таким образом, несущий каркас в этом объеме должен включать: фермы Ф9 одинаковой высоты; стеновые каркасы в торцах связевого блока из пяти ферм; прогоны, уложенные в шести узлах ферм в соответствии с расчетной схемой; вертикальные связи в плоскости опорных стоек, соединяющие фермы попарно; горизонтальные связи из брусков, подшитые с низу между прогонами. В такой системе силовой поток последовательно включает в работу все элементы и передает в виде опорных реакций на выступы несущих стен. Дополнительные

элементы, обеспечивающие образование пространственного блока, способны воспринимать любые нагрузки *(рис. 8)*.

В такой ситуации наиболее уязвимыми оказались элементы ограждающих конструкций – мягкая кровля и потолки. Через разрывы в кровле атмосферные осадки проникали внутрь крыши, замачивали потолки и опорные узлы главных балок. После многократных ремонтов кровлю выполнили из оцинкованной стали, для которой нарушения температурно-влажностного режима в подкровельном пространстве так же приводят к образованию конденсата, инея и капели. Увеличение подпорного давления воздуха в подкровельном пространстве таких кровель может быть обеспечено применением профилированных листов в сочетании с паропроницаемой пленкой по настилу.

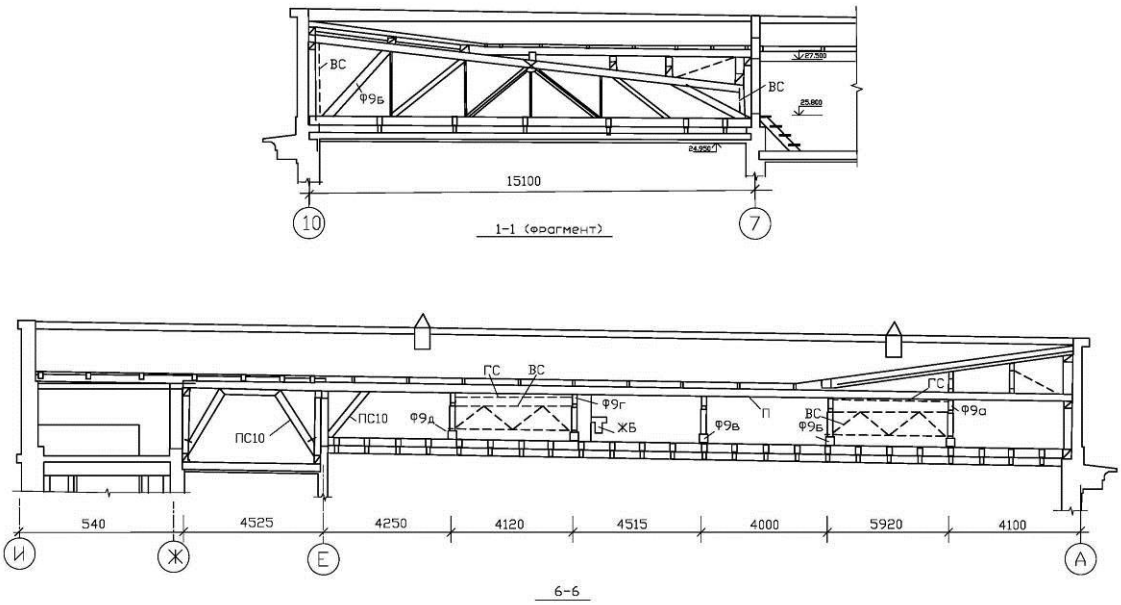


Рис. 8. *Схема установки дополнительных элементов конструкции ферм Ф9 и подстропильного блока ПС10, ПС11 в правом объеме*

В кирпичной кладке фронтонов образовались трещины, которые постепенно распространились на нижние этажи. Стойки и обвязки стеновых каркасов примыкающих к фронтонам, вышли из проектного положения, повреждены глубокими продольными трещинами, скобы выдернуты из гнезд.

В фермах проявились необратимые деформации: верхние пояса вышли из плоскости, а прогибы ферм превысили предельные значения – 1/100 **[1].** Горизонтальные перемещения поясов вызвали сдвиг подушек и раскосов из врубок, прогонов и стропил из гнезд в кирпичных стенах с последующим их разрушением по растворным швам. В подстропильных системах все элементы повреждены или деформированы, узлы косым прирубом и сращивания раскрыты, а в местах примыкания верхних прогонов к фронтонам так же отмечены разрушения кирпичной кладки по растворным швам *(рис. 9, 10)*.

Рис. 9. *Деформация косых прирубов верхних прогонов подстропильной системой (средний объем)*

Рис. 10. *Состояние стыков стропил по прогонам в правом объеме*

Заключение

1. В настоящее время, первоочередная задача – это разработка мероприятий, предупреждающих разрушение конструкций, которое с каждым днем приближается в правом объеме. Например, с помощью рамных систем, закрепленных к стенам пятого этажа.

2. Решить безопасный демонтаж конструкций и предусмотреть разработку временных передвижных укрытий, «связанных с необходимостью поддерживать в них нормальные режимы в период, когда над зданием нет крыши» **[2]**. Например, использование линзообразных пневматических покрытий на тентовых несущих каркасах.

3. Подготовить проект реконструкции перекрытий и крыши, в котором учесть силовые возможности существующего каркаса, несущие стены которого ослаблены оконными и дверными проемами. Выбрать конструктивную систему, которая должна базироваться на использовании перспективных современных материалов, обладающих высокими физико-механическими свойствами. Например, для несущих конструкций применить клееный брус из шпона LVL (ЛВЛ), выпуск которых налажен на двух заводах в России (г. Югра, г. Торжок) и широко применяется в новом строительстве жилых, общественных и реконструкции старых зданий **[3]**.

Библиографический список

1. *Отрешко А.И.* Справочник проектировщика. Деревянные конструкции. –М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1957. – 264.

2. *Дмитриев П.А.* Реконструкция крыш жилых и общественных зданий при возведении мансардных этажей / П.А. Дмитриев, Р.Б. Орлович // *Изв. вузов. Строительство.* – 1998. – №6. – С. 10-16.

3. СП 64.13330.2011. Деревянные конструкции СНиП II-25-80. Утвержден приказом Минрегиона России от 28.12.2010г. №826.

Куликовский А.П.
Palich@ngs.ru
Кузьменко Р.В.
Королев Н.С.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 69.059.28
ВВК 38.5

ПРИЧИНЫ ТРЕЩИНООБРАЗОВАНИЯ В МОНОЛИТНОМ ЖЕЛЕЗОБЕТОННОМ РОСТВЕРКЕ

Аннотация. В последнее время на строительном рынке России появляются современные добавки в бетонные смеси, применение которых на стационарных РБУ должно улучшать качество, подвижность и удобоукладываемость бетонной смеси. Однако при неотработанной технологии на новых установках растворо-бетонных узлов применение новых добавок может негативно сказаться на твердении бетонной смеси. Летом 2014 г. в нашу организацию обратился один из застройщиков малоэтажного комплекса в Новосибирской области с просьбой разобраться в причинах трещинообразования монолитного железобетонного ростверка с последующим его усилением. В процессе обследования была определена конструктивная схема фундамента, был выполнен анализ проектной и исполнительной документации, определена фактическая прочность монолитного бетона ростверка (разрушающим и неразрушающим методами). Выполнен анализ инженерно-геологических условий площадки строительства. По результатам выполненной работы были сделаны выводы о причинах трещинообразования монолитного ростверка здания. Основными факторами трещинообразования послужило отсутствие бетонной подготовки при строительстве на просадочных грунтах, применение новой добавки при неотлаженной технологии работы растворо-бетонного узла, отсутствие ухода за бетонной смесью при высоких положительных температурах и низкой влажности. Даны рекомендации по ремонту и усилению конструкций фундамента.

Ключевые слова: фундамент; трещины; обследование; рекомендации; повреждения; выводы.

Введение. В июле 2014 г. в нашу организацию обратился один из застройщиков малоэтажного комплекса в Новосибирской области с просьбой разобраться в причинах трещинообразования монолитного железобетонного ростверка на свайном основании. Данный ростверк является фундаментом 2-этажного жилого дома. При выполнении бетонных работ в конце июля 2014 г., при снятии опалубки подрядной организацией были выявлены вертикальные трещины с шириной раскрытия от 0,2 до 2,5 мм. Причем раскрытие трещин наблюдалось к верху ростверка. На момент обследования были выполнены буронабивные сваи и монолитный ж/б ростверк.

Конструктивная схема здания. Здание малоэтажного жилого дома на 10 квартир двухэтажное, с несущими продольными кирпичными стенами толщиной 380 мм. Габаритные размеры здания составляют 51,0×12,6 м по крайним разбивочным осям. В качестве фундамента выполнен монолитный железобетонный ростверк по буронабивным сваям. Высота ростверка по проекту – 900 мм, ширина – 450 мм. Армирование ростверка предусмотрено из арматуры ø8 и ø12 А400. Буронабивные сваи в осях А и В имеют диаметр 250 мм, а сваи по оси Б – диаметр 350 мм. Глубина свай составляет 5,35 м (отметка низа сваи – 6,5 м). Общий вид конструкции фундамента представлен на рисунке 1.

Рис. 1

Обследование строительных конструкций. На момент обследования в здании возведен железобетонный фундамент в виде монолитного ростверка по буронабивным сваям. Анализ представленных документов заказчика показал, что бетонирование монолитного ростверка было выполнено 24 июня 2014 г. Снятие опалубки производилось 27 июня 2014 г. Бетонная смесь находилась в опалубке 2–3 дня. В качестве грунтового основания, по данным инженерно-геологических изысканий, с поверхности до глубины 0,3 м залегают современные отложения, представленные почвенно-растительным слоем. Под этим слоем залегает супесь песчанистая, водонасыщенная, текучая, незасоленная, мощностью 1,2–1,4 м. Ниже залегает суглинок легкий, пылеватый, малой степени водонасыщения, твердый, ненабухающий, слабопросадочный, незасоленный, с прослоями полутвердого, мощностью 1,0–5,0 м. Под суглинком залегает супесь пылеватая, малой степени водонасыщения, твердая, слабонабухающая, слабопросадочная, незасоленная, мощностью 1,4–3,0 м. Ниже залегают суглинки тяжелые, средней степени водонасыщения, полутвердые, слабонабухающие, непросадочные, незасоленные, с прослоями твердого и тугопластичного.

Анализ представленной рабочей документации показал, что в качестве основания под монолитным ростверком выполнены буронабивные сваи до отметки – 6,500. Сваи по крайним разбивочным осям А и В, а также по оси 1 и 6 выполнены диаметром 250 мм с уширением в подошве до диаметра 400 мм из втрамбованного щебня. Сваи по оси Б выполнены диаметром 350 мм с уширением в подошве до диаметра 500 мм из втрамбованного щебня. Шаг свай по осям А, Б и В составляет 1,5–1,7 м. Шаг свай по осям 1 и 6 составляет 2,17 м. Прочность бетона буронабивных свай составляет В20 по проекту.

Армирование ростверка выполнено тремя арматурными стержнями диаметром 12 мм А400 по СТО АСЧМ 7–93 снизу и сверху. Посередине высоты ростверка установлено два стержня диаметром 12 мм. В качестве поперечной арматуры установлены стержни диаметром 8 мм А400 по СТО АСЧМ 7–93 с шагом 500 мм по длине ростверка. В местах пересечения стен поперечная арматура установлена с шагом 250 мм (по 1,5 м от углов стен). Бетон монолитного фундамента по проекту В20 по прочности на сжатие, W6 по водонепроницаемости

и F50 по морозостойкости.

При визуальном осмотре фундаментного ростверка выявлены следующие дефекты и повреждения:

– усадочные трещины по верху фундамента *(рис. 2)*;

– локальные участки непровибрированного бетона *(рис. 3)*;

– вертикальные трещины шириной раскрытия 0,2–2,5мм *(рис. 4, 5)*.

По представленным документам заказчика, вертикальные трещины в фундаменте были выявлены по истечению 2 недель после бетонирования.

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

При обследовании определена фактическая прочность бетона фундаментного ростверка неразрушающим методом. Определение прочности бетона выполнялось при помощи прибора ОНИКС-2,5 в 12 разных точках. По результатам натурных испытаний прочности бетона неразрушающим методом установлено, что фактический класс бетона на поверхности ростверка соответствует В7,5 – В12,5. Фактический класс бетона ниже проектного класса В20. Поверхностная прочность бетона различается по высоте ростверка, что свидетельствует о неравномерном наборе прочности бетонной смеси или расслоении бетонной смеси при укладке в опалубку. Неравномерный набор прочности мог произойти в результате большой температуры окружающего воздуха и низкой влажности, а также из-за подсоса влаги из грунтового основания при отсутствии бетонной подготовки. Причиной расслоения бетонной смеси по высоте конструкции фундамента могли стать нарушения технологии производства бетона на новом РБУ, а также использование различных добавок и

пластификаторов.

Для определения фактической прочности бетона в самой конструкции фундамента заказчиком было выбурено двенадцать кернов диаметром 100 мм на всю толщину фундамента. Керны были доставлены в лицензионную лабораторию и были приготовлены для испытаний на гидравлическом прессе.

В результате испытания цилиндрических кернов была получена фактическая прочность бетона. Прочность кернов, взятых с нижней части железобетонного ростверка, соответствует классу В25, а прочность кернов, взятых с верхней части железобетонного ростверка, соответствует классу В20. Проектный класс бетона ростверка – В20. Данный разброс по прочности еще раз говорит о неравномерном процессе набора прочности бетонной смеси. Анализ плотности бетонной смеси из кернов показал, что минимальная плотность бетона составляет 2,158 кг/м^3, а максимальная – 2,458 кг/м^3. Средняя плотность бетонной смеси по всем образцам составляет 2300 кг/м^3. Расхождение по плотности бетона нижнего и верхнего уровня составляет 12–13%. Данный разброс плотности свидетельствует о недостаточном вибрировании бетонной смеси при ее укладке в опалубку либо о расслоении бетонной смеси на фракции песок/щебень/цементное молоко из-за нарушения технологии производства бетонной смеси.

По данным завода изготовителя бетона, в бетонную смесь добавлялась добавка «Центрамент Н10». Данная добавка обеспечивает увеличение подвижности бетонной смеси с П1 до П4 при снижении водоцементного отношения. Данная добавка снижает прочность бетона до 5%. Однако неверное применение данной добавки (неправильная пропорция, дозировка, при неотработанной технологии замеса бетонной смеси) может привести к большой подвижности бетонной смеси и снижению прочности бетона более чем на 5% при активном твердении бетонной смеси.

По данным инженерно-геологических изысканий, грунты в основании фундамента ИГЭ-3 и ИГЭ-3а до глубины 5,0 м являются просадочными и относятся к I категории грунтовых условий по просадочности. При отсутствии бетонной подготовки и при обильных осадках в конце июня 2014 г., возможно, имела место деформация грунтового основания под монолитным железобетонным ростверком от собственного веса бетонной смеси при его недостаточной прочности.

При обследовании было выполнено контрольное вскрытие грунтового основания под вертикальной трещиной. В результате вскрытия установлено, что вертикальная трещина располагается непосредственно над буронабивной железобетонной сваей, что свидетельствует о характере появления вертикальных трещин – при раннем разопалубливании и недостаточной прочности бетона монолитный ростверк повис на буронабивных сваях. Контрольное вскрытие грунтового основания под трещиной показано на рисунке 6.

При обследовании установлено, что бетонная подготовка под монолитным ростверком не выполнялась и проектом не была предусмотрена. Следует отметить, что на глинистых и суглинистых грунтах без выполнения бетонной подготовки возможны деформации грунтового основания в процессе бетонирования. Особенно если данные грунты относятся к просадочным первой категории. Также в процессе набора прочности бетоном возможен подсос влаги из грунта под подошвой фундамента, а верхняя часть из-за нарушения ухода за бетоном обильно отдавала воду в процессе твердения. Об этом свидетельствуют

многочисленные усадочные трещины с шириной раскрытия до 2–3 мм. Неравномерный набор прочности бетона также говорит о том, что нижняя часть ростверка была обильно увлажнена дождевыми осадками, а верхняя часть обильно отдавала влагу в процессе набора прочности.

Рис.6

Выводы. В результате анализа полученных данных при обследовании монолитного ростверка установлено, что причиной появления вертикальных трещин послужил ряд следующих факторов:

- Отсутствие бетонной подготовки при выполнении бетонных работ на супесях и суглинках, относящихся к просадочным грунтам.
- Нарушение технологии производства бетонной смеси, добавление пластификаторов и добавок привели к расслоению бетонной смеси по высоте конструкции (разная прочность и плотность бетона).
- Отсутствие ухода за бетонной смесью в опалубке.

По результатам проведенного обследования были разработаны рекомендации по усилению монолитного железобетонного ростверка путем устройства монолитного пояса по всей поверхности выполненного фундамента.

Шутов В.А.,
Миренков В.Е.
otdaa@yandex.ru
НГУАДИ, Новосибирск, Россия

УДК 539.3
ББК 38

КУСОЧНО-ОДНОРОДНАЯ ПЛАСТИНА С ТРЕЩИНОЙ

Аннотация: рассмотрена трещина на границе раздела свойств материалов, моделируемых полуплоскостями. Проблема сведена к сингулярным интегральным уравнениям типа Фредгольма второго рода относительно усилий на контакте. Предложен метод последовательных приближений при определении контактного взаимодействия.

Ключевые слова: трещина, напряжения, уравнение, решение, упругость, сингулярность.

Теория неоднородных тел имеет большое значение для современной техники. При этом в равной мере представляет интерес как непрерывно неоднородные, так и дискретно неоднородные тела. Дискретная неоднородность встречается в армированных средах, слоистых горных породах, в составных конструкциях и т.п. Ввиду важности проблемы ей были посвящены специальные международные конференции, множество монографий и поток статей. Не смотря на обширность литературы в данной области, ряд вопросов остается до последнего времени еще не выясненным. Не определены пределы применимости приближенных решений, недостаточно разработаны эффективные методы точного решения задач со смешанными краевыми условиями. Основные задачи теории упругости рассматриваются раздельно и для каждой из них разрабатываются свои методы решения.

Учет контактных условий взаимодействующих упругих тел до настоящего времени сводится к введению правдоподобных гипотез о возможности пренебречь теми или иными составляющими компонент смещений или напряжений (идеальное проскальзывание, абсолютно твердое одно из контактирующих тел, жесткое сцепление и т.д.) **[1]**. Ситуация еще больше усложняется, когда на границе раздела сред имеется или возникает трещина.

Цель работы – попытка дать ответы на такие вопросы применительно к упругим составным средам, рассмотреть одновременно и единообразно все три основные задачи и предложить методы их реализации. Полученные решения являются удобной основой для решения задач о деформировании слоистых образцов при произвольном нагружении (как ослабленных трещинами, так и без них), о вдавливании штампов и т. д.

Аналитическое решение для кусочно-однородной пластины с трещиной по части границы раздела сред представляет большой интерес, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Известные результаты по деформированию составных клиновидных тел не могут считаться строгими для теории упругости, так как полученные решения не только возрастают до бесконечности, но и не имеют предела, то есть осциллируют при стремлении к угловой точке **[1-3]**.

Кусочно-однородная пластина с разрезом, моделирующим трещину, приведена на рис.1. Так как нас интересует точное решение на продолжении разреза, то части составной пластины рассматриваются как полуплоскости, что

оправдано, когда длина трещины много меньше характерного размера пластины. Не умаляя общности, считаем, что величины, имеющие размерность длины, отнесены к половине протяженности разреза, а имеющие размерность напряжений – к характерной величине интенсивности внешней нагрузки, то есть перейдем к безразмерным переменным и функциям. Все величины, имеющие индекс

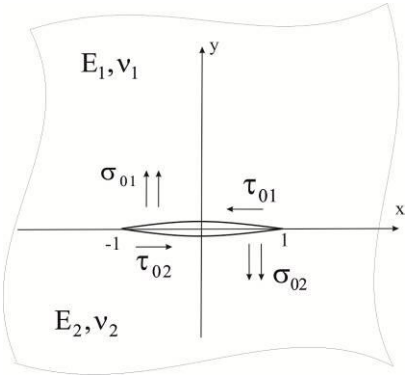


Рис.1. *Расчетная схема*

«1» относятся к верхней полуплоскости, а – «2» к нижней. На участке $|x| \le 1$ действуют произвольные нормальные и касательные напряжения, смещения или их комбинации, то есть

$$\sigma_{0m}(x), \quad \tau_{0m}(x); \qquad u_{0m}(x), \quad v_{0m}(x); \qquad v_{0m}(x), \quad \tau_{0m}(x); \qquad (m=1,2), \tag{1}$$

сформулированные на берегах разрезов, соответственно, для трех основных задач. Значения (1) на границах полуплоскостей, вообще говоря, различны, то есть допускается отсутствие симметрии деформирования в каждой из полуплоскостей как по x, так и по y. Ограничения, накладываемые на (1), предполагают равенство нулю главного вектора и главного момента, а так же выполнение условий:

$$\begin{gathered}\sigma_{01}(-1)=\sigma_{02}(-1), \quad \sigma_{01}(1)=\sigma_{02}(1);\\ \tau_{01}(-1)=\tau_{02}(-1), \quad \tau_{01}(-1)=\tau_{02}(-1).\end{gathered} \tag{2}$$

Связь граничных значений компонент напряжений и смещений для односвязной области имеет вид [4]:

$$\begin{gathered} f(t_0)+2\mu g(t_0)=\frac{1}{\pi i}\int_r \frac{f(t)+2\mu g(t)}{t-t_0}dt,\\ k\overline{f(t_0)}-2\mu\overline{g(t_0)}=\frac{1}{\pi i}\int_r \frac{k\overline{f(t)}-2\mu\overline{g(t)}}{t-t_0}dt-\frac{1}{\pi i}\int_r [f(t)+2\mu g(t)]d\frac{\bar{t}-\bar{t}_0}{t-t_0}, \end{gathered} \tag{3}$$

где $k=3-4\nu$; $\mu=E[2(1+\nu)]^{-1}$; μ – коэффициент Пуассона; E – модуль Юнга; g=u+iv; u, v – горизонтальная и вертикальная компоненты смещений,

$$f(x)=i\int_0^t (X_n+iY_n)ds=\operatorname{Re} f+i\operatorname{Im} f, \tag{4}$$

X_n, Y_n – компоненты усилий в направлении осей x и y соответственно; черточка над функцией обозначает комплексно сопряженное значение; $t \in r$, t_0 – аффикс точки границы; i – мнимая единица.

$$4\mu_1 u_1'(x) = -(\kappa_1 - 1)\sigma_{y1}(x) + \frac{\kappa_1 + 1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{\tau_1(t)}{t - x}dt, \qquad (5)$$

$$4\mu_1 v_1'(x) = -(\kappa_1 - 1)\tau_1(x) + \frac{\kappa_1 + 1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{\sigma_{y1}(t)}{t - x}dt,$$

для верхней и

$$4\mu_2 u_2'(x) = -(\kappa_2 - 1)\sigma_{y2}(x) + \frac{\kappa_2 + 1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{\tau_2(t)}{t - x}dt, \qquad (6)$$

$$4\mu_2 v_2'(x) = -(\kappa_2 - 1)\tau_2(x) + \frac{\kappa_2 + 1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{\sigma_{y2}(t)}{t - x}dt,$$

для нижней. Уравнения (3), разрешенные относительно напряжений, соответственно, для верхней

$$\sigma_{y1}(x) = \frac{\kappa_1 - 1}{\kappa_1}\mu_1 u_1'(x) + \frac{\kappa_1 + 1}{\kappa_1}\cdot\frac{\mu_1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{v_1'(t)}{t - x}dt, \qquad (7)$$

$$\tau_1(x) = \frac{\kappa_1 - 1}{\kappa_1}\mu_1 v_1'(x) + \frac{\kappa_1 + 1}{\kappa_1}\cdot\frac{\mu_1}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{u_1'(t)}{t - x}dt,$$

и нижней полуплоскости

$$\sigma_{y2}(x) = \frac{\kappa_2 - 1}{\kappa_2}\mu_2 u_2'(x) + \frac{\kappa_2 + 1}{\kappa_2}\cdot\frac{\mu_2}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{v_2'(t)}{t - x}dt, \qquad (8)$$

$$\tau_2(x) = \frac{\kappa_2 - 1}{\kappa_2}\mu_1 v_1'(x) + \frac{\kappa_2 + 1}{\kappa_2}\cdot\frac{\mu_2}{\pi}\int_{-\infty}^{\infty}\frac{u_2'(t)}{t - x}dt.$$

Здесь штрихи у компонент смещений означают производную по x. В зависимости от конкретики решаемой проблемы можно пользоваться либо системой (5),(6), либо (7),(8), либо их комбинацией.

Предполагая сцепление на $y = 0$, $|x| \ge 1$ для любой основной задачи теории упругости имеем

$$\begin{aligned} &\sigma_{y1}(x) = \sigma_2(x) = p(x), \qquad \tau_1(x) = \tau_2(x) = q(x); \\ &u_1(x) = u_2(x) = u(x), \qquad v_1(x) = v_2(x) = v(x). \end{aligned} \qquad (9)$$

где

$$p(x) = \begin{cases} p^-(x) \\ p^+(x) \end{cases}; \qquad q(x) = \begin{cases} q^-(x), & x \le -1 \\ q^+(x), & x \ge 1 \end{cases}$$

С учетом (1), (9) из (5) и (6) для $|x| \ge 1$ получим

$$p(x) + \frac{\alpha}{\pi}\int_{|t|\ge 1}\frac{q(t)}{t - x}dt = -\frac{\alpha_1}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\tau_{01}}{t - x}dt - \frac{\alpha_2}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\tau_{02}}{t - x}dt, \qquad (10)$$

$$q(x) + \frac{\alpha}{\pi}\int_{|t|\ge 1}\frac{p(t)}{t - x}dt = \frac{\alpha_1}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\sigma_{01}}{t - x}dt + \frac{\alpha_2}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\sigma_{02}}{t - x}dt,$$

где

$$\alpha = \frac{(\kappa_1+1)\mu_2+(\kappa_2+1)\mu_1}{(\kappa_1-1)\mu_2-(\kappa_2-1)\mu_1}, \quad \alpha_1 = \frac{(\kappa_1+1)\mu_2}{(\kappa_1-1)\mu_2-(\kappa_2-1)\mu_1}, \quad \alpha_2 = \frac{(\kappa_2+1)\mu_1}{(\kappa_1-1)\mu_2-(\kappa_2-1)\mu_1},$$

в предположении, что упругие свойства полуплоскостей удовлетворяют условию

$$(\kappa_1-1)\mu_2 \ge (\kappa_2-1)\mu_1,$$

в противном случае индексы 1 и 2 поменяются местами. Вторая основная задача теории упругости рассматривается аналогично (10), то есть из (7), (8) с учетом (9). Для общего случая (рис.1) перепишем уравнения (10) в виде

$$\frac{1}{\pi}\int_{|t|\ge 1}\frac{q(t)}{t-x}dt = F_1(x), \qquad \frac{1}{\pi}\int_{|t|\ge 1}\frac{p(t)}{t-x}dt = F_2(x), \qquad |x|\ge 1, \tag{11}$$

где

$$F_1(x) = -\frac{1}{\alpha}\left[\frac{\alpha_1}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\tau_{01}}{t-x}dt + \frac{\alpha_2}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\tau_{02}}{t-x}dt - p(x)\right],$$

$$F_2(x) = \frac{1}{\alpha}\left[q(x) - \frac{\alpha_1}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\sigma_{01}}{t-x}dt - \frac{\alpha_2}{\pi}\int_{-1}^{1}\frac{\sigma_{02}}{t-x}dt\right].$$

Рассмотрим метод последовательных приближений для решения уравнения (11), сформулировав граничные условия в виде

$$\tau_{0m}(x) = 0, \quad \sigma_{01} = \sigma_{02} = A\sqrt{1-x^2}, \quad |x|\le 1, \quad A = \text{const}. \tag{12}$$

Полагая, как первое приближение, в $F_2(x)$ значение q(x)=0, перепишем второе уравнение (11) в виде

$$\frac{1}{\pi}\int_{|t|\ge 1}\frac{p(t)}{t-x}dt = -A\left(x-\sqrt{x^2-1}\right). \tag{13}$$

Решение (13), как первое приближение для $p(x) = p_1(x)$ подставим в $F_1(x)$ и, обратив первое уравнение (11), получим первое приближение для $q(x) = q_1(x)$. Процесс повторяется до достижения наперед заданной точности.

Таким образом, получены уравнения, решающие первую основную задачу механики трещин, для кусочно-однородной плоскости с прямолинейным разрезом по части границы раздела сред. Предложен метод последовательных приближений для определения контактных напряжений.

Библиографический список

1. *Мусхелишвили Н.И.* Сингулярные интегральные уравнения. – М.: Наука, 1966. – 606 с.
2. *Баренблатт Г.И., Христианович С.А.* Об обрушении кровли при горных выработках // *Изв. АН СССР. ОТН.* – 1955. – № 11. – С. 73-86.
3. *Боджи Д.Б.* Действие поверхностных нагрузок на систему из двух соединенных вдоль одной из граней упругих клиньев, изготовленных из различных материалов и имеющих произвольные углы раствора // *Прикладная механика. Американское общество инженеров механиков.* – 1971.– Серия Е. – Т.38. – № 2. – С. 87-96.
4. *Миренков В.Е., Шутов В.А.* Математическое моделирование деформирования горных пород около ослаблений / Новосибирск: Наука. 2009.–176с.

Шутов В.А.
Миренков В.Е.
Полуэктов В.А.
otdaa@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 539.3
ББК 38

НАКОПЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ В ПЛАСТИНАХ ПРИ СЖАТИИ

Аннотация. Рассматривается напряженно-деформированное состояние пластины и ставится в соответствие процесс накопления повреждений при нагружении внешними усилиями. Повреждаемость растет от нуля по мере накопления микропор. Приведены примеры повреждений и начала разрушения.

Ключевые слова: пластина; напряжения; смещения; уравнение; решение; повреждаемость; поры.

Наблюдение за накоплением повреждений в последнее время приводят с помощью регистрации сигналов акустической эмиссии (АЭ) или электромагнитной эмиссии сжимаемого или растягиваемого образца по мере роста нагрузки. Возникает задача установления соответствия между напряженно-деформируемым состоянием и началом разрушения, то есть геометрией накопления пор. Процесс деформирования и накопления повреждений в образце при его нагружении предполагает два подхода к изучению проблемы прочности: первый основан на анализе развития в конструкции трещин и других дефектов конечных размеров вплоть до разрушения на части; второй предполагает интерпретацию разрушения как процесс постепенного накопления различных микродефектов, пор, характеризующих повреждаемость материала, достижение которой критического значения вызывает разрушение конструкции. Решение задач для микротрещин предполагает известными форму трещин и направление их распространения, а это, строго говоря, требует решения вариационной задачи, что и было реализовано в **[1]**. Второй подход представляется более интересным.

Повреждаемость растет от нуля по мере накопления микропор, то есть нарушается сплошность материала с ростом напряженно-деформированного состояния. Однако, кроме определения прочности, необходимо знать процесс разрушения от начала до конца, изменение механических характеристик материала при этом, то есть деградацию упругости.

В сопротивлении материалов разрушение учитывается путем расчета на прочность, то есть сравнением максимальных расчетных напряжений с расчетным сопротивлением материала. От представлений сопротивления материалов перейдем к теории пластичности, понимая под этим использование ее при объяснении подготовки к разрушению с точки зрения возможности движения пор. Внутри пластин при нагружении возникает некоторое физическое состояние, регистраторы которого могут располагаться вне образца. Эти регистраторы могут фиксировать явление любой природы.

В таких условиях возникает класс обратных задач, использующий дополнительную информацию (переопределенность), для восстановления граничных условий под плитами пресса. Это интересно не только для понимания процесса образования пор, но и для восстановления условий, возникающих на контакте пластины с плитами пресса, что можно использовать для расчета напря-

женно-деформированного состояния в окрестности образовавшихся дефектов.

Проанализируем результаты расчета по деформированию однородных пластин при различных формулировках граничных условий, допускаемых тремя основными задачами теории упругости. Будем считать, что дислокации, вакансии, трещины, дефекты, неоднородности, имеющие место и возникающие в пластине под действием нагружения, двигаются из области гидростатических сжимающих напряжений в область, где нарушается гидростатичность. Для простоты вместо всего набора включений будем говорить просто – пора. Согласно математической теории пластичности, гидростатическое напряженное состояние не влияет на процесс разрушения, то есть, при его реализации нет движения пор и нет вероятности образования трещин. Зная напряженно-деформированное состояние в пластине, каждую ее точку можно расположить в один ряд по близости к гидростатическому состоянию. Как только условия гидростатичности нарушаются, появляется возможность для движения пор и, как следствие, их скопление в области наиболее сильного нарушения условия всестороннего сжатия (растяжения), что подтверждается результатами АЭ и разрушением конструкции **[2]**.

Рассмотрим пластину в виде прямоугольного параллелепипеда, находящегося под действием двух систем главных напряжений:

$$\sigma_1 = \sigma_2 = \sigma_0\,, \quad \sigma_3 = 0, \tag{1}$$

или

$$\sigma_1 = \sigma_2 = \sigma_0\,, \quad \sigma_3 = \sigma_{00}. \tag{2}$$

Добавим к этим двум системам внешних усилий по направлению σ_3 и сжатие и растяжение величиной σ_0. Всестороннее сжатие по теории максимальных касательных напряжений не оказывает влияния на прочность. Осевое же сжатие (растяжение) $\sigma_3 = -\sigma_0$ и $\sigma_3 = -\sigma_0 - \sigma_{00}$ дает сдвиг (разрыв), то есть разрушение элемента пластины при одноосном сжатии для второго исходного типа нагрузки предпочтительнее и в зависимости от материала (хрупкий, пластичный) может реализоваться или перпендикулярно растяжению, или под углом к оси, что и определяет следующие шаги разрушения. По существу имеем две различные формулировки одной и той же задачи: о деформировании пластины под действием систем (1) и (2) и укорочение ее под действием сжимающих (растягивающих) усилий в направлении оси x_3. Естественно, что вторая задача проще.

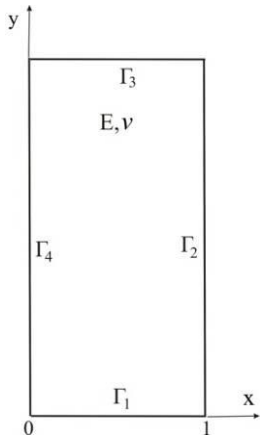


Рис. 1. *Расчетная схема пластины*

Рассмотрим процесс деформирования пластины при нагружении. Расчетная схема пластины приведена на рисунке 1.

Все величины, имеющие размерность длины, отнесены к Γ_1, а напряжения – к характерной величине напряжений на Γ_3. На боковых гранях Γ_2 и Γ_4 граничные условия примем в виде

$$\sigma_x = 0, \quad \tau = 0; \qquad x = 0; 1, \qquad 0 \le y \le h. \tag{3}$$

На гранях Γ_1 и Γ_3 могут быть любые граничные условия в рамках трех основных задач. В частности, на Γ_3 были рассмотрены три варианта граничных условий:

$$v = -1, \quad u = 0 \quad \text{и} \quad \sigma_y = -1, \quad \tau = 0 \quad \text{и} \quad v = -1, \quad \tau = 0. \tag{4}$$

На Γ_1

$$v(x) = 0, \quad \tau = 0, \tag{5}$$

где u,v – компоненты смещений в направлении соответственно осей x, y.

Система интегральных уравнений, связывающая граничные значения компонент напряжений на периметре $\Gamma=\Gamma_1+\Gamma_2+\Gamma_3+\Gamma_4$ имеет вид [1]

$$f(t_0) + 2\mu g(t_0) = \frac{1}{\pi i}\int_r \frac{f(t) + 2\mu g(t)}{t - t_0} dt,$$

$$k\overline{f(t_0)} - 2\mu\overline{g(t_0)} = \frac{1}{\pi i}\int_r \frac{k\overline{f(t)} - 2\mu\overline{g(t)}}{t - t_0} dt -$$

$$\frac{1}{\pi i}\int_r [f(t) + 2\mu g(t)] d\frac{\bar{t} - \bar{t}_0}{t - t_0}, \tag{6}$$

где $k = 3 - 4\nu$; $\mu = E[2(1+\nu)]^{-1}$; μ – коэффициент Пуассона; E – модуль Юнга; g=u+iv; u, v – компоненты смещений в направлении осей x и y,

$$f(x) = i\int_0^t (X_n + iY_n) ds = \operatorname{Re} f + i \operatorname{Im} f,$$

X_n, Y_n – компоненты усилий в направлении осей x и y соответственно; черточка над функцией обозначает комплексно сопряженное значение; $t \in r$, t_0 – аффикс точки границы; i – мнимая единица.

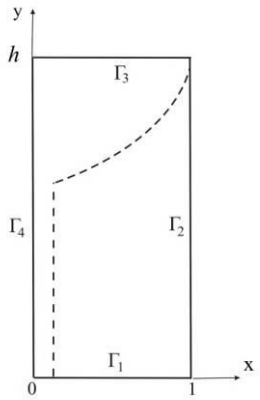


Рис. 2. *Пунктирная линия – места скопления пор*

Рассматриваются четыре варианта напряженно-деформированного состояния пластины. Во всех точках пластины σ_y практически не меняется, а в окрестности штрих-линии на рисунке 2 наиболее удобные для скопления пор условия (подготовка разрушения), что согласуется с натурными экспериментами, приведенными в **[3]**.

Штрих-линия *(рис. 2)* – положение максимальных значений σ_x. Адекватное описание деформирования пластин связано с проблемой идентификации их механических свойств, граничных условий, то есть с формулировкой обратных задач, являющихся основным классом некорректных для уравнений математической физики.

С практической точки зрения эта проблема особенно важна при изучении процесса разрушения. Обзорную информацию об исследованиях деформирования и разрушения образцов при нагружении на установке можно найти в **[2, 3]**. В стороне оказалась проблема влияния граничных условий пластины на результат взаимодействия с ней нагружающего устройства. Математическое моделирование показало, что только первую и четвертую задачи (3)–(5) можно трактовать как одноосное растяжение, а вторая и третья – представляют сложное напряженное состояние. При этом возникает основной вопрос: как добиться одноосного растяжения и что получается в результате такого мероприятия. В случае второй и третьей задач (3)–(5) в средней части образца y=0, $0 \le x \le 0$ наблюдается сужение, то есть u(x=1) достигает максимального значения, обозначая образования «шейки». И только вторая задача (3)–(5) в отличие от других трех дает возрастание значения v(x) на y=h при движении от x=1 к x=0.

Таким образом, анализ сложного напряженно-деформированного состояния пластины позволяет однозначно определить место концентрации пор, согласующееся с разрушением, контролируемым АЭ. Показано, что описание всех этапов разрушения по бесконтактному контролю АЭ относится к новому классу некорректных задач и требует соответствующего контроля, то есть восстановления граничных условий, механических характеристик и координат дефектов. Другими словами, все определяется напряженно-деформированным состоянием, которое управляется граничными условиями, связанными системой интегральных уравнений.

Библиографический список

1. *Миренков В.Е., Шутов В.А.* Математическое моделирование деформирования горных пород около ослаблений. – Новосибирск: Наука. 2009. – 176 с.
2. *Esterhuizen G.S., Dolinar D.R.* Pillar strength in underground stone mines in the United States. Int. – of Rock Mechanics and Mining Science. 2001. – Vol.48. – P. 114–123.
3. *Куксенко В.С., Домаскинская Е.Е., Казанцев А.Г.* Характер разрушения гранита при различных условиях деформирования // *Физика Земли*. – 2011. – №10. – С. 215–223.

Полевский А.И.
ksp@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК69:620.9
ББК 85.11

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПАСПОРТА ЖИЛОГО ЗДАНИЯ

Аннотация. Анализ составления энергетического паспорта жилого здания в зависимости от его состояния. Для проектируемых к строительству зданий или только построенным, или после капитального ремонта энергопаспорт составляется по проектной документации. Для зданий ранее уже введённых в эксплуатацию энергопаспорт составляется на основании их энергетического обследования.

Ключевые слова: энергоэффективность; энергопаспорт; энергетическое обследование; энергоаудит

Энергетический паспорт здания, объекта – нормативный регламентированный документ, составленный по результатам проведённого энергетического обследования и содержащий рекомендуемые и фактические показатели энергетической эффективности, а также программу оптимальной реализации имеющегося резерва экономии энергоресурсов.

Основанием энергопаспортизации являются: Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Приказ Министерства энергетики РФ от 30.06.2014 г. №400 «Об утверждении требований к проведению энергетического обследования и его результатам и правил направления копий энергетического паспорта».

Виды энергетических паспортов: энергетический паспорт, составленный по результатам обязательного энергетического обследования; энергетический паспорт, составленный на основании проектной документации.

Энергетический паспорт, составленный по результатам энергетического обследования должен содержать следующую информацию:

1. Оснащение приборами учёта используемых энергетических ресурсов;
2. Объём используемых энергетических ресурсов и его изменения;
3. Показатели энергетической эффективности;
4. Оценка возможной экономии энергетических ресурсов;
5. Мероприятия по повышению энергетической эффективности.

Энергетический паспорт, составленный на основании проектной документации должен содержать сведения:

1. Нормативные показатели теплозащиты здания;
2. Расчётные проектные показатели и характеристики:
- а) объёмно-планировочные показатели;
- б) теплотехнические показатели;
- в) энергетические показатели;
- г) расчётные коэффициенты энергетической эффективности;
3. Комплексные показатели энергоэффективности здания
4. Сведения об оснащении приборами учёта энергоресурсов и измерения их потребления.

Для определения классов энергоэффективности многоквартирных домов разработана и утверждена соответствующая таблица *(табл. 1)*. Класс эффективности жилого дома должен размещаться на его фасаде.

Таблица 1

Классы энергоэффективности многоквартирных домов

Обозначение класса эффективности здания	Наименование класса энергетической эффективности	Величина отклонения удельного расхода тепловой энергии на отопление, вентиляцию и ГВС здания от нормируемого уровня, %
Для новых и реконструируемых зданий		
«А»	Наивысший	Менее – 45
«В++»	Повышенный	От 36 – 45 включительно
«В+»		От 26 – 35 включительно
«В»	Высокий	От 11 – 25 включительно
«С»	Нормальный	От 5 – 10 включительно
Для существующих зданий		
«D»	Пониженный	6 – 50
«Е»	Низший	Более 50

Энергоэффективность жилого дома можно повысить с помощью энергоаудита.

Целью энергоаудита является повышение эффективности использования теплоэнергетических ресурсов. Этапы проведения энергоаудита жилого здания:

1) Натурное обследование объекта, выполнение измерений и сбор информации в различных условиях. В зимнее время проводят тепловизионную съемку, которая позволяет определить нарушения теплоизоляции ограждающих конструкций здания, потери тепла через различные невидимые дефекты в обычных условиях. 2). Определение качества строительных конструкций, типы и свойства используемых материалов при строительстве здания.

3) Анализ полученных результатов, построение иэотерм и графиков их распределения.

4) Составление и анализ теплоэнергетического баланса дома.

5) Разработка долгосрочной программы по увеличению энергоэффективности жилого дома.

Выводы. Профессиональный энергоаудит – реальный шаг к снижению затрат на электро- и теплоснабжение жилого дома.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Радзюкевич А.В.
pnr@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

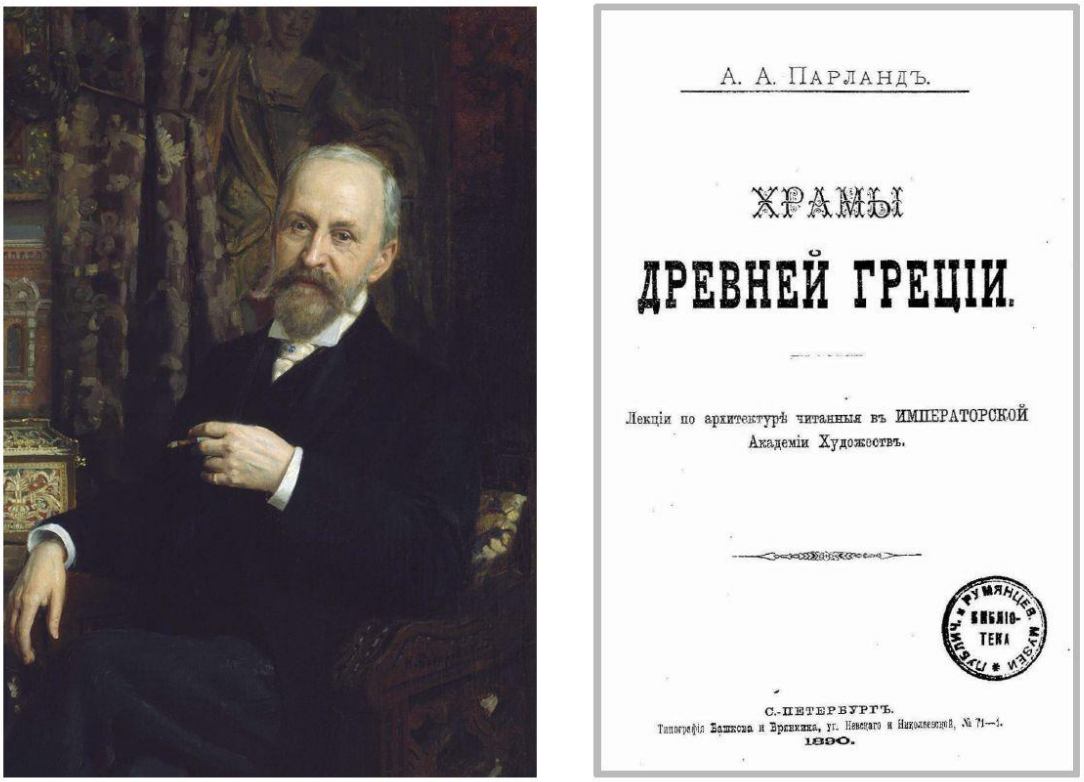
К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПРОПОРЦИИ ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается и подвергается сомнению аргументация основоположников гипотезы золотого сечения Адольфа Цейзинга и Густава Фехнера. Приведены результаты тестирования по выявлению наиболее благоприятных для глаза пропорций прямоугольников. Утверждается, что по субъективным предпочтениям пропорция золотого сечения уступает пропорциям прямоугольников с простейшими модульными соотношениями сторон. Подтверждается тезис о том, что законы и каноны красоты невозможны в искусстве.

Ключевые слова: пропорция золотого сечения; эстетика пропорций; прикладная экспериментальная эстетика; законы красоты.

Гипотеза о высоких эстетических качествах пропорции золотого сечения, получившая в настоящее время очень широкое распространение, в большинстве исследований трактуется как теория, имеющая надежные основания. В середине XIX в. были опубликованы две работы, которые стали основной базой для данного направления исследований. Первой такой работой принято считать опубликованную в 1854 г. работу немецкого биолога Адольфа Цейзинга, который в обширном 600-страничном труде «Новое учение о пропорции человеческого тела» привел большое количество произведений искусства (скульптуры, живописи, архитектуры), пропорции членений которых, по его мнению, совпадали с пропорцией золотого сечения **[1]**. В 1876 г. вышла не менее важная работа Густава Фехнера, который провел исследования по экспериментальной психологии, в которых на основе формально-статистического тестирования была определена предпочтительность восприятия пропорции золотого сечения для человеческого глаза **[2]**.

Оба автора фактически стали основоположниками целого учения о золотом сечении, которое увлекло и до сих пор увлекает огромное количество ученых и деятелей искусства всего мира. На русский язык тексты Цейзинга и Фехнера до сих пор не переведены. Содержание их исследований стало известным широкому кругу русскоязычных читателей благодаря работе Ю.Ф.Виппера **[3]** и русскому переводу монографии Генриха Тимердинга **[4]**. Несмотря на то что гипотеза золотого сечения получила очень широкое распространение, были отдельные критические тексты, которые остались практически незамеченными. В частности, в 1890 г. была издана работа Альфреда Парланда «Храмы Древней Греции» *(рис. 1)*, в которой он привел аргументы против многих положений Адольфа Цейзинга **[5]**.



А. А. ПАРЛАНДЪ.

ХРАМЫ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Лекціи по архитектурѣ читанныя въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Залисова и Вревскаго, уг. Невскаго и Николаевской, № 71—1.
1890.

Рис. 1. *Портрет А.А. Парланда и титульный лист его книги*

Следует отметить, что А. Парланд не был простым кабинетным ученым. Он является автором одного из красивейших храмов Российской Империи – храма Спаса на Крови в Санкт-Петербурге.

И если выводы А. Цейзинга можно поставить под сомнение, ссылаясь на различные субъективные факторы и неточности измерений, то исследование Г. Фехнера, на первый взгляд, производит впечатление своей строгой научностью и достоверностью. В своей книге «Введение в эстетику» он попытался применить экспериментальные методы психологии в изучении эстетики. Он обосновывал эстетическое с помощью объективных методов статистических измерений и попытался сформулировать вопросы красоты в научных терминах, предложив свои принципы понимания красоты. Фехнер стал пионером в такой специфической сфере науки, как прикладная экспериментальная эстетика. На основе тестирования он попытался оценить привлекательность (эстетическое удовольствие) различных геометрических форм и пропорций; в частности, обнаружил, что испытуемые, как мужчины, так и женщины, наиболее часто выбирают прямоугольники, имеющие пропорцию золотого сечения *(табл. 1)*.

Таблица 1

Таблица результатов тестирования, проведенного Г. Фехнером

О	Ч		ч		Ч в процентах	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
$\frac{1}{1}$	6,25	4,0	36,67	31,5	2,74	3,26
$\frac{6}{5}$	0,5	0,33	28,8	19,5	0,22	0,27
$\frac{5}{4}$	7,0	0,0	14,5	8,5	3,07	0,00
$\frac{4}{3}$	4,5	4,0	5,0	1,0	1,97	3,36
$\frac{29}{20}$	13,33	13,5	2,0	1,0	5,85	11,35
$\frac{3}{2}$	50,91	20,5	1,0	0,0	22,33	17,22
$\frac{34}{21}$	78,66	42,65	0,0	0,0	34,50	35,83
$\frac{23}{13}$	49,33	20,21	1,0	1,0	21,64	16,99
$\frac{2}{1}$	14,25	11,83	3,83	2,25	6,25	9,94
$\frac{5}{2}$	3,25	2,0	57,21	30,25	1,43	1,68
	228	119	150	95	100,00	100,00

Обозначения, принятые в таблице: ***О*** *– пропорции прямоугольников;* ***Ч*** *– количество положительных отзывов;* ***ч*** *– количество отрицательных отзывов;* ***м*** *– кол-во мужчин;* ***ж*** *– кол-во женщин*

В соответствии с данными этой таблицы мы построили суммарный график положительных оценок прямоугольников различных пропорций *(рис. 2)*.

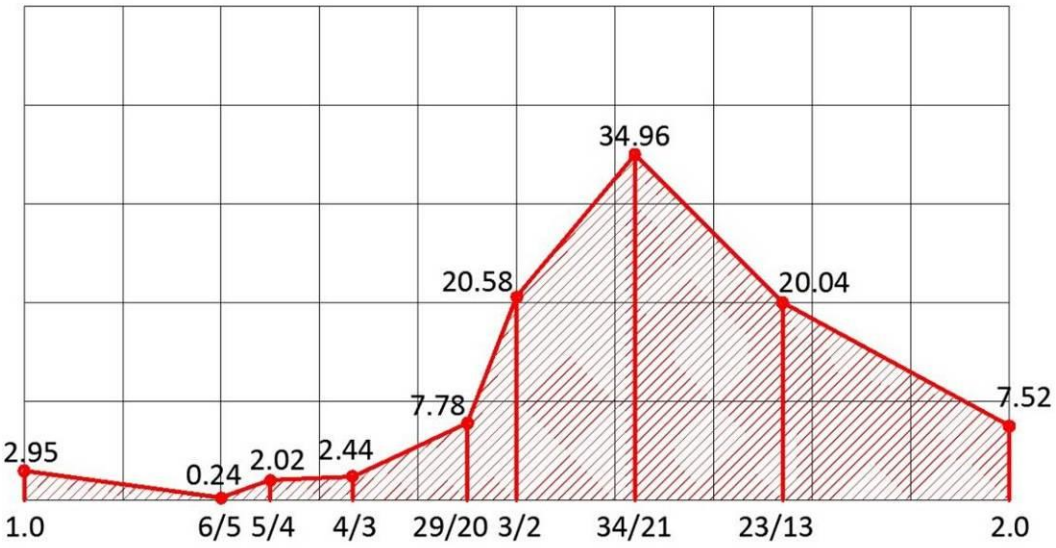


Рис. 2. *График распределения положительных отзывов (в процентах) о прямоугольниках с различными пропорциями сторон по результатам исследований Г. Фехнера*

Однако Тимердинг, описывая исследование Фехнера, отмечает, что у испытуемых «большей частью имело место длительное колебание и иногда, остановившись уже на каком-нибудь прямоугольнике, при том же самом опыте, поправляя себя, отдавали предпочтение другому, или же продолжали до конца колебаться между двумя, тремя или даже четырьмя прямоугольниками. Когда опыт производился с теми же лицами в другое время, после того как впечатление прежнего уже изгладилось, нередко вместо прямоугольника, выбранного при прежнем опыте, отдавали предпочтение другому, соседнему с ним. Несмотря на эту неуверенность в отдельных случаях, таблица дает все-таки в общем совершенно определенные результаты». Тимердинг акцентирует, что «именно эта неуверенность при выборе, которую отмечает Фехнер, почти дает нам возможность заключить, что мы сами по себе не склонны отдавать предпочтение отношению, которое дает нам золотое сечение.

Гораздо более правдоподобным является предположение, что золотому сечению первоначально было отдано предпочтение по рассудочным соображениям. Но вследствие того, что это отношение потом было избрано нормой для бесчисленного множества употребляемых форм и что его приближения, естественно получающиеся путем выбора удобных близких числовых отношений, в общем и целом снова выдвигаются, оно, в конце концов, так утвердилось в представлении, что даже бессознательный выбор отношения размеров тоже тяготеет к нему. Но уверенности в этом вопросе в любом случае очень трудно достигнуть. Мы должны все же считаться с возможностью того, что тяготение к золотому сечению происходит благодаря нашей внутренней склонности». То есть Тимердинг констатирует, что уверенности в этом вопросе нет и «мы должны все же считаться с возможностью...». Кроме того, необходимо отметить, что Тимердинг утверждает, что «это отношение потом было избрано нормой для бесчисленного множества употребляемых форм», не уточняя, где именно применялась эта «норма».

Интересно, что сам Фехнер, анализируя форматы картин, висящих в ведущих картинных галереях мира, установил, что самым распространенным форматом для «горизонтальных» картин является формат в пределах от 1,33 до 1,38. Для «вертикальных» картин этот формат колеблется в пределах от 1,248 до 1,258. То есть получились значения, существенно отличающиеся от «нормы». Все это говорит о том, что результаты исследования Фехнера не могут служить надежным основанием для гипотезы золотого сечения.

Любопытно, что за прошедшие полтора века, по нашим сведениям, опыт Фехнера никто на пытался повторить. Поэтому нами была предпринята попытка провести подобное тестирование, используя сеть Интернет. Чтобы исключить «рассудочные соображения», вероятно присутствовавшие в опытах Фехнера, мы выставили на страничке сайта (http://a3d.ru/reiting/11) просто набор прямоугольников разных пропорций без всяких предварительных пояснений и подписей. Заходящий на страничку сайта посетитель должен был только субъективно оценить по 5-балльной шкале привлекательность прямоугольников. На сегодняшний день имеется примерно 50 таких посетителей-испытуемых (по разным прямоугольникам получились разное количество оценок). Выстраивая полученные оценки в единый график, получаем следующую картину *(рис.3)*.

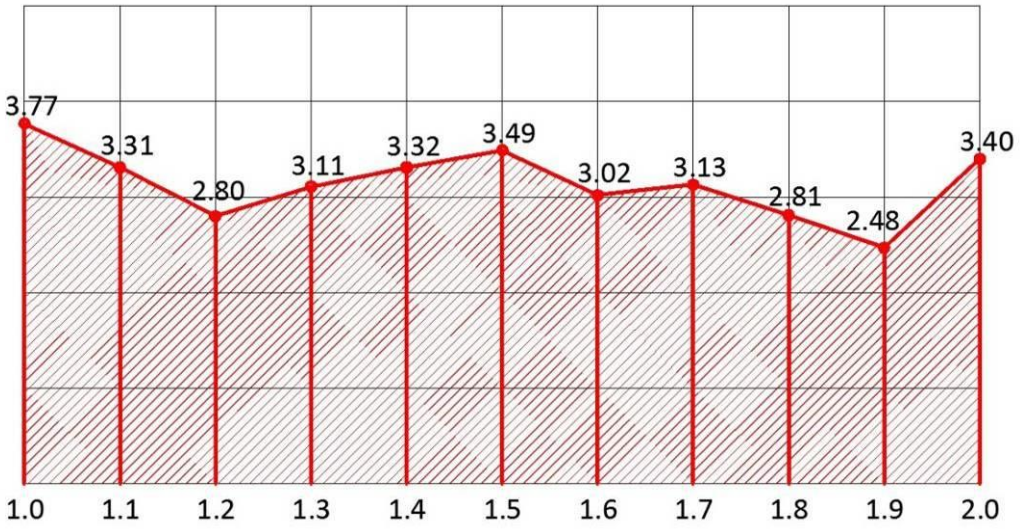


Рис. 3. *График оценок – предпочтений прямоугольников с различными пропорциями сторон*

Видно, что прямоугольник с пропорцией 1,6 (наиболее близкая пропорция к золотому сечению) не является максимальным как у Фехнера. Более того, он находится «в яме» уступая своим соседям – прямоугольникам с пропорциями 1,5 и 1,7. Не слишком большое количество испытуемых не дает нам пока возможности делать далеко идущие выводы, однако на данном этапе уже можно отметить одну особенность графика. Максимальные оценки были поставлены прямоугольнику с пропорцией 1,0, то есть квадрату (оценка – 3,77 балла). На втором месте оказался прямоугольник с полуторным соотношением сторон 1,5 (оценка – 3,49 балла). И на третьем месте оказался прямоугольник с пропорцией 2,0 (оценка – 3,4 балла). Фактически получается, что наиболее предпочтительными оказались пропорции с наиболее простыми модульными пропорциями.

Полученные результаты можно пока отнести к предварительным. Тем не менее они косвенно подтверждают тезис о невозможности фиксации каких-либо «законов» или «канонов» красоты. Как справедливо отмечает В.П. Зубов, в произведении искусства «наряду с моментом “необходимости” есть момент “свободы”. Живая линия отличается о линии, проведенной по линейке, тем, что в каждой точке она вольна пойти не так, а иначе, и вместе с тем обладает такой внутренней убедительностью, которая вынуждает нас признать, что мастер мог провести ее только так, а не иначе. Если бы этого не было, возможны были бы рецепты в искусстве, по одной части можно было бы механически размерить все прочие» **[6]**.

В.П. Зубов фактически доводит до абсурда стремление поклонников «золота» – «оно стало обнаруживаться всюду, а потому утратило тот первоначальный смысл, ради которого оно искалось: оно не могло уже служить критерием между совершенным и несовершенным, между хорошим и плохим» **[7]**.

Как это ни парадоксально, наряду с академическими изданиями тема отрицания «канонов красоты» присутствовала даже в одиозных партийных изданиях. В марте 1948 г. с целью выявления формалистов в своей среде был собран актив зодчих Москвы. Основной докладчик, председатель комитета по делам архитекту-

ры при Совмине СССР Г. Симонов, подвергает сокрушительной критике Ивана Жолтовского и его учеников, занимавших в это время важные места в профессиональной иерархии – «Школа Жолтовского... стоит на неверных творческих позициях в вопросе освоения нашей архитектурой классического наследия... Последователи Жолтовского питаются псевдонаучной теорией о всемогуществе пресловутого золотого сечения, теорией о существовании... неких “вечных” канонов красоты и гармонии... Этой идеалистической шелухой засоряют головы нашей архитектурной молодежи» **[8]**.

Вызывает недоумение тот факт, несмотря на слабость научной и «идеологической» аргументации, гипотеза золотого сечения по-прежнему имеет широкое распространение как в научно-популярной литературе, так и в учебно-методических комплексах архитектуроведческого и искусствоведческого профилей.

Пока нет надежных научных данных о том, как работает механизм восприятия глаза человека, можно утверждать только одно – пропорция золотого сечения, безусловно, присутствует в некоторых биологических объектах. С помощью этой пропорции природа оптимизирует процесс упаковки семян в плоскости и пространстве (подсолнух, маргаритки, шишки, ананасы и т.д.). Однако этот научный факт не следует считать достаточным основанием для распространения «золотого закона» на искусство, которое априори, будучи сферой действия духа, не поддается никакой алгоритмизации и регламентации.

Библиографический список

1. *Zeising A.* Neue Lehre von den Proportionen des menschlichen Korpers. – Leipzig, 1854.

2. *Fechner G.* Elemente der Psychophysik, 2 Bände. – Leipzig, 1860.

3. *Виппер Ю.Ф.* Золотое сечение как основной морфологический закон в природе и искусстве. – М., 1876.

4. *Тимердинг Г.Е.* Золотое сечение / Пер. с нем. В.Г. Резвой; под ред. Г.М. Фихтенгольда. – Петроград, 1924.

5. *Парланд А.А.* Храмы древней Греции (Лекции по архитектуре, читанные в Императорской Академии художеств). – СПб., 1895.

6. *Зубов В.П.* Архитектурная теория Альберти: дис. … д-ра искусствоведения. – М., 1945.

7. *Зубов В.П.* Архитектурно-историческое наследие и задачи его изучения // *Архитектура.* – М.: Гос. арх. изд-во, 1945.

8. На собрании актива московских архитекторов // *Архитектура и строительство.* – 1948. – № 4. – С. 14–15.

Журин А.Н.
zhurin.andrew@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 7.01
ББК 85.11

В.Ф. ОДОЕВСКИЙ – ИДЕИ ЦЕЛОСТНОСТИ И МНОГООБРАЗИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЭКЛЕКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются воззрения В.Ф. Одоевского, связанные с архитектурой периода перехода от классицизма к эклектике и историзму. Рассматривается связь его взглядов с философией Ф. Шеллинга. Отмечается определенная противоречивость эстетики В.Ф. Одоевского, его стремление к объединению противоположностей в искусстве.

Ключевые слова: архитектура; классицизм; эклектика; романтизм; В.Ф. Одоевский; Ф. Шеллинг.

Эпоха междустилья в архитектуре в период перехода от эстетики классицизма к эклектике и историзму вызвала широкий резонанс в отечественном общественном мышлении первой половины XIX в. О путях развития архитектуры заинтересованно и профессионально рассуждали отечественные политические деятели, писатели, публицисты, представители творческих профессий. В своем исследовании, посвященном архитектурной теории в России XIX в., Е.И. Кириченко среди ряда участников этого процесса отмечает роль в архитектуре «социальных утопий» В.Ф. Одоевского – отечественного писателя, публициста, музыковеда **[1, с. 81–87]**. Представляется важным рассмотреть его взгляды и идеи в области архитектуры, которые были тесным образом связанны с философско-эстетическими воззрениями в этой области яркого представителя немецкого идеализма и романтизма – Ф. Шеллинга. В.Ф. Одоевский в произведении «Русские ночи» (1844 г.) дает самую высокую оценку роли Ф. Шеллинга, говоря, что он «был тем же, чем Христофор Колумб… он открыл человеку неизвестную часть его мира…. – *его душу»* **[1, с. 82]**.

В.Ф. Одоевский первоначально, что было характерно для эпохи романтизма в целом, ставил среди искусств на первое место поэзию, отводя архитектуре последнее место. Однако впоследствии, в 1830–40-е гг., он меняет взгляд на иерархию искусств в пользу архитектуры, он стал считать, что ей предшествует только музыка по способности выражать духовный мир человека **[1, с. 83]**. Воззрения В.Ф. Одоевского, что характерно для романтической эстетики, были противоречивыми. С одной стороны, он признавал существование первых абсолютных принципов, с другой – он отвергал рассудочную выверенность художественного произведения, подчеркивал первостепенное значение свободы творчества.

З.А. Каменский отмечает важность в эстетике В.Ф. Одоевского понятия «Безуслова», Абсолютного, что связывается с «философией тождества» Ф. Шеллинга **[2, с. 36]**. Подчеркивание Абсолютного, себетождественного, единого корреспондируется с классицистической стилистикой в архитектуре, которая в идеале базируется на неподвергающихся сомнению основаниях. К своей работе «Опыт теории изящных искусств» В.Ф. Одоевский в качестве эпиграфа приводит

высказывание Ф. Шеллинга: «Все, что есть, – абсолютное единство, все, что есть, – есть в себе самом» **[2, с. 156]**. Влияния философии Ф. Шеллинга звучат в идее В.Ф. Одоевского, утверждающей существование безусловного субстанциального начала, служащего первоосновой истинной философской системы.

Ряд исследователей романтизма считает, что отрицание возможности познания первых принципов – одна из важнейших характеристик романтической философии. Противоречивость воззрений Одоевского заключается в том, что, признавая существование единого «Безуслова», он отмечает и изначальную противоположность идеального и реального, которую также пытался разрешить Шеллинг: «Но дух *один* – предметов *множество*. Как могут они быть однородны? Как может быть между ними гармония?» **[2, с. 172].** Следует отметить, что такие философские понятия, как «идеальное» и «реальное», корреспондируются с романтическим и классицистическим искусством в воззрениях Шеллинга.

Одоевский проводит различие между пластикой, куда входит архитектура, и музыкой: первой он отводит преимущественную характеристику внешнего, а во второй видит преимущественно внутреннее, духовное, которому он отдает предпочтение. Одоевский принимает классификацию искусств, основанную на изначальном движении от конечного к бесконечному и наоборот, противопоставляя музыку и пластику. Пластическому искусству он, согласно терминологии Шеллинга, приписывает реальный, внешний характер, хотя и говорит о его целостности, так как оно исходит от бесконечного к конечному, музыку он считает идеальной.

Одоевский именно в искусстве видит возможность решения проблем, недоступных для словесного выражения. При этом в работе «О способах выражения идеи» он отводит высокое место архитектуре в познании сущности бытия, которая недоступна для выражения словами: «... объясните мне словами чувство благоговения, объясните мне чувство восторга... и существенная их часть улетает как жизнь под анатомическим ножом... Но как вы понимаете это чувство, входя в храм... Стало быть, должен быть какой-то другой язык, которого части речи скрыты в архитектуре...» **[2, с. 181]**.

Одоевский говорит о единстве, в котором сочетаются единство и разнообразие. Данный взгляд соответствует мысли Шеллинга об отличии идеи и понятия, когда идея объединяет противоположности множества и единства, конечности и бесконечности. Единство абсолютности и противоречивости «Безуслова» Одоевского согласуется с идеей Шеллинга о безусловном как высшей ступени философского и подлинного научного познания, которое выражается в тождественном аналитическом утверждении, которое объединяется с синтетическим высказыванием. Шеллинг говорит об интеллектуальном созерцании как основании безусловного единства противопололжностей субъекта и объекта, познающего и познаваемого. В природе Одоевский призывал видеть целостность и многообразность, которые должны быть отражены искусством.

Архитектура как искусство материализовывала эту идею в концепте единства общего и частного. Архитектура ранней эклектики, сохраняя общий строй классицистического фасада с его симметрией, уравновешенностью общей композиции с характерным утяжелением цокольного этажа фасада здания, множественными частными архитектурными деталями одновременно разрушает это единство, создавая качественно новую стилистику.

Творчество ведущих мастеров Русской ранней эклектики – А. Штакеншнейдера, А. Брюллова, Г. Боссе материально иллюстрирует этот противоречивый художественный подход.

Противоречивость художественного мировоззрения В.Ф. Одоевского выражается в признании приоритета единого над множественным, что приводит к философской системе в духе Платона, и одновременного отрицания возможности окончательного рационального познания бытия, эта возможность отводится искусству. В художественном мышлении эпохи романтизма признание важности рационального познания сочетается с широкими возможностями в творчестве – при сохранении общего рационального пространственного мышления открывается возможность следовать по пути выражения своих чувств в многочисленных живописных деталях, индивидуальных особенностях в архитектурном творчестве.

В.Ф. Одоевский, согласуясь с онтологическими воззрениями Ф. Шеллинга, перенося их на восприятие искусства, советует соединять материальное и духовное для достижения гармонии, при этом он считает, что искусство в своем развитии должно подняться от грубой неоформленности до идеальности.

Следует отметить, что такое видение искусства применительно к зодчеству подразумевает отказ от односторонности функционального, прагматического направления в архитектуре, что способствовало своеобразному видению Одоевским ее расцвета, описанного в его футуристических произведениях как синтез рационального и иррационального в архитектуре и градостроительстве.

Одоевский придерживался взгляда, согласно которому идея единства должна сочетаться с двойственностью противоположностей, при этом двойственность должна сохраняться, не будучи полностью устраненной тождественностью, он говорит о сущностном единстве теории, относящейся к искусству.

Одоевский не только подчеркивает приоритет единства над мнoржественностью, применительно к философии искусства, но также и говорит об изначальной противоположности двойственности. Он использует при описании сущности музыкального искусства понятие полярности, которое Шеллинг при рассмотрении природы считал «всеобщим законом мироздания» **[3, с. 119]**.

Таким образом, можно увидеть перенесение общефилософских онтологических вопросов на эстетику, на частные вопросы, связанные с конкретными видами искусства.

Одоевский соглашается с натурфилософскими воззрениями Шеллинга, с тем, что природа образована полярными силами: магнетизмом, электричеством, химизмом и гальванизмом. При этом он выходит за пределы эстетики Шеллинга, применяет эти натурфилософские понятия для описания природы музыки: «Химизму с гальванизмом – совокупность двух сил движений – косвенное (*motus obciquus*), которое есть именно то, что мы называем музыкою (+– 0)» **[2, с. 159]**.

Одоевский, как и Шеллинг, подчеркивает важность динамического аспекта природы, существования в природе двух противоположных сил, он переносит базовые натурфилосфские понятия сжатия и расширения для описания гармонии в музыке: «В созвучиях, или гармонии, также должны быть интенсия и экспансия» **[2, с. 166]**.

Одоевский, наряду с подчеркиванием примата безусловного единства над множественностью, что сочетается с преимущественно статическим восприятием сущности бытия, говорит о том, что «в природе один общий закон – движение (действие); в человеке – совершенствование – (познание)» **[2, с. 170]**. Эта противоречивость сосуществования статичности и динамичности – важная характеристика понимания романтиками искусства. Архитектуру Одоевский видит как динамичную, новые технические достижения начала XIX в. он транслирует и развивает в своих описаниях архитектуры и градостроительства будущего.

В.Ф. Одоевский стремился избежать односторонности в искусстве. Говоря непосредственно о проблеме классицизма, что полностью можно отнести и к архитектуре, он отмечает «главнейшую ошибку теории классицизма» **[2, с. 181]** – следование зову холодного рассудка, расчет творческого процесса, всех его частей математически, рационально. При этом в романтизме он видит также изъяны односторонности, предполагая синтез классицизма и романтизма как прогрессивный творческий метод.

Библиографический список

1. *Кириченко Е.И.* Архитектурные теории XIX века в России. – М.: Искусство, 1986. – 344 с.

2. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. В 2 т. / редкол.: М.Ф. Овсянников [и др.]; сост., вступит. статья и примеч. З.А. Каменского. – М.: Искусство, 1974. – Т.2. – 647 с.

3. *Шеллинг Ф.В.Й.* О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести и света // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения. В 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. С. 89–181.

Столяров Н.Н.
nicstolyarov@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.017
ББК 85.113

ИЗМЕНЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩЕГО АРХИТЕКТУРНОГО СТИЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. Исследование посвящено определению степени влияния общества на архитектуру, какими механизмами и средствами задаётся это влияние. На примере изменения архитектурных стилей в России XIX века показан принцип смены архитектуры в обществе и цепочка основных действующих лиц, являющихся проводниками новой архитектуры.

Ключевые слова: архитектурный стиль; влияние архитектуры; общество; мировоззрение.

Изменение доминирующего архитектурного стиля посредством внедрения идеологии. Принцип изменения общества сформулировал Г. Лебон: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов» **[1, с. 125]**.

По утверждению Г. Фелдюссена, «создание пространственного окружения осуществляется небольшой группой специалистов – архитекторов и строителей (политиков, финансистов и т.д.), хотя нужно понимать, что это несколько упрощенное понимание» **[2, с. 86]**. С ним солидарен Эдмунд Н. Бэкон, который «на исторических примерах доказывает, что городские формы – это не случайные явления, а волевые действия человека» **[2, с. 245]**. Следовательно, идеи внедряются в общество через архитектуру ограниченным кругом людей.

Рассмотрим, каким образом происходило изменение идей в российском обществе. На протяжении всего XIX в. в работах различных общественных деятелей высказывалась мысль о роли архитектуры, формирующей мировоззрение, поднимающей дух народа на борьбу «за свободу».

С начала века критикуется доминирующая в то время архитектура классицизма как символ самодержавия, результатом чего с 1830-х гг. преобладающим стилем в архитектуре России становится эклектика, основным методом которой является «свободная компоновка форм, заимствуемых из разных исторических источников» **[3, с. 185]**.

Е.И. Кириченко так характеризует этот стиль и его философию: «Эклектика – архитектурный стиль XIX в. – в своем возникновении непосредственно связана с мировоззрением, философией и эстетикой романтизма» **[3, с. 37]**. Следовательно, прежде чем новый стиль появился в архитектуре, свое мировоззрение изменили люди, связанные с ней. Для этого и критикуются утвердившиеся архитектурные воззрения авторитетными литературными деятелями посредством обращения «к немецкой философии конца XVIII – первой трети XIX в.» **[3, с. 39]**.

Проследим, каким образом распространяются идеи романтизма, привнесшие

в архитектуру России эклектику: «В 1800–1810-е гг. идет журнальная, имеющая еще достаточно отвлеченный характер полемика между приверженцами романтизма и классицистами, видящими в романтизме эстетическое беззаконие, недопустимое «своевольство», ведущее к «беспорядку и варварству» **[3, с. 38]**.

В процессе критики начинаются публиковаться первые книги, посвященные новым веяниям: «В 1811 г. вышел трактат Вас. Фарфаровского «О стиле художественного произведения». … непосредственный источник труда Фарфаровского «Эстетика» Ф. Бутервека (Bouterwek F. Aestetik. Leipzig, 1806), – … работы, содержащей основные положения эстетики романтизма» **[3, с. 34]**. В Философской энциклопедии в статье «Романтизм» приводятся следующие данные по основным «проводникам» новой идеологии: «В России начало романтизма связывается обычно с поэзией Жуковского, молодого Пушкина, некоторых декабристов, а так же деятельностью кружка московских “любомудров”» **[4, с. 522]**.

В «Истории русской литературы» про этот и подобный литературный кружки написано: «В 1822 г. в Москве возник литературный кружок под председательством известного литератора и педагога… С.Е. Раич. …Кружок объединил многих представителей московской литературной молодежи. … В кружок входили В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин, Д.П. Ознобишин, А.Н. Муравьев, С.П. Шевырев, Н.В. Путята и др. Здесь бывали декабрист В.К. Кюхельбекер и Н.А. Полевой. … Веневитинов стал активнейшим деятелем родственного по направлению Общества любомудрия… Один из участников Общества любомудрия А.И. Кошелев писал в своих мемуарах, что Общество «собиралось тайно и об его существовании мы никому не говорили. Членами его были: кн. Одоевский, И. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин и я. Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. …» **[5, с. 449–450]**.

«Самый термин “любомудрие” стал органичным для сознания и языка русских мыслителей уже в конце XVIII в. ... слово это является (калькой) термина “философия”. Специфический же оттенок: “умозрительное любомудрие” – оттенок, связанный с возникновением русского шеллингианства, впервые придал ему в 1822 г. И.И. Давыдов» **[6, с. 32]**. А занесена немецкая философия в Россию была профессорами Московского университета, учителями любомудров М.Г. Павловым, И.И. Давыдовым, Д.М. Велланским, одним из пионеров новой эстетики А.И. Галичем **[3, с. 34]**.

В результате деятельности этих организаций «во второй половине 1820-х–1830-е гг. романтизм получает полное развитие» **[3, с. 39]**. А по идеологии романтизма «Искусство не отображение жизни, а ее преображение (в этом оно сближается с религией): законы художественного творчества мыслятся как конструктивные способы преобразования действительности» **[4, с. 524]**.

Следовательно, носители идеологии романтизма сознательно стремились через искусство преобразовывать сложившееся в России мироустройство.

Принцип влияния осуществляется через противопоставление существующей архитектуры и предлагаемой: «Идеал конструируется по негативному принципу неприятия существующего и подкрепляется ссылкой на авторитет прошедшего, которое ассоциируется с будущим. <…> В философии истории романтизма народности отводится первостепенная роль. <…> Понятие народности… полемически заострено и противопоставлено государству» **[3, с. 41–45]**.

Таким образом, идеологически привязывая архитектуру классицизма ко всему государственному, а архитектуру эклектики ко всему народному, романтики пытаются провести черту в обществе, разъединяющую государство и народ.

Одним из активных проводников новых идей романтизма в 1820–1840-х гг. был Н.В. Гоголь, который смог «не только с блеском воплотить новые тенденции в собственном художественном творчестве, но и раньше других обозначить их зарождение … в живописи и архитектуре. <…> Гоголь едва ли не первый в России высказал мысль, что изучение мирового наследия (а не только античности и Ренессанса) есть столбовая дорога современного зодчества» **[3, с. 51–56]**.

После активной фазы распространения идей романтизма через литераторов начинается развитие этих идей архитекторами. Архитектор А.П. Брюллов с позиции романтизма «едва ли не первый сформулировал новый принцип стилеобразования, суть которого – в соответствии облика здания его назначению, в формообразующем значении функции» **[3, с. 120]**.

Процесс заражения архитектором И.И. Свиязевым «новыми» идеями, сменившим свои взгляды с убежденного классициста на приверженца эклектики, описывает Е.И. Кириченко: «Работы первой половины 1830-х гг. представляют его классицистом, слабо затронутым новыми веяниями. <…> Вышедшее в 1839 г. «Учебное руководство к архитектуре...» написано уже с позиции эстетики романтизма. Автор отстаивает то, с чем боролся шесть лет назад. <…> Для века-космополита, пишет Свиязев, «один какой-нибудь стиль... не более чем частичка целого». <…> Признание плодотворности смешения стилей «в наше время, когда сношения между народами так же близки, как между семействами... понятия сделались общими, и искусства беспрепятственно переливаются из одного края в другой», превращает Свиязева в сознательного приверженца эклектики» **[3, с. 114–117]**.

Е.И. Кириченко показывает схему распространения идей эклектики, в которой задействованы архитекторы: «Мысли, намеченные в статье Гоголя, сформулированные в 1835 г. Брюлловым, развитые на рубеже 1830–1840-х гг. Свиязевым, в 1840-е гг. становятся общим достоянием» **[3, с. 122]**.

Аналогично Свиязеву многие архитекторы того времени и другие общественные деятели были подвержены заражению идеями романтизма, эклектики. Среди них А.И. Галич, Н.В. Гоголь, Н.Я. Чаадаев, Н.И. Надеждин, А.Л. Витберг, К.А. Тон, А.А. Иванов, Н.В. Дмитриев, В.Г. Белинский, М.Д. Быковский и др. Активными участниками в распространении «нового» стиля становятся архитектурные учебные заведения: «Академия художеств медленно отступает под натиском новых веяний, неохотно сдавая позиции классицизма. <…> Московское архитектурное училище в середине 1830-х – начале 1840-х гг. является активным распространителем новшеств, утверждая их словом и делом» **[3, с. 124]**.

Под натиском распространения идей эклектики в обществе изменяется и строительное законодательство: «Указы о разрешении “при назначении фасадов для построения в столице домов давать им вид неединообразный” (1843) и об отмене обязательности строительства жилых домов обывателей по типовым проектам и нечетного числа окон (1858) задним числом санкционировали эклектику и признали официально ее существование» **[3, с. 124]**.

Далее, после обширного распространения идей эклектики, она начинает развиваться, преобразовываться под влиянием все новых и новых людей, подпитываясь новыми идеями и мировоззрением с Запада: «Философия и эстетика

второй половины XIX столетия опираются на существовавшую в 1830–1840-е гг. наряду с собственно романтической линией философии и эстетики линию религиозного свободомыслия, ведущую через философию религии и эстетику Гегеля к Штраусу и Фейербаху. Теперь именно она становится господствующей… Это время зарождения научного коммунизма, распространения антропологического материализма и позитивизма. <…> Естественные науки становятся эталоном научной объективности. На них опирается Н.Г. Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии».

Поворот к естественным наукам в русской философии провозгласили народный демократ и материалист Д.И. Писарев и идеалист, создатель теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский. Учение позитивизма определило философские корни народничества. <…> В культуре второй половины века не умирает и романтическая струя, связанная с такими именами, как В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, В.И. Суриков и т.д., с таким крупным явлением общественной и социальной жизни России, как народничество» **[3, с. 152–154].**

Под воздействием этой философии со второй половины XIX в., основываясь на принципах эклектики и нового мировоззрения, в России начинается распространение «взгляда на строительство и архитектуру как две самостоятельные области с преимущественным значением первой» **[3, с. 156]**, итогом чего становится развитие идей и принципов рационализма.

Первым представителем этого веяния становится преподаватель училища гражданских инженеров А.К. Красовский, ранее всего сформулировавший в книге «Гражданская архитектура» (1851) «новое представление о принципах стилеобразования», цель которого – «показать первичность утилитарных потребностей и их преобладающее значение» **[3, с. 157]**.

В распространении идей рационализма активное участие выполняют учебные заведения: «Главным рассадником идей рациональной архитектуры, сводящихся к примату практически полезного, на протяжении второй половины XIX в., начиная с 1850-х гг., остается Институт гражданских инженеров, свято хранящий верность заветам Красовского» **[3, с. 170]**.

Одним из активнейших пропагандистов рационализма был гражданский инженер З.В. Зосимовский. В 1851 г. знаменательнейшим событием для идей рационализма в архитектурной жизни России становится Всемирная выставка в Лондоне, на которой: «Получивший мировую известность Хрустальный дворец Д. Пакстона поразил воображение современников, став одной из важнейших вех преодоления академической традиции» **[3, с. 163]**. Это событие определило будущее направление архитектурной мысли на многие десятилетия вперед. Во второй половине XIX в. на базе сложившейся архитектурной идеологии эклектики формируются различные от нее ответвления, в то же время считавшиеся неотъемлемой ее частью. Это эстетика Чернышевского, появившаяся от идей Белинского и Фейербаха **[3, с. 175]**, ориентируясь на работы Чернышевского, В.-М. Вундта и Г.-Л. Гельмгольца появляется естественнонаучное направление **[3, с. 197]**, психофизиологическое направление Велямовича **[3, с. 198]**, идеи Красовского рождают кирпичный стиль **[3, с. 184]** и др.

Наряду с этим «в 1870-е гг. начинается новый этап в развитии теории рациональной архитектуры. Изменившаяся общественная ситуация возвращает актуальность проблеме национального “стиля”, в круг интересов которой попадают и вопросы социальной миссии архитектуры» **[3, с. 184]**. В этот период

«искусство, художественная критика, теоретическая мысль пронизаны пафосом политической борьбы и всецело подчинены ее интересам» **[3, с. 209]**.

Отдельным пластом в развитии архитектурных идей эклектики XIX в. лежит поиск «русского стиля», начавшийся от понимания того, что практически вся русская архитектура на протяжении последних столетий, так или иначе, это заимствование западной архитектуры: «на рубеже 1850–1860-х гг. зародилась, а в 1870-е гг. оформилась теория русского “стиля”, выдвинутая крупным историком И.Е. Забелиным (1820–1908)» **[3, с. 227]**.

Поисками самобытной архитектуры занимаются разные литературные и архитектурные деятели XIX в.: Виолле ле Дюк, Л.В. Даль, В.И. Бутовский, Г.Д. Филимонов. Основа поисков «русского стиля» базируется на разных идеях. Одни, чтобы определить внешний вид архитектуры, сравнивают русское зодчество с заграничной архитектурой: «“анатомический и химический анализ составных элементов”, произвольно вычленяемых из целого без учета структурных связей и внутренних закономерностей, позволял с равной долей доказательности различать в древнерусском зодчестве западные романские элементы (Ф.И. Буслаев, К.М. Быковский, Н.В. Султанов, С.Г. Строганов) и восточные, в частности, индийские (Л.В. Даль, В.В. Стасов, И.Е. Забелин, Виолле ле Дюк)» **[3, с. 243]**.

«Идея восточного, особенно индийского, происхождения древнерусского искусства была чрезвычайно популярной. Ее разделяли в 1830–1840-е гг. Гоголь, А.П. Брюллов, Герцен, Свиязев, во второй половине столетия – Стасов, Г.Г. Гагарин, Забелин, Даль, И.И. Горностаев и др.» **[3, с. 249]**.

Забелин находит источники русской архитектуры в дохристианской Руси: «подобно тому, как корни политической истории России уходят в особенности дохристианского быта, национальные представления о красоте, сформировавшиеся в гражданском строительстве, имеют тот же источник – дохристианский быт. Первоэлементом русского зодчества, по Забелину… является крестьянская рубленая из дерева изба, или клеть, символ и воплощение самобытного характера русской народности» **[3, с. 232]**.

Другие ищут русскую архитектуру в православии: «в представлении Шервуда русская народная идея сводится не к восходящей к дохристианским временам патриархальности, а к православию» **[3, с. 235]**. На рубеже 1870–1880-х гг. появляется направление, сравнивающее русский стиль с государственностью: «во время Русско-турецкой войны и ожесточенной борьбы народовольцев с самодержавием, наблюдается активизация… официально-академического направления. Представителем его был П.В. Султанов». Он «выступает продолжателем… идей официальной народности, проводя мысль о государственном, монархическом происхождении русского “стиля”» **[3, с. 249–250]**.

Отдельно можно поставить такого архитектора, как В.В. Стасов, из-за его противоречивости. «Исходная позиция Стасова основывается на признании ведущей роли литературы в развитии новой русской живописи, музыки, архитектуры. <…> Враг эклектики, проницательно разглядевший ретроспективность художественной концепции послеренессансной архитектуры, словно теряет зрение, когда дело доходит до русского “стиля” 1860–1870-х гг. Он не видит, что пропагандируемый им “стиль” – одна из разновидностей эклектики, один из многих “стилей”. <…> Еще в конце 1850-х гг. он признал в Англии пионера нового движения, усмотрев в демократизме назначения всемирных

выставок, в красоте, легкости и необычности ажурной конструкции Хрустального дворца из стекла и сборных железных стержней прообраз архитектуры будущего» **[3, с. 212–217]**.

Полной противоположностью Стасову является позиция славянофилов, одним из представителей которых был Достоевский, который «призывает на помощь всю силу ощущений своей связи с родной землей, чтобы не принять великолепие Всемирной выставки в Лондоне и Хрустального дворца. Как для Чернышевского и Стасова, для Достоевского он тоже великий символ, но символ торжествующей бездуховности, плоского материализма и беззастенчивой эксплуатации оболваненных миллионов, пришедших поклониться Ваалу» **[3, с. 262]**.

Последователем Достоевского становится не приемлющий современную архитектуру как буржуазную архитектор и теоретик искусств В.О. Шервуд, разработавший «всеобъемлющую эстетическую теорию», «возвращение к исконным началам русского искусства» которого должно базироваться «на началах христианского милосердия, любви и братства». «В своих культурологических построениях Шервуд исходит из системы взглядов, родственных поздним славянофилам и почвенникам (И.Я. Данилевскому, Н.Н. Страхову, братьям Достоевским), отрицавшим прогрессивность западной цивилизации» **[3, с. 264]**.

Е.И. Кириченко делает обобщающее заключение ко всем родственным и противоположным веяниям архитектурной мысли в России XIX в.: «каковы бы ни были расхождения во взглядах теоретиков XIX в., ни один из них не мыслит возможность создания сооружений рациональной архитектуры без использования форм прошлого» **[3, с. 246]**.

Идеи стилеобразования, как и остальные актуальные проблемы в области архитектуры, строительства, распространялись через печать. «В 1872 г. начал выходить журнал «Зодчий». Русский отдел его, курируемый Л.В. Далем, принадлежал к числу наиболее активных и деятельных» **[3, с. 209]**. Этот журнал опубликовал занимательную «переписку, возбужденную программою известного исследователя отечественного зодчества Л.В. Даля, предполагавшего предпринять путешествие в Индию, в поисках за “правдою” о русском стиле». В ней он приводит свои соображения о русской архитектуре: «Определение сходства индийской архитектуры с русскою представляет для нас, русских, живой и вместе с тем давно уже затронутый (хотя очень поверхностно) вопрос, и потому требует прежде всего беспристрастия и серьезного изучения» **[7, с. 73]**. На что один из его оппонентов Князь Г.Г. Гагарин отвечает: «Хотя весь Кремль был перестроен итальянскими архитекторами в конце XV в., он сохранил, однако, в общем виде зданий мусульманский стиль, господствовавший в это время и получивший у нас право гражданства до такой степени, что от него не отличали более русского стиля. Это так верно, что до сих пор, если желают дать церкви чистый отпечаток национальности, то воздвигают на ней пять лукообразных куполов по индийским образцам. <…> Вторжение Монголов и Мусульман оставило в России такие тяжелые воспоминания, что их постарались забыть как можно скорее. Забвение это было до такой степени совершенно, что после 1812 г., когда понадобилось исправить следы Наполеоновского вторжения, архитекторы того времени, воспитанные на изучении одного римского искусства, не знали, как назвать стиль Кремля, который надо было реставрировать, и решили, наконец, что стиль этот, не

будучи римским, мог быть только готическим» **[7, с. 78]**. Этим Даль и его оппоненты с одной стороны говорят о схожести, родстве и взаимозаимствовании архитектуры, с другой стороны, перечеркивается даже тот период истории архитектуры, который для большинства исследователей русского зодчества представлялся, вне всякого сомнения, русским – период XVI–XVII вв., тем самым выбивается всякая почва для возрождения самобытного стиля.

В ряд других средств распространения идей становятся и съезды русских зодчих. На I съезде русских зодчих в 1892 г. академик В.В. Суслов, раскрывая проблему самобытной архитектуры, показывает принцип распространения западной идеологии в русской архитектуре: «С поворотом России к Европе и архитектура появилась у нас западная, она прививалась к нам высшей сферой людей и потому прежде всего вносилась в столицы, а затем – во второстепенные центры жизни. Для массы же новое направление сделалось некоторым режимом, а затем модой. Западная архитектура проходила в народ через мастеров и художников, уже лишенных самостоятельности… Родное самобытное художественное дело, мало-помалу затихало и потом совсем уступило место европейским веяниям… Архитектура, связываясь с общим развитием других сторон жизни (при естественном возникновении), идет из низших слоев и культивируется людьми высшего образования. <…> Западное искусство явилось к нам извне. Для его более широких познаний и проникновений в общую жизнь учредились специальные школы; искусство повели из высших слоев общества в низшие» **[8, с. 110]**.

Активными пропагандистами новых идей на «целевую аудиторию» были и организаторы съездов русских зодчих – архитектурные общества Петербурга и Москвы. Они приглашали на съезды архитекторов со всех уголков России и расширяли на съездах свои сети. На I съезде русских зодчих академик архитектуры И.С. Китнер выступил с предложением об открытии отделений С.-Петербургского общества архитекторов в провинции: «С целью объединения зодчества и его представителей по всей Российской империи в одно органическое целое я имею честь предложить Первому съезду Русских Зодчих учредить иногородние отделения на нижеследующих основаниях; я избираю С.-Петербургское Общество, как центральное учреждение. <…> Центральное Общество и отделения, связаны единством цели, и потому вопросы, делаемые Обществом отделениям и отделениями Обществу, или же одним отделением другому, разрешаются в самое непродолжительное время и преимущественно перед вопросами, делаемыми посторонними и отдельными членами» **[8, с. 685]**.

Так обеспечивается структурированное оперативное информирование и руководство всем архитектурным сообществом. Не случайно, несмотря на активную пропаганду поисков «русского стиля», в архитектурной жизни России появляется противоположная ему и не противоречащая принципам рационализма, снова принесенная с Запада, архитектура в стиле модерн. В.В. Кириллов так пишет об этом периоде: «I съезд русских зодчих, проходивший в 1892 г., не дал еще перевеса в пользу рационализма. <…> Понятие стиля все еще связывалось архитекторами с освоением наследия… Однако замечательно, что рациональное направление было уже признано одним из путей искания стиля. <…> К середине 90-х гг. обстановка складывается уже явно не в пользу эклектики. Собравшийся в 1895 г. II съезд русских зодчих проходил под флагом осуждения ее. <…> Особое значение имел III съезд русских зодчих, собравшийся в 1900 г. в пору начавшегося

развития модерна. Характерно, что на этом съезде полностью была снята ретроспективная постановка проблемы стиля, «археологизм» уже более никого не убеждал» **[9, с. 30–32]**. Организаторы этих съездов серьезно приложили руку к продвижению нового стиля: «Большую роль в пропаганде технических достижений сыграли Московское архитектурное общество, учрежденное в 1868 г., а также возникшее позднее (в 1870 г.) Петербургское общество архитекторов. Журнал “Зодчий”, который начало издавать это общество с 1872 г., затрагивал все актуальные вопросы развития архитектуры и строительства и формировал общественное мнение. Все это в немалой степени способствовало перестройке умов в направлении рационального мышления и поисков новых путей в архитектуре. <…> Помимо журнала “Зодчий” стиль модерн пропагандировали на своих страницах… журналы “Искусство строительное и декоративное”, “Архитектурный музей”, “Архитектурные мотивы”, “Постройка”, “Записки МАО”, “Ежегодник С.-Петербургского общества архитекторов”, “Ежегодник МАО”, “Архитектурный мир”. Немаловажную роль в утверждении модерна сыграл журнал “Мир искусства”» **[9, с. 28]**.

Также сыграли важную роль в продвижении модерна проходящие в то время строительные выставки. Распространение идеологии нового стиля так эффективно сработало, что «к началу 1900-х гг. в архитектурной мысли России сложилось совершенно определенное мнение в пользу модерна. Довольно солидная группа его сторонников открыто пропагандировала это новое движение, прежде всего, В. Апышков, П. Страхов, М. Сыркин, П. Максимов, П. Сюзор, И. Китнер, А. Бернардацци, Е. Баумгартен, Г. Дубелир, П. Марсеру, С. Серебровский, И. Мачинский, В. Пясецкий, А. Гоген, О. Мунц, Г. Тихомович, Б. Николаев, Л. Ильин, Г. Кривошеий. Н. Дмитриев, А. Степанов, А. Кузнецов, М. Диканский, Ф. Енакиев, А. Лолейт и др.» **[9, с. 32]**.

Как уже было сказано, стиль модерн был привнесен с Запада. В.В. Кириллов считает родоначальником модерна У. Морриса **[9, с. 19]** и отмечает «первостепенную роль в разработке проблем стиля западноевропейских лидеров модерна» **[9, с. 44]**. Е.И. Кириченко приводит более расширенный список зарубежных философов и теоретиков искусства, особенно близких модерну: «Томас Карлейль, Джон Рескин, Уильям Моррис, Ницше, Р. Вагнер, Шопенгауэр, отчасти Шеллинг» **[10, с. 272]**. В отечественной мысли «модерн опирается на … линию в философии и эстетике XIX в. … связанную с именами Чаадаева, славянофилов, почвенников, Достоевского, В.Ф. Одоевского, Аполлона Григорьева, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого» **[10, с. 272]**. Вкратце Е.И. Кириченко сформулировала принцип вновь привнесенного стиля: «Эстетика модерна, как и его формальная система, во многом строится по негативному признаку, по методу отрицания общепринятого ранее» [10, с. 272], – точно так же, как это было в эпоху становления романтизма с эклектикой.

Но недолго продержался стиль модерн: «После 1905 г., в обстановке начавшейся критики модерна и его быстрой “девальвации”, в осознании современников усиливается интерес к ретроспективным стилям» **[9, с. 38]**. И одна из причин «девальвации» – опять же печать: «Пассеистические настроения особенно культивируются журналами “Мир искусства”, “Аполлон”, “Золотое руно”, “Столица и усадьба”, “Старые годы”» **[9, с. 38]**. Это привело к тому, что «В потоке ретроспективных увлечений особенно значительным было движение за возрождение классического стиля, наиболее активными приверженцами которого

выступали Г. Лукомский, И. Фомин, И. Жолтовский, В. Щуко, А. Таманян» **[9, с. 40]**. Окончательный вердикт модерну вынесен на V съезде зодчих в 1913 г., который «отразил дальнейшее падение престижа модерна и все усиливающийся интерес к ретроспективным исканиям» **[9, с. 42]**. Однако «машина» была уже запущена, новый стиль сделал свое дело. То, о чем мечтали романтики XIX в., свершилось – общество было изменено, что привело к революциям 1917 г. и последующей гражданской войне.

Заключение. Влияние представляет собой не абстрактное явление, а воздействие некой идеологии, проходящее через конкретных людей, организации, сообщества, заражающих идеологией других членов общества через изменение их мировоззрения. Цепочка может быть достаточно большой. Результатом распространения идеологии является конкретная архитектура, к которой с помощью средств влияния привязывается эта идеология, которая, в свою очередь, «ненавязчиво, но постоянно воздействует» на общество. На изменение мировоззрения общества влияет информация, внедряющаяся в сознание или подсознание под воздействием разных информационных потоков.

Библиография

1. *Лебон. Г., Тард Г.* Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – 416 с.
2. *Вильковский М.* Социология архитектуры. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с., ил.
3. *Кириченко Е.И.* Архитектурные теории XIX века в России. – М.: Искусство. 1986. – 344 с., ил.
4. Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В Константинов. М.: Советская энциклопедия. Т. 4. «Наука логики» – Сигети. – 1967. – 592 с., ил.
5. История русской литературы. – Т. 6. – М.–Л., 1953.
6. *Соболев П.В.* Очерки русской эстетики первой половины XIX века: курс лекций. Ч. I. – Л., 1972.
7. Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический, орган С.-Петербургского общества архитекторов. – 1895. – Октябрь.
8. Труды I съезда русских зодчих. С-Петербург. – 1894.
9. *Кириллов В.В.* Архитектура русского модерна. Опыт формалогического анализа. – Изд-во Моск. ун-та. – М., 1979.
10. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. – М.: Искусство, 1978.

Баландин В.С.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 929.6
ББК 63.215

ДИЗАЙН СРЕДЫ И ГЕРАЛЬДИКА

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения элементов геральдики в дизайнерской практике. Нюансы использования личных гербов в этом сегменте культурного пространства.

Ключевые слова: геральдика; дизайн среды; личные гербы; Сибирская геральдическая коллегия.

Геральдика как один из аспектов культурно-исторического пространства обладает очень высоким визуальным эстетическим потенциалом. Гербы в концентрированной форме несут в себе символическую, историческую, эстетическую, религиозную, социальную и культурную информацию, которая фиксируется в каждом конкретном случае с помощью определенного художественного языка. Язык этот включает в себя графический, колористический, ритмический и прочие элементы, объединенные в художественную композицию (наряду с правилами геральдики) на основе законов изобразительного искусства.

Вышеизложенное создает, казалось бы, наиболее благоприятные условия для использования элементов геральдики (гербов) в сфере современного интерьерного дизайна, а также в декоративном оформлении экстерьеров зданий и сооружений. И если территориальные и корпоративные гербы в какой-то степени используются в этом сегменте культурного пространства, то личная геральдика – вообще никак, во многом такое положение объясняется устойчивым мнением, что герб является атрибутом исключительно титулованной аристократии. Изложенное ниже должно убедить читателя, что пользователем герба может стать любой желающий.

В отличие от нумизматики, бонистики и фалеристики, носящих в какой-то степени универсальный характер в силу того, что монеты, банкноты, ордена и медали используются во всем мире, геральдика в качестве жестко структурированной системы, в отличие от эмблематики, зародилась исключительно в средневековой Западной Европе. Именно тогда в структуре европейского феодального социума сложилась система законов и правил использования эмблем и символов в конкретных утилитарных целях идентификации различных социальных групп, индивидуумов и территориальных образований (стран и городов).

Таким образом, геральдику можно квалифицировать не как науку, а как систему знаний об одной из сторон исторического прошлого, специфическую традицию, свойственную именно западной Европе, не обладающую главным признаком науки – универсальностью. Законы физики отменить нельзя, а в сфере визуальной идентификации можно пользоваться, а можно и игнорировать правила европейской геральдики. Так, государственные и территориальные гербы азиатских стран и стран американского континента очень часто не следуют правилам европейской геральдики. В таком случае их следует считать не гербами в традиционном понимании, а гербовыми эмблемами. В настоящее время и в Западной Европе

довольно много подобных примеров – Франция, Италия и др. Именно унифицированная, утилитарно-идентификационная функция геральдики, распространившаяся на территорию всей Западной Европы, обусловила довольно жесткие законы составления гербов. Исходным формообразующим элементом стал щит, количество цветов ограничено пятью, а металлов – двумя, сочетание которых тоже было регламентировано. Геральдические фигуры были дифференцированы по различным признакам или имитированы по формам. По таким же канонам составлялись и дополнительные элементы герба: шлем, корона, намет, щитодержатели, девиз.

Существует заблуждение, что личная геральдика является исключительно дворянским атрибутом. С момента своего зарождения в XII в. и по сегодняшний день гербы использовали любые сословия, от короля и аристократов до состоятельных горожан и крестьян. Для двух последних социальных групп в геральдической системе устанавливались некоторые ограничения на парагеральдические элементы, например шлемы и короны. Такие гербы назывались гербами ротюрье и были более широко распространены, чем гербы знати, в силу большей многочисленности их носителей.

Во французском Всеобщем гербовнике 1696 г. среди владельцев гербов только каждый шестой был дворянином, то есть около пятнадцати процентов. Остальные восемьдесят пять процентов принадлежали к людям «неблагородного» происхождения, иначе говоря, к простолюдинам. По словам французского архивиста и палеографа Мориса Пастуро: «Герб походил не столько на сегодняшний паспорт или иное удостоверение личности, сколько на нынешнюю визитную карточку: каждый волен завести себе визитки, но хлопочут об этом далеко не все».

В России европейская геральдическая традиция пришла вместе с Петром I. Личные гербы получили распространение среди потомственного и служилого дворянства. Последнее обусловлено тем, что геральдика водилась сверху и с самого начала была инкорпорирована в систему государственной власти – сначала Герольдмейстерская контора, затем Департамент Герольдии Првительствующего Сената. После вынужденного перерыва с 1917 по 1991 г. интерес к геральдике возродился вновь в русле процесса возвращения к общеевропейской культурной традиции. Как и при Петре I, эта процедура сразу приобрела строгое государственное оформление.

В настоящее время в сибирском регионе существует Сибирская геральдическая коллегия, которая является территориальным представителем главного герольдмейстера при Президенте РФ и Всероссийского геральдического общества. В компетенцию коллегии входит решение различных вопросов сохранения геральдической традиции, предоставления информации и практического составления гербов и их регистрации. Хотя, как уже упоминалось выше, для использования личного герба его легитимизация вовсе не является обязательным условием.

Булгач Р.В.
vatclavih@ngs.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.11

ЗАКАТ МОДЕРНИЗМА?

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются вопросы, касающиеся роли и значения архитектурного наследия эпохи модернизма (архитектурного авангарда) XX в. на современном этапе развития архитектуры и городского планирования.

Ключевые слова: архитектура модернизма; городское планирование; функциональное зонирование; постиндустриальный город; синергетическая парадигма развития; постмодернизм.

В последнее время, так же как и на рубеже 1960-х, 1970-х гг., вновь подвергаются критике принципы современной архитектуры, главным образом в сфере городского планирования и формирования городской среды, что отражает качественные изменения в понимании того, каким должен быть город. Автор считает возможным поделиться своими мыслями по этому вопросу. Статья построена по принципу формулирования вызова и последующего за ним ответа.

Вызов первый: Модернистский принцип функционального зонирования примитивен и не способен решать вопросы развития современного города как многозначного и во многом непредсказуемого организма.

Ответ: Известно, что уже к концу 1950-х гг. архитектурный авангард переживал кризис – главным образом в связи с разочарованием в возможности переустройства мира средствами архитектуры и построения светлого коммунистического будущего, на идеях которого он был основан. Принципы модернистского городского планирования столкнулись с новыми проблемами в развитии архитектурной среды рыночного общества послевоенных городов Западной Европы **[1]**. В последующие десятилетия сменилось несколько этапов переосмысления путей развития архитектуры в меняющихся обстоятельствах перехода от индустриального общества к постиндустриальному **[2]**.

Но это вовсе не означает, что базовый принцип функционального зонирования города, сформулированный в «Афинской хартии» IV конгресса CIAM 1933 г., следует признать ошибочным. Просто с появлением новой синергетической парадигмы развития этот принцип обретает более гибкое, мозаичное, многослойное содержание **[3]**. И это новое содержание задает новый пространственный вектор функционального развития города – вертикальный, связанный с процессом «интеллектуализации» городской экономики. Активно развивается процесс роста в городах (особенно в крупных и крупнейших) доли и значения таких видов занятости и мест приложения труда, которые непосредственно приближены к жилищу, местам досуга и социально-бытового обслуживания горожан. Это отрасли научного и художественного творчества, мелкий и средний бизнес, виды деятельности, связанные с виртуально-информационным пространством и т.д. В связи с этим формируется зонирование городского пространства по принципу «слоеный пирог» – более комфортное, дружелюбное по отношению к человеку, в рамках квартальной низко-плотной и

среднеэтажной (до 6 этажей) застройки, с разграничением пешеходных пространств на личные, соседские и общественные **[4]**. Такое зонирование минимизирует ежедневные челночные миграции «дом – работа – дом», оптимизирует работу городского транспорта и в конечном итоге повышает качество среды обитания.

Но и традиционное модернистское (словесный парадокс) горизонтальное функциональное зонирование никуда не исчезло. Оно остается актуальным постольку, поскольку существуют отрасли городской экономики, которые по различным причинам невозможно включить в «слоеный пирог» вертикального зонирования. Это промышленное производство, предприятия, обслуживающие городское хозяйство и т.д. В условиях технологической и экологической революции производственные функциональное зоны этих отраслей экономики существенно сократят свои территории и количество работающих в них людей до оптимальных показателей, но займут, таким образом, свою стабильную нишу в структуре городов на неопределенно долгое время.

Таким образом, принцип функционального зонирования города как таковой, провозглашенный основателями архитектурного модернизма в начале XX в., вовсе не потерял своей актуальности. Да, город невозможно одномоментно создать как идеально работающий механизм с упрощенной функциональной схемой «жилье – работа – досуг – транспорт». С другой стороны, каким бы сложным, мозаичным и даже непредсказуемым не был городской организм, в нем неизбежно действуют и рыночные и централизованные механизмы упорядочивания его территориальной структуры: экономические, политические, социальные, санитарно-экологические, культурные и др. **[5]**. Функциональное зонирование приобретает новое качественное наполнение, отвечая на вызовы постиндустриального города современного информационно-когнитивно-гуманитарного общества.

Вызов второй: Принцип свободной планировки, заложенный в структуре микрорайона, не соответствует задачам развития современного города.

Ответ: На самом деле можно вполне гармонично и бесконфликтно сочетать микрорайонный и квартальный принципы организации селитебных зон в рамках современной парадигмы развития городов. Для этого нужно «поработать» с самим микрорайоном, то есть применить к нему принцип «слоеного пирога». Если в первых этажах жилых зданий микрорайона располагать не квартиры, а насытить их публичными и коммерческими функциями, то существенно увеличим степень его комфортности. Низко-плотная застройка с ограничением этажности сократит расстояние между жилыми домами, что сделает площадь микрорайона сопоставимой с площадью квартала и придаст ему человеческий масштаб. Это обеспечит возможность увеличения плотности улично-дорожной сети в городе и преодоления отсталых форм транспортно-несостоятельной планировки (особенно в городах России и в Новосибирске в частности) **[6]**. Но микрорайон окружен транспортными магистралями, здесь нет места улице, как общественно-пешеходному гуманитарному пространству. А нужно ли стремиться к тому, чтобы пешеходные линейные пространства преобладали на всем городском планшете? Такие улицы можно и необходимо организовывать в центрах городов, в центрах городских районов, во всех общественно значимых и привлекательных для горожан пространственных узлах городского организма, где как раз и должна преобладать квартальная застройка.

Вызов третий: Формула «от функции – к форме» или проектирование «изнутри – наружу» обрекла модернистскую архитектуру на скудность художественно-образного языка и отсутствие семантических смыслов архитектурного пространства.

Ответ: А вот это уже лукавство. Качество архитектуры определяется в первую очередь уровнем профессиональной ответственности и творческих способностей, а если Бог даст, то и таланта. Независимо от стилистических предпочтений и степени престижности объекта проектирования, есть Архитектура, есть добротно и честно выполненный проект, а есть, к сожалению, немалый объем архитектурного дурновкусия. Мы наслаждаемся изысканностью формы и пропорций сугубо «функциональных» проектов и построек Леонидова, Корбюзье, Мельникова, Веснина, Гинзбурга, Гропиуса, Гордеева, Тургенева и других потому, что настоящий архитектор не может не делать красиво. Это сидит у него в подсознании.

Между прочим, сами отцы модернизма прекрасно сознавали меняющиеся в обществе и архитектуре тенденции развития и последовательно реагировали на них на каждом очередном конгрессе CIAM. Начиная примерно с VI конгресса в Бриджуатере в 1947 г. обсуждаются вопросы развития послевоенных городов, гуманизации общественных центров с учетом нужд пешехода, индивидуализации эстетического языка архитектуры.

В критике авангарда в свое время преуспели архитекторы-постмодернисты в 1960-х гг. прошлого века. Кстати, Зигфрид Гедеон дал остроумную (с точки зрения автора статьи) характеристику нарождающегося направления «Playboyarchitecture», и не без оснований, поскольку в пику современному движению архитекторы-постмодернисты пользовались языком исторических стилей под углом иронии, эпатажа и даже сарказма **[7]**. А поскольку были они людьми талантливыми, то получалось весьма виртуозно (Ч. Мур, Р. Стерн, М. Грейвз, Р. Вентури, ранний К. де Подзампарк и др.).

Но работа «в стилях» – балансирование на лезвии бритвы. Очень легко соскользнуть в пошлость. Что и произошло с нашей российской архитектурой в 1990-е гг., когда запоздалая волна западного постмодернизма, подрихтованная неразвитым вкусом новоиспеченной буржуазии, скатилась в так называемый лужковский стиль и новорусские «замки людоедов».

Произведения «постмодернистов» как-то уже подзабываются со временем, а вот «…функционализм как составной элемент проектного метода… продолжает жить в творческом сознании. Он сегодня не идеал и не ностальгия, но внутренний момент профессионального мышления… У функционализма есть свой исторический шанс». Это цитата из книги 1985 г. «Творческие противоречия в новейшей архитектуре Запада». Авторы А.В. Рябушкин, А.Н. Шукуров **[8, с. 12]**.

Сейчас, на исходе второго десятилетия XXI в., мы можем с полной уверенностью сказать, что функционализм (архитектурный авангард или модернизм) не просто этот шанс в полной мере использовал, но еще на многие десятилетия вперед определил направление развития мировой архитектуры. Ведь к реализации мощного потенциала идей авангардистов мы только сейчас подходим с высоты современных технологических возможностей. Известно, что лучшие представители современной западной архитектуры истоками своего творческого вдохновения называют архитекторов и художников русского авангарда начала XX в.

В завершение можно хотя бы перечислить то, что еще мы унаследовали от революционной архитектуры начала прошлого века. Это определяет ежедневную практику современного архитектурно-проектного дела:

- научный подход к организации среды обитания человека;
- вся нормативная база в архитектуре и городском планировании;
- эргономика как наука;
- трансформируемость, сборно-разборность, гибкость и многофункциональность в архитектуре и дизайне;
- архитектурные принципы и приемы взаимодействия внутреннего и внешнего архитектурных пространств;
- идеи «универсального проект-дизайна» в аспекте внедрения пандуса в практику массовой архитектуры (доступная среда).

Список далеко не полный, желающие могут его продолжить.

Библиографический список

1. *Линч К.* Современная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
2. *Фремптон К.* Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. – М.: Стройиздат, 1990. – 534 с.
3. *Поповский И.В.* Основы городской культуры. – Новосибирск, 2014. – 216 с.
4. *Глазычев В.Л.* Город без границ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – 398 с.
5. *Булгач Р.В.* Социальные проблемы городов Европы // Сб. науч. тр. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. Часть V. – М.: Ар-Консалт, 2015. – С. 58–61.
6. *Блинкин М.Я.* Города и автомобили // *Город завтра. IV Открытый градостроительный форум.* – Новосибирск, 2010. – С. 20–37.
7. *Гидион З.* Пространство, время, архитектура. – М.: Стройиздат, 1984. – 455 с.
8. *Рябушин А.В., Шукурова А.Н.* Творческие противоречия в архитектуре Запада. – М.: Стройиздат, 1985. – 272 с.

Воличенко О.В.
wolitschenko@mail.ru
КГУСТА им. Н. Исанова, г. Бишкек, Кыргызстан

УДК 72.00
ББК 85.113

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются общие и отличительные черты раннего и новейшего авангарда, исследуется его роль в исторической ретроспективе, а также выявляются типичные методы формообразования.

Ключевые слова: новейший авангард; топологическоий метод; морфогенез; параметризм; кибернетика; антропогенный детерминизм; гомогенность; итерационность; фрактальность.

В конце XX – начале XXI в. наблюдается новый всплеск развития идей авангардной архитектуры, вызвавших целый ряд изменений как в самой профессии, так и в архитектурном мышлении. Эпохальный прорыв в новое, характерный для авангарда начала XX в., генерирующий новые подходы в творчестве, новые эстетические идеалы и новые принципы формообразования, опирающиеся на научно-технические достижения, еще в большей мере свойственен архитектурному авангарду третьего тысячелетия. Ориентация архитектуры на образность, эффектность, зрелищность, формотворчество и узнаваемость почерка мастера приобретает глобальные черты. Многополярность творческих течений, начавшая складываться еще в раннем авангарде, становится отличительным знаком новейшего времени. Архитектура авангарда XXI в., являясь своеобразным зеркалом, отражает направления теоретического дискурса, демонстрируя зачастую противоречивые результаты творческого поиска. Происходящие изменения требуют углубленного теоретического изучения и всестороннего анализа для понимания логики развития и дальнейших путей формирования архитектуры Кыргызстана.

Генезис архитектуры новейшего авангарда еще недостаточно изучен, отсутствует системное обобщение этого явления, множество исследований и публикаций носят в основном обзорный характер, им не хватает теоретической основы и научного осмысления Анализ данной проблемы усложняется также отсутствием временного расстояния по отношению к предмету исследования, нечеткостью границ между искусством, техникой и архитектурой, размытостью профессиональной терминологии.

Значимую роль в осмыслении и анализе концепций формообразования авангардной архитектуры XXI в. играют труды по философии и культурологии Ж. Деррида, Ф. Джеймсона, М.П. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, А.Н. Уайтхэда, Ж. Лакана, Ж. Бодрийяра и др. Научно-методологической основой для новейших архитектурных концепций послужили теоретические разработки Г. Хакена, И. Пригожина, Мэй Вей Хо, Б. Мандельброта, П. Сондерса, Р. Тома, Э. Лоренца, Б. Массуми, Б. Каша, Г. Геноско. Архитектурные концепции западных теоретиков архитектуры – П. Шумахер, П. Эйзенман, В. Митчелл, Дж. Кипнис, Б. ван Беркель, С. Квинтер, С. Аллен, Б.Чуми, Л. Спайбрук, М. Новак, Г. Линн, С. Перелла, Я. Хантер, Р. Колхаас, Дж. Ларнер, С. Бэлмонд, К. Оостерхёйз, Э. Зенгелис, Х. Лалвани, Т. Ито, П. Вирилио, М. де Ланда и др. – возникли в

результате проникновения в архитектуру открытий из других наук, например из синергетики (теория самоорганизации сложных неравновесных систем), физики (теория хаоса, философия нестабильности, теория струн), математики (топология, теория фракталов, нелинейная геометрия) и т.д.

В новейшей архитектуре как крупном историческом явлении вновь предстала фигура авангардной архитектуры, диктующая стилевую направленность, формообразующие приоритеты и эстетические ценности. Актуальным сегодня становится выявление авангардной составляющей новейшей архитектуры, поскольку в ней больше всего проявляются творческие проблемы современности. Искусство авангарда XX в. вновь привлекает к себе исследователей как источник и первопричина современных концептуальных построений.

Фундамент авангардной архитектуры был заложен в начале XX в. целой плеядой мастеров «русского авангарда» – это прежде всего К. Малевич, В. Татлин, В. Кандинский, А. Веснин, Н. Ладовский, А. Родченко, К. Мельников, И. Леонидов, Л. Попова, А. Экстер, Л. Лисицкий, М. Гинзбург, А. Габричевский и другие. В западном авангарде исследование свойств новой архитектурной формы развивалось в рамках гештальтпсихологии (работы Баухауса – В. Гропиуса, П. Клее, Х. Мейер, Мисс ван дер Роэ и др.) и формальной школы (Г. Вельфлин, А. Ригль, А. Бринкман, А. Гильдебрандт, П. Франкль, Г. Зедльмайер, а также Э. Панофский, М. Дворжак и др.).

Как справедливо отмечал историк авангардной архитектуры С.О. Хан-Магомедов, «в современной архитектуре почти каждой страны в той или иной степени присутствуют элементы, зародившиеся в 20-е годы» **[1, с. 7]**. При этом русской архитектуре 20-х гг. отводится особое место в формировании мирового авангарда XXI в. в условиях, когда формообразующие процессы приобретают глобальный характер, а информационные средства позволяют моментально обмениваться творческими идеями и проектными разработками. Объясняется это тем, что русский авангард 20-х гг., в отличие от западного, не исчерпал свой формообразующий потенциал в связи с радикальной переменой курса советской архитектуры в 30-х гг. Поэтому нереализованное наследие советского авангарда представляет собой источник мощных формообразующих импульсов, которые находят воплощение в архитектуре новейшего авангарда.

В противовес западному авангарду, ограничивающему свои художественные устремления фетишизацией техники (внешняя форма здания появлялась как результат решения функционально-конструктивных задач), в советском авангарде параллельно существовали концепции, акцентирующие свое внимание на развитии художественно-пространственных свойств при формировании архитектуры и подчеркивающие подчиненное положение инженерных проблем в данном процессе. Различия между этими архитектурными течениями состояло не в отрицании какого-либо фактора (функции, конструкции, эстетики, психологии восприятия и т.п.) в общем процессе формообразования, а лишь в соотношении и роли, которую они им отводили. Научными проблемами формообразования занимались как представители рационализма, так и конструктивизма. Однако если первые обращали свое внимание в основном на выявление закономерностей и особенностей восприятия подвижной и неподвижной формы, то вторые изучали влияние экономических, утилитарно-конструктивных и психофизических факторов формообразования.

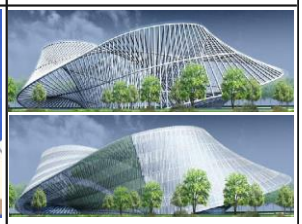
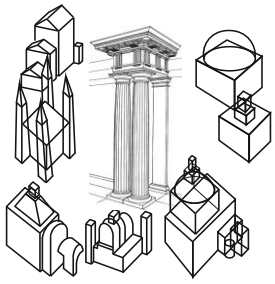
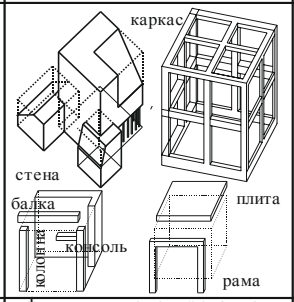
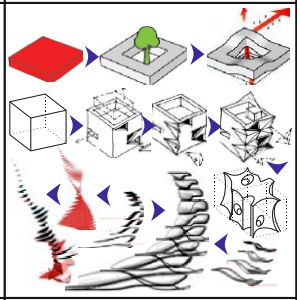
Название	Этапы развития архитектуры		
	ИСТОРИЗМ	МОДЕРНИЗМ	ПАНМОДЕРНИЗМ
ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ	• имеет нормативный характер, строится не на понятиях, а на практических категориях (польза, прочность. красота, достоинство и пр.); • теория архитектурной композиции, теория стиля и орнамента	• имеет нормативный характер, строится на таких категориях как пространство, гармония, простая геометрическая форма, целесообразность и пр.; • теория восприятия архитектурной формы	• теряет нормативность и универсальность • в категориях модернизма на первый план выступают категории времени, субстанции, феномена, рефлексии, масштаба и т. п.
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	• стройная упорядоченность форм, ясность и гармония линий подчеркивали разумную закономерность существующего мира; • многостороннее познание мира и человека со свойственными ему противоречиями	• социально-демократические, научно-технические (инновационные технологии, конструкции, материалы и пр.); • покорение, завоевание природы	• экологические установки, историко-культурные, этно-культурные, демократичные, технические (компьютерные технологии, искусственный интеллект и др.); • человек - часть природы, биосферы
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ	• стилевые различия; • использование ордерной системы как в качестве конструктивной, тектонической структуры, так и в качестве декора	• функционализм, стилизация, культ геометрии и техники, игровая фантазия как ироническая, так и утопическая	• идеологические ориентиры - экология, антропология и планетарное единство человечества; • культ архитектуры поверхности, дигитальных технологий и параметрического моделирования: • установка на вечные смыслы
АРХЕТИПЫ			
МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОРМЫ			
ФОРМО-ОБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ	• монументальность; • формальное и композиционное единство, соразмерность, связь и соподчинение частей, иерархия, симметрия, пропорциональность; • четкие и ясные формы; • цитирование или прямое заимствование художественной системы классических архитектурных форм	• функция - моделирование деятельности в виде потока движения и информации; • пространство - четкое, геометрически правильное; • морфология - пространственная структура здания; • семантика архитектурных форм и композиции - метафора, знак, идеома; • темпоральность - ритм, динамика, движение	• темпоральность - принцип временного развертывания смыслов; • параметризм - синтез множества функциональных моделей; • нелинейная морфология - непрерывно изменяющиеся параметры или координаты времени и пространства
ОБРАЗЦЫ АРХИТЕКТУРЫ	• классические памятники Греции и Рима - до 18 в.; • памятники романской, готической, византийской, восточной архитектуры - 19 в.	• техническая культура - машины и агрегаты - первая половина 20 в.; • образцы природы и культуры - вторая половина 20 в.	• внутреннее строение природы - фрактальность; • супертехническое совершенство

Рис. 1. *Сравнительный анализ моделей формообразования*

В новейшем авангарде, как и в русском авангарде 20-х гг., большое место занимают поиски новых архитектурных форм, возникающих в результате нового видения мира. Концепции формообразования также генерируются в двух наиболее характерных полюсах – конструктивно-техническом (преобладание инженерного подхода) и художественно-образном (влияние живописи, скульптуры и дизайна), которые не противостоят друг другу, а взаимно дополняют и обогащают друг друга. Основными чертами авангардной архитектуры стало появление новых типов зданий и поселений, решение экологических проблем средствами архитектуры и создание новой эстетики образов и форм *(рис. 1)*.

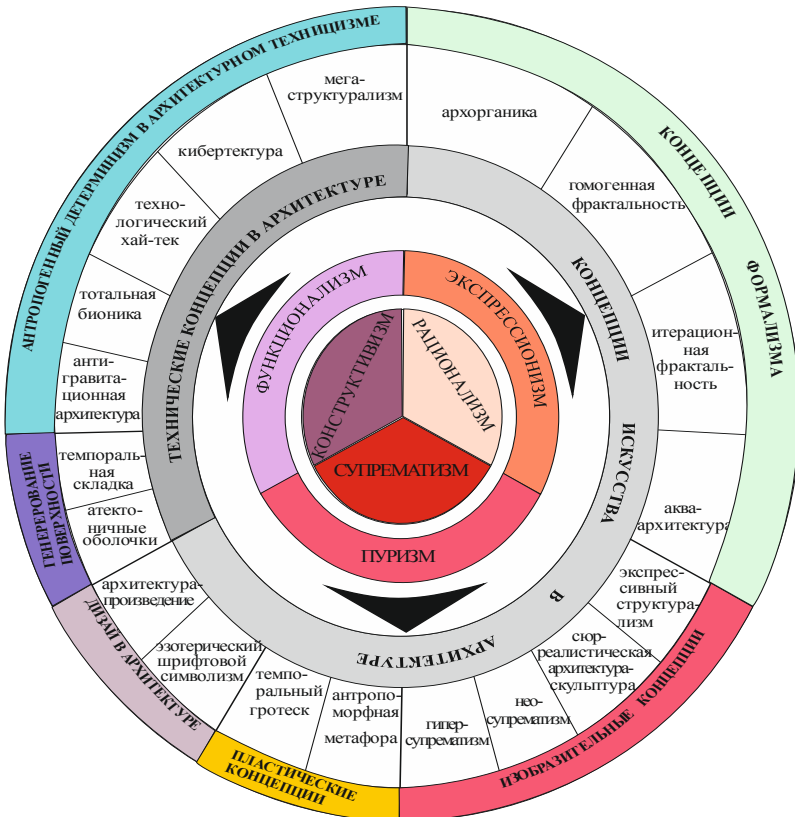


Рис. 2. *Модель развития архитектуры новейшего авангарда*

Модель развития архитектуры новейшего авангарда *(рис.2)* можно представить в виде сложной многовекторной и многоуровневой системы, содержащей колоссальное многообразие творческих концепций, демонстрирующих широкий спектр глобальных формообразующих ориентиров. Авангардная архитектура сегодня – это открытая система, в которой происходит непрерывное взаимодействие и обмен с внешней средой, что позволило, впитывая в себя научно-технические достижения, решать пространственно-экологические проблемы и генерировать новые формообразующие идеи, используя творческую потенцию раннего авангарда.

Стратегия инновационных приемов формообразования новейшего авангарда активно оперирует артефактами исторического наследия, использует этнокультурные ценности, применяет стилевые признаки и продолжает развивать характерные черты архитектуры модернизма. Сейчас нет болезни консерватизма истории и нет сожаления о неполноценности модернистской архитектуры, скорее

можно говорить о том, что сегодня творчество архитекторов подчинено всеобщей «*панмодернистской» доктрине*.

Авангард, синтезируя высокие технологии и бесконечные инновации, стремительно изменяет архитектурно-градостроительную среду, одновременно пытаясь решить проблемы архитектуры, обострившиеся на фоне общемирового кризиса. Особые условия новейшей архитектуры и архитектурной деятельности заключаются в том, что при отсутствии стилевой общности наиболее отчетливо выражаются концептуальные разрезы. Практически все архитектурные концепции XXI в. стали планетарными, то есть глобальными, они характеризуются обширной диверсификацией, вследствие чего отсутствует единая магистральная линия развития архитектуры.

Творческие концепции новейшей архитектуры разнообразны, не похожи друг на друга и еще находятся на стадии развития. Каждая концепция имеет свою идейно-теоретическую базу, применяет свой излюбленный метод формообразования, ограниченный набор характерных средств, предпочитает определенные композиционные мотивы, вырабатывает свою художественную манеру, а также культивирует индивидуальный почерк мастера архитектуры, представляющего это конкретное течение. Однако пока течения авангарда находятся в процессе становления, демонстрации и манифестации собственных тезисов, они, по сути, половинчаты и взаимопереходящи, между ними не существует четкого разграничения.

Новое тысячелетие характеризуется ростом и расширением многообразных взаимоотношений архитектуры со смежными областями – искусством, фундаментальной наукой и техникой, экологией, информатикой и т.д., размыванием границ между ними, перетеканием идей и отсутствием одной генеральной линией развития. В многовекторомном пространстве новейшей авангардной архитектуры можно обозначить три стратегических направления: во-первых, архитектурные концепции сформированные под воздействием революционных изменений в искусстве; во-вторых, концепции, ориентированные на внедрение инновационных технологий и технических разработок; в третьих, концепции, отражающие внутрипрофессиональные изменения.

Технические направления зависят прежде всего от внешних факторов (развитие техники, дизайна, технологий, науки, социально-политических и экономических процессов), архитектура в этом случае становится лишь средством для воплощения оригинальных авангардных мыслей. Тотальное проникновение технических идей в архитектуру можно объединить в две группы:

- а) ***генерирование форм архитектурных поверхностей*** (атектоничные оболочки, темпоральная складка);
- б) ***влияние антропогенного детерминизма на архитектуру техницизма*** (мегаструктурализм, кибертектура, технологический хай-тек, тотальная бионика, антигравитационная архитектура).

Синтетическое слияние направлений искусства и техники говорит о будущих интеграционных процессах в архитектуре авангарда, которые демонстрирует концепция техноэкспрессионизма. В технически ориентированной форме на первый план выступают такие качества, как коннективность, функция и адаптивность ***(рис. 3)***.

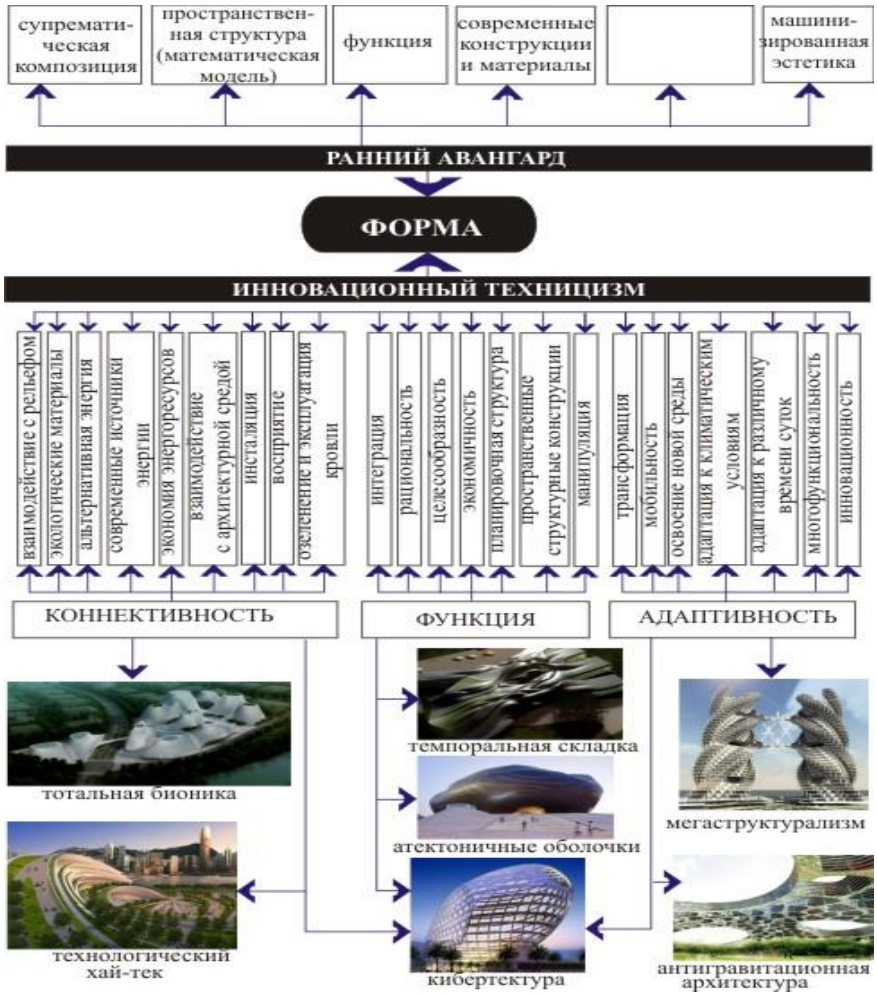


Рис. 3. *Структура образования техноформ*

Креативные идеи авангардного искусства, способствующие генерации художественных направлений в архитектуре, условно можно объединить в следующие группы:

- а) ***концепции изобразительного искусства*** (гиперсуприматизм, неосуприматизм, сюрреалистическая архитектура-скульптура, экспрессивный структурализм);
- б) ***концепции пластического искусства*** (темпоральный гротеск, антропоморфная метафора);
- в) ***концепции дизайна*** (архитектура-произведение, эзотерический шрифтовой символизм);
- г) ***концепции художественной формы*** (архорганика, гомогенная фрактальность, итерационная форма, аквааархитектура).

Типичными методами создания архитектурных форм авангардной архитектуры являются:

1. Использование **топологического метода** – преобразование простой геометрической формы под воздействием разнонаправленных сил (растягивание, изгибание, скручивание, выдавливание и т.п.). Простые элементы структур, прежде всего прямые линии, преобразуются в кривые, что приводит к реорганизации жесткой структуры клеточных и треугольных решеток в

извивающиеся волнообразные синусоиды. Это волнение на поверхности структур указало путь дальнейшей гибридизации изобразительных и формальных обобщений и трансформаций. Криволинейные фигуры обрели возможность превращаться в изобразительные контуры орнамента и новые модели гибридных преобразований в бесконечных пространственных решетках. Возможность схематизации и деформации линейных (прямолинейных и криволинейных) структур была дополнена идеями бесконечных и масштабных вариаций **[5]**.

2. Использование **принципов морфогенеза природы и философско-социальных идей** и внедрение их в модель архитектурного объекта. Генетика привнесла новые схемы представления, связав развитие индивидуальных организмов и популяций в число математических дисциплин, управляющих процессами систематизации и трансформации онтологических структур наряду с геометрией и топологией **[5]**. Универсальная категория пространства, в котором происходят формально геометрические преобразования, существуют и изменяются архитектурно градостроительные структуры, свое дальнейшее развитие получает в синергетике. Она трактует пустое пространство как эквивалент энтропийному хаосу, в котором распространяются зоны упорядочения и схематизации (структурирования).

3. Применение **принципа параметризма** – построение формы, изменяющейся и безостановочно преобразующейся в соответствии с вводимыми параметрами и компонентами.

4. Использование **принципов кибернетики**, направленных на создание комплексной самоорганизующейся и саморегулирующейся интеллектуальной системы.

Заключение. Новый авангард, с одной стороны, обнаруживает наличие универсальных субстратов, а с другой стороны, он во многом является альтернативой прошлому. Какие концептуальные направления авангарда станут масштабными, а какие останутся единичными и самодостаточными – покажет будущее.

Библиографический список

1. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. В 2 т. Т. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
2. *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 т. Т. 1. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.
3. *Добрицына И.А.* От постмодернизма к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: ПрогрессТрадиция. 2004. – 416 с.
4. *Дженкс Ч.* Новая парадигма в архитектуре / 2005 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.a3d.ru/architecture/stat/155.
5. *Раппапорт А.Г.* Сдвиг. Теория сдвигов / Башня и лабиринт [Электронный ресурс]. – URL: http://papardes.blogspot.com/2014/12/497-2.html.
6. *Раппапорт А.Г.* Ситуация в архитектуре 21 века / Башня и лабиринт [Электронный ресурс]. – URL: http://papardes.blogspot.com/2014/04/21-2.html.
7. *Воличенко О.В., Омуралиев Д.Д.* Мейнстримы новейшей архитектуры – двадцать первый век: монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 449 с.

Филонов С.В.
mas_ngaha@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 378
ББК 74.4

МЕТАДИСТОПИЯ КАК ЦЕЛЬ ДИСТОПИИ

Аннотация. Статья посвящена определению цели дистопии. В качестве таковой предлагается считать метадистопию. Показано значение метадистопии для существования антисистемы.

Ключевые слова: дистопия, метадистопия, город, антисистема.

В предлагаемой статье в рамках изучения проблемы дистопии мы рассматриваем предполагаемую цель дистопии, которой является метадистопия. В предыдущих работах, посвященных проблеме дистопии, мы показали связь современных идей, касающихся градостроительства, с антисистемой и дистопией. Данные идеи были нами связаны с футуристическим мышлением. Мы предположили, что существует дистопический цикл, действующий в истории – «цикл футуризма». Он представляет собой смену гетеротопии, утопии и дистопии.

В начале исследования мы противопоставляли антисистему системе, предполагая антагонизм между ними. Сейчас мы полагаем, что антисистема и система образуют единство противоположностей, единую структуру.

Терминология

Антисистема – организованное объединение людей с негативным мировозрением. Слово «анти» значит не только «против», но и – «напротив», то есть пару к чему-либо.

Гетеротопия (др. греч. – «другое место») – частично реализованная утопия. В архитектуре под гетеротопией понимают различные по типологии объекты, находящиеся в одной среде, а также выделенные по специфике пространства (по конфигурации и способам взаимодействия).

Дистопия (др. греч. – «плохое место») – населенный пункт с крайне тяжелыми социальными и экологическими условиями (трущобы, гетто, резервации, концентрационные лагеря, лагеря беженцев, поселки мигрантов). В литературе под дистопией понимается радикальная антиутопия.

Метадистопия (др. греч. – «после (через) дистопии») – получение результатов дистопии.

Утопия (др. греч. – «место, которого нет»). В литературной утопии описываются идеальные государства и города. В архитектуре к утопиям относятся идеологизированные проекты, обычно технически неосуществимые. Негативная утопия называется антиутопией.

Результаты

Мы полагаем, что систему и антисистему можно рассматривать, как единую структуру. Основным свойством антисистемы является энтропия. Структура система-антисистема поэтому есть структура энергодинамическая. и к ней

применим второй закон термодинамики, который гласит: «Для Вселенной в целом энтропия возрастает».

Энтропия связана с потерей системой возможности совершать работу. Если энергия системы постоянна, то любое изменение в ней увеличивает энтропию, а если энергия уменьшается, то энтропия также уменьшается. Для того, чтобы энергию можно было передавать, в системе должны быть области с высоким и низким уровнями энергии. Полезная работа производится в результате передачи энергии от области с высоким уровнем энергии к области с ее низким уровнем.

Из этого предположения можно сделать вывод: город и агломерация – это специально созданная область с высоким уровнем энергии для передачи ее в область с низким уровнем. Видимо, существует необходимость концентрации людей для канализования их энергии в определенную область для усиления энтропии.

В этом случае возникает ассоциация с массовым жертвоприношением, где город – это алтарь. Здесь мы обращаемся к пониманию дистопии, как места и времени массового страдания. Смыслом дистопии может быть только массовый выход энергии страдающих и гибнущих людей и ее канализование, которое мы называем метадистопией. Изъятие энергии необходимо для усиления энтропии.

После метадистопии дистопия сменяется гетеротопией и идет подготовка новой дистопии через утопию. Гетеротопией можно назвать обычное состояние мегаполиса, охваченного негативной энергетикой, а дистопией – экстремальное состояние перед кардинальным изъятием этой энергии.

Видимо, для метадистопии требуется негативная энергия сознания. Мы предполагаем, что жертвоприношение происходит преимущественно в психической сфере. Архитектура – инструмент воздействия на психику. Считается, что созерцание зданий может изменить психическое состояние, как в положительную, так и в отрицательную сторону. Например, проживание в районах, застроенных домами, представляющими собой простые геометрические формы и асимметричные структуры, склоняет людей совершать низменные поступки, ведет к апатии, депрессии, фобиям. Затем человек заболевает физически и психически, страдания его усиливаются, произошедшие изменения в сознании открывают путь выхода из него энергии в метадистопию.

Возможно, имеют значение расположение улиц, нарушение естественного электромагнитного поля домами. Если это действительно так, тогда можно предположить наличие некой матрицы, также это касается и структуры агломерации.

Определенно, имеет значение подбор строительных и отделочных материалов, особенно синтетического происхождения, то есть подобраны методы ухудшения экологической ситуации, что важно для создания дистопии. Дистопия существует не только в городах, но и в сельской местности, а также в сырьевых районах, в этом смысле она глобальна. Антисистема – это идеологическое явление, материально воплощенное в дистопии; в сознании они связаны через футуристическое мышление. В дистопии антисистема и система проявляются как энергетическая структура, то есть происходит материализации идеи, так сказать, идея овладевает массами, овладевает как физически, так и психически.

Выводы

Таким образом, дистопия – это перманентное состояние существования единой энергетической структуры, состоящей из антисистемы и системы, которое может продолжаться тысячи лет, но требует поддержания сознанием, то есть искусственно регулирования. Поэтому мы видим, что постоянно разрабатываются и реализуются антисистемные проекты, которые охватывают практически весь земной шар. Тема эта весьма обширна, имеет много аспектов. Мы изучаем ее в архитектурном и градостроительном аспектах, естественно, учитывая историческую канву.

Начавшийся с трагических событий, XXI век перечеркнул все благостные представления о нем, существовавшие в XX веке, на которых мы были воспитаны. В науке возник вопрос о возможности рассмотрения явлений в позитивном ключе, следствием чего стала проблема выбора теории. Мы предлагаем изучать явления в рамках теории антисистем. В данной работе мы, рассматривая проблему дистопии, предположили, что целью ее организации является метадистопия, под которой понимается массовое изъятие и канализование энергии, преимущественно психической, страдающих и гибнущих людей, для усиления энтропии. Последнее необходимо для поддержания энергодинамической структуры «система-антисистема». Мы предлагаем рассматривать город как механизм получения энергии для этой структуры и материальную реализацию идеи антисистемы в состоянии дистопии.

Библиографический список

1. *Гребнев В.* Архитектура как инструмент формирования сознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kramola.info (дата обращения: 24.03.2016).

2. *Салтан М., Щербатов Г.* Тайны зиккурата и терафима на Красной площади [Электронный ресурс]. – URL: http://www.omolenko.com (дата обращения: 23.04.2016).

3. *Филонов С.В.* Проблема дистопии как исторической перспективы // *Региональные архитектурно-художественные школы:* материалы Международной научно-практической конференции, 29–30 января 2014 г., г. Новосибирск/ ред. колл.: В.В. Молодин (отв. ред.) и др.; Новосиб. гос. архит.-худ. акад. – Новосибирск: Сибпринт, 2014. – С. 301–303.

4. *Филонов С.В.* Архитектура и футуризм // *Баландинские чтения:* сборник статей VII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18–20 апреля 2012 г. / сост. Д.Д. Бушма; Новосиб. гос. архит.-худ. акад.; Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина. – Новосибирск, 2013. – С. 84–87.

5. *Филонов С.В.* Футуристические проекты и антисистема // *Баландинские чтения:* сборник статей VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18–20 апреля 2013 г. / сост. Д.Д. Бушма; Новосиб. гос. архит.-худ. акад.; Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина. – Новосибирск, 2014. – С. 373–375.

Лазовская Н.А.
nat-lazovskaya@yandex.ru
БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК 7.012
ББК 85.11

ТЕОРИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ДИЗАЙНА В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ ОБ АРХИТЕКТУРЕ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И ДИЗАЙНЕ

Аннотация. Универсальный дизайн – американская теория конца XX – начала XXI в., развившаяся в практике архитектуры, градостроительства и дизайна прежде всего в европейских странах и Японии. В настоящее время информация об универсальном дизайне фрагментирована и, следовательно, его теория недостаточно разработана. Однако универсальный дизайн можно увидеть в парадигме критической теории, концептуализации и выработке новых знаний. В статье изложены основные положения теории универсального дизайна, рассмотрены проблемы трансформации модели доступности в модель универсального дизайна на примере Республики Беларусь, предложены приемы и средства оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений, основанные на принципах универсального дизайна.

Ключевые слова: теория; универсальный дизайн; бенефициары универсального дизайна; безбарьерная среда; приемы и средства оптимизации.

Общие положения теории универсального дизайна. В научных исследованиях и практике архитектуры, градостроительства и архитектурного дизайна теория универсального дизайна в настоящее время стала востребованной по разнообразным причинам, включая увеличение процентного отношения пожилого населения в структуре общества, развитие медицины, подъем движения за независимое проживание, законы о правах человека, изменения в строительных нормах и стандартах, а также стремление информированных потребителей к более функциональному и удобному дизайну.

Определение и сущность универсального дизайна. До середины 1990-х гг. в США и в первом десятилетии 2000-х гг. в Европе в практике архитектуры и градостроительства использовались такие термины, как «доступный дизайн», «приспособляемый/адаптируемый дизайн», «безбарьерный дизайн» (и менее распространенные – «независимая жизнь», «партисипативный дизайн», «инклюзивный дизайн», «трансгенеративный дизайн», «юзабилити», «транспоколенческий дизайн»), что в недостаточной степени соответствовало требованиям, прогрессивным тенденциям и технологиям начала XXI в. как в архитектуре и градостроительстве, так и в смежных дисциплинах, таких как медицина, реабилитология, геронтология, психология. Подобные дефиниции подразумевали удовлетворение требований определенной обособленной группы людей, а не разработку дизайна для всех граждан. Например, термин «безбарьерный дизайн» появился в 1970-х гг. в ответ на усилия защитников прав людей с инвалидностью, добивавшихся изменения существующей среды обитания, лишенной доступности, и был связан с удовлетворением требований людей, передвигающихся на креслах-колясках. Термин «приспособляемый / адаптируемый дизайн» подразумевал адаптацию окружающей среды для конкретного индивидуума после завершения строительства, а не на стадии

проектирования. Проблемы с пониманием разницы между универсальным дизайном и его предшественниками («доступным дизайном», «приспособляемым / адаптируемым дизайном», «безбарьерным дизайном») еще очевидны. Даже некоторые профессионалы до сих пор считают универсальный дизайн новым словом для обозначения доступной среды или вспомогательных технологий. Многие авторы статей, включающих в название словосочетание «универсальный дизайн», в первую очередь размышляют о соблюдении законов о доступности или дизайна для людей с ограниченными возможностями, в первую очередь инвалидов, использующих кресла-коляски. Тем не менее уровень понимания улучшается. Например, в первом выпуске справочника Universal Design (W. Preiser, E.Ostroff, 2001) **[6]** 90% содержания было посвящено вопросам доступности и 10% – универсальному дизайну. Второе издание этого же справочника резко отличается от первого. В нем уже 80% посвящено универсальному дизайну (W. Preiser, K. Smith, 2010) **[7]**.

Наиболее распространенным является определение универсального дизайна как дизайна окружающей среды и изделий с целью сделать их максимально пригодными к использованию всеми людьми без необходимости адаптации или специального дизайна (B.Connell, M.Jones, R.Mace, J.Mueller, A.Mullick, E.Ostroff, J.Sanford, E.Steinfeld, M.Story, G.Vanderheiden, 1996) **[4]**. По утверждению R. Mace, если больше внимания уделять созданию и улучшению окружающей среды для максимально широкого круга людей, доступная среда для людей с ограниченными возможностями станет нормой. Однако ряд исследователей, например R.Imrie, P. Hall (2001) **[5]**, полагают, что в этом определении явно отсутствует внимание к нетрудоспособным гражданам и отказ от специальных предложений для людей с ограниченными возможностями. По их мнению, это определение является недостаточно однозначным. К примеру, не раскрыты понятия «все люди», «в максимально возможной степени». Кроме того, определение кажется нереальным для выполнения его на практике. Логично будет предположить, что всегда будет человек, который не сможет использовать конкретный продукт или находиться в определенной среде. Кроме того, если рассматривать эту дефиницию буквально, то универсальный дизайн кажется утопической теорией, так как невозможно одновременно обеспечить требования всех людей независимо от физического и психологического состояния, возраста, размеров и массы тела, особенностей восприятия окружающего мира.

Бенефициары универсального дизайна. Возникновение и развитие универсального дизайна связано с рядом факторов, в первую очередь со старением и инвалидизацией населения, движением за независимое проживание, защитой прав человека. В большинстве исследований по универсальному дизайну люди с ограниченными возможностями и пожилые люди рассматриваются как основная (но не единственная) целевая группа. Принимая во внимание факт, что универсальный дизайн действительно имеет сильные корни в правах инвалидов и стареющего населения, следует учитывать, что динамический характер развития современного общества, социально-экономические и быстрые технологические изменения диктуют необходимость учета потребностей и предпочтений широкого диапазона групп населения, которые также сталкиваются с проблемами в повседневной жизни, и у них есть потребности, которые могут быть не менее серьезны, чем у людей с нарушениями передвижения, слуха, зрения. Таким образом, бенефициары универсального дизайна – это не только маломобильные

группы населения.

Более широкая точка зрения на бенефициаров универсального дизайна (E. Steinfeld, J.Maisel, 2012) **[9]** включает (но не ограничивает) восемь групп:

1. Люди, которые не являются инвалидами и/или пожилыми людьми, но имеют временные или постоянные ограничения из-за роста, веса, особенностей телосложения (беременные женщины, дети, люди очень высокого или очень низкого роста, люди, страдающие ожирением и т.п.).

2. Члены семьи (супруги, родители, взрослые дети), сиделки, няни, которые осуществляют уход за нетрудоспособными, маленькими детьми, пожилыми людьми.

3. Люди с психосоциальными отклонениями, такими как аутизм, болезнь Альцгеймера и хроническая депрессия, которые сталкивается с социальными барьерами и могут иметь ограничения в моторных действиях, восприятии и познании.

4. Люди с поведенческими и/или функциональными отклонениями в силу приема некоторых видов лекарственных средств, алкоголя.

5. Этнические группы, меньшинства или иностранные туристы с культурными традициями, предпочтениями и ожиданиями, которые отличаются от большинства населения, включая различия в языке, нормах социального взаимодействия и пространственного поведения.

6. Население с низким (средним) доходом, которые испытывает отсутствие доступа к услугам из-за места расселения и ограничения подвижности.

7. Люди, временно живущие в экстремальных условиях вследствие переселения из-за политических волнений, войн или стихийных бедствий.

8. Подвергшиеся насилию супруги, дети, а также бездомные, которые нуждаются в защищенной окружающей среде и специализированных услугах.

Принципы универсального дизайна. При разработке решений в различных областях, в том числе в архитектуре, градостроительстве и архитектурном дизайне, базовыми, важными для практики и активно используемыми в настоящее время являются семь принципов универсального дизайна, сформулированные в середине 1990-х гг. мультидисциплинарной группой экспертов из Center of Universal Design North Carolina State University (B.Connell, M.Jones, R.Mace, J.Mueller, A.Mullick, E.Ostroff, J.Sanford, E. Steinfeld, M.Story, G.Vanderheiden) **[10]**: равенство в использовании; гибкость в использовании; простой и интуитивно понятный дизайн; воспринимаемость информации; допустимость ошибки; низкое физическое усилие; размер и пространство для доступа и использования.

Универсальный дизайн представляет не стиль в архитектуре и дизайне, а инновационный образ мысли о самом процессе дизайна, а также о том, как обеспечить комфорт и удобство для всех людей в застроенной окружающей среде.

Универсальный дизайн, являясь инновационной стратегией, направлен на поиск более совершенных решений, в том числе в области архитектуры, градостроительства и архитектурного дизайна. Присущая универсальному дизайну динамичность мышления отражает потребность в постоянной оценке новых возможностей устранения ограничений.

Парадигма универсального дизайна заключается в разработке теории, принципов, требований и приемов, позволяющих всем людям использовать одни и те же решения в максимально возможной степени, будь то открытые городские пространства, здания и сооружения, внутренние пространства, элементы мебели и

оборудования.

Необходимо отметить, что нормами и стандартами предусматриваются положения, обеспечивающие минимальный уровень доступности. В свою очередь, сущность универсального дизайна это не совокупность строительных норм и стандартов. J.Salmen (2001) отмечает: «доступность представляет собой соответствие положениям и критериям, утверждающим минимальный уровень дизайна, требующийся для приспособления условий для людей с инвалидностью, универсальный дизайн – это искусство и методика проектирования, обеспечивающая возможность приспособления условий для максимально большого числа самых разных людей на всем протяжении их жизни» **[8, с. 12]**.

Особенности развития теории универсального дизайна в Беларуси. Во многих странах на постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси, на государственном уровне в программах и концепциях, практике проектирования объектов архитектуры, градостроительства и архитектурного дизайна используются такие понятия, как «безбарьерная среда» или «доступная среда». В связи с этим значительно сужается круг потенциальных пользователей пространства, а приемы проектирования ограничиваются исключительно нормативными требованиями по созданию безбарьерной среды. Страны, подписавшие Конвенцию ООН о правах инвалидов, априори заявили о готовности к формированию условий, направленных на соблюдение международных стандартов, в том числе соблюдения принципов универсального дизайна. Анализ технических нормативно-правовых актов, действующих на территории Республики Беларусь, и мониторинг застроенной окружающей среды свидетельствуют о том, что в наибольшей степени учтены требования людей с ограниченными физическими возможностями и трудностями при передвижении. Требования других категорий населения практически не учитываются. Основным направлением законотворческой, нормативной и проектной деятельности в Беларуси является безбарьерная среда.

В соответствии с положениями «Конвенции ООН о правах инвалидов», разрабатываемые проектные решения не должны нуждаться в адаптации или специальном дизайне для людей ограниченными возможностями. Такие решения не должны сигнализировать, что они были разработаны для конкретной группы пользователей. Однако это не устраняет потребность в стандартах, которые определяют юридическое основание для минимальной доступности.

Несмотря на то что интерес к универсальному дизайну растет, он сих пор не стал основной идеей. Многие эксперты считают, что универсальный дизайн просто означает улучшение нормативных требований по доступности. В свою очередь, нормативы по доступности создают иллюзию, что только люди с ограниченными возможностями нуждаются в увеличении удобства и безопасности. В настоящее время наибольшее значение имеют проектные предложения по адаптации открытых городских пространств, зданий и сооружений, а также технические решения для людей с ограниченными физическими возможностями.

В последнее десятилетие наблюдается развитие нормирования и проектирования с учетом требований групп людей с ограниченными возможностями. По состоянию на 1.01.2015 г. в Республике Беларусь разработаны, утверждены и введены в действие: 23 технических нормативно-правовых акта в области архитектуры и строительства, в которых в той или иной степени

установлены положения в части создания безбарьерной среды, которые должны учитываться при проектировании общедоступных открытых территорий, зданий и сооружений; 3 технических кодекса установившейся практики, полностью посвященных правилам проектирования специальных зданий. Основные положения среды обитания для физически ослабленных лиц, применяющиеся при разработке нормативной базы и проектной документации на объекты генерального и детального планирования, а также при проектировании общедоступных объектов строительства и специальных объектов для проживания и обслуживания установлены в Государственном стандарте – СТБ 2030-2010 «Среда обитания для физически ослабленных лиц» **[3]**. Требования по созданию безбарьерной среды и основные положения универсального дизайна отражены в «Рекомендациях по созданию безбарьерной среды при проектировании зданий и сооружений различного назначения» **[1, 2]**.

Несмотря на это позитивное развитие, все еще наблюдается множество дефектов и плохих решений, связанных с отсутствием знаний. Различия часто сведены к минимуму, будь они связаны с новым проектированием или адаптацией существующих проектов. Кроме того, эти решения часто дороже, чем интегрированные, которые учитывают интересы всех. Решения, основанные исключительно только на нормативных требованиях, являются «исключительными» по своей сути и направлены на стигматизацию, потому что люди с ограниченными возможностями должны использовать отдельный вход, ограничиваться конкретными местами в транспорте, зрительных и обеденных залах, на спортивных аренах и т.п. Различные потребности людей с ограниченными физическими возможностями – центральные, но недостаточные, если планируется дизайн для всех.

Принципы универсального дизайна могут рассматриваться как один из компонентов в процессе гарантии качества и функциональности с самого начала проектирования и до конечного результата.

Приемы и средства оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений. Автором проанализированы характерные особенности и основные различия между безбарьерной средой и универсальным дизайном, а также предложены приемы и средства оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений, основанные на принципах универсального дизайна *(табл. 1)*.

Таблица 1

Характерные особенности безбарьерной среды и универсального дизайна

	Безбарьерная среда	Универсальный дизайн
Бенефициары	Физически ослабленные лица (лица с ограниченными возможностями, маломобильные группы населения)	Все люди независимо от их физических и психофизиологических возможностей
Трудности при взаимодействии со средой	Ограниченные возможности передвижения	Постоянные или временные трудности при передвижении, ориентации в пространстве, самообслуживании

Характеристики среды	Адаптированная к возможностям физически ослабленных лиц	Создается сразу и повсеместно без необходимости адаптации или специального дизайна
Приемы оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений	Планировочные приемы, основанные на соблюдении требований стандартов и технических нормативно-правовых актов	Планировочные приемы, основанные на соблюдении требований стандартов и технических нормативно-правовых актов. Прием структурного разграничения пространств. Прием фиксирования границ пространств. Прием функционального наполнения пространств. Прием акцентирования пространств. Прием масштабирования пространств. Прием информационного заполнения пространств

Основные средства оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений формируются в группы:

– средства цветового дизайна (цветовое решение фасадов и интерьеров зданий, в том числе мебели и оборудования, цветовое решение малых ландшафтно-архитектурных форм, покрытий поверхности земли и напольных покрытий, систем навигации);

– средства светового дизайна (уличное, архитектурно-художественное (декоративное), рекламное и витринное освещение, включая дизайн нижнего, наземного, среднего и верхнего уровней света);

– средства ландшафтного дизайна (декоративные покрытия поверхности земли, фитодизайн, аквадизайн, малые ландшафтно-архитектурные формы и оборудование, геопластика);

– средства информационного дизайна (визуальные и тактильные информационные знаки и вывески, бигборды, интерактивные средства – медиабоксы, медиафасады, приложения для смартфонов);

– средства арт-дизайна и монументально-декоративного искусства (изобразительно-колористические решения поверхности земли и напольных покрытий, объемно-пространственные скульптуры, суперграфика).

Заключение. Определено, что доступность – вопрос гражданского права и основной интерес сосредоточен на ликвидации дискриминации в отношении инвалидов; универсальный дизайн – концепция, отражающая реалии современного общества с его разнообразными популяциями. Доступные коды сосредоточены на функциональных вопросах и минимальных решениях. Они не гарантируют хороший дизайн. Доступность – конечная концепция, которая может быть измерена на соответствие нормативным требованиям и стандартам. Универсальный дизайн не имеет конечного состояния. В отличие от доступности у

него нет минимального уровня соответствия.

Несовершенство теории и методологии не должно быть истолковано как препятствие в практической реализации универсального дизайна. Приемы и средства оптимизации открытых городских пространств, зданий и сооружений, основанные на принципах универсального дизайна, насколько возможно в существующих в настоящее время знаниях и технологиях позволяют создать среду, максимально доступную для всех.

Библиографический список

1. *Лазовская Н.А.* Безбарьерная среда общедоступных территорий, зданий и сооружений: особенности проектирования // *Архитектура: сб. науч. тр.* – Вып. 9. / редкол.: А.С. Сардаров [и др.]. – Минск: БНТУ, 2015. – С. 134–139.

2. *Лазовская Н.А.* Рекомендации по созданию безбарьерной среды при проектировании зданий и сооружений различного назначения. – Минск: РУП «Стройтехнорм», 2015. – 64 с.

3. Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения – Асяроддзе пражывання для фізічна аслабленых асоб. Асноуныя палажэнні: СТБ 2030–2010. – Введ. 01.08.10. – Минск: Минстройархитектуры Респ. Беларусь, 2010. – 32 с.

4. *Connell B., Jones M., Mace R., Mueller J., Mullick A., Ostroff E., Sanford J., Steinfeld E., Story M., Vanderheiden G.*. Development and Validation of Principles of Universal Design. Paper presented at the RESNA Conference: June 7–12, 1996.

5. *Imrie R., Hall P.* Inclusive Design: Designing and Developing Accessible Environments. London: Spon Press, 2001. – 187 p.

6. *Preiser W., Ostroff E.* Universal Design Handbook. New York: McGraw-Hill Professional, 2001. – 960 p.

7. *Preiser W., Smith K.* Universal Design Handbook. – 2-nd ed. – New York: McGraw-Hill Education, 2010. – 496 p.

8. *Salmen J.U.S.* Accessibility Codes and Standards: Challenges for Universal Design. In The Universal Design Handbook by Preiser, W., Ostroff, E. New York: McGraw-Hill, Professional, 2001 – C.12

9. *Steinfeld E., Maisel J.* Universal Design. Designing Inclusive Environmental. New Jersey: Willey&Sons, Inc., 2012. – 382 p.

10. The Principles of Universal Design [Электронный ресурс]. New York: The Centre for Universal Design, 1997. – URL: http: // www. design.ncsu.edu (дата обращения: 20.12.2013).

Хан Д.С.
darha88@yandx.ru
Багрова Н.В.,
rektor@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.021.1
ББК 85.11

ПЕШЕХОДНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДИКА СБОРА И ОБРАБОТКИ ДАННЫХ

Аннотация. В статье предложен подход к созданию методики анализа средовых ситуаций с точки зрения комфортности пешеходного транзита, основанный на приоритетности параметров оптимального маршрута передвижения.

Ключевые слова: анализ городской среды, пешеходная мобильность.

Проблема сбалансированности уровня комфорта перемещения в городском пространстве всех участников транспортно-пешеходного движения приобретает особую актуальность в контексте решения задач устойчивого развития среды современных российских городов.

Действительно, принципы устойчивого развития городской среды подразумевают равноправие способов передвижения и видов транспорта. Мобильность и комфорт пешеходного передвижения не является исключением.

Особенностью условий реализации «микромобильности» городского пешеходного движения является принадлежность пешеходного пространства к структуре дорожно-транспортной сети и общественных зон различного функционального назначения: рекреационной, деловой, внутриквартальной территорий. Пешеходное пространство является узлом коммуникации всех видов транспортных систем. Его внутренняя структура сложна ввиду неоднородности мобильных возможностей пешеходов и целевой направленности движения.

Рассмотрим такое распространенное явление городских поведенческих стратегий как пешеходный транзит – целенаправленное перемещение пешехода между пунктами отправления и назначения.

Характерными чертами пешеходного транзита являются: тяготение к остановкам общественного транспорта и автомобильным парковкам, входам в здания, а также движение вдоль линий транспортной сети. Несмотря на то, что транзитное пешеходное движение отличается оптимальностью маршрута и зачастую осуществляется по улицам вдоль проезжей части, во всех случаях пешеход имеет возможность произвольного выбора направления и траектории передвижения.

Пешеходное движение является одной из устойчивых традиционных форм городской мобильности. Единственными ограничениями пешеходной доступности выступают физические и психологические препятствия, к которым также можно отнести отсутствие необходимого минимума потребностей пешеходного движения.

Решение проблем пешеходного движения, связанные с преодолением ограничений и препятствий в пространстве, открывают перспективы для увеличения мобильности пешехода при передвижении на короткие расстояния. Решение проблем предполагает изучение и понимание структуры пешеходного

пространства и тех процессов, которые в нем реализуются, с учетом особенностей поведенческих моделей и потребностей пешехода.

Одним из необходимых этапов в разработке проблемы обеспечения комфортности транзитного пешеходного движения полагаем исследование средовых ситуаций путем анкетирования в режиме «on-line» и персонифицированной интерпретации результатов. В целях установления приоритетов в поведении пешеходов в городском пространстве в виде иерархии уровней комфорта были рассмотрены типичные городские ситуации. Акцент был сделан на интерпретации критериев оценки доступности среды при выборе маршрута перемещения.

Исходные данные. Анкетирование, как любой эксперимент, требует тщательной подготовки и разработки алгоритма структурирования материала, поскольку степень субъективными оценок респондентов достаточно высока. Поэтому в основу определения причинно-следственных связей в поведении пешехода и их анализа в условиях пешеходного пространства был положен психологический «принцип автоматических реакций» или «автоматического поведения».

Как и во многих областях жизнедеятельности человека, при перемещении в городском пространстве пешеходу часто некогда или незачем прилагать дополнительные усилия для оценки всех параметров среды и выстраивания индивидуального поведения. В большей степени это относится к пешеходам, осуществляющим транзитное движение с концентрацией внимания на конечной цели перемещения, и особенно заинтересованным в эффективной мобильности. Ускоренный темп и целенаправленность при перемещении в пешеходном пространстве предполагают поверхностные реакции на дополнительные раздражители. Задача эксперимента заключалась в том, чтобы выяснить, каким образом транзитным пешеходом осуществляется выбор маршрута движения.

Подготовительная часть. Как уже было обозначено выше, в качестве одной из сложностей в подготовке данного анкетирования нам представляется вероятная высокая степень субъективности и широкое разнообразие поведения респондентов в условиях различных городских ситуаций. Поэтому одной из поставленных в ходе подготовки эксперимента задачей было сведение субъективных ответов к минимуму.

Во-первых, в опросе использовались типичные ситуации и типичные решения. Каждая из средовых ситуаций (в диапазоне: горизонтальное или вертикальное перемещение в экстерьере или в интерьере) может быть представлена в качестве уникальной, существующей в силу разнообразных факторов в конкретном месте в совершенно уникальной форме или типичной, характерной для разных мест по основным параметрам и отличающаяся лишь незначительными нюансами. В нашем опросе представлены типичные ситуации, т.к. это позволяет точнее выявить причинно-следственную связь. В разнорасположенных ситуациях с одинаковыми доминирующими свойствами люди ведут себя похожим образом, то есть ситуация приобретает некоторую степень универсальности.

Во-вторых, в анкете использовалась бинарная система ответов. Если ни один из предложенных ответов в полной мере не соответствовал желаемому выбору респондента, выбранный в итоге вариант демонстрировал общую направленность и расположенность респондента к одному из принципиальных решений.

В-третьих, была произведена классификация пешеходных пространств по уровню их доступности и степени раздражения со стороны пешеходов. В анкете предлагались вариации одной и той же городской ситуации. Выбор маршрута при определенном стандартном наборе элементов в городской ситуации оказался однозначен. Выявлены дополнительные характеристики, оказавшиеся факторами влияния, определяющими выбор пути передвижения.

Структура и содержание анкеты. Процесс анкетирования респондентов представлял собой последовательность следующих этапов: вводная часть с кратким описанием цели анкетирования и подготовка респондентов с заданием определенных условий. Важным моментом было «погружение» респондента в ситуации теста, для чего им предлагалось представить себя на месте спешащего пешехода. Такая установка позволяет опрашиваемому не только выбирать базовый минимум необходимых параметров пешеходного пространства и отказываться от принятия к сведению второстепенных факторов, но и настраивает его на быстрое принятие решения.

Основная часть анкеты представляля собой 20-30 вопросов, касающихся пешеходного передвижения и мобильности в городской среде. Вопросы разделены на 4 блока: вопросы по иерархии препятствий; вопросы по иерархии потребностей; вопросы по ориентации и навигации в пространстве; дополнительные вопросы по особенностям восприятия пешеходом городского пространства при особых условиях: климат, многолюдность, этические аспекты.

В каждом вопросе респондентам предлагался ряд вариантов действий в определенной ситуации городской среды, демонстрируемой иллюстрацией. С одной стороны, это позволило избежать длительного описания ситуации и мгновенно погрузить респондента в предлагаемые условия, с другой стороны, это повлияло на объективность ответов, т.к. опрашиваемый по своему усмотрению оценивал и устанавливал значимость всех составных элементов ситуации.

Также к каждой иллюстрации был добавлен вопрос о том, знакома ли опрашиваемому данная конкретная средовая ситуация. Это позволило получить дополнительные данные для анализа результатов анкетирования, а именно: сравнить ответы респондентов, которые отвечали на вопрос о знакомой ситуации и опирались не только на предложенную в анкете иллюстрацию, но и на личный опыт, с ответами тех, кто с данной ситуацией в реальности не сталкивался.

В результате проведения онлайн-анкетирования планировалось подтвердить следующие гипотезы, соответствующие блокам анкеты:

1. Даже при транзитном перемещении большинство пешеходов предпочтут более безопасный и освещенный маршрут передвижения в ущерб скорости и длине пути, т.к. данные характеристики относятся к базовым и необходимым в отличие от других свойств пространства, которые играют значительно меньшую роль при целесообразном перемещении пешехода.

2. Пешеход постарается избежать прохода по не предназначенному для этого месту за исключением ситуаций, в которых следование «правильному» маршруту затруднительно. Существует «граница» необходимых минимальных потребностей, нарушение которой вызывает непредсказуемое поведение пешехода.

3. Такое препятствие как газон в большей степени является морально-этическим, чем физическим препятствием. Пешеход чаще всего оценивает газон в качестве несущественного препятствия в случае, если необходимо сократить путь

через угол газона, но в качестве достаточного для того, чтобы не ходить через массив посадок.

4. Труднопреодолимые препятствия, которые сложились давно, реже вызывают раздражение и напряжение у пешеходов, т.к. воспринимаются как исходные изначально заданные условия проживания в какой-либо местности. Если же в качестве труднопреодолимых препятствий выступает новый объект строительства, он чаще воспринимается негативно и вызывает высокую степень раздражения среди пешеходов.

Данная группа гипотез проверяется первым блоком вопросов анкеты.

5. В случае если необходимо провести пешехода по определенному маршруту, необходимо задействовать непрерывное управление вниманием пешехода и по принципу сценографии не допускать «пробелов» в организации маршрута. В таком случае, удовлетворяя потребности пешехода и предоставляя ему стимулы для выбора необходимого пути, мы получаем возможность управлять поведением транзитного пешехода.

6. В первую очередь в пешеходном пространстве необходимо реализовывать базовые потребности пешеходов, к которым относится физическая возможность прохождения пути, безопасность и удобство навигации. Следующий уровень включает в себя параметры скорости и комфорта. Эстетический фактор чаще всего приобретает значение, особенно для транзитного пешехода, только при удовлетворении базовых потребностей.

Данная группа гипотез проверяется 2 блоком вопросов анкеты.

7. Пешеход стремится не терять визуальную связь с целью своего движения. Так он испытывает психологический комфорт и не опасается потерять объект из виду. При этом возникает чувство контроля над ситуацией и недопущения лишних перемещений и отклонений от цели.

8. Приоритетным направлением внимания пешехода является пространство ниже линии горизонта, т.е. покрытие «под ногами», поэтому важно уделять внимание пешеходным дорогам не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения минимальных эстетических качеств, а также в качестве инструмента для привлечения внимания пешехода.

9. Отсутствие ориентиров, безликая неинформативная среда города наравне с физическими преградами может считаться препятствием в освоении пешеходного пространства.

Данная группа гипотез проверяется 3 блоком вопросов анкеты.

10. Пешеход придерживается кратчайшего пути, но определяет его исходя из выстроившейся (опыт) или выстраиваемой (по ситуации) ментальной карты, которая не всегда может отражать действительность. Здесь есть поле для управленческого воздействия: в случае если это ежедневный знакомый маршрут, то ментальная карта пешехода очень близка к реальному кратчайшему пути, но если ситуация не знакома, то пешеход будет исходить из визуальных ориентиров и оценок ситуации, которые могут не совпадать с реальным положением дел за счет визуальных парадоксов и когнитивных искажений.

11. Необходимо учитывать возможность появления случайного выбора пути при ежедневном транзитном перемещении в одном месте с целью разнообразия маршрута даже в ущерб скорости попадания в заданную точку.

12. Климатические факторы вносят коррективы в выбор пути пешеходом, что особенно проявляется при неблагоприятных погодных условиях.

Данная группа гипотез проверяется 4 блоком вопросов анкеты.

Анализ результатов. За обработкой данных анкетирования следует анализ, в результате которого выявлены:

- пирамида потребностей в применении к пешеходному пространству с выделением базового уровня потребностей;
- иерархия препятствий с назначенным уровнем сопротивления элементов пешеходной сети;
- классификация средовых ситуаций по степени доступности.

Полученные результаты необходимо дополнить еще двумя уровнями проверки: методом включенного наблюдения и методом имитационного моделирования.

Первый основывается на наблюдении за реальным поведением пешеходов в городских ситуациях и включает в себя определение дополнительных нюансов выстраивания поведения, по возможности, достраивание или изменение средовых ситуаций путем внесения или удаления элементов с целью определения характера изменения поведения и траектории перемещения пешехода в пространстве.

Второй метод основывается на имитационном моделировании и заключается в построении виртуальной модели поведения людей. Этот метод позволит не столько проверить, сколько апробировать и закрепить полученные результаты в процессе проектирования новых средовых ситуаций. На основе полученных данных об иерархии препятствий и потребностей человека в пешеходном пространстве, представляется возможным задать элементам окружающей среды соответствующую степень сопротивления или же ускорения, за счет чего можно будет в модели просчитать рациональность или нерациональность принимаемых проектных решений на основании того, насколько быстро пешеход может позволить себе передвигаться в пространстве, а, значит, насколько мобильно и комфортно он себя будет чувствовать и насколько доступной ему будет окружающая среда.

Заключение. Представленная методика позволяет осуществить структурирование и обработку большого количества персонифицированной информации, которая с трудом поддается интерпретации. Поэтому в процессе подготовки анкеты было произведено множество частных классификаций, которые легли в основу анкетирования. По мнению авторов, несмотря на свою направленность на решение конкретных задач данная методика демонстрирует возможность проведения подобного исследования в областях, связанных с определением потребностей людей и уровня комфортности среды.

Библиографический список

1. *Адлер Ю.П., Маркова Е.В., Грановский Ю.В.* Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий. – М., 1976.

2. *Чалдини Роберт.* Психология влияния. – 5-е издание. – СПб.: Питер, 2013.

3. *Katrin Dziekan, Veronique Riedel, Stephanie Müller, Michael Abraham, Stefanie Kettner, Stephan Daubitz.* Evaluation matters. A practitioners' guide to sound evaluation for urban mobility measures. – Waxmann, 2013.

4. *Tuuli Rantala, Pasi Metsäpuro, Terhi Luukkonen, Kaisa Karhula, Kalle Vaismaa & Jorma Mäntynen.* Vtality from walking and cycling. Tampere University of Technology, Transport Research Centre Verne. – Tampere, 2014.

Мартынов В.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 76:004.9
ББК 85.15

ИННОВАЦИОНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВО ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ

Аннотация. В статье анализируется художественный потенциал технологий печатной графики. В настоящее время искусство печатной графики признано самым актуальным из изобразительных искусств и является наиболее доступным широким слоям общества. Оно интегрировано в медийное пространство и интернет. В искусстве печатной графики обнажена прямая связь между техникой и стилистикой.

Ключевые слова: печатная графика; технологии печати; цифровая печать.

Несмотря на богатую историю и разнообразие техник, искусство печатной графики второй половины XX в. – начала XXI в. отмечено бурным развитием и появлением новых технологий печати. Абсолютным лидером стали цифровые технологии, поначалу встреченные большим скепсисом искусствоведов и музейных работников.

Цифровые технологии вобрали в себя весь предыдущий опыт искусства печатной графики и развили его, предложив качественно новый результат. Цифровая печать появилась в 1980-х гг. в Америке.

Одним из первых принтеров был Iris выпущенный Iris Graphics в 1985 г., который впервые был использован в виде устройства для создания художественных репродукций на различных материалах, включая бумагу, холст, шелк, лен и другие текстильные изделия.

К преимуществам цифровых технологий печати можно отнести: наличие относительно небольших площадей и бытовой электросети для устройства подобного производства, возможность печати коротких тиражей без больших затрат на предпечатную подготовку и то, что высокая скорость печати позволяет практически сразу получить готовый тираж.

Также преимуществом является возможность печатать не только на бумаге и текстиле, но и на различных материалах, таких как штукатурка, металл, дерево, стекло и т.д. Нет необходимости вручную изготавливать сменные печатные формы. Стоимость одного отпечатка не зависит от тиража.

С конца 90-х годов XX в. крупнейшие музеи мира начинают формировать коллекции цифровой печатной графики, разрабатывая классификацию и систематизацию образцов нового искусства.

В марте 2001 г. в Музее американского искусства Уитни состоялась выставка, посвященная изучению важности цифровых технологий в американском искусстве. Это было первое мероприятие, сосредоточившее внимание на влиянии цифровых технологий, включавшее в себя экспозицию из нескольких цифровых отпечатков.

Спустя три месяца, в апреле 2001 г., в Бруклинском музее открылась выставка «Современная цифровая печать» для изучения синтеза цифровых

вычислительных технологий и процессов печати. Выставка включала 84 работы, напечатанных традиционно, но отредактированных или полностью созданных на компьютере.

В настоящее время такие музеи, как Лувр, Музей Орсэ, Эрмитаж, Национальная галерея и Библиотека Конгресса, создают копии наиболее важных произведений искусства из своих коллекций, используя технологии художественной цифровой печати.

Цифровые технологии печатной графики чрезвычайно пластичны к адаптации традиционных методов печати. Они способны интегрировать теоретически любой предыдущий опыт печатной графики. Это дало неограниченные возможности для художников в их художественной практике, что, в свою очередь, поставило вопрос определения границ в конкретном индивидуальном искусстве (эстетических, этических, пластических и технологических).

Инновационные технологии постоянно совершенствуют искусство цифровой печати. Это не только появление нового оборудования и материалов, но и разработка программного обеспечения. Нередко этому способствует совместная работа с профессиональными художниками, предлагающими новые концепции, часто парадоксальные способы творчества.

Поменялось равновесие между ремесленным ручным трудом и интеллектуальной составляющей. Доминирует художественная концепция, концепция предложения новой пластической идеи. Это породило новую визуальную культуру и историю, вопросы художественной и творческой идентификации.

Художник все чаще использует возможности робототехники или станки числового программного управления, обращается к возможностям современного индустриального производства основанного на инновационных технологиях. Возникают вопросы художественной, творческой и авторской идентификации. Эти вопросы решаются усовершенствованием договорных условий между художником, галереями и коллекционерами. Развиваются вопросы авторского права, требования к долговечности новых материалов, условиям экспонирования и хранения.

Современные художественные концепции свободно совмещают такие инновационные технологии, как резьба струей воды, лазерная резка, фреза с цифровым программным управлением, новейшие программные пакеты со всем арсеналом традиционной гравюры.

Используя эти возможности, можно создавать гравюры любого разумного размера, соединяя ранее несоединимые техники печати, например создавать факсимильные копии сграффито, используя цифровую печать по штукатурке.

Возможности, предлагаемые новыми красками (голографической или флюоресцирующей; изменяющими свой цвет при изменении температуры), используются современными художниками.

Уместно привести пример современного австралийского художника Стеларка. Он использовал медицинские инструменты, протезы, робототехнические устройства, системы виртуальной реальности, Интернет и биотехнологии для изучения альтернативных интерфейсов с телом. В 1980 г. создал третью механическую руку, прикрепленную к правой руке и управляемую сигналами мышц ног и живота, которую использовал в своих художественных

перформансах и для рисования. Это не единственный пример современных художественных концепций, обращенных к самым новым достижениям науки и техники.

В последнее время активно разрабатываются технологии трехмерного сканирования, моделирования и 3D печати. Программное обеспечение позволяет инвертировать 3D в 2D и наоборот. Радикально меняется подход к концепциям презентации и экспозиции в выставочном пространстве.

Если традиционная экспозиция подразумевала классическую развеску на стены, то сейчас гравюра может быть расположена и на потолке, и на полу, формируя пространственную инсталляцию. Возможность печати гравюры на прозрачных материалах позволяет усложнять трактовку пространственно-плоскостных образов художественных инсталляций. Проходя через такую инсталляцию, зритель оказывается и внутри и снаружи. Компьютерные технологии позволяют переводить классическую статичную гравюру в мультимедийное и интерактивное состояние. Все это является арсеналом в концептуальном творчестве современного художника, позволяющем свободно достигать желаемых решений.

Свободный доступ к интернет-ресурсам открывает безграничные возможности мировой библиотеке. Целевые социальные сети расширяют профессиональный диалог и интерактивную рефлексию. Это кардинально новая концепция художественного творчества. Цифровые технологии печати стали неотъемлемой частью истории искусства печатной графики. Сами цифровые технологии и повсеместное пользование сотовыми телефонами, планшетами и ноутбуками способствует вовлечению в сотворчество всех социальных групп.

Курилов В.Н.
kuri_love@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК:75.04(571.14)
ББК: 85.147.6(2Рос-4Рос)

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ НОВОСИБИРСКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ. ПРЕДТЕЧА

Аннотация. В статье изложены результаты исследования значения первого объекта городского архитектурного пейзажа города Новосибирска – железнодорожного моста через реку Обь (1897 г.) в творчестве профессиональных деятелей изобразительного искусства и архитектуры в период с 1893 по 2015 г. Рассмотрены обстоятельства интереса к этому объекту в разные сменяющиеся эпохи. Это вторая из серии статей на тему: Архитектурный пейзаж Новосибирска в изобразительном искусстве.

Ключевые слова: городской пейзаж Новосибирска; изобразительное искусство; живопись; графика; архитектурный ландшафт; архитектура Новосибирска; стили в живописи; стили архитектуры; железнодорожный мост; Транссибирская магистраль.

1. Введение. Объекты городского пейзажа Новосибирска были отражены в изобразительном искусстве, когда самого городского пейзажа, то есть города как такового еще не существовало. В этом месте, обделенном полезными ископаемыми и другими особыми притягательными свойствами, большого населенного пункта не было даже в проекте. Возводя данный объект, авторы проекта и предположить не могли, что через очень короткое время здесь вырастет полноценный город, а через столетие он станет третьим по населению в России.

Сооружение, о котором идет речь и которое дало первые предпосылки возникновения мегаполиса, – железнодорожный мост через реку Обь. Являясь одним из огромного числа инженерных сооружений Транссибирской магистрали, именно оно стало в ряду первых символов Новосибирска, к которому часто обращаются в своих произведениях деятели изобразительного искусства и по сей день.

Хронологические рамки появления объекта исследования охватывают небольшой период конца XIX в., когда поселение описываемых мест не имело статуса города.

2. Предыстория. Несмотря на молодость города Новосибирска, точный день его рождения так и не могут определить. По всей видимости, администрации разных уровней считают датой возникновения города закладку железнодорожного моста через реку Обь 20 июля 1893 г. Этой датой мы его и отмечаем. «Новосибирск зародился в 1893 г. в связи со строительством Транссиба. Стихийно возникшие поселки строителей на правом берегу Оби слились в один, названный в ноябре 1894 г. в честь императора Александра III Александровским. 17 февраля 1898 г. по ходатайству жителей поселение переименовано в поселок Новониколаевский» **[4, с. 495]**.

Однако документов, утверждающих эту дату в административном порядке, до сих пор не существует. А во множестве солидных изданий с фамилиями авторитетных ученых день закладки моста как будто совпадает, только годы разные. 1893 годом закладка моста отмечена в книге С.Н. Баландина «Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг.» **[1, с. 7]**.

В изданной в 1924 г. в Новониколаевске книге «Вся Сибирь» приводится дата закладки железнодорожного моста – 1893 г. Эта же дата – в «Спутнике пассажира», книге «Весь Новосибирск».

Закладку железнодорожного моста 1893 годом датируют также: энциклопедия Брокгауза и Эфрона, Большая, Малая и Сибирская советские энциклопедии. Новониколаевским городским общественным управлением в 1914 г. был изготовлен и издан альбом «Виды города Новониколаевска 1895–1913 гг.», который хранится в Новосибирской государственной областной научной библиотеке и Новосибирском государственном краеведческом музее. В альбоме в описании истории города Новониколаевска Томской губернии говорится: «Всего 20 лет назад в том месте, где теперь возник город, насчитывающий десятки тысяч жителей, рос сосновый бор. Но вот в 1893 г. Великий Северный железнодорожный путь перерезал величайшую сибирскую реку Обь, и с этого момента в узле пересечения зародилась новая жизнь» **[2, с. 3]**. Это первая ссылка на дату возникновения города.

1894 годом то же событие (закладку моста) датируют следующие издания: «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год» (Томск, 1895, с. 317). Там сообщается: «В конечном пункте участка в с. Кривощекове на берегу Оби приступлено к постройке постоянного на кессонных основаниях моста через реку Обь. Торжественная закладка этого сооружения была произведена 20 июля 1894 г.».

Эта же дата указывается в адресно-справочной книге «Весь Новониколаевск на 1924–1925 гг.», изданная сибирским отделением Российского телеграфного агентства. Книга открывалась историческим очерком о Новониколаевске. На странице 5 первого раздела говорится: «20 июля 1894 г. состоялась торжественная закладка моста, а на месте ст. Новониколаевск-I началась расчистка площади под станционные пути и постройку станции Обь». Дата имеется, но нет ссылки на источник. «После долгих поисков, просмотра большого количества литературы наконец найдено сообщение о точной дате закладки моста – в газете «Томский справочный листок», которая начала выходить во второй половине 1894 г. Ее редактором-издателем был П.И. Макушин, книготорговец.

В седьмом номере газеты за 9 июля дана небольшая заметка «Закладка моста через Обь». В ней говорится: «Мы сообщали, что 22 июля, после торжественного молебствия в Кривощековской состоится закладка моста через Обь. На торжество это, кроме начальника работ по постройке Средне-Сибирской железной дороги, выедут начальник губернии и другие приглашенные лица».

В пятнадцатом номере за 19 июля еще заметка: «Торжество закладки моста через Обь. В воскресенье, 17 июля, на пароходе «Николай» выехали в с. Кривощеково на торжество закладки моста через Обь начальник губернии Г.А. Тобинез, начальник управления работами по постройке Средне-Сибирской железной дороги инженер Н.И. Меженинов и управляющий Контр. Палатой М.К. Шпейр. Закладка моста состоится 20 июля. К этому дню на торжество ожидается из Петербурга помощник управления по постройке Сибирской железной дороги Соколов»... Вот заметка из местной хроники: «Вчера, вечером прибыли в Томск из Кривощеково г. начальник губернии и др. лица, ездившие на закладку железнодорожного моста». Указывается точная дата основания Новосибирска (бывшего Новониколаевска) – 20 июля (1 августа) 1894 г. И еще одно подтверждение – из иркутской газеты «Восточное обозрение» **[7, с. 45]**.

В истории Новосибирска много разночтений. Если б только в истории!.. Если б только Новосибирска!.. Но у нас совершенно другая тема…

А что это было за место до начала возведения моста? «Первое появление русских служилых людей в районе расположения современного Новосибирска относится к 1598 г. и связано с походом отряда (около 400 человек) тарских служилых людей во главе с воеводой А. Воейковым для окончательного разгрома хана Кучума. 20 августа около устья реки Ирмень началось решающее сражение. Небольшой части татар удалось вырваться из окружения и они побежали вниз по течению Оби и были окончательно уничтожены в районе, где стоит сейчас плотина Новосибирской ГЭС…

В 1703 г. Алексей Кругликов, сын шляхтича Мстиславского повета, попавшего в плен к запорожцам в 1654 г. и принявшего православие, сооружает Умревинский острог. Между 1701–1710 гг. возникает Бердский острог, в 1713 г. томский дворянин Д. Лаврентьев в шести верстах от реки Чаус поставил Чаусский острог. Под охраной трех оборонительных сооружений начинается крестьянская колонизация верхнего Приобья. В первой половине XVIII в. на территории современного Новосибирска возникли деревни Кривощеково, Верх-Чемская, Нижне-Чемская, Верткова, Ерестная, Бугринская на левом берегу Оби и Усть-Инская и Ельцовская – на правом.

В 1793 г. они вошли в состав Кривощековской волости. В первой половине XVIII в. через территорию будущей Новосибирской области прошел Московско-Сибирский тракт, который в районе Чаусского острога пересекал реку Обь и уходил на Томск. От этой основной сухопутной транспортной магистрали у Чаусского острога начинался тракт на Барнаул, который проходил по левому берегу Оби, а у деревни Верние Чемы был налажен перевоз в село Бердское, возникшее на месте острога **[5, с. 10–11]**.

3. Мост. На его строительство потребовалось 4 года. «27–31 марта 1897 г. были проведены «всесторонние» испытания, а 5 апреля открыто «правильное» движение через мост» **[8, с. 41]**. «Первым значительным сооружением города и первым его памятником по праву считается построенный по проекту известного русского инженера профессора Н.А. Белелюбского железнодорожный мост через Обь. Возведенный в 1893–1896 гг. мост имел семь пролетов и стал третьим по счету консольно-балочным мостом в России» **[9, с. 12]**.

«В 1895 г. в столичном Санкт-Петербурге вышла книга «Мост через реку Обь» инженеров Белелюбского и Богуславского — авторов проекта моста. В этом «первом городском фотоальбоме» были «виды» (фотографии) моста, а также поселения «при нем». На первый свой фотоальбом город не затратил ни копейки. Так же, как и ни на одну из выпущенных открыток с «видами» города» **[6, с. 32]**.

Когда мост еще находился в процессе строительства, возникли планы запечатлеть его в масштабных произведениях искусства в числе других значимых объектов Транссиба. В 1894 г. Комитет по сооружению Сибирской железной дороги заказал Павлу Яковлевичу Пясецкому панораму строящегося Транссиба. Пясецкий закончил медицинский факультет Московского университета.

В 1871 г. получил степень доктора медицины за диссертацию «О возрождении эпителия». После защиты диссертации Пясецкий переехал в Санкт-Петербург, где служил в главном военно-медицинском управлении, в свободное время посещая мастерскую художника П.П. Чистякова в Императорской Академии художеств в качестве вольнослушателя. Ко времени получения заказа Павел

Яковлевич был известен тем, что из своих путешествий привозил движущиеся панорамы тех местностей, которые посещал. Путевые акварели П.Я. Пясецкий наклеивал на длинную полосу холста в том порядке, в каком проходил маршрут его поездки, и демонстрировал панорамы публике в виде непрерывной, движущейся ленты *(рис. 1)*.

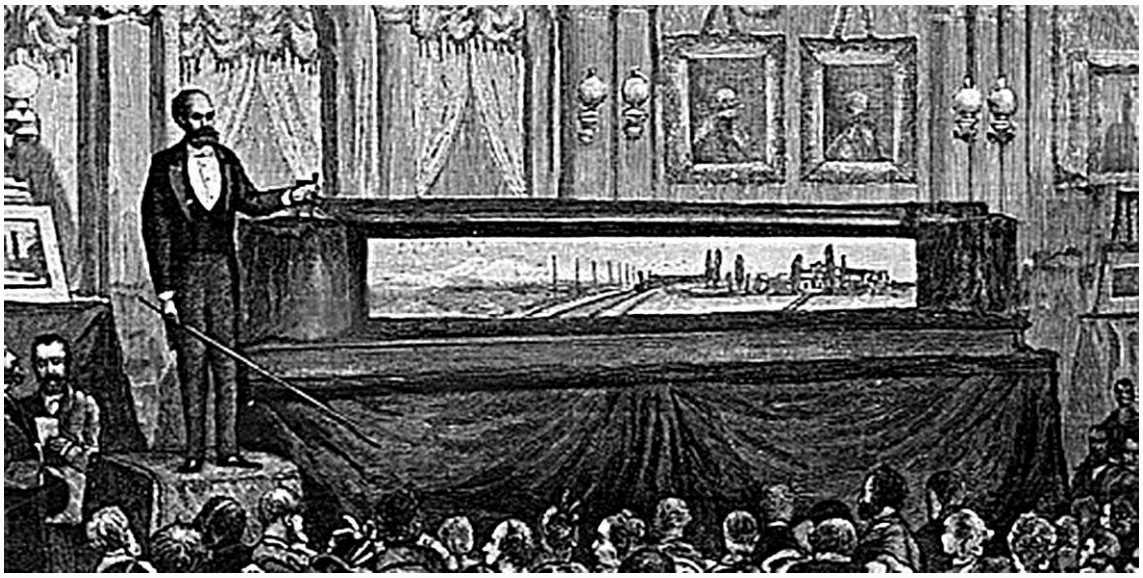


***Рис. 1**. Пясецкий демонстрирует панораму (Нива. 1895. № 3)*

В 1895 г. художник полностью изготовил картину-панораму длиной 250 аршин от Самары до Каинска (ныне город Куйбышев Новосибирской области). К качеству работы железнодорожники претензий не имели, но цена в 18 тыс. 500 руб. показалось руководству Управления слишком высокой. Решили нового договора не заключать, работу над картиной свернуть, ограничиться тем, что есть, а с выплатой всей суммы вышла заминка.

Однако картину-панораму увидел председатель Комитета по сооружению Сибирской железной дороги император Николай II. Ему она очень понравилась, и он пожелал, чтобы работа была непременно продолжена. Последовало Высочайшее распоряжение министру путей сообщения и министру финансов о выделении денег на картину. Это совпало с известием, что в апреле 1900 г. в Париже откроется Всемирная выставка, и в ноябре 1895 года Россия заявила об участии в этой выставке. Император пожелал, чтобы там демонстрировалась картина-панорама.

Картина «Великий Сибирский путь» имела огромный успех на выставке в Париже. Члены жюри отметили ее Большой золотой медалью, Пясецкий был награжден французским орденом Почетного легиона. В России Павла Яковлевича также не обошли почестями. Создание полотна обошлось для казны в 59 тыс. руб. Панорама была размером в 1285 аршин (914 м). Сегодня она находится на хранении в Государственном Эрмитаже г. Санкт-Петербурга. В наше время уменьшенную копию панорамы можно увидеть в Музее истории Западно-Сибирской железной дороги г. Новосибирска. Панорама включает интересующие нас места – мост через реку Обь и станцию «Обь» *(рис. 2)*.

На этих фрагментах еще ничего не предвещает скорого появления крупного города, здесь показаны только бескрайние заболоченные просторы Приобья, пересекающая их магистраль да крохотное деревянное здание станции. Однако уже появление моста среди диких степей сыграло значительную роль. «Олицетворяя идею прогресса, победу техники над природой, мост совершил визуальную революцию восприятия сибирского ландшафта.

Этот эффект можно сравнить с теми изменениями, которые вызвало сооружение Эйфелевой башни в Париже. Трансформация визуального восприятия, обусловленная строительством железнодорожных мостов, эстетически была осмыслена намного позже основоположником конструктивизма в русском искусстве В.Е. Татлиным(1885–1953) в его всемирно известном памятнике Третьему интернационалу (1919–1920)» **[9, с. 14]**.

Рис. 2. *П.Я. Пясецкий (1843–1919). Мост через реку Обь. Фрагмент панорамы «Великий Сибирский путь». 1890-е гг. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург*

О создании инфраструктуры для возведения моста и самой железной дороги в то время, вероятно, особенно не заботились. Будущий первый староста поселения И.Г. Титляков свидетельствует, что первоначально «народы, стекавшиеся на постройку дороги, не имели никакого пристанища, железнодорожные бараки и помещения не давали возможности разместиться всем работающим на дороге людям и, кроме того, неудобство приготовления пищи более всего отражалось на рабочем элементе. Ввиду подобных неудобств масса рабочих, складываясь по нескольку семейств, старались каждый построить какой-нибудь барак или хату. Строились бесконтрольно, кто где вздумал…» **[1, с. 15]**.

Любопытно, что некоторые черты этой «бесконтрольности» как будто закрепились как «стиль города» и характерны для современной застройки. Поселок строителей моста и станции достаточно быстро рос, но еще долгое время оставался захудалым местом, «нахаловкой». На «стройки века» художники в то время не выезжали бригадами. И даже отдельных творческих личностей эти стройки не интересовали. По этой причине еще долгое время после Пясецкого не появится каких-либо произведений изобразительного искусства, отобразивших интересующее нас место.

Тем временем «это место» как перчатки меняет свое имя и статус: 1893 г. – «Кривощековский выселок» или «Новая деревня»; лето 1893 г. – образование «Вокзального поселка» у станции Обь; май-июнь 1894 г. – возникновение «Нового

поселка» у реки Каменки; ноябрь 1894 г. – поселки объединяются и называются поселком «Обским»: в том же ноябре 1894 г. – поселок назван «Александровским»; 17 февраля 1898 г. – поселок переименован в Новониколаевский (впервые это название упоминается 3 декабря 1895 г.); 28 декабря 1903 г. – поселок возведен в степень безуездного города с названием Ново-Николаевск; 11 декабря 1908 г. – город получил права городового положения в полном объеме; 17 апреля 1917 г. – 15 августа 1925 г. – центр Новониколаевского уезда; 14 декабря 1919 г. – 9 января 1920 г. – центр Новониколаевского ревкома; 23 декабря 1919 г. – 14 марта 1920 г. – центр Томской губернии; 26 декабря 1919 г. – 27 апреля 1920 г. – центр губревкома; 13 июня 1921 г. – 25 мая 1925 г. – центр Новониколаевской губернии; 23 июня 1921 г. – 9 декабря 1925 г. – центр Сибревкома; 25 мая 1925 г. – 30 июля 1930 г. – центр Сибирского края; 8 декабря 1925 г. – город переименован в **Новосибирск** (12 февраля 1926 г. это решение утвердил ЦИК СССР).

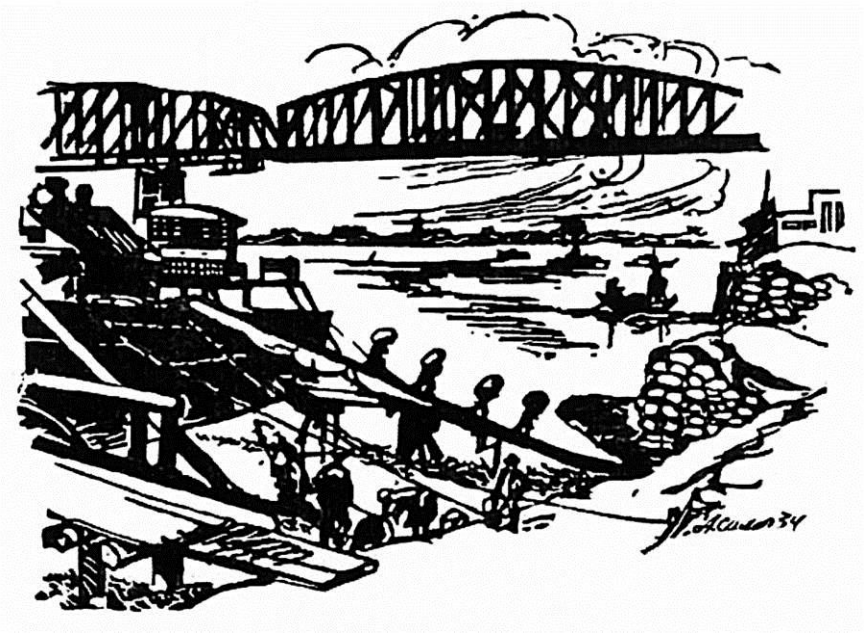


Рис. 3. *А.Д. Силич. Погрузочные работы (Советская Сибирь. 1934. 26 августа)*

С изменением в 1921 г. статуса Новониколаевска здесь появляется множество периодических печатных изданий, что потребовало создания иллюстраций для них. Именно благодаря этим изданиям до нас дошли некоторые образцы изобразительного искусства той эпохи, так как оригиналы в большинстве рассеялись и утрачены. Более всего сохранилось графических работ А.Д. Силича (1901–1945) **[10]**. Он особенно интересен в нашем исследовании, так как много изображал городской пейзаж Новосибирска в своих рисунках для газет и журналов, но, кроме этого, делал натурные зарисовки и акварельные этюды, которые носят более документальный характер. Сохранился сюжетный рисунок тушью А.Д. Силича под названием «Погрузочные работы». Действие происходит на фоне железнодорожного моста через Обь. Мост здесь, пожалуй, главный действующий персонаж, а фигуры грузчиков достаточно мелки и ничтожны рядом с этим внушительным сооружением. Мост прописан весьма натуралистично, узнаваемы его конструктивные особенности в виде консольных выносов за пределы каменных опор и характерный рисунок ферм *(рис. 3)*.

В аналогичной технике, рисунок пером и тушью, выполнен графический лист Херлуфа Битструпа. Это один из рисунков серии «Nowosibirsk», выполненных широко известным в нашей стране датским художником во время одной из его поездок по СССР в 1950–60-е гг. Берега Оби, прилегающие к мосту, еще не освоены и не благоустроены. По ориентации ледорезов на опорах моста видно, что художник расположился на правом берегу. Здесь много рыбаков, стоящих прямо в воде или удящих с лодок. Большое количество любителей рыбной ловли говорит о том, что рыбы здесь в то время водилось в достатке и была она непуганой. Набережной еще не существовало. А противоположный левый берег и вовсе выглядит диким. Глядя на этот рисунок, невозможно предположить, что вокруг моста расположен город, население которого приближается к миллионному *(рис. 4)*.

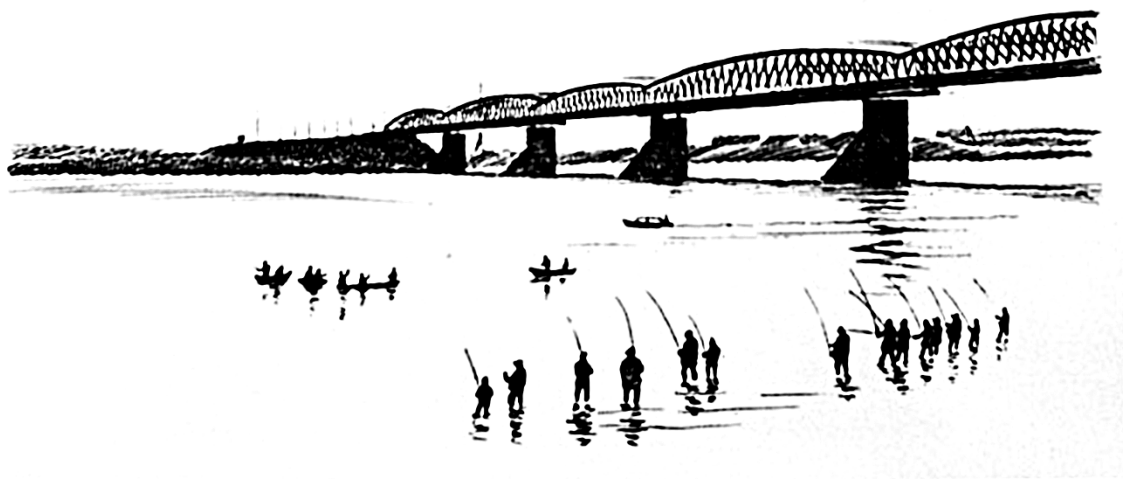


Рис. 4. *Х. Битструп (1912–1988). Рисунок из серии «Новосибирск», 1950-е гг.*

Мост как самоценный «персонаж» картины никогда не интересовал Н.Д. Грицюка, хотя этот художник, как никакой другой, казалось, не пропустил ни одного хоть сколько-нибудь примечательного места городского пейзажа. И не только примечательные места города привлекали внимание этого мастера акварели, но и совсем обыденные и, на первый взгляд, проходные. А вот первый железнодорожный мост, все же попавший на несколько его работ, никогда не был там акцентом, но становился деталью второстепенной, которой, если уж быть до конца честным, невозможно избежать. Художник как бы говорит нам: да, этот объект существует, но не несет в себе ценных эстетических качеств и не достоин нашего особого внимания к нему. Наполненная ярким солнечным светом, брызгающая контрастными цветами в прозрачную глубину нежно-розового пространства, акварель «Пляж» захватывает ощущением восторга безмятежного летнего отдыха, теплом прогретого песка, желанием отстраниться от серого беспокойного города. На ней присутствуют и город, и железнодорожный мост, но лишь условным, схематичным фоном *(рис. 5)*.

На акварели Грицюка 1959 г. «Вид с левого берега», вероятно созданной примерно в то же время, что и рисунок Битструпа, и так же, как у последнего, перед нами предстает необжитой левый берег Оби в окрестностях моста. Одинокие деревянные домишки, как будто забытые со времени села Кривощеково.

Весь город расположен на правобережье. В центре – доминанта купола оперного театра, а вокруг него достаточно регулярная равноэтажная застройка, подчеркивающая ширь, равнинность и простор. Вдоль реки вполне узнаваем Речной порт и Дом грузчика на Фабричной. Мост, разумеется, выделен цветом и тоном, как и вся левая береговая линия, но это сделано для того, чтобы передать глубину пространства картины *(рис. 6)*. Совершенно иначе решена более ранняя акварель «Дом с башенкой у Оби», композицией и настроением напоминающая пейзажи Ж. Калло или немецких романтиков XIX в. *(рис. 7)*.

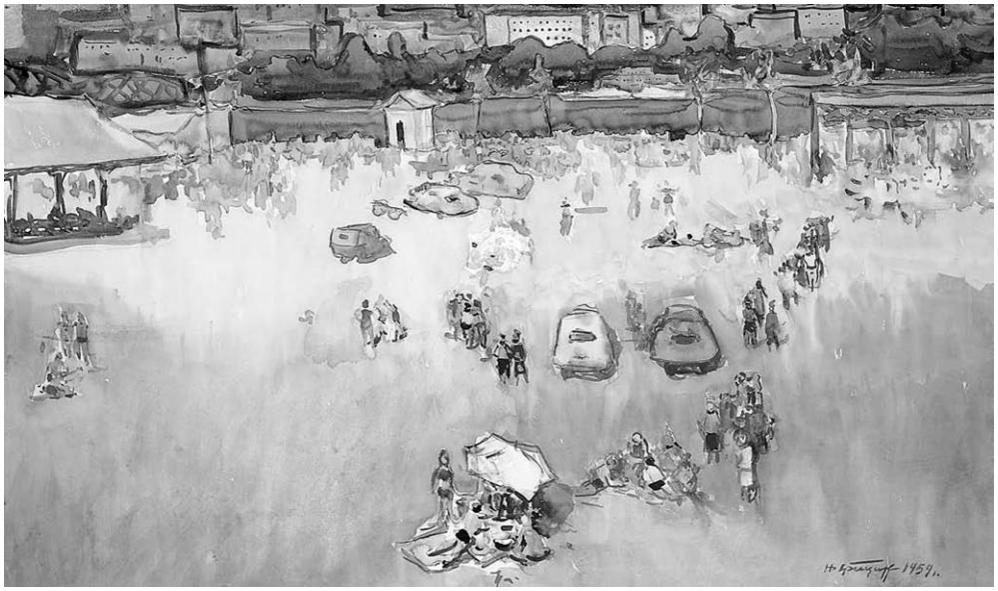


Рис. 5. *Н.Д. Грицюк (1922–1976). Пляж. Акварель. 1959 г.*

Рис. 6. *Н.Д. Грицюк. Вид с левого берега. 1959 г.*

Рис. 7. *Н.Д. Грицюк. Дом с башенкой на Оби. 1955 г.*

Главным героем мост является и на картине А.Н. Никольского «Чайки над Обью» 1972 г. Но, в отличие от Силича, Никольского уже не заботят ни правильный силуэт ферм, ни оригинальность конструкции. Мост для него – символ. Символ мощи, непоколебимости, устойчивости. Здесь стихия природы столкнулась с упрямством человеческого творения и уступила. Стала мягкой, прозрачной, текучей, но, как и прежде, холодной, никогда не сдающейся. Документальность в передаче конструкции моста здесь, пожалуй, помешала бы авторской задаче. Консольные выносы ферм реального моста вызывают ощущение ненадежности конструкции. А то, что часть ферм опирается не на каменные опоры моста, а как бы парят в воздухе, едва касаясь консолей, и вовсе создает ощущение эфемерности. У Никольского же жесткая статика подчеркнута строгой параллельностью горизонтальных балок моста и ограждения набережной краям подрамника. Все застыло, и чайкам, кажется, уже не сдвинуться с места *(рис. 8)*.

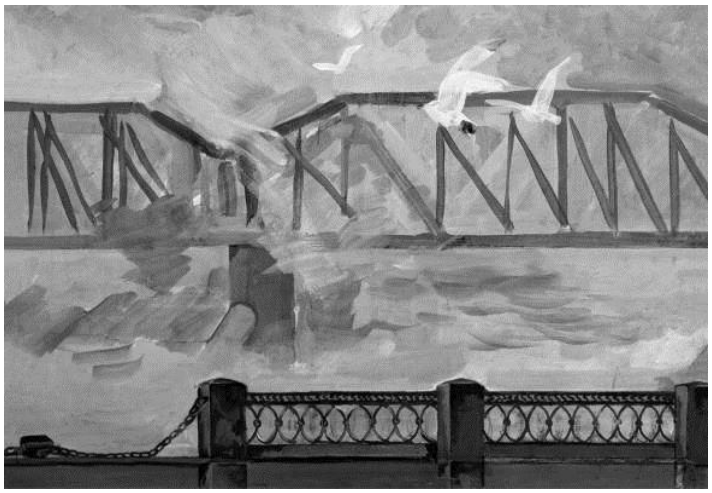


Рис. 8. *А.Н. Никольский (р. 1933). Чайки над Обью. 1972 г. Новосибирский государственный художественный музей*

Судя по каталогам выставок тех лет, в 1960–70-е гг. художники Новосибирска были увлечены темой ленинианы. Популярна она была не только у художников, да и не только в Новосибирске.

В 1970 г. весь Советский Союз «трудовыми свершениями» отмечал столетие со дня рождения В.И. Ленина. Вероятно, к этой дате крупные госучреждения заказывали известным художникам через Художественный фонд СССР портреты Владимира Ильича. А если и не заказывали, то сообразительные художники по собственной инициативе писали такие портреты, так как этому событию предшествовало огромное количество выставок самого высокого уровня, на открытии которых непременно присутствовали самые ответственные высшие чины партии, государственных и хозяйственных организаций. Подобные картины было принято покупать прямо с выставок. И даже если картина не была выкуплена с выставки, труд художника не был напрасен, авторы награждались медалями, дипломами, почетными грамотами и другими видами поощрений.

Было принято отмечать конкретный вклад Ленина в развитие чего-либо. «История сохранила для нас немногочисленные свидетельства о первых годах города. И среди них письмо В.И. Ленина, который одним из первых наблюдал только что отстроенный мост и станцию Обь. Он был приговорен к ссылке на три года в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции по делу «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». В.И. Ленин получил разрешение следовать в ссылку не по этапу, а за свой счет по проходному свидетельству в распоряжение иркутского генерал-губернатора. В.И. Ленин поехал по железной дороге и прибыл 2 (14) марта 1897 г. на станцию Кривощеково за месяц до открытия движения по мосту и поэтому переправлялся через Обь не на поезде, а на лошадях. Из Кривощеково он проезжал по льду реки, затем по Сузунскому подъему (ныне улица Восход) и далее к станции Обь через мостик в устье речки Каменки.

В письме с пометкой «2-е марта. Станция “Обь”» к матери Марии Александровне Владимир Ильич сделал несколько кратких заметок о дороге и станции: «…Остановка здесь большая… Я переехал сейчас на лошадях через Обь и взял билеты до Красноярска… Переезд через Обь приходится делать на лошадях, потому что мост еще не готов окончательно, хотя уже возведен его остов. Ехать было недурно, но без теплого (или, вернее, теплейшего) платья удалось обойтись только благодаря кратковременности переезда: менее часа… Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1300 верст от Челябинска до Кривощекова, трое суток), поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо – так в течение всех трех дней…» **[1, с. 12–13; 3, с. 22–23]**.

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся два живописных полотна на эту тему. На обоих запечатлен описываемый выше момент пересечения В.И. Лениным реки Обь на санях. Картина П.Л. Поротникова несколько не соответствует документу, – Владимир Ильич здесь одет очень тепло. Зато в сюжете полотна большое внимание уделено строящемуся мосту. Здесь вовсю кипит работа, вокруг моста много лошадиных подвод, большая часть моста находится в лесах. Ленин сделал остановку и вместе со своим спутником вышел из саней. Взгляд будущего вождя обращен к мосту. Он серьезен. Смотрит похозяйски. Вероятно, его мысли направлены в светлое будущее этого места. Топографически санный путь через Обь на картине также не соответствует приведен-

ному выше описанию. Однако мы не должны забывать, что перед нами художественное произведение, а не документ *(рис. 9)*.

Рис. 9. *П.Л. Поротников (1922–1998). Ленин в Сибири. 1969 г. Собрание Новосибирского государственного краеведческого музея*

Рис. 10*. А.Л. Ганжинский (1922–1988). По дороге в ссылку. Переправа через Обь. 1977 г. Собрание Новосибирского государственного краеведческого музея*

Совершенно иначе решена композиция картины А.Л. Ганжинского «По дороге в ссылку. Переправа через Обь». Здесь чувствуется ледяной ветер на заснеженной Оби, а ссыльный одет совсем не по погоде и комфортным его положение не назовешь. Ленин и здесь пытается разглядеть строящейся мост, но в пурге тот

едва различим. На этом полотне больше рассказано о тяготах ссылки и неудобствах путешествия, чем о местных достопримечательностях. Розвальни с главным героем занимают большую часть картины, а железнодорожный мост едва намечен в правом верхнем углу *(рис. 6)*. Эта картина написана к другой дате – 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На обозначенный сюжет картины писали не только профессиональные художники, о чем свидетельствует одна из работ старшего техника проектного института «Сибгипротранс» Г.А. Фролова «На пути в ссылку» 1969 г. *(рис. 11)*.

Рис. 11. *Г.А. Фролов На пути в ссылку. 1969 г.*

Репродукция этой картины была обнаружена в Новосибирском государственном краеведческом музее в «Каталоге Областной выставки произведений самодеятельных художников, посвященной 100-летию В.И. Ленина», 1970 г. Каталог хорошо издан, с большим количеством репродукций и очень объемный. Качество представленных там работ весьма приличное. Это указывает на то, что в те годы значительное внимание и средства уделялись не только профессиональным художникам.

В 1932 г. в Новосибирске вступил в строй новый железнодорожный мост под названием Комсомольский. В какой-то степени монополия первого моста была утрачена, но, ввиду удаленности от центра города Комсомольского моста, художники его и вовсе не замечают. К тому же пассажирские поезда идут, как и прежде, по первому мосту. Постепенно он перестает быть одиноким монументом.

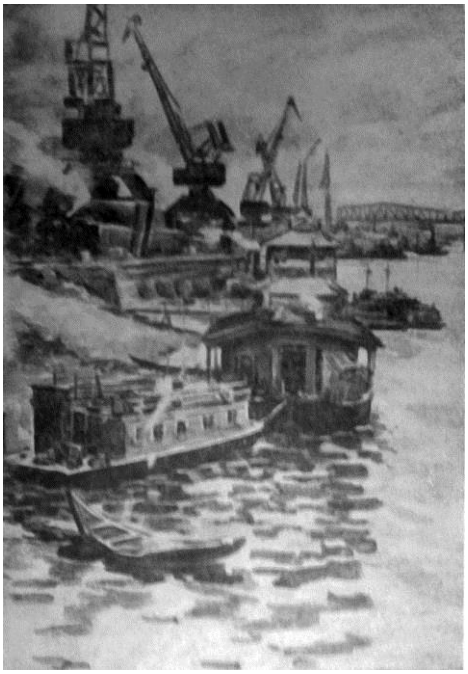


Рис. 12. *В.П. Коняшев (1925–?). Речной порт. Акварель. 1956 г.*

Совсем рядом разрастается Речной порт *(рис. 12)*, строится первая ТЭЦ, город приближается к мосту, а тот входит в его структуру *(рис. 13)*.

С 1950-х гг. городской пейзаж становится популярным жанром у новосибирских художников. А река еще раньше была излюбленной темой пейзажистов. Так или иначе, первый железнодорожный мост через Обь в разные годы отметился на полотнах многих художников. На картине И.В. Титкова изображено место впадения речки Каменки в Обь в 1970 г. *(рис. 15)*. Художнику интересен контраст индустриального пейзажа за мостом и все еще дикой природы на первом плане. Здесь даже в вечернее время много горожан, хотя набережная совершенно не благоустроена. В последующие годы эта местность будет претерпевать значительные метаморфозы, продолжающиеся до сих пор *(рис. 16)* и планируемые в будущем.

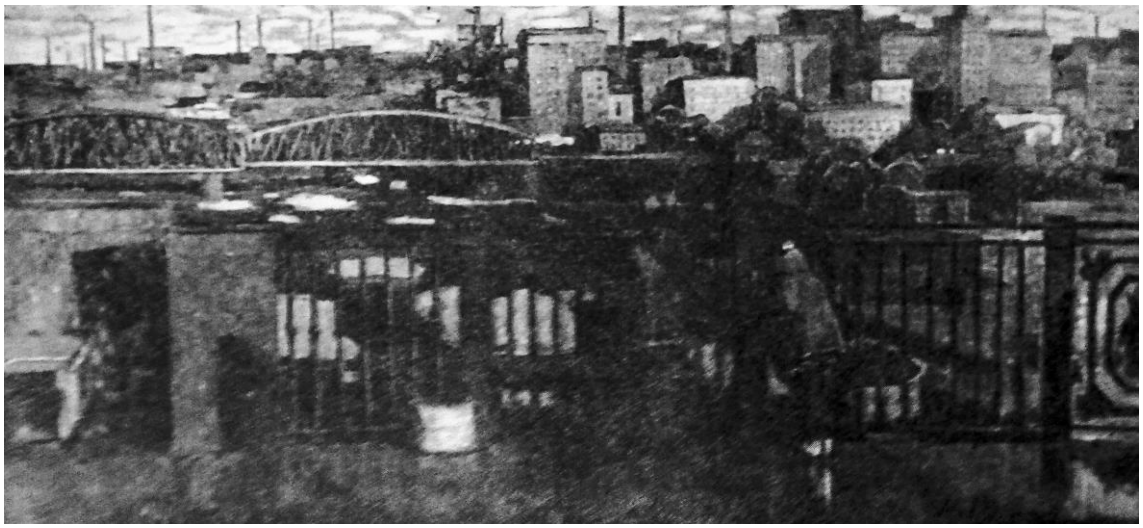


Рис. 13. *П.П. Давыдов (1924–1976). Большой город 1967 г.*

Рис. 14. *Г.М. Мирошниченко (1914–1989). Синяя Обь. 1980 г.*

В 1974 г. началось строительство опор третьего железнодорожного моста через Обь в непосредственной близости от первого и с использованием оснований опор первого моста, так как гарантированный срок службы этого моста заканчивался. Без малого через столетие, в 1991 г., движение по старому мосту было прекращено, а в 2000 г. мост был демонтирован.

Рис. 15. *И.В. Титков (1905–1993). Вечер на Оби. 1970 г.*

В память сооружения, с которого начал свой отсчет Новосибирск как крупный мегаполис, благодарные жители города решили воздвигнуть монумент первому мосту. Одну из пролетных ферм моста целиком водрузили тут же на набережной, в бывшем устье Каменки, назвав прилегающую территорию парком «Городское начало» *(рис. 16)*.

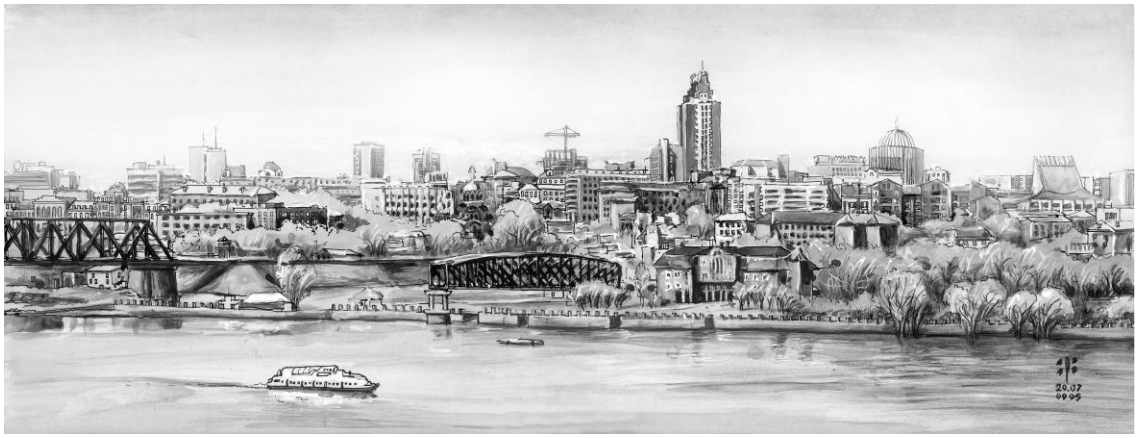


Рис. 16. *В.Н. Курилов. Панорама правобережья. Парк «Городское начало». 2005г.*

В 2012 г. перед монументом моста была установлена скульптура императора Александра III. Скульптор – народный художник РФ Салават Щербаков (Москва) *(рис. 17)*.

Рис. 17. *Скульптор С.А. Щербаков (р. 1955, Москва). Памятник императору Александру III в парке «Городское начало» на набережной Оби. 2012 г.*

Общая высота монумента – 13 м: постамент – 8 м (гранит); скульптура – 5 м (бронза). «Презентация памятника проведена с соблюдением всех правил шоу-бизнеса и привлекла более 5000 зрителей. Торжественная церемония открытия памятника Александру III дала старт празднованию 119-летия города Новосибирска (25.06.2012). Открытию памятника предшествовал трехчасовой симфонический концерт русских классиков под открытым небом. Церемония открытия проходила под музыку увертюры Петра Чайковского «1812 год» в исполнении Новосибирского академического симфонического оркестра, под залпы пушек, с фейерверками и световым шоу. Почетный гость церемонии – ни слова не говорящий по-русски праправнук императора Александра III, гражданин Дании Павел Куликовский» **[11]**.

Быстрая смена знаковых политических приоритетов и толерантное отношение городских властей и жителей города к монументам антагонистов одной жестокой эпохи вызвало появление ироничных графических работ в теме городского пейзажа 2012 г. *(рис. 18)*.

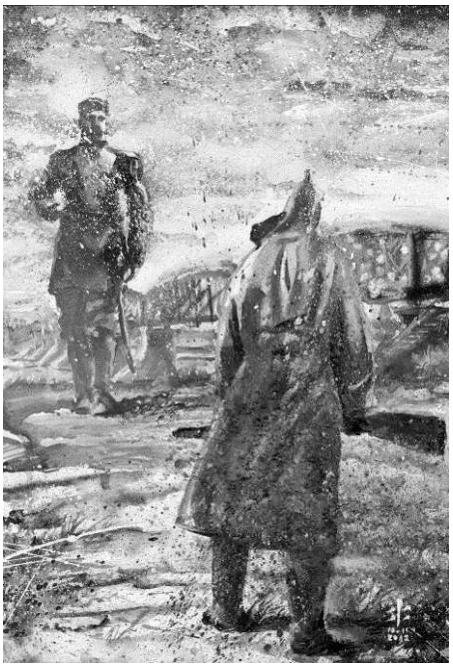


Рис. 18. *В.Н. Курилов. Восстание скульптур. 2012 г.*

Воссоздать полную картину отображения первого железнодорожного моста через Обь очень трудно. Многие произведения рассеяны по коллекциям или утрачены навсегда.

Автором этих строк была предпринята попытка воссоздания наиболее полного перечня работ в сфере изобразительного искусства на данную тему на основе реальных документов.

Таковыми являются сохранившиеся альбомы, книги, брошюры, каталоги выставок, афиши и др. К сожалению, в большинстве подобных изданий, особенно ранних, представлено только текстовое описание работ, да и не всегда полные каталожные данные о картинах.

Каких-либо изображений произведений часто не представлено. В этих случаях о сюжете картин можно догадываться только по названию. Тем более нали-

чие того или иного объекта в композиции произведения можно предположить с большой натяжкой. И тем не менее перечень этих работ будет здесь представлен, хотя бы для того, чтобы впоследствии, при получении более объективных данных, какие-то произведения исключить из этого списка.

Ситуация усугубляется еще и тем, что с незапамятных времен у художников и музейных работников существует стереотип в присвоении имен картинам. Над названиями голову особенно не ломают, отсюда у разных художников на протяжении нескольких столетий картины с одинаковыми названиями типа «Старое и новое», «Вечер», «Городской пейзаж» и др. Большой удачей считается появление в названии имени собственного, например «Обь».

Этот момент уже дает малую толику надежды, что в композиции может оказаться хотя бы фрагмент моста. Итак:

1. Каталог «Вторая краевая выставка. Живопись. Графика. Скульптура. Изосамо-деятельность». Новосибирск. 1934 г.

- *Аботин Я.Я.* Новосибирск. «Праздник на воде». Масло.

2. Каталог «Передвижная художественная выставка». Новосибирск. 1939 г.

- *Титков И.В.* «На Оби». Масло.

3. Каталог «5-я Новосибирская областная художественная выставка». Новосибирск. 1940 г.

- *Ликман Г.Г.* «Берег Оби. Этюд» Масло.

4. Каталог «Выставка “Сибирь – фронту”». Новосибирск. 1944 г.

- *Викулов В.И.* р. 1904. «Вид на Обь». 1943 г. Х., м. 70×102.
- *Кудрявцев Е.В.* р. 1903 г. «На Оби». 1943 г. К., м. 18×30.
- *Туркин А.А.* р. 1898 г. «Погрузка на Оби (Рыба и хлеб фронту)». 1943 г. Х., м. 130×200.
- *Бродская Д.В.* р. 1909 г. «На Оби». 1943 г. Б., акв. 28×41. «Вид на Обь». 1943 г. Б., акв. 30×43.
- *Силич А.Д.* «Обь». 1943 г. Б. акв. 39×50,5.

5. Каталог «Сибирская межобластная художественная выставка». Новосибирск, 1947 г.

- *Викулов В.И.* Ленинград. «Пейзаж со стороны Оби» (Новосибирск). Масло.
- *Тютиков И.И.* Новосибирск. «Панорама Новосибирска». Масло. «Новосибирск с левого берега Оби». Масло.

6. Каталог «6-я областная выставка живописи, графики, скульптуры». Новосибирск. 1948 г.

- *Бертик А.А.* 1908 г. Новосибирск. «На Оби». Этюд. Х., м. 100×70.
- *Косич М.Р.* 1914 г. Новосибирск. «Берег Оби». Этюд. К., м. 30×21.
- «Водная станция». Этюд. 30×21.
- *Мирошниченко Георгий Мартынович,* 1914. Новосибирск. «На Оби». Х., м. 53×33.

7. Каталог «Григорий Густавович Ликман» Каталог. Новосибирск. 1957 г.

- «Баржи на Оби». 1951 г. Х., м. 18×24.

8. Каталог «Юбилейная художественная выставка». Новосибирск. 1967 г.

- *Кузьмин А.В.* р. 1930 г. «На Оби». 1967. Х., м. 165×85.
- *Моисеев В.Г.* р. 1920 г. «Строительство набережной». Х., м. 63×83.
- *Полещук Н.Н.* р. 1929 г. «Речпорт Новосибирска». 1967. К., м. 38×35.

- *Гороховский Э.С.* р. 1929 г. «Мост». 1966 г. Б. литогр. 50×35.

Это далеко не полный перечень произведений, изображений которых не было обнаружено. На них, в силу хронологии их создания и судя по их названию, мог быть изображен первый железнодорожный мост.

4. Заключение. В виде монумента в парке «Городское начало» первый железнодорожный мост через Обь становится главным символом города, предопределившим его рождение. Первым из сооружений Новосибирска он попал в историю искусств, повлиял на конструктивистские и индустриальные тенденции развития искусства XX в., долгое время оставался ведущим персонажем в изобразительном искусстве художников Новосибирска и, по всей видимости, продолжит свое присутствие в нем и в будущем. Предпосылки для этого есть, так как, кроме символического фактурного знака, он является подлинником технического сооружения той эпохи и уже слегка затянулся романтическим муаром архаичности.

Библиографический список

1. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978.

2. Виды города Ново-Николаевска. 1895–1913. – Ново-Николаевск: Т-во Художественной Печати, 1914.

3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во политической лит., 1967. – Т. 55. – С. 22–23.

4. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. – Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2013. – 495 с.

5. *Лебедев Н.Н.* О дате основания Новосибирска. Советские архивы. – 1973. – №3. – URL: http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovan-novosibirsk (дата обращения: 24.11.2015).

6. История промышленности Новосибирска. Т. 1. Начало. (1893–1917). – Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2004.

7. *Кретинин А.Е.* «Новониколаевск – Новосибирск: одна судьба на двоих». – Новосибирск: «Советская Сибирь», 2010.

8. *Лебедев Н.Н.* О дате основания Новосибирска. Советские архивы. – 1973. – №3. – URL: http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovan-novosibirsk (дата обращения: 24.11.2015).

9. Магистраль. Начальники железных дорог Западной Сибири 1896–2006. – Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2006. – 41 с.

10. *Невзгодин И.В.* Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. – Новосибирск, 2013.

11. Сибирь в графике Александра Силича. Возвращение забытых имен / сост.: В.П. Капустин, Т.Н. Тарновская, Е.М. Щукина, вступ. ст. С.П. Голиковой. – Новосибирск: Белая стена, 2011. – 48 с.: ил.

12. Архитектура Новосибирска [Электронный ресурс]. – URL: http://nsk.novosibdom.ru/node/2969 (дата обращения: 24.11.2015).

Омбыш-Кузнецов М.С.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 75.021.322
ББК 85.1

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО АКВАРЕЛИСТА

Аннотация. В статье анализируется эмпирический опыт работы в технике акварели и творческий путь сибирского художника-акварелиста.

Ключевые слова: акварель; акварельные техники; М.С. Омбыш-Кузнецов.

Почему акварель? Наверное, потому, что это самый доступный и безобидный материал, которому родители доверяют своих малышей. Не скажу, что работать акварелью легко. Материал специфический, непредсказуемый. Возникает масса случайностей, которыми художник должен научиться руководить, чувствовать, где он – материал – должен быть прозрачным, где плотным, где должен затекать, а где красочный слой должен быть сухим. Слоев может быть несколько, что поможет создать необыкновенный колорит и что сложно сделать другими материалами. А какие можно придумать фактуры, ставя зрителя в тупик своей виртуозностью! Еще в школе, руководя изостудией, перепробовал различные способы наложения красок – заливки, оттиски, как в монотипии, набрызги, штамповки. Тогда появились акварельные мелки, придававшие изображению большую графичность. А жирные, восковые мелки, отталкивающие краску? А использование щетинистых кистей, растирающих поверхность бумаги до бархатистости? Когда-то, уже будучи взрослым, я удивил художественный совет натюрмортом с гусями, где гусиная кожа была сформирована оттиском микропористой подошвы домашних тапочек, что и придало даже некоторую натуралистичность. Можно вспомнить множество приемов, используемых художниками. Главное – зачем? Помогает ли это созданию неповторимого образа произведения?

В пионерские времена владение акварелью подтверждало уверенность в себе как художника. У нас, в зале изостудии, Михаил Павлович Гнусин, наш руководитель, повесил акварели Николая Демьяновича Грицюка, подаренные ему художником. Они удивляли нас сложным, напряженным звучанием цвета. В тот момент они быстро поставили нас на свое место, потому как такой силы из краски мы выжать не могли. Передо мной всегда был пример этого потрясающего художника, за спиной которого мне удавалось постоять, когда он писал этюды. Видимо, поэтому городской пейзаж стал для меня особенно близким и я поверил в чудодейственные возможности акварели, делая бесконечное количество этюдов, правда, в лесу. В городе стоять на улице я еще стеснялся. Иногда даже что-то получалось, и я сделал свою первую персональную выставку в кинотеатре «Пионер» и был даже отмечен прессой. Затем я сделал выставку в пионерском лагере «Артек», куда был отправлен делегатом Второго всесоюзного слета пионеров за успехи на всесоюзной выставке детского творчества.

В Артеке я писал современную архитектуру, кипарисы, море и своих товарищей по отряду. Мою выставку посмотрел советский классик Борис Неменский, приехавший в гости к пионерам, и дал мне много добрых советов,

которыми я пользуюсь до сих пор. В то же время я познакомился с молодыми московскими монументалистами, оформлявшими лагерь, они перевернули мои «левитановские» представления об искусстве, и четырнадцатилетний пацан вернулся из Артека настоящим формалистом, почитающим Кандинского и Малевича. Дома мой товарищ по изостудии будущий скульптор Александр Зражевский «грузил» меня знаниями об импрессионистах – слово, которое в художественных кругах того времени старались не употреблять.

Большая золотая медаль, полученная в Артеке, придала мне некоторую уверенность, и я начал обучение в классе художников-оформителей 74-й политехнической школы, где на один класс старше учился Виктор Бухаров – последовательный акварелист и неугомонный человек, с которым мы часто выходили на этюды, и, вообще, по сей день шагаем рядом по жизни уже многие годы. В школе вели занятия и принимали нас у себя в мастерских новосибирские художники Виктор Семенов и Игорь Наседкин. Учась в десятом классе, я лично познакомился, благодаря художнику Хаиму Аврутису, с Николаем Демьяновичем Грицюком. И после посещения его мастерской на меня нахлынула новая волна акварели. Я увидел в ней новые возможности и торопился использовать их в своих работах. Я стал заходить в его, Грицюка, мастерскую со своими новыми работами, ища поддержки этого мастера. А ему и не надо было много говорить, когда я ставил свои работы рядом с иконостасом его шедевров. Сразу многое становилось ясным. И возникал заряд какого-то «творческого зла», и хотелось сделать что-то сильное и новое.

Очень поддерживали меня Лев Серков, замечательный график и акварелист, и монументалисты Игорь Наседкин и Виктор Семенов, через несколько лет уехавший в Ленинград, где в его мастерской в Аптекарском переулке я часто останавливался, будучи в командировках. Главное, что они относились ко мне как к коллеге, несмотря на разницу в возрасте. И это общение было для меня настоящей профессиональной школой.

Уместно вспомнить и о художнике Викторе Климашине, репродукции индийского и китайского циклов которого я собирал по журналам «Огонек». Пластический язык его акварелей, его конкретика были мне очень близки. Я пытался ему подражать. Вот такое странное сочетание – Грицюк и Климашин – помогали мне создавать язык моих акварелей. А мировоззрение – это уже нечто иное, загадочное как у Павла Филонова.

Учеба в Сибстрине. Мой сосед по парте – будущий офортист Яков Яковлевич Яковлев. Летние обязательные практики – то Бухара, то Суздаль – подпитывали интерес к акварели. Позже, преподавая в Сибстрине, я возил студентов на акварельные практики в Таллинн, Ригу, Вильнюс, где акварель в то время процветала и к ней было трепетное отношение. В Таллинне, когда я писал этюд, кто-то тихонько подошел сзади и молча положил букетик цветов…

…Ну, и как тут не работать акварелью? На первых профессиональных выставках я начал участвовать акварелями.

На всесоюзных, а потом на всероссийских выставках акварели новосибирские художники начали участвовать, как теперь любят говорить, еще в прошлом веке. Тогда нам казалось, что мы такие смелые новаторы, но то, что мы считали серьезным достижением, стало обычной практикой. Задачи, которые стояли перед художниками, усложнялись в связи с раскрепощением всего изобразительного искусства, знакомством с мировой художественной культурой,

стремлением к повышенной образности. Чего только стоила прошедшая в Москве выставка американского художника Эндрю Уайета, выставки прибалтийских художников, которые быстрее входили в мировой художественный процесс, знакомились с современными тенденциями в акварельной живописи.

Акварель, основывающаяся на конкретном восприятии бытовых сюжетов, натюрмортов и пейзажей, постепенно обогащается новыми сюжетами, новыми выразительными средствами. Особую творческую активность и самые эмоциональные произведения представляли новосибирцы, впоследствии занявшие прочное место в советском изобразительном искусстве, – Николай Демьянович Грицюк – с иногда трагическими сюжетами, и Виктор Бухаров – с особой красочностью своих произведений.

Активно поддерживали своим творчеством акварель и старшее поколение новосибирских художников: А. Бертик, О. Гинзбург, Л. Огибенин, И. Попов, К. Тимофеева, И. Титков, А. Юзенас. Более молодые Л. Серков, И. Наседкин, А. Кузьмин, В. Николаев также внесли свой вклад в развитие новосибирской акварели.

Влияние новосибирской школы было столь сильно, что приехавший в Новосибирск уже сложившимся графиком Евгений Коньков активно вошел в среду акварелистов. Ростовчанин, некоторый период времени проживавший в Новосибирске, Игорь Курков, акварелист со стажем, тоже многое переосмыслил и перенял от новосибирской акварели.

Благодаря Грицюку новосибирская акварель в большей степени стала городским, индустриальным пейзажем. Наше поколение, воспитанное на творчестве Грицюка, начинало свой творческий путь с пейзажей города, индустриальных объектов. Речной порт был излюбленной темой многих начинающих художников. На берег Оби выходили многие – и В. Бухаров, и А. Беляев, и В. Иванкин. Чуть в стороне стоял со своей деревенской темой Ю. Третьяков, всегда неожиданным был А. Жуков. Оттолкнувшись от общих идей, все они разбрелись по своим жанрам, обогащая сюжетную линию, стремясь усилить эмоциональное воздействие своих работ, развивая свои творческие задачи.

Не будем сбрасывать со счетов и систему новосибирского образования: архитекторы – в акварель, худграф – в акварель, НГАХА отчасти тоже способствует акварели с их летними акварельными практиками.

Отметим одну любопытную деталь: практически все мэтры новосибирской акварели не получили систематического художественного образования, но испытывая магнетизм личности и творчества Грицюка и в силу своих творческих устремлений и своей творческой свободы, они создали свое «я», свою творческую индивидуальность, став заметным явлением среди акварелистов страны, да и зарубежья.

Сегодня на всероссийских художественных выставках акварели в Кургане появились и новые имена новосибирцев: М. Лямкин, Е. Шадрина, Н. Ожогина, И. Платунова и др. И наша сегодняшняя выставка не подводит итоги, а демонстрирует наши возможности, помогает определить свое место в «рабочем строю».

А вообще-то, я думаю, что бывших акварелистов не бывает. Художник есть художник. И есть запасы акварельной бумаги и акварельных красок…

Иванкин В.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 75.021.322
ББК 85.1

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕСОЮЗНЫХ АКВАРЕЛЬНЫХ ПЛЕНЭРОВ

Аннотация. В статье представлен фактический материал интервьюирования участников всесоюзных акварельных пленэров 1960-х гг. Рассматриваются особенности организации пленэров, их география и приемы работы с натурой.

Ключевые слова: акварель; акварельные пленэры; Союз художников СССР.

30 октября 2015 г. в залах Новосибирского государственного художественного музея состоялось открытие межрегиональной художественной выставки-конференции «Акварель. Традиции и современность». Основу экспозиции выставки составили современные и ретроспективные произведения участников всесоюзных и всероссийских выставок акварели.

Думается, что подобный проект уже давным-давно должен был появиться в Новосибирске – городе, где жил и работал «король акварели» Николай Демьянович Грицюк, где самый большой процент сибирских участников всесоюзных и всероссийских (новейшего времени) выставок акварели и до сих пор не осмыслен и не оценен вклад новосибирских художников в развитие российской акварельной живописи XX–XXI вв.

Серьезного искусствоведческого исследования подобного феномена «новосибирской акварели» пока еще не встретилось на книжных горизонтах.

Перед открытием выставки ведущие новосибирские акварелисты поделились своими воспоминаниями о замечательном времени советского ренессанса акварели. Может быть, эти воспоминания, представленные ниже, послужат начальной точкой научного изучения этого замечательного явления в истории развития сибирского изобразительного искусства.

Ниже представлены материалы беседы А. Беляева, В. Бухарова, А. Жукова, В. Иванкина за чаем в творческой мастерской В. Иванкина на улице Геодезическая, 1А в г. Новосибирске 27 августа 2015 г.

Материалы беседы

В. Иванкин: С чего начинались всесоюзные акварельные выставки, и кто организовывал их? Н.Д. Грицюк был единственным новосибирцем, участвовавшим на первой всесоюзной выставке акварели в Москве в 1965 года. Каким образом он попал на эту выставку?

В. Бухаров: Думаю, что, как в любом деле, самое главное, что нашлись неравнодушные люди и любители акварели. Как техника акварель существовала всегда. Многие московские и ленинградские художники довольно активно представляли свои работы на различных выставках. И, конечно, главным инициатором и организатором советского акварельного движения выступил Союз художников СССР. В этом, конечно, был заинтересован Владимир Иванович Володин, который был в то время оргсекретарем СХ СССР и Ольга Иосифовна

Порхайло, одна из референтов СХ, которая и сама была прекрасным акварелистом. Ольга Иосифовна была замечательным инициативным организатором, художники называли ее «королева акварели».

Благодаря этим людям Союз художников СССР начал организовывать передвижные группы акварелистов для творческих поездок по всей стране. Группы эти были разные, вначале по несколько человек, а потом группы стали очень крупные – по 28 человек, в них были представлены все акварелисты Союза художников СССР – от Прибалтики до всех среднеазиатских республик и России, естественно. Эти творческие группы давали художникам новые контакты и новые знания. В этих группах были мэтры советской акварели, которые определяли общий настрой художников в этих группах, а также были люди новые, молодые акварелисты. Это было такое творческое братство, единение, и оно давало совершенно прекрасные результаты. По завершении поездки всегда делались отчетные выставки в тех городах, по которым проходил маршрут путешествия. И, конечно, это всегда было крупным художественным событием и для города, и для республики, и для художников.

Эти творческие поездки акварелистов и отчетные выставки в разных регионах страны продолжались до 1991 г., до самого распада Союза художников СССР, к сожалению, завершив этот период расцвета нашей акварели.

В настоящее время эту инициативу пытаются продолжить сотрудники Курганского музея изобразительных искусств. В 1991 году, благодаря курганскому художнику Герману Травникову, который в те времена был секретарем СХ СССР, в Курган попала большая коллекция советской акварели. Около трехсот или даже больше работ. Опять же благодаря личной инициативе заинтересованных людей курганцы хотели создать у себя в городе музей акварели. Не все у них пошло гладко. Будет ли музей акварели или нет, но акварельная коллекция у них колоссальная. Потом они провели четыре крупные всероссийские выставки. И после выставок почти каждый автор дарил им в коллекцию по одной работе. А кое что они еще и приобретали. Это тоже каждый раз добавляло в собрание будущего музея огромное количество работ. Так что коллекция у них сейчас, наверное, исключительная.

В. Иванкин: Вот хотелось бы подробнее услышать про передвижные акварельные группы СХ СССР… Александр, что ты можешь сказать о своей поездке по Львовской губернии?

А. Беляев: Таких поездок очень не хватает. Сейчас бы ее провести...

Вот что на самом деле давало толчок развитию акварели, так это то, что художники, находясь в группах, непосредственно контактировали с натурой. И каждый раз новая группа художников была то в Армении, то ездила по Западной Украине, то по Курильским островам... Каждый раз художники соприкасались с другой натурой и с другим целевым моментом, который определяла новая окружающая их натура. Эта мощная подпитка от среды, в которой находились художники, каждый раз являла в их творчестве новые разнообразные находки в живописной пластике, в плане композиционных решений, ну и в тематике, что само собой разумеется. Я думаю, что основой для расцвета, совершенствования советской акварели и ее пластического разнообразия был все-таки контакт с натурой.

В свое время я видел часть отчетной выставки группы акварелистов, которая ездила по Кузбассу... Казалось бы, ну что там? Просто сопки и терриконы,

заводы... А настолько разнообразные, качественные и художественные получились работы! Именно натура, новая среда, новые впечатления от окружающего пространства – все это рождало новые разнообразные произведения, художник обогащался новой пластикой, новыми приемами работы.

Мне посчастливилось в 1989 году в составе творческой группы из 28 художников 40 дней работать и путешествовать по Западной Украине. Сейчас даже сложно представить, что такое было возможно. Ничего не предвещало современных сложностей... И работалось там очень хорошо, коллектив был разнообразный, очень доброжелательный. И надо отдать должное, что Львовская организация Союза художников (руководители М. Откович и З. Кецало) организовала все очень хорошо – и в плане поездок, организации транспорта, обеспечении гостиницей, всех старались поселить в одноместные номера. Был разработан маршрут – сначала мы жили во Львове, затем переехали в Дрогобыч на четыре дня, потом – в Верховину, потом поехали в Закарпатье, там были четыре дня, затем – в Ивано-Франковск и т.д. То есть мы работали по три-четыре дня в каждом городе... Надо отметить то невероятное трудолюбие и трудоспособность всех художников группы. Время как таковое прекратило свое существование. Ночь, день, раннее утро или поздний вечер – всегда невероятное трудолюбие и желание работать... Ни одного человека не вспомню, который каким-то образом мало работал. Это была зарядка... Каждый подзаряжал другого своей работой, своей деятельностью... Конечно, и выматывались изрядно... Но усталость эта была приятной...

И вот я думаю, что сейчас, когда все мы немножко отодвинулись от натуры, больше стремимся использовать в живописной практике фотографию (может кто-то из художников-графиков использует и копир), все это удаление от живой натуры влечет за собой стагнацию и замирание в искусстве. А если бы подобные поездки художников, работу в творческих группах удалось организовать в нынешнее время, с той же интенсивностью, с таким же материальным обеспечением и возможностями, как это было раньше, то акварель у нас снова бы получила новый толчок в развитии и новый расцвет...

В. Бухаров: Все эти творческие группы, поездки несли много ценного. Прежде всего – в творческом плане. Первый раз я был в творческой группе в Крыму. Это был 1977 год. В 1978 году я был в Латвии. В 1980-м мы ездили по Кузбассу. Это была тоже исключительная по своей насыщенности поездка. Потом, в 1983 г., была группа по Армении.

В 1984 году мы ездили в Магнитку, потому что был договор между Союзом художников СССР и Магнитогорским металлургическим комбинатом. Промышленную тему в акварели не все могут делать. Это надо любить. Я, кстати, делал ее с удовольствием по тому времени. Да и сейчас, может быть. Энергия индустриального созидания, темпа, мощи и энергия цветного, горящего, плывущего металла, вся эта атмосфера тебя невольно заряжает.

В 1986 году я был в Эстонии. Кроме этого, в том же году я работал с группой молодых художников на Байкале. Там, кстати, я сделал 120 работ. И последняя передвижная группа акварелистов была по Вологодской области, незадолго до распада СССР в 1987 году.

Почему я это перечисляю, потому что этот разный диапазон маршрута всегда требовал совершенно нового пластического выражения, о чем говорил Александр. Каждый раз новая тема давала новые знания, потому что новая реальность, новое

окружение давали новые знания этого мира: Армения для меня была трагической стороной бытия... Скажу без всякого стеснения, что когда была наша отчетная выставка в Ереване, армяне больше всего восприняли мои работы. Потому что в серии акварелей «По Армении» я сделал кровавую, драматическую суть судьбы этой земли. Латвия – это, наоборот, тишина и покой, Крым – это такое восходящее вверх... Каждый мир пейзажа требовал нового пластического знака. И поэтому, конечно, в этом было интересно находить новые знания.

В. Иванкин: До 1991 года в структуре СХ СССР существовала отдельная Всесоюзная акварельная комиссия. Виктор, а как ты оказался в составе акварельной комиссии и работал в ней с 1978 по 1990 год?

В. Бухаров: Ну, это, видишь, очень просто... В 1977 году я в первый раз был включен в состав передвижной творческой группы акварелистов, которая работала в Крыму. Руководителем группы был украинский художник Николай Бережной. Я приехал в Крым очень мощный, сильный и очень мобильно настроенный... Работалось мне невероятно легко. Мы были в Одессе, Керчи… Отчетная выставка была развернута в Севастополе.

Работали мы весной. Это был апрель. Я много писал Севастополь, Одесский порт… Корабли вдали, краны, восхождение прозрачного воздуха и цвета... Это был поток струящегося импрессионизма...

К сожалению, работы по Латвии и по Крыму делались на немецком акварельном картоне, который обладает очень коварной своей сутью – бумага пожелтела, светлые акварели они чуть «присели» и... от работ практически ничего не осталось. Когда я писал Севастополь, я делал удивительно белый город на белой сверкающей бумаге. Потом, когда ее мотали по всем выставкам, она же постоянно на солнце была. А эта бумага, даже когда закрытая, желтеет, даже когда в раме и защищена картоном. Поэтому, конечно, белое свечение бумаги исчезло и вместе с этим ушло то ощущение прозрачности и сверкания белого, которое было в ней первоначально. Понимаешь в чем вся трагедия?

Но все же, вероятно, включение в состав акварельной комиссии – это была положительная реакция на мои работы. Тем более только что ушел из жизни Николай Демьянович Грицюк, «король акварели» как его называли все художники и непререкаемый авторитет в акварельной живописи. Наверное, много зависело и от Ольги Иосифовны Порхайло, но все-таки прежде всего за качество работ.

Реплики

А. Беляев: Работа в передвижной творческой группе – это совершенно другое, отличное от работы в мастерской состояние.

Художнику неподготовленному часто бывает сложно вписаться во вновь создаваемый коллектив и непривычный быт, а самое главное, в сумасшедший темп работы. Молодые художники после поездок иногда коренным образом меняли свое отношение к творчеству. Передвижная группа акварелистов – это не выездной пленэр, не писание этюдов с натуры, а напряженный творческий процесс, ориентированный на создание завершенных произведений. За сорок дней художник выдает от тридцати до пятидесяти законченных работ в различных жанрах – отсюда и своеобразие творческих методов.

В 1984 году, благодаря Виктору Бухарову, я впервые попал в группу, которая должна была работать в Магнитогорске на металлургическом комбинате. В этой группе из 27 акварелистов со всего Советского Союза были в том числе и

известные мастера акварели: Гайрат Байматов (Ташкент), Виктор Бухаров (Новосибирск), Всеволод Видякин (Архангельск), Иван Фартуков (Уфа). Все это очень разные по творческой специальности художники – графики, живописцы, монументалисты, но все они систематически, серьезно и много работающие в техники акварели.

Для меня было своеобразным подарком познакомиться с ними, а также от начала и до конца увидеть процесс создания произведения. Каждый работал по-своему. Общим было то, что все они делали очень много рисунков и этюдов с натуры, перерабатывали их, пытаясь найти знаковый момент в новой рождающейся серии. Даже из этого подготовительного материала можно было сделать полноценную художественную выставку.

Магнитогорский металлургический комбинат поражал уникальностью интерьеров, разнообразием форм, ритмов, цветовыми сочетаниями, разнообразием производственных процессов. Всеобщий момент наблюдаемого промышленного созидания подвигал художников к интенсивной и плодотворной творческой работе, к поискам новых композиционных решений и образов.

Выставка открылась ровно через месяц со дня нашего приезда и насчитывала около ста произведений. Она занимала всю отведенную экспозиционную площадь. На ней были представлены все возможные жанры акварели: пейзажи, натюрморты, портреты, производственные сцены.

Первым ощущением от выставки было то, с какой легкостью, виртуозностью были выполнены акварели. Создавалось впечатление, что художники писали свои работы играючи, без напряжения, как в шутку у нас говорят – «одной левой». За кадром остался изнурительный, достаточно нервный подготовительный период, который на самом деле и определил качество выставки.

В последующие годы я неоднократно выезжал в составе акварельных групп в разные регионы страны. Общим для всех поездок было то, что художники много работали с натурой, рисовали, писали, старались как можно быстрее соприкоснуться с новой для них средой, сделать для себя открытия, способные разрушить накопившиеся стереотипы и обновить свой изобразительный язык.

С первой поездки я сделал для себя определенные выводы, которым старался следовать всю жизнь: «упорно работай и терпи, пока не увидишь достойный результат, постарайся взглянуть на натуру другими глазами, выявляя в ней новые закономерности, и не цепляйся за старое знание».

В настоящее время интерес к акварели несколько угас. Возможно, вследствие природной лени или изменившегося образа жизни, художники стали меньше двигаться, меньше рисовать с натуры. Поэтому не стало пищи для творчества и, как результат, неизбежное падение качества акварельной живописи.

А что касается самой акварели – то это техника, на первый взгляд, простая и почти детская, таит в себе много неожиданных сюрпризов. Во-первых, при создании произведения художник должен просчитывать и держать в голове все этапы работы. Во-вторых, акварель, как техника, позволяющая в короткий промежуток времени создать законченное произведение, в то же время максимально ограничивает возможности художника. В-третьих, находясь на границе живописи и графики, акварель требует от художника навыков и рисовальщика, и живописца.

Чтобы начать понимать все эти вещи, стоит только смоченной в воде кистью коснуться кюветки с краской, а затем листа бумаги...

В. Беляев: Еще обучаясь в институте, нам студентам в течение года пришлось осваивать технику акварели, выполняя серию постановок. Мне понравилось! Может, это произошло еще и потому, что меня похвалили и взяли в фонд факультета несколько работ – что тогда было престижно. Но, так или иначе, это сыграло свою роль.

В то же время большое влияние на меня оказали наши новосибирские художники-акварелисты, а в дальнейшем и магаданские, где мне пришлось некоторое время жить и работать.

Что меня всегда привлекало в акварели? Думаю, что, прежде всего, ее неограниченные возможности, разнообразие технических приемов, мобильность, а также невозможность жесткой схемы в повторяющемся сюжете, ее загадочность, в которой заложена неуправляемость и непокорность.

Творческие командировки и пленэры в Магаданской области, Чукотке и Алтае требовали и особого материала, который позволял бы легко и точно фиксировать непосредственные наблюдения. Этим материалом в основном и была акварель.

Что касается непосредственно моих акварелей, то мне всегда хотелось, осмыслив и переработав натурный материал, создать обобщенный образ, передать впечатление от увиденного, сохраняя при этом две тенденции: верность натурному видению и преобразование его в условно-декоративное состояние.

А. Жуков: Акварель, казалось бы, очень простая техника: лист бумага, краска, вода и кисточка... Но в действительности – тончайший инструмент выражения внутренних чувств художника от наблюдения окружающего его мира. Сложность и изысканность акварели заключается в тончайшей живописной пластике отражения цветовых нюансов. В этом ансамбле важнейшую роль играет бумага. Она как камертон в звучании чистоты звука. И пронести на протяжении всей работы эту легкость, едва прикасаясь кисточкой к белоснежной бумаге и стараясь не засушить ее, – это очень сложная (и технически, и психологически) задача, которая требует огромного труда и колоссального опыта художника. Но результат этого стоит.

Решающую роль в познании этого непростого материала играет личность художника, находящегося рядом с молодым, начинающим свой творческий путь автором. В моей жизни такими авторитетами всегда были и остаются до сих пор А.И. Беляев, В.С. Бухаров, а также выдающийся новосибирский художник, с которым я знаком только заочно, феноменально владевший акварелью в создании игры цвета и формы, – Н.Д. Грицюк. Работы этих мастеров до настоящего времени являются для меня питательной средой и вдохновением.

Развитие акварельной живописи в нашем городе в настоящее время замедлило свое развитие. На мой взгляд, одной из причин этого является агрессивное и неизбежное внедрение цифровой техники в нашу жизнь, а также и чрезмерное увлечение молодых людей компьютерами. С помощью нажатия нескольких клавиш и клика мышки можно создать некоторое подобие художественного произведения. Это занимает меньше времени и сил. Но опасность заключатся в том, что в этих работах нет души, эмоций и переживаний художника. Холодный техницизм мало способствует развитию человеческой эмоциональности. Думаю, что это путь в никуда...

Хотелось бы наедятся, что выставка акварельной живописи и этот альбом вызовет интерес у молодых, начинающих свой творческий путь сибирских

художников. И они откроют новые грани этого замечательного материала.

Ю. Третьяков: Акварель – это та техника, которая дала мне путевку в художественную жизнь.

Первые опыты были как и у многих в детстве, а к 1986 году у меня оформился первый цикл акварелей «Работа животноводов». Годом позже – серия «Работа механизаторов».

Жил в это время в селе Соколово, натура была рядом, работал «запоем». Ходил даже ночью с фонариком на ферму – смотреть, как идет ночная дойка. В это время увлекался творчеством художников группы «Тринадцать», таких как В. Милашевский, Р. Семашкевич, Н. Кашина, Н. Кузьмин. Подкупала их легкость и кажущаяся простота в изображении натуры. В очерке, посвященном творчеству художника Даниила Дарана, В. Милашевский пишет: «В современном художественном произведении можно и должно любоваться самим темпом изображения… «Тринадцать» на этом темпе настаивают. Никаких калек, никаких подготовительных работ. Рисунок должен напомнить оживленный рассказ приятеля, а не заявление просителя».

В то же время меня тянуло делать большие, сложносочиненные композиции. Недаром до сих пор у меня сохранилась любовь к большим форматам, есть где разгуляться.

Считаю очень важным для себя присутствие в Новосибирске таких замечательных мастеров-современников, как В. Бухаров, И. Курков, А. Беляев, В. Иванкин. Это большая учеба, большой опыт.

Время идет, все потихоньку меняется. Из моих акварелей последних лет стали исчезать люди. Последний всплеск – серия акварелей под условным названием «Гулянки». Одни названия чего стоят: «Шумел камыш», «Хорошо тебе, котик!». Это и хорошо, что не знаешь, что будет дальше.

Поживем – порисуем!

Тоцкий В.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 741/744
ББК 85.10

АКАДЕМИЧЕСКИЙ РИСУНОК КАК СРЕДСТВО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье анализируется роль академического рисунка и принятых в нем приемов построения изображения для междисциплинарных коммуникаций между работниками изобразительных искусств.

Ключевые слова: академический рисунок; междисциплинарные коммуникации.

Проблема изображения в изобразительном искусстве всегда являлась, пожалуй, самой актуальной, начиная с набросков и этюдов и заканчивая полноценным художественным произведением. В рисунке эта проблема является первостепенной, так как рисунок является как бы перекрестком дисциплинарных направлений в изобразительном искусстве. Стоит заметить, что средствами рисунка всегда пользовались как представители графического и живописного направления, так и скульптурного. При этом данные дисциплины в силу различия задач, решаемых в каждой из них, рассматривались обособленно друг от друга. Часто приходится слышать различные споры между графиками, живописцами и скульпторами по поводу того, как нужно строить изображение, вплоть до обвинения друг друга в неумении решать эту задачу. Здесь речь идет прежде всего о проблеме, к решению которой живописцы, графики и скульпторы подходят абсолютно по-разному. Почему так происходит, попробуем разобраться.

Известно, что рисунок бывает плоскостной и объемный, линейный и тональный, детально проработанный и предельно обобщенный. Очевидно, все зависит от поставленных задач, которые решает рисовальщик. Живописец, наверное, решает живописные задачи, и основным средством в его работе будет тон. При этом одной из главных проблем для него всегда является решение и сохранение плоскости в пределах так называемой картинной рамы. Эту же проблему решает и график, так как вместе с живописцем они находятся в ракурсно обусловленной ситуации, когда изображение строится с одного ракурса и с одной точки зрения. В данном случае основным средством изображения для графика будет не столько тон, сколько линия. В случае со скульптурой ситуация кардинально меняется, так как основной проблемой в изображении является не сохранение картинной плоскости, как в первых двух случаях, а решение пространственной задачи, и основным средством здесь будет объемная пластика. Исходя из этого, становится ясным то непонимание, о котором было сказано выше.

Во все времена узел этих проблем решался в сфере академического рисунка, роль которого в настоящее время в образовании все больше сводится к минимуму. Так что же такое академический рисунок и в чем его отличие от любого другого рисунка? Прежде всего в том, что в академическом рисунке связаны основные моменты, характерные для всех трех дисциплин – графики, живописи и скульптуры. Наряду с тональной живописностью и линейной графичностью

решается еще и пространственно обусловленная пластическая выразительность на плоскости листа в рамках линейной перспективы. В авторском рисунке художник волен решать свои творческие задачи теми средствами, которые ему ближе. Как видно, совмещение трех дисциплин в одном предмете делает его достаточно сложным в изучении и познании, когда приходится совмещать и увязывать трудно совместимые категории – организацию картинной плоскости и пространство по законам линейной перспективы внутри этой плоскости. Но в этом и заключается уникальность феномена под названием «академический рисунок». Решая задачи, мы воспитываем не только живописца или скульптора, дизайнера или архитектора, но и полноценную творческую личность, способную решать в будущем не только свои узкопрофессиональные задачи, но и быть более компетентным в решении более широких творческих изобразительных проблем. Академический рисунок в своих рамках создает более узкие специфические задачи, решение которых осуществляется по четко поставленным задачам в рамках определенных критериев. В свою очередь, критерии напрямую связаны с постановкой задач. При этом очевидна возможность постановки задач с последующим усилением их сложности и увеличением их количества.

Основными проблемами в обучении изображению, будь то рисунок, живопись или скульптура, являются проблемы видения, понимания, умения. Эти три проблемы тесно взаимосвязаны. Ведь чем больше мы знаем о предмете, то есть понимаем его, тем больше видим в нем особенностей, а значит, точнее и конкретнее его изображаем, поэтому обучение изображению в основном сводится к решению этих проблем. Выделить из них наиболее важную невозможно. Скорее всего, здесь нужно подходить комплексно – всесторонне и одновременно. Конечно же, это должно отображаться в составлении учебных программ, но очень важно при этом комплексно подходить к решению этой проблемы. Комплексно в междисциплинарном смысле, а именно – иметь возможность одновременно обучать всем трем дисциплинам. Что это даст и к чему приведет? Прежде всего – к всестороннему подходу к проблеме и возможности сравнивать и принципиально по-другому смотреть на одну и ту же проблему. Здесь очень важно отметить следующее: формальный подход невозможен и даже вреден, когда одновременно преподаются три дисциплины, каждая сама по себе. В этом случае получается та самая ситуация, о которой было сказано выше. Необходим взгляд со стороны на комплекс, его всесторонняя оценка. Например, решение одной и той же задачи во всех трех дисциплинах с последующей оценкой, разбором и сравнительным анализом должны привести обучаемого к пониманию законов и особенностей изображения в каждой из дисциплин. Самое главное, о чем стоит сказать, что через это более доступным становится понимание различий композиционных решений во всех трех случаях. А композиция, как известно, – это основа любого художественного произведения.

О проблеме видения часто приходиться слышать: «Смотреть, не значит видеть…». Сказанное верно. Как научиться видеть больше? Ведь с визуальной оценки начинается натурная работа, а начало работы является самым главным и решающим этапом в работе. Здесь необходимо обозначить ряд основных задач, направленных на формирование более полного и глубоко видения, необходимых в работе. Это, в свою очередь, диктует критерии качества и оценки данной компетенции. Попытка сделать это комплексно в междисциплинарном плане должна ускорить результат и сделать его более качественным.

Основной задачей, решаемой при формировании видения, необходимо считать композиционную задачу, определяющую целостное видение и самые крупные характеристики изображаемого объекта. Прежде всего, это умение определить общий характер композиции, формы и пространства, включая ракурсные особенности изображаемого объекта и его основные характеристики. В живописном решении – это общее тональное и цветовое состояние, в графическом решении – пространственно-плоскостное состояние, в скульптурном решении – объемно-пространственные связи.

Основной задачей, решаемой при формировании понимания, необходимо считать способность конструктивно анализировать видимую композицию и ее основные крупные элементы. Прежде всего, это умение обобщать детали в крупную форму и идентифицировать ее в воображаемом пространстве картинной плоскости, или в реальном композиционном пространстве. В то же время – умение работать с деталями по принципу уточнения крупной формы, не нарушая принципов композиционной и пластической целостности. Не стоит забывать и про перспективу, линейную, воздушную, персептивную. Без знаний этих основ невозможно построение воображаемого пространства на плоскости. Наоборот, эти знания существенно повышают возможности вариативного мышления и моделирования. В живописи основными крупными элементами стоит назвать характер светотени, а также цветовые характеристики света и тени. В графике – линейно-графический характер модели наряду с конструктивно-геометрическими связями композиции. В скульптуре сюда стоит отнести пластический характер модели и объемно-конструктивные связи композиции.

Основной задачей, решаемой при формировании умения или навыков, необходимо считать способность формировать выразительное изображение в картинной плоскости, если речь идет о живописи или графике, и в реальном пространстве, если речь идет о скульптуре. Безусловно, знание материалов и их особенностей, умение владеть ими играет здесь решающую роль. Но из компетенций, необходимых для успешной работы, следует отметить в живописи умение формировать светотеневую среду в цветовых характеристиках в рамках картинной плоскости. В графике – умение формировать иллюзию формы и пространства в рамках картинной плоскости, оперируя минимальными графическими средствами. В скульптуре – умение формировать пространство посредством создаваемой формы.

В изобразительном искусстве любая работа строится на отношениях. В живописи – это тональные отношения, в графике – линейно-графические отношения, в скульптуре – объемно-пространственные отношения. Возможности изобразительных материалов и творческих компетенций человека гораздо уже возможностей природы. Но умение и возможность всесторонне взглянуть на эти проблемы, а самое главное, способность анализировать непременно формируют мощный творческий потенциал. При комплексном подходе в обучении грамотно воспользоваться в будущем возможностями этого творческого потенциала не составит большого труда.

Беляев А.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 75.05.036/.038 (470+571)
ББК 85.14(2)6

ВЫСТАВКА «ЗЕМЛЕМЕР. ТЕМА И ВАРИАЦИИ» (ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД, ИТОГИ И ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Аннотация. Опыт создания концепции выставки авторского живописно-графического цикла, посвященного теме Алтая.

Ключевые слова: живописные тематические композиции; графические серии; Алтай.

В январе – феврале 2015 г. в выставочных залах Новосибирского государственного художественного музея состоялась моя персональная выставка, приуроченная к 65-летию со дня рождения, на ней было свыше ста произведений, посвященных теме Алтая. Выставка не была ретроспективной, работы, представленные на ней, выполнены в течение четырех лет – это цикл, включающий в себя живописные тематические композиции и несколько серий рисунков разных техник: бумага-карандаш; бумага-уголь; бумага-пастель; бумага-тушь.

Первые зарисовки с натуры выполнены в районном центре Усть-Кан Республики Алтай во время посещения исторических памятников.

До Горного Алтая у меня уже были поездки по Туве и Хакасии, где я с удовольствием много рисовал карандашом и углем, а также делал совсем небольшие путевые зарисовки фломастером. К сожалению, кроме двух серий рисунков дело дальше не пошло – листы, которые делались в течение двух лет, носили несколько поверхностный характер – сказалось малое знание темы, да и поездки были кратковременными, скорее ознакомительными. Но именно в это время началось переосмысление и обновление стиля графических листов и колорита живописных картин.

С 2010 по 2014 г. мною было совершено двенадцать путешествий по Горному Алтаю с целью сбора материала для будущих художественных произведений. География поездок – это территория от границ Алтая с Кемеровской областью до горной Колывани и от города Бийска по Чуйскому тракту до Монголии.

Подготовительный этап работы можно условно поделить на составляющие.

Первое – это рисование с натуры – прежде всего пейзажей – панорамных, достаточно обобщенных, выполненных пятном и линией с учетом характерных особенностей местности, деревенского пейзажа, отдельных строений, предметов быта, животных, сцен из деревенской жизни. Во время рисования старался смотреть на обычные вещи несколько «другими» глазами или под «другим» углом, выявляя в них знаковые моменты и темы будущих композиций. В процессе длительного рисования постепенно стал складываться изобразительный язык, появились первые наметки будущих произведений, скорее это были лишь фантазии и интуиция – пока еще неосознанное стремление к очень простой и емкой форме, которая бы воспринималась зрителем на уровне ощущений.

С благодарностью вспоминаю слова, сказанные мне в 1985 г. в Доме

творчества «Челюскинская» известным российским художником Илларионом Галициным: «… форма для всех одна – есть разница в ее восприятии...». В качестве примера он привел произведения своего друга, замечательного графика Гурия Захарова.

Большое влияние на мое творчество оказали местные краеведческие музеи, в которых, как оказалось, собраны ценные экспонаты – предметы культа и быта народов, в различные исторические периоды заселявших территорию южной Сибири. Музей – это уникальное место, в ограниченном пространстве которого можно увидеть, как на смену одной цивилизации приходит другая, как меняется структура орнамента, силуэта одежды, совершенствуются инструменты и жилища людей. Любой элемент экспозиции, будь то ваза, светильник, орнамент на одежде или доспехах воина, монета, лежащая за стеклом витрины, может подвигнуть художника на создание нового произведения. Он должен быть готовым к тому, что любое соприкосновение с другой культурой может существенно повлиять на его творческий почерк, при этом должно быть найдено точное сопряжение между предыдущим опытом и вторгающимся новым структурным изобразительным моментом. В этом я убедился еще раз, когда в художественном музее районного центра Усть-Кан познакомился с большой коллекцией графических работ народного художника России Ананьина Александра Михайловича, творчество которого существенно изменилось благодаря регулярным поездкам на Алтай. Многие известные художники посвятили свои произведения этой теме – Н. Рерих, Г. Гуркин, Д. Кузнецов, М. Будкеев, Ф. Торхов, Ю. Бралгин и др.

Стремление узнать больше об истории края заставило меня обратиться к соответствующей литературе, особенно интересны местные издания – совсем небольшие книги и брошюры, в которых подробно описываются памятники археологии и культуры древних народов.

Кроме рисования с натуры и знакомства с музейными экспонатами, на творчество художника существенное влияние может оказать материал, которым трактуется форма.

В 2012 г. из очередной поездки по Китаю мой сосед по мастерской, народный художник России Анатолий Николаевич Никольский, привез мне тушь и кисти. Я заново стал открывать для себя эту технику, рисовал на различных сортах бумаги, включая китайскую, использовал тушь в различных консистенциях, сочетал с другими материалами: углем, простым карандашом, пастелью, соусом, акварелью и другими графическими техниками.

Считаю, что рисунки тушью являются самыми удачными из всего цикла, они оказали существенное влияние на мою живопись, она стала более аскетичной по колориту и более строгой по стилю.

Собранный художником подготовительный материал (рисунки с натуры, этюды, наброски, путевые заметки на полях рисунков, личные впечатления) не гарантируют удачного результата. Основная работа начинается в мастерской. На основе натурных зарисовок мною сделаны сотни маленьких композиционных набросков в различных материалах – рисовал до тех пор, пока в работах не стал прослеживаться единый масштаб и характерный для этой темы знаковый момент. И так от одной серии к другой.

Далеко не все получалось сразу – к одним и тем же композициям приходилось возвращаться по многу раз в течение 2–3 лет, так заглавная живописная композиция «Землемер» имеет четыре варианта. За три года

изменился не только колорит и размер, но и формат картины. Сложнее всего было определиться с образами, на которых бы как на каркасе выстроились темы, композиционные решения графических листов и колорит живописных произведений.

Удивительно для меня самого, что этими образами стали не только люди но и знакомые привычные вещи: поле, трактор, борона и другие, связанные с человеком предметы и понятия. Главным является, конечно, земля, вспаханная весной, засыпанная снегом, покрытая орнаментом цветов и растений, видимая из космоса, упокоившая в своей поверхности тела погибших на войне солдат. Наличие образа делает произведение по-настоящему художественным – поиск его – это наиболее сложный и мучительный для автора процесс, он связан не столько с натурой, сколько с фантазией, впечатлениями и интуицией.

После того как основные картины и графические серии были сделаны и позади остались поездки, этюды, наброски, композиционные изыскания, я вдруг понял, что в общем-то не привнес ничего нового в методику работы над художественными произведениями. Читая письма и воспоминания известных художников, приходишь к выводу, что в большинстве случаев и их творчество начиналось с первых впечатлений, набросков, которые впоследствии ложились в основу их будущих картин.

Лично для меня давно уже стало понятным то, что достойная тема или сюжет требуют столько же серьезного к нему отношения, не нужно отчаиваться, если задуманная тобой вещь не состоялась сейчас – она состоится потом, когда ты будешь к этому готов.

Очень часто во время творчества в стройный ряд задумок художника вторгается совершенно «чужая» по теме и пластике картина или рисунок, такие ответвления чаще всего возникают тогда, когда заканчивается очередной этап творчества – истощаются идеи, израбатывается найденный когда-то прием. Завершение этапа – это вызов художнику, он чреват серьезными последствиями – поэтому нужно очень внимательно смотреть на эти «чужие» произведения, не встроившиеся в теперешний изобразительный ряд, – возможно, именно в них кроется будущее художника. Наверное, как и везде, в отживающем старом зарождается новое, пока еще непривычное и не совсем понятное явление, к которому нужно отнестись очень бережно, как к посланию, в связи с расшифровкой которого у художника появятся свежие идеи и обновленная изобразительная пластика.

В 2013 г. совсем случайно, скорее из любопытства, я оказался в предгорьях Алтая, в районе Ануйского увала, сложность рельефа которого напоминала пространство картин замечательного русского художника К. Петрова-Водкина. Бесконечная череда холмов, уходящая к горизонту, завораживала и не располагала к работе, хотелось просто смотреть. Тем не менее в течение двух дней я рисовал. Увлеченный другой темой, я вскоре забыл об этих рисунках.

Недавно, разбирая работы прошлых лет, я увидел их совершенно по-новому и понял, почему они не были востребованы как подсобный материал.

Суть в том, что по структуре они разительно отличаются от того, что я делал в то время. Достоинства этих рисунков я смог оценить только сейчас – они могут быть началом новой темы с ее новыми образами и новыми композиционными решениями.

Крюкова Ю.Е.
trima06@sibmail.com
Поляков Е.Н.
polyakov.en@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.036
ББК 85.113

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы изучения письменных свидетельств античности, посвященных градостроительству. Исследование является составной частью комплексной научной программы, посвященной изучению архитектурного обеспечения «идеальных» условий жизни в городах и загородных поселениях Древней Греции и Рима.

Ключевые слова: градостроительство Древнего мира; памятники Античности.

Одной из наиболее интересных задач, решением которой занимаются современные архитекторы, является поиск оптимальных приемов планировки городов и сельских поселений, которые максимально учитывают особенности местного природного ландшафта, климата, естественной инсоляции и аэрации. Одним из возможных направлений исследований является изучение архитектурного наследия прошлого. В том числе градостроительных традиций Древней Греции и Рима, поскольку античная идея гармоничного «слияния» города (Космоса) с окружающей природой (Хаосом) не теряет актуальности и в наши дни.

Для достижения этой «вселенской» гармонии в государствах Древнего Востока планы городов и схемы их размещения на географических картах нередко повторяли очертания «узоров небесного зонта». В античных же государствах зодчие предпочитали не столь явные аллегории. Их мастерство проявлялось в виртуозном учете особенностей горного рельефа, во включении наиболее интересных деталей ландшафта в фортификационную структуру города и архитектуру зданий, а также в использовании местных строительных материалов, которые позволяли визуально «растворять» рукотворные постройки в живописном пейзаже. Большое значение придавалось «правильной» ориентации городских улиц и всех помещений усадебных домов по сторонам света с целью улучшения их инсоляции и защиты их от неблагоприятных климатических воздействий.

Все это делалось для того, чтобы обеспечить «идеальные» условия жизни обитателям городов, загородных дворцов и вилл. Этрусские и древнеримские жрецы (гаруспики, ритуалы и др.) занимались выбором наиболее «здоровой» местности для закладки будущего города и его ритуального освящения.

Философы и политики изобретали оптимальные схемы расселения свободных граждан, учитывающие их социальный статус и род профессиональной деятельности. Зодчие и землемеры (*рим*. агрименсоры) осуществляли межевание улиц и городских кварталов, функциональное зонирование и благоустройство городской территории. Обо всех этих этапах развития городской структуры говорится в трудах античных историков, географов, философов, ораторов,

политиков, то есть людей, зачастую имеющих весьма отдаленное отношение к архитектуре и градостроительству. К огромному сожалению, до нашего времени не дошли многочисленные архитектурные трактаты, упомянутые римским зодчим Витрувием (I в. до н. э.).

В чем же заключается научная ценность сохранившихся, пусть и не «профессиональных», литературных источников? Археологи могут найти и даже частично восстановить уцелевшие фрагменты той или иной постройки. На основании этих реконструкций можно сколько угодно судить о ее архитектурно-композиционных особенностях. Но только современник и тем более очевидец может наиболее достоверно рассказать об этой постройке и истории ее создания. Именно в подобных сочинениях неопытных «свидетелей» и знатоков античных традиций и культуры изложены важнейшие требования, которые общество предъявляло к образу отдельного здания и к городу в целом.

Продолжая традицию, начатую В.П. Зубовым и Ф.А. Петровским, настоящий проект нацелен на изучение и систематизацию античных письменных источников, в которых были упомянуты важнейшие принципы, коими руководствовались строители античных городов, военных лагерей и колониальных поселений. Несомненно, этот материал может принести определенную пользу при разработке проектов и программ сохранения уцелевших памятников античного зодчества. Кроме того, эти сведения помогут лучше понять исходную концептуальную («космологическую») символику античных городов, заложенную в их планировочные схемы, пространственную ориентацию городских улиц, размещение на их территории тех или иных общественных и культовых построек.

Приходится констатировать, что до сих пор не опубликовано ни одной научной работы, целиком посвященной оценкам самых различных аспектов античного градостроительства очевидцами тех далеких событий. Этим определяется актуальность заявленного проекта.

Работа над этой проблематикой ведется в нескольких направлениях.

В первую очередь изучаются отечественные и зарубежные издания по античному градостроительству. Это работы А.В. Бунина и Т.Ф. Саваренской, А.Э. Гутнова и В.Л. Глазычева, А.Н. Джонса, К. Зитте, Т.Н. Козиной, К.М. Колобовой, В.И. Кравченко, П. Лаведана, К. Михаловского, В.И. Пилявского, Н.А. Сидоровой, Г.И. Соколова, М. Херлимана и других ученых.

Кроме того, исследуются труды по истории Древней Греции и Рима. Здесь можно выделить труды Г.М. Бонгарт-Левина, Р.Ю. Виппера, В.Н. Дьякова, И.М. Дьяконова, С.И. Ковалева, К.М. Колобовой, Ю.Д. Колпинского, С.Я. Лурье, Н.А. Машкина, В.С. Сергеева, М.Е. Сергеенко, В.В. Струве, А.И. Тюменева, С.А. Утченко, Е.В. Федоровой и др. Из зарубежных – работы А.Э. Боака, А. Боннара, Т. Моммзена, В. Тарна, Д.О. Томсона, А.А. Тревера, Т.А. Франка, Г. Чайлда, К. Ясперса.

В процессе работы над этой темой был осуществлен библиографический анализ целого ряда произведений античных авторов. Мы неоднократно обращались к хрестоматии В.П. Зубова и Ф.А. Петровского «Архитектура античного мира. Материалы и документы по истории архитектуры» (М.: Изд. Академии архитектуры СССР, 1940), в которой приведены высказывания античных историков, писателей, философов и ученых об архитектуре. Однако не все цитаты, приведенные в хрестоматии, точны. Поэтомув процессе работы над

данной тематикой нами были собраны и систематизированы выдержки из произведений Аполлодора, Аристотеля, Гомера, Ксенофонта, Ливия, Платона, Плутарха, Светония, Тацита, Флавия Вегеция Рената и многих других античных авторов, имеющие прямое или косвенное отношение к античной архитектуре и градостроительству.

Подтверждение или опровержение всех этих сведений содержится в трудах по археологии. В них приведены материалы о планировочной структуре античных поселений, о местоположении важнейших общественных и культовых построек в структуре города. Исследования такого рода были проведены Г. Шлиманом, А. Эвансом, Д. Пендлбери, А.Г. Галанопулосом, С. Маринатосом, Г. Эшебахом и другими археологами. Описанию археологических раскопок посвящены также работы Л.С. Ильинской, К.А. Качуриса, К. Керама, Л.П. Маринович и других ученых.

Целью проекта стало изучение и систематизация особенностей градостроительства Древней Греции и Рима, описанных в трудах античных авторов (историков, философов, политиков, инженеров, зодчих).

В соответствии с поставленной целью намечено решить следующие задачи:

– изучить древнейшие религиозные ритуалы закладки городов, методы оценки потенциального «здоровья» местности и способы ее инженерного укрепления;

– проанализировать основные этапы планировки античных городов (строительство фортификационной системы, планировка и межевание городских районов и кварталов, экологические аспекты в пространственной ориентации улиц, функциональное зонирование и благоустройство городской территории);

– сравнить философские концепции «идеального» города в трудах Платона (425–365) и Аристотеля (386–323);

– выявить важнейшие направления использования этих концепций в градостроительной практике Древней Греции и Рима (проекты Гипподама, Дейнократа, древнеримских агрименсоров и военных зодчих).

Данный проект станет первым исследованием, комплексно рассмотревшим письменные свидетельства античных авторов, посвященные градостроительству Древней Греции и Рима. Ожидаемые результаты:

– на основе свидетельств древнегреческих историков и римских зодчих будут выявлены и систематизированы основные разновидности античных городов и поселений (города-крепости на вершинах и склонах гор, укрепленные поселения на равнинах, портовые города на морском побережье, перешейках и островах);

– будут подробно рассмотрены древнейшие ритуалы закладки городов, применяемые в те времена методики оценки потенциального «здоровья» местности и способы ее инженерного укрепления;

– предполагается провести анализ основных этапов возведения античных городов (создание фортификационной системы, планировка и межевание городских кварталов; «правильная» ориентация улиц, учитывающая направление преобладающих ветров и характер естественной инсоляции,функциональное зонирование и благоустройство городской территории);

– впервые будет выполнено детальное сравнение философских концепций «идеального» города в трудах Платона и Аристотеля; отмечено, что первый предпочитал радиальную («аристократическую») схему планировки, второй –

смешанную («демократическую»), сочетавшую радиальную и регулярную схемы;

– намечено также выявить основные направления реализации этих концепций в проектах Гипподама, Дейнократа, древнеримских геодезистов и военных зодчих.

Практическим итогом этого проекта станет рукопись монографии «Градостроительство Древней Греции и Рима в трудах античных авторов» объемом 200-250 страниц. В ее состав также войдут чертежи, таблицы, иллюстративный материал (не менее трехсот рисунков и фотографий). В настоящее время проводится редакционная «шлифовка» первых трех глав монографии, в которых описаны основные принципы выбора «здоровой» местности, ритуалы закладки городов, строительство фортификационных укреплений, первоначальные планировочные работы (первая и вторая главы). Этот материал был опубликован в более ранних научных работах руководителя проекта **[1–3]** и трех сборниках научно-технических конференций, на которых в роли докладчика выступила Юлия Евгеньевна Крюкова **[4–6]**. В первой половине 2015 г. в журнале «Вестник ТГАСУ» были опубликованы статьи по функциональному зонированию городской территории, по философским концепциям «идеального» города-государства (полиса) Платона и Аристотеля **[7–9]**. Материал четвертой главы, посвященный творчеству выдающихся античных градостроителей (Гипподама, Дейнократа и др.), находится пока в стадии редактирования. Завершение этой работы и публикация ее итогов ожидается в конце 2015 – начале 2016 г. В 2016–2018 гг. будет продолжена работа по оформлению и защите кандидатской диссертации Ю.Е. Крюковой.

Результаты исследования смогут найти дальнейшее применение в учебной, проектной и научно-исследовательской работе:

- совершенствование программ лекционного курса «История архитектуры, Ч. 1», посвященного зодчеству древневосточных и античных государств, и лекционного курса «История градостроительства»; модернизация тематики курсовых работ и рефератов по античной культуре, докладов на вузовских научных конференциях студентов и молодых ученых различного ранга;
- разработка учебно-методических заданий и пособий на курсовое и дипломное проектирование, конкурсных программ концептуального направления;
- подготовка серии научных статей и монографий, посвященных «природным» стилям и направлениям в мировой архитектуре и градостроительстве (в том числе в соавторстве со студентами, молодыми учеными и специалистами);
- написание и защита магистерских и кандидатских диссертаций.

Предложенная методика научных исследований получит дальнейшую апробацию в процессе изучения архитектуры жилых, зрелищных, спортивных, банно-оздоровительных, культурно-образовательных зданий и сооружений, в которых свободные греки и римляне стремились вести здоровый образ жизни, совершенствовали свои навыки в мусических и гимнастических искусствах. Этот «гуманистический» опыт античных ученых, философов и зодчих сможет принести несомненную пользу и в наши дни, послужив образцом для разработки градостроительных программ с подобной идейной направленностью.

Библиографический список

1. *Поляков Е.Н.* Образ вселенной в культовом зодчестве древнего мира. – Томск: Изд-во Томского ГАСУ, 2009. – 434 с.
2. *Поляков Е.Н., Майорова Е.В., Шаповалова Е.Е.* Особенности регулярной планировочной сетки в военном зодчестве Древнего Рима // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2009. – № 1. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. – С. 5–17.
3. *Поляков Е.Н., Курбакова А.Н.* «Правильный» крест и социальная политика в древнем градостроительстве // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2009. – № 3. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. – С. 5–27.
4. *Крюкова Ю.Е, Поляков Е.Н.* Градостроительство Древней Греции и Рима в трудах античных авторов // Материалы I Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых (г. Томск, 12–13 ноября 2014 г.) [Электрон. текстовые данные]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. – С. 475–482 (ил. 16, библ. 8). – URL: http://tsuab.ru/upload/files/ additional/ Sbornik_MNT_2014_file_4296_3684_5760.pdf.
5. *Крюкова Ю.Е., Поляков Е.Н.* Религиозные обряды при закладке городов Этрурии // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2015. – № 1. – С. 288–294. – URL: https://yadi.sk/mail/?hash=fMjbomVA0YFG9rcOPLb9J%2BhHWB7q6S7Pm4FdxahHLNw%3D&uid=74269040.
6. *Крюкова Ю.Е., Поляков Е.Н.* Творческое наследие зодчего Дейнократа // Молодежь, наука, технологии: идеи и перспективы (МНТ-2015): мат-лы II Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых [Электрон. текстовые дан.]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 901–906. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/MNT-2015%20(1)%20(1).pdf.
7. *Поляков Е.Н., Крюкова Ю.Е.* Планировка и функциональное зонирование древнегреческих и римских городов в трудах античных авторов // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2015. – № 2 (49). – С. 75–88.
8. *Поляков Е.Н., Крюкова Ю.Е.* Концепция «идеального» города-государства в трудах Платона (427–347 гг. до н. э.) // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2015. – № 3 (50). – С. 9–23.
9. *Поляков Е.Н., Крюкова Ю.Е.* Концепция «идеального» города в трудах Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2015. – № 4 (51). – С. 9–21.

Бычкова А.Н.
Anyutini_glasa@mail.ru
Ганжа С.Д.
sd.ganzha@yandex.ru
НУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 728
ББК 85.113

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ «КВАРТАЛ»

Аннотация. Понятие «квартал» активно трансформировалось. Исследование посвящено рассмотрению эволюции понятия «квартал», а также выявлению основных явлений, повлиявших на формирование этого понятия. В настоящий момент происходит переоценка содержания и изменение морфологической структуры жилой среды. Намечается переход к квартальной застройке.

Ключевые слова: квартал; квартальная застройка; микрорайон; нормативно-правовая база; жилая застройка.

В настоящий момент происходит переоценка содержания и изменение морфологической структуры жилой среды. Поиск рациональной организации городов в начале XX в. повлек укрупнение квартала, создание градостроительных теорий и концепций. Современные концепции реконструкции и проектирования территорий различных стран обнаруживают единые тенденции. Во многих исследованиях квартальная планировка видится средством восстановления не только традиционной городской морфологии с четким разделением жилых и общественных пространств, упорядоченной системы землепользования, но и как средство стимулирования появления сообществ собственников, активно участвующих в процессах городского развития и управления. Возврат интереса к кварталу нашел отражение в современном проектировании микрорайонов: наблюдается уплотнение застройки, образование мелкоячеистой планировочной структуры, состоящей из жилых групп различной конфигурации. Таким образом, актуально будет выявление значение понятия «квартал» (даже в современных нормативно-правовых документах это понятие не имеет четкой формулировки).

Цель исследования: анализ эволюции понятия квартал.

Термин «квартал» пришло в русский язык из немецкого (Quartal), которое в свою очередь происходит от латинского quartus – «четвертый».

Квартальная застройка в древности применялась и в Европейской части, и на Востоке. Элементы регулярного градостроительства были известны народам Средиземноморья, в частности этрускам и финикийцам. На примере города Селинута (совр. Италия) можно увидеть, что уже в архаический период сложилась квартальная планировка. (VII в. до н.э.). Две главные улицы города шириной около 9 м пересекались под прямым углом, на них выходили продолговатые кварталы протяжённостью около 30 м с поперечными проходами около 3,9 м. Возникновение регулярной планировки греческих городов обычно связывают с именем уроженца г. Милета, архитектором и математиком Гипподамом, жившем V в. до н.э., в классический период греческой истории. Однако современные данные археологии свидетельствуют, что многие города уже в конце VI в. до н.э. имели

регулярные планы.

Реконструкция греческих городов в VI в. до н. э., разрушенных в ходе многолетних греко-персидских войн, велась на основе регулярных планов. В литературе закрепился термин «гипподамов город». Этим термином обозначалось строительство регулярного города по плану, в котором предусматривалось деление городской территории пересекающимися под прямым углом улицами на сетку правильных жилых кварталов с выделением городского центра (застроенного общественными зданиями – храмами, помещениями для должностных лиц и т.п.), торговой площади-агоры. В городе, по его схеме, предусматривались 4 главных и 3 поперечные улицы, жилые кварталы делились на равные земельные наделы, одновременно застраивавшиеся. Обращают на себя и пропорции кварталов – если в регулярных городах, построенных до Гипподама, жилые кварталы имели вытянутую конфигурацию (примерно 1:2,5), то в последующем пропорции были более гармоничными – 7:6 и7:4.

На структурном уровне квартал состоял в среднем из 10 домовладений с односемейными жилыми ячейками, объединенных друг с другом общей брандмауэрной стеной. Площадь жилого двора составляла в среднем 195 м^2. Жилая единица состояла из жилых и хозяйственных помещений, сгруппированных вокруг центрального двора, при этом жилое помещение находилось во внутренней стороне двора.

Наибольшего развития регулярная планировка получила в китайской, японской и индийской культурах (план новой столицы Японии – Киото, 800 г. н. э.), а также в градостроительной структуре римских военных поселений, планировочная сетка которых легла в основу ряда европейских городов (город Тимгад – римская колония в северной Африке) **[5].**

Многовековой опыт строительства городов-государств был подытожен в трудах двух крупнейших философов древности – Платона (428-348 гг. до н.э.) и Аристотеля (384-322 гг. до н.э.). Их проекты и рассуждения об организации государства и планировке городов отражали мировоззренческие концепции.

Таким образом, понятие квартал существует очень давно. Употребление понятия можно встретить в трудах Аристотеля, подчеркивающего характер и ценность нерегулярной структуры, ссылаясь на трактат Гипподама: «...можно поступать при постройке города так же, как поступают сельские жители при посадке виноградных лоз, располагая их пересекающимися рядами. Не нужно устраивать город так, чтобы он весь в целом имел правильную планировку; надо, чтобы планировка шла правильно только по отдельным частям и кварталам: так будет лучше и для безопасности города и для его благообразия» **[4].**

Итак, под кварталом в древности подразумевалась территория, участок земли, ограниченный пересекающимися улицами, имеющий форму прямоугольника или форму, близкую к квадрату.

Представляет интерес сопоставить значение понятия «квартал» в период античности, период появления данного понятия, со значением понятия «квартал» в современности.

Слово «квартал» пришло в русский язык из немецкого (Quartal). В России это понятие существует еще с дореволюционных времен. Только тогда это была скорее административно-полицейская единица территории, подчинявшаяся квартальному надзирателю.

Рассмотрим, как словари определяют понятие «квартал» в настоящее время:

Квартал: 1. Часть города, ограниченная пересекающимися улицами. 2. В лесном хозяйстве: участок леса, ограниченный просеками, дорогами. 3. В царской России: низшая городская административно-полицейская единица, входящая в полицейский участок **[7]**.

Часть города, ограниченная несколькими пересекающимися улицами. Собир. Население такой части города. Часть улицы между двумя перекрёстками **[9]**.

В словаре строительных терминов встречаем такое определение:

Квартал – ограниченная с четырех сторон улицами часть застроенной территории населенного пункта, предполагающая целостность архитектурного замысла и соблюдение экономических противопожарных и санитарно-гигиенических требований **[8]**.

В местных нормативно-правовых документах Московской области:

Жилой квартал – часть жилой территория населенного пункта, ограниченная улицами, проездами, дорогами, пешеходными аллеями, естественными и искусственными рубежами **[10, с. 2]**.

В советские времена градостроительное законодательство изначально не разделяет понятий «микрорайон» и «квартал». В СН 41-58 «Правила и нормы планировки и застройки городов» это понятие применяется наряду с понятием «микрорайон».

Фактически этот текст перекочевал и в действующий СНиП (СП 42.13330.2011) по градостроительству:

5.4. Квартал (микрорайон) – основной планировочный элемент застройки в границах красных линий или других границ, размер территории которого, как правило, от 5 до 60 га. В квартале (микрорайоне) могут выделяться земельные участки жилой застройки для отдельных домов (домовладений) или групп жилых домов в соответствии с планом межевания территории **[11]**.

Микрорайон – это жилое образование с размерами территории, определяемой радиусом пешеходной доступности до объектов первичного обслуживания и с численностью населения, предполагающей наполнение средней школы, которая становится центром такого образования **[6]**.

Важно отметить, что территориальное понимание квартала расширилось. Градостроительный кодекс рассматривает квартал наряду с микрорайоном как элемент планировочной структуры.

Таким образом, нельзя сказать, что квартал – умозрительное понятие, нигде в нормативной базе не закрепленное. Но понятия «микрорайон» и «квартал» зачастую смешиваются даже в нормативных текстах.

Как уже говорилось, понятие «квартал» пришло к нам из немецкого языка. Представляет интерес рассмотрение основных факторов, повлиявших на формирование понятия «квартал», сформировавшихся в Европе в XX в.

Среди влиятельных теоретических концепций XX в. можно выделить два противоположных направления, определивших новый вектор развития мирового градостроительства.

К первому относятся теоретические концепции городов-садов будущего и городов спутников во главе с Э. Говардом.

Ко второму направлению относятся «урбанизированные» концепции,

предлагающие радикальную перестройку жилой застройки исторических центров городов, полностью игнорируя традиционный уклад жизни. Наиболее яркими адептами подобного течения являлись: Тони Гарнье с его проектом «Промышленного города» 1911 г.; Ле Корбюзье с проектом Лучезарного города 1925 г.; Анри Соважа, разрабатывающего типологию ступенчатых домов с внутренним бассейном; В середине 20-х годов проблема планировки и застройки жилого квартала приобрела особую актуальность.

Вплоть до первой мировой войны кварталом считалась территория, ограниченная проездами и состоявшая из отдельных строительных участков, обычно находившихся в частном владении. Вследствие этого во всех градостроительных регулятивах именно строительный участок (а не территория квартала в целом) фигурировал в качестве первичной планировочной единицы. Естественно, что переход к пониманию жилого квартала как совокупности жилых домов, объединенных по определенному планировочному и социальному принципу, был далеко не прост для профессионального мышления архитекторов.

Более основательно был поставлен вопрос о пересмотре существующих норм плотности застройки жилых кварталов в книге «Наука планировки городов» **[1]**, написанной архитекторами Реем и Бардом в сотрудничестве с крупным швейцарским астрономом Жюстином Пиду. В этой книге в основу планировки городов были положены научно разработанные правила и нормы инсоляции. Это привело их к чрезвычайно существенным выводам о том, что жилые дома нужно строить в виде обособленных блоков и располагать с учетом оптимальной инсоляции независимо от красных линий улиц.

Выводы Рея и его соавторов означали в полном смысле этого слова «взрыв» прежнего монолитного городского квартала и замену его группой свободно стоящих жилых домов, доступных воздуху и свету и расположенных среди зелени, в стороне от шумных улиц. Однако чтобы создать реальную базу для применения этих открытий на практике, необходимо было внести соответствующие изменения в градостроительное законодательство. Французское законодательство оказалось совершенно неподготовленным к реформам, тогда как новые строительные правила, введенные в этот период в Германии, открывали широкие возможности для трансформации городского жилого квартала. Имеется в виду Берлинский строительный регулятив 1925 г. (Bauordnung fur die Stadt Berlin vom 3. November, 1925). В дальнейшем аналогичные строительные регламентации были приняты и в других городах Европы

В основу берлинских постановлений были положены новые принципы регулирования плотности застройки жилых кварталов. Если предшествовавшие строительные правила устанавливали только минимальные размеры внутренних дворов вне зависимости от общих размеров участка и высоты зданий, то теперь делалась попытка связать воедино все величины, определяющие интенсивность застройки, а именно абсолютную высоту и этажность зданий, а также допустимую площадь и глубину застройки. Берлинский строительный регулятив объединил все эти показатели в едином «коэффициенте использования участка», который был установлен для каждого типа застройки отдельно и являлся основной, «собирательной» нормой для планировки и застройки жилых кварталов

Введение строгих строительных правил, предписывавших оставлять глубинную часть каждого участка незастроенной, давало возможность получить довольно просторную внутриквартальную территорию, которую можно было

использовать в качестве общественного сада, а в дальнейшем и для размещения зданий культурно-бытового обслуживания.

Появление красных линий со стороны двора уравновесило значимость лицевых и тыльных фасадов жилых домов. Именно равнозначность фасадов и привела к тому, что внутриквартальные пространства стали такими же правомерными, как улицы и площади города. В связи с этим появились совершенно новые задачи, связанные с архитектурно-пространственной и функциональной организацией жилого квартала.

Однако периметральный способ застройки кварталов, получивший право на «законное» существование после берлинских постановлений, обладал и рядом существенных недостатков. Экономически он оправдывал себя только при застройке небольших кварталов. Что же касается санитарно-гигиенических условий, то аэрация при сплошной застройке оставляла желать много лучшего, кроме того, часть внутреннего пространства квартала постоянно находилась в тени.

В этом отношении значительно лучше была периметральная застройка с разрывами между зданиями. Но еще более практичной оказалась так называемая строчная застройка (концепция строчной застройки по гелиометрической оси Огюстена Рея). Вальтер Гропиус проводил теоретические расчеты преимущества строчной и точечной застройки. Тем не менее, наиболее радикальные, революционные идеи и направления принадлежали Ле Корбюзье и его проекту «Лучезарного города» 1925 г.

Концепция Ле Корбюзье заключалась в переконцентрации горизонтальной плотности застройки в точечные вертикальные жилые дома-башни выстой в 240 м, геометрически правильно расставленные в пространстве с интервалом 129 м и окруженные общественным парком. Принципы, заложенные в проекте Лучезарного города, определили характерные для всего XX и XXI вв. пространственные характеристики жилой среды. Застройка домами башенного типа получила широкое распространение и разрабатывалась в ряде проектов таких архитекторов как А. Люрса, Э. Бодуэна, М. Лодса. В виду этого, в 1933 г. на IV конгрессе CIAM была принята Афинская Хартия, на которой были утверждены базовые принципы формирования поселений **[3]**.

Выше обозначенные концепции легли в основу господствующего течения и системы ценностей в области качеств жилой среды середины XX в. – функционализму, и определили новую парадигму развития панельной застройки XX в., а также способствовали развитию микрорайонной и увеличенной квартальной планировки в России и ряде Европейских городов. С принятия Афинской Хартии формирование жилых массивов пошло по экстенсивному вектору развития **[2]**.

Рассмотренные концепции непосредственно определили характер трансформации застройки жилого квартала *(рис. 1)*.

Понятие «квартал», изначально понимаемое как территория, ограниченный пересекающимися улицами, интерпретировалось различными способами. От строительных участков до смешивания с понятием «микрорайон». Также часто под «кварталом» понимают «квартальную застройку». Для правильного понимания в местных нормах появляются свои определения *(рис. 2)*.

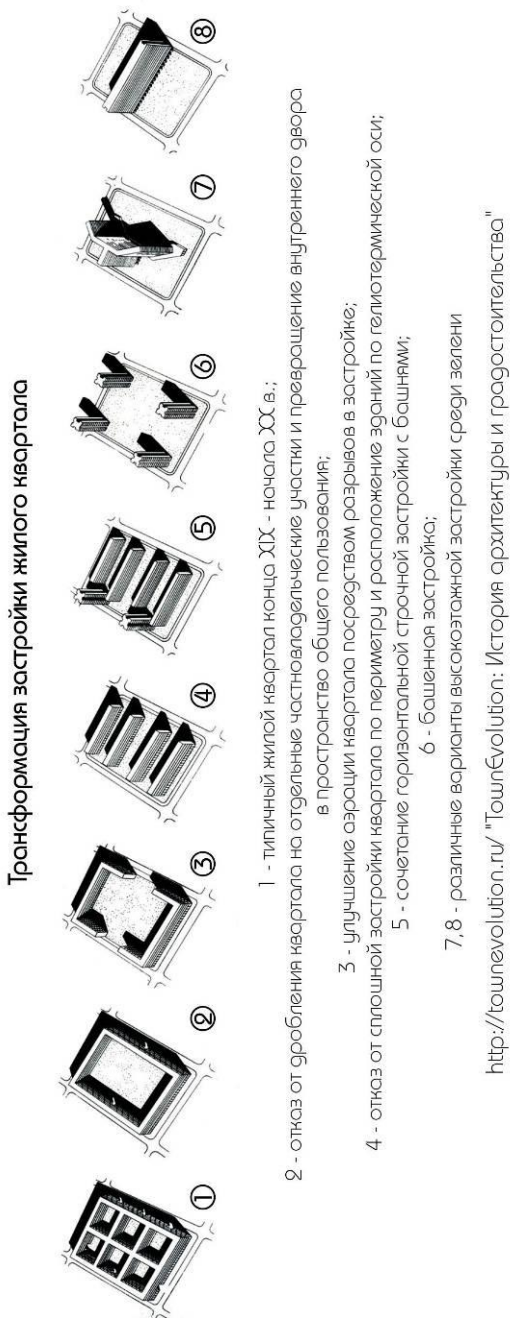


Рис. 1. *Трансформация застройки жилого квартала*

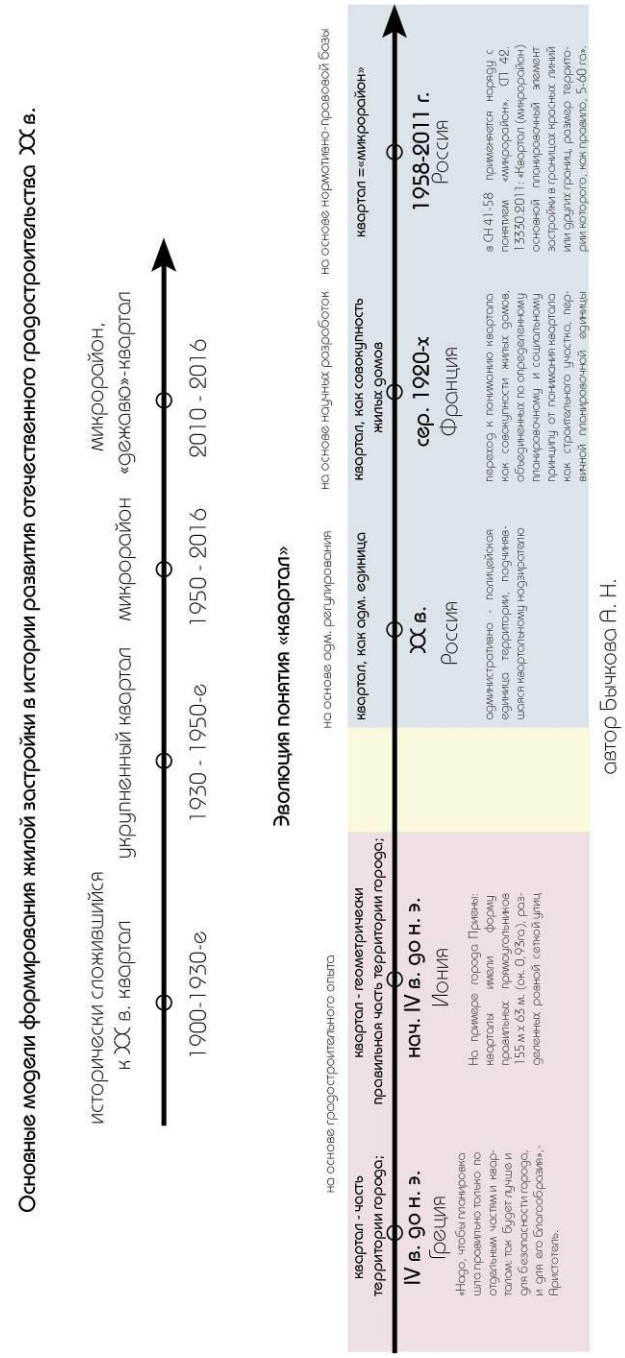


Рис. 2. *Эволюция понятия квартал. Автор: А.Н. Бычкова*

Итак, вплоть до первой мировой войны кварталом считалась территория, ограниченная проездами и состоявшая из отдельных строительных участков, обычно находившихся в частном владении. В нормативных документах фигурировало не целостная территория квартала, а территории строительных участков. После появления Берлинского строительного регулятива 1925 г. территория квартала рассматривалась как цельная архитектурно-планировочная единица, нормировавшаяся строгими правилами. Красные линии со стороны двора определили периметральный тип застройки квартала. Дальнейшее развитие

кварталов характеризовалось изменением и трансформацией типов квартальной застройки, реализацией различных градостроительных концепций XX в., что в последствии привело к микрорайонной застройки в отечественном градостроительстве. Сейчас употребление понятия «квартал» можно встретить во всех рассмотренных значениях. Понятие квартал нередко употребляется как микрорайон, однако это разные понятия. В нормативно-правовых документах в этих понятиях происходит путаница, однако появляются местные нормативные документы, дающие «местное» определение понятию «квартал».

Несмотря на разные значения понятия «квартал» в различные периоды истории градостроительства, общий смысл понятия сохраняется и по сей день. Квартал – это ограниченный дорогами участок территории. Но порой «квартал» применяется наряду с понятием «квартальная застройка», «микрорайон», и имеет синонимичное значение.

Исследование не закончено. Работа по изучению понятия «квартал» имеет потенциал и представляет интерес в рамках намечающейся тенденции перехода к квартальной застройке.

Библиографический список

1. *Rey A., Pidoux J., Barde Ch.* La science des plans des villes. – Lausanne, Paris, 1928
2. *Аракелян Р.Г.* Повышение качеств жилой среды с учетом ценностей традиционных жилых образований (на примере территории Армянского нагорья) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569909&fl=5&sl=1, свободный.
3. *Бунин А.В., Саваренская Т.Ф.* Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. Т. 2. – Москва: Стройиздат, 1979. – 415 с.
4. *Зубов В.П.* Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. («Научно-биографическая серия»). – М.: Изд-во АН. 1963. – 368 с.
5. История архитектуры и градостроительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://referatwork.ru/category/stroitelstvo/view/465967_gradostroitel_stvo_drevney_grecii.
6. *Кукина И.В.* Элементарные планировочные жилые образования / И.В. Кукина // *Жилищное строительство.* – 2005. – № 8. – С. 26-29.
7. Архитектурно-строительный словарь [Электронный ресурс] / Электрон. текстовые дан. – Под ред. Р.А. Мандрик – Режим доступа: http://slovo.yaxy.ru/82.html, свободный.
8. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с. – (Библиотека словарей)
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940.
10. Об утверждении местных нормативов градостроительного проектирования муниципального образования Люберецкий муниципальный район Московской области: местные нормативы градостроительного проектирования Люберецкого муниципального района Московской области от 5 марта 2015 года N 43/7 // Электронный фонд нормативно-технической документации. – электронные данные. – 38 с.
11. Свод правил СП 42.13330.2011 СНиП 2.07.01-89: Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений от 28 декабря 2010 г. N 820 // Электронный фонд нормативно-технической документации. – Электронные данные.

Казанцева Е.А.
flossdandelion@gmail.com
Колосова И.И.
epyon@sibmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.012
ББК 85.118

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОЗЕЛЕНЕНИЯ СРЕДЫ УЛИЦЫ

Аннотация. Предложенная статья является частью исследования, посвященного изучению становления уличной среды как архитектурного пространства. Данные системы изучаются как один из элементов благоустройства и организации уличного пространства. Их формирование и становление прослеживаются с точки зрения влияния зеленых насаждений на эстетически значимый экстерьер улицы, ее функциональное значение и удобство эксплуатации.

Ключевые слова: благоустройство; озеленение; уличное пространство; уличная среда; улица; история озеленения.

1. Функциональное осмысление уличного пространства. На протяжении всего периода становления и развития человеческого общества можно выделить наиболее развитые на определенный момент времени цивилизации и города, что позволило именно на их примере вести анализ и проследить этапы становления систем озеленения городских пространств и в первую очередь улицы как главной планировочной единицы любого градостроительного образования.

История строительства городов насчитывает тысячелетия. Уже первые поселения имели в своей структуре такую градообразующую единицу, как улица. Другое дело, что первые улицы имели только утилитарное назначение.

Примером служит крупнейший, активно развивающийся город Древней Месопотамии Вавилон, основанный не позднее III тыс. до н.э. Жилая застройка в нем была очень плотной. Дома строились одно- и двухэтажными с плоскими кровлями. Улицу формировали фасады с белеными стенами и дверными проемами. Вдоль них имелись канализационные водостоки. В городе было мало зелени. Она присутствовала только во дворах зажиточных жителей Вавилона и представляла собой группы зелени из двух-трех пальмовых деревьев. В это время горожане не задумывались об иных возможностях общегородского пространства, кроме его функциональности **[1]**.

Дальнейшее развитие общества способствовало совершенствованию среды улицы: изменилось ее функциональное назначение, расширился состав формирующих ее структуру элементов благоустройства. С течением времени городская среда стала включать в себя зеленые насаждения, о чем свидетельствуют более поздние планы городов, чертежи которых сохранились до наших дней. Так, например, в древнейшем памятнике письменности – «Эпосе о мифологическом герое Гильгамеше» – имеется своеобразный план территории города Урука в Месопотамии. Он показывает, что зелеными насаждениями занята третья часть городской земли. В других источниках сохранилась часть плана города Ниппура в Южной Месопотамии, существовавшего в 1500 г. до н.э., где значительная часть городской территории была занята парками и садами. Подобные сведения можно встретить в описаниях планов городов Древней Индии и Древнего Китая **[3]**.

Появление зеленых пятен на планах древнейших городов свидетельствует о том, что постепенно люди начали осознавать важность и необходимость озеленения городских пространств. Однако данный вид благоустройства все еще не был включен в структуру улиц как один из знаковых элементов, играющих ключевую роль в наполнении улиц.

Вплоть до XIII в. до н.э. города застраивались очень плотно, дома буквально лепились друг к другу, разделенные узкими, как коридоры, улицами-проходами. Они расступались, образуя открытые пространства только перед храмами или дворцами всевластных правителей **[2]**.

Дальнейший анализ показал, что улица перестала быть всего лишь необходимым проходом или проездом между жилыми кварталами в XIV в. до н.э. В крупных городах – столицах мировых цивилизаций – она стала дорогой торжественных триумфальных процессий, особо престижным местом, архитектурно оформленным общественным пространством.

Примером такой улицы является Царская или улица Великого жреца в г. Ахетатоне в Египте. Место для строительства этого города было выбрано на правом берегу Нила, город имел большую протяженность. Основные дворцовые и храмовые комплексы располагались вдоль главной улицы-дороги, проходившей параллельно реке. Она почти на всем своем протяжении была засажена пальмовыми деревьями. Прием, когда на смену прямолинейной аллее, окаймленной ритмическими рядами сфинксов, пришла озелененная дорога, представлял большой интерес для горожан и стал широко использоваться при строительстве новых городов и реконструкции существующих городских пространств **[1]**.

Почти десять веков (XV–IV вв. до н.э.) совершенствовались знания в области функционального зонирования, наполнения и благоустройства улиц. Так, улицу открыли как архитектурное пространство. Другое дело, что это касалось преимущественно главных и центральных улиц, тогда как на решение улиц жилых кварталов и улиц, расположенных на окраинах городов, новые знания не распространялись. Исключением стали участки, на которых располагались дома состоятельных горожан **[1]**.

2. Греко-римский период. Следующим этапом в развитии системы озеленения стало формирование и обустройство греческих площадей. Так, во времена Перикла (V в. до н.э.) центральная площадь в г. Афины была застроена по периметру общественными и культовыми зданиями и, по данным некоторых источников, озеленена по контуру платанами **[1]**.

Следует отметить, что если древние греки первыми создали в своих городах прототип современной площади – агору, то древние римляне первыми «открыли» улицу как один из важнейших функционально-планировочных элементов архитектуры города. Они подняли на качественно новый уровень инженерное обустройство улицы. Более того, они первыми осознали значение улицы как общественного пространства, ориентированного на эстетические потребности человека.

На улицах Рима было очень много фонтанов, колодцев, скульптур; сами дороги имели мощение, вдоль них располагали колоннады. Однако документов, свидетельствующих о приемах и наличии озеленения уличной среды, римляне не оставили. В то же время известно, что территории частных владений, термы, дворцы правящей элиты обязательно включали скверы и парки, но на визуальное

восприятие общегородского пространства они не влияли **[2]**.

В Древней Европе вопросами строительства городов и формированием их пространственной среды занимались не только специалисты, но и философы. Так, греки Платон (IV–III вв. до н.э.) в книгах «Политика» и «Законы», Аристотель (III в. до н.э.) в книге «Политика» и Гиппократ (IV–III вв. до н.э.) в своих трактатах рассматривали организацию ландшафта города. Позже значительный вклад в разработку вопросов ландшафтной архитектуры сделал римский архитектор Витрувий, живший в I в. до н. э. и написавший «10 книг об архитектуре» **[3]**.

В период расцвета Римской империи и вплоть до ее падения организация уличной среды в части ее озеленения оставалась неизменной.

3. Период упадка. Империя пала в V в. – наступила эпоха Средневековья. Все достижения в области благоустройства городского пространства были утеряны. Улицу вновь начинают воспринимать только как коммуникацию, которая является самостоятельным объектом архитектурной среды **[1]**.

Города передовых стран того времени – Франции, Италии, Англии, образованные в этот период, имели одинаковый облик. Их узкие улочки-коридоры служили проходами, проездами и открытыми коллекторами для стока канализационных вод. Они не имели тротуаров. Сюда редко проникал солнечный свет – высота домов, выходящих фасадами на улочки шириной в несколько метров, достигала, например, в итальянских городах 20–25 м. Запутанная связь узких улиц, неожиданно выводящих на «прорубленные» прямо в теле города площади, не связанные в ясную, четко осмысленную планировочную систему **[2]**.

Такая ситуация не менялась почти десять столетий, прежде чем человечество вновь осознало значение окружающей среды. Массовые эпидемии и болезни, опустошающие целые города, заставили горожан искать способы улучшения условий жизни в городской среде. Вновь начали появляться теоретические работы архитекторов и философов, представляющих собой проекты новых городов, ориентированных на улучшение жизни людей, что ознаменовало начало эпохи Возрождения.

4. Период восстановления. Переосмысление значимости озеленения городского пространства. В эпоху Возрождения наиболее интересной работой в области градостроительства стал труд Л. Альберти (XV в.), где автор рассматривает вопросы благоустройства города и систему зеленых насаждений. Другой теоретик француз Ж. де Шамбере представляет принципиально новую схему планировки города, в которой одно из главных мест занимает система зеленых насаждений **[3]**.

Вопросы планировки городов, систем расселения в связи с развитием общества рассматривались и в книгах философов-утопистов. В опубликованной в 1516 г. книге «Утопия» английского философа Т. Мора высказываются мысли о наилучшем размещении городов, их оптимальных размерах, значении общественного обслуживания. Те же идеи развиваются и в появившемся в 1623 г. сочинении Т. Кампанеллы «Город Солнца» **[3]**.

Одновременно с теоретическими велись и практические работы. Начиная с XVII в. главные градостроительные события в Европе происходят в столице Франции. Про Париж того времени писали: «Удивляет необычайное разнообразие пространственных форм организации жизни города, несходство соседствующих друг с другом типов городской среды. Узкие и крутые улочки Монмартра и широкие озелененные коридоры бульваров» **[2]**.

Вновь построенные архитектурные ансамбли имели геометрически правильные планы. Площади носили замкнутый характер, тогда как вновь проложенные озелененные прямолинейные магистрали объединяли различные районы города, а также центр с западными предместьями. Богатый опыт паркового строительства сыграл в этом немаловажную роль.

Анализируя в целом градостроительные работы, осуществленные в Париже во второй половине XVII в., следует отметить, что все они были адресованы западному, аристократическому Парижу, тогда как остальные районы города по-прежнему оставались неблагоустроенными, за исключением нескольких десятков каменных отелей, принадлежавших крупным дворянским фамилиям. Остальные жилые дома были деревянные, фахверковые, что способствовало частым опустошительным пожарам **[1]**.

Еще один из живописнейших и красивейших городов Западной Европы, расположенный вблизи залива Северного моря Ферт-оф-Форт в Шотландии, называли в свое время «Северными Афинами». Известный с XII в. как городская община город радикально изменил свой облик в XVIII – начале XIX в., когда получил новую регулярную планировку. Эта планировка сохранила общую широтную направленность улиц Эдинбурга, придав им регулярность и классицистический пространственный ритм. Улицы стали широкими, город отличался обилием зелени **[1]**.

Таким образом, средневековые города постепенно реконструировались от центров к периферии. При этом вновь проложенные улицы обязательно включали широкие полосы зеленых насаждений и бульвары.

Дальнейшее развитие системы озеленения связывают с началом XIX в., когда появились многочисленные теоретические работы, направленные на разработку новых градостроительных принципов. Так, англичанин Р. Оуэн выдвинул идею создания коллективных поселений с численностью от 300 до 2000 жителей. Композиционным центром становился ансамбль общественных зданий, расположенных в парке, вокруг которых он предлагал разместить жилую застройку, по ее периметру (границам) – промышленное и сельскохозяйственное производство. Каждая функциональная зона отделялась от соседней кольцом зелени **[3]**.

Другой философ Ш. Фурье также отрицал существование больших городов и идеализировал небольшие поселки. Он представлял город в виде системы трех концентрических поясов, из которых первый охватывает центр, второй – окраинные кварталы, третий – предместья. Большое значение Фурье уделял зеленым насаждениям. Все поселение он разделил зелеными зонами, вычислил соотношение застроенных и свободных территорий, минимальное расстояние между домами, ширину обсаженных деревьями улиц **[3]**.

Писатель и путешественник англичанин Бэкингем (1786–1865 гг.) в книге «Национальное зло и практические рецепты с планом модели города» изложил проект идеального поселения, рассчитанного на 10 тыс. жителей. В центре квадратного в плане города располагалась площадь (210×210 м). За ней находилось обширное, также квадратное в плане пространство, где в ритмическом порядке располагались общественные здания. От этого пространства расходились восемь широких проспектов (30 м). Вокруг городского центра располагались семь концентрических квадратов, каждый из которых предназначался для особого вида постройки и отделялся от соседнего широкой полосой зелени, среди которой

размещались училища, школы и предприятия бытового обслуживания населения **[1]**.

В последующем все градостроительные фантазии архитекторов XIX в. отличались обилием зелени, включаемой в границы проектируемых поселений: большое количество самостоятельных рекреационных пространств, а также обязательное наличие элементов озеленения на улицах. Наряду с проектированием новых велась реконструкция существующих городов. В XIX в. на передовые позиции вновь выходит Франция благодаря градостроительной реконструкции Парижа барона Османа, который «прорубил» в теле города основные магистрали. Причиной таких радикальных мер послужил новый вид транспорта – автомобиль. Улицы средневековых городов не были приспособлены для его использования **[1]**.

В XIX в. ведущее место в градостроительстве вновь занимает Франция. Это связано с реконструкцией Парижа бароном Османом, который «прорубил» в теле города основные магистрали. Причиной таких радикальных мер стал новый вид транспорта – автомобиль. Улицы средневековых городов не были приспособлены для его использования **[1]**.

Так же были проведены работы по озеленению города: реконструкция и планировка лесов, парков, скверов, бульваров, озелененных набережных, улиц и площадей, которые придали Парижу новый облик, соответствовавший не только вкусам буржуазного общества XIX в., но и скрашивавший схематизм и однообразие нового плана города **[1]**.

Прием, использованный бароном Османом по пробивке улиц, стали широко использовать и в городах Италии, Бельгии, Швеции.

5. Утопические проекты городов-садов. Модная тенденция озеленения городского пространства коснулась и теоретиков архитектуры. В конце XIX в. архитектор Эбинизер Говард выдвинул идею создания города-сада. В 1898 г. вышла его книга «Завтра», а в 1903 г. «Города-сады будущего». Говард представлял себе город-сад в виде концентрических кругов. В центре города – сад, вокруг него – общественные сооружения, окруженные центральным парком, по периметру широкая стеклянная аркада – Хрустальный дворец, в котором размещены магазины, зимние сады.

Все дома города окружены зелеными массивами и садами. На полпути между центром и внешним кольцом была задумана большая аллея, образующая зеленый пояс и разделяющая город на внутреннюю и внешнюю части. Вдоль этой аллеи расположены школы. Самый крайний круг представлял собой сельскохозяйственные поля и расположенные несколько в стороне зоны для безвредных промышленных предприятий **[3]**.

Французский градостроитель Е. Энар в 1904 г. предложил две наиболее эффективные, по его мнению, системы зеленых насаждений городов: зеленых колец и зеленых пятен. В обоих случаях автор стремился к равномерному обеспечению всего города насаждениями при минимальных радиусах их доступности **[3]**.

Немецкие градостроители Р. Эберштадт, Б. Моринг и Р. Петерсен в 1910 г. в проекте планировки Берлина разработали клинообразную схему насаждений, по которой зеленые клинья проникают до центра города и объединяются внешним зеленым поясом **[3]**.

Английский архитектор Г. Пеплер предложил комбинированную схему насаждений, в которой зеленые клинья сочетаются с кольцами. Польские специалисты создали схему насаждений небольшого города, в которой четыре жилых района в центральной части города и участки усадебной застройки на периферии дополнены сетью зеленых массивов, соединенных между собой бульварами. Радиусы обслуживания не превышают 1,5 км **[3]**.

Проекты городов-садов так и остались на бумаге, но в то же время они не были бесполезными. Например, идеи из трудов философа Бернхема нашли отражение в перепланировке Филадельфии в 1909–1912 гг.

Там была пробита двухкилометровая диагональная улица от центральной площади, на которой располагалась ратуша, к Фермаутскому парку. Магистраль подводила к холму, на котором был построен музей в формах классической архитектуры. Вдоль проспекта разбили бульвар, посредине пути от ратуши к музею озеленили существовавшую там площадь, выделив ее центр круглым сквером. Таким образом было нарушено монотонное пространственное построение старой Филадельфии **[1]**.

В 20-х гг. XX в. французский архитектор Ле Корбюзье выдвигает проект современного города на 3 млн чел. В центральной части города размещаются 60-этажные крестообразные здания общественного назначения. Вокруг центра располагаются жилые районы из шестиэтажных домов. Вся остальная территория города – парки и зоны отдыха **[3]**.

В теоретической работе К. Отто приведена схема зеленых насаждений, предложенная в 1959 г. проф. Кюном (ФРГ). Эта схема предусматривает: центральное парковое ядро города; зеленые полосы, соединяющие между собой жилые районы; зеленые центры жилых районов; зеленые полосы, разделяющие жилой район на микрорайоны; пригородные зеленые массивы.

Заключение. Подводя итоги по изученному материалу, отметим, что, начиная с древнейших времен, во всех теоретических разработках по градостроительству зеленым насаждениям отводилось видное место в комплексном проектировании городских пространств. Анализ теоретических трудов позволяет выдвинуть следующую принципиальную модель озеленения городского пространства.

Согласно этой модели, город состоит из нескольких промышленных и жилых районов, отделенных друг от друга специальными защитными зонами или озелененными магистралями. Жилые районы также разделены магистралями, вдоль которых организованы зеленые полосы и бульвары, размещенные вдоль границ микрорайонов. В центрах микрорайонов расположены небольшие парки. Общегородские зеленые массивы размещены в центре города и дополняется лесопарковым поясом.

Данная городская структура позволяет обеспечить доступность всего населения к насаждениям общего пользования, хорошую изоляцию магистралей и жилых районов от промышленных объектов. Что касается практического применения знаний по озеленению городской среды, то, рассматривая западноевропейское градостроительство, можно отметить, что именно во второй половине XIX – начале XX в. в европейских столицах стали появляться многочисленные бульвары, парки, скверы и озелененные набережные.

Причиной этому послужила индустриализация общества, появление транспорта, а также быстрый рост самих городов. Это повлекло за собой

необходимость создания системы озеленения городского пространства, включающую в себя не только зеленые насаждения в парках, но и в структуре улиц. Однако на протяжении всей истории развития городов благоустройство затрагивало преимущественно главные и центральные улицы, тогда как жилых кварталов и окраин городов благоустройство зачастую не касалось.

Проследив историю становления такой структурной единицы, как озеленение уличного пространства, можно заметить, что в состав улицы ее начали включать в качестве улучшения визуального восприятия среды, для придания ей торжественности и значимости. Стремительное развитие социума и самих городов постепенно превратило данную функцию зеленых насаждений в необходимость ее наличия в структуре улиц.

Сегодня от наличия системы озеленения напрямую зависит качество визуального и психоэмоционального восприятия улицы, так как зеленые насаждения благотворно влияют на температурный режим, влажность и состав воздуха, защищают от сильных ветров, уменьшают городской шум.

Библиографический список

1. *Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. – М.: Архитектура-С, 2004.

2. *Гутнов А., Глазычев В.* Мир архитектуры. Лицо города. – М.: Молодая гвардия, 1990.

3. *Гостев В.Ф., Юскевич Н.Н.* Проектирование садов и парков. – М.: Стройиздат, 1991. – URL: http://bibliotekar.ru/spravochnik-49/index.htm.

Мартьянов Н.И.
mart.nikola@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 73.023.2
ББК 85.12

СКУЛЬПТУРА ИЗ КАМНЯ (МРАМОР, ГРАНИТ) В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Аннотация. Представлен краткий анализ развития методов создания скульптуры из камня в Древнем Египте и Древней Греции эллинистического периода.

Ключевые слова: скульптура; методика; образец; Древний Мир.

Ремесло только средство, но художник,
пренебрегающий им никогда не достигнет цели.
О. Роден

Искусство скульптуры сопровождает человека с древнейших времен. Тотемные фигурки с очень условным отображением знаний и представлений о природе с расширением и углублением этих знаний, с изменением назначения преобразовывались в изобразительно сложные объекты и композиции.

Развитие пластических решений и смысловой содержательности скульптуры сопровождалось усложнением и совершенствованием обработки материалов: от обработки дерева, глины, кости к созданию скульптуры из камня, металла.

Камень благодаря прочности, декоративной выразительности, доступности пластической обработке стал широко используемым материалом скульптуры.

Процесс работы над скульптурой из камня длительный и состоит из нескольких этапов. Как правило, прежде чем рубить непосредственно в камне, скульптор готовит гипсовую модель. И здесь возникает тема: насколько творческой может быть работа при копировании с гипсовой модели. Есть много скульпторов, имеющих на этот счет однозначный ответ, они осуждают любой способ перевода модели, признают как действительную скульптуру лишь свободную работу непосредственно в камне.

Действительно, при свободном высекании творческий процесс интенсивнее. Скульптор, который без помощи модели, медленно слой за слоем являет из камня задуманную фигуру, должен снова и снова эту фигуру продумывать. Он должен уже на первоначальных, грубых стадиях работы постоянно иметь в виду целое, каждый этап работы рассматривать в целом. Поэтому осознанная работа в равной мере настоятельно необходима и при первой грубой обработке, и при окончательной тонкой моделировке деталей. При этом незаконченная фигура в каждом отдельном состоянии должна выглядеть в известной степени решенной.

Греки и египтяне оставили нам много произведений, которые высекались таким свободным способом.

Вот выдержка из исследований техники греческих мастеров: «Греческий скульптор подходит к своему блоку с четырех сторон и снимает своим резцом тонкие слои один за другим, и с каждым слоем, снимаемым со статуи, выступают новые немногочисленные формы. Решающим обстоятельством при этом является то, что греческий скульптор каждый раз снимает целый слой со всего блока. Он

никогда не работает над одной ногой, над одной рукой или головой, взятой отдельно, но всегда над целым. Поэтому ни одна деталь не может раньше времени назойливо выпячиваться, так как глаз столь же важен, как локон волос или большой палец ноги. Любая форма – часть целого и приобретает совершенство только в целом. Таким образом, фигура моделируется скульптором, начиная с прямоугольного блока до полного окончания по меньшей мере сотню раз, сначала в ограниченных формах, затем во все более богатых, более округлых и живых, вплоть до окончательного завершения **[1].**

От времени раннего эллинизма появляются первые сведения о попытках греческих скульпторов облегчить свой труд. Этому служило некоторое усовершенствование метода рубки камня. Архаические скульпторы пользовались для измерений отвесом. Это был очень несовершенный измерительный инструмент. В лучшем случае они устанавливали на лбу специальную веху для прикладывания или прикрепления отвеса.

Но уже существенным усовершенствованием было натяжение этого укрепленного на лбу отвеса к точке ноги или плинта. Натянутые таким образом шнуры не качались и допускали достаточно точное измерение. Это освободило греческого скульптора от необходимости врабатываться в камень слой за слоем. Мерка, которую он брал от шнура, надежно утверждала искомую точку на поверхности скульптуры. Так что скульптор имел возможность от поверхности блока сразу прорваться к той или иной точке будущей фигуры, если эта фигура существовала не только в представлении скульптора, но как предварительно изготовленная модель.

Этим методом греческий скульптор положил начало применению техники, которая в итоге привела к нашей пунктир-машине, с помощью которой модель, выполненная в любом мягком материале, может быть механически, без какого-либо духовного напряжения, переведена в камень. Сперва греки описанным способом только устанавливали кое-где контрольную точку в процессе круговой работы. Механический перевод стал правилом лишь после того, как вместо отдельных измерительных шнуров стали употреблять измерительную раму, с которой вокруг модели и вокруг блока натягивались с равными интервалами измерительные шнуры со всех четырех сторон. Таким образом, греки получили свой способ пунктирования, который намного сократил их ручной труд.

Но с этого момента отпадает большая часть духовного напряжения, что неизбежно сопровождается снижением художественного качества. Незаконченные работы этого времени, относящиеся примерно к первому столетию до нашей эры, показывают, как фундаментально изменился способ работы греков.

Египтяне в позднее время развивали тот же точечный способ измерения, как и греки. В их трехмерной квадратно-линейной сетке очень много общего со способом измерительных рам эллинов; с ее помощью они могли точнейшим образом устанавливать любой пункт фигуры.

Мнение, что пунктировальные приспособления лишают работу по переводу скульптуры в твердый материал творческого процесса, не может быть признано совершенно справедливым.

Творческая часть работы в камне начинается уже с того, как «вписать» в каменный блок будущую скульптуру, существующую пока как гипсовая модель. Даже начальный замысел скульптуры должен учитывать конфигурацию каменного блока, и при верном («найденном») решении всей композиции первоначальная

форма блока может угадываться.

Скульпторы, работающие в камне, часто оставляют в завершенном произведении фрагменты необработанного инструментом камня. Эта нетронутая резцом часть блока участвует в композиционном решении произведения, в целом придавая особую выразительность моделированным частям.

Итак, скульптура требует солидного ремесла. Но есть множество возможностей оступиться, скатиться к поверхности. И не обязательно применение технических средств должно привести к падению качества, если даже это применение сопутствует последнему.

Метод древних не может быть единственным. То и другое может быть объединено, и скульптор наших дней может пользоваться и нашими современными пунктировальными средствами, которые позволяют контролировать процесс, не уничтожая возможность свободного выявления фигуры из камня – в свободном переводе своей модели в новый материал.

Для всякой каменной скульптуры большое значение имеет выбранная глыба или блок. Чем лучше скульптор чувствует материал, тем плотнее он может вписать композицию, исходя из блока. Чем меньше скульптор снимет материала для выражения своего замысла, тем глубже его понимание и чувство материала и тем выше его мастерство.

Наивысшими достижениями скульптуры из камня (мрамора) следует признать скульптуры Древней Греции и Рима. Изучение этих образцов дает скульптору понимание пластических возможностей – работы с камнем. Ориентиры на них творчески благотворны для художника.

Библиографический список

1. *Blumner H.* Technologie und terminologie der Gewerbe und Kunst. – 1877.
2. *Одноралов Н.В.* Скульптура и скульптурные материалы. – М., 1965.
3. *Одноралов Н.В.* Техника обработки скульптуры из камня. – М., 1985.

Гулян Д.О.
Aluhanyan.diana@yandex.ru
Субботин О.С.
subbos@yandex.ru
КубГАУ, г. Краснодар, Россия

УДК 72.03 (479.25)
ББК 85.11

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена историко-культурному наследию Армении, архитектурно-художественным и градостроительным аспектам. Акцентируется внимание на реконструкции и сооружениях городов, интенсивно развивающихся в конце XIX – начале XX в. Раскрыты архитектурно-художественные особенности памятников армянской архитектуры. Освещены конструктивно-художественные задачи, стоящие перед зодчими. Обозначены принципы сохранения историко-культурного и архитектурно-градостроительного наследия.

Ключевые слова: Армения; история; культура; наследие; архитектура; сохранение; памятник; градостроительство.

1. Актуальность темы. Архитектурно-градостроительное наследие Армении крепко стоит на базе многовековых традиций армянского зодчества, и воспринимаются эти традиции первым долгом как накопление и творческое использование богатого опыта предшественников, как формирование образа мышления, соответствующего требованию времени и наиболее полному раскрытию творческих возможностей архитектора.

Армения бережно хранит многочисленные памятники материальной культуры, свидетельствующие о созидательном гении ее народа, история которого уходит вглубь веков. Памятники IV–I тыс. до н.э. не редкость на древней земле Наири. Клинописный «паспорт» Еревана свидетельствует о его основании еще в 782 г. до н.э. Гордо стоит в величественном окружении гор храм I в. в Гарни, Касах, Ерерук, Эчмиадзин, Егвард, Аван, Рипсимэ, Гаянэ, Звартноц, Кармравор, Татев, Ахтамар, Мармашен, Амберд, Ани, Санаин, Ахпат, Айриванк, Агарцин, Гошаванк, Ованнаванк, Нораванк... эти и сотни других памятников IV–XIII столетий – немые свидетели тяжелого, временами трагического пути армянского народа.

Тернист исторический путь армянского народа: войны, опустошения, созидание, возрождение культурных ценностей для передачи их последующим поколениям. В этом процессе подтверждается могучее стремление народа к сохранению «своей древности». Речь идет «...вообще не только об открытии своих «эпох возрождения» в истории разных народов, то есть о новом осмыслении исторического процесса у них, но и гораздо большем: о самом понимании исторического смысла такой эпохи, об исторических условиях, ее вызывающих и определяющих, ее историческом смысле и, наконец, о закономерностях такой эпохи в истории определенных народов, а через нее и истории человечества» **[1, с. 238].**

Актуальность темы данного исследования заключается в сохранении историко-культурного наследия активно развивающейся республики и возможности применения исследования в реконструктивных процессах на основе

традиций и преемственности зодчества Армении. Тема научно-исследовательской работы актуальна так же, как любое историческое исследование, которое обогащает и уточняет общие знания об истории архитектуры Армении.

2. Предмет исследования – закономерности и особенности формирования и функционирования архитектурно-градостроительного наследия Армении на разных этапах развития под влиянием природно-климатических, социально-экономических и производственных факторов. Большинство городов и поселений Армении прошли значительный во времени путь развития, имеют ценные в историческом, художественном и градостроительном аспектах памятники, ансамбли и комплексы городской застройки, природные ландшафты, интересные образцы древней планировки, а также культурный слой, представляющий археологическую ценность. Историко-культурное наследие рассматривается в единой, гармонично увязанной архитектурно-градостроительной структуре.

3. Методика исследования основывается на изучении архивных, картографических, археологических материалов, а также отечественных и зарубежных литературных, научных и проектных работах. Методика исследования базируется на комплексном историко-архитектурном анализе поселений и памятников. Ведущим методом исследования является историко-архитектурный анализ и обобщение архивных материалов, натурных данных, этнографических и исторических свидетельств.

4. Историческая справка. Природный ландшафт, а именно горы Армении, определяют черты ее архитектуры. Величественно и монументально, как и обступающие их горы, возвышаются по всей Армении памятники средневекового зодчества. Традиционная архитектура Армении – храмовая архитектура церквей, монастырей, крепостей и пр. В частности, в конце VI–VII вв. получила свое развитие крестово-купольная и центрально-купольная композиции храмовой архитектуры.

Симметричный крестообразный фасад храма украшен боковыми сводами и увенчан огромным куполом. Позднее храмовый облик менялся, простые и строгие церковные сооружения становятся более нарядными и сложными. Совершенствовались формы, прибавлялись новые элементы (к примеру, купольный барабан). Но в целом традиционные храмовые постройки имеют общие основные черты.

Архитектура жилых домов армян отличается традиционностью и малой восприимчивостью новшеств. Выработанная в средневековье концепция жилого дома с течением веков почти не менялась, что свидетельствует об изначально правильном выборе **[2].**

В Армении символом национальной культуры является самобытный элемент – хачкары. Хачкары (арм. խաչ քար , дословно «крест-камень») – уникальные памятники Армении, не встречающиеся больше ни в одной стране мира. Термин произошел от армянских корней «хач» – «крест», и «кар» – «камень». В так называемых крест-камнях присутствует дух армянского народа, все богословие Армянской апостольской церкви *(рис. 1–2)*.

Отдельно следует отметить, что присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. создало условия для экономического подъема и относительного развития архитектуры и градостроительства. Города в некоторой степени (Ереван) или полностью (Александраполь, Карс, Горис) обустраивались по твердо установленным, принятым за образец планам главных планировок *(рис.*

3). Реконструкция и сооружение городов развивались особенно интенсивно в конце XIX – начале XX в., когда перечисленные города становились центрами капиталистического развития Армении **[3, с. 26]**.

Рис. 1. *Хачкар 996 г. из мыса Норатус (в настоящее время хранится в Эчмиадзинском монастыре)*

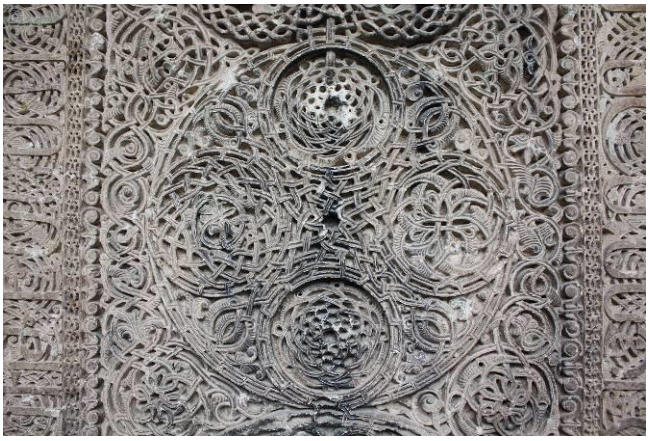


Рис. 2. *Фрагмент Дадиванкского хачкара, начало XIII в., Нагорный Карабах*

Рис. 3. *Александраполь. XIX в.*

Сложение архитектурно-градостроительной культуры Армении происходило на протяжении нескольких исторических периодов, связанных с развитием среды поселений, каждый из которых обладает характерными особенностями, что позволило создать уникальное архитектурно-градостроительное наследие.

5. Архитектурно-художественные особенности памятников составляют основу национального своеобразия армянской архитектуры. Это – органическая пространственная и колористическая связь с окружающей природной средой; стремление к кристаллической структуре построения как предельному выражению равновесия (симметрии); единство архитектурной идеи и инженерной логики; лаконизм архитектурного языка; однородность строительного материала; иерархичность построения элементов здания или комплекса по их значимости от целого к деталям как залог гармоничности архитектурного организма; динамика нарастания архитектурной темы от периферии к центру; гармоничная разработка темы от тектоники к декору при высокой культуре обработки плоскости стены. Вспомним О. Шуази, считавшего, что «…чисто армянский способ украшения, совершенно чуждый византийскому искусству, состоит в покрытии поля стен рядом аркатур то полуциркульной, то подковообразной формы» **[4, с. 52–53]**.

Исторические поселения Армении образуют разнообразие силуэтных типов, в которых большую роль играют вертикальные доминанты – особая область в градостроительной культуре, так как они формировали вертикальную композицию, были акцентами в городской среде.

Время, выдвигающее перед архитектурой определенные требования, связанные с уровнем общественного развития, играет важную роль в формировании национального своеобразия. Время является и самым строгим судьей. Ведь многие ансамбли, отдельные храмы или гражданские сооружения, которые считаются сегодня лучшими образцами архитектурно-строительного гения армянского народа и воспринимаются специалистами в качестве сугубо национального проявления, в свое время звучали новаторски, возможно, в отдельных случаях даже непривычно и далеко не сразу встали в стройный исторический ряд. На протяжении всей истории развития архитектуры проблема ее своеобразия неизменно оставалась одной из важнейших и армянские зодчие решали ее на всех этапах формирования национальной культуры с присущей им глубиной и творческим блеском.

Перед зодчими стоят и конструктивно-художественные задачи, решение которых должно быть в тесном взаимодействии не только с общей планировочной концепцией развития городского пространства, но и с сохранением существующей исторической застройки, с бережным отношением к памятникам истории и культуры страны. При проектировании реконструкции объектов в составе исторической среды необходим поиск новых форм, ассоциативно связанный с сохранившейся средой или с историческими впечатлениями. Важная роль в достижении гармонического единства старого и нового должна отводиться выбору строительного и отделочного материала, цветовой характеристики **[5, с. 29].**

Библиографический список

1. *Конрад Н.И.* Избранные труды. – М., 1974 – 470 с.

2. Культура и самобытность [Электронный ресурс]. – URL: http://sararmavir.ru/.

3. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное наследие армянских зданий Екатеринодара и Армавира XIX–XX вв. // *Жилищное строительство.* – 2014. – № 12. – С. 26–31.

4. *Шуази О.* История архитектуры. В 2 т. – ВАА, 1937. Т. 2 – 350 с.

5. *Субботин О.С.* Особенности регенерации кварталов исторической застройки. Ч. 1 // *Жилищное строительство.* – 2012. – № 11. – С. 26–29.

Дьяконова С.А.
sargyland@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 745/749+39(571.56)
ББК 85.124(2Рос.Яку)

ТИПЫ И ВИДЫ ОРНАМЕНТОВ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДА САХА

Аннотация. В статье рассматривается орнамент в декоративно-прикладном искусстве якутов, который дифференцируется на три типа. Анализируется каждый тип орнамента, состоящий из отдельных видов узора, связанных с различными факторами, описываемыми в тексте статьи.

Ключевые слова: орнамент, декоративно-прикладное искусство, якуты, Восточная Сибирь.

История орнамента в культуре декоративно-прикладного искусства народа саха связана с южным происхождением якутов, которые, гипотетически, в XIII в. расселились на территории Восточной Сибири.

В Средневековье предки якутов заключали внутри орнаментальных мотивов миропонимание, обычаи, традиции, виды деятельности, исторические события и магический смысл, где отражались культурные связи с другими народами: монголами, алтайцами, казахами и т.д. **[1].**

По У. Йоханзен, якуты украшали каждую вещь, которая призвана служить долго **[2, с. 22]**. Издревле орнамент был важнейшей частью декоративно-прикладного искусства, систематически объединяющий все предметы быта, одеяния, а также экстерьер и интерьер летнего и зимнего жилищ. Эти предметы выполнялись из экологических материалов: дерева, бересты, кожи, глины, камня, железа и пр. Например, после изготовления деревянного кубка для кумыса, на его внешней поверхности мастера вырезали орнаментальные мотивы в ярусном порядке – это чаще были геометрические узоры, которые в орнаментике якутов были самыми древними из всех типов орнамента.

Исследователи якутской орнаментики делали попытки определить последовательную систему возникновения типов орнамента. По исследованиям В. Йохельсон, У. Йоханзен, А.И. Гоголева, старейшими мотивами считали **геометрический** тип орнамента, датируемый III–V вв. до н.э. **[3, с. 87–89]**, затем **зооморфный** тип, так как изображения животных присутствовали, по В.В. Ушницкому, в древних тотемах, в верхушках сэргэ и различных украшениях **[4].** Третьим видом считается **растительный** орнамент.

Итак, последовательность возникновения **типов орнамента** в культуре декоративно-прикладного искусства следующая:

1. Геометрический орнамент является самым распространенным типом, характерным для якутского искусства, при помощи которого изображали всевозможные обрядовые символы, природу и окружение.

С древних пор якуты этим видом орнамента украшали деревянную коновязь – сэргэ, кумысную утварь, одеяние, украшения и военные атрибуты. В оформлении сэргэ сочетались чаще геометрический и зооморфный типы орнамента, символизирующие тотем племени саха (конь, орел, лебедь и т.д.).

Летнее жилище – ураса (могол ураса – крупногабаритное летнее жилище) –

с наружной части на полотнищах украшалось также геометрическими и зооморфными орнаментами. Эти узоры, выполненные из светлой и темной бересты, зашивались на полотнищах нитками из конских волос. Данные орнаменты были скотоводческого характера – узор «лиры» или «коровы», означающие плодородие скота, оберег – узор предков (ромб, крест), линейный дугообразный узор (полукруг) **[5]**. Изнутри ураса, как и снаружи, украшалась берестой (деталь интерьера: дверь – хаппахчы, выполненная из светлой и темной бересты), деревом (колонны, выполнявшие конструктивные функции, соединялись резными орнаментальными мотивами, возвышавшимися над колоннами) **[6]**. Зимнее жилище снаружи не украшалось, оформляли внутреннюю часть юрты-балагана орнаментом, символизирующим защиту от злых духов, узорами предков и пр. Немаловажную роль в интерьере играли такие мелкие детали, как домашняя утварь, которая украшалась полностью орнаментами, а также одежда, меховые изделия, предметы обихода и т.д.

Основные виды геометрического орнамента:

1) *Ромбовидные* (ромбы, квадраты, сетки) изображались почти во всех предметах: в мужском одеянии, кумысной утвари, сэргэ и т.д. И в оформлении интерьера летнего жилища – урасы. Эти мотивы имеют ромбовидный узор, который считается узором рода, в комбинации с другими типами орнамента получались усложненные композиции, которые передавали смысл или содержание рода.

2) *Зигзагообразные* (зигзаг, треугольник) изображались на поверхности сэргэ в виде непрерывной цепи, состоявшей из треугольных линий, этим узором оформляли кумысную утварь, деревянную посуду, что символизировало либо летнее жилище – урасу, либо являлось пожеланием благополучия в доме.

3) *Дугообразные* (дуги) изображения считались божественными мотивами. В геометрическом варианте дуги передавали легкость и придавали чувство защиты и покровительства Богов.

4) *Круговые* (точки, круги) рисунки символизировали солнце. Символика солнца вырезалась также на поверхности сэргэ, мужских (ремни) и женских украшениях (шейные украшения), конных убранств (седло), посуде и одеянии и представляла собой круг, внутри которого изображался малый круг, и с него до края большого круга динамичными линиями вырезались лучи солнца. Иногда эту символику изображали очень лаконично – большой круг, в центре которого располагалась небольшая точка.

5) *Крестовидные* (кресты) изображались с другими мотивами, например с узором лиры, завершением завитков и т.д. Они имели вид соединенных 4 ромбов, также имеющих символ сторон света, который в культуре якутов имел большое значение.

6) *Штриховые рисунки*, которые изображались в виде повторяющихся коротких и длинных гребенчатых линий. Они вырезались прямыми линиями, иногда под разными углами, такие виды мотивов использовались в оформлении сэргэ, деревянной посуды. Штриховые одинаковые рисунки означали ограждение или границу, этот узор вырезался на верхнем крае кумысного кубка и сэргэ. Даже в одеянии присутствовала некая символика границы ограждения.

2. Вторым по времени возникновения орнаментом считается **зооморфный**, на его становление оказал влияние вид деятельности якутов (скотоводство) и почитание священных животных (конь, орел, лебедь).

Орнамент в виде коровы (по Б.Ф. Неустроеву) или формы лиры (по У. Йоханзен) считается основным орнаментом в отделке предметов, символизирующим скотоводческую деятельность, поэтому многие специалисты считают этот вид орнамента самобытной формой якутских узоров. Узор лиры или коровы в древности на Алтае носил магические функции оберега и означал плодородие домашнего скота.

Виды зооморфного орнамента:

– *лировидный* (узор коровы) присутствовал в оформлении предметов быта **[5]** (шкатулки), интерьера летнего и зимнего жилищ, в виде праздничных украшений в день солнцестояния – Ысыах, празднуемый якутами в летнее время. Эта символика отражается даже на детских деревянных игрушках, некая трансляция обыденной жизни, вида деятельности народа.

– *тотемный вид.* Этот вид был распространен среди рода или племен, в виде тотемных символов. Их изготавливали из дерева и возвышали на верхушке сэргэ – это могли быть фигурки: головы коня, ушей коня, орла и т.д.

3. Третьим типом орнамента, появившимся в декоративно-прикладном искусстве якутов, является **растительный**. По У. Йоханзен, эти орнаменты могли внедриться в якутском искусстве через Среднюю Азию и Южную Сибирь **[2].** Растительный орнамент изображал богатую природу, вьющиеся растения, яркие цветы, характерные для европейской части. Многие исследователи считают, что растительные мотивы в декоративно-прикладном искусстве появились только после прихода русских на территорию Восточной Сибири. Но при анализе геометрического вида узоров, привнесенных южными предками якутов, четко считываются геометризированные растительные мотивы, например трава, листья, деревья, – изображали их очертания прямыми линиями, плавные линии присутствовали в композициях чаппараах – конского убранства, в виде Древа Жизни.

Виды растительного орнамента дифференцировались:

– *на завитковый* вид (завитки, Древо Жизни – Аал – Лук – Мас) изображались на женском одеянии, обуви, конском убранстве (*чаппараах* – коврик – покрывало, закрывающий круп коня) **[7]**, предметах интерьера. Эти мотивы связаны со скотоводческой деятельностью якутов (то есть с зооморфным орнаментом), имеют спиралевидные концы в виде вертикального S – образного рисунка, напоминающего непрерывно вьющееся растение. Изображение Древа выполнялось на *чаппараахе* девушки, которая выходит замуж. В композиции присутствовал зооморфный вид орнамента – лиры, из которого вились ветви, символизировавшие состав рода невесты, и благословение на продолжение рода молодой семьи. Визуально, таким образом, получалось эстетически привлекательное изображение Древа из растительного и зооморфного типов орнамента.

– *лиственные* (листья, деревья) рисунки не применялись в оформлении домашней утвари, чаще в украшении различных коробок женского обихода. Этот вид орнамента изображали геометризированными линиями, например, дерево вырезали в виде прямой линии (то есть ствола) с прямыми, направленными вверх длинными ветвями из трех линий, либо с короткими ветвями. Также образ дерева выполнялся из различных комбинаций геометрических орнаментов (треугольники, ромбы, дуги). Листья растений изображались в виде идеальной продолговатой формы листочка, внутри которого мастера показывали природные линии листьев,

но иногда на мелких рисунках формы листьев напоминали зерна пшеницы, внутри которых примитивно получалась прямая центральная линия. В композиции листья ритмично располагали двойным рядом или методом зигзага (листья касались нижними и верхними концами).

– *штриховый* (трава). Трава графически изображалась простыми вертикальными линиями (штриховыми) либо как высокая трава с мелкими ростками. Эти мотивы комбинировали с цветочным видом.

– *цветочный* вид изображали так же, как и лиственный, на женских атрибутах для шитья. Цветочные мотивы составлялись из комбинаций простых форм геометрических и растительных видов. Например, простейший образ цветка изображался в виде Х-образно или крестообразно расположенных продолговатых листьев, которые ритмично повторялись. А наиболее сложные рисунки выглядели эстетически полными с различными видами, где сочетались ромбовидные, лиственные, круговые и завитковые орнаменты. В сложной композиции эти виды сочетались и в целом преобразовывались в красивый цветочный орнамент.

Все типы и виды орнаментики в культуре декоративно-прикладного искусства народа саха обогащались в различные периоды, связанные с историческими событиями, которые отразились в оформлении многих предметов быта.

Различные комбинации типов узора придавали обыденным предметам быта эстетичность, которые в современное время являются частью культурного достояния. Через призму старинных орнаментов новое поколение наблюдает прошедшие эпохи, анализируя и изучая развитие декоративно-прикладного искусства, в результате чего в XXI столетии создаются новые предметы, адаптированные к жизнедеятельности нового поколения якутов.

Библиографический список

1. *Тульбасиева Л.Е.* Интерьер жилой юрты как художественно-композиционная система (казахское народное жилище кочевого периода): дис. … канд. искусствоведения. – М.: РГБ, 2007.
2. *Йохансен Улла.* Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование / отв. ред. М. Ахметова, пер с нем. С.И. Петровой. – Якутск: Компания «Дани Алмас», 2008. – 160 с.
3. *Гоголев А.И.* Историческая этнография якутов: учеб. пособие. – Изд-во Якутского госуниверситета. – Якутск, 1980. – 180 с.
4. *Ушницкий В.В.* Население байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме этногенеза саха). – Якутск, 2013. – 170 с.
5. *Неустроев Б.Ф.* Саха ойуута – бичигэ – Узоры и орнаменты саха / Мандар Уус. – 2е изд. – Якутск: Бичик, 2010. – 144 с.
6. *Неустроев Б.Ф.* Могол ураса. – Якутск: Бичик, 2015. – 256 с.
7. *Барахова М.Е.* Саха торут ойдобуллэрэ. – Якутск: Комуол, Т. 1. – 2014. – 136 с.

Субботин О.С.
subbos@yandex.ru
КубГАУ, г. Краснодар, Россия

УДК 72.03 (470.620)
ББК 85.11

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ

Аннотация. Рассмотрены ключевые моменты первоначального этапа освоения Кубани. Проведены исследования, охватывающие устройства оборонительных пограничных укреплений. Акцентируется внимание на развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани. Раскрыты основные принципы устройства сторожевых постов. Выявлена характерная типология укрепленных пунктов поселений Кубани.

Ключевые слова: Кубань; крепость; поселение; населенное место; укрепления; кубанская линия; сторожевой пост.

Историческая справка. Успешное разрешение сложных архитектурно-градостроительных проблем современных поселений возможно лишь на основе всестороннего изучения исторических закономерностей их формирования, познания региональных особенностей развития и архитектурно-планировочного генезиса. Анализ эстетического, функционального и инженерного содержания отечественного архитектурного и градостроительного наследия является гарантией постижения глубинных корней российского зодчества.

Большая часть современных поселений Кубани была основана в конце XVIII и на протяжении XIX в., в процессе заселения края. В результате победы России над Турцией в Русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) Азовское море стало русским. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, заключенному в 1774 г., к России отошли Азов, крепость Кинбурн и Керчь с крепостью. Правобережье Кубани в то время представляло собой слабозаселенные, непроходимые лесные и камышовые заросли, которые отрезали друг от друга пикеты и кордоны, облегчая разбойные нападения на пограничную охрану **[1, с. 8]**.

Устройство пограничных укреплений. Для пресечения экспансии Турции, не оставлявшей попыток использовать Северо-Западный Кавказ с целью возвращения Крыма, Россия приступает к возведению на южных рубежах укрепленных линий: Азово-Моздокской и Кубанской, по реке Кубани, где в то время находились русские войска. В 1777 г. командиром Кубанского корпуса русских войск был назначен А.В. Суворов, прибывший на Кубань в начале 1778 г. Под его руководством здесь в короткий срок был построен ряд укреплений: крепостей, фельдшанцев, редутов. Располагались они, как правило, в местах удобных переправ через Кубань. Главной крепостью линии была Копыльская, или Благовещенская (на месте нынешнего города Славянска-на-Кубани) **[2, с. 8–9].**

Наряду с Черноморской кордонной линией для прикрытия русских поселений от набегов закубанских народов была возведена Кубанская линия – система оборонительных пограничных укреплений *(рис. 1)*.

С 1783 г., после опубликования Россией Манифеста о присоединении Крыма, правобережной Кубани и Тамани, границей стала река Кубань. По ее правому берегу начали возводиться новые укрепления. В 1784 г. были заложены Прочный Окоп и Преградный Стан, в 1787–1791 гг. устроены редуты и посты: Невинномысский, Убеженский, Григориполисский, Темижбекский, Кавказский, Казанский, Тифлисский, Ладожский и др.

Рис. 1. *Схема укрепления Кубанской линии (1778–1792 гг.)* **[3, с. 16]**

Эти пограничные укрепления оставались единственными русскими поселениями на Кубани до 90-х гг. XVIII в., если не считать заброшенных городков некрасовских казаков на Лабе и Тамани **[2, с. 8–9]**.

Заслуживает внимания история создания крепости Прочный окоп. Указанная крепость была воздвигнута в 1784 г., а рядом с ней – солдатский городок Фортштадт. В 1793 г. с Дона в крепость были переселены казаки с семьями. Они основали на месте нынешней Старой Станицы станицу Прочноокопскую, которая впоследствии была перенесена на новое место (в 5 км от Армавира). В 1839 г. на левом берегу Кубани против крепости Прочный Окоп поселились 42 семьи черкесогаев (горских армян) **[4, с. 9]**. Так началось зарождение будущего города Армавира *(рис. 2–3)*.

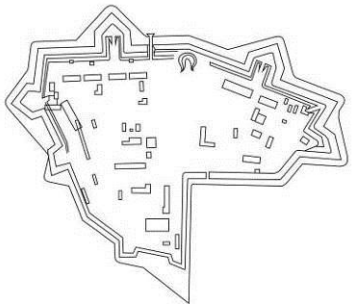


Рис. 2. *Прочноокопская крепость*

Рис. 3. *Становление Армавира*

Начало административного устройства Кубани относится к 1792–1794 гг., когда русское правительство в целях укрепления южного пограничья переселило сюда черноморских и донских казаков.

Жалованной грамотой от 30 июня 1792 г. Екатерина II, «желая воздать заслугам войска Черноморского», пожаловала «в вечное владение состоящий в области Таврический остров Фанагорию со всей землею, лежащею на правой стороне реки Кубань от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так, чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же – Азовское море до Ейского городка служили границей войсковой земли». Этой Грамотой на Черноморское казачье Войско было возложено решение двух важных задач: защита значительной части южных рубежей и хозяйственное освоение пожалованных земель **[5, с. 227]**.

Система расселения населенных мест. Граница территории, отведенной черноморцам, проходила по реке Кубани от ее старого устья у Черного моря до нынешней станицы Воронежской, а оттуда на 20 верст на восток через речку Кирпили до впадения реки Камышеватой в речку Челбасы, и далее к северо-востоку на старую заставу у верховьев рек Плоской, Кавалерки, Грязной и Куго-Еи. Северную границу Черноморья составляла река Ея, до ее впадения в Ейский залив Азовского моря. Общая территория, отведенная черноморцам на Кубани, равнялась 2855996 десятинам. К осени 1794 г. на ней разместилось 40 куреней (селений), с войсковой резиденцией у Карасунского кута в городе Екатеринодаре **[6, с. 15]** *(рис. 4)*.

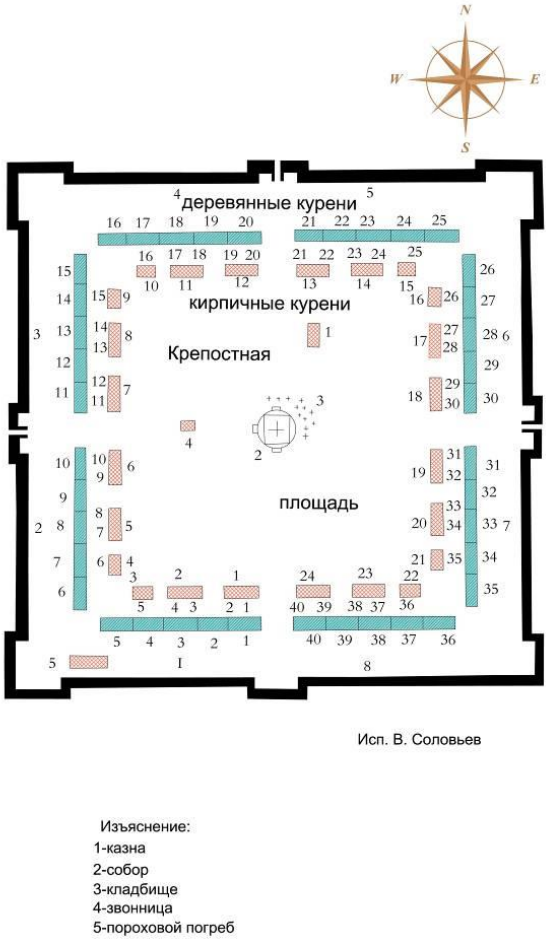


Рис. 4. *Екатеринодарская крепость* **[3, с. 19]**

О планировке поселений пограничных кубанских станиц, заселенных черноморцами, сообщается так: «В черноморской станице планировки нет никакой. Казачьи станицы обносились обыкновенной канавой, обложенной терновником, а по углам устраивались земляные батареи. При въезде в станицу, над воротами находилась вышка, с которой можно было обозревать окрестности станицы и вовремя предупредить нечаянное нападение… Между станицами на возвышенных местах устраивались казачьи посты для наблюдения за неприятелем. На посту стояла высокая вышка на 4 подпорках, открытая во все стороны **[7, с. 125]** *(рис. 5)*.

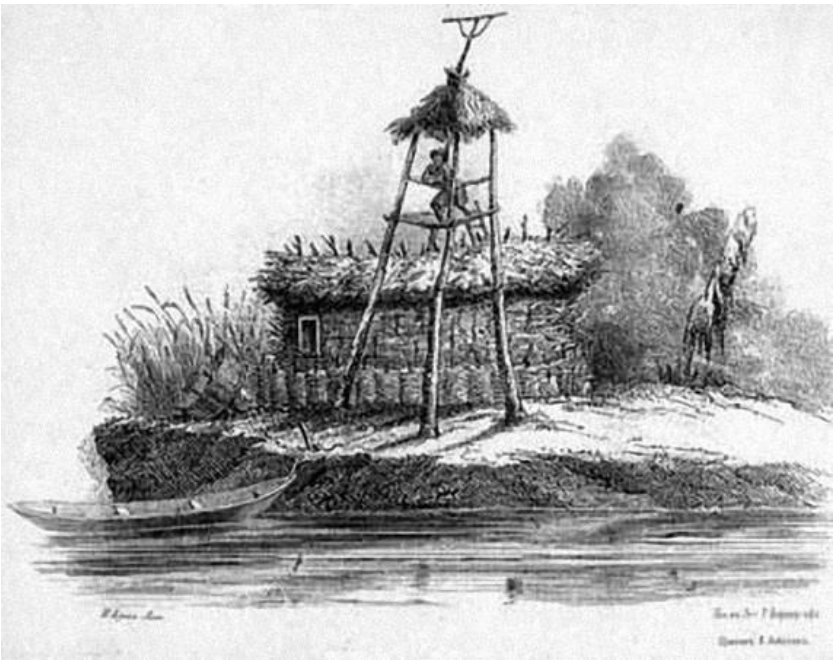


Рис. 5. *Пикет Черноморской кордонной линии конец XVIII – начало XIX в.* **[3, с. 17]**

Устройство сторожевых постов. При каждом сторожевом посту была не только смотровая вышка, но и «кукла» рядом с нею. «Куклой» казаки называли высокий шест, вкопанный рядом с вышкой, и в верхней его части сноп сухого, горючего материала в виде камыша и хвороста. В случае нападения или какой другой тревоги «куклу» поджигали, и ее яркое пламя служило сигналом для других постов и резерва сторожевой охраны, а также для станиц. В станицах били в «набат» церковным самым могучим колоколом. Время от времени сторожевые команды чередовались. Вместо уставших прибывали новые команды, строго по расписанию. Ни при каких обстоятельствах самовольно покидать пост не разрешалось, а крайне редкие такие случаи карались очень сурово, так как приравнивались чуть ли не к измене – самого страшного преступления по казачьим обыкновениям **[8, с. 36]**.

Заключение. Выявлено, что типология укрепленных пунктов поселений Кубани включает в себя четыре типа сооружений: крепость – укрепленное место с долговременными оборонительными сооружениями, форт – отдельное долговременное укрепление в системе оборонительных сооружений, укрепление – оборонительное сооружение, бастион – крепостное военное укрепление

прямоугольной формы. При этом, если в конце XVIII в. на оборонительной кубанской линии, расположенной на равнинной и предгорных территориях, размещались крепости (Екатеринодарская крепость, Прочноокопская крепость, Лабинская крепость и т.д.), то на кавказских укрепленных линиях (Азово-Моздокской и Черноморской), расположенных вдоль моря, в основном – форты и укрепления (форты: Вельяминовский, Лазарева, Головинский Навагинский; укрепления: Новороссийское, Геленджикское, Михайловское и т.д.). Большинство крепостей и укреплений являлись образцами компактного плана и предзнаменовали тенденцию развития перспективной регулярной планировочной структуры поселения **[9, с. 23–24]**.

Библиографический список

1. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное развитие исторических населенных мест Юга России: монография / науч. ред. С.Б. Чистякова. – М.: Изд-во АСВ, 2012. – 232 с.

2. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани / сост.: А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, Н.С. Вертышева. – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. – 394 с.

3. *Субботин О.С.* Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // *Жилищ. строит-во.* – 2014. – № 11. – С. 16–22.

4. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное наследие г. Армавира // *Жилищ. строит-во.* – 2011. – № 5. – С. 9–12.

5. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное развитие г. Екатеринодара до начала XX в. // *Вестн. МГСУ.* – 2011. – Т. 1. – № 1. – С. 227–231.

6. *Навозова Ф.В.* Краснодарский край. – Краснодар: Сов. Кубань, 1955. – 420 с.

7. *Надеждин П.П.* Кавказский край: природа и люди / изд. 3-е. – Тула: Тип. В.Н. Соколова, 1901. – 521 с.

8. *Синанов В.И.* История станицы Бекешевской в очерках, рассказах, новеллах и легендах (1825–2000 гг.). – Ессентуки: Изд. дом, 2003. – 239 с.

9. *Субботин О.С.* Архитектурно-градостроительное развитие Кубани XVIII–XX вв.: автореф. дис. … д-ра архитектуры: 18.00.01. – Ереван, 2014. – 48 с.

Комличенко М.А.
macom@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

ТИПЫ МОНАСТЫРСКИХ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XIX ВЕКАХ

Аннотация. В данной статье исследуются объемно-планировочные особенности храмовых сооружений исторических монастырских комплексов на территории Западной Сибири с начала их основания (XVII в.) по XIX в. – период их становления и расцвета. На основе монографических, архивных и натурных исследований монастырских храмов выявляются закономерности их возведения и типология объемно-планировочных решений. Территория исследований определялась по границам Тобольской и Томской губерний в выбранный исторический период. В статье рассматриваются деревянные и каменные храмы монастырей Западной Сибири. Многие сакральные сооружения исторических монастырей были утрачены по причине стихийных бедствий и социально-политических, мировоззренческих изменений общества. Дошедшее до настоящего времени храмовое монастырское наследие, монастырские архитектурные ансамбли представляют несомненную историко-культурную и архитектурную ценность, подлежат изучению, сохранению и возрождению.

Ключевые слова: монастырские храмы; типология храмов; монастыри; монастырские комплексы; сакральная архитектура Западной Сибири; архитектурное наследие.

1. Традиции и особенности возведения сакральных сооружений на территории монастыря. Традиционно строительство монастыря на территории Западной Сибири начиналось с закладки храма или возведения часовни. Затем, подчиняясь иерархической радиальной или периметрической композиции, в монастырском комплексе сооружались жилые, хозяйственные и общественные постройки. Храм задавал параметры развития комплекса и соразмерность его сооружений.

В зависимости от местоположения и размеров обители, на монастырской территории могло располагаться от одного до нескольких храмов. Крупнейшим обителям часто приходилось брать на себя приходскую функцию. В результате на территории монастыря располагались, кроме монастырских церквей, приходские храмы, обладающие суверенной территорией.

2. Деревянные церкви первых монастырей. Первые храмы сибирских монастырей до середины XVII в. были деревянными и до настоящего времени не сохранились.

Первым монастырским храмовым сооружением старейшего Далматова монастыря (1644 г.), первоначально устроенном старцем Далматом в пещере, стала часовня с деревянными сенями. На месте вскоре сгоревшей часовни построили деревянную церковь в честь Успения Божьей Матери, с братскими кельями вокруг нее и деревянной оградой из тына **[3, с. 89].**

Холодная деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы была построена еще до открытия, в 1657 г., при ней Кондинской Троицкой обители, возникшей на высоком мысу правого берега Оби, омываемым с северо-востока речкой Кондушкой. По описаниям того времени, она имела два придела, шатровое покрытие, и была обнесена бревенчатой оградой со Святыми воротами. Троицкая церковь,

просуществовав в первоначальном виде около ста лет, в 1752 г. была заменена новой каменной. В летописях начала 70-х гг. XVII в. упоминается еще одна монастырская деревянная церквушка во имя Святых Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, к тому времени опустевшая и развалившаяся. В начале 80-х гг. XVII в. рядом с Троицким храмом была построена новая, теплая, шатровая церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с пристроенными к ее объему трапезной, келарской, алтарем и одним приделом **[11, с. 118].** Церковь Пресвятой Богородицы, перестроенная в 1727 г., простояла до середины 70-х гг. XVIII в.

Деревянная церковь Знамения Преподобной Богородицы Новгородской с пятью кельями размещалась на территории Тобольского Знаменского монастыря (1595 г.), основанного под горою за острогом в устье речки Мостовой. Первоначальные деревянные храмовые постройки монастыря дважды уничтожались пожарами в 1659 и 1677 гг. После последнего пожара вновь были построены деревянные церкви: Знаменская и Казанская. Первая стояла на южной, а вторая на северной стороне монастырской ограды.

В Верхотурском Николаевском монастыре (1604 г.), со времени его основания, Николаевская и Преображенская церкви были деревянными, впоследствии их перестроили в камне. Первоначально заложили небольшой деревянный храм во имя Святителя Николая, которого особенно почитали первые русские жители Сибири. В память царствовавшего тогда Бориса устроили предел во имя благоверных князей Бориса и Глеба. С 1608 г. при храме сооружается предел во имя Дмитрия Солунского. В книге Верхотурских приходов и расходов за 1657 и 1669 гг. в монастыре упоминается церковь Успения Пречистой Богородицы. В конце XVII – начале XVIII в. деревянный Покровский храм, существовавший до 1738 г., был уже единственным. Покровская церковь была перенесена в Верхотурскую Покровскую женскую обитель после бывшего там пожара **[4, с. 30]**.

Первым сакральным сооружением старинного Усть-Киргизского монастыря под Томском на речке Киргизке был трехпрестольный храм в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы **[5].** После обвала берега, подмытого Киргизкой, он сооружен был вновь. Затем в пожаре храм сгорел и впоследствии был восстановлен на новом месте, в конце Томского посада, когда монастырь в 1663 г. перенесли в город. К началу XVIII в. вновь построенная церковь обветшала, и ее перестроили. Новый храм, освященный в 1711 г., простоял недолго. В 1754 г. 18 июня его спалило дотла от удара молниии. Митрополит Сильвестр повелел построить временную деревянную церковь, а затем готовиться к строительству каменной. Сооружение временного храма, простоявшего 20 лет, завершилось к 1756 г. **[9, с. 82].**

К Томской Алексеевской обители с севера прилегал Христорождественский монастырь (1671 г.). Первый монастырский храм, построенный при основании Христорождественской обители, был сломан за ветхостью в начале XVIII в. Его восстановление относится к 1711 г., но через 55 лет храм сгнил и был перестроен в дереве, освящен в конце 1769 г. во имя Святого Николая Чудотворца. Новая церковь была разобрана в 1792 г. с тем, чтобы на ее месте начать кладку каменной церкви. К тому времени монастырь упразднили и храм передали приходу. На протяжении всего существования обители в ней не было ни одного каменного сооружения **[1, с. 170].**

2. Каменные храмы сибирских монастырей. С возведением каменных храмов открывается новая страница в зодчестве Сибири. Анализируя объемно-пространственные и планировочные аспекты храмовых сооружений, можно выделить несколько типов:

– *Трапезный тип церкви* – наиболее распространенный тип храмов сибирских монастырей.

Трапезный тип храмов с симметричным планировочным решением характерен для монастырей Томска и Верхотурья.

Так, первый каменный храм в городе Томске – Казанская церковь (1776 г.) Алексеевского монастыря – представлял собой сооружение бесстолпного 2-светового четверика, пятигранной фигурной апсиды и обширной трапезной с двумя боковыми приделами, которые повторяли по форме апсиду храма. С запада к храму примыкал притвор, построенный, очевидно, позднее. Храм перекрывался высоким сомкнутым сводом и был увенчан пятиглавием. Трапезная с невысоким цоколем была перекрыта системой цилиндрических сводов с распалубками. Апсиды приделов перекрыты коробовыми сводами, переходящими в конхи с распалубками. Над трапезной была устроена двускатная крыша.

В Томском Иннокентьевском монастыре в 1866 г. был возведен Успенский собор – представитель данного типа церкви. К храму с одной большой и четырьмя малыми главками была пристроена колокольня в три яруса. Успенский собор и пятиглавая Иннокентьеская церковь (1865 г.) с пристроенной трехъярусной колокольней (моносевой трапезный тип церкви с развитой горизонтальной продольной осью) составили основу объемно-планировочной композиции монастыря **[12].**

В Верхотурском Николаевском монастыре три храма трапезного типа образуют группу сакральных сооружений. Величественный и грандиозный Крестовоздвиженский собор (1913 г.) с двумя придельными алтарями расположен внутри монастырской ограды среди небольшой площади. С запада перед ним находятся два старых монастырских храма – Николаевский (1738 г.) и Преображенский (1828 г.). Преображенский храм с двумя приделами и в одной связи с колокольней был построен по плану и фасаду, взятому из книги «Высочайше утвержденных планов», составленных г. Тоном **[2, с. 26].** Крестовоздвиженский собор и Преображенская церковь имели симметричное планировочное решение. Никольский храм, возведенный по образу соборной церкви на месте старого, с приделом с северной стороны, получил асимметричное планировочное решение.

Объемно-пространственная композиция Покровской церкви (1744–1753 гг.) Покровского монастыря (1621 г.), расположившегося на левобережье г. Верхотурье ниже по течению реки Туры, представляла собой широко распространенный в московской архитектуре конца XVII – начала XVIII в. образец симметричного трапезного храма с большим восьмигранным барабаном, поставленным на храмовый «четверик».

Два храма Верхотурского Покровского монастыря – Иоанно-Предтеченская церковь (1753–1776 гг.), отличавшаяся среди верхотурских храмов XVIII в. объемным построением, решенным в два этажа, и подчеркнуто удлиненными пропорциями многоярусной колокольни высотой около 50 м, и новая Покровская церковь (1902 г.), решенная по осевой трехчастной схеме, представляли собой *Трапезный тип церкви анфиладного строения с развитой горизонтальной продольной осью* **[10, с. 16].** Храмовый объем новой Покровской церкви венчал купол на восьмигранном световом барабане. Четырехгранный со скошенными углами столп коло-

кольни был прорезан проемами звона в один ярус. Колокольня, храмовый купол и апсида венчались луковичными главками.

К данному типу церкви принадлежала также двуглавая церковь Сорока Мучеников (1717 г.) Тюменского Троицкого монастыря с пристроенным каменным одноэтажным корпусом для кухни и братских келий и вышеуказанная Иннокентьеская церковь (1865 г.) Томского Иннокентьевского монастыря.

Трапезный тип церкви с асимметричным планировочным решением присущ храмам обителей Енисейска. Церковь Нерукотворного Спаса с колокольней, построенная из камня в конце XVII – начале XVIII вв., была доминантой Енисейского Спасского монастырского комплекса. Первоначально храм был сооружен без пристроек и представлял собой вытянутый с востока на запад бесстолпный объем с апсидой в восточной части. Центральная часть церкви представляет собой «восьмерик» на «четверике», перекрытый сводом. В храмовый комплекс монастыря, кроме Спасского собора с колокольней, вошла Захарьевская надвратная церковь.

В Енисейском Христорождественском (Иверском) монастыре группу сакральных сооружений представляла Христорождественская двухэтажная шестипрестольная церковь (1755 г.) **[9, с. 347]** асимметричного планировочного решения с колокольней (с середины XIX в. – приходская), каменная часовня над могилою старца Даниила (1859 г.), Иверская однопрестольная церковь (1873 г.) и колокольня, устроенная отдельно от Иверской церкви, в восточной башне монастырской ограды **[6, с. 51].**

Подобным образом была устроена каменная Успенская церковь Далматова монастыря (1719 г.), построенная на месте деревянной сгоревшей. Асимметрия вызвана смещением купола относительно центра в юго-восточный угол объема. К двухъярусному объему церкви примыкает с запада двухэтажная трапезная, следом за ней – пятидесятиметровая колокольня.

В храмовых комплексах монастырей Тюмени, ТобольскаЮ Енисейска встречаются и другие типы планировочных решений церквей, в том числе редчайшие.

Комплекс сакральных сооружений Тюменского Троицкого монастыря представлен тремя храмами: Троицкой церковью, церковью Петра и Павла и вышеупомянутой церковью Сорока Мучеников.

– *Крещатый тип церкви* – уникальный в Западной Сибири образец сакрального сооружения, представителем которого является пятиглавая Петропавловская церковь (1725 г.) Троицкого монастыря. Эта церковь еще уникальна тем, что восьмигранная с каменным шатром колокольня встала в одной связи с храмом, нетрадиционно с восточной его стороны.

– *Кубический тип церкви с асимметричным планировочным решением* представляет Троицкая церковь (1715 г.) Тюменского Троицкого монастыря – первая соборная пятикупольная трехнефная церковь с четырьмя престолами, самобытная своей архитектурой.

К данному типу церквей принадлежал пятиглавый Преображенский собор (1685–1691 гг.) Тобольского Знаменского монастыря. Кубичный объем храма в сакральной групповой композиции монастыря занимал центральное положение **[8, с. 220].** Казанская 2-этажная каменная церковь (1767–1768 гг.), надвратная колокольня, возведенная в традициях середины XVIII в. и Знаменская церковь (конец XIX в.) располагались вокруг него.

– *Тип однокупольных храмов* ярко выражен в храмовых монастырских со-

оружениях окрестностей Тобольска.

В Абалакском Знаменском монастыре под Тобольском три храма, сосредоточенные в северо-западной части территории. С 1750 по 1752 г. здесь была построена однокупольная, 4-угольная в плане каменная Никольская церковь. В течение 1752–1759 гг. возводится церковь Марии Египетской, помещенная в одном из ярусов восьмигранной 4-ярусной колокольни, которая представляет собой высокий «восьмерик» на «четверике» храма почти такой же высоты **[7, с. 45].** В 1761 г. был реконструирован Знаменский храм, в основе своей имеющий кубический объем с высоким восьмигранником под главою. Он состоит из трех приделов: главного и боковых – южного и северного.

Тип однокупольного кубичного объема храма представлен Иоанновской церковью (1812 г.) Иоанно-Введенского Междугорского монастыря под Тобольском. Храм представляет собой мощный «четверик», увенчанный высоким восьмидольным куполом без барабана **[7 с. 31].**

К восточному фасаду храма пристроена 2-ярусная апсида. Позднее, с запада ступенчато встала массивная трехъярусная колокольня церкви. В 1811 г. в восточной части корпуса, расположенного напротив южного фасада Иоанновской церкви, устроили теплую однокупольную церковь Казанской Божьей Матери с полукруглой апсидой (1853 г.). В 1900 г. напротив главного монастырского храма, у самой ограды, возвели небольшую Троицкую церковь, однокупольную, с планом восьмиугольной формы и прямоугольной апсидой.

В храмовых комплексах сибирских монастырей встречаются надвратные церкви. Так, например, над южными Святыми воротами Верхотурского Николаевского монастыря была построена в азиатском стиле надвратная церковь во имя Свв. праведных Симеона и Анны (1853 г.). Над Святыми воротами Далматова монастыря расположилась надвратная Богословская церковь, построенная в 1724–1777 гг. Надвратная Захарьевская церковь (1785-1790 гг.) находится в Енисейском Спасском монастыре **[4, с. 31].**

Заключение. В монастырских комплексах Западной Сибири изначально возводился один храм или часовня для служения. Храм традиционно занимал центральное место в зоне сакральных сооружений монастыря. Со временем на территории монастыря могли располагаться еще одна или две церкви, выполняющих приходскую функцию.

Первые церкви были деревянными, шатровыми, с приделами (одним, двумя), и часто с пристроенными трапезными. Первые церкви, как правило, были холодными, потом их заменяли на теплые или строили новые теплые, с келарской и алтарем. Среди деревянных храмов упоминаются однопрестольные и трехпрестольные храмы. Часовни обычно пристраивались к общему объему храма или встраивались в ограждение монастыря.

Среди каменных монастырских храмов выделяются несколько типов объемно-планировочных решений. Наиболее распространенным является тип трапезного храма, наиболее редкими – крестообразный и октогонный тип храма, встречаются надвратные церкви, колокольни и часовни.

Возведение в большинстве храмов трапезного типа в Сибири возможно связано с суровыми природно-климатическими условиями. Эта планировочная особенность повлияла и на внешний облик храмов.

Библиографический список

1. *Беликов Д.Н.* Старинные монастыри Томского края. – Томск, 1898.
2. *Божерянов И.Н.* 300 лет со дня основания Верхотурского Николаевского монастыря. – СПб., 1904. 62 с.
3. *Бугаева Н.И.* Архитектура Далматова монастыря и ее значение в развитии каменного зодчества Урала и Сибири XVIII века // *Вопросы градостроительства и архитектуры Урала.* – М., 1987. – С. 89–98.
4. Верхотурский Николаевский монастырь // Екатеринбургский Епархиальный вестник. – 1995. – №3–4. – С. 29–34.
5. ГАТО. Ф.175. Оп. 2. №21.
6. Живописное описание монастырей и обителей. Вып. 1–7. – 1903. – С. 47–56, 81–91.
7. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. – М., 1987. – 188 с.
8. *Кириллов В.В.* Тобольск. – М., 1984. – 239 с.
9. Краткое сведение об Енисейском женском Христорождественском, 3 класса монастыре // Памятная книга Енисейской губернии на 1863 год. – СПб., 1863. – С. 346–350.
10. Нечаева М.Ю. Женские обители Верхотурья. Екатеринбург, 2000. – 20 с. – URL: http://atlasch.narod.ru/.
11. Очерки истории Коды / Морозов В.М. [и др.]. – Екатеринбург, 1995. – 192 с.
12. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. № 2125.

Духанов С.С.
ssd613@ngs.ru
Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, Россия

УДК: [72.036+711.4.03](571.1)
ББК: 85.113(2)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы изучения региональной специфики архитектуры и градостроительства Западной Сибири XX века. Анализ работ ведущих исследователей показывает, что региональные особенности оказались наименее изученными для периода 1920-х – 1950-х гг. Это связано с широко распространенным мнением, что после разрыва преемственности в архитектурно-градостроительной сфере, произошедшего на рубеже 1910-х – 1920-х гг., активное влияние центральных планирующих и проектирующих организаций свело на нет возможности проявления региональной специфики. Однако анализ опубликованных работ показывает, что причина не в отсутствии региональных особенностей в 1920-е – 1950-е гг., а в слабой изученности первоисточников этого времени.

Ключевые слова: история советской архитектуры; архитектура и градостроительство Западной Сибири; региональные особенности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проведения научного исследования в области гуманитарных наук по теме «Генпланы городов Западной Сибири 1930-х – 1950-х гг.: градостроительные идеи и региональные особенности» (проект №15-04-00356); номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта №115042370011.

Введение. Западную Сибирь отличают суровые, довольно специфические природно-климатические условия (геология, рельеф, водный режим рек, климат и т.д.), которые, так или иначе, влияют на формирование и комфортность архитектурно-градостроительной среды, деятельность проектировщиков и застройщиков. Трансформация проектных идей под воздействием местных условий – распространенное явление. В связи с этим актуально изучение не только местных условий, но и опыта архитекторов-предшественников.

Изучение этого опыта представляет интерес с точки зрения выявления следующих моментов:

- архитектурно-планировочных, инженерных и др. решений, максимально адаптированных к неблагоприятному воздействию природно-климатических условий Западной Сибири.
- закономерностей влияния местных условий на градостроительные, архитектурно-планировочные и инженерные решения.

Результаты. Как показывает анализ опубликованных в 1960-е – 2010-е гг. работ по истории архитектуры и градостроительства Западной Сибири, региональная специфика очень редко привлекала внимание исследователей и в целом оказалась изучена довольно слабо.

Наиболее интенсивно города Западной Сибири развивались в XX в. Железнодорожное строительство на рубеже XIX-XX вв., индустриализация первых пятилеток, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., послевоенный восстановительный период и освоение нефтегазоносных районов в 1970-е – 1980-е гг. полностью изменили архитектурно-градостроительный облик региона.

В советский период наиболее интересными и насыщенными с точки зрения развития архитектуры и градостроительства были 1920-е – 1950-е гг. За это время сменилось пять архитектурно-градостроительных подходов. Материал этого периода должен был отразить наиболее яркие формы влияния региональных условий на развитие и трансформацию архитектурно-градостроительных идей.

Однако историография изучения региональных особенностей архитектуры и градостроительства Западной Сибири XX в. в настоящее время характеризуется тем, что наиболее изучен материал дореволюционного периода (1900-е – 1910-егг.) и конца века (1970-е – 2000-е гг.).

Наличие сибирской архитектурно-градостроительной специфики было хорошо показано на материале XIX – начала XX вв. **[1-8]**. Историками архитектуры изучены местные особенности деревянной и каменной архитектуры дореволюционного периода: роль зданий в структуре городов, архитектурно-планировочные и декоративные приемы **[9-15].**

В работах В.Ф. Болдырева, Г.Н. Туманика, М.Р. Колпаковой и А.В. Киншта рассмотрены региональные ландшафтно-топографические и микроклиматические условия Западной Сибири, их учет местными проектировщиками при составлении проектов планировок городов и реконструкции городских общественных центров в 1970-е – 1980-е годы. На основе полученных результатов ими были разработаны рекомендации по использованию региональных особенностей в архитектурно-градостроительной деятельности **[16-21].**

Активно изучается проявление региональной специфики в архитектурно-градостроительных процессах конца XX – начала XXI вв.: функциональных, демографических, изменений архитектурно-пространственной среды **[22-26]**. Для ряда городов Западной Сибири проанализированы особенности восприятия архитектурного наследия XVIII-XX вв. современными горожанами **[27-30].**

Сегодня среди историков архитектуры постепенно растет понимание того, что региональные архитектурно-планировочные особенности проявлялись и в свете нивелирующих тенденций советского градостроительства. Не только в союзных республиках (как взаимодействие привносимых из центра идей с традиционным национальным зодчеством), но и на уровне РСФСР – на Европейском Севере, Урале и др. **[31-34].**

На этом фоне период 1920-х – 1950-х гг. в истории архитектуры и градостроительства Западной Сибири выступает своеобразным «белым пятном». На материале этого периода историками архитектуры рассматривались, прежде всего, архитектурно-градостроительные идеи, привнесенные из-за рубежа и Европейской части страны (город-сад, соцгород, город-ансамбль, некоторые течения авангарда и т.д.). Вопрос о региональной специфике, как правило, не ставился. Лишь С.Н. Баландин на примере творчества архитектора А.Д. Крячкова показал, что в 1920-е – 1930-е гг. сибирские зодчие, имевшие большой опыт проектирования и строительства в Сибири, активно изучали местные природно-климатические условия и закономерности их влияния на архитектуру зданий **[35].**

Таким образом, наиболее интересный с точки зрения взаимодействия «идей» и «условий» период развития архитектуры и градостроительства Западной Сибири оставался фактически неизученным с точки зрения проявления региональной специфики. Чем была обусловлена такая ситуация?

1. Во-первых, с подходом последней трети XX в., когда вышли наиболее крупные работы по истории архитектуры и градостроительства Западной Сибири советского периода. Они, как правило, посвящались не региону в целом, а отдельным городам (Новосибирску, Барнаулу, Новокузнецку, Омску), творчеству отдельных архитекторов или наиболее эффектным произведениям. При этом основное внимание уделялось не региональной специфике, а идеям и концепциям, привнесенным в Западную Сибирь из европейской части страны. Все вместе это крайне затрудняло выявление региональных особенностей **[36-40]**.

Такой подход определялся задачами, которые ставили авторы этих работ. Исторический материал изучался с целью его практического использования при разработке градостроительной документации. Соответственно, вольно или невольно, исследователи выявляли архитектурно-градостроительные события и объекты, которые представляли актуальность для разработки современных им генпланов. Напротив, подходы проектировщиков к использованию в архитектуре и градостроительстве Западной Сибири первой половины XX в. региональных условий, а также влияние последних на трансформацию проектных идей и эволюцию архитектурно-планировочной среды городов не изучались, поскольку это был материал, потерявший практическую значимость.

2. Во-вторых, исторический материал 1920-х – 1950-х гг. рассматривался через призму ситуации 1970-х – 1980-х гг., что не позволяло увидеть региональную специфику периода со всеми исторически присущими ему противоречиями. Административно-организационные условия в сфере проектирования и строительства последней трети XX в. существенно отличались от первой половины столетия. В 1960-е – 1980-е гг. в южной полосе Западной Сибири уже не строились новые гигантские предприятия, а города, ставшие областными центрами, располагали своими крупными, проектными и строительными организациями (Омскгражданпроект, Новосибгражданпроект и др.). Напротив, в первой половине века ситуация была иной. Существовал Западносибирский край, градостроительное проектирование для которого вели несколько крупных центральных и местных проектных организаций; каждая разрабатывала генпланы сразу для нескольких городов.

3. В-третьих, изучение региональных особенностей градостроительства Западной Сибири 1920-х – 1950-х гг. затруднялось характером сохранившихся первоисточников. С одной стороны, для изучения этого вопроса необходимо привлечение широкого круга архивных материалов, охватывающих территорию всего региона. С другой стороны, эти материалы разрознены, так как по разным городам, ведомствам и периодам они зачастую хранятся в разных местных и центральных архивах.

В основном сохранились документы текстового характера. В них отражены градостроительные идеи того времени, творческая полемика по целому ряду проектов, подходы к использованию региональных условий, а также реальный ход архитектурно-градостроительных процессов в городах Западной Сибири. Проектная графика в виде фотокопий хранится в ряде центральных и местных музеев. Утрачено большинство личных архивов архитекторов и инженеров 1900-х

– 1930-х гг., отразившие их подход к изучению и учету местных условий. Гораздо лучше сохранились материалы 1940-х – 1980-х гг. Практически не сохранились архивы проектных организаций, прежде всего, их графические материалы.

Большой массив первоисточников по архитектуре и градостроительству Сибири XX в. был собран профессором С.Н. Баландиным в основанном им Музее истории архитектуры Сибири (Новосибирск). В настоящее время работники музея вводят в научный оборот все новые графические и фотофиксационные материалы из музейных фондов, в том числе по архитектуре и градостроительству первой половины XX века **[41-47]**.

Выводы. Таким образом, проблемы изучения региональных особенностей архитектуры и градостроительства Западной Сибири XX века заключаются в следующем.

1. С одной стороны, не изучен наиболее интересный с точки зрения взаимодействия архитектурно-градостроительных концепций и местных условий период 1920-х – 1950-х гг.

2. С другой стороны, изучать этот период возможно лишь на основе архивных материалов. Однако эти источники разрознены по разным хранилищам и, кроме того, по разным объектам и периодам представлены неравномерно.

Разобщенный характер первоисточников крайне затрудняет изучение региональной специфики. Выявление, «стыковка» и взаимная «увязка» таких фрагментов для получения более или менее целостной картины неизбежно должны занять определенное историческое время.

Библиографический список

1. *Горбачев В.Т.* Особенности развития архитектуры городов Сибири во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. … д-ра архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М., 1983. – 39 с.

2. *Царев В.И.* Архитектура городов Центральной Сибири с древнейших времен до начала XX века: Автореф. дис. … д-ра архитектуры: 18.00.01 / В.И.Царев; НИИ теории архитектуры и градостроительства Рос. акад. архитектуры и строит. наук. – Москва, 2003. – 50 с.

3. *Воронина О.С.* История градостроительного развития города Томска в XVII–XX вв. // *Вестник ТГАСУ*. – 2016. – № 1. – С. 91-106.

4. *Залесов В.Г.* Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.

5. *Залесов В.Г., Воронина О.С., Кожуркова Т.Б.* Город-сад в Томске // *Вестник ТГАСУ.* – 2015. – № 4. – С. 22–35.

6. *Романова Л.С.* Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске: (по материалам фонда К.К. Лыгина в Томском областном краеведческом музее) / Л.С. Романова; Том. обл. краевед. музей. – Томск: Д-Принт, 2004. – 193 с.

7. *Гуменюк А.Н.* Стиль модерн в архитектуре Омска / А.Н. Гуменюк. – Омск: Издательство ОмГТУ, 2007. – 138 с.

8. *Груздева Е.А.* Особенности развития стиля «модерн» в архитектуре городов Западной Сибири // *Известия Вузов. Строительство.* – 2009. – № 7. – С. 105-110.

9. *Груздева Е.А.* Композиционные и декоративные особенности модерна в деревянной архитектуре городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2009. – №7-1. – С. 68-70;

10. *Груздева Е.А.* Здания стиля модерн в структуре сибирского города (Тюмень, Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2015. – № 1. – С. 357-362.

11. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-планировочные особенности доходных домов в структуре сибирского города начала XX в. (на примере Новониколаевска) // *Вестник ТГАСУ.* – 2012. – № 2(35). – С. 51-56.

12. *Тарасова Ю.И.* Строительство доходных домов в крупных городах Западной Сибири в конце XIX начале XX века // *Известия вузов. Строительство*. – 2012. – №9. – С. 79-85.

13. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-декоративное убранство доходных домов в городах Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 5. – С. 351-352.

14. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-пространственная композиция доходных домов в системе застройки крупных городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 6. – С. 411-413.

15. *Тарасова Ю.И.* Развитие архитектурно-пространственной структуры сибирского доходного дома // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С. 314-318.

16. *Болдырев В.Ф.* Основы градостроительства в условиях Западной Сибири: Учеб. Пособие / Под. ред. С.А.Юдина; Том. инж.-строит. ин-т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – Ч.1: Развитие центров городов Западной Сибири. – 1991. – 160 с.: ил.

17. *Болдырев В.Ф.* Основы градостроительства в условиях Западной Сибири: Учеб. пособие. Ч.2: Основополагающие принципы архитектурно-планировочной организации градостроительных образований / Под. ред. Е.Н.Полякова; Том. инж.-строит. ин-т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 146 с.

18. *Туманик Г.Н.* Центр крупного города Сибири. Региональные особенности формирования и развития. – Новосибирск: НГАХА, 2004. – 140 с.

19. *Туманик Г.Н.* Тобольск: Поиск концепции градостроительного развития исторического города. – Новосибирск: НГАХА, 2005. – 124 с.

20. *Киншт А.В.* Ландшафтная архитектура, проблемы терминологии // *Ползуновский вестник.* – 2013. – № 4-1. – С. 97-101.

21. *Киншт А.В., Андроханов В.А.* Системный подход и оптимизация горнопромышленных ландшафтов // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал).* – 2013. – № 4. – С. 371-377.

22. *Ерохин Г.П.* Эволюция пространственной структуры г. Новосибирска 1893-2007 гг. (Общие сведения о процессе формирования города, основных градостроительных проектах. События, статистика, карты и планы). – Новосибирск: НГАХА, 2008. – 104 с.

23. *Ерохин Г.П.* Исследование колебательных процессов в территориально-пространственном развитии Новосибирска // *Ползуновский вестник.* – 2013. – № 4-1. – С. 72-77.

24. *Клевакин А.Н.* Обновление пространственной среды сибирских городов // *Известия Вузов. Строительство.* – 2008. – № 8. – С. 79-86.

25. *Клевакин А.Н.* Архитектор и эпоха (идея города в 70-е годы прошлого столетия) // *Вестник Иркутского Государственного технического университета.* – 2014. – № 11(94). – С. 161-168.

26. *Фукс Л.П.* Расселение и город: компромисс между управлением и саморазвитием // *Известия РАН. Серия географическая.* – 2009. – № 5. – С. 44-56.

27. *Козырева Л.К.* Вопросы сохранения историко-культурного наследия городов через призму семиотики // *Мир науки, культуры, образования.* – 2011. – № 3. – С. 263-265.

28. *Козырева Л.К.* Исторический город как семиотический феномен: проблемы и методы анализа // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2014. – № 1. – С. 27-31.

29. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома рубежа XIX – XX столетий в современной застройке городов Западной Сибири // *Современные проблемы истории и теории архитектуры:* докл. науч.-практич. конференции. – СПб.: СПбГАСУ, 2015. – С. 84-87.

30. *Тарасова Ю.И.* Дореволюционные доходные дома городов Западной Сибири в архитектурной среде XXI века // *Молодежь, наука, технологии: идеи и перспективы (МНТ-2015).* Материалы II Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г.Томск, 16-20 ноября 2015 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 1027-1030.

31. *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творч. поисков к практике стр-ва / Ю.Л. Косенкова; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 378 с.

32. *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. / Ю.Л. Косенкова. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. – 440 с.

33. *Косенкова Ю.Л.* Четверть века изучения истории архитектуры советского периода в новых условиях. Что изменилось? // *Academia. Архитектура и строительство.* – 2014. – №3. – С. 10-14.

34. *Кузеванов В.С.* Деятельность омских архитекторов по формированию городского пространства 1930–1950-х годов. – Омск: Издательский дом Наука, 2014. – 166 с.

35. *Баландин С.Н.* А.Д. Крячков. Сибирский архитектор: Документальный очерк. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 160 с.

36. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893-1945 гг. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.

37. *Баландин С.Н.* Архитектура Барнаула. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1974. – 112 с.

38. *Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М.* Памятники архитектуры города Барнаула / Науч. ред. Е.А.Ащепков. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. – 160 с.

39. *Кочедамов В.И.* Омск. Как рос и строился город. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1960. – 112 с.

40. *Оглы Б.И.* Строительство городов Сибири. – Л.: Стройиздат. Ленинград. отд-ние, 1980. – 272 с.

41. *Бушма Д.Д.* Имя в сибирской архитектурной школе: Л.К. Минерт (1919-2003 гг.) // *Баландинские чтения*. – 2011. – Т. 5. – № 1. – С. 18-21.

42. *Бушма Д.Д.* Архитектор Виталий Семенович Масленников в воспоминаниях современников 1940-1950-х годов // Баландинские чтения. – 2012. – № 1. – С.27-34.

43. *Бушма Д.Д., Леонов Б.К.* Выдающиеся выпускники сибирской архитектурной школы: Константин Константинович Леонов // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2012. – № 1. – С. 168-171.

44. *Бушма Д.Д.* Электронный архив по истории архитектуры Сибири: постановка цели и изучение аналогов // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С.258-265.

45. *Гаркуша Д.Д.* Исследователь исторических мер, сибирский архитектор Николай Иванович Болотин (1907-1979) // Баландинские чтения. – 2014. – Т.9. – № 2. – С.196-202.

46. *Тарновская Т.Н., Гаркуша Д.Д., Филонов С.В.* Ревалоризация историко-архитектурного наследия Новосибирской области в деятельности общественников. Сохранение памяти поколений // *Баландинские чтения*. – 2015. – Т. 10. – № 2. – С. 329-341.

47. Проект «Восстановление»: каталог проектов новосибирских студентов-архитекторов 1942-1951 гг. / Авт.-сост. Гаркуша Д.Д., Филонов С.В. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – 60 с.

Ekaterina Shafray
ek.sh2012@yandex.ru
PhD program completion
Kim Seiyong
Korea University, Urban Planning and Design Lab, South Korea

УДК 72.03
ББК 85.113

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ АРХИТЕКТОРОВ ЗА РУБЕЖОМ. ИЗУЧЕНИЕ ЗДАНИЙ АРХИТЕКТОРА СЕРЕДИНА-САБАТИНА В КОРЕЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

ON THE QUESTION OF RUSSIAN ARCHITECTS ACTIVITIES ABROAD IN ASIA. FOCUSED ON SEREDIN-SABATIN'S BUILDINGS IN KOREA (END OF XIX – EARLY XX C.)

Abstract. This study is considering designs made by Russian architects abroad, focused on the particular case of designs of Seredin-Sabatin, an architect of Russian origin, who made several buildings in Seoul and Incheon in the end of XIX-early XX century. Likewise the Russian culture of XIX c. period, style "modern" in architecture was developed from a combination of tradition and innovation, searching for a national identity, and perception of social and cultural differences in Russia and Western Europe. Seredin-Sabatin after having some training in Russia, arrived in Korean port city of Incheon in 1883, as Korea and Russian Empire established diplomatic relations in the end of XIX c. Engaged by Maritime Customs and Royal Court of Emperor Gojong, he designed several Western-style buildings. Architect Seredin-Sabatin nowadays is known largely by research of Professor T. Simbirtseva. Current paper aims to view his selected designs and presents different points of view on his role. It seems that performing further architectural studies on Seredin-Sabatin for Russian architectural scholars can enrich knowledge and extend mutual interest in cultural and architectural studies.

Key words: Russian architects abroad, Early Modernism in Korea; style modern in Russia; end of XIX century-early XX century; Historical Retrospective; Historical Heritage Case Study.

1. Introduction

If we look on contemporary Seoul we can see variety of buildings in different styles designed by Korean national architects and companies, historical heritage, natural and artificially made landscape shaping a city, and developed infrastructure. As in one of significant Asian cities, in Seoul many buildings are designed by famous international architectural offices or with international collaboration. For example, Kyobo Tower designed by Mario Botta, DDP by Zaha Hadid Archiects, Ehwa Womans University, The Campus Valley by Dominique Perrault, Yongsan International Business District masterplan by Daniel Libeskind, etc. Of course, a mutual influence of architecture from different countries nowadays is stronger and, from some perspective, it is more likely due to distribution of information, social media, and international collaborations. Also unique features of Korean architecture are being acknowledged abroad (for example, through designs of Minsuk Cho (조민석), a founder of *Mass studies* and curator of *Venice biennale 2014* and other architects **(Figure 1)**.

Considering that Russia and South Korea renewed and developing diplomatic relations since 1990s, generally, it seems a long way still remains in overcoming lack of information about both cultures, and shaping an interest in cultural, artistic and architectural issues.

With that, one question comes to mind: are there buildings designed by Russian architects exist in Seoul? The most obvious answer to this question lies back in history. In the end of XIX century Korea launched commercial treaties with a number of countries. At that time, in 1884, Korea established commercial treaties with Russia, (although in 20 years, after 1904 defeat in Russo-Japanese war, Russian influence in peninsula almost vanished).

Figure 1. «Artistic Factory», «Flower Cushion» public art
Image reference: http://www.massstudies.com/projects/flower_pic.html

After establishing relationships, since 1890s, overseas traders, missioners and other foreigners started to appear in Korea. According to Kimm Joung Song (2012), among first foreign architects, who directly practiced in the country and made their contribution in this period were: 1) *Catholic Missionaries from France and Priest-Architects*; 2) Presbyterian *and Methodist Missionaries and American and Canadian Architects commissioned by them*; 3) *Japanese Colonial Government Architects*. Selected buildings designed in that period are shown at **Figure 2.**

A) **B)** **C)**	**D)** **E)**
Pre-modernist style (*Romanesque style* for Anglican cathedral, *Collegiate gothic* for educational buildings, *Neoclassical* or *Pseudo-Renaissance* for public buildings emerged from Meiji era in Japan)	**International Style** buildings started to appear in Korea in mid 1930-s : (Susong and Kyodong primary schools in Jongro-gu). Keijo High technical school started to educate architects.
A) 1898, Gothic-style catholic cathedral in Myeong-dong, Gothic Revival style, French Father Eugene J.-G. Coste. **B)** 1910, Neoclassical Suk-Jo-Jun, (on the Duksoo palace) currently used as an Annex of the National Museum of Contemporary Art, British architect G. R. Harding. **C)** 1910, Pfeiffer House (Ewha Women's College), designed by W.M. Vories & Company Architects Ichiryusha, a Japan-based architectural firm founded by William Merrell Vories, English missionary. Collegiate Gothic style	**D)** 1934-1937, Main Hall at Korea University. Collegiate Gothic style. Korean architect Pak Dong- Jin. **E)** 1937, Former Main Hall of Keijo Imperial University (after 1945 became Seoul National University). Korean architect Park Kil- Ryong.

Figure 2. Selected buildings designed in Seoul in Pre-Modernist and later in International style (end of XIX – early XX c)

Seredin-Sabatin, an architect of Russian origin, was also invited by Royal Court of Emperor Gojong, and designed several buildings in Seoul and Chemulpo (current port-city of Incheon). Tae Jung Kim (1996) classifies him as a '*colonial architect*,' however, Seredin-Sabatin does not belong to early mentioned groups of Western architects practiced in Korea in the end of XIX c.

Next chapter presents a brief overview about the architect Seredin-Sabatin and provides a case study of his selected buildings in relation with architectural styles.

2. Seredin-Sabatin's Selected Buildings Case Study

2.1. Architect Seredin-Sabatin: Brief details

An architect and engineer, Afanasy Seredin-Sabatin was born in 1860. According to the profound research of Professor Simbirtseva (2013) on the architect, he did not receive formal qualifications. In 1883 he arrived in the Korean port city of Incheon. Seredin-Sabatin found a job as a construction manager. In particular, he supervised the construction of the local office of Meyer & Co, one of the first Western companies to operate in Korea (building does not exist nowadays). Throughout 1890s, Seredin-Sabatin worked on several important projects. For several years, he was engaged by Korean royal court as an architect. Overall, Seredin-Sabatin spent around twenty years in Korea, from around 1890 to 1904. He is also known due to the appearance in historical documents, because of his report on assassination of Queen Min (김영수, 2010).

During his career and work at the Royal Court of King Gojong, he designed many Western-style buildings, including structural design of the Dongnipmun (Independence Gate), buildings in Doksugung Palace (Jungmyeong Hall, Jeonggwanheon Pavilion («Coffee Pavilion») – nowadays remains), Russian former legation building in Seoul, Chemulpo Social club in Manguk park, Chemulpo (present Jayu park, Incheon) port-city, and others.

2.2. Some Features of Architectural styles in Russia (in the period 1880s-1890s)

Tracing a parallel with life of Seredin-Sabatin in Russia, this paper focuses on dominant architectural styles in Russia in the end of XIX century, specifically in 1880s-1890s. By this it seeks to compare architectural style modern in Russia and early-Modernism in Korea.

Russian Revival in the second quarter of XIX c. is generated from different movements, such as pseudo-Russian style, neo-Russian style, Russian-Byzantine style, and combined from architectural Romanticism at first to Modern style.

The style 'moderne', like the Russian culture in that period, developed from a combination of tradition and innovation; one of its features was a perception of social differences between Russian culture and Western European culture. Searching of a national identity resulted in creative environment in literature and in other spheres, such as painting and architecture. Along with a pursuit for rationalism in design and construction, many buildings got pseudo-historical ornamental motifs (Brumfield, 1991).

Between 1895 and 1905 architecture was briefly dominated by Art Nouveau (e.g. architects Lev Kekushev, Fyodor Schechtel, and others), who actively practiced in Moscow. In 1905-1914 it gave way to the Russian Neo-Classical Revival by combining the Empire style and Palladian tradition with contemporary construction technology.

Figure 3 presents some selected buildings designed in Moscow, Russia by Russian architects in the end of XIX c.

A) **B)** **C)** **D)**

From Russian Revival to 'Russky Modern', a Russian version of Art Nouveau and later Russian Neo-Classical Revival

A) 1875-1881, Neo-Russian Revival style, State Historical Museum, Sherwood
B) 1890-1893, GUM Department store, Alexander Pomerantsev (architecture) and Vladimir Shukhov (engineering)
C) 1893, Zinaida Morozova Palace, a mixture of Gothic architecture and Romanticism, Fyodor Schechtel
D) 1898-1899, Gustav List House, 8 Glazovsky Lane, Moscow, Lev Kekushev, Art Nouveau
(at first inspired original Belgian style of Victor Horta)

Figure 3. Selected buildings designed in Moscow, Russia in the end of XIX c

It is difficult to assume, how architectural trends in Russia in the end of XIX c. affected the development of Seredin-Sabatin as a designer, although, a knowledge of the classical style was acquired by him.

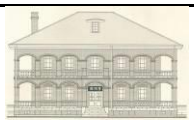
However, as it was mentioned earlier, Seredin-Sabatin did not obtain formal qualifications in Russia. That is, along as absence of his original drawings, as Simbirtseva (2013) claims, along with the relationships between two countries renewed only since 1990s, is one of the reasons, why this architect is not well recognized by Russian specialists.

2.2. Seredin-Sabatin Selected 'Western-style' Buildings Case Study

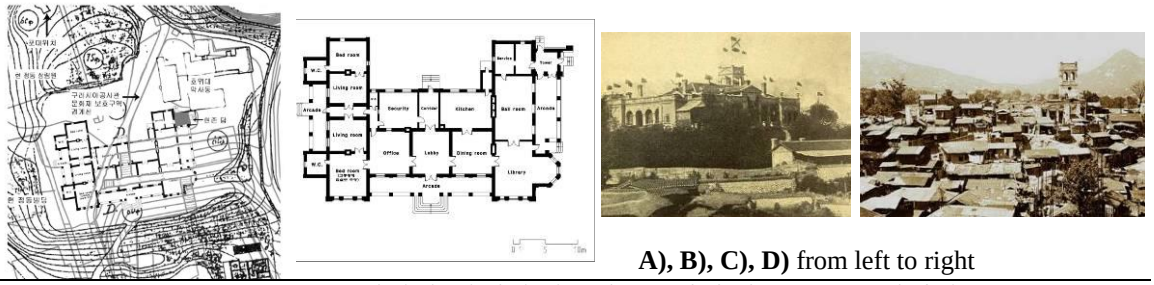
This part views four of Seredin-Sabatin's designs built in the end of XIX – early XX century: 1) former Russian legation building, Seoul, 2) Jeonggwanheon Pavilion ("Coffee pavilion"), 3) Jungmyeong Hall in Deoksu Palace, Seoul, and 4) Chemulpo Social club in Jayu park, Incheon. Three buildings are nearby Deoksugung palace in Seoul (Jeonggwanheon Pavilion belongs to a palace site, and Jungmyeong Hall was separated from the palace). Chemulpo Social club in the first public park (in Incheon) has different location and purpose, and originally served as a place for foreigners gatherings in Incheon port-city. **Table 1** presents these Western-style buildings showing historical and current views.

One of Seredin-Sabatin most important designs is a 러시아 공사관, a Former Russian legation building located at Jeongdong-gil, Jung-gu in Seoul in provimity to Deoksugung palace (nowadays only bell-tower remains). The building is known due to historical fact that King Gogong and his son stayed in this building for a year (in 1895, after assassination of a Korean Queen Min). The analysis of this building was performed in 김정신, 발레리 알렉산드로비치 사보스텐코, 김재명 (2010) research includes building modeling and analysis of its location **(Figure 4)**.

Table 1. Seredin-Sabatin's selected buildings case study

Building	Year	Style	View	
			Historical	Current
Former Russian legation building, Jeongdong-gil, Jung-gu, Seoul	1890	**Renaissance style.** Originally three-story building; Nowadays only bell-tower and basement areas remain. After restoration in 1973 serves as a public park.		
Jeonggwanheon Pavilion ("Coffee Pavilion")	1900	Pavilion influenced both by Korean and Western designs; Design features **Romanesque style** colonnades and decor that surround the perimeter.		
Jungmyeong Hall in Deoksugung Palace, Jung-gu, Seoul	1897	**Three-story Western-style building** Jungmyeongjeon Hall used to be within Deoksugung Palace, but it was separated from the palace when a stone wall was built.		
Chemulpo Social club in Jayu park, Incheon	1901	**Two-storey Western-style building** Jemulpo Gurakbu, a two-story brick building, originally was used as social club for foreigners in Chemulpo after it was opened as a port to the west.		

Generally, in the early period, Seredin-Sabatin designed buildings in co-called 'Early-colonial' style and later in Renaissance style. Interesting topic is to trace transformations of European and traditional Korean architectural features that can be seen in his latest career. That can facilitate the interest to study features of Korean traditional architecture.



A), B), C), D) from left to right

A) Analysis of building location (김정신, 발레리 알렉산드로비치 사보스텐코, 김재명, 2010)
B) Building floor plan recreated and analyzed (same source)
C) 남서측 전경 (L'lIlustration, 1904)
D) 1963 년경의 구 러시아공사관
Source: 김정신, 발레리 알렉산드로비치 사보스텐코, 김재명 (2010)

Figure 4. Views of the 러시아 공사관 (Former Russian legation building) from historical photos and other existing research

2.3. To the Question of the Role of Seredin-Sabatin's designs

Firstly, Seredin-Sabatin appeared in historical works as he witnessed the assassination of Queen Min. Research on the architect was conducted by Russian scholar Simbirtseva (1996). Then one of first papers is Tae Jung Kim (1996), regarded the buildings as isolated historical fact and not related with the learning of Western architecture in Modern architectural history of Korea. Lately the character of publications was changed. Particularly, they reconsider the buildings designed by Seredin-Sabatin's buildings built in Korea in European style. Lankov (2012) in his article assigns him to the number of architects built in Western-style and made an impact to a modern view of Incheon and Seoul.

3. Conclusion and Discussion

· *On the Seredin-Sabatin's Role Evaluation*

His works received different evaluation in terms of influence upon the learning of Western architecture in Modern architectural history of Korea. At the same time his designs belongs to the period of very beginning of appearance of Modernism in Korea and were entirely new in Korea. The role of this architect in particular and overseas architects in general to the emergence of Korean Modernism architecture needs to reflect various political, social and cultural conditions.

· *Analyzing the Knowledge About Seredin-Sabatin (in Korea and in Russia)*

In Korea: It should be noted that Seredin-Sabatin is known by Korean historians and architectural researchers, as well as he is mentioned in several documents, reports, websites, and information boards at historical sites in Korea. So there is a possibility that he is known by the general audience along with other foreign architects practiced in Korea at that period. His role and his designs has been also a topic of few academic research in Korea, and received different evaluation.

In Russia: At the same time, besides pioneer research of professor Simbirtseva in Russia, this architect unfortunately stays generally unknown to Russian architectural scholars. It seems that performing further architectural studies on Seredin-Sabatin for Russian architectural researches can enrich knowledge and contribute to international collaboration and mutual interest in cultural and architectural studies.

· *On the question of Contemporary Education And International Collaboration Studies*

Nowadays the issues related to Russian cultural and architectural heritage abroad are becoming more important. In particular Russian State Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Likhachev (*Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*) is creating encyclopedia for Russian heritage abroad. Thus these issues may acquire wider interest.

As it seems, further architectural studies on Seredin-Sabatin for Russian architectural researches can enrich knowledge and extend mutual interest in cultural and architectural studies.

Reference

1. 김태중, "개화기 궁정건축가 사바찐에 관한 연구/ 고용경위와 경력및 활동환경을 중심으로“, 대한건축학회 논문집, v.12 n.7, 1996. pp. 107-119.
2. 김영수, "세레진 사바찐의 하루-을미사변에 관한 기억과 선택", 역사비평 2010년 여름호(통권 91호), 2010. pp. 329-362.
3. 김정신, 발레리 알렉산드로비치 사보스텐코, 김재명, "구한말 서울 정동의 러시아공사관에 대한 복원적 연구“, 건축역사연구 제19권 제6호 통권73호 (2010년 12월), pp. 61-78.
4. 제물포구락부의 구조, http://www.iccf.or.kr/ball2.html (2015.29.09)
5. *Brumfield, William Craft.* The Origins of Modernism in Russian Architecture. Berkeley: University of California Press, 1991 http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft1g5004bj/
6. *Kim, J.S.* «The Emergence of Modernism in Korean architecture», Convergent Flux: Contemporary architecture and Urbanism in Kore, Harvard University, Graduate School of Design, 2012. pp. 32–35.
7. *Lankov* (2012) «A man who began to build modern Seoul», Retrieved from http://rbth.asia/articles/2012/09/29/a_man_who_began_to_build_modern_seul_17169.html (2015.29.09).
8. *Lankov* (2015) «The Russian architect of modern Seoul», Retrieved from http://asia.rbth.com/blogs/2015/07/22/the_russian_architect_of_modern_seoul_47923.html (2015.29.09).
9. *Simbirtseva, T.* «Queen Min of Korea: Coming to Power», Global Korean Network of Los Angeles, 1996.
10. *Симбирцева Т.М., Левошко С.С.* «Архитектор Его Величества Короля Кореи» А.И. Середин-Сабатин (1860–1921), Вестник Центра корейского языка и культуры. Выпуск 12, 2013. Retrieved from http://koryo-saram.ru/arhitektor-ego-velichestva-korei-seredin-sabatin-1860-1921/ (2015.29.09).
11. *Michelle Kang* (2011) «East meets West in downtown architecture», Korea JoonGang Daily, Retrieved from koreajoongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=2935570 (2015.29.09).
12. Интервью: «Наш мусор не хуже американского»: Корейский архитектор Минсук Чо о силе и Азии (2014) Retrieved from http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/208263-minsuk-cho.
13. «Что составляет российское культурное наследие за рубежом?» (2015), Retrieved from http://russkiymir.ru/publications/199347/?_utl_t=fb.

Богданова О.В.
olpr2002@mail.ru
ТГУ, г. Томск, Россия

УДК 72.04.64(571.16)
ББК 85.113.(2)

РОЛЬ ЗОДЧЕГО В СТАНОВЛЕНИИ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Исследование посвящено роли зодчих в становлении архитектурно-строительного образования в Сибири. Выявлены зодчие, стоявшие у истоков архитектурного образования в Томском технологическом институте.

Ключевые слова: зодчие; архитектурное образование; научно-преподавательская деятельность; Томский технологический институт; Сибирь.

1. Исторический анализ. Первой в Сибири высшей школой по подготовке архитектурно-строительных кадров был Томский технологический институт (ТТИ). Институт был открыт в 1900 г. в составе двух отделений: механического и химического, но вскоре встал вопрос об открытии еще горного и инженерно-строительного отделений. В 1902 г. инженерно-строительное отделение начало свою деятельность. В 1906 г. руководитель отделения А.Э. Сабек выступил с инициативой открытия новой архитектурной специализации. Предложение это было поддержано в Министерстве народного просвещения. В результате в 1909 г. на инженерно-строительном отделении было открыто архитектурное направление, наряду с такими как: мосты, сухопутные пути сообщения, водные пути сообщения и коммунальное хозяйство.

Если в 1908–1909 уч. г. было выпущено всего семь первых специалистов, то в 1925 г. их количество составило уже 300 человек. Многие из выпускников инженерно-строительного отделения ТТИ стали ведущими специалистами в своих областях. Они работали как в самом Томске, так и в городах Урала, Дальнего Востока, а также европейской части России. Просуществовав двадцать восемь лет, инженерно-строительное отделение было переведено из Томска в Новосибирск и на его базе был создан Сибирский строительный институт (Сибстрин).

2. Основной материал. Вместе со специалистами, приехавшими преподавать в ТТИ из европейской части России, к учебному процессу привлекались и зодчие, работавшие в Томске. Известные архитекторы наряду со своей практической деятельностью были преподавателями, имели звания профессоров. В основном это были выпускники двух ведущих российских учебных заведений архитектурно-строительного профиля – Академии художеств и Института гражданских инженеров.

Среди выпускников Академии художеств в ТТИ преподавали следующие архитекторы: К.К. Лыгин, П.Ф. Федоровский, В.Ф. Оржешко, З.А. Рокачевский.

Один из ведущих томских зодчих конца XIX – первой четверти XX в. К.К. Лыгин по совместительству работал на кафедре архитектуры в ТТИ сразу же после его открытия в 1900 г., преподавал рисование. В 1906 г. зодчий стал штатным преподавателем, вел рисование и архитектурное проектирование. В 1924 г. его утвердили в звании профессора ТТИ. В Томске по проектам К.К. Лыгина

построено множество значимых зданий, это Общественное собрание, торговые дома Е. Кухтерина, Н. Орловой, дом Г. Флеер, окружной суд, епархиальное и коммерческое училища, Петропавловская церковь и др.

З.А. Рокачевский работал в ТТИ с 1900 г., сначала как внештатный, а с 1906 г. – как штатный преподаватель. После введения в штат З.А. Рокачевский, кроме преподавания рисования и архитектурного проектирования, стал заведующим кабинетом рисования, на посту которого много сделал для оборудования кабинета учебными экспонатами: скульптурой, картинами, постановками и т.п. В 1920 г. ему было присвоено звание профессора по курсу «Теория перспективы». В 1926 г. уехал в Петербург.

П.Ф. Федоровский работал в ТТИ нештатным преподавателем с 1900 по 1905 г., вел занятия по рисованию. По проектам П.Ф. Федоровского в Томске построено несколько значимых для города зданий, многие из которых были учебными: Мариинская гимназия, горный корпус Томского технологического института и др.

В.Ф. Оржешко, окончивший Высшее художественное училище при АХ, преподавал в ТТИ сразу же после открытия инженерно-строительного отделения, вел занятия по рисунку, архитектуре и проекционному черчению.

Среди выпускников Института гражданских инженеров преподавательской деятельностью наряду с активной практической работой занимались следующие гражданские инженеры: А.К. Енш, Ф.Ф. Гут, К.А. Заранек, В.М. Сухоровский, А.Д. Крячков и Б.К. Постников.

С ТТИ была связана педагогическая деятельность известного российского инженера и теоретика А.К. Енша. Им были составлены проекты водоснабжения и канализации «в некоторых поселениях Южного берега Крыма», г. Ялты и селений Алупка, Мисхор, Кореиз. Что касается преподавательской деятельности в ТТИ, она была очень кратковременна, в 1904 г. А.К. Енш стал и.д. экстраординарного профессора на кафедре строительного искусства, но уже в 1905 г. был избран на должность адъюнкт-профессора по кафедре водоснабжения, водостоков, осушения и орошения Рижского политехнического института. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 26 ноября 1905 г. он был назначен на эту должность. А.К. Еншу принадлежат печатные труды по вопросам благоустройства российских городов.

Педагогическая деятельность Ф.Ф. Гута началась в ТТИ, где он вел занятия по рисованию, архитектуре и черчению, архитектурной живописи и фундаментам гражданских сооружений. В Томске Ф.Ф. Гут работал в период с 1896 по 1905 г., в течение девяти лет Ф.Ф. Гут был архитектором Западно-Сибирского учебного округа. Он являлся строителем зданий комплекса первого сибирского университета и первого технического вуза Сибири – Технологического института, автором и строителем учительского и бактериологического институтов и других зданий. До приезда в Томск деятельность Ф.Ф. Гута была связана с зодчеством Ставрополя и Ставропольской губернии, где в период с 1885 по 1892 г. он строил инженерными сооружениями (мосты, плотины, шлюзы) и культовые постройки (церкви, архиерейский дом, школа при духовной семинарии, духовная семинария и духовное училище) **[1]**.

Лекционная нагрузка Ф.Ф. Гута распределялась следующим образом: два часа в неделю Гут вел архитектуру, четыре часа – архитектурное черчение и четыре часа – рисование. При такой большой нагрузке – десять часов в неделю –

попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев разрешил в течение 1901–1902 уч. г. читать лекции по строительному искусству 2 часа в неделю. Эти лекции оплачивались отдельно, и за них Ф.Ф. Гут получал 300 рублей. Итого 600 рублей в год. Если брать во внимание, что Ф.Ф. Гут при этом был главным строителем ТТИ и архитектором Императорского университета, нагрузка десять часов в неделю было довольно большой. Учитывая это, директор ТТИ считал целесообразным перевести Гута в штатные преподаватели, о чем и ходатайствовал перед попечителем Западно-Сибирского учебного округа. Но Л.И. Лаврентьев вынужден был отказать в этой просьбе, поскольку Гут уже занимал штатную должность, а на основании Ст. 158 Свода Законов. Т. III. Установлений о службе издания 1896 г. «не имеет права занимать две штатные должности в одном и том же ведомстве одновременно» **[2, л. 8–8, об.]**. В 1904 г. Ф.Ф. Гутом была написана книга «Строительное искусство», в которой были собраны лекции, прочитанные Ф.Ф. Гутом в 1903–1904 уч. г. Во введении книги Ф.Ф. Гут сформулировал, вторя триаде Витрувия «Польза, Прочность, Красота», основные четыре правила для строителя: целесообразность, устойчивость, прочность и рациональная дешевизна.

Гражданский инженер К.А. Заранек, работавший в Томске сначала дорожным техником, затем в фирме «Технико-промышленное бюро», исполнял обязанности городского архитектора, преподавал в ТТИ в с 1902 по 1906 г., вел рисование и архитектурное черчение.

Инженер для технических занятий при управлении службы пути Сибирской железной дороги гражданский инженер В.М. Сухоровский с 1902 г. преподавал по вольному найму в ТТИ, вел рисование, архитектуру, железобетонные работы. Практическая деятельность В.М. Сухоровского начиналась в городах европейской части России. Он работал в Либаве, С.-Петербурге, Москве, Царском Селе. В Томске В.М. Сухоровский с 1901 г.

Известный сибирский зодчий А.Д. Крячков сразу же, получив в 1902 г. диплом гражданского инженера, приехал в Сибирь. Главной причиной своего выбора Томска как места службы А.Д. Крячков указывал возможность преподавания в Технологическом институте. Много позднее в своих воспоминаниях А.Д. Крячков писал: «Из представленных 69 вакантных мест я избрал строительное отделение Томского губернского управления, предполагая в то же время работать при Технологическом институте… Меня привлекала главным образом высокая цель – приглашение в Технологический институт, тогда только что сформированный, в качестве преподавателя. В этом я видел высокую цель» **[3, л. 43, об.]**.

В 1902 г. А.Д. Крячков был назначен младшим инженером Строительного отделения Томского губернского управления, в том же году он приступил и к исполнению обязанностей губернского архитектора. 10 сентября 1903 г. Крячков был избран штатным преподавателем ТТИ по архитектурному проектированию и рисованию на инженерно-строительном и механическом факультетах. С 1911 г. Крячков вел проектирование по отоплению и вентиляции, с 1913 по 1920 г. – гражданскую архитектуру и архитектурные формы. В 1920 г. А.Д. Крячков получил звание профессора ТТИ. В 1930 г. в связи с открытием Сибирского строительного института в Новосибирске (Сибстрин) А.Д. Крячков переехал в Новосибирск, где продолжал заниматься педагогической работой **[4]**. В 1931 г. Крячков – декан, в 1936 г. – заместитель директора по научно-учебной работе

Новосибирского инженерно-строительного института.

Как архитектор Западно-Сибирского учебного округа, на посту которого он находился тринадцать лет, А.Д. Крячков составил проекты для множества училищных зданий. Это здания в комплексе Томского университета, мужские и женские гимназии в Кургане, Петропавловске, Омске, Новониколаевске, училища в Барнауле, Тобольске и др. Кроме учебных построек, Крячков проектировал и здания другого функционального назначения: торговые, частные, административные и др. В Томске среди зданий, построенных по проектам А.Д. Крячкова, особо значимы два – Дом науки им. Макушина и собственный дом архитектора по Бульварной улице.

Известен А.Д. Крячков и как теоретик. Он автор многих научных работ по архитектурно-инженерным вопросам, причем диапазон тем этих работ велик. В своих работах А.Д. Крячков предлагал для использования в Сибири современный тип висячих стропил – дерево-железных и железобетонных, исследовал отечественный и зарубежный опыт омовений, железнодорожных пассажирских станций и делал вывод, что развитие последних пойдет по пути, указанному США, а сами станции станут «воротами современных городов». Огромный практический опыт проектной и строительной работы А.Д. Крячков обобщил в монографии «Влияние климата и природы на архитектуру Сибири», которая была представлена как диссертация, и 3 октября 1942 г. ВАК утвердил А.Д. Крячкова в ученой степени доктора технических наук.

Период преподавательской деятельности гражданского инженера Б. Постникова начался лишь после того, как он приобрел крепкие практические знания. Он писал в жизнеописании, что решил начать педагогическую деятельность, лишь получив большой служебный стаж специальности в различных учреждениях и предприятиях и солидный опыт. Б.К. Постников начал свою педагогическую работу в должности преподавателя в 1-м Сибирском политехникуме имени профессора К.А. Тимирязева в Томске с 1-го февраля 1921 г. **[5]**. В политехникуме он проработал почти девять лет. В 1923 г. в Сибирском технологическом институте он был избран по местному конкурсу на должность временного преподавателя по кафедре архитектуры. После прочтения 23 октября 1923 г. обязательной вступительной лекции на тему «Железобетон и его место в современном строительстве» он начал регулярные занятия со студентами института. На всероссийском конкурсе института в апреле 1925 г. он был избран на должность штатного преподавателя по кафедре архитектуры. В Сибирском технологическом институте он работал в течение семи лет. Преподавательская деятельность Б.К. Постникова была разносторонней и включала в себя как чтение инженерно-архитектурных курсов, так и инженерно-технических. Он преподавал техническое рисование, читал курсы «Основы строительного дела», «Архитектурное проектирование», «Архитектура I с отоплением и вентиляцией», «Основы строительного искусства». В связи с открытием в 1930 г. Сибстрина Б.К. Постников в числе двадцати преподавателей и пяти профессоров переехал в Новосибирск.

В развитии архитектурно-строительного образования в Сибири большое влияние оказали и сами выпускники ТТИ. Если в первые годы существования инженерно-строительного отделения ТТИ его профессорско-преподавательский состав формировался за счет приезжающих из европейской части России специалистов и из ведомств, соответствующих для института специальностей

(последние в основном работали из платы по найму), то после появления первых выпусков инженеров-строителей некоторые из них становились преподавателями института.

После окончания института со званием инженера-строителя в нем остались преподавать выпускник 1909 г. А.Б. Бернштейн, ставший с 1912 г. заведующим кафедрой строительной механики. В институте остался работать выпускник 1913 г. Н.И. Бересневич. Техник городского водопровода, окончивший ТТИ в 1917 г. со званием инженера-строителя, П.И. Земсков с 1923 г. читал в ТТИ лекции по водоснабжению. Новатор в использовании железобетона в строительстве, выпускник ТТИ 1912 г. Н.И. Молотилов сразу после окончания института остался в нем на преподавательской работе. Городской инженер Томска, автор нескольких проектов по благоустройству города, нескольких мостов, участник проектного коллектива по проектированию города-сада в Щегловске, выпускник ИИПС 1897 г. Я.И. Николин преподавал в Томске с 1906 г. канализацию и специальную архитектуру, с 1912 г. – он экстраординарный профессор. С 1922 г. преподавал в Харьковском сельскохозяйственном институте.

Заключение. Таким образом, в становлении архитектурно-строительного образования в Сибири большую роль сыграли зодчие. Ведущие специалисты в области архитектуры и инженерии привлекались к образовательному процессу в ТТИ наряду с основным профессорско-преподавательским составом. Именно они вели предметы, необходимые будущему зодчему, это архитектурное проектирование, основы строительного искусства, черчение, рисование и др. Наиболее востребованы в учебном процессе ТТИ были представители двух ведущих российских архитектурно-строительных школ: Академии художеств и Института гражданских инженеров. В основном это были зодчие, которые имели уже богатый практический опыт, передававшийся ими учащимся института. Зодчие-педагоги заложили основы формирования сибирской архитектурно-строительной школы. Многие из них являлись авторами значимых архитектурных зданий и сооружений как в городах Западной Сибири, так и в городах европейской части России.

Библиографический список

1. *Богданова О.В.* Гражданский инженер Фортунат Гут. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – 120 с.
2. ГАТО. Ф. 194. Оп. 6. Д. 33.
3. Архив НГАСУ. Личное дело А.Д. Крячкова.
4. Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин). История и современность. – Новосибирск: Изд. дом «Новосибирский писатель», 2004. – 464 с.
5. *Богданова О.В.* Гражданский инженер Борис Константинович Постников // *Проектирование и строительство в Сибири*. – 2005. – №6 (30). – С. 38–42.

Малясова Г.В.
maliasova@mail.ru
МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК 72.036
ББК 85.113

АРХИТЕКТУРА В СИСТЕМЕ СВОБОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ АРХИТЕКТУРНЫХ МАСТЕРСКИХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СГХМ (1919–1920 ГГ.)

Аннотация. Исследование ставит своей задачей изучение проектов создания архитектурных школ в рамках формировавшейся в 1918 – начале 1920-х гг. общегосударственной системы Свободных государственных художественных мастерских (СГХМ). Анализируются цели создания СГХМ, особенности их функционирования в послереволюционный период и место архитектурного образования в общей концепции свободных мастерских, а также факторы, сделавшие невозможной реализацию проектов архитектурных СГХМ в полном объеме. Статья вводит в научный оборот ряд новых архивных материалов региональных СГХМ.

Ключевые слова: региональные СГХМ; архитектурные школы; свободное художественное образование; послереволюционный период; реформа художественных школ.

Анализ последних исследований и публикаций. История свободных государственных художественных мастерских (СГХМ) – амбициозного послереволюционного проекта новой системы художественного образования – сегодня все чаще привлекает внимание исследователей. Большой пласт материалов, раскрывающих историю Свободных мастерских разных регионов, был опубликован в рамках крупных исследовательских проектов – гранта РГНФ «Творческое наследие русского авангарда архитектурно-художественных школ 1920-х гг.: формирование научно-источниковедческого аппарата» (2011–2013) и «Энциклопедии русского авангарда» (М., 2013–2014). Однако, несмотря на ряд публикаций, посвященных истории отдельных школ, обобщающие исследования, рассматривающие СГХМ как явление, сегодня довольно немногочисленны. Истории создания системы СГХМ в России под руководством Отдела ИЗО Наркомпроса, посвящён ряд статей Л.И. Ивановой-Веэн **[5, 6]**, впервые поднявшей эту научную проблему. Делались и попытки отдельно рассмотреть организацию художественно-промышленного образования и производственного искусства в рамках СГХМ **[12]**.

Но при этом именно архитектурное образование в системе СГХМ до настоящего времени довольно редко становилось темой специальных исследований **[7, 9, 10]**. Это связано прежде всего с крайней малочисленностью примеров успешного создания архитектурных мастерских за пределами двух столичных школ (II СГХМ в Москве и ПГСХУМ в Петрограде), располагавших достаточными ресурсами для их организации.

Основные задачи региональных СГХМ. При анализе ряда дошедших до нас планов и проектов создания региональных СГХМ **[1, 2, 3, 4]** мы видим, что архитектура обычно занимает важное место в их структуре. По замыслу Отдела ИЗО Наркомпроса, СГХМ создавались как новый тип комплексных художественных учебных заведений, в которых должны быть представлены все возможные художественные специальности. В результате идеальная модель СГХМ представляла собой комплексное учебное заведение, включавшее в себя мастерские живописи, скульптуры, архитектуры и основных видов декоративно-

прикладных искусств, и способное в перспективе обеспечить регион всеми необходимыми архитектурными и художественными кадрами независимо от политической ситуации в столицах и других центрах художественного образования.

Фактически с распадом государства на ряд относительно самостоятельных региональных образований, в условиях гражданской войны крайне ненадежно связанных друг с другом, происходит возврат к ренессансной модели художественной школы – системе отдельных мастерских, обучение в которых происходило в процессе совместной работы мастера и его учеников-подмастерьев, занятых не учебой, а востребованной в регионе производственной деятельностью. Важен был не только комплексный характер новой школы, но и взаимосвязь искусств, как и практическая применимость творческих работ художников даже на этапе обучения. Создание региональных СГХМ позволяло как в самом буквальном смысле приблизить искусство к народным массам, так и в перспективе обеспечить регион необходимыми для него кадрами архитекторов и художников всех специальностей.

Проекты создания архитектурных мастерских в системе СГХМ. Ярким проектом подобного рода является проект реорганизации Тамбовских СГХМ, предложенный летом 1919 г. скульптором Б.В. Лавровым, одним из участников знаменитого Ленинского плана монументальной пропаганды. Планировалось создать комплексное учебное заведение, которое включало бы в себя три группы мастерских (по видам искусства), а те, в свою очередь, подразделялись бы на более узкоспециальные мастерские:

Архитектурная: 1) макетно-модельная, 2) архитектурно-проектировочная, 3) камнеобделочная, 4) деревообделочная, 5) металлообделочная, 6) новых материалов.

Скульптурная: 7) скульптурно-лепная, 8) литейная, 9) керамическая, 10) формовочная.

Живописная: 11) живописная, 12) малярная, 13) декоративная, 14) штукатурно-мозаическая **[3, л. 134–135]**.

Архитектура в этом списке не зря выносится на первое место. Основой нового комплексного художественного образования, по словам Лаврова, становится «изготовление архитектурных макетов – способ обучения всему, что необходимо знать архитектору-художнику» **[3, л. 135 об.]**. Именно архитектура давала максимальные возможности для «взаимодействия ремесла, искусства и науки в производственном процессе», целью которого является «возможность каждому обучающемуся изучения искусств живописи, скульптуры и архитектуры в их естественном симбиозе – архитектурном сооружении» **[3, л. 136]**. Важной чертой проекта становится отказ от проектирования в стилях – «как результата эклектического творчества и теории искусств». Лавров отдельно отмечает, что «ни одна художественная школа или архитектурные классы с лабораторно-отвлеченным искусством и старыми методами не создали – и вряд ли создадут в будущем подобное художественно-производящее ядро» **[3, л. 134 об.]**. Для организации архитектурной мастерской в Тамбовских СГХМ предлагалось привлечь «местные силы архитекторов»: Чеботаровича, Фреймана и Ренце (из них Фрейман принимал активное участие в обсуждении и доработке проекта).

Проект Лаврова, без сомнения, представляет собой яркое свидетельство художественно-педагогической мысли переломного периода и является

интересной попыткой разработать концепцию художественной школы принципиально нового типа в переломный исторический момент. Однако он носит скорее концептуальный, чем практический характер. В таком виде проект реализован не был – в условиях постоянной нехватки материальных средств, учебных помещений и педагогических кадров Тамбовские СГХМ, хотя и смогли достаточно эффективно вести свою работу до преобразования их в техникум в 1922 г. **[12, с. 56]**, но в результате имели в своем составе только живописные и графические мастерские, требовавшие минимума материалов, учебников и квалифицированных специалистов.

Не менее интересны планы по открытию архитектурных мастерских в Нижегородских СГХМ в первом полугодии 1919 г. В городе предполагалось открыть две свободные студии архитектуры. Как и в случае с Тамбовскими СГХМ, в документе подчеркивается, что они должны были стать частью масштабного проекта по созданию комплексной региональной художественной школы, готовящей профессиональных художников любых направлений. Согласно этим планам, «кроме теоретического и графического преподавания предмета и практического изучения его на практических работах коллегии должно быть практически монументальное отделение как связующее звено со свободными студиями живописи, ваяния и прикладных искусств в их декоративной части. В этом отделении как работающие в архитектурной студии будут иметь возможность в материале осязать графические изображения своего предмета, так и декоративно настроенные художники – ближе подойти к архитектуре» **[4, л. 19]**.

Всего в мастерских предполагались два лекционных зала, два зала черчения, два зала рисования, одна комната пособий, одна комната – архив чертежей и рисунков, библиотека, канцелярия, монументальная мастерская и шесть комнат для «лиц личного состава, долженствующих жить при студии» – заведующего хозяйством, вахтера, истопника, сторожа и дворника **[4, л. 19]**. Для этого архитектурной мастерской должен был быть предоставлен отдельный дом – что в условиях 1919 г. было довольно смелым замыслом.

Собственно педагогический состав архитектурных мастерских намеренно планировался небольшим. «Принимая во внимание руководство в отделениях теоретическом, чертежном, рисовальном, монументальном и руководство практическими работами, педагогическая группа личного состава мала, что сделано умышленно для достижения единства живых направлений в архитектуре, борющихся с мертвой специализацией, но тесный преподавательский состав каждой студии в лице ответственного руководителя, его помощника и чертежника должен соответствовать новой задаче, возлагаемой на него, и, предвидя лиц не узкой специальности, а широко культурных, считаем ставки минимальными» **[4, л. 19]**.

Отдельно оговаривалось, что на первое полугодие 1919 г. «организации уездных студий архитектуры не предполагается в виду технической неподготовленности масс, с одной стороны, и с другой – необходимости поднять интерес к монументальному творчеству при помощи групповых экскурсий центральных студий, по возможности связанных с работой по постройке и реставрации на местах и сопровождаемых лекциями и беседами» **[4, л. 18]**, то есть архитектурные мастерские центральных Нижегородских СГХМ должны были покрывать потребность уездов в архитектурных кадрах, строительных и реставрационных работах. Эти работы должны были выполняться силами

педагогов и учащихся мастерских начиная с первых месяцев их существования.

Кроме того, педагоги и ученики должны были заниматься пропагандой как собственно архитектурной профессии, так и архитектурного наследия уезда, фактически формируя целевую аудиторию для будущих уездных архитектурных мастерских, если в таковых возникнет необходимость.

В итоге у Наркомпроса испрашивалась сумма в 25000 р. «как кредит на групповые экскурсии учеников по уездам», в том числе 10000 р. – «на разъезды учебного персонала для пропаганды и на места построек и реставраций. Отдельно 300000 р. испрашивалось на монументальную реставрацию памятников архитектуры – важное направление работы мастерских, которое должно было послужить «при привлечении местных масс к работе лучшей подготовительной деятельностью студии в уездах, с одной стороны, и совместной работой с Секцией охраны памятников искусства и старины – с другой» **[4, л. 18]**.

В этом документе мы видим намного большее количество практических сведений и деталей – перед нами уже принятый план создания мастерских, а не рассматриваемый на собрании педагогов концептуальный проект. Разумеется, условия гражданской войны и продовольственного кризиса не позволяли реализовать его в заявленных масштабах. Тем не менее в отчётных материалах Наркомпроса за первую половину 1919 г. архитектурная мастерская Нижегородских СГХМ фигурирует как уже организованная **[6]**. Упоминается она и в документах мастерских 1920 г. **[13]**. Однако, несмотря на это, никаких сведений о её работе выявить пока не удалось.

Другие упоминания о планах создания архитектурных мастерских в материалах уже действовавших региональных СГХМ носят более практический, но при этом не менее романтический характер. Так, в январе 1921 г. уполномоченный Костромских свободных мастерских Н.Н. Купреянов, отмечая, что архитектурная мастерская в имеющихся в городе СГХМ «действует номинально», просит столичный Главпрофобр «ускорить прибытие в Кострому обещанного … руководителя – в лице тов. Шехтеля или кого-либо иного», или же «закрыть Костр<омские> ГСХМ и передать их Губсекции ИЗО, в ведении коей они могли бы существовать в качестве районной студии, что в гораздо большей степени будет соответствовать действительному их значению» **[1, л. 52–53]**. Очевидно, по мнению Купреянова, находившийся в это время без работы Ф.О. Шехтель, как признанный мастер архитектуры, мог бы возглавить свободную архитектурную мастерскую в Костромских СГХМ и наладить, наконец, ее работу. До этого времени проблемы с ее организацией виделись Купреянову в отсутствии достаточно квалифицированного мастера-педагога.

Тем не менее проверить способности Шехтеля на поприще строительства свободного художественного образования в Костроме Купреянову не удалось – спустя всего лишь несколько дней после этого обращения в Главпрофобр он был отозван распоряжением наркома просвещения Луначарского с поста уполномоченного Костромских СГХМ и уехал в Москву, где преподавал в Московском ВХУТЕМАСе **[11, с. 186]**.

Еще одним нереализованным проектом создания региональной архитектурной школы стала попытка создания архитектурного факультета в Кубанских (Екатеринодарских) ВГСХМ. Реформа мастерских, реорганизованных из Екатеринодарского художественного училища, приходится на 1920 г. – время установления советской власти на Кубани и переустройства региона на новых,

советских принципах. В это время уже был создан Московский ВХУТЕМАС и начиналась реорганизация региональных художественных школ по новому принципу – они были преобразованы в высшие учебные заведения, а на смену индивидуальным художественным мастерским пришли специализированные факультеты. Поскольку два из четырех реформаторов Кубанских ВГСХМ – А.П. Вайтенс и А.А. Юнгер – были архитекторами **[2, л. 56]**, им было поручено создание архитектурного факультета новой высшей художественной школы. Однако, несмотря на то что будущий архитектурный факультет был как минимум частично обеспечен квалифицированными педагогическими кадрами, по причине отсутствия соответствующего помещения открытие новых факультетов (архитектурного и скульптурного) было решено отложить до осени, а ученикам, подавшим заявления о приеме на эти факультеты, временно отказать. Тем не менее эти заявления отдельно упоминаются в отчете мастерских как свидетельство востребованности новых специальностей, «открытие которых диктуется условиями насущной потребности края» **[2, л. 12]**.

Но несмотря на востребованность архитектурной профессии и идейную установку на обучение максимально возможному числу художественных специальностей в СГХМ **[14]**, примеры успешного создания архитектурных свободных мастерских в регионах были большой редкостью (сегодня известно об их создании в Пензе, Ярославле, Астрахани, а также о реорганизации из архитектурных отделений уже существовавших художественных школ Москвы, Петрограда, Казани). Архитектурное образование требовало значительных ресурсов и наибольших (в сравнении с живописью, скульптурой и прикладными искусствами) усилий для адаптации к системе свободного художественного образования. В то время как сама концепция СГХМ предполагала создание индивидуальных мастерских, состоящих из мастера-педагога и подмастерьев-учеников, обучение архитектурной профессии требовало передачи значительного объема специальных знаний и навыков, для чего одного мастера-руководителя было недостаточно.

Также неосуществимыми в условиях региональных СГХМ оказались характерные для эпохи авангарда идеи комплексного художественного образования, синтеза и взаимопроникновения искусств. Фактически создание архитектурной мастерской требовало, помимо совместной работы с мастером-педагогом, ряда научных и технических курсов и практических занятий, проводимых специалистами в соответствующих областях – скорее в соответствии с принципами и методами дореволюционной классической школы. Таким образом, архитектура оставалась наиболее консервативным из направлений искусства, с наибольшими трудностями встраиваемым в систему СГХМ.

Выводы. По материалам дошедших до нас проектов организации региональных СГХМ мы можем судить как о востребованности архитектурной профессии в регионах, так и о развитии идей по формированию региональных архитектурных школ в изменившихся условиях нового государства. Кроме того, именно эти документы, дополняя историю известных нам свободных мастерских этого периода, позволяют составить полную картину строительства свободного художественного образования в послереволюционной России.

В 1920 г., когда после Всероссийской конференции учащих и учащихся СГХМ и создания московского и петроградского ВХУТЕМАСов, созданная после революции общегосударственная сеть художественных учебных заведений

реорганизуется на новых основаниях, в практику архитектурно-художественного образования возвращается ряд дореволюционных принципов – централизованное управление мастерскими, деление на специализированные факультеты, разработка и введение общих учебных программ. В то же время наработанный за время эксперимента по созданию СГХМ опыт педагогических новаций и потребность в создании нового архитектурного образования оказали значительное влияние на формирование архитектурного факультета Московского ВХУТЕМАСа, где были разработаны уникальные программы и методики, сделавшие его выдающейся школой мирового архитектурного авангарда.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9, Д. 39.
2. ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 40.
3. ГАРФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 62.
4. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 55.
5. *Иванова-Веэн Л.И.* География и система архитектурно-художественного образования в России, 1918–1930 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.* Сер. 2. Искусствоведение и филологические науки. – 2013. – №3. – С. 4–9.
6. *Иванова-Веэн Л.И.* География Свободных государственных художественных мастерских 1918–1920 гг. / по отчетным материалам отдела ИЗО Наркомпроса // *Реабилитация жилого пространства горожанина:* материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. им. В. Татлина, 5–6 декабря 2011 г. – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 358–362.
7. *Ключевская Е.П.* Архитектурная школа Свободных государственных художественных мастерских в Казани // *Реабилитация жилого пространства горожанина:* мат-лы VIII Междунар. научно-практ. конференции им. В. Татлина, 5–6 декабря 2011 г. – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 367–370.
8. *Лапшина Е.Г.* Дисциплина «Пространство» в столичной и региональной архитектурно-художественной школе России // *Региональная архитектура и строительство.* – 2011. – №2. – С. 181–185.
9. *Лапшина Е.Г.* О первой учебной архитектурной мастерской в Пензенской художественной школе. 1919–1920 // *Реабилитация жилого пространства горожанина:* мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. им. В. Татлина, 5–6 декабря 2011 г. – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 365–366.
10. *Лисовский В.Г.* Архитектурные мастерские Академии художеств в годы революции и гражданской войны // *Архитектурное наследство.* Вып. 59. – М.: РААСН, 2013. – С. 239–253.
11. *Малясова Г.В.* Противостояние старого и нового: Костромские государственные свободные художественные мастерские (1920–1921 гг.) // *Ярославский педагогический вестник.* Сер. 1. – №2. – Ярославль: ЯГПУ, 2015. – С. 182–186.
12. *Малясова Г.В.* Свободные государственные художественные и художественно-промышленные мастерские – попытка построения новой системы художественного образования в России (1918 – начале 1920-х гг.). // *Теория искусства, традиционная культура и творческий процесс:* Тенденции научных исследований, проблемы терминологии, исторические и междисциплинарные аспекты развития дизайна, декоративно-прикладного и народного искусства и архитектуры, опыт художественно-промышленных школ: мат-лы Междунар. науч. конф. к 190-летию МГХПА им. С.Г. Строганова и к 100-летию П.А. Тельтевского, 20 марта 2015. – М.: МГХПА, 2015. – С. 51–56.
13. *Помыткина Л.И.* Нижегородские СХМ (Свободные художественные мастерские) // *Энциклопедия русского авангарда.* Т. III. Кн. 2. – М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2014. – С. 20–21.
14. *Штеренберг Д.П.* Отчет о деятельности отдела изобразительных искусств Наркомпроса // *Изобразительное искусство.* – 1919. – №1. – С. 50–81.

Пастух О.А.
gvolia@yandex.ru
СПбГАСУ, г. Санкт-Петербург, Россия

УДК 72.036:725.1
ББК 85.113

РАЗВИТИЕ ПАРКОВОГО ХОЗЯЙСТВА В ТУЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассказывается о состоянии садово-паркового хозяйства в городе Туле на начало XX в., о мерах по улучшению и расширению зеленых насаждений как в историческом центре, так и в новых, развивающихся рабочих районах города. Период интенсивной индустриализации (годы первых советских пятилеток) оказал существенное влияние на развитие садово-паркового хозяйства Тулы и прилегающих к ней территорий.

Ключевые слова: реконструкция; садово-парковое хозяйство; городская среда; внешнее и внутренне благоустройство городских территорий.

Период интенсивной индустриализации (1928–1940 гг.) оказал существенное влияние на развитие садово-паркового хозяйства Тулы. На начало первой пятилетки в городе невыразимо мала была зеленая зона. При 2,5 тыс. га селитебной территории площадь зеленых насаждений составляла всего 100 га, или 4% , вместо 25% от нормы. Наиболее значимыми зелеными территориями в городе на тот момент времени можно считать Кремлевский сад и Петровский парк. За счет передачи городу заповедника в 3 000 га леса ситуация начала улучшаться. Но проблема городского озеленения оставалась, так как вновь присоединенная зона располагалась на окологородских территориях. Перед городскими властями была поставлена задача продумать обустройство зеленой парковой зоны именно в городской черте. Было предложено, кроме развития существующих хозяйств, организовать базисные питомников в Туле, как и еще в двенадцати городах Московской области (МО) **[6, с. 80–83]**. Затраты на внешнее благоустройство по Тульскому округу приведены в таблице №1, а данные по количеству зеленых насаждений по Туле и прилегающих территорий на начало второй пятилетки – в таблице №2.

Таблица 1

Затраты на внешнее благоустройство по Тульскому округу (в тыс. р.)

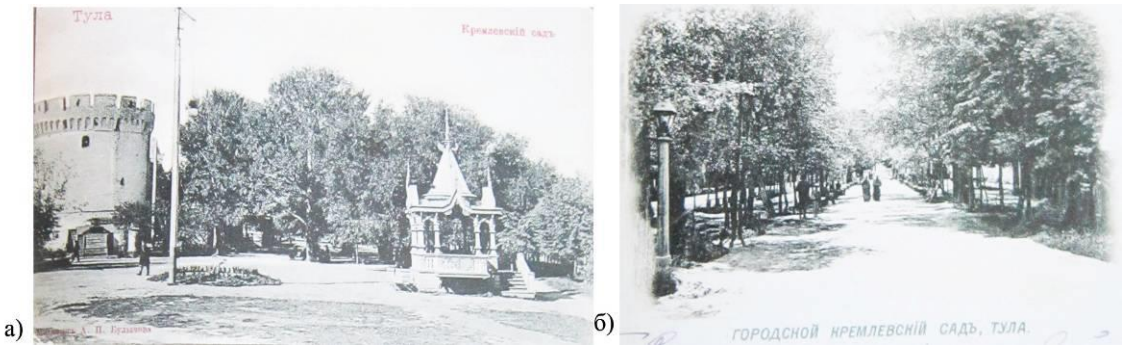
Наименование округа	1928/29	1929/30	% роста
Тульский	1274,8	1417,5	11,2

Таблица 2

Количество зеленых насаждений по Туле к 1932 г.

Наименование пунктов	Бульвары (в га)	Скверы (в га)	Парки (в га)
Тула	2	2	200
Косая Гора	1	-	-

Кремлевский сад. В середине 1830-х гг. Тульским губернским правлением был издан указ об устройстве сада вокруг кремля на месте уничтоженного пожаром сенного рынка **[9, с. 280–281]**. Сад, окружающий кремль с трех сторон, был открыт в июле 1837 г. и состоял из Верхнего сада: от башни Пятницких ворот до Ивановской башни; Нижний сад протянулся вдоль берега Упы от Ивановской башни до башни Водяных ворот *(рис. 1)*. После того как будущий император Александр II посетил проездом Кремлевский сад, его стали называть еще и Александровским. В 1870-е гг. Сад начал приходить в запустение. Однако в начале XX в. общественная жизнь в нем закипела с новой силой: в Кремлевском саду устраивались пчеловодческие и птицеводческие выставки, работали оранжерея и ботанический сад, имелся синематограф, ресторан и прочие увеселительные заведения. После революции сад некоторое время называли садом ТОЗ (Тульского оружейного завода) или садом имени Томского. К 1930-му году Кремлевский сад «облагородили» в духе времени: разместили парашютную вышку, читальню, эстраду. Территорию Нижнего сада полностью занял оружейный завод, преградив доступ к нему горожан.



а) б)

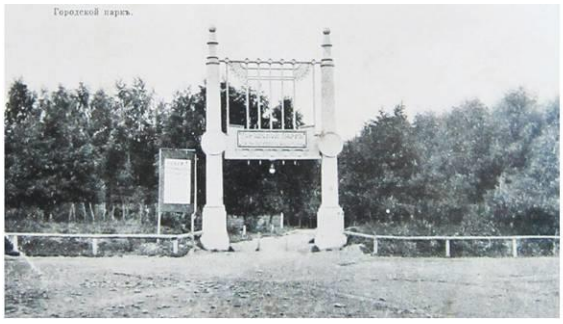
Рис. 1. *Виды Кремлевского сада:*
а – беседка Нижнего сада; б – Театральная аллея Верхнего. Открытки начала XX в.

Петровский парк (Центральный парк культуры и отдыха). Современный Центральный Парк культуры и отдыха Тулы был заложен по инициативе Петра Петровича Белоусова, главного санитарного врача города, на южной окраине города на месте большой городской свалки и выпаса скота. Создание парка, открытие которого состоялось летом 1893 г., решало сразу две задачи: естественным путем ликвидировалась городская свалка и туляки получали благоустроенную зону для отдыха **[9, с. 293]**. Посадки делались преимущественно березовые, с незначительной примесью дуба, липы и ясеня. Так, в конце XIX в. на южной окраине города на площади в 36 десятин возник парк, похожий на лес.

Название парка, как и близлежащей улицы – Петровской (ныне улица Ф. Энгельса), происходило от названия возвышенности, на которой находится парк, – Петровской горы. С 1906 г. парк стал носить имя своего основателя – П.П. Белоусова. Ворота *(рис. 2а)* со стороны Ваныкинского проезда (ныне улица Первомайская) оформляли главный вход в парк до 1950 г., когда была проведена реконструкция: установлена новая ограда, ворота, а перед входом – памятник В.В. Вересаеву. С момента своего основания парк стал любимым местом отдыха туляков. В 1908 г. в нем появились: площадка для детских игр, элитный синематограф (кинотеатр). На ипподроме, существовавшем гораздо раньше парка

и вошедшем после расширения парка в его владения, проводились рысистые бега и состязания лошадей Императорского тульского бегового общества. В 1920-х гг. его территория использовалась в качестве аэродрома.

В годы сталинских пятилеток Центральный парк культуры и отдыха Тулы им. П.П. Белоусова представлял собой обширный зеленый массив (почти 50 га) в центре города. После революции советские местные власти уделяли особое внимание развитию парка. Высадка деревьев продолжилась и в 1930-х гг. До 1937 г. Тула со всем Тульским округом входили в состав Московской области. Поэтому обустройством парка занимался целый ряд организаций: ЦРК, Потребсоюз, Меткомпрофсоюз, Кредпромсоюз, Мосторг и ОСПС. В 1930 г. в периодической печати МО появились критические заметки о задержке открытия городского парка в Туле «ввиду невнимательного отношения к этому вопросу некоторых организаций» и о «ряде случаев бесхозяйственности при самом строительстве парка» **[1, с. 88]**. Через год городские власти, учтя и устранив практически все недочеты, действительно добились того, что городской парк стал центральным местом культуры и отдыха горожан. В 1931 г. читаем: «довольно хорошо обстоят дела в Тульском парке. Здесь имеются тир, качели, кегельбан, биллиарды, силомер. Читальня получает до 80 периодических изданий и много новейших брошюр. ЦРК оборудовал в парке книжный киоск и организовал книгоношество. При читальне парка имеются шашки и шахматы, проходят турниры. В павильоне читальни приглашенным из Ленинграда специалистом оборудована интересная научно-показательная панорама, пропагандирующая идею кремации – «огненное погребение» (1-й московский крематорий). Художественно-зрелищные мероприятия будут пополнены лекциями, докладами, беседами. Справочное бюро выдает справки по вопросам юридическим, земельным, госзайму, налогов, снабжения, физкультуры и пр. Плохо в парке с буфетом. Недостаток товаров, толчея, и так называемое самообслуживание говорят о том, что с этим делом ЦРК справился слабо» **[2, с. 113]**. Старый парк был отлично спланирован. Он имел радиальную планировку, аллеи расходятся от центрального круга, с цветником в середине, а слева от него – музыкальная эстрада *(рис. 2б)*. В 1950 гг. территория парка значительно увеличивается за счет выделения из городских земель под посадки более 100 гектаров. Новый парк расположился к юго-западу от старого, на восточной стороне которого – Главный парковый вход, его площадь уже составляла на тот момент более 150 га.

а) 

б)

Рис. 2. *Виды Петровского городского парка:*
а – главный вход в парк; б – центральная часть парка – круг (цветник). Фото начала XX в.

Пушкинский (детский) сад. Одним из излюбленных мест отдыха туляков в начале XX в. был Пушкинский сад, заложенный еще в 1842 г. и долгое время называвшийся Английским садом, который находится на правой стороне улицы Киевской на углу с улицей Пушкинской. В начале XX в. там были разбиты цветники, устроены места отдыха. Особой популярностью сад пользовался среди детей, в связи с чем его часто именовали Детским садом. Там проводили время как отпрыски благородных родителей со своими гувернантками, так и для детей из малоимущих семей устраивали массовые игры под руководством известного тульского педагога. Однако официально сад получил название Пушкинский в 1899 г., когда в нем был установлен бюст А.С. Пушкину в честь 100-летия со дня рождения *(рис. 3)*. В 1908 г. была произведена масштабная (до 1500 деревьев) высадка деревьев в Пушкинском и Гоголевском, расположенном напротив через Киевскую улицу, садах.

Рис. 3. *Пушкинский сад. Фото 1909 г.*

Комсомольский парк (Александровский парк). По предложению главы города в 1907 г. на очередном заседании Дума приняла решение финансировать распоряжение управы на разведение нового парка в рабочем районе Тулы – Заречье. И уже осенью при выезде из города в московском направлении по улице Миллионной, между шоссе и землей деревни Куруловки, а также складом военного ведомства окопали канаву более 7 десятин (почти 8 га) земли и посадили 7800 березок. Горожане по собственной инициативе передали парку еловые, пихтовые, кленовые, липовые и ясеневые саженцы.

Труд по планировке парка и посадке деревьев безвозмездно принял на себя надворный советник, землемер Тульско-Калужского управления государственным имуществом М.Д. Кришневский. Все работы велись под руководством доктора А.А. Александрова, именем которого парк и был назван – Александровским. В 1922 г. шефство над парком взяли тульские комсомольцы. Территория парка была расширена до 65 га. Посажены новые деревья и кустарники. Изменилось и название парка, он стал Комсомольским. Сохранились записи о том, что в период с 1 мая по 15 июня 1922 г. Союзом молодежи совместно с комитетом Зареченского РКП (б) была проделана работа по постройке на территории парка

летнего театра, лавок, проведено электрическое освещение. Тогда же вокруг парка появилась железная ограда *(рис. 4а)*. В июне 1923 г. состоялось торжественное открытие летнего клуба и сада. В парке была устроена спортивная площадка и отведена поляна для юных пионеров. В дни обороны Тулы в парке дислоцировалась зенитная батарея, был сооружен противотанковый ров.

Посадки деревьев продолжали производиться и в период с 1940 по 1950 г. комсомольцами и молодёжью предприятий и организаций Зареченского района.

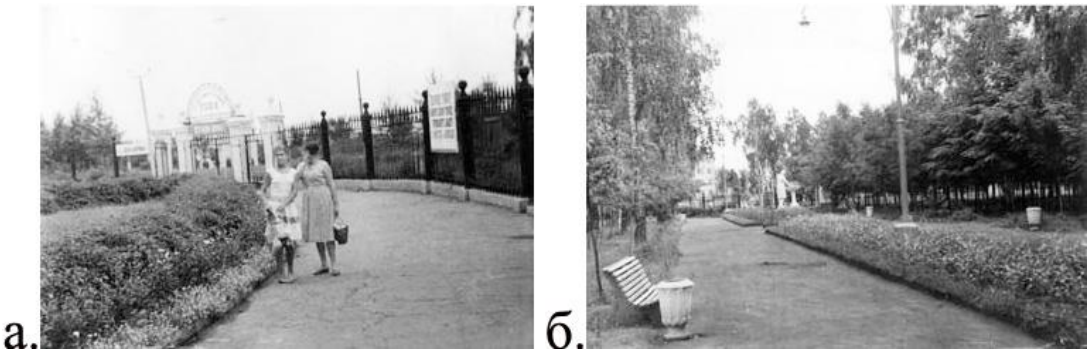


Рис. 4. *В Комсомольском парке. Фото 1970-х гг.*

Парк культуры и отдыха поселка «Косая Гора». В период интенсивной индустриализации город Тула значительно разросся. Образовывались новые поселки, впоследствии разросшиеся и вошедшие в состав города. Например, рабочий поселок «Косая Гора» при Косогорском металлургическом заводе. В годы второй пятилетки архитектором И. Бузуновым (из Мособлпроекта) был спроектирован Парк культуры и отдыха поселка «Косая Гора» (1934 г.). Его территория представляет собой лесной массив с небольшим количеством открытых площадок на разнообразном рельефе. Кроме того, в границах парка расположился большой заводской пруд. Своей северной частью территория парка входит в жилые кварталы поселка. Размер парка 160 га, посещаемость 6 000 чел в день.

В основу его планировки положено стремление с максимальной эффективностью использовать природные условия местности, избегая значительных вырубок существующего леса. В связи с этой установкой секторы парка не имеют четко очерченных границ, переплетаясь между собой. Объекты массово-политической и оздоровительной работы размещены вдоль основной магистрали, берущей начало от главного входа и завершающейся полем массовых действий – стадионом. К востоку от главной магистрали до пруда расположен сектор работы с детьми. Вся противоположная сторона парка вдоль по магистрали до центральной площади остается свободной зеленой зоной. Между детским разделом и стадионом по берегу пруда расположена зона тихого отдыха, для которого, кроме того, намечены участки к востоку от главной магистрали, рядом со стадионом на южном берегу пруда, а также на его противоположном берегу. Южная часть парка целиком предназначена под организацию баз однодневного отдыха **[3, с. 25]**.

Рис. 5. *Проект планировки парка культуры и отдыха в поселке при поселке «Косая Гора» (арх. И.И. Бузунов): 1 – стадион и поле массовых действ; 2 – площадка массовой работы; 3 – база тишины и покоя; 4 – пляж; 5 – спортивные площади; 6 – водная станция; 7 – дом физкультуры; 8 – база однодневного отдыха; 9 – павильон оборонной пропаганды; 10 – площадка раздела оборонной пропаганды; 11 – центральная база культработы; 12 – выставочный павильон; 13 – площадка для выставки на воздухе; 14 – питомник, площадки показательных посевов, участок образцового животноводства и фруктовый сад; 15 – кинотеатр; 16 – цирк шапито; 17 – эстрада для оркестра; 18 – аттракцион; 19 – детский сектор*

Что касается огородного хозяйства, то стоит отметить, что Тула – город, имеющий в начале второй пятилетки 6, 375 га земли, своего огородного хозяйства как такового не вел. Земля ходила в аренде. Общий размер жилой площади составлял 724,71 кв. м, что в среднем на человека – 3, 98 кв. м. По отдельным частям города средняя величина колебалась: в Центральном районе – 4, 37 кв. м, в Заречье – 3,78 кв. м, в Чулково – 3,16 кв. м.

Заключение. В Туле в начале XX в., а особенно в течение первых пятилеток, была проведена колоссальная работа по благоустройству города. Наряду с реконструкцией уже существовавших парков и скверов были спроектированы и разбиты новые. Особое внимание уделялось не просто высадке новых зеленых насаждений, а именно организации интересного и познавательного досуга горожан. В парках и скверах организовались культурно-увеселительные программы, просветительские политические, спортивные мероприятия, детские праздники, тематические выставки и т.д. Проводились также и общие мероприятия по благоустройству города: замощены многие улицы, асфальтированы площади и тротуары на главных уличных магистралях, проведено уличное освещение.

Библиографический список

1. *Коммунальное хозяйство.* – 1930. – Вып. № 6. – С. 88.
2. *Коммунальное хозяйство.* – 1930. Вып. № 7. – С. 113.
3. *Архитектура СССР.* – 1934. – № 5. – С. 25.
4. *Мельшиян В.В.* Тула. Экономико-географический очерк. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1968. – С. 239.
5. *Лунц Л.* Архитектура рабочего отдыха. Парки культуры и отдыха городов-новостроек // *Архитектура СССР.* – 1934. – № 5. – С. 20–29.
6. По области. Коммунальное хозяйство МО (по данным местной печати) // *Коммунальное хозяйство.* – 1930. – № 6. – С. 80–83.
7. *Каменский В.* Задачи окружного коммунального хозяйства в 1930/31 г. // *Коммунальное хозяйство.* – 1930. – № 7. – С. 111–112.
8. Московское областное коммунальное хозяйство (по данным местной печати). Парки культуры и отдыха // *Коммунальное хозяйство.* – 1930. – № 7. – С. 113.
9. *Тенцер М.Б.* Тула на старой открытке: альбом. – Тула: Борус-Принт, 2012. – 360 с.
10. *Пастух О.А.* Жилищно-коммунальное строительство города Тулы в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) // *Известия Тульского государственного университета. Технические науки.* – 2014. – №11 (Ч. 1). – С. 327–341.

Корбмахер А.К.
KorbmacherAlona@mail.ru
Курбатова Н.В.
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 712.03
ББК 85.11

СОХРАНЕНИЕ ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ ГОРОДА ТОМСКА

Аннотация. Исследование посвящено историческому району «Татарская слобода» в городе Томск. В ходе исследования предложены пути сохранения и популяризации Татарской слободы.

Ключевые слова: исторический район; Татарская слобода; томские татары; планировочные структуры города; архитектурный стиль.

1. Историческая справка. Сибирский город, как правило, делился на несколько частей: в основе его формирования практически всегда была крепость, постепенно «обрастающая» городскими поселениями – слободами, форштадтами, районами. Архитектурный облик этих поселений складывался под влиянием целого ряда признаков: социального, ландшафтного, этнического и др. Так, в старинном сибирском городе Томске сохранился исторический район «Татарская слобода». В архитектурном облике этого района *(рис. 1)* и сегодня можно увидеть элементы национальных традиций **[1, с. 92]**.

Рис. 1. *Город Томск. Улица Татарская. Фото нач. XX в.*

Район «Татарская слобода» разместился за озером Исток на довольно плоской, низко расположенной территории, отделенной от остальной части города крутым склоном надпойменной террасы реки Томи. Благодаря своему географическому положению район имел естественные границы, отделявшие его от остальной городской территории, и поэтому еще в самом начале своего развития выделился в самостоятельное городское образование. В настоящее время территория района с южной стороны ограничена улицей Беленца (старое название – переулок Подгорный), с северной – Московским трактом, с восточной – улицей Неточной и с западной стороны – берегом реки Томи.

Начало формирования слободы приходится на 60-е гг. XVII в., когда томские татары переселились сюда с территории Юрточной горы, где и разместился Томский мужской Алексеевский монастырь. Наиболее активное заселение Татарской слободы отмечается после 1730 г. в связи с прокладкой Московского тракта, соединившего европейскую Россию с Западной и Восточной Сибирью. Московский тракт пролегал по территории слободы.

Анализ картографических источников показывает, что в 1748 г. была заселена лишь 1/5 территории слободы. Спустя 20 лет территория застройки существенно увеличилась, а к 1824 г. площадь Заисточья была почти полностью застроена. Планировка района представляла собой довольно четкую прямолинейную систему расположения улиц и кварталов. Главные улицы шли параллельно друг другу. Перпендикулярно им были расположены переулки. Направления основных улиц района совпадали с направлением главной улицы города и береговой линией реки Томи. Таким образом, район «Татарская слобода» удачно гармонировал с архитектурно-планировочной структурой всего города **[1, с. 95]**. На формирование района большое влияние оказал национальный колорит преобладающего на этой территории татарского населения. Национальные особенности и традиции проявились как в архитектуре отдельных зданий, так и в приемах их планировки. Архитектурный стиль строений можно охарактеризовать как позднюю эклектику с элементами декора в виде традиционной накладной и пропильной резьбы, из растительного и геометрического орнаментов. Из национальной татарской культуры здесь применены восточное шлемовидное завершение выносных эркеров, арочные завершения проемов и витражи. Во все времена застройка слободы в основном представляла собой одно- и двухэтажные деревянные дома. В основном это дома смешанного типа, где первый этаж – кирпичный, а второй – деревянный, сохранились и каменные дома. После пожара в конце XIX в. застройка была обновлена почти полностью **[2, с. 122]**.

2. Значение Татарской слободы для современного города Томска. Татарская слобода является неотъемлемой и важной частью города Томска, имеющей свое неповторимое своеобразие и уникальность. Даже в границах самой слободы все деревянные дома в большей или меньшей степени отличаются друг от друга и по планировочному решению, и по своим внешним характеристикам (декор фасада, завершения крыш, входы в здание). Все вместе они создают единое целое. С утратой одного из них и возведением на этом месте нового здания, отличающегося по материалу, стилистике, этажности, периоду постройки и др., город потеряет целостность среды, а значит, и то неповторимое своеобразие и уникальность, которыми так славится Татарская слобода, украшающая город Томск. Поэтому очень важно сохранить каждое звено в общей линии городской исторической застройки.

Рис. 2. *Татарская, 46. Фото 2015 г.*

В процессе историко-градостроительного формирования район Татарской слободы приобрел черты заповедного района. Преобладающая деревянная

застройка представляет целостную градостроительную средовую систему, что в настоящее время является редким и исчезающим явлением в градостроительной культуре России. Деревянные постройки демонстрируют различные конструктивные приемы и планировочные схемы, многообразие видов резьбы по дереву **[2 с. 122].** Прямым продолжением фасадов домов были и остаются ограда и ворота, часто богато орнаментированные, также выполненные из дерева *(рис. 2)*.

Для строений Татарской слободы характерна большая высота заборов и ворот, часто сплошного исполнения. Закрытие своих дворов от пространства улицы можно определить как продолжение народной татарской традиции. Постепенное изменение социальных причин, вынуждавших строить «дом-крепость», способствовало перенесению входов в дом непосредственно на улицу. В состав усадьбы обыкновенно входили дом, флигель, службы, иногда прачечная, кухня, амбары, каретники и другие хозяйственные помещения (в настоящее время на территории Татарской слободы сохранился единственный в городе амбар). Площадь усадьбы в среднем составляла 300 квадратных саженей **[1, с. 100]**.

3. Современный путь сохранения и популяризации Татарской слободы. Татарскую слободу сегодня со всех сторон обстроили многоэтажными зданиями. Однако многоэтажные дома до сих пор не строились непосредственно на территории района. Но если ничего не менять, то многоэтажная застройка начнет заполонять и сам исторический район. Кроме того, район сегодня интенсивно застраивается малоэтажными индивидуальными жилыми домами, которые могут навсегда лишить его архитектурной и историко-культурной ценности, а также туристической привлекательности.

Но чтобы этого не произошло, чтобы район зажил и стал интересным, необходимо его не просто сохранить и провести реставрацию, но и приспособить под современное использование. Насытить новыми функциями. Сделать его туристическим центром и местом отдыха горожан. В процессе изучения стратегии развития города Томска стало понятным, что городу не хватает общественных пространств, особенно пространств для развития малого бизнеса. А чтобы бизнес был успешен, необходимо также обеспечить спрос. Татарская слобода могла бы стать таким центром привлечения бизнесменов, горожан и туристов, а также молодежи, которая составляет большую часть города.

Заключение. Универсальные историко-культурные и архитектурные ценности, всесторонне раскрытые в пространстве города, могут стать одним из важнейших направлений экономического его развития, его культурной политики. Глубина культурного наследия является весомым аргументом в пользу устойчивого развития города, индексации надежности всех систем общественно-экономического развития, а также серьезных гарантий для иностранных инвесторов. Исходя из этих оснований, можно выстраивать стратегию туристического бизнеса. Современный исторический город – это не застывший музей отживших эпох, а развивающийся организм, в котором есть место и для прошлого, и для настоящего, и для будущего.

Библиографический список

1. *Богданова О.В.* Архитектурный облик Томска. – Томск: Красное знамя, 2005. – 143 с.: ил.

2. Проблемы сохранения архитектурного и историко-культурного наследия: материалы III региональной общественной конференции 24 ноября 2012 г. / Том. обл. худ. музей; Том. регион. отд-ние Междунар. общ. организации «Лига защиты культуры»; [редкол.: Н.П. Боровинских и др.]. – Томск: Красное знамя, 2013. – 133 с.: ил.

3. Архив СИ «Сибспецпроектреставрация». – № 407. – С. 1–4.

Ситникова Е.В.
elensi@vtomske.ru
Мякишева М.В.
marykakmary@gmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 728.8/.9+72.035/.036
ББК 85.1

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В Г. ТОМСКЕ

Аннотация. Исследование посвящено хозяйственным постройкам в структуре исторических усадеб г. Томска. В работе рассмотрена эволюция городской сибирской усадьбы, определено место хозяйственных построек в структуре городской усадьбы г. Томска, а также определена ценность хозяйственных построек для сохранения историко-культурного облика города. Кроме того, выявлены проблемы сохранения исторических хозяйственных построек в настоящее время и даны предложения по решению обозначенных проблем.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; усадебная застройка; хозяйственные постройки; исторический центр Томска; сохранение.

1. Актуальность исследования. Томск принадлежит к числу немногих исторических городов, сохранивших до настоящего времени архитектурный облик, присущий городу начала XX в. В нем сохранилась деревянная и каменная историческая застройка, придающая специфический колорит, присущий только Томску. Главным градостроительным модулем жилой застройки вплоть до начала XX в. была усадьба. В состав городских усадеб входило множество разнообразных построек, которые обеспечивали все функциональные процессы жизнедеятельности населения. Площадь застройки амбаров, каретников, конюшен с навесами нередко превосходила площадь жилой застройки. К настоящему времени целиком сохранившихся усадеб с надворными постройками осталось крайне мало. Следует отметить, что архитектура хозяйственных построек жилых усадеб, их роль и значение в формировании архитектурно-пространственной городской среды остаются мало изученными, а тенденция утрат этого ценного историко-культурного наследия приведет к тому, что изучать скоро будет нечего. Таким образом, необходимость сохранения деревянных хозяйственных построек в структуре усадеб, их изучение и современное использование в настоящее время указывают на ценность и актуальность выбранной научно-исследовательской работы.

Исследование базируется на изучении дореволюционных источников, научных трудов, проектных материалов, а также материалов натурного обследования, проведенных авторами.

Изучению истории архитектуры Сибири посвящены работы Е.А. Ащепкова, С.Н. Баландина, В.Т. Горбачева, Н.П. Журина, В.Г. Залесова, Е.И. Кириченко, И.В. Куликовой, А. Прибытковой, Е.В. Ситниковой и др.

Вопросы хозяйственных построек в структуре усадьбы отражены в исследованиях В.А. Липинской, О.Р. Будиной, М.Н. Шмелевой, Л.Н. Чижиковой, Л.А. Скрябиной, З.П. Соколовой, А.В. Сафьяновой, П.П. Медведева, П.Ю. Рачковского, В.П. Орфинского, И.Е. Гришиной, Т.А. Нечаевой и др.

Решение проблем сохранения историко-культурного наследия рассмотрено в

трудах Л.Н. Вольской, А.В. Иконнокова, А.А. Кедринского, Е.В. Михайловского, О.И. Пруцина, С.С. Подъяпольского, Л.С. Романовой и др.

Методика исследования основывается на комплексном подходе и включает:

– изучение дореволюционных и современных источников, в том числе обширных материалов из государственного архива Томской области (ТОКМ), научно-исследовательских работ по теме исследования;

– сбор и обработку документов, графических и фотоматериалов архивов томского областного краеведческого музея (ТОКМ), бюро технической инвентаризации (БТИ), исследовательских и проектных работ методического кабинета кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ;

– проведение натурных исследований (выявление сохранившихся построек, фотофиксация; выполнение обмерных чертежей);

–анализ и систематизация результатов исследования.

Научная новизна заключается в выявлении, фиксации и систематизации хозяйственных построек в структуре усадьбы в г. Томске второй половины XIX – начала XX столетий; в обосновании значимости исторических хозяйственных построек в формировании архитектурного облика г. Томска; во введении в научный оборот неопубликованных ранее архивных и графических материалов.

2. Эволюция городской усадьбы в городах Сибири и Томске. С приходом в Сибирь первых русских землепроходцев на городских территориях появились первые дворовые наделы – усадьбы. Архитектор и исследователь сибирской усадебной застройки Н.В. Шагов выделяет три основных периода ее развития. Так, на начальном этапе становления усадеб (XVII – вторая половина XVIII в.) на фоне активного строительства городов и острогов в Сибири складываются основные принципы расположения однотипных домов на незначительных по размеру участках. В этот же исторический период, благодаря деятельности Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, появляется тенденция упорядочения строений и планировки поселений, закрепленная в законодательной политике по градостроительству. Во второй период (XVIII – вторая половина XIX в.) развитие городской усадьбы в Сибири происходит на фоне становления регулярного характера градостроительства в России, обусловленного общей рационализацией культуры Нового времени. Складываются нормативно-правовые требования к архитектуре и застройке городов, повлиявшие на трансформацию внутренней организации сибирских усадеб. В третий период (вторая половина XIX – начало XX в.) под влиянием социокультурных и экономических факторов, способствующих интенсивному развитию городского населения и жилищному строительству в Сибири, усадебная структура меняется следующим образом: происходит включение в структуру усадьбы многоквартирного доходного жилого дома, а также увеличение числа разнообразных производственных сооружений на ее территории **[5].** Сохранившаяся усадебная застройка г. Томска относится к третьему периоду развития городской усадьбы, поэтому его следует рассмотреть подробнее.

Во второй половине XIX – начале XX в. в городах Сибири и Томске велось интенсивное жилищное строительство. Из факторов, способствующих данному процессу, можно отметить экономический рост на фоне активного развития промышленности и торговли, развитие сельского хозяйства, открытие первого в Сибири университета, а также санкционированное правительством переселенческое движение и строительство железной дороги. Кроме этого, на

фоне активного развития капитализма усиливается экономическое расслоение городского населения. Усадьбы крупных предпринимателей отличались размерами и большим количеством служб, которые на них располагались **[1; 2]**. Торговые лавки, магазины, склады различного назначения стали составлять основную часть застройки городских усадеб. В то время как наиболее состоятельные слои населения могли позволить себе значительные земельные наделы и индивидуальное строительство, ремесленное население такой возможности не имело. Решением жилищной проблемы горожанина становится возникновение в конце XIX – начале XX в. многоквартирного жилого дома. Именно доходный жилой дом утверждается в качестве основного типа жилья и нередко включается в структуру городских усадеб. Преобладали преимущественно деревянные, двухэтажные дома, организованные по принципу сдачи внаем жилых помещений – поквартирной или покомнатной аренды. Такое жилье предназначалось для различных категорий городских жителей (гимназисты, студенты, семьи ремесленников, служащие, рабочие и пр.) и обеспечивало комфортные (на период рубежа XIX–XX вв.) условия проживания.

Другим принципиальным моментом, характеризующим эволюцию усадьбы, является увеличение числа производственных помещений в ее структуре. Многочисленные хозяйственные постройки, в том числе крытые дворы, амбары для хозяйственных нужд и т.п., в конце XIX в. имели жители городских усадеб Томска, Колывани, Бийска, Мариинска, Нарыма и т.д. Площадь участка не позволяла сделать много отдельно стоящих надворных построек, поэтому часто они объединялись в службы под одной крышей. Так, в одном строении совмещали кладовые, погреба, амбары, конюшни, а самой распространенной постройкой был навес. Как правило, таких многофункциональных сооружений могло быть несколько на территории двора, включая какую-либо мастерскую, кузницу или лавку. Таким образом, социально-экономическая ситуация Сибирского региона косвенно определяла характер перераспределения производственных процессов на территории усадьбы и трансформации ее ядра **[5]**.

3. Хозяйственные постройки в структуре усадьбы в г. Томске в конце XIX – начале XX в. В результате историко-архивных исследований и натурного обследования сохранившихся исторических усадеб г. Томска удалось выявить определенные закономерности, касающиеся состава и распределения по территории усадьбы хозяйственных построек.

В основном усадебные участки были по форме ближе к вытянутому прямоугольнику и развивались в глубину квартала. У красной линии стояли жилые дома и флигели, а также торговые лавки, если усадьба принадлежала человеку, занимающемуся торговлей, то и кладовые, где хранились товары и прочая утварь. Разного рода службы старались располагать внутри двора, часто их строили на границе участков усадебных территорий, по их периметру *(рис. 1)*. Но при этом обязательно соблюдали пожарные разрывы, за этим следила Городская управа. В то время городская застройка регулировалась «Уставом строительным» 1857 г. Согласно уставу, заведование строительной и дорожной частью возлагалось на губернские и областные строительные и дорожные комиссии, которым подчинялись соответствующие комиссии в уездах. После принятия Городового положения 1870 г. наблюдение за строительством предоставлялось городским общественным управлениям (городским думам и управам) «при

содействии полиции». То есть если деревянные постройки соседей располагались на недопустимо близком расстоянии, обязательно устраивалась брандмауэрная стена, или вовсе постройку запрещали к возведению **[4]**. В некоторых дворах службы пристраивали к жилому флигелю или дому, причем службы могли быть холодными (не отапливаемыми) или с печью, очагом.

Службы, имеющие функцию хранения (амбары, погреба, ледники, завозни, кладовые, сараи), располагали «на глазах», то есть чтобы из окон дома можно было проверить сохранность имущества, находившегося в них. Также большой ценностью считались лошади, поэтому этот способ размещения касался и конюшен. А вот огород, помещения для скота, бани, прачечные устраивались на самом отделенном от жилого дома месте. Огород и территорию, выделенную на скотоводство, часто даже отделяли забором **[3]**.

Кухни, ледники и погреба старались возводить ближе к дому, в зоне быстрой доступности, так как этими помещениями пользовались постоянно. Из кухни нужно было успеть подать горячие, не успевшие остыть блюда, поэтому переноска должна была занимать небольшое время и расстояние. А в погребах и ледниках хранили продукты питания, которые были необходимы, конечно же, каждый день, поэтому наведываться туда приходилось часто. Но пожарная безопасность касалась и этих построек. Кухню размещали хоть и недалеко от дома, но все же на безопасном расстоянии.

Ремесленные и кузнечные мастерские устраивались неподалеку от жилого дома, иногда даже на красной линии вместе с ним, потому что сами ремесленники жили в этих усадьбах и им было необходимо иметь рабочее место близко у себя на территории.

Сторожки или караулки были свойственны далеко не всем усадьбам. Этим видом хозяйственных построек обзаводились лишь зажиточные горожане, если имели большую территорию, или они устанавливались на территориях общественных зданий, культовых сооружений.

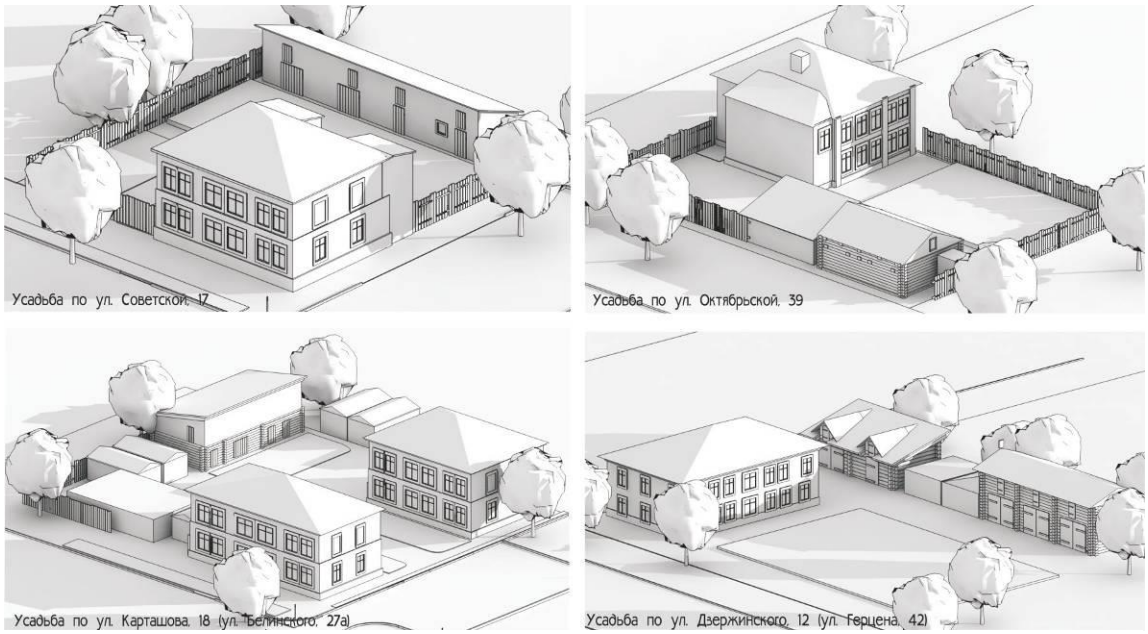


Рис. 1. *Примеры сохранившихся усадеб г. Томска по материалам натурного обследования. Графическая реконструкция М.В. Мякишевой*

4. Проблемы и методы сохранения исторических хозяйственных построек в г. Томске. Основная проблема сохранения исторических хозяйственный построек заключается в том, что на сегодняшний день они функционально не востребованы. Этому сопутствуют следующие причины:

1. Городская усадьба как исторически сложивший градостроительный модуль застройки квартала утратила свое предназначение. Если раньше кварталы дореволюционного русского города формировались из отдельных частновладельческих участков, каждый из которых представлял собой самостоятельный организм со своей пространственно-планировочной структурой, то в настоящее время границы усадеб «стерты», по периметру квартала сохраняется жилая историческая застройка, перенаселенная и стоящая на городском балансе. Находящиеся на внутриквартальной территории исторические хозяйственные постройки, не принадлежащие никому, разваливаются, а на их месте появляются высотные многоквартирные дома.

2. Отсутствие хозяина, который бы восстанавливал и сохранял исторический облик усадьбы как для себя, а вместе с тем и для всего города, повышая тем самым и свое благосостояние, и историко-культурный потенциал исторического центра Томска.

3. Культурная безграмотность современного состоятельного населения. Люди, которые могли бы вкладывать средства в развитие историко-культурного потенциала г. Томска, предпочитают получить блестящую подделку вместо подлинной исторической ценности. Таким образом, на месте шедевральных объектов деревянного зодчества, появляются безвкусные новоделы.

Обозначенные причины последовательно вытекают одна из другой. Следовательно, для обеспечения сохранности хозяйственных построек конца XIX – начала XX в. нужно решать следующие задачи:

– необходимо проводить пропаганду историко-культурного наследия, повышать образованность населения относительно ценности исторической застройки и значимости национальных традиций для поиска инвесторов. Вкладывая значительные средства в сохранение наследия, инвесторы смогут повысить не только свой престиж, но и экспозиционную ценность исторического центра г. Томска, что, в свою очередь, будет способствовать привлечению туристов.

– сохранение усадебной застройки в историческом центре г. Томска с восстановлением и использованием хозяйственных построек под различные современные функции позволит создать атмосферу уютного и комфортного для проживания города.

– разуплотнение исторической деревянной застройки и передача ее в руки настоящих хозяев позволит грамотно использовать исторические деревянные усадьбы и поддерживать не только их работоспособное состояние, но и ценные архитектурно-художественные и эстетические качества этой застройки.

После продолжительного влияния социально-экономических и политических причин, жители большинства городов привыкли жить в высотных многоквартирных домах. Наиболее богатые слои населения стали переселяться в современные коттеджные поселки, не подозревая о том, что есть прекрасная возможность поселиться в центре города, в настоящем историческом объекте, который после восстановления будет отвечать всем современным требования

комфорта. Кроме того, обустройство исторической усадьбы в полном объеме позволит организовать на территории благоустроенный уголок с садом и восстановленными хозяйственными постройками, приспособленными под различные современные функции – гараж с мастерской, сауна, тренажерный зал, летняя веранда с беседкой и др. Выходящие на красную линию застройки объекты можно использовать под торговую функцию.

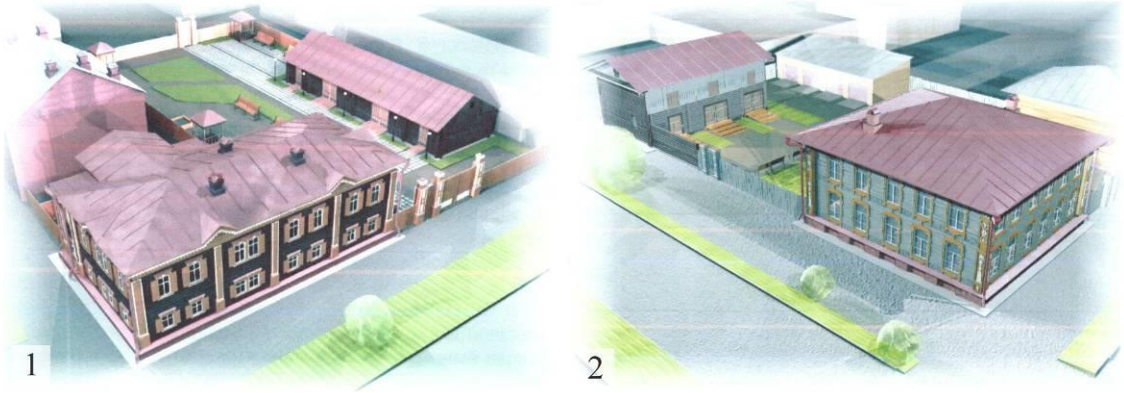


Рис. 2. *Проектные предложения по использованию хозяйственных построек, сохранившихся в исторических усадьбах г. Томска: 1 – усадьба ул. Кузнецова, 18; 2 – усадьба по по ул. Трифонова, 14 (материалы с дипломного проекта И. Липовой, рук. Е.В. Ситникова, 2007 г.)*

Рис. 3. *Село Вятское Ярославской области, восстановленное на средства предпринимателя О.А. Жарова: 1 – баньки на берегу речки Ухтанки; 2 – усадьба О.А. Жарова (построена купцом Галочкиным); 3 – музей «Вятского торгующего крестьянина»; 4 – гостиница-музей «Вятское»*

В проекте реставрации и приспособления исторических хозяйственных построек г. Томска, выполненном И. Липовой на кафедре РиРАН АФ ТГАСУ, было предложено в хозяйственной постройке усадьбы на ул. Кузнецова, 18 устроить тренажерный зал для жителей дома, а усадьбу с уникальной хозяйственной постройкой на ул. Трифонова, 14 восстановить и использовать как музейный экспонат в программе туристического маршрута, посвященного деревянной застройке г. Томска.

В настоящее время стали появляться бизнесмены, которые уже попробовали и поняли, что вкладывать средства в восстановление историко-культурного наследия не только приятно, но и выгодно. Так, ярославский предприниматель О.А. Жаров купил себе в с. Вятское Ярославской области бывшую усадьбу купца Галочкина. После восстановления прекрасного особняка с богатой лепниной на фасаде и маскарунами в виде львиных голов, принялся за восстановление сначала своей улицы, а затем и всего села. На его средства восстановлена церковь Воскресения Христова 1750 г., некоторые старинные дома, проведены дороги, открыты музеи и гостиницы. Сейчас с. Вятское превратилось в туристический центр, а О.А. Жаров получил государственную премию за восстановление села. Во время награждения особо было отмечено, что проект возрождения села Вятское реализован без помощи государства.

Заключение. Хозяйственные постройки г. Томска, входящие в состав исторических усадеб конца XIX – начала XX в., представляют собой ценный пласт историко-культурного наследия. Некогда широко распространенные типы городской усадебной застройки в настоящее время сохранились в крайне ограниченном количестве. Они обладают высокой исторической, градостроительной и архитектурной ценностями, однако практически все выявленные постройки находятся в неудовлетворительном состоянии и стоят под угрозой уничтожения. Восстановление городских усадеб с хозяйственными постройками в историческом центре г. Томска позволит повысить его историко-культурный потенциал; организовать элитное жилье; создать туристическую зону с атмосферой дореволюционного города и т.д.

Библиографический список

1. *Бойко В.П., Ситникова Е.В.* Сибирское купечество и формирование архитектурного облика г. Томска в XIX – начале XX в. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2008. – 180 с.

2. *Бойко В.П., Ситникова Е.В., Шагов Н.В., Богданова О.В., Залесов В.Г., Манонина Т.А.* Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX в.). Томск, 2011. С. 281–291.

3. *Мякишева, М.В., Ситникова Е.В.* Хозяйственные постройки в структуре усадьбы в городе Томске второй половины XIX – начале XX века (по архивным материалам) // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2009. – № 1. – С. 64.

4. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. – Л.: Стройиздат. Ленинград. отд-ние, 1980. – 272 с.

5. *Шагов Н.В., Савельев М.В., Крюкова Ю.Е.* Особенности развития городской усадьбы в Сибири XVII – начала XX в. // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2012. – № 362. – С. 61–64.

Черняк П.Б.
poulina.axenova@yandex.ru
Курбатова Н.В.
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 712.03
ББК 85.11

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА В Г. БАРНАУЛЕ (ПО МЕТОДУ В.Л. ГЛАЗЫЧЕВА)

Аннотация. Исследование посвящено комплексу бывшего сереброплавильного завода в г. Барнауле, который в настоящее время находится в неудовлетворительном состоянии. Прежде чем приниматься за реставрационные работы, необходимо привести в порядок территорию комплекса. Для этого предлагается схема экологической оценки по методу В.Л. Глазычева.

Ключевые слова: экологическая оценка; ревитализация; историко-культурное наследие.

1. Исторический анализ. В историко-культурном наследии Барнаула особое место занимает комплекс зданий и сооружений бывшего сереброплавильного завода. Возникновение города неразрывно связано с горнозаводским производством **[1, с. 14]**. Сегодня для нас Барнаульский сереброплавильный завод – это память, это история города, которая вот уже более четверти века смогла сохранить до наших дней в относительно неизменном виде уникальный памятник промышленной архитектуры XVIII–XIX вв. В настоящее время комплекс сооружений бывшего сереброплавильного завода нуждается в реставрации. Отдельным объектам необходима консервация.

Барнаульский медеплавильный (впоследствии – сереброплавильный) завод был основой развития Барнаула, выполнял градообразующую роль. В отличие от большинства старых сибирских городов (Тюмени, Тобольска, Томска и др.) Барнаул возник не как крепость (острог), а как заводское поселение, город – и завод. Основателем завода, а следовательно и города, был известный тульский и уральский заводчик Акинфий Демидов. 28 сентября (9 октября по новому стилю) 1739 г. началось строительство плотины через реку Барнаул (Барнаулка), а в 1740–1744 гг. медеплавильный завод был построен. Подробное исследование истории завода с момента его строительства, описания зданий и сооружений на его территории, фотографии и реконструкции этих объектов можно найти в материалах из личного фонда М.А. Юдина и в его кандидатской диссертации «Особенности промышленного зодчества Сибири XVIII–XIX вв.».

Комплекс построек Барнаульского сереброплавильного завода является одним из немногих сохранившихся в России памятников архитектуры и градостроительства федерального значения. Он мог бы стать одним из ключевых туристических объектов не только Барнаула, но и всего Алтайского края.

2. Исследование территории завода. Барнаульский сереброплавильный завод – уникальное явление в истории российской промышленности, он был самым крупным предприятием в своей группе цветной металлургии России.

Для того чтобы сделать оценку территории, необходимо определить все ценные объекты на ней (*рис. 1*). Комплекс сооружений Барнаульского сереброплавильного завода – это целый ряд промышленных объектов: первая плавильная фабрика; важня – здание со следами арочных проемов, через которые

въезжали под крышу подводы, нагруженные рудой, где проводили прием и происходило взвешивание (рудоприемная контора); кузница; вторая плавильная фабрика, в здании которой после закрытия сереброплавильного завода, как и в помещении первой плавильной фабрики, размещалось вначале лесопильное, а затем спичечное производство; заводская ограда с воротами; земленасыпная плотина на реке Барнаулке, перекрывавшая реку, образуя барнаульский пруд, благодаря которому у завода круглый год был запас воды – и во время сезонного обмеления реки, и зимой; обжигательная фабрика, которая в одно время была складом, входят в список памятников градостроительства и архитектуры федерального значения (*схема 1*).

Рис. 1. *Схема ценности застройки*

Схема 1

Исследование территории завода и прилегающей территории на наличие ценной застройки

№ п/п	Наименование памятника	Фасад	Адрес	Год постройки, авторы	Статус памятника
1	Первая плавильная фабрика бывшего сереброплавильного завода		ул. Ползунова, 37	1809–1826 гг. А.И. Молчанов, Л.И. Иванов, Я.Н. Попов	Памятник архитектуры федерального значения

22	Вторая плавильная фабрика бывшего серебропла-вильного завода		ул. Ползунова, 37	1811 г. Автор: М.С. Лаулин, 1839 г. – реконструкция – И.М. Злобин (возможно, Я.Н. Попов)	
3	Важня		ул. Ползунова, 37а	Конец XVIII в. А.И. Молчанов	
4	Обжигаль-ная фабрика		ул. Ползунова, 37а	1785 г.	
5	Кузница		ул. Ползунова, 37а	1784 г.	
6	Заводоупра-вление		ул. Ползунова, 37	XIX–XX вв.	
7	Плотина		ул. Ползунова, 37	1739 г. П.И. Черницын	

Комплекс демидовского завода может считаться ровесником Барнаула. Если официальной датой рождения поселения с названием «Барнаул» принято считать 1730 г., то демидовский завод начали строить в 1739 г. Небольшой поселок, начинавшийся сразу за оградой завода (сегодня там парк Центрального района), к 1771 г. разросся до крупного торгового и промышленного центра, что послужило

основанием предоставить ему официальный статус города.

То, что дошло до нашего времени – уникально. Нигде в России больше нет сохранившегося заводского комплекса XVIII – первой половины XIX в. При всей обветшалости с точки зрения создания современного научно-познавательного центра эти сооружения имеют большой потенциал, так как даже на кирпичах есть клейма мастеров **[2]**.

3. Схема экологической оценки территории по методу Вячеслава Леонидовича Глазычева. При строительстве объекта либо его реставрации необходимо проведение экологической экспертизы для определения целесообразности проведения строительных, реставрационных и других видов работ. Для этого составляется схема предварительного анализа территории (*рис. 2*).

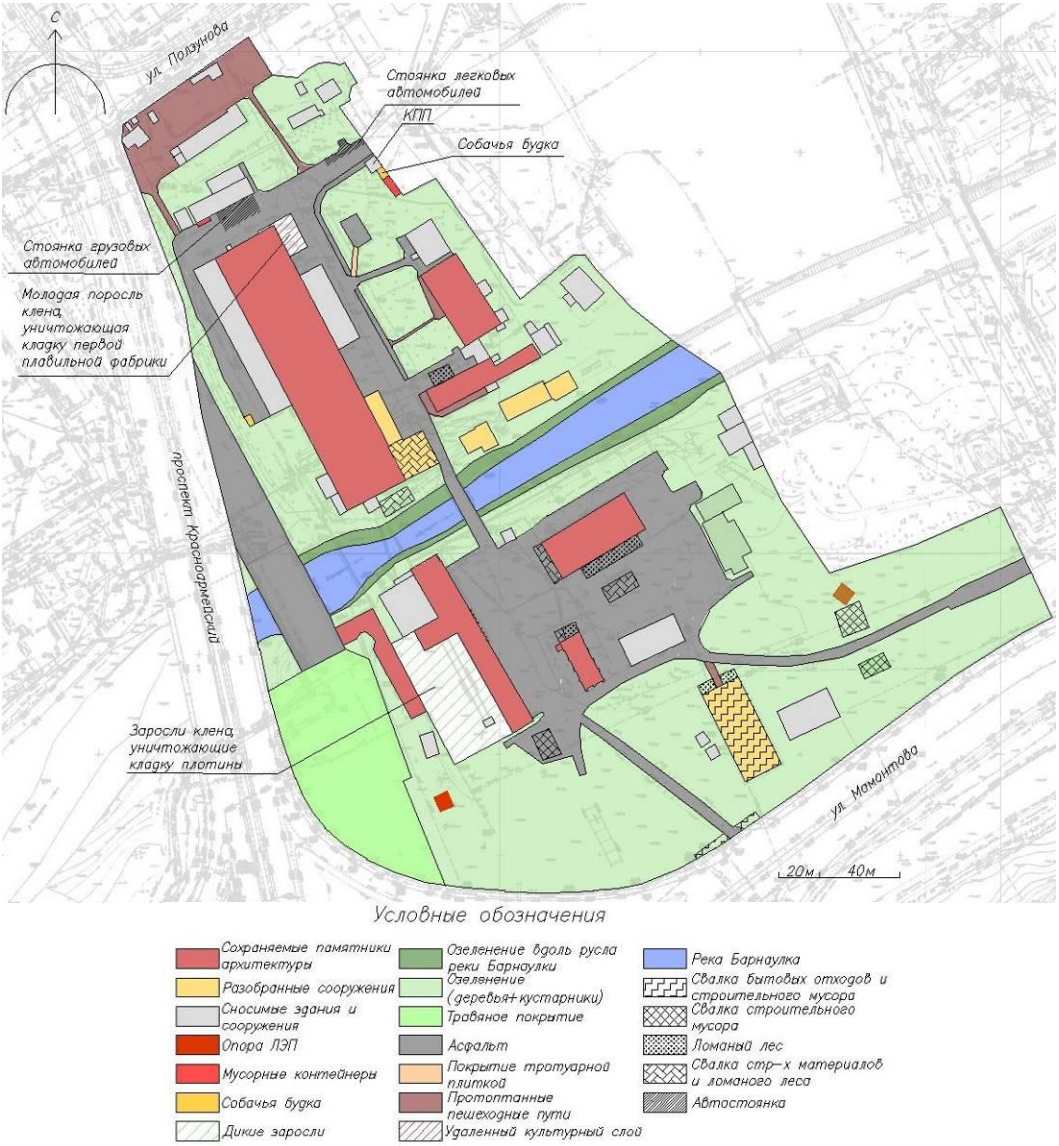


Рис. 2. *Схема санитарно-гигиенических нарушений в жилой среде (по В.Л. Глазычеву)*

Данная схема наглядно показывает все имеющиеся на территории завода санитарно-гигиенические нарушения, которые необходимо исправлять, чтобы

вернуть городу его историю в первозданном виде.

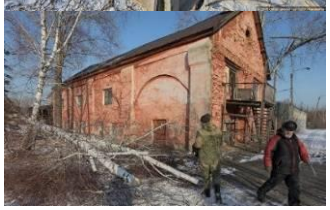
4. Подготовительные работы по памятнику. На сегодняшний момент на территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода проходят субботники, организованные архитектором Александром Федоровичем Дерингом. Это акция по благоустройству территории памятника градостроительства и архитектуры федерального значения, по сути, является началом реставрационной деятельности. На период с 2.10.2015 по 28.11.2015 г. уже было проведено 10 субботников, на которых волонтеры под руководством специалистов частично провели расчистку территории, а также ряд противоаварийных и консервационных мероприятий на территории второй плавильной фабрики (*схема 2*).

Схема 2

Субботники на территории Барнаульского сереброплавильного завода под руководством А.Ф. Деринга

№ п/п	Дата проведения субботника	Участники	Проведенные мероприятия	Фотоотчет
1	2.10.2015	Группа студентов энергетического факультета под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода 2. Начало расчистки территории от мусора и дикой растительности	
2	10.10.2015	Участники общественных объединений «UrbanHistor», «Цивилизованный Город», волонтеры (П. Черняк, А.Синкин, Д. Новых) под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Расчистки территории от дикой растительности возле первой и второй плавильных фабрик	
3	17.10.2015	Волонтеры, съемочная группа «Наших Новостей», участники сообщества, «Цивилизованный Город» под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Расчистки территории от дикой растительности возле второй плавильной фабрики 3. Снятие репортажа о субботнике	

4	24.10.2015	Волонтеры, участники сообщества «Цивилизованный Город» под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Расчистки территории от дикой растительности возле второй плавильной фабрики и плотины (появился свободный доступ к кирпичной кладке)	
5	31.10.2015	Волонтеры, отряд «Караван» из села Зудилово Первомайского района под руководством А.Ф. Деринга (всего около 30 человек)	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Расчистки территории от дикой растительности возле второй плавильной фабрики	
6	7.11.2015	Волонтеры под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Уборка пиломатериалов возле второй плавильной фабрики 3. Восстановление пилястры второй плавильной фабрики под руководством Алексея Самохина 4. Размещение Яндекс-кошелька для сбора средств на покупку бензопил, переносной электростанции, миксеров и других инструментов и материалов)	
7	14.11.2015	Волонтеры, команда «WingCam» под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Осмотр территории для координации дальнейших работ 3. Уборка пиломатериалов возле второй плавильной фабрики и перенесение их на место для вывоза	

8	21.11.2015	Волонтеры, отряд «Караван» из села Зудилово Первомайского района под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Приобретены бензопила и походный столик 3. Уборка пиломатериалов возле второй плавильной фабрики и погрузка на газель для вывоза 4. Расчистка территории вокруг Важни 5. Заготовки для Лэнд-Арта (стартовала акция «Елка на Спичке»)	 
9	28.11.2015	Волонтеры под руководством А.Ф. Деринга	1. Лекция об истории завода, экскурсия по территории 2. Расчистка территории вокруг Важни и обжигальной фабрики 3. Восстановление пилястры второй плавильной фабрики под руководством А. Самохина	

Заключение. С помощью составленной схемы санитарно-гигиенического состояния территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода удалось выявить практически все нарушения с целью дальнейшего их устранения. Данные работы в виде добровольных субботников уже ведутся на территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода благодаря активности жителей города под руководством архитектора А.Ф. Деринга и будут продолжаться. На сегодняшний момент это, пожалуй, единственный шанс сохранить городу его историю.

Библиографический список

1. *Долнаков А.П.* Памятники архитектуры Барнаула / А.П. Долнаков, Е.А. Долнакова, Л.А. Зотеева, Т.М. Степанская. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. – 160 с.
2. URL: http://www.altaystroy.ru/articles/984564-kogda_zarabotaet_barnaulskiy_kreml_.html.

Козлова Т.Ю.
kozlovatanya@outlook.com
Романова Л.С.
Lara@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.03 ”18/19”
ББК 85.11

ОБЩЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ В ДЕРЕВЯННОЙ ЗАСТРОЙКЕ ТОМСКА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. Данная публикация посвящена многообразию общественной функции в деревянной застройке Томска середины XIX – начала XX столетия. Впервые выявлены, изучены и систематизированы разнообразные сведения, подтверждающие возможность размещения общественной функции в деревянной застройке. Особое внимание уделено строительным нормам исследуемого периода, которые обусловили формирование объемно-пространственной композиции старинного сибирского города.

Ключевые слова: многообразие использования; исторический опыт; сохранение; реставрация.

1. Введение. «Деревянная застройка Томска представляет собой редкий сохранившийся образец российской городской архитектуры середины XIX – начала XX столетия. Деревянную архитектуру этого периода специалисты считают уникальным явлением мировой культуры. Томск во многом благодаря сохранившимся массивам деревянной застройки в 2010 г. получил статус “исторического поселения федерального значения” (Приказ Министерства культуры РФ, Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. N 418/339 г. Москва “Об утверждении перечня исторических поселений”)» **[5]**.

Актуальность данной публикации обусловлена проблемами, возникающими при приспособлении исторических деревянных зданий под общественную функцию. В настоящее время в исторической деревянной застройке Томска преобладает жилая функция. Зданий, в которых сохранилась первоначальная общественная функция, крайне мало *(рис. 1)*. Для введения новой общественной функции в исторические деревянные здания требуется соблюдение современных норм и правил, что зачастую приводит к искажению их первоначального архитектурно-художественного облика.

Цель статьи – представить результаты проведенного исследования, посвященного изучению общественной функции исторической деревянной застройки Томска в середине XIX – начале XX столетия (по материалам дипломной работы Т.Ю. Козловой, научный руководитель Л.С. Романова, консультант С.С. Малевич).

2. Многообразие общественной функции в деревянной застройке Томска в середине XIX – начале XX столетия. С момента возникновения Томска здания строили из дерева, это был самый доступный и удобный материал, из него возводили церкви, крепостные стены, башни, избы. «Общеизвестен факт, что жилая функция была преобладающей в исторической деревянной застройке Томска. В процессе историко-архивных изысканий автором собраны материалы, подтверждающие, что деревянные здания предназначались и для общественной

функции, которая была весьма разнообразна» **[11, с. 1060]**.

Культовые сооружения в Томске строились для различных конфессий, вместе с тем преобладали православные храмы.

Николаевская церковь. Пятиглавая с шатровой колокольней деревянная церковь была освящена в 1904 г. Располагалась она возле станции Томск (современное название Томск-2). 16 января 1925 г. постановлением Губисполкома церковь закрыли, использовали как клуб для рабочих станции, затем как столовую. Позднее церковь снесли **[4]**.

Спасская церковь была построена в 1873 г. при Центральной пересыльной тюрьме, в настоящее время на этой территории расположен Томский кадетский корпус (совр. ул. Пушкина, 46а). Церковь утрачена **[8]**.

Церковь Святого Иоанна Лествичника на Ямах была освящена 12 декабря 1900 г. Эта деревянная двухпрестольная церковь располагалась на ул. Ново-Киевской. В 1940-х гг. церковь закрыли, позднее она сгорела, а на ее фундаменте построили двухэтажный жилой дом **[13]**.

Часовня на Дальнем ключе. Дальний ключ – это родник, который ценился жителями города и считался целительным. Первая часовня рядом с родником была построена в 1702 г. Простоявшая больше века часовня в 1856 г. была заменена новой *(рис. 2)*. В настоящее время часовня не сохранилась, в 1930-х гг. ее снесли **[12]**.

Православная старообрядческая церковь. Строительство деревянного храма Успения Пресвятой Богородицы началось в 1910 г. на территории по ул. Александровской (совр. ул. Яковлева, 4). В 1913 г. храм был достроен и освящен. В настоящее время храм является действующим *(рис. 1)*. **[11]**.

Иудейская деревянная синагога была построена в Томске в районе «Юрточная гора» в 1872 г. После пожара 1907 г. по проекту А.И. Лангера на улице Нечевской (совр. пр. Фрунзе, 15) была построена военно-молитвенная школа, которая стала называться Солдатской синагогой. В 1931 г. синагога была закрыта, позже использовалась как многоквартирный жилой дом. В измененном виде дом сохранился до сих пор, в настоящее время расселен **[1]**.

Деревянная Магометанская мечеть располагалась на пересечении улицы Татарской и переулка Татарского (совр. адрес – ул. Татарская, 22). После пожара в 1900 г. на ее месте была построена красная кирпичная мечеть, которая действует и в настоящее время **[8]**.

Строительство зданий для незащищенных слоев населения было делом государственной важности. В г. Томске деревянные **благотворительные учреждения** стали строить в начале XIX в. **[14]**. К ним относятся различные приюты и убежища:

1. *При Никольской церкви* с 1893 г. действовал *приют и общество «Ясли»*, располагавшийся на пересечении пер. Ямского и ул. Монастырской (совр. пер. Нахановича и ул. Крылова). Организованное приходским попечительством общество давало приют малышам на время рабочего дня родителей **[14]**. Здание до сих пор сохранило функцию благотворительного учреждения. В здании располагается детский благотворительный фонд «Обыкновенное чудо» и центр взаимопомощи для семей с детьми-инвалидами Томской области.

2. *Мариинский сиротопитательный приют Пушниковых* на улице Белозерская, 32 (совр. Белозерская, 26). В 1893 г. Пушниковыми был учрежден сиротопитательный детский приют в память чудесного спасения царской семьи 17

октября 1888 г. для призрения младенцев-подкидышей и круглых сирот. Здание сохранилось и в настоящее время, используется как многоквартирный жилой дом **[14]**.

3. *Убежище для детей римско-католического вероисповедания*. Целью Римско-католического благотворительного общества при Томском костёле во имя Покрова Пресвятой Богородицы являлось оказание помощи нуждающимся лицам римско-католического вероисповедания, находящимся в Томске. Для общества на улице Ефремовской (совр. ул. Бакунина, 7) было выстроено деревянное здание, в котором дети римско-католического вероисповедания могли найти убежище. Первые упоминания об этом заведении датируются 1893 г. В настоящее время здание сохранилось, в нем располагаются благотворительный фонд «Мой малыш» и приют сестер матери Терезы **[14]**.

4. *Детский Владимирский приют* был открыт в 1855 г. как отделение тюремного ведомства для детей, чьи родители находятся под арестом. Это старейшее в Томске заведение такого рода после Мариинского приюта. С 1869 г. приюту принадлежало два дома с надворными постройками. В настоящее время на месте утраченного приюта располагается жилой дом (ул. Карпова, 3) **[14]**.

Информации по деревянным зданиям, в которых располагались **учебные заведения**, удалось найти немного. К ним относятся здания *коммерческого училища (рис. 7), женской гимназии (рис. 8), Юрточного мужского начального училища* в настоящее время утрачены **[8]**.

Здания Томского Императорского университета. На территории университета располагались различного рода здания, необходимые для обучения и практической работы студентов. *Астрономический дом (рис. 4)*. *Терапевтический, акушерский, хирургический павильоны, павильон для заразных больных, дом для анатомических работ, казарма для служителей, ботанический дом* **[8]**. В настоящее время часть зданий сохранилась и используется как административные здания Томского государственного университета.

Другие общественные функции также располагались в деревянных зданиях:

Пожарное депо. Многочисленные пожары, уничтожившие целые кварталы, послужили основанием для создания первого добровольного пожарного общества. Было решено построить пожарное депо, которое располагалось на пересечении улиц Петровской и Александровской (совр. пересечение улиц Яковлева и Больничной). В настоящее время депо не сохранилось, а на его месте располагается Пожарная часть №3 **[7]**.

Вокзал станции Богашёво. В 1895 г. по проекту архитектора К.К. Лыгина в Федосееве инженер-технолог Степан Михайлович Богашов построил себе деревянную дачу. Наиболее заметным элементом в оформлении дачи был купол, сделанный в виде кедровой шишки, символизирующей окружающий кедрач. Позже дача стала использоваться как вокзал станции Богашёво *(рис. 5)*. В настоящее время вокзал станции Богашево утрачен **[2]**.

Станция Томск, построенная в 1896 г., являлась железнодорожной станцией Томской ветви Западно-Сибирской железной дороги. Исторически являлась первой станцией г. Томска и называлась «станция Томск», в то время как нынешняя станция Томск-I называлась «пассажирская платформа Межениновка». В настоящее время историческое здание вокзала утрачено **[8]**.

Госпиталь Томского гарнизона построен в 1904 г. В нем была освящена

домовая церковь во имя святого великомученика Пантелеймона. Располагался госпиталь на улице Спасской (совр. адрес – ул. Советская, 106). В настоящее время здание используется как многоквартирный жилой дом и находится под угрозой утраты **[1]**.

Цирк Стрепетова был построен на левом берегу реки Ушайки в 1911 г. Через год в связи с наводнением цирк был закрыт. На его месте был построен театр-цирк Изако, который позднее сгорел. До настоящего времени новый цирк в Томске так и не построили *(рис. 3)* **[3]**.

Скаковая беседка на Томском ипподроме была построена по проекту К.К. Лыгина в 1906 г. *(рис. 6)*. Это двухэтажное деревянное здание, богато украшенное резным декором, не сохранилось к настоящему времени. На его месте располагается Дворец зрелищ и спорта (ул. Красноармейская, 126) **[10]**.

Из дерева также были выполнены *пристань на реке Томь, беседка в Городском саду, открытая сцена в саду «Буфф»* и другие постройки **[8]**.

3. Исторические нормативные документы по проектированию деревянной застройки. В XIX в. при строительстве деревянных зданий необходимо было соблюдать соответствующие нормы, указанные в своде законов Российской империи, а позже в строительном уставе. Противопожарные требования жестко нормировались. Для предотвращения пожаров необходимо было выполнение ряда требований. Деревянные здания длиной более 12 сажен (25,2 м) не допускалось строить без разрывов. Строительство двухэтажных деревянных зданий было запрещено. Допускалось строительство двухэтажного дома в том случае, если первый этаж был каменным. Так как мезонин не считался этажом, строительство домов с мезонином было весьма распространено. Высота этажа также регламентировалась и не должна была превышать 8 аршин (5,6 м). Разрыв между деревянными домами должен был составлять 4 сажени (8,4 м). Если здание строилось меньше 12 сажени (25,2 м) в длину, к ним применялись те же требования. В тех случаях, когда выполнение данных норм было невозможно, предписывалось вместо установленных разрывов возведение брандмауэра **[9]**.

4. Заключение. С момента возникновения и до начала XX в. в Томске преобладала деревянная застройка, которая формировала архитектурно-художественный облик города. Важным качеством деревянной застройки исследуемого периода является ее сомасштабность человеку и гармоничное сочетание с природным ландшафтом. Определяющую роль в формировании объемно-пространственной композиции Томска сыграли нормы, прописанные в строительном уставе. Противопожарные разрывы между деревянными зданиями (прозоры) способствовали формированию многоплановости восприятия застройки и природного ландшафта.

Сведения, полученные в результате проведённого исследования, могут быть использованы:

- в реставрационной практике при приспособлении деревянной исторической застройки;
- при проектировании и строительстве новых объектов из дерева в историческом центре Томска и других российских городов;
- в образовательной и просветительской деятельности.

Рис.1. Храм Успения Пресвятой Богородицы ул. Алекснадровская (совр. ул. Яковлева, 4)

Рис.2. Часовня у Дальнего ключа (утрачена)

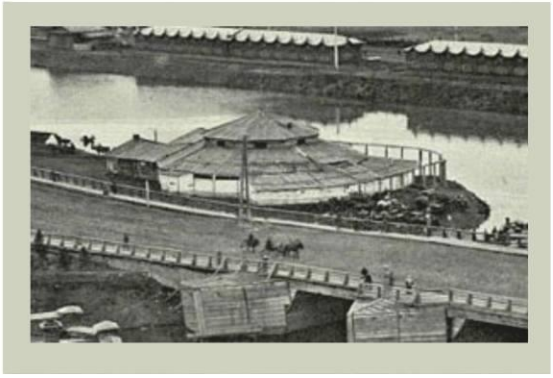


Рис.3. Цирк Э.А. Стрепетова (утрачен)

Рис.4. Астрономический дом (совр. пр. Ленина)

Рис.5. Вокзал станции Богашёво (утрачен)

Рис.6. Скаковая беседка ипподрома по ул. Солдатской (совр. ул. Красноармейская) (утрачена)

Рис.7. Здание коммерческого училища по ул. Миллионной (совр. пр. Ленина) (утрачено)

Рис.8. Женская гимназия (утрачена)

Библиографический список

1. *Амельянчик Н.И., Сумарокова, В.Г.* Томск. История города в иллюстрациях. 1604–2004. – Изд-во ТГУ. – С. 600.

2. Богашёво (станция) [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 20.10.15).

3. Зрелища в Сибири. Сибирская старина. – №20. – Томск, 2003. – С. 41.

4. История района Томска-2: о Николаевской церкви, новомученике священнике Илье Коровине [Электронный ресурс]. – URL: http://sluzhenie.tomsk.ru/?p=9629 (дата обращения: 15.10.15).

5. *Козлова Т.Ю., Малевич С.С., Романова Л.С.* Современное использование исторической деревянной застройки г. Томска сер. XIX – нач. XX в.: материалы исследования // *Вестник Томского ГАСУ*. – 2015. – №3. – С. 24–33.

6. *Козлова Т.Ю.* Функциональное использование деревянной застройки Томска в сер. XIX – нач. XX столетия // *Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых.* – Томск, 2015. – С. 1060–1063.

7. *Майданюк Э.К.* Борьба с пожарами в Томске: к 130-летию Томского добровольного пожарного общества // *Нефтяной меридиан:* информационное издание ОАО «Центрсибнефтепровод» / Центрсибнефтепровод; гл. ред. О.М. Парипко. – Томск. – 2012. – №5 (63). – С. 18–21.

8. О Томске [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/vseotomske (дата обращения: 06.10.15).

9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1649–1825). Т. 30.

10. *Романова Л.С.* Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске. Том. обл. краевед. музей. – Томск: Д-Принт, 2004. – 193 с. – Посвящается 400-летию Томска. – 150-летию К. Лыгина. – С. 90.

11. Русская Православная Старообрядческая Церковь [Электронный ресурс]. – URL: rpsc.ru (дата обращения: 15.10.15).

12. Томск. Часовня на Дальнем ключе [Электронный ресурс]. – URL: https://www.facebook.com/media/set/?set=a.434050973424628.1073741960.228517320644662&type=3 (дата обращения: 23.10.15).

13. Храмы Томска [Электронный ресурс]. – URL: http://tkk1014.blogspot.ru/p/blog-page_4556.html (дата обращения: 22.10.15).

14. *Якимец М.С.* дипломная работа Архитектура благотворительных заведений кон. XIX – нач. XX в. рук. Е.В. Ситникова, каф. РиРАН ТГАСУ. – Томск, 2010.

Самарина Н.Д.
samarinanadezhda@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.11

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЗДАНИЯ ШКОЛЫ, ПОСТРОЕННОЙ А.Д. КРЯЧКОВЫМ В 1909–1912 ГГ. НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ, 93 (ПО ИТОГАМ ОБМЕРНОЙ ПРАКТИКИ 2014–2015 УЧЕБНОГО ГОДА)

Аннотация. Статья посвящена описанию современного состояния памятника архитектуры Новосибирска, а именно – школы, построенной А.Д. Крячковым в период 1909–1912 гг., расположенной по адресу ул. Советская, 93, подробно обследованному во время учебной практики студентов 1-го курса НГАХА, проведенной в 2015 г. Учитывая перестройку здания, выполненную в 1937 г., во многом исказившую ее первоначальный архитектурный облик, стоит отметить, что в целом здание очень хорошо сохранилось, в том числе сохранены в целости многие конструкции, изначально присутствовавшие в проекте начала XX в. К ним относятся: главная лестница на второй этаж здания, оконные рамы на первом и втором этажах, деревянное покрытие полов коридора второго этажа (было снято в июле 2015 г.), входная часть со спаренными кирпичными полуколоннами (входная дверь заменена на современную с учетом соответствия изначальной конструкции). Стараниями директора Дмитрия Владиславовича Черных и заведующего хозяйственной частью Михаила Павловича Кузнецова здание находится в хорошем состоянии и сохраняет свой внешний облик и интерьер максимально близкими к заложенным автором проекта.

Ключевые слова: Новониколаевск 1912 г.; городская начальная школа; реконструкция здания в 1937 г.; кованые перила лестницы; оборудование кабинетов, оригинальные конструкции здания.

Летом 2014 г., занимаясь архитектурными обмерами в Нарымском сквере, студенты обратили внимание на стоящее здесь же здание одной из типовых новониколаевских школ, построенной в 1909–1912 гг. выдающимся сибирским архитектором А.Д. Крячковым. Появилось желание поближе познакомиться с ее архитектурой и историей ее сооружения, и на следующий год силами двух с половиной групп студентов-практикантов были проведены подробные обмеры здания с реконструкцией его первоначального облика и фотофиксацией. В настоящее время в здании школы размещается МБОУ ДОД ЦДО «Алые паруса».

Сразу при входе мы видим характерную деталь эпохи модерна – арочный портал парадного входа со сдвоенными кирпичными колоннами *(рис. 1)*. Точно такой же элемент мы можем увидеть на фасаде других школьных зданий – школ на улице 1905 г. и на улице Большевистской (ныне театр «Старый дом»). Входная часть сверху заканчивается арочкой с декоративной нишей внутри. Ось главного элемента фасада-башни была подчеркнута симметричным расположением окон второго и третьего этажа, парными украшениями фасада в виде шаров на граненом постаменте и пирамидальным завершением объема. После перестройки 1930-х гг. школа эту башню потеряла, зато получила дополнительный объем второго и третьего этажа и кардинальную реставрацию одной из лестниц. По неизвестным причинам были заложены девять оконных проемов на главном фасаде. Там же, с левой стороны, находится полукруглое заложенное окно или декоративная ниша на уровне цоколя, которое должно было освещать нижний марш лестницы, ведущей на второй этаж.

Изначально здание школы должно было состоять из основного двухэтажного объема под двухскатной кровлей с центральной входной башней (как и на ул. 1905 года и Большевистской) с пирамидальным завершением. Северо-западная часть здания была одноэтажной. Лестница и санузлы располагались в двухэтажной пристройке, примыкавшей к основному объему с юго-востока. После реконструкции школа получила единую кровлю над всем объемом здания. В интерьере эти изменения не так заметны. Сохранились дверные полотна начала XX в. и 30-х гг.

Вестибюль портит будка вахтера, пристроенная к противоположной от лестницы стене. Лестница сохранила свою изначальную конструкцию (каждая ступень крепится отдельно к двум металлическим направляющим). Сохранилось великолепное кованое ограждение и деревянные перила *(рис. 2)*. Над входом на лестничный марш и выходом на площадку второго этажа помещена декоративная деталь, имитирующая арку, с внутренней профилировкой *(рис. 3)*. Лестница освещается высоким окном-витражом, конструкция которого сохранилась с начального этапа строительства здания *(рис. 4)*. Отчетливо просматривается место надстройки над лестничным маршем, продлившей его до третьего этажа *(рис. 4)*. Из вестибюля открывается вид на коридор первого этажа, заканчивающийся лестницей с витражными окнами. Все окна первого и второго этажей (до реконструкции) сохранены в своем изначальном виде. Окна имеют лучковое завершение и декоративные сандрики с замковым камнем, что когда-то придавало фасадам единый, более завершенный вид. Фасад со стороны ул. Советской частично скрыт разросшимися деревьями, поэтому окна башни главного фасада можно увидеть только подойдя вплотную к зданию. В настоящее время там находятся эксплуатируемые помещения, отгороженные перегородками от пространства коридоров второго и третьего этажей, что довольно плохо отражается на освещенности этих площадей. Освещению частично способствует окно второй лестницы, выходящее на северо-запад.

На момент проведения обмеров в здании школы проводился частичный ремонт, поэтому полы в коридоре, а также в некоторых комнатах второго этажа были вскрыты, что позволяло увидеть, как они были сделаны. На расстоянии около метра друг от друга были уложены опорные балки из лиственницы, опиравшиеся на выступы в кирпичных стенах *(рис. 5)*. Пол имел двойную подшивку, а пространство между бревнами или брусьями было заполнено строительным мусором – мелкой известковой пылью, которая играла роль тепло- и звукоизоляции. Доски пола дополнительно скреплялись между собой небольшими деревянными клиньями и на изломе имеют светлый цвет и неповрежденную фактуру *(рис. 6)*. При снятии пола в коридоре второго этажа были обнаружены водопроводные трубы, проведенные в кабинет химии, о существовании которых никто не знал. Под досками пола классной комнаты второго этажа были найдены фрагменты газет 1920–1970-х гг.

Находясь в самом центре города, на пересечении ул. Советской и 1905 года, в непосредственной близости к Нарымскому скверу и Вознесенскому собору, эта школа естественным образом завершает застройку квартала, выполняя функцию яркого архитектурного акцента наряду со зданиями цирка и собора. Несмотря на то что большинство школьных зданий были сделаны по одному проекту, то есть были типовыми, очень похожими друг на друга *(рис. 7)*, каждое из них имеет свою судьбу и свое место в ткани города. Как и многие памятники архитектуры, это

здание привлекает своей камерностью, уютностью, соразмерностью человеку. Разумная планировка, стильное оформление фасадов, оптимальное количество окон, продуманные пропорции помещений делают школу А.Д. Крячкова одним из любимых зданий для новосибирцев, ценящих каждую крупинку своего не очень богатого архитектурного наследия.

Рис. 1. *Вход с ул. Советской (фото автора)*

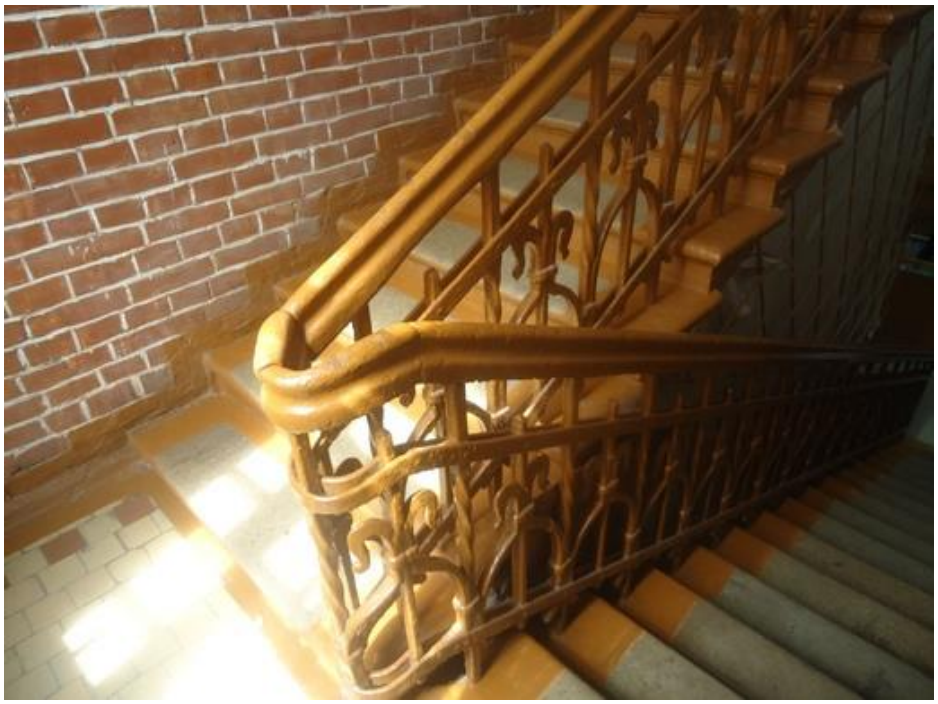


Рис. 2. *Главная лестница (фото автора)*

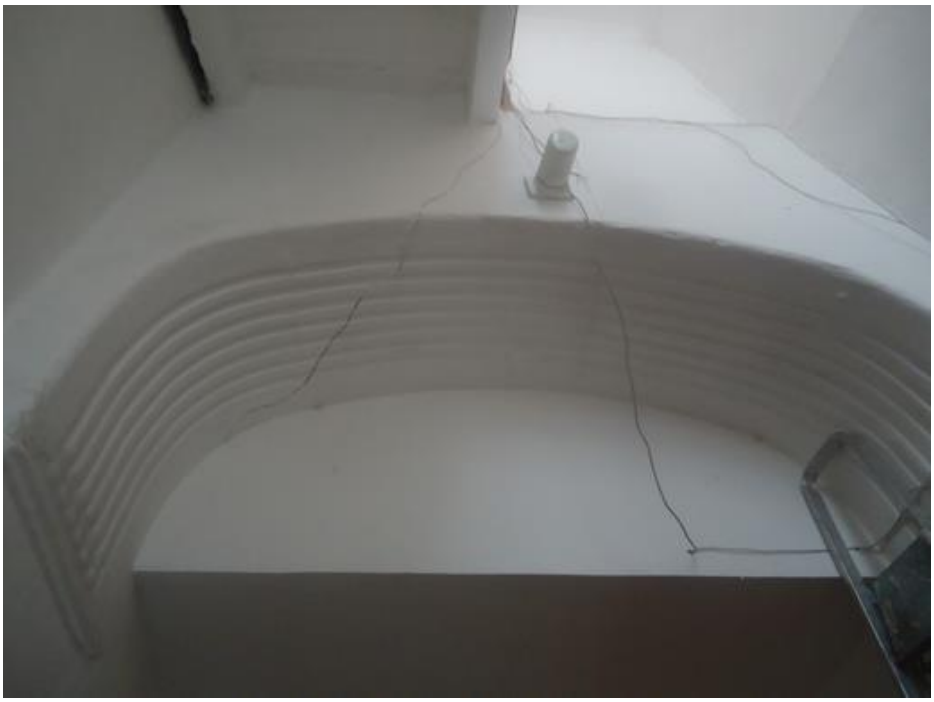


Рис. 3. *Декоративный арочный проем (фото автора)*

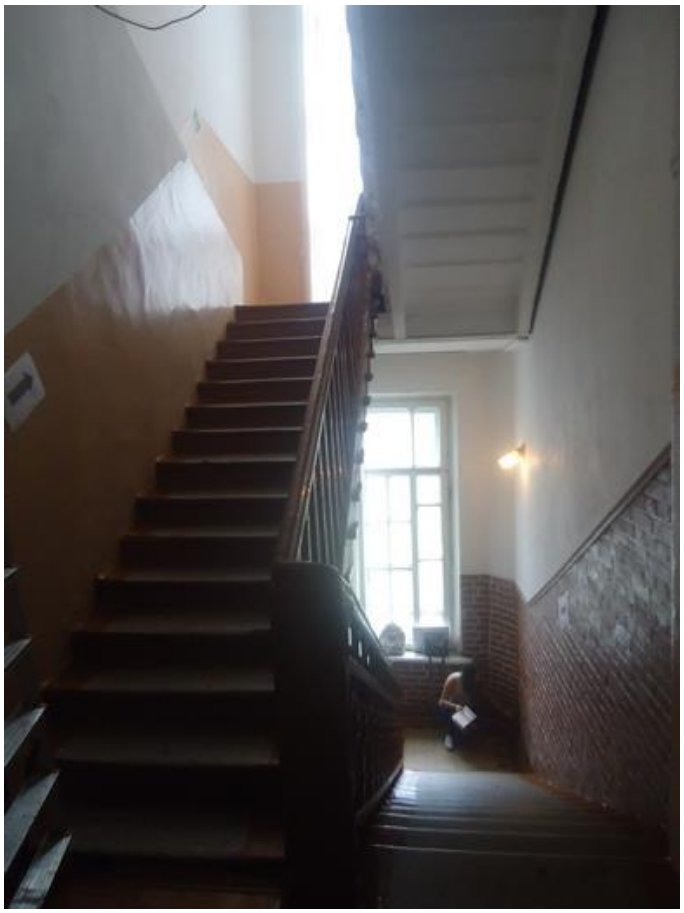


Рис. 4. *Граница старой лестничной клетки (фото автора)*

Рис. 5. *Опорные балки пола второго этажа (фото автора)*

Рис. 6. *Доски пола второго этажа (фото автора)*

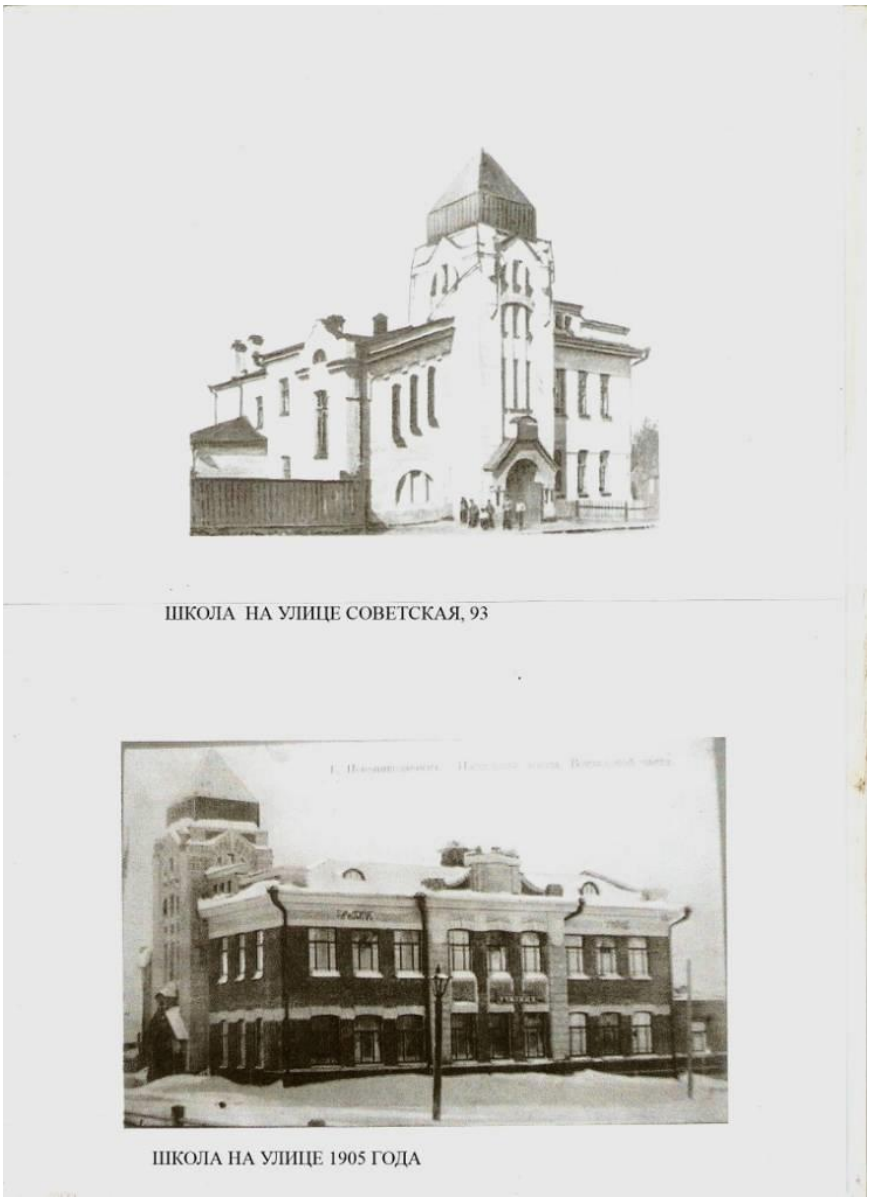


Рис. *7. Фасады школ на ул. Советской, 93 и 1905 года*

Библиографический список

1. Каталог «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области» / под ред. А.В. Кошелева. – Новосибирск, 2011. – 284 с.
2. *Баландин С.Н.* Новосибирск. – Новосибирск, 1978. – 136 с.
3. Технический паспорт объекта. Новосибирский филиал ФГУП «Ростехинвентаризация – федеральное БТИ» 27 августа 2012 г. 16 л.
4. Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ ОАО Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация» Новосибирский филиал.
5. Материалы проектно-изыскательской (обмерной) практики НГАХА, 2015.
6. Ресурсы Internet: сайт Novosibdom.ru.

Овлиякулыева А.А.
Alchita-92@sibmail.com
Литвинова О.Г.
LitvinovaOlga1982@gmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.025.4
ББК 85.113

ИСТОРИЧЕСКАЯ И АРХИТЕКТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗДАНИЯ, В КОТОРОМ УЧИЛСЯ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРНЫХ, ПО УЛИЦЕ АЛТАЙСКОЙ, 48 В Г. ТОМСКЕ

Аннотация. В тезисах содержатся историко-архивные и библиографические сведения о ценностной архитектуре объекта, которая в настоящее время нуждается в обоснованном проведении ремонтно-реставрационных работ. Автор проанализировал архивные источники, систематизировал сведения БТИ и современную учетную документацию.

Ключевые слова: архитектура Сибири; учебные заведения; реставрация; памятники истории.

Введение: Здание по адресу ул. Алтайская, 48, школа имени Ивана Черных, расположено в историческом районе города Томска «Пески». Территория квартала, в которой он находится, ограничена ул. Сибирской (ранее ул. Мухинская), ул. Тверской, ул. Лебедева (ранее ул. Ремесленная) и ул. Киевской. В данном квартале большую часть территории на данный момент занимает жилая застройка, а также административно-общественные здания. В непосредственной близости от объекта исследования размещается памятник регионального значения – Петропавловский собор. По сути, здание, где была раньше школа №4 имени Ивана Черных, является единственным сохранившимся историческим зданием в квартале.

Результаты историко-архивных изысканий. История Мухино-Бугорского училища начинается с 1885 г. По настоянию Гласного Думы П.И. Макушина (Петр Иванович Макушин – видный деятель народного просвещения в Сибири, основатель первой в Томске публичной библиотеки, первого в Сибири книжного магазина, один из инициаторов создания первого в Сибири университета) было открыто первое на окраине города приходское мужское училище. Это случилось 17 (5) сентября, для училища сняли частный дом беглого поляка, имя которого – Иезекииль Вульфов Алперович. Располагался дом в местности под названием Мухин Бугор, название место получило по имени разбойника Мухина (Мухин – разбойник Муха, гроза окрестных лесов Томска на рубеже XVII–XVIII вв.). Это же название получило училище. В первый день открытия поступило двадцать мальчиков; пять – в среднее отделение, остальные – в младшее. А в 1899 г. в этом же здании было торжественно открыто Пушкинское приходское женское училище. Имя великого поэта женское заведение получило потому, что было основано в год его 100-летнего юбилея. Ранее оно называлось Ключевским (Васи́лий О́сипович Ключе́вский – один из крупнейших русских историков, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник). В 1901 г. Мухино-Бугорское училище стало относиться к Петропавловскому приходу, созданному на Мухином бугре.

Заведующий – Афоний Александрович Валуев **[1, 3, 5, 6]**.

В обоих училищах было всего три класса, для жителей городской окраины этого было вполне достаточно. Детей обучали тогда четырем дисциплинам: чтению, счислению, письму и Закону Божьему. В отчетных ведомостях отмечались успехи училищ в обучении: «Большое старание со стороны учащихся в выполнении главной задачи народной школы – научить детей чтению, письму, первоначальному счислению и внедрению в сердца учащихся правил христианской веры и нравственности». Со временем деревянный дом поляка стал непригоден для работы училищ **[2]**.

В первое десятилетие XX в. количество учеников возросло, помещения вмещали 90 человек, а к 1906 г. обучалось уже 130 человек. В это же время был поставлен вопрос о строительстве новой школы. Городская дума вынесла решение построить новое здание училища за два года, с 1912 по 1914-й. От казны было отпущено 941 руб. 40 коп., от города − 1598 руб. В монографии В.Г. Залесова есть сведения о том, что В.Ф. Оржешко (ссыльный поляк, архитектор) был автором эскизного проекта. Первая мировая война задержала строительство нового здания, но не смогла помешать его закончить, и в 1916 г. при техническом надзоре архитектора Л.С. Князева и главного архитектора П.Ф. Федоровского постройка была закончена **[7, л. 1, 2, 3; 8, 9, 10]**.

Здание было трехэтажное с двумя разными входами для двух училищ. На третьем этаже помещалось Пушкинское приходское трехклассное женское училище, на втором − Мухинобугорское приходское мужское училище, тоже трехклассное. Однако училищам в новом здании пришлось пребывать недолго **[2, 3]**.

В 1917 г., во время революции в здании размещался 39-й Сибирский стрелковый запасной полк, после которого здание Мухинобугорского училища требовало ремонта. Пятого апреля (23 марта) 1918 г. Городская управа составила акт, в котором просила городского архитектора сделать оценку причиненных во время постоя солдат, поврежденных и утраченных элементов. 21 июня того же года комиссия городской управы в составе П.В. Соколова, городского архитектора П.А. Парамонова и представителя военного ведомства Б.И. Арбузова осмотрела помещение Мухино-Бугорского училища по улице Никольской №54. По результатам осмотра был составлен акт, в котором говорилось о необходимом ремонте, а именно: перестилка всех полов с добавлением $^1/_3$ нового материала, снять ¼ штукатурки со всех потолков и стен, ошкурить и побелить. В подвальном помещении сделать новый асфальтовый пол до 10 квадратных саженей (21,4 кв. м), произвести капитальный ремонт печей с восстановлением всех приборов, двери и окна потребовали мелкого ремонта и покраски. Необходимо было обновить лестничные ступени **[11, 12]**. В другом акте от 5 апреля (23 марта) 1918 г. было сказано, что все здание находится в неряшливом виде и не очищено от мусора. Во флигеле окна выбиты и недостает трех оконных переплетов, русскую печь нельзя было эксплуатировать, помещение флигеля превращено в отхожее место. Документ подписали: смотритель городских зданий Медведев, помощник городского архитектора А. Бухаров, городской ревизор А. Пылков, представитель 39-го Сибирского полка А. Кузнецов **[13, л. 2]**.

Из планов БТИ ясно, что гардероб, спортивный и кухонный залы, четыре учебных класса были расположены на цокольном этаже. В поздней пристройке была расположена кухня с отдельным входом. На первом этаже было шесть

учебных классов, два санузла, на втором этаже было восемь учебных классов.

После революции оба училища объединили в школу-семилетку, а затем преобразовали в восьмилетнее учебное заведение, которая ныне – школа №4.

Сегодня школа №4 − одно из памятных мест, связанных с именем Героя Советского Союза Ивана Сергеевича Черных (1918–1941), повторившего подвиг Н. Гастелло. Советский летчик, Герой Советского Союза **[2]**.

Из биографии Героя Советского Союза Ивана Сергеевича Черных

Родился 2 августа 1918 г. в деревне Петуховке (Петухи), ныне Советского района Кировской области, в семье крестьянина. Русский. Отец Ивана Черных погиб в Гражданскую войну. С 1928 г. Иван жил в городе Томске. Учился в школе №4, окончил ее и ФЗУ в 1938 г., работал слесарем на машиностроительном заводе в Киселевске. Успешно окончил аэроклуб в городе Прокопьевске, затем поступил в Новосибирскую военно-авиационную школу.

На фронте с первых дней Великой Отечественной войны, был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». 16 декабря 1941 г. Иван Черных на самолете Пе-2 участвовал в боях за Ленинград под городом Чудово. Самолет был подбит и загорелся, тем не менее пилот сумел выровнять его и сбросить бомбы, после чего направил горящую машину на колонну техники, повторив подвиг Николая Гастелло.

15 февраля 1943 г. Томский горком партии присвоил школе имя Героя Советского Союза И.С. Черных, бывшего ученика школы. Тогда же коллектив учащихся принял решение: открыть вначале зал, а затем и музей имени героя. Деньги собирали ученики, сдавая металлолом и макулатуру. На здании установлена мемориальная доска с текстом: «В этой школе учился Иван Сергеевич Черных, летчик, младший лейтенант, Герой Советского Союза, повторивший в годы Великой Отечественной войны бессмертный подвиг капитана Гастелло. 1918–1941 гг.»

В 1985 г., к столетию со дня создания, школа №4 получила новый, пока последний приют, недалеко от своего бывшего обитания, школа находится по адресу Лебедева, 6.

Примерно в то же время старое здание было передано Томскому государственному педагогическому университету **[2]**.

В 2012 включено в реестр объектов культурного наследия Российской Федерации.

Здание расположено вдоль ул. Алтайской. Оно двухэтажное, кирпичное, неоштукатуренное, с цокольным этажом. Крыша четырехскатная. В плане здание Г-образной формы. Входы через одноэтажные тамбуры, примыкающие к главному фасаду с двух сторон. На главном фасаде по три окна на каждом этаже, окна прямоугольной формы. Завершается фасад треугольным фронтоном. По боковому фасаду расположены: два ризалита, завершающиеся треугольными фронтонами, восемь прямоугольных окон на втором этаже и десять окон на первом этаже. На восточном фасаде здание имеет позднюю пристройку в один этаж без учета архитектурно-художественной стилистики основного объема. Главный фасад имеет три оси оконных проемов, разделенных выступающими пилястрами. Окна прямоугольные, имеют каменные перемычки с замковым камнем. На западном фасаде расположены два выступающих ризалита.

Современное состояние объекта. В настоящий момент здание находится в

аварийном состоянии, утрачена крыша, отсутствуют оконные и дверные заполнения на первом этаже. Тем не менее основной несущий остов здания находится в работоспособном состоянии, сохранились лестничные клетки, в хорошем состоянии фундаменты, перекрытия и планировка. Окружающая территория находится под высоким антропогенным давлением, в результате чего исторический квартал застроен высотными зданиями. Такая уплотненная среда негативно воздействует на инсоляцию, аэрацию и эксплуатацию исторического здания.

В целом архитектурно-художественный облик сохранился. Декоративные элементы и объемно-пространственное решение свидетельствуют о функциональной принадлежности и авторской руке архитектора. Поэтому необходимо предпринять все возможные меры по возрождению.

Заключение. Полученные нами сведения позволяют выявить ценностные характеристики здания и его степень сохранности, что является обоснованием к проведению научной реставрации для сохранения исторического и архитектурного памятника.

Библиографический список

1. История школы к 130-летнему юбилею [Электронный ресурс]: сайт администрации г. Томска. – URL: http://www.admin.tomsk.ru/db3/docs/2015091509.
2. История школы [Электронный ресурс]: сайт школы №4 г. Томска. – URL: http://school4.tomsk.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=17&Itemid=58.
3. *Владислав Пирогов.* Роль личности в истории школы или Первое сентября 127-й раз [Электронный ресурс]: электронная газета г. Томска. – URL: http://www.uc.tomsk.ru/news/archive/rol_lichnosti_v_istorii_shkoly.
4. *Залесов В.Г.* Архитекторы Томска (XIX – начало XX в.). – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. – 169 с.
5. ГАТО. Ф. №9. Д №1881. Переписка штатного смотрителя, директора училищ Томской губернии о состоявшемся открытии Мухино-Бугорского училища (1885).
6. ГАТО. Ф. № Ф-126. Д №572. Заседание Томской городской думы о наименовании вновь открытого женского приходского училища «Пушкинским» (1899).
7. ГАТО. Ф. № 9; Д. № 1881. Заявление домовладельца И.В. Алперовича заведующему Мухино-Бугорского училища (1906).
8. ГАТО. Ф. № 1112. Д. №5.Заявление заведующего Мухино-Бугорским училищем в Томскую городскую управу о непригодности помещений (1906).
9. ГАТО. Ф. № 1111. Д. №5. Сопроводительное письмо в строительное отделение Томского губернского управления (1913).
10. ГАТО. Ф. № Р-1860. Д. №7. Подписка архитектора Федоровского об ответственности на постройку здания по ул. Никольской, 54 (1916).
11. ГАТО. Ф. № Р-1866. Д. №6. Заявление архитектору Парамонову Городской управы сделать оценку поврежденных и утраченных вещей (1918).
12. ГАТО. Ф. № 1560. Д. №12. Акт об осмотре помещения Мухино-Бугорского училища после простоя войсковых частей (1918).
13. ГАТО. Ф. № 1566. Д. № 78. Акт об осмотре помещения Мухино-Бугорского училища после простоя войсковых частей (1918).

Дончук Т.В.,
kapitel-nsk@mail.ru
Поляков Е.Н.
polyakov.en@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия.

УДК 72.036
ББК 85.113

ДОХОДНЫЕ ДОМА А. ГАУДИ. ДОМ БАТЛЬО (CASA BATLLO)

Аннотация: Данная статья посвящена ярчайшему произведению зрелого А. Гауди – доходному дому Батльо, выполненных им в собственном уникальном стиле. Проектные решения дома Батльо основаны на принципах «органической архитектуры».

Ключевые слова: дом Батльо, органическая архитектура, архитектура-скульптура.

Gaudí designed the two apartment buildings in Passeig de Garcia:
Casa Batlló where, as already mentioned, tremendous freedom of form coexists
with the illustration of the legend of St. George;
and Casa Milà or «La Pedrera (the stone quarry)…» **[3]**

В дорогом и престижном районе Эшампле, в центре Барселоны состоятельные и пафосные промышленники облюбовали земельные участки под строительство своих особняков на одной из главных улиц PASSEIG DE GRACIA. Владелец нескольких текстильных фабрик в Барселоне Хосеп (Жозеп) Батло-и-Казанова приобрел здание в 1903г. за 510 000 песет. Оно было построено в 1875 году по проекту архитектора Эмилио Сала Кортеса, который был профессором Школы Архитектуры в Барселоне и одним из преподавателей Антонио Гауди. Батло был женат на Амалии Годо-и-Белаунзаран, родом из семьи графов Годо. У них было пятеро детей (рис.1).

Здание Ла Каса Батльо, реконструированное между 1904-1906г.г., удачно вписалось в застройку квартала «яблоко раздора». По проектам других архитекторов «модернизме» были возведены примыкающий к особняку Дом Аматлер (Хосеп Пуч-и-Кадафалк), левее на углу Дом Лео Моррера (Луис Доменек-и-Монтанер). Жозеп Батльо хотел «затмить» дом Аматльер и дом Лео Моррера. Чтобы преобразовать «скучный и безликий экстерьер дома в оригинальное здание в стиле «nueva casa» **[2, с. 102]**, магнат выбирает уже знаменитого своими проектами 52-летнего А. Гауди *(рис. 1)*. Как отмечает искусствовед Калимова Е.В., этот «этап творчества Гауди носит название период «органической» архитектуры (1903-1926), в эти годы были созданы дома Бальо, Мила, храм Саграда Фамилия и Парк Гуэль. Для этих лет характерно увлечение мастером органичными природными формами (Гауди неустанно черпал вдохновение в природе)» **[4]**.

Дом Батльо явился удачным воплощением натуралистического этапа в творчестве Антонио Гауди, во время которого сформировался и расцвел его индивидуальный стиль, пришедший на первую половину 20-го века. Вдохновленный органическими формами природы, а также глубоко проанализировав принципы геометрии, архитектор придумал и воплотил ряд новых конструктивных решений.

Рис.1. *Семья Жозепа Батльо-и-Касановас и портрет Антонио Гауди* **[8; 9]**

«Скучное и даже тоскливое строение превратилось в удивительное сооружение. Столбы в виде слоновьих ног, на которых держится дом. Крыша, напоминающая извивающегося ящера. И закругленные балконы, похожие на прилепившиеся к стене птичьи гнезда» **[6, с. 132].**

Несмотря на желание хозяина все снести и начать новое строительство, Гауди предложил оригинальную реконструкцию здания в старой «коробке». Антонио Гауди использовал существующие конструктив и структуру особняка, который был плотно зажат соседними зданиями из-за узкого участка земли. Предпочтение в новом проекте отдается функциональности и рационализму, а не декоративности. При перепроектировании дома архитектор придерживался «бионического направления». Он считал, что кривая линия и обтекаемые формы в архитектуре заимствована у природы, а, значит, от бога, в то время как прямая линия и прямоугольные формы – изобретение человека. Привнесение гибкой планировки с округлыми, кривыми линиями и формами, заимствованными у природы, позволило Антонио Гауди произвести четкое зонирование мест общего пользования и создание естественного освещения и вентиляции. Для этих целей он использует объединение двух световых колодцев в единый внутренний дворик *(рис. 3)*. Эта идея придания световому колодцу особого значения и впервые реализованная в доме Батльо, в дальнейшем была успешно использована и при проектировании и строительстве Дома Мила («каменоломня»).

Архитектор проявил тщательный подход к зонированию и перепланировке помещений *(рис. 2)*, экономя каждый квадратный метр. Благодаря этому площадь здания была увеличена на 1200 м^2 и составила 4300 м^2 по всем этажам, площадь же этажа, за исключением светового колодца, была всего 450 м^2.

Перепланировке подверглись полностью нижний этаж и бельетаж, а добавились подвальный, мансардный этажи и *асотея* (ступенчатая терраса крыши). В подвале появились необходимые подсобные помещения, кладовые и склад угля. Первый этаж был отдан презентабельным помещениям магазина, где разместились фотосалон Lumirie, киностудия Pathe Freres, галерея Syra. Также на первом этаже появилась экипажная, в дальнейшем используемая как склад, площадка с лестницей и лифтом, откуда берет свое начало внутренний дворик и холл квартиры владельца casa. Из холла по лестнице *(рис. 4)* члены семьи Батльо поднимались в свою квартиру, традиционно расположенную на втором этаже.

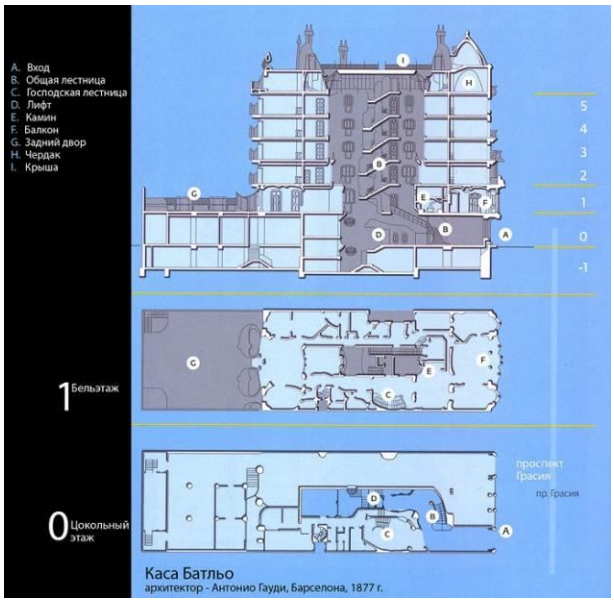


Рис. 2. *Планы и разрез дома Бальо* **[10]**. ***Рис. 3.*** *Световой дворик дома Бальо* **[10]**.

Рис. 4. *Лестница* **[8]**. ***Рис. 5.*** *Цепные арки в чердачной части дома* **[8].**

Так как это был доходный дом, на четырех верхних этажах располагались 8 квартир (по две на этаже) для сдачи в аренду. Завершалось все двухэтажным чердаком под хозяйственные помещения, откуда был предусмотрен выход на крышу.

Самые новаторские конструктивные решения были реализованы на двухъярусном чердаке. На нижнем ярусе чердака применена очень прочная конструкция из 60 цепных арок из сплошного каталонского кирпича, расположенных друг за другом *(рис. 5)*. Данный прием позволил максимально высвободить пространство. Гауди тщательно и деликатно вписал нестандартную конструкцию кровли с крутым скатом и криволинейными краями, напоминающую фантастическое животное или птицу, в существующую модернистскую застройку. При этом он умудрился «вытянуть» особняк вверх на 32 м, что на 9 м выше над другими домами.

«Пользуясь неограниченной свободой, архитектор создал праздничное и динамичное сооружение, до сих пор вызывающее восхищение» **[2, с. 209]**.

Рис. 6. *Главный фасад Дома Батльо днем и ночью (фото Т.В. Дончук)*

Гауди запроектировал два новых фасада с оригинальными архитектурно-художественными приемами: главный фасад Дома Костей шириной 14,5 м выходит на проспект Passeig de Gracia (№ 43), а задний фасад обращен в квартальный двор. Серый, невзрачный главный фасад был кардинально переработан в стиле импрессионистской картины *(рис. 6)*. Сохранились общие формы, размеры и расположение оконных проемов. Архитектор выполнил фасад в бионической манере. Изображая морскую пену, он придал стенам криволинейную волнистую поверхность, на которой по мере движения солнца меняется цвет фасада за счет игры света и тени, появляются блики. Фасад зрительно был разделен на три пояса, различающиеся как по символике, так и по используемым материалам. Поверхность нижнего «каменного» пояса напоминает маски и кости. Средний пояс выполнен из керамики и стекла, имитирующих морскую пену со всевозможными переливами по цвету и тону (цвета морской волны, лазурный, фиолетовый). Верхний пояс – «чешуйчатая» разноцветная кровля *(рис. 7)*.

В плане символизма этот особняк связан с любимым персонажем каталонцев и покровителем Каталонии Св. Георгием и его победой над Драконом. А также с морской тематикой. «Меч Св. Георгия, вонзённый в «хребет дракона» представлен в виде башенки, увенчанной георгиевским крестом. Фасад здания изображает сверкающую «чешую» чудища и усеян костями и «черепами» его жертв, которые угадываются в формах колонн бельэтажа и балконов…» **[1].**

Рис. 7. *Крыша* **[8]** *и дымоход из музея А. Гауди в Реусе (фото Т.В. Дончук)*

В первоначальном варианте, выполненным Гауди в виде наброска карандашом, он намеревался выполнить извилистую кровлю. В процессе поиска конструктивного решения и при окончательной реализации проекта крыша была выполнена в виде куполообразного «дракона». Архитектор деликатно «вписал» свое здание в концепцию существующей застройки. Чтобы не закрывать дом Аматльер, крест был смещен с левой стороны ближе к центру.

«Расшифровка скрытого значения созданной Гауди композиции приближает фасад дома Батльо к жанру «архитектуры-скульптуры», который в качестве самостоятельного стилистического направления получит распространение в работах некоторых представителей модернизма лишь во второй половине XX века» **[5, с. 91]**.

Рис. 8. *Детали фасадов дома Батльо: маска* **[8]***; эркер(фото Т.В. Дончук)*

Архитектурно-декоративные детали особняка, разработанные Антонио Гауди *(рис. 8)*, выполнялись известными мастерами. В г. Манакор были выполнены детали облицовочной части главного фасада. Ограждения балконов в виде черепов или карнавальных масок были отлиты из цельного куска чугуна. Кузнецы братья Бадия выполнили кованые детали фасада, керамические элементы сделал Себастьян-и-Рибо, изразцы – П. Пужол-и-Баусис (сын). Мастер-стеклодув Жузеп Пелегри создал огромные по тому времени витражи, украсившие «морской» тематикой как экстерьер, так и интерьер.

«Орнамент и цвет также имели большое значение для Гауди. Вероятно, поэтому мастер часто применял яркий орнамент из керамики для украшения фасадов, так же, как и разнообразные образно-пластические детали. В каждый из используемых декоративных элементов Гауди вкладывал особый смысл, а иногда само здание становилось олицетворением того или иного символа, как, например, дом Бальо, больше напоминающий огромную, полую скульптуру…» **[4].**

Символична цифра «три» и является ключом ко многим художественно-композиционным приемам автора: главный фасад разделен на три части, на три части поделен первый этаж, также на три зоны разделен бельэтаж, на котором проживала семья Батльо. Одна внутренняя зона, где рядом со световым колодцем расположены холлы и служебные комнаты, и две наружные, где гостиные окнами выходят на виа Пасео-де-Грасия, а спальни – во внутренний двор. Волнообразные стены явились оригинальной альтернативой обычным прямым.

Рис.9. *Гостиная дома Батльо* **[8]**

Эркер в главной гостиной состоит из трех арок с тремя оригинальными витражными окнами *(рис. 9)*. Индивидуальные деревянные обрамления окон держат цветные витражи, имитирующие пузыри морской пены сиренево-сине-фиолетовых оттенков. Волнистый потолок от арок эркера как будто вихрем по спирали закручивает к центру залы то ли дюнная песчаная воронка, то ли речной или морской водоворот. Желто-оранжевая люстра в виде солнца висит на потолке в центре этой «центростремительной» композиции. Огромное значение придается игре света и цвета. Лучи света, проникая через многоцветные витражи эркера, бросают на криволинейные стены, колонны, потолок и паркетный пол цветные световые пятна и блики. Чтобы в помещения проникал более рассеянный свет, Гауди устроил над уникальными деревянными дверями цветные витражи. За счет витражей фасадов и внутреннего светового дворика свет проникает во все уголки дома.

Как мы видим, именно при проектировании и строительстве Дома Батльо сформировался и ярко проявился индивидуальный, неповторимый стиль «органической» или «бионической» архитектуры зрелого мастера Гауди, где прочитывается его полный отход от готики, неоготики и эклектики. В плане символизма образ Каса Батльо наполнен смысловыми религиозными мотивами на тему подвигов Святого Георгия. И за счет натуралистической «трехмерной» направленности, многокрасочных объемных деталей из керамики, стекла и чугуна особняк явил собой образец архитектурного примера здания-скульптуры.

Библиографический список

1. Википедия, свободная энциклопедия.
2. *Гилл Дж.* Антонио Гауди – М.: Астрель, 2008 – 144 с.
3. *Freixa M.* Nationalism and architecture of Catalonia Modernisme. – Catedràtica d'Història de l'Art, Universitat de Barcelona – 6 с.
4. *Калимова Е.В.* Принципы декоративно-символического формообразования в творчестве Антонио Гауди. Проблемы генезиса и эволюции: Дис. на соискание уч. степени «Кандидат искусствоведения» (17.00.04) – СПб.: С.-Петерб. Гос. Русский музей, 2011 – 252 с.
5. *Лисовский В.Г.* Стиль модерн в архитектуре. – М.: Белый город, 2013 – 479 с.
6. *Надеждин Н.Я.* Антонио Гауди. Воздушные замки Каталонии. – М.: Майор Осипенко, 2011 – 192 с.
7. Departament d`Innovacio, Universitats I Empresa de Catalunya. Text: Santiago Barjan «Modernism Art Nouveau in Catalonia», Printer: Industria Grafica D.L.: B-54470, 2007 – 24 с.
8. Интернетресурс:https// destinosel.com/espania
9. Интернетресурс:http://gaudi-barselona.ru/
10. Интернетресурс:https://www.google.ru/search?q=световой+колодец+дома+бальо

Климович Д.А.
aqwudk@yandex.ru
Савельева Н.В.
sava5358@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК: 72.03
ББК: 85.11

ДОХОДНЫЙ ДОМ ЛАМБЕРТА ФИЛИППОВИЧА ФОН ВАКАНО ПО ПЕРЕУЛКУ НИКОЛЬСКОМУ В ГОРОДЕ ТОМСКЕ

Аннотация. В статье рассматривается история создания доходного дома по переулку Никольскому, 16 (совр. Комсомольскому, 16а) в городе Томске, являющегося одним из представителей региональной каменной архитектуры начала XX в. Приводится описание архитектурно-художественных особенностей и ценностных характеристик объекта.

Ключевые слова: доходный дом; архитектура; исторические здания; исследуемый объект; город Томск; историческая застройка.

1. Введение. Город Томск является историческим поселением федерального значения с сохранившимися памятниками архитектуры и исторической застройкой. Основной особенностью исторических зданий является то, что наряду с отдельно стоящими объектами сохранились целые градостроительные комплексы и объемно-планировочные образования. Наибольшая часть сохранившейся застройки представлена особняками и доходными домами, выполненными по типовым и авторским проектам. Архитектурные объекты являются особенными представителями искусства, так как сочетают в себе не только отражение культурных ценностей общества, но и выполняют определенную функцию. Сочетание этих особенностей оказывает определяющее влияние на сохранение исторических зданий.

В городе большое внимание уделяется объектам деревянной архитектуры, так как они более подвержены изменениям, влиянию внешних факторов и зачастую отсутствию понимания их культурной и функциональной значимости со стороны общества и власти. Уделяя внимание деревянной архитектуре, порой оставляют в стороне здания каменной исторической застройки, также представляющей региональные и культурные особенности. Каменная архитектура сформировала исторический центр города. Важной особенностью явилось то, что большинство зданий были выполнены по авторским проектам и являются представителями уникального стиля и архитектурной школы специалистов, проектировавших в Томске.

Целью данной публикации является ознакомление с историко-архивными и библиографическими материалами полученными в ходе работы над дипломным проектом: «Проект реставрации и приспособления каменного дома по пер. Комсомольскому, 16а в г. Томске под общественную и жилую функцию» (автор: Д.А. Климович, руководитель: Н.В. Савельева, консультант по инженерной части Е.Н. Колокольцева).

Сведения, представленные в статье о доходном доме по адресу пер. Никольский, 16 (совр. пер. Комсомольский, 16а), впервые вводятся в научный оборот.

2. Исторические сведения об объекте. Исследуемый объект расположен в центральной части города Томска на границе исторических районов «Уржатка», «Юрточная гора».

Район «Уржатка» получил свое название благодаря рельефным особенностям, так как расположен в пойме рек Ушайки и Томи. С тюркского языка *уржатка* – берег реки.

Район «Юрточная гора» получил свое название благодаря возвышенности, на которой жили местные племена в жилищах, называемых «юрты».

При основании г. Томска небольшое население располагалось на Воскресенской горе, а за р. Ушайкой жили местные племена татар на территории, называемой «Юрточная гора». До конца XVIII в. в районе Юрточной горы не было ни одного обывательского строения, кроме Никольской церкви (не сохранилась) женского монастыря и мужского Богородице-Алексеевского монастыря. Первые дома были построены по ул. Почтамтская (совр. пр. Ленина). В начале XIX в. район стал активно застраиваться из-за обнаруженных вблизи города золотых приисков. Он отстраивался каменными и деревянными жилыми особняками, общественными зданиями, культовыми сооружениями, которые являлись архитектурными доминантами, обогащающими градостроительную композицию города **[1].**

Исторически здание расположено в квартале, образованном пересечением пер. Аптекарского и пер. Никольского (совр. пер. Комсомольский) в окружении культовой застройки.

Переулок Аптекарский располагался от каменного моста, через реку Ушайку, до ул. Монастырской (совр. ул. Крылова), через Юрточную гору. Наименование сложилось исторически, с дореволюционных времен. Переулок назывался Аптечным, а также Аптекарской или Аптечной улицей – по находившейся здесь большой городской аптеке. Переулок Аптекарский был и остается транспортной улицей с выходом к центру города. Основной застройкой являются деревянные двухэтажные дома с хозяйственными постройками, исключением является исследуемый объект и Никольская церковь (не сохранилась), выполненные из кирпича.

Переулок Никольский (с 1853 г.) – переулок Комсомольский (с 1929 г.) – от реки Ушайки до пер. Аптекарского. Своим названием переулок обязан расположением вблизи Никольской церкви (не сохранилась). Переулок состоял преимущественно из деревянных домов. Особо выделялась среди застройки усадьба, состоявшая из двух домов, по адресу пер. Никольский 16 (совр. пер. Комсомольский, 16, 16а) **[3].**

Исследуемый объект был построен в 1902 г. по пер. Никольскому, 16 (совр. пер. Комсомольский, 16а) и являлся частью усадьбы, состоящей из двух домов и одноэтажного каменного флигеля во дворе *(рис. 1)* **[2]**. Предположительно, авторами проекта были архитекторы К.К. Лыгин и С.В. Хомич **[1].**

Владельцем исторической усадьбы, пер. Никольский, 16 (совр. пер. Комсомольский, 16а), в которой расположено здание, являлся австрийский поданный Ламберт Филиппович фон Вакано. Предположительно, владелец приходился родным братом Альфреду Филипповичу фон Вакано, который создал уникальный комплекс заводских зданий жигулевского пивоваренного завода, являющийся объектом культурного наследия федерального значения Самарской области **[2].**

Известно, что в одном из зданий усадьбы (совр. пер. Комсомольский, 16) владельцем содержалась гостиница «Сибирь», в каменном цокольном этаже находилась литография газеты «Сибирская жизнь», а в каменном здании (совр. пер. Комсомольский, 16а) располагался доходный дом с лавкой на первом этаже **[1]**. Функция – доходный дом с лавкой на первом этаже – была обусловлена планировочным решением участка. Участок располагался на пересечении главных транспортных и пешеходных потоков, направленных по пер. Аптекарскому и пер. Благовещенскому (совр. пер. Батенькова), также расположенным вблизи церквей и монастырей, являвшихся местами паломничества и торговой площади, на которую съезжались купцы, торговцы, и пр.

3. Архитектурно-художественный анализ объекта. Здание являлось архитектурным акцентом благодаря своей этажности и куполу *(рис. 2)*. Главной его особенностью стало объемно-планировочное решение, обусловленное расположением на пересечении улиц: пер. Никольского (совр. пер. Комсомольский), пер. Аптекарского. Объект представляет собой двухэтажный каменный объем, который в плане имеет форму неправильного прямоугольника со скошенными углами, с северного фасада пристроен дополнительный объем в один этаж, расположенный по красной линии застройки, повторяющей рельеф улицы.

Доходный дом выполнен из красного кирпича в стиле эклектика, с декоративными элементами виде руста, парапета, фронтона, поясков и пр. Элементы фасада выполнены из неоштукатуренного кирпича. Объем имеет сложную планировочную структуру со скошенным углом *(рис. 3)*. Основной акцент объемно-пространственной композиции сделан на угловой части дома, которая подчеркнута аттиком, башенкой со шпилем, фронтоном над окном, балконом над главным входом *(рис. 4)*. Окна первого и второго этажей лучковой формы. Второй этаж рустован, карниз декорирован сухариками, междуоконные лопатки на крыше завершаются столбиками парапета, между которыми – кованое ограждение **[2]**.

4. Ценностные характеристики объекта [4]. Объект обладает рядом важных характеристик, определяющих его как важный объект ценной исторический застройки города.

- Историческая ценность – объект представляет собой образец каменной архитектуры начала XX в., поддерживающий исторически сложившуюся ценную среду.
- Градостроительная ценность – здание является градоформирующим объектом, поддерживающим объемно-планировочную структуру застройки за счет со масштабных пропорций. За счет своего расположения, которое также поддержано декоративными элементами, здание является архитектурным акцентом.
- Архитектурно-эстетическая ценность – архитектурно-конструктивные особенности и декоративное оформление – определена месторасположением.
- Эмоционально-художественная ценность – здание выполнено из красного кирпича, неоштукатуренное, имеет сомасштабные пропорции окружающей застройки с акцентными архитектурными деталями **[2]**.

Заключение. Доходный дом Ламберта Филипповича фон Вакано является объектом градостроительной среды, формирующим своеобразие исторически

сложившейся территории. Исследуемый объект обладает рядом ценностных характеристик, наиболее важная и характерная из которых – градостроительная. Наличие ценностных характеристик и уникальных архитектурных особенностей позволяет определить его как представителя региональной архитектуры города Томска.

Для сохранения здания и проведения необходимых ремонтно-реставрационных работ требуется включить его в государственный реестр как вновь выявленный объект культурного наследия.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке проектно-сметной документации и при проведении ремонтно-реставрационных работ на объекте. Также информация может быть использована органами охраны памятников для подготовки документов для постановления здания на государственный учет как вновь выявленный объект культурного наследия города Томска.

Рис. 1. *Перспектива, 1970-е гг. (автор П.Н. Коханенко)*

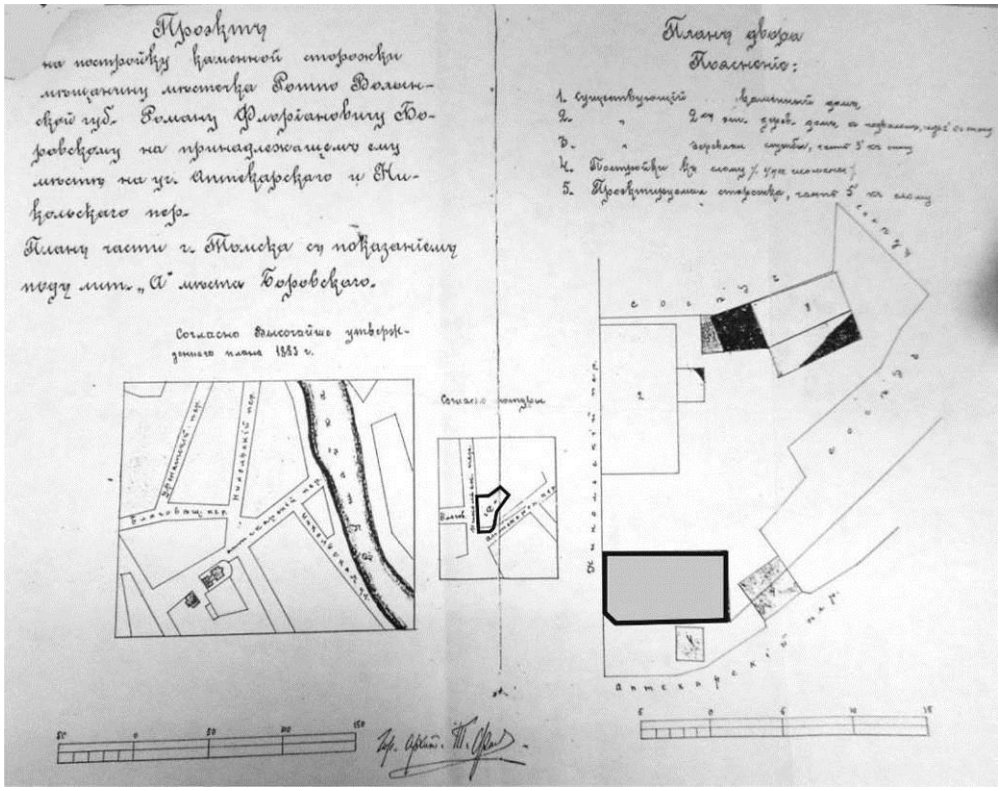


Рис. 2. *План участка, начало XX в., архив ГАТО, ф. р. 1860, оп. 5, д. 3292*

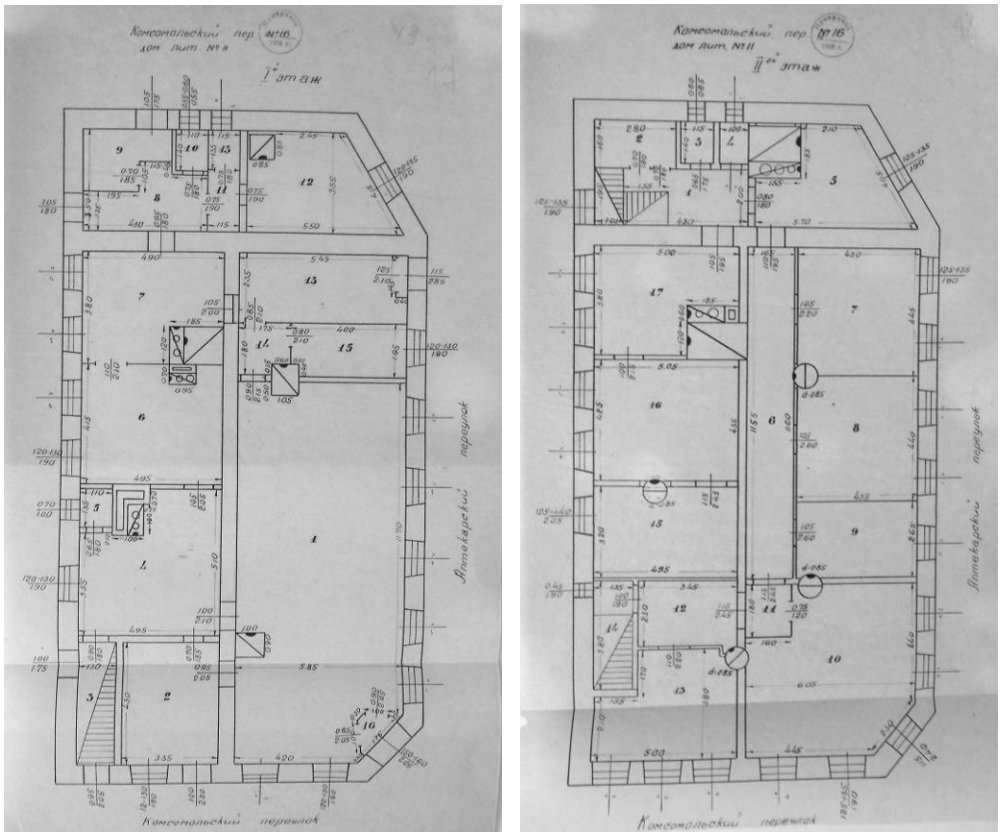


Рис. 2. *План 1-го и 2-го этажей, 1938 г., архив ГАТО, ф. р. 1860, оп. 5, д. 3292*

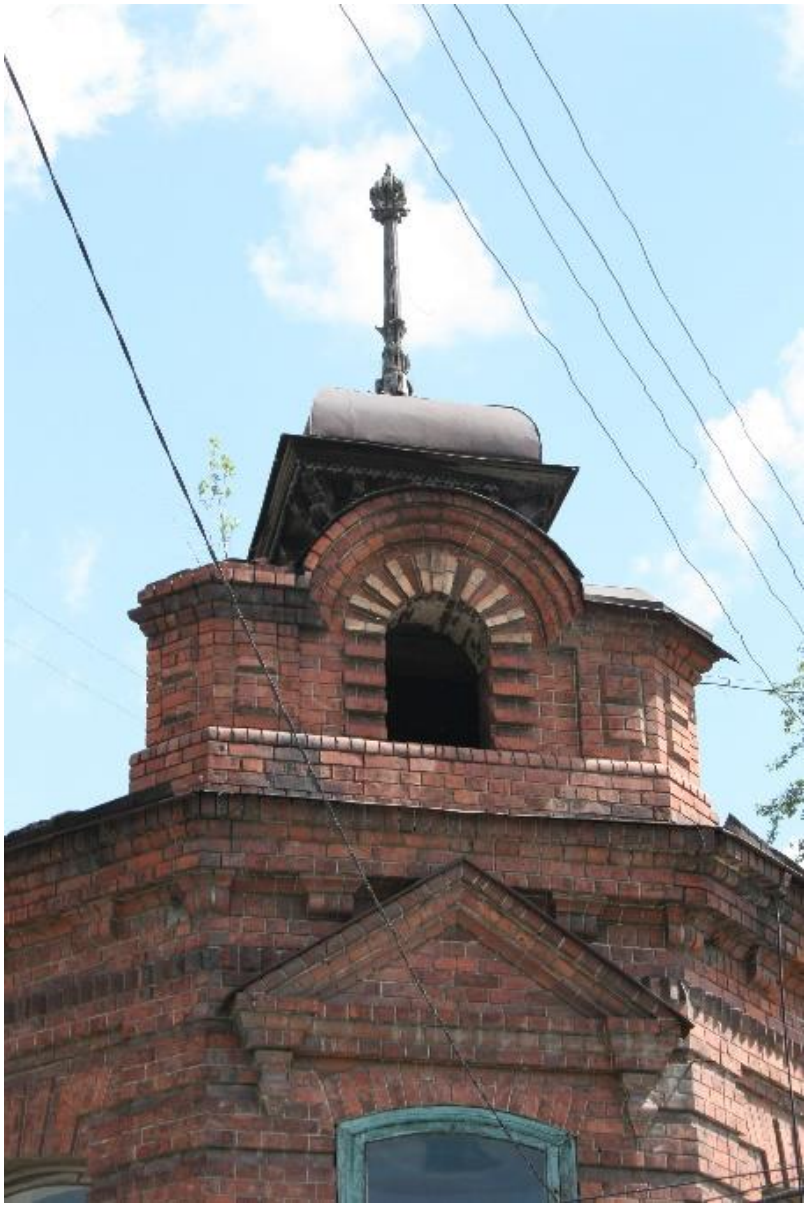


Рис. 4. *Фрагмент центральной части, 2014 г., (автор Д.А. Климович)*

Библиографический список

1. *Закотнов Н.П., Хорев С.В.* Деревянное зодчество Томска. Прошлое и настоящее // *Панорама.* – Томск, 2010. – 256 с.
2. *Климович Д.А.* Дипломный проект «Проект реставрации и приспособления каменного дома по пер. Комсомольскому, 16а в г. Томске под общественную и жилую функцию» / руководитель Н.В. Савельева. – Томск: ТГАСУ, 2015.
3. *Старикова Г.Н.* История названия Томских улиц // *Водолей.* – Томск, 1998. – 320 с.
4. *Пруцын О.И.* Архитектурно-историческая среда. – М., 2004. – 440 с.

Болтовская И.Ю.
biu59@yandex.ru
Прислонова Д.В.
dasha.prislonova@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 75.025.5
ББК 79.0

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ УСАДЬБЫ А.М. ТРЕСКОВА НА УЛ. КРАСНОГО ОКТЯБРЯ, 14 В ГОРОДЕ АЧИНСКЕ

Аннотация. В статье приведены сведения о современном состоянии усадьбы нотариуса А.М. Трескова (1913) в городе Ачинске. Определены ценностные градостроительные, архитектурные, историко-художественные и др. характеристики основного здания усадьбы – жилого дома, дана оценка его технического состояния. Предложены первоочередные мероприятия, обеспечивающие сохранность объекта.

Ключевые слова: усадьба нотариуса А.М. Трескова; город Ачинск; архитектор В.А. Соколовский; неоклассицизм; историко-культурная ценность.

1. Введение. Сибирский регион обладает не только большим запасом природных ресурсов, но и ценным градостроительным и архитектурным наследием, исследованием которого занимаются все большее количество историков, архитекторов и искусствоведов. Это вполне обоснованно, так как застройка городов Сибири отличается ярко выраженным региональным своеобразием, сочетанием народной и профессиональной архитектуры.

2. Историческая застройка Ачинска, проблемы ее сохранения. Этап формирования наиболее ценной в градостроительном и архитектурно-художественном отношении застройки Ачинска – города в Красноярском крае – пришелся на рубеж конца XIX – начала XX в. К этому времени Ачинск становится крупным торговым пунктом на Московском тракте, открываются месторождения золота, развивается речное пароходство и, главное, строится Сибирская железная дорога. Указанные экономические факторы привлекли население и послужили толчком для интенсивного роста города, что, в свою очередь, повлияло на увеличение темпов строительства. Некогда практически деревянный город стал застраиваться крупными каменными объектами разного функционального назначения. В то время в провинции работали архитекторы – выпускники столичных вузов, которые свободно и на высоком уровне воплощали свои творческие замыслы. Одним из них был Владимир Александрович Соколовский, окончивший в 1901 г. Институт гражданских инженеров Николая I в Санкт-Петербурге. В Ачинске по его проектам было построено одиннадцать объектов жилого и общественного назначения.

До середины 80-х гг. XX в. в центральной части Ачинска сохранялась ценная историческая архитектурно-планировочная среда, и благодаря этому в 1987 г. город был включён в список исторических поселений федерального значения.

Впоследствии центр города потерял статус социального и функционального ядра, исторические здания разрушались и вытеснялись новыми объектами. В результате из-за значительных утрат ценной застройки в новый перечень исторических поселений, утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации №418/339 от 5 июля 2010 г., город не вошел.

Если не принимать срочных мер по сохранению исторического наследия, Ачинск неизбежно потеряет индивидуальность и местный колорит. При этом требуется не только сохранять объекты культурного наследия, стоящие на учете в органах охраны памятников, но и выявлять ценные элементы застройки, благоустройства, представляющие общественный и культурный интерес, определяющие целостность и своеобразие историко-архитектурной среды.

3. Усадьба А.М. Трескова, особенности и ценностные характеристики объекта. В 1913 г. по проекту В.А. Соколовского строится усадьба нотариуса А.М. Трескова на ул. Нотариальная (ныне ул. Красного Октября, 14) *(рис. 1)*, состоящая из жилого дома, флигеля и хозяйственной постройки *(рис. 2)*. Главное здание усадьбы являлось одним из наиболее крупных жилых домов Ачинска начала XX в. Объемно-пространственное и архитектурно-художественное решение здания соответствует стилистике неоклассицизма *(рис. 3, 4)*.

– Усадьба в структуре исторического центра гор. Ачинска

Рис. 1. *Ситуационная схем расположения усадьбы А.М. Трескова в структуре исторического центра*

Экспликация:
– Ценные историко-архитектурные объекты
– Дисгармоничные объекты
– Историческое кирпичное ограждение
– Границы земельного участка по кадастровому делению
– Предполагаемые исторические границы участка

1 – Дом А.М. Трескова
2 – Флигель
3 – Историческая хозяйственная постройка
4 – Гараж

Рис. 2. *Схема плана участка (август 2015 г.)*

Жилой дом – двухэтажное каменное здание, Г-образное в плане *(рис. 5, 6)*. Плоскость главного фасада разделена на три части. Центральная часть незначительно заглублена, в простенках между окнами украшена пилястрами ионического ордера и завершается треугольным фронтоном с полуциркульным окном. Фланки-

рующие части отличаются по ширине и создают асимметрию главного фасада, в левой части которого располагается окно, в правой – парадный вход в здание. Оконные и дверные проемы заключены между дорическими полуколоннами, несущими французские балконы второго этажа. Каждая из боковых частей фасада завершается карнизом и венчающим его прямоугольным парапетом. По всей поверхности стены фасадов обработаны горизонтальным рустом.

Рис. 3. *Усадьба нотариуса А.М. Трескова в 1927 г. (АКМ им. Д.С. Каргополова. Основной фонд)*

Рис. 4. *Современный вид жилого дома А.М. Трескова (август 2015)*

Особенность юго-западного фасада – полуротонда, завершенная парапетом в виде балюстрады с вазонами. С правой стороны от полуротонды, в уровне второго этажа, располагается балкон на каменных криволинейных кронштейнах.

Дворовые фасады выполнены лицевым кирпичом и скромно декорированы. Основными архитектурно-художественными элементами являются обрамления окон наличниками с замковым камнем и «заушинами» на углах.

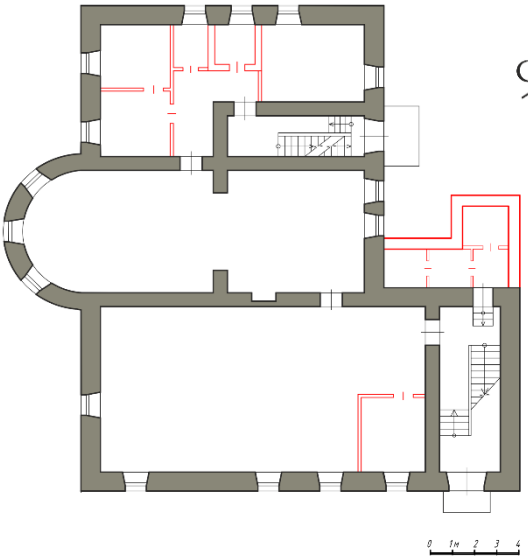


Рис. 5. *План 1-го этажа*

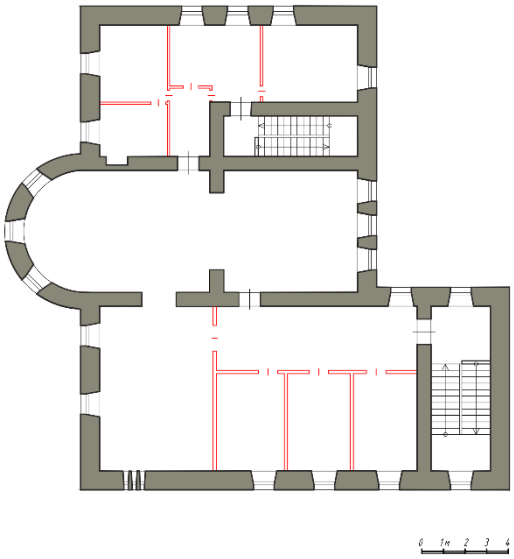


Рис. 6. *План 2-го этажа*

Градостроительная ценность жилого дома объясняется его местоположением. Здание формирует линию застройки улицы и, как главный объем участка, является композиционным ядром домовладения. В свою очередь, структурная единица квартала, усадьба, представляет собой один из элементов, организующих планировочную систему центра города.

Жилой дом А.М. Трескова обладает историко-архитектурной ценностью, определяемой ролью объекта в отдельном этапе истории архитектуры. В Ачинске сохранилось три общественных каменных здания, возведенных с использованием классических форм – церковь Казанской иконы Божией матери (1832), здание синематографа (1913), Общественное собрание (1915) и единственное жилое здание – дом А.М. Трескова, что означает его редкость как единично сохранившегося объекта конкретного направления архитектуры и определенной типологии.

Жилой дом является авторской работой архитектора В.А. Соколовского и в своем образе несет характерные черты его профессионального почерка. Эта особенность здания при наличии значительного количества сохранившихся объектов архитектора в Ачинске и Красноярске позволит достоверно воссоздать утраченные элементы.

Существенным является сохранность второстепенных зданий усадьбы – флигеля и хозяйственной постройки. Расположение объекта в структуре сохранившейся исторической среды обеспечивает целостность его восприятия и высокую степень подлинности *(рис. 7)*. Здание обладает высоким потенциалом для приспособления и включения в общественную жизнь за счет своей планировочной структуры. Жилой дом А.М. Трескова в комплексе с сохранившимися историческими объектами способен выступать как объект показа для демонстрации устройства усадьбы и быта начала XX в.

С конца 90-х гг. XX в. жилой дом не эксплуатировался. Утрачена крыша, часть деревянных перекрытий обрушилась, отсутствуют оконные и дверные заполнения, уничтожена большая часть наружного декора и полностью исторический интерьер. Внутреннее пространство объекта захламлено, кирпичные стены подвергаются периодическому намоканию и постепенно

разрушаются вместе со штукатурным слоем. Существует реальная угроза уничтожения объекта.

Рис. 7. *Флигель усадьбы А.М. Трескова (август 2015)*

Заключение. Проведенные исследования и анализ основных ценностных характеристик жилого дома А.М. Трескова показали, что здание играет важную роль в формировании исторического архитектурного образа города. Имеются существенные основания для включения объекта в реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в установленном порядке в соответствии с нормативно-правовыми актами. При этом в проекте границ территории объекта культурного наследия требуется учесть как территорию, непосредственно занятую жилым домом, так и связанную с ним исторически и функционально. В качестве неотложных мер для сохранения как жилого дома, так и второстепенных зданий усадьбы необходимо срочное проведение консервации для предотвращения полной утраты ценной застройки.

Проблема сохранения усадьбы при этом не закончится только на задаче физического восстановления, необходимо также будет повысить ее социальную ценность путем включения в жизнь общества. При этом важно правильно определить функцию объектов. Приспособление должно обеспечить охрану и максимально раскрыть эстетический и культурный потенциал зданий, продемонстрировав преемственность культур прошлой и настоящей эпохи.

Библиографический список

1. АКМ им. Д.С. Каргополова. ОФ. № 3525/32.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 431. Л. 1.
3. ГАКК. Ф. П26. Оп. 21. Д. 15. Л. 313.
4. Об утверждении перечня исторических поселений: приказ N 418/339: [Принят Министерством культуры Российской Федерации и Министерством регионального развития Российской Федерации 29 июля 2010 г.] // Российская газета. – 2010. – 29 сентября. – С. 14.

Гибадулина А.Ф.
gibadulinaalina@gmail.com
Литвинова О.Г.
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.025
ББК Щ1 85.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ВОДОРАЗБОРНЫХ БУДОК В Г. ТОМСКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Аннотация. Тезисы доклада посвящены вопросам сохранения уникальных объектов культурного наследия первой четверти XX в. – водоразборным будкам г. Томска. Автор исследования представил анализ историко-культурных ценностей объектов, который в дальнейшем позволит разработать научно-методологические предложения по их сохранению.

Ключевые слова: историческая среда; архитектура; сохранение архитектурного наследия; реставрация; инженерные сооружения; водоразборные будки; водопровод.

1. Изученность темы. Особое внимание таким историческим постройкам, как водоразборные будки, ранее не уделялось, однако о них упоминается во многих трудах и работах, посвященных водопроводу и его инженерным сооружениям в России, история и устройство которого являлись предметом изучения и исследования с давних времен. Одним из первых, кто попытался раскрыть состояние и развитие техники водоснабжения на разных исторических этапах, стал профессор Н.И. Фальковский, собрав свои труды в книге «История водоснабжения в России» **[6]**, изданной в 1949 г. Водоразборные будки в своих статьях описывают Томские краеведы, в числе которых Геннадий Бурматов. Эти постройки упоминаются в работах А.Ф. Порядина, занимающегося историей развития водоснабжения и водоотведения в России и Сибири. Водоразборные будки также заинтересовывали сотрудников архивов, например, научный сотрудник ГАТО В.Д. Гахов не единожды описывает устройство и значение будок в своих работах: «Появление водопровода в Томске» **[2]** и «Томский водопровод» **[3]**. Сотрудники и учащиеся кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета не первый год также занимаются вопросами реставрации и приспособления этих инженерных сооружений. Их работы можно увидеть в коллекции проектов кафедры.

Таким образом, водоразборные будки исследовались только историками, либо архитекторами-реставраторами на предмет инженерной реставрации, однако необходимо рассмотреть вопрос сохранения с принципиально новой точки зрения – комплексного сохранения, что говорит о новизне нашего исследования.

2. Методология исследования. Поскольку любое сооружение не может читаться отдельно, а только лишь в контексте с окружением и природным ландшафтом, со сложившейся пространственной и архитектурно-исторической средой, то и историю проектирования, строительства и развития водоразборных будок следует рассматривать в контексте истории города Томска и Томского водопровода.

Соответственно, необходимо применить комплексный анализ, который

состоит из историко-архивных изысканий и натурных исследований.

3. Характеристика предмета исследования. С начала XVIII в. российское государство большое внимание уделяло планировке и застройке городов. В крупных европейских городах России еще с петровских времен проводились систематические мероприятия по благоустройству: санация городской территории, мощение и облицовка камнем улиц и набережных, установка фонарей для вечернего освещения улиц, разбивка парков, бульваров и озеленение, устройство городских водопроводов и канализационных стоков **[4, с. 92]**.

Земли, на которых располагается город Томск, издавна были богаты озерами и малыми речками. По обилию родников Томск – уникальный город, здесь сотни источников, больших и маленьких, что обусловлено геологией этих мест. Поэтому нужды в воде город долгое время не испытывал. Обилие естественных источников воды оказывало определенное воздействие на планировку и застройку города.

Все структурные подразделения города формировались и развивались в непосредственной близости и привязке к поверхностным источникам. Большинство населения города в качестве питьевой использовало воду из рек Ушайки и Томи, куда сбрасывались стоки промышленных предприятий, скотобоен, торговых бань, а также многочисленных родников.

Одной из самых важных проблем Томска было строительство городского водопровода, поскольку отсутствие источников чистой питьевой воды неоднократно грозило эпидемиями чумы и холеры. Кроме того, большое количество деревянных жилых зданий и хозяйственных построек требовало соблюдения противопожарных мер, согласно которым поблизости должны быть запасы воды для тушения пожаров **[4, с. 94]**.

Чем быстрее рос город, тем больше ухудшалось качество воды. И строительство водопровода в Томске становилось самым обсуждаемым вопросом.

Идея постройки общегородского водопровода давно витала в Томской городской думе. Водопровод должен был не только снабжать чистой питьевой водой горожан, но и помогать при тушении пожаров. В 1901 г. городская дума приняла постановление «О производстве водопровода в Томске». 10 января 1901 г. техником А.А. Ющинским и инженером В.С. Реутовским было составлено техническое задание для строительства городского водопровода. Власти сообщили о конкурсе, на который откликнулось много фирм, среди которых комиссия отдала предпочтение московской строительной фирме «Общество механических заводов братьев Бромлей». Общество должно было построить в Томске хозяйственно-противопожарный водопровод с подачей 300 тыс. ведер воды в сутки. К основным запроектированным зданиям и сооружениям Томского водопровода относились: главное машинное здание с фильтровочным отделением, располагающееся у коммунального моста; водоприемник; каменные колодцы; водоподъемные здания; насосы высокого давления; водонапорная башня, а также 15 водоразборных будок **[5, с. 1–3]**.

18 марта 1906 г. комиссия приняла выстроенный водопровод, фирму поблагодарили, а томский водопровод, построенный Обществом в начале XIX в. стал крупнейшим и наиболее технически сложным в Сибири.

Количество водоразборных будок составляло 15 штук, и все они были построены по единому проекту: кирпичные, «крестовой» системой кладки, в плане восьмиугольные, 2-этажные.

Водоразборные будки должны были быть каменные, отапливаемые, с

приспособлением для забора воды в ведра и бочки, оборудовались водоразборными кранами и водомерами. На первом этаже был установлен водомер и краны для отпуска воды. На вторых этажах, несмотря на отрицательное отношение Технико-строительного комитета, были смонтированы стальные баки емкостью в 1000 ведер: резервуары круглой формы, в высоту 7 футов, диаметром 9 футов **[1, с. 14]**.

Будки имели восьмигранные в плане объемы высотой 8–10 м, были оборудованы кирпичными печками, а зимой устанавливались еще и дополнительные железные. Площадь будок составляла 12 кв. м.

Их декоративное оформление было минимальным и в некоторых деталях повторяло архитектуру главной водонапорной башни (фигурная кирпичная кладка: сухариковый пояс и кронштейны; оконные проемы с подковообразными арками в венчающей части. Окна будок напоминали большую замочную скважину, намекая на ключ или родник **[3, с. 1]**. А водомеры были украшены розеткой в виде лотоса.

4. Современное состояние объектов исследования. Водоразборные торговые будки «Общества механических заводов братьев Бромлей» в Томске являются недвижимыми памятниками истории и культуры. Это выявленные объекты культурного наследия, обладающие градоформирующим фактором. Их объемы равномерно располагались в разных исторических районах Томска, являясь частями одного целого, придавая городу вид благоустроенности, цивилизованности и современности.

Каждая из будок имела свой порядковый номер, а также логичное месторасположение, обусловленное не только инженерными факторами, но и чисто практическими. Например, около Красной мечети была построена будка № 2, где мусульмане могли совершить омовение перед входом в мечеть, то есть она служила не только источником воды, но и фонтаном – хаузы.

Будка №9 находилась у входа на Большой базар, а также в Гостиный двор, также имела дополнительное применение, здесь можно было сразу помыть только что купленные овощи или фрукты. Построенный в городе водопровод сделал его поистине высококультурным.

Свою будку №3 имела лютеранская кирха Святой Марии на Лютеранской улице. Водоразборная будка №4 красовалась на Ярлыковской площади у Преображенской церкви. На перекрестке современных ул. Красноармейской и пр. Фрунзе находилась водоразборная будка №5. Будка №6 была возведена на Мухино-Бугорской площади, где предполагалось открыть базар, а сейчас возвышается Петропавловская церковь **[3, с. 2]**.

Несмотря на то, что все пятнадцать водоразборных будок строились по типовому проекту, все же каждая имеет свой неповторимый облик и индивидуальность, они всегда были своеобразной частью малой архитектуры города, удачно вписанной в его пейзаж.

К сожалению, с течением времени город утратил большинство этих сооружений. В настоящий момент осталось пять будок: по ул. Тверской, 29; пер. Сакко, 67а; пер. Войкова, 16а; пер. Ванцетти, 145, ст. 1; ул. Горького, 17а.

Объемы каждой из сохранившихся водоразборных будок претерпели серьезные изменения с течением времени, а также на сегодняшний день эксплуатируются с различными целями.

На каждой будке можно наблюдать участки позднего ремонта: следы

обмазки строительными растворами и окраски; заложенные оконные проемы и поздние наслоения в виде новых проемов, изменения конфигурации крыш, дверных проемов и оконных заполнений; проблемы с организацией водостока, а также различные трещины, разрушения, сколы и вывалы кирпича. Однако все будки находятся в работоспособном состоянии, что дает нам основание говорить, что необходимо их приспособление и дальнейшее использование. Анализ зданий и сооружений городских водопроводов в России показал, что аналогов с точки зрения архитектурных и инженерных особенностей Томскому водопроводу нет.

5. Заключение. Водоразборная торговая будка является частью исторического ансамбля инженерных сооружений «Общества механических заводов братьев Бромлей», которые должны рассматриваться не частно, а комплексно. Мы выдвигаем предложения по постановке этих объектов в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, именно для этого нами были выявлены ценностные характеристики комплекса Томского водопровода по системе критериев ценностей и ценности архитектурного наследия О.И. Пруцына, заслуженного архитектора РФ, профессора, основателя Высшей реставрационной школы и методике выявления исторических комплексов профессора С.А. Авдеева. Водоразборные будки в Томске являются не только ценными инженерными сооружениями, но и не имеют аналогов. Следовательно, могут претендовать на категорию объектов культурного наследия Федерального значения, а также являться предметом глубокого архитектурно-эстетического изучения и дальнейших исследований.

Библиографический список

1. ГАТО. Дело Томской Городской Управы: документы о строительстве Томского городского водопровода (постановления, протоколы, сметы, описи, счета). 1903–1909 гг. Ф. 233. Оп. 3. Д. 990. – 47 с.

2. *Гахов В.Д.* Появление водопровода в Томске // *Красное знамя.* – 2005. – 10 марта.

3. *Гахов В.Д.* Томский водопровод // *Красное знамя.* – 2002. – 6 апреля.

4. *Манонина Т.Н.* Благоустройство г. Томска в конце XVIII – начале XX в. // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – №337. – Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2010. – 345 с.

5. Пояснительная записка Томского хозяйственно-противопожарного водопровода // *Известия Томского Городского Управления*. – 1903. – №28 (2 августа). – 20 с.

6. *Фальковский Н.И.* История водоснабжения России. – М.-Л.: Издательство Министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1947. – 307 с.

Хиценко Е.В.
hic_evg@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.036
ББК 85.113

ВЛИЯНИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В статье рассматривается формирование регулярной планировочной структуры городов Западной Сибири. Подробно исследуются типология жилых кварталов, типы участков и основные нормативные показатели. Анализируются социоэкономические вопросы изучаемых городов, определившие тенденции развития и характеристику их жилой застройки в дореволюционный период.

Ключевые слова: жилая застройка сибирских городов; история архитектуры Западной Сибири; жилищное строительство дореволюционного периода.

Основная часть. История архитектуры и градостроительства Западной Сибири активно изучается современными исследователями **[1–30]**.

Особенностью планировочных решений городов Западной Сибири является преобладание упорядоченной прямоугольной сетки кварталов, заложенной еще в первых планах поселений, которые были разработаны военными инженерами и другими специалистами. Первые планировки старейшего города Западной Сибири – Томска – составлялись в середине XVIII в. различными специалистами: землемерами, геодезистами, военными инженерами **[31]**. Эти планы представляли собой разбивку территории будущего города, располагавшегося на правом берегу р. Томи, на прямоугольную сетку кварталов, сохранившуюся до наших дней. Разрабатывавшиеся позже планировки не оказали существенного влияния на изменение изначально сложившейся системы улиц.

Если в Томске ортогональная структура улиц вследствие извилистых пойм рек и оврагов проявилась не столь нарочито, то в Барнауле прямоугольные кварталы приобрели более правильные геометрические очертания и унифицированные габариты. Начиная с середины XVIII в., со времени строительства медеплавильного завода, на левом берегу р. Барнаулки подле заводской территории начала формироваться прямоугольная сетка жилых кварталов **[32, с. 25]**. Дальнейшие планировочные решения не смогли принципиально изменить сложившуюся ткань центральной части города.

В конце XVIII в. одновременно со строительством новой крепости военными инженерами был составлен регулярный план Омска. Селитебная зона проектировалась в месте слияния рек Оми и Иртыша на свободной территории крепостной эспланады и имела прямоугольную сетку улиц, оказавшую существенное влияние на развитие центральной части города **[33, с. 18].** Расширение городской территории в будущем происходило путем механического наращивания новых кварталов по ранее заложенным направлениям.

Возникший в конце XIX в. из пристанционного поселка город Новониколаевск (Новосибирск) изначально развивался стихийно от комплекса железнодорожной станции. Удачное месторасположение поселения – на пересечении транспортных путей: Транссибирской магистрали и р. Оби – привело

к бурному росту его населения, в результате которого Новониколаевск за два десятилетия превратился в крупнейший торговый центр Западной Сибири, обогнав по своему развитию вышеупомянутые соседние города. Для урегулирования застройки в 1897 г. межевщиком Кузнецовым был разработан первый план города, который имел жесткую квартальную структуру, напоминавшую планировки российских городов феодального периода. Главным недостатком плана явилось отсутствие функционального зонирования территории и предположений о бурном экономическом развитии города **[34, с. 16–17]**. Однако автор правильно учел особенности рельефа местности, которые задали основные направления перпендикулярно пересекающимся улицам каждого из трех районов. Вокзальная часть поселка оказалась параллельна пристанционному участку железной дороги, Закаменская – параллельна р. Оби, улицы же Центральной части расположились с юга на север и, соответственно, с запада на восток. Районы разделялись естественными преградами: Вокзальный и Центральный – Михайловским логом, Центральный и Закаменский – поймой р. Каменки.

До начала 1920-х гг. жилая застройка сибирских городов состояла из одно-двухэтажных домов, размещавшихся на усадебных участках, на которые рационально разделялись прямоугольные кварталы поселений. Усадебные участки имели разные пропорции в зависимости от места расположения: от квадрата до прямоугольника с соотношением сторон 1:4 и менее. Площадь участков колебалась от 8 до 16 соток. Размеры сторон участков начинались от 20 м и доходили до 50 м, а кварталов – от 40 и до 350 м. Стандартный (прямоугольный) квартал состоял из 10–20 участков; нестандартный, находящийся на граничной территории района, образованной ландшафтом или железной дорогой, мог включать всего четыре участка **[35, с. 39]**. На участке располагался жилой дом, хозяйственные постройки и огород. Жилые дома, представлявшие собой различные вариации традиционных русских изб, выходили на улицу, как правило, глухими торцами и размещались с разрывами в 20–30 м друг от друга.

В начале XIX в. были выполнены планировки для ряда городов Сибири на основе популярных в те годы классических принципов градостроения. Созданные первыми планировщиками регулярные схемы учитывались при создании новых генпланов городов и органично вписались в их композицию. В соответствии с государственными указаниями в практику гражданского строительства активно внедрялись «образцовые» проекты жилых и общественных зданий, разработанные ведущими архитекторами страны. В течение столетия были разработаны десятки типовых проектов, в которых регламентировались размеры домов, пропорции элементов, разрывы между зданиями, а также стиль и цветовое решение. Унифицированность и прямоугольность кварталов благоприятствовала типизации как участков, так и самой жилой застройки городов. Так, в 1811 г. известным архитектором и градостроителем В. Гесте был разработан альбом «Разделение городских кварталов на участки», в котором автор типизировал целые градостроительные образования **[36]**.

Заложенные в первых планировках торговые площади и иерархия улиц определили центральные зоны районов. Главные улицы поселений стали в будущем основными магистралями и задали направления дальнейшего развития городов. Главной улицей Новониколаевска стал Николаевский (Красный) проспект, проходящий в Центральной части и соединивший Старую Базарную площадь, находившуюся на юге, и Новую Базарную (площадь Ленина),

запроектированную на севере. Николаевский проспект с расположенными по обеим сторонам параллельными ему улицами явился основным направлением застройки центра будущего города. В Барнауле заложенный в XVIII в. Московский переулок превратился в главную ось города – проспект Ленина, на которую «нанизывались» впоследствии новые сети кварталов. Конфигурация стен новой крепости в Омске, возведенной в конце XVIII в., задала направление веерообразно расположенным главным улицам центральной части города, участки между которыми равномерно разделялись на жилые кварталы.

Планировочное решение городов оказало большое влияние на дифференциацию жилой застройки по социальному признаку. Профессионально-классовые особенности населения были характерны для каждого из районов города. Например, в центральных зонах размещались дома работников торговли и предпринимателей, вблизи железнодорожных станций проживали в большинстве рабочие-путейцы и станционные служащие, а по направлению крупных рек селились зажиточные горожане, чья коммерческая деятельность была связана с судоходством. На окраинах города, в том числе на неудобных территориях, проживали в основном крестьяне и разнорабочие. Формирование селитьбы зависело иногда от этнических и религиозных признаков жителей. В конце 1900-х гг. Городская Дума Новониколаевска выделила «магометанской общине» часть жилых кварталов под строительство Татарской слободы с мечетью **[37].** Типология жилой застройки обосновывалась и демографическими показателями. В основном городское население состояло из постоянных жителей – домовладельцев и квартиросъемщиков (примерно в равном соотношении) – и на оставшуюся часть из временного населения – строителей и разнорабочих. Многоквартирная застройка городов в начале XX в. была преимущественно «доходного» типа.

Плотность застройки, согласно переписи, была максимальной в центральных районах городов. В 1905 г. в Новониколаевске из двухсот «вполне застроенных» кварталов города более половины приходилось на центр. Застроенных усадебных участков насчитывалось 2549, из которых на Центральную часть приходилось 1105, на Вокзальную – 787 и на Закаменскую – 657. Жилых зданий в городе было 3647: 1549 – в Центральной, 1272 – в Вокзальной и 826 – в Закаменской частях **[34, с.23]**.

Экономическая причина уплотненности центральных территорий – высокая стоимость аренды земли, приведшая к концентрации на них объектов коммерческого назначения, в том числе и жилой застройки, помещения которой сдавались внаем. Выгодность такого рода «субарендных» отношений объяснялась острой постоянной нехваткой жилой площади. Жилые дома «крестьянского» типа постепенно были вытеснены домами «городского» типа с обслуживающими функциями, приносящими дополнительную прибыль. Такой тип дома имел преимущественно два этажа, один из которых (а иногда и все здание) мог отводиться под гостиницу, магазин, ресторан, а также под квартиры (в доходном доме). Наибольшую плотность застройки зданиями доходного типа получили кварталы, примыкавшие к главным улицам, которые постепенно переставали делить на отдельные усадебные участки и обстраивали по периметру, формируя сплошную фронтальную линию. В Новониколаевске такого рода застройка появилась на участке от Старой Базарной к Новой Базарной площади, а также вдоль улиц центра города. В Барнауле доходные дома ставились по красным

линиям центральных улиц вплотную друг к другу, формируя сплошной фасад застройки, прорезанный небольшими проездами во дворы сквозь здания. В целях упорядочения застройки и создания центрального ядра городские власти старались ограничивать возведение на главных улицах деревянных домов, разрешив застраивать их только «лучшими каменными зданиями» **[38]**. Каменные здания городской буржуазии резко выделялись на фоне деревянной застройки улиц, что не всегда способствовало созданию единого ансамбля. К 1917 г. в сибирских городах сформировались центральные и периферийные зоны, отличавшиеся степенью благоустройства и качеством построек.

Заключение. Дореволюционный период явился определяющим для городов Западной Сибири в аспекте формирования центральных территорий и планировочного каркаса. Планы городов, разработанные военными инженерами и межевщиками, легли в основу первых городских районов, сформировав их регулярную квартальную структуру. Прямоугольная сетка кварталов благоприятствовала рациональной организации и типизации участков и самой жилой застройки в будущем.

Библиографический список

1. *Багрова Н.В.* Архитектурная критика в процессах воспроизводства и развития профессиональной культуры // *Философия образования.* – 2011. – Т.38. – № 5. – С. 295–303.

2. *Багрова Н.В.* Ретроспективизм в архитектурной критике: структура хронотопического фрейна // *Вестник ТГАСУ.* – 2011. – № 3. – С. 57–65.

3. *Багрова Н.В.* Хронотопические фреймы архитектурно-критической мысли // *Известия Вузов. Строительство.* – 2011. – № 8–9. – С. 59–63.

4. *Радзюкевич А.В.* К вопросу о научном изучении пропорций в архитектуре и искусстве // *Ползуновский вестник.* – 2014. – №1. – С. 159–164.

5. *Радзюкевич А.В.* Критический анализ исследования Адольфа Цейзинга, основоположника гипотезы «золотого сечения» // *Architecture and Modern Information Technologies.* – 2014. – № 29. – С. 10.

6. *Радзюкевич А.В., Паршуков В.В., Чернова М.А.* Метрологические особенности форм памятников архитектуры Новониколаевска (Новосибирска) на примере зданий А.Д. Крячкова // *Баландинские чтения.* – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 268–274.

7. *Бушма Д.Д.* Архитектор Виталий Семенович Масленников в воспоминаниях современников 1940-1950-х годов // *Баландинские чтения.* – 2012. – № 1. – С.27–34.

8. *Бушма Д.Д.* Электронный архив по истории архитектуры Сибири: постановка цели и изучение аналогов // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С.258–265.

9. *Гаркуша Д.Д.* Исследователь исторических мер, сибирский архитектор Николай Иванович Болотин (1907-1979) // *Баландинские чтения.* – 2014. – Т.9. – № 2. – С.196–202.

10. *Груздева Е.А.* Особенности развития стиля «модерн» в архитектуре городов Западной Сибири // *Известия Вузов. Строительство.* – 2009. – №7. – С. 105–110.

11. *Груздева Е.А.* Композиционные и декоративные особенности модерна в деревянной архитектуре городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2009. – № 7–1. – С.68–70.

12. *Груздева Е.А.* Здания стиля модерн в структуре сибирского города (Тюмень, Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2015. – № 1. – С. 357–362.

13. *Груздева Е.А., Савин А.Н., Солодская О.В.* Исследование поселенческого комплекса Усть-Верея-2 в 2012 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – 2012. – Т. XVIII. – С. 483–485.

14. *Орлова Е.Ю.* Понятие «национальные традиции» в архитектуре современной России // *Наука. Технологии. Инновации:* материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых.

– Новосибирск, 2005. – Часть 6. С. – С.89–91.

15. *Орлова Е.Ю.* Национальные особенности русской архитектуры // *Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук:* материалы Межвузовской научной студенческой конференции «Интеллектуальный потенциал Сибири». – Новосибирск, 2006. – С.48–50.

16. *Орлова Е.Ю., Вольская Л. Н.* Предпосылки возникновения русского стиля в архитектуре // *Сибирская архитектурно-художественная школа:* наука практика образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2007. – С.171–173.

17. *Орлова Е.Ю. Вольская Л.Н.* Русский стиль и его особенности в архитектуре России XVIII – нач. XX вв. // *Сибирская архитектурно-художественная школа:* наука практика образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2007. – С.173–175.

18. *Орлова Е.Ю., Вольская Л.Н.* Особенности генезиса и развития русской национальной архитектуры в Сибири XVI – нач. XVIII в. // *Известия вузов. Строительство (Научные проблемы архитектуры и экологии)* / гл. ред. В.Г.Себешев. – Новосибирск: Изд-во НГАСУ, 2008. – С.94–101.

19. *Орлова Е.Ю.* Формирование и развитие теории «русского стиля» в архитектуре и искусстве (XVIII – нач. XX вв.) // *Мир науки, культуры, образования.* – 2009. – №3(15). С.45–48.

20. *Орлова Е.Ю., Вольская Л.Н.* Особенности развития русского стиля в советской архитектуре (1917–1990 гг.) // *Известия высших учебных заведений. Строительство.* – 2010. – №6(618). – С.91–98.

21. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-планировочные особенности доходных домов в структуре сибирского города начала XX в. (на примере Новониколаевска) // *Вестник ТГАСУ.* – 2012. – №2(35). – С. 51–56.

22. *Тарасова Ю.И.* Строительство доходных домов в крупных городах Западной Сибири в конце XIX начале XX века // *Известия вузов. Строительство.* – 2012. – № 9. – С. 79–85.

23. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-декоративное убранство доходных домов в городах Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 5. – С. 351–352.

24. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-пространственная композиция доходных домов в системе застройки крупных городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 6. – С.411–413.

25. *Тарасова Ю.И.* Развитие архитектурно-пространственной структуры сибирского доходного дома // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С.314–318.

26. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома в структуре крупных городов Западной Сибири автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Алт. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 32 с.

27. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома в структуре крупных городов Западной Сибири (Томск, Омск, Барнаул, Новосибирск): диссертация ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Алт. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. – 213 с.

28. *Тарасова Ю.И.* Ручная и компьютерная технологии в процессе курсового архитектурного проектирования [Электронный ресурс] / Ю.И. Тарасова // *Архитектон: известия вузов.* – 2014. – № 4 (48). – URL: http://archvuz.ru/2014_4/16.

29. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома рубежа XIX – XX столетий в современной застройке городов Западной Сибири // *Современные проблемы истории и теории архитектуры:* докл. науч.-практич. конференции. – СПб.: СПбГАСУ, 2015. – С.84–87.

30. *Тарасова Ю.И.* Дореволюционные доходные дома городов Западной Сибири в архитектурной среде XXI века // *Молодежь, наука, технологии: идеи и перспективы (МНТ-2015).* Материалы II Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г.Томск, 16–20 ноября 2015 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С.1027–1030.

31. История град-ва Томска в иллюстрациях. – URL: http://www.admin.tomsk.ru/pgs/1gw.

32. *Баландин С.Н.* Архитектура Барнаула. – Барнаул, 1974. – 112 с.

33. *Кочедамов В.И.* Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960. – 112 с.

34. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. – Новосибирск, 1978. – 135 с.: ил.

35. Справочник по городу Ново-Николаевску: К 100-летию города. – 3-е изд. – Новосибирск, 1992. – 230 с.

36. *Воронина О.С.* Перепланировка сибирских городов в XVIII – начале XIX столетия // *Вестник ТГАСУ.* – №2. – 2013. – С. 66–77.

37. ГАНО. Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

38. ГАНО. Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

Хиценко Е.В.
hic_evg@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.036
ББК 85.113

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ НОВОСИБИРСКА ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Аннотация. В статье подробно рассматриваются основные градостроительные показатели, исследуется типология жилых участков и кварталов Новосибирска в 1920-е гг. Анализируются градостроительные и социоэкономические проблемы города, определившие тенденции развития и характеристику его жилой застройки данного периода.

Ключевые слова: жилая застройка советских городов в 1920-е гг.; история архитектуры Западной Сибири; жилищное строительство периода НЭПа.

Основная часть. Вопросам истории архитектурного проектирования и развития архитектуры жилых зданий Западной Сибири первой трети XX в. посвящен целый ряд работ **[1–30]**. Цель настоящей статьи – проанализировать градостроительные и социоэкономические факторы развития жилой застройки одного из крупнейших городов Западной Сибири этого времени, Новосибирска, в период НЭПа.

В первое послереволюционное десятилетие Новосибирск занимал одно из первых мест в СССР по росту населения, которое увеличилось в период с 1921 г. (69,5 тыс. чел.) по 1929 г. (146 тыс. чел.) более чем в два раза. В 1927 г. средняя плотность населения города, по данным планировочной комиссии Горсовета, составляла: а) по всей селитебной части города – 46 чел/га; б) по всей застройке – 84 чел/га; в) по застройке по районам: в Центральном – 125 чел/га; в Вокзальном – 150 чел/га; в Ипподромском – 50 чел/га; в Ельцовском – 30 чел/га; в Закаменском – 50 чел/га; в Малой Нахаловке – 732 чел/га **[31, с. 781]**.

Из всей селитебной части города общей площадью 2300 га площадь застройки равнялась 64%, площадь проездов – 34,5%, площадь зеленых насаждений – 1,5%. Городской Совет признал необходимым к 1945 г. увеличить плотность населения для селитебной части до 90 чел/га, площадь зеленых насаждений – до 15%, уменьшив площадь проездов до 20% **[32]**. Плотность жилой застройки также планировалось увеличить почти в четыре раза, причиной послужили низкая плотность населения и низкая обеспеченность населения жилой площадью (4,16 кв. м в 1928 г. вместо 8,1 кв. м). Однако, как отмечал председатель планировочной комиссии Новосибирска Г. Щукин, вопрос плотности населения нельзя было рассматривать «узко с экономической точки зрения», «решающее» значение имели санитарно-гигиенические требования: чистота воздуха, инсоляция, наличие зеленых насаждений и т.д. **[33].** В докладе «О жилищном строительстве в Новосибирске» (1928 г.) указывалось: «Мероприятия государственной власти должны идти в первую голову в направлении спасти неправильно застраиваемые земельные площади городов, а во вторую очередь в направлении повышения качества самой постройки» **[34].**

Поэтому одной из главных задач жилищного строительства города на первую пятилетку стала задача регулирования застройки (в том числе предотвращения «земельной спекуляции») и обеспечения жилья «городским благоустройством» (водопровод, канализация, освещение, автобусное сообщение, устройство: мостовых, тротуаров, мостов, набережных, садов, бульваров, систем мусороочистки и т.д.), что, конечно же, должно было отразиться и на стоимости жилья. Для содействия развитию озеленения предлагалось уменьшить земельную ренту с территорий усадебных участков, занятых садом или огородом, чтобы «преобразовать город, превратив его в сплошной фруктовый сад, понизить пожарные опасности и избавить город от той пыли, которая является в настоящее время истинным бичом для народного здоровья» **[34].**

Усадебные участки жилой застройки сибирских городов подразделялись на несколько типов. Типизации участков благоприятствовала заложенная еще в первых планах городов прямоугольная сетка кварталов. Так, для Новосибирска было установлено девять типов участков. Самым большим по площади участком был тип I (1390 кв. м), длина (вглубь квартала) которого составляла 32,6 м, а ширина (вдоль улицы) – 42,6 м. Наименьший участок, тип IX (580 кв. м), имел длину 36 м, а ширину 16 м. Наиболее распространенным (57%) являлся участок площадью 1100 кв. м, имевший длину 36–53 м и ширину 21–32 м. Кварталы, в которых размещались участки, в свою очередь подразделялись на 11 типов. Наибольшим был тип А (27000 кв.м) длиной 373,4 м и шириной 72,5 м, наименьшим – тип Л (14000 кв.м) длиной 192 м и шириной 72,5 м. Половину от всего числа кварталов составляли кварталы длиной 220 м и шириной 72,5 м. Нормы жилой застройки, принятые Горсоветом в 1926 г., устанавливались: в Центральном районе 50%, в примыкающих к центру частях Закаменского и Вокзального районах 25%, в остальной части Закаменского района 20%, в остальной части Вокзального района 15%, на окраинах 10% **[35].**

Стремительный рост Новосибирска как крупного административно-торгового центра Сибири, отсутствие «дешевых средств массового сообщения» (трамваи, автобусы), низкое благоустройство окраинных кварталов послужили повышению ценности районов, приближенных к центру. «Слабая застроенность» усадебных участков предоставила их собственникам возможность сдавать часть своих территорий новым застройщикам. В результате «земельных спекуляций» происходило «засорение» участков домов мелкими строениями различного назначения. Такого рода торговые операции с землей имели негативный аспект как в социальном (ухудшение экологического состояния жилой застройки, уменьшение дворовых пространств и т.д.), так и в экономическом плане (недополучение муниципалитетом земельной ренты).

Для предотвращения «земельных спекуляций» предлагались следующие меры: уравнивание рентных ставок для незастроенных и застроенных участков; установление (для частного строительства) площади земельного участка необходимой для строительства только одного дома; запрещение строить на одном участке более одного жилого дома; разрешение землепользования в форме «совладения» при условии владения собственниками общим жилым домом и общим (неразделенным) участком; запрещение сдачи участка под застройку при отсутствии гарантии о своевременном выполнении строительства; запрещение торговых операций с отдельными постройками на участке (разрешение покупки-продажи только всех строений); утверждение окружным инженером нового

строительства и капремонта только при предъявлении договоров на застройку **[36]**.

Наиболее выгодным типом жилой застройки с точки зрения таких социоэкономических и градостроительных аспектов, как увеличение плотности населения, укрупнение застройки, повышение уровня благоустройства, коллективизация быта с крупным централизованным домовым хозяйством (столовая, детсад, прачечная и др.), являлась многоквартирная застройка квартального типа. Первая такая застройка была начата новосибирским Горкомхозом в 1928 г. на участке, ограниченным Красным проспектом, Трудовой, Советской и Потанинской улицами, планировалась с площадью застройки 23,6%, оставшаяся часть территории должна была быть занята дворами, зелеными насаждениями и проездами. Предполагаемая средняя плотность населения равнялась 372 чел/га застройки. Как подчеркивалось в докладе «О жилищном строительстве г. Новосибирска», «основная задача перспектив жилстроительства – это его полное обобществление» и «помимо налоговых, кредитных и пр. льгот, предоставляемых Центральным Правительством государственно-кооперативной застройке, Горкомхоз должен отдавать этому виду жилстроительства все преимущества…» **[37].**

Несмотря на преимущества многоквартирного строительства, острый жилищный кризис вынудил власти городов «поощрять частно-индивидуальную» застройку, составлявшую во всем объеме жилстроительства более 70%. Социальная выгода такой застройки заключалась в расположении ее вблизи места работы владельцев, на участках, принадлежавших предприятиям, распределявшим их между своими рабочими и служащими. Средняя площадь частного дома семьи рабочего или служащего составляла 40 кв. м, а строительный объем – 200 куб. м; дом самовольного застройщика мог быть даже вдвое меньше. Средняя площадь застройки под жилыми строениями равнялась 15%, под надворными – 9%, остальную территорию участка занимали двор и сад. Такое использование земельного участка было крайне нерациональным. Плотность населения в центральных районах составляла в среднем 130 чел/га. Поэтому местные власти стремились повысить плотность застройки и считали необходимым укрупнять жилые дома. Площадь жилого дома предлагалось увеличить до 100 кв. м, его высоту до двух этажей, а плотность населения квартала довести до 250 чел/га. Экономически более целесообразным типом индивидуального дома признавался двухэтажный двухквартирный спаренный жилой дом (пятистенный сруб), рассчитанный на двух-четырех хозяев. Такой тип дома позволял уменьшить площадь участка, увеличив тем самым плотность населения. Преимущества таких домов заключались также в экономии материалов и времени при строительстве (общая стена), в объединении физических и финансовых ресурсов совладельцев, в возможности поочередного строительства. Для реализации такого строительства предлагалось разработать типовые проекты домов и ввести в практику комплексную заготовку срубов **[37].**

Заключение. Актуальной проблемой развития Новосибирска в данный период было массовое строительство индивидуального жилья, отличавшегося низкой плотностью населения, отсутствием благоустройства, пожарной опасностью и низким архитектурно-эстетическим качеством. В качестве наиболее перспективного типа жилой застройки местными властями признавалась многоквартирная застройка, имевшая градостроительные преимущества перед

частной и отвечавшая новым идеологическим установкам, а именно – возможности коллективизации быта. Однако социоэкономические проблемы препятствовали развитию многоквартирного строительства и повлияли на широкое распространение частной застройки.

Библиографический список

1. *Багрова Н.В.* Архитектурная критика в процессах воспроизводства и развития профессиональной культуры // *Философия образования.* – 2011. – Т.38. – № 5. – С. 295–303.

2. *Багрова Н.В.* Ретроспективизм в архитектурной критике: структура хронотопического фрейна // *Вестник ТГАСУ.* – 2011. – № 3. – С. 57–65.

3. *Багрова Н.В.* Хронотопические фреймы архитектурно-критической мысли // *Известия Вузов. Строительство.* – 2011. – № 8–9. – С. 59–63.

4. *Радзюкевич А.В.* К вопросу о научном изучении пропорций в архитектуре и искусстве // *Ползуновский вестник.* – 2014. – №1. – С. 159–164.

5. *Радзюкевич А.В.* Критический анализ исследования Адольфа Цейзинга, основоположника гипотезы «золотого сечения» // *Architecture and Modern Information Technologies.* – 2014. – № 29. – С. 10.

6. *Радзюкевич А.В., Паршуков В.В., Чернова М.А.* Метрологические особенности форм памятников архитектуры Новониколаевска (Новосибирска) на примере зданий А.Д. Крячкова // *Баландинские чтения.* – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 268–274.

7. *Бушма Д.Д.* Архитектор Виталий Семенович Масленников в воспоминаниях современников 1940-1950-х годов // *Баландинские чтения.* – 2012. – № 1. – С.27–34.

8. *Бушма Д.Д.* Электронный архив по истории архитектуры Сибири: постановка цели и изучение аналогов // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С.258–265.

9. *Гаркуша Д.Д.* Исследователь исторических мер, сибирский архитектор Николай Иванович Болотин (1907-1979) // *Баландинские чтения.* – 2014. – Т.9. – № 2. – С.196–202.

10. *Груздева Е.А.* Особенности развития стиля «модерн» в архитектуре городов Западной Сибири // *Известия Вузов. Строительство.* – 2009. – №7. – С. 105–110.

11. *Груздева Е.А.* Композиционные и декоративные особенности модерна в деревянной архитектуре городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2009. – № 7–1. – С.68–70.

12. *Груздева Е.А.* Здания стиля модерн в структуре сибирского города (Тюмень, Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2015. – № 1. – С. 357-362.

13. *Груздева Е.А., Савин А.Н., Солодская О.В.* Исследование поселенческого комплекса Усть-Верея-2 в 2012 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* – 2012. – Т. XVIII. – С. 483–485.

14. *Орлова Е.Ю.* Понятие «национальные традиции» в архитектуре современной России // *Наука. Технологии. Инновации:* материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. – Новосибирск, 2005. – Часть 6. С. – С.89–91.

15. *Орлова Е.Ю.* Национальные особенности русской архитектуры // *Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук:* материалы Межвузовской научной студенческой конференции «Интеллектуальный потенциал Сибири». – Новосибирск, 2006. – С.48–50.

16. *Орлова Е.Ю., Вольская Л. Н.* Предпосылки возникновения русского стиля в архитектуре // *Сибирская архитектурно-художественная школа:* наука практика образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2007. – С.171–173.

17. *Орлова Е.Ю. Вольская Л.Н.* Русский стиль и его особенности в архитектуре России XVIII – нач. XX вв. // *Сибирская архитектурно-художественная школа:* наука практика образование: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2007. – С.173–175.

18. *Орлова Е.Ю., Вольская Л.Н.* Особенности генезиса и развития русской национальной архитектуры в Сибири XVI – нач. XVIII в. // *Известия вузов. Строительство (Научные проблемы архитектуры и экологии)* / гл. ред. В.Г.Себешев. – Новосибирск: Изд-во НГАСУ, 2008. – С.94–101.

19. *Орлова Е.Ю.* Формирование и развитие теории «русского стиля» в архитектуре и искусстве (XVIII – нач. XX вв.) // *Мир науки, культуры, образования.* – 2009. – №3(15). – С.45–48.

20. *Орлова Е.Ю., Вольская Л.Н.* Особенности развития русского стиля в советской архитектуре (1917–1990 гг.) // *Известия высших учебных заведений. Строительство.* – 2010. – №6(618). – С.91–98.

21. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-планировочные особенности доходных домов в структуре сибирского города начала XX в. (на примере Новониколаевска) // *Вестник ТГАСУ.* – 2012. – №2(35). – С. 51–56.

22. *Тарасова Ю.И.* Строительство доходных домов в крупных городах Западной Сибири в конце XIX начале XX века // *Известия вузов. Строительство.* – 2012. – № 9. – С. 79–85.

23. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-декоративное убранство доходных домов в городах Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 5. – С. 351–352.

24. *Тарасова Ю.И.* Архитектурно-пространственная композиция доходных домов в системе застройки крупных городов Западной Сибири // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – № 6. – С.411–413.

25. *Тарасова Ю.И.* Развитие архитектурно-пространственной структуры сибирского доходного дома // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С.314–318.

26. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома в структуре крупных городов Западной Сибири автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Алт. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 32 с.

27. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома в структуре крупных городов Западной Сибири (Томск, Омск, Барнаул, Новосибирск): диссертация ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Алт. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. – 213 с.

28. *Тарасова Ю.И.* Ручная и компьютерная технологии в процессе курсового архитектурного проектирования [Электронный ресурс] / Ю.И. Тарасова // *Архитектон: известия вузов.* – 2014. – № 4 (48). – URL: http://archvuz.ru/2014_4/16.

29. *Тарасова Ю.И.* Доходные дома рубежа XIX – XX столетий в современной застройке городов Западной Сибири // *Современные проблемы истории и теории архитектуры:* докл. науч.-практич. конференции. – СПб.: СПбГАСУ, 2015. – С.84–87.

30. *Тарасова Ю.И.* Дореволюционные доходные дома городов Западной Сибири в архитектурной среде XXI века // *Молодежь, наука, технологии: идеи и перспективы (МНТ-2015).* Материалы II Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г.Томск, 16–20 ноября 2015 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С.1027–1030.

31. Сибирская Советская энциклопедия. Т. 3: Л-Н. – Зап.- Сиб. отд. ОГИЗ. – 1932. – 804 с.

32. ГАНО. Ф.Р.1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 34–35.

33. ГАНО. Ф.Р.-1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 37.

34. ГАНО. Ф.Р.-1993. Оп. 1. Д. 381. Л. 5–6.

35. ГАНО. Ф.Р.-1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 43–44.

36. ГАНО. Ф.Р.-1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 47.

37. ГАНО. Ф.Р.-1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 55–57.

Добкин И.В.
ivan-dobkin@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036
ББК: 85.113

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛОГО ДОМА РЖСКТ «ПЕЧАТНИК» В НОВОСИБИРСКЕ (ИНЖ. Б.А. КОРШУНОВ, Д.Е. БАБЕНКОВ, Р.А. ПЕТЕРФРЕУНД, Д.Е. ЖИЛИН, 1928 Г.)

Аннотация. В статье рассматривается специфика архитектуры жилого дома «Печатник» построенного по проекту инженеров Б.А. Коршунова, Д.Е. Бабенкова, Р.А. Петерфреунда, Д.Е. Жилина в Новосибирске в 1928 г. В настоящее время здание находится на государственной охране. Путем сопоставления с жилыми многоквартирными домами новосибирских конструктивистов выявлены объемно-пространственные и архитектурно-планировочные особенности здания. Была установлена связь архитектуры жилого дома с концепцией АСНОВА-АРУ. Полученные данные меняют устоявшиеся представления об объекте и могут помочь в восстановлении его архитектурного облика.

Ключевые слова: история советской архитектуры; архитектура жилых зданий; Новосибирск; РЖСКТ «Печатник».

Жилой дом рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества (РЖСКТ) «Печатник» был запроектирован инженерами Б.А. Коршуновым, Д.Е. Бабенковым, Р.А. Петерфреундом, Д.Е. Жилиным в Новосибирске в 1928 г. и построен в начале 1930-х гг.

Первоначально здание имело необычное цветовое и пластическое решение, которое было утрачено в середине XX в. в ходе одной из реконструкций. Сегодня его сероватый объем не привлекает к себе никого внимания. Современный образ здания наложил отпечаток на его восприятие архитекторами и историками. До сих пор архитектура здания рассматривалась лишь с исторической или чисто фиксационной точек зрения, а первоначальный архитектурный замысел здания не был изучен **[1, с. 97–98; 2, с. 90–91; 3, с. 212–213; 4, с. 44–46, 88]**.

Между тем выявленные и проанализированные нами архивные документы и первоисточники существенным образом расширяют представления о творческом подходе его авторов **[5–12]**. Из проанализированных нами работ инженеров Петерфреунда и Лесневского для Новосибирска становится очевидным, что они были сторонниками концепции АСНОВА-АРУ (рационализма), которая была одной из ведущих в советском архитектурном авангарде **[5, л. 3–6; 7, л. 5–7; 8, л. 2, 6; 12]**.

Для сторонников этой творческой концепции на первом месте были вопросы градостроительства. Архитекторы-рационалисты считали: чтобы город был комфортным для проживания, человек должен иметь возможность свободно ориентироваться в городском пространстве. Для этого необходима система градостроительных ориентиров. А чтобы ориентиры легко запоминались, они должны состоять из простых, элементарных геометрических форм: куб, шар, конус и т.п. В этом концепция АСНОВА-АРУ принципиально отличалась от конструктивизма, в котором на первом месте (и в градостроительстве и в архитектуре) было решение чисто функциональных и инженерно-конструктивных вопросов **[13; 14; 15, с. 13–16]**.

Возможная связь архитектурно-планировочного решения жилого дома «Печатник» с концепцией АСНОВА-АРУ делает актуальным его сопоставление с объектами других течений авангарда в Новосибирске.

С целью выявления специфических черт «Печатника» нами была применена методика сопоставления его архитектурно-планировочного решения с аналогом конструктивистского направления. В качестве объекта сопоставления был выбран Дом «Динамо», запроектированный в 1930 г. известными новосибирскими конструктивистами, архитекторами Б.А. Гордеевым и С.П. Тургеневым.

Объект для сопоставления выбран по следующим причинам. Он имеет с «Печатником» схожую типологию и градостроительную ситуацию – оба здания расположены по Красному Проспекту в месте пересечения того с небольшой улицей. В первых этажах обоих зданий расположены торговые и общественно-культурные помещения. Оба проекта были реализованы в наиболее полной мере, на достаточно высоком строительном уровне. Соответственно, можно говорить о том, что в процессе строительства оба проекта претерпели минимальные изменения.

Графическими материалами для сопоставления послужили проектные материалы и фотографии построенных зданий, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) и Музее истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина **[5–12].**

Выявленные нами первоисточники были сведены в таблицу *(табл. 1)*. Анализ материалов таблицы показывает следующее. Несмотря на схожесть функционального наполнения и градостроительных ситуаций, архитекторы дали совершенно разное объемно-пространственное и пластическое решение.

Дом «Печатник» уподоблен геометрической скульптуре, состоящей из простых форм: кубов и разнообразных параллелепипедов **[12]**. Напротив, в доме «Динамо» прежде всего читаются функциональные элементы: конструктивный каркас, эркер, угловые балконы, лестничная клетка, капитальный навес над плоской кровлей и т.п. **[11, л. 43, фото 2; л. 46, фото 1, 4, 5; л. 49, фото 1; л. 50, фото 1; 10, л. 4]**.

Архитекторы-рационалисты каждому из объемов-секций жилого дома придали свое пластическое решение, благодаря чему ясно читается объемно-пространственная композиция сооружения в целом. Угловые секции уподоблены кубам – они имеют гладкие поверхности и однотонное цветовое решение. Остальные секции через одну выдвинуты вперед: они имеют повышенный парапет, гладкие поверхности и в результате с человеческой точки зрения также смотрятся кубами. Расположенные между «кубами» рядовые секции решены иначе: горизонтальными членениями и более активным цветом. Выдвинутые из этих секций лестничные клетки также имеют интенсивную окраску. Сочетание узких горизонтальных поясков и широких вертикалей лестничных клеток создает запоминающуюся композицию. При этом функциональное деление здания (культурно-бытовые учреждения и квартиры) фактически не выявлено **[6, л. 4–8; 7, л. 2–4]**.

Напротив, в доме «Динамо» господствует мотив горизонтали. Активные горизонтальные членения выявляют функциональное наполнение сооружения. Первый этаж словно отчеркнут протяженным балконом-галереей. Это подчеркивало общественную функцию первого этажа и отделяло его от выше расположенных жилых. Проемы и членения второго этажа отличаются как от

первого, так и от последующих. Фасад жилой части гостиницы решен на сочетании железобетонного каркаса и ленточного остекления **[9, л. 2]**. Несмотря на то что гостиница состоит из двух объемов, оба имеют совершенно одинаковое пластическое решение. В результате объемно-пространственная структура сооружения не читается **[10, л. 4, 5; 9, л. 5, 6, 13]**.

Фасад «Динамо» совершенно «гладкий», без выступов, что обеспечивало равенство условий инсоляции жилых помещений. Угловые балконы-галереи имели функциональное назначение – служили эвакуационными выходами. У дома «Динамо» лишь две малозаметные вертикали: лестничная клетка на северном конце здания и эркер с южной стороны.

Угловые балконы дома «Динамо» с глухим ограждением закрывали грань параллелепипеда и не давали возможности ясно воспринимать его форму **[9, л. 2]**. Напротив, у «Печатника» на главном фасаде балконов вообще нет **[12]**. Благодаря этому очень хорошо читается геометрия всех форм и угловые кубические объемы, и в итоге организован градостроительный акцент.

Из этой особенности использования балконов следует несколько неожиданных выводов. Новосибирские рационалисты, долгое время жившие в городе и знавшие условия Сибири, использовали балконы более функционально, чем конструктивисты, в концепции которых функция была на первом месте. Действительно, поскольку в Сибири балконы использовались для бытовых нужд (хранение продуктов, инвентаря, сушка белья и т.п.) их расположение со стороны дворового фасада в проектах рационалистов было функционально оправданным. Напротив, конструктивисты использовали функциональные элементы для создания пластической выразительности сооружения и соответственно стремились располагать их на главном фасаде.

Большой интерес представляет выявленный нами в ГАНО дворовый фасад жилого дома «Печатник» *(рис. 1)* **[7, л. 8]**. Оказывается, что согласно проекту дворовый фасад также должен был иметь горизонтальные пояски, прерывавшиеся лестничными башнями. При этом интересно решение самих лестничных клеток. Все они имеют одинаковые размеры, обслуживают секции одной этажности, но при этом отличаются оконными проемами. Применение в лестничных клетках двух разных типов остекления не имело смысла с функциональной точки зрения (инсоляция и т.п.). Однако внешние отличия лестничных клеток существенно облегчали ориентировку жителям, помогая найти свой подъезд. Если бы все четыре лестничные клетки были одинаковыми, то ориентация, особенно в вечерние часы, была бы затруднена.

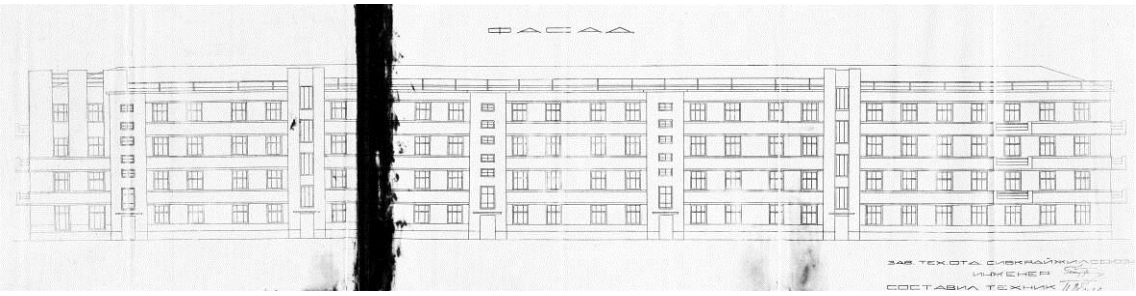
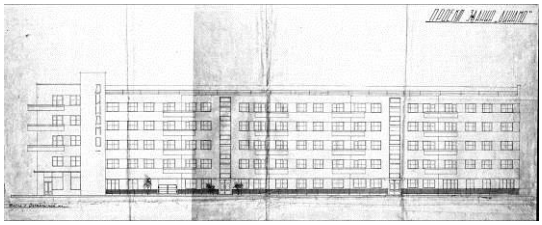


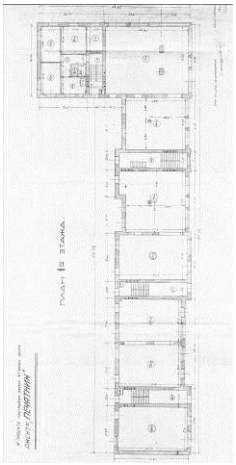
Рис. 1. *Проект жилого дома РЖСКТ «Печатник». Дворовый фасад* **[7, л. 8]**

Выводы. Таким образом, в архитектурно-планировочном решении жилого дома РЖСКТ «Печатник» нашла отражение концепция АСНОВА-АРУ. Здание было уподоблено геометрической скульптуре и превращено в яркий и запоминающийся градостроительный акцент. Это было достигнуто отказом от выявления на фасадах здания конструктивного каркаса и функций помещений. Подводя итог, можно с сожалением отметить, что в 1960-е гг. жилой дом «Печатник» утратил свое яркое цветовое и пластическое решение. Был разобран парапет над центральной секцией, а все здание обработано грубой штукатуркой под «шубу» серого цвета.

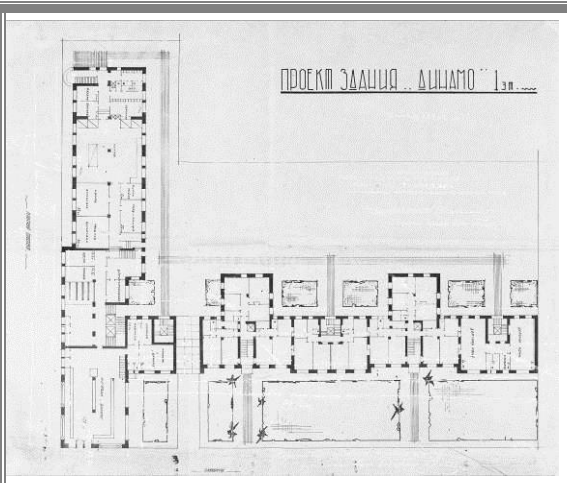
Таблица 1

Сопоставление жилых домов РЖСКТ «Печатник» и «Динамо»

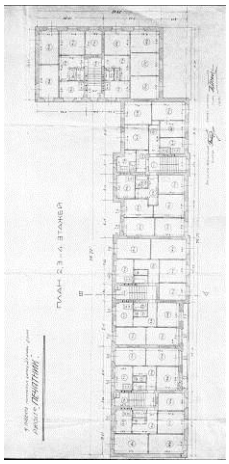
Жилой дом РЖСКТ «Печатник» (инж. Б.А. Коршунов, Д.Е. Бабенков, Р.А. Петерфреунд, Д.Е. Жилин, 1928 г.)	Дом «Динамо» (арх. Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, 1930 г.)
Фотография 1930-х гг. **[12]**	Фотография 1930-х гг. **[11, л. 46, фото 5]**
Фотография 1930-х гг. **[12]**	Перспектива **[9, л. 2]**
Главный фасад **[2, с. 91]**	 Боковой фасад **[9, л. 3]**



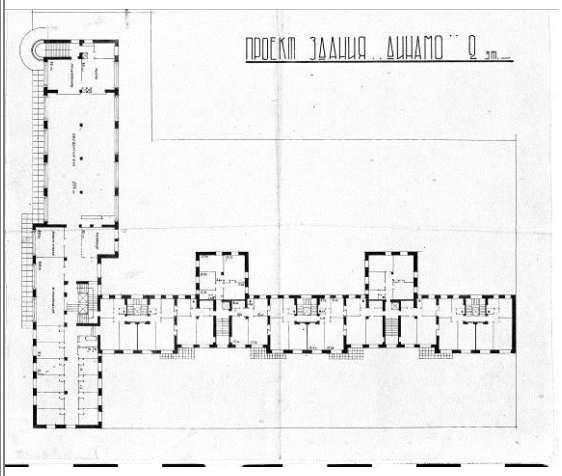
План 1-го этажа **[7, л. 3]**



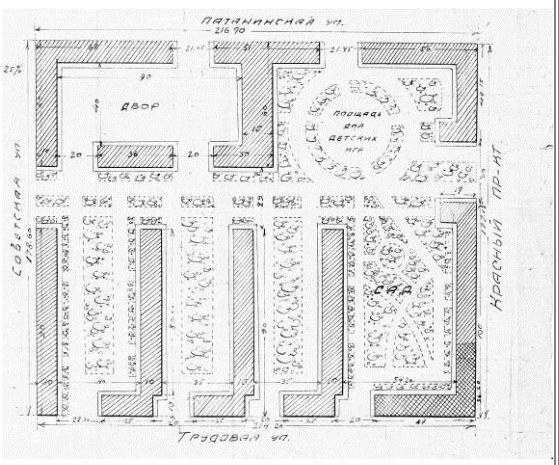
План 1-го этажа **[9, л. 5]**



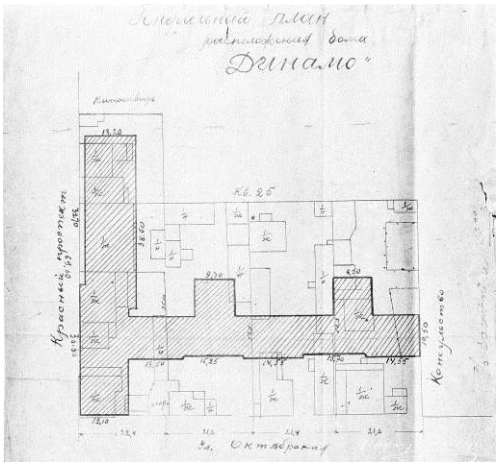
План 2-го этажа **[7, л. 4]**



План 2-го этажа **[9, л. 6]**



Генплан **[7, л. 1]**



Генплан **[9, л. 13]**

Библиографический список

1. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.

2. *Невзгодин И.В.* Архитектура Новосибирска: Первые крупные каменные здания, революционный романтизм, рационализм, функционализм, конструктивизм, архитектура переходного периода, хрущевский модернизм и интернациональный стиль эпохи застоя / И.В. Невзгодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 204 с.

3. *Косенкова Ю.Л.* Работа над проектами планировки Новосибирска в 1920–1930-е годы // *Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы* / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 202–229.

4. *Хиценко Е.В.* Архитектура жилых многоквартирных зданий Новосибирска периода НЭПа и первой пятилетки: учебное пособие / Е.В. Хиценко. – Новосибирск: НГАХА, 2008. – 103 с.

5. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 478.

6. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 528.

7. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 700.

8. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 827.

9. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 1043.

10. ГАНО. Ф. Р-1594. Оп. 1. Д. 28.

11. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. ФН. Оп.5.

12. Электронный ресурс: http://nsk-kraeved.ru

13. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 1996. – 1996. – 708 с.

14. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Кн. 2: Социальные проблемы / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 1996. – 2001. – 712 с.

15. *Духанов С.С., Журин Н.П.* Опыт изучения стиля и метода архитектурного проектирования советской эпохи (1917–1955 гг.): на примере рабочих клубов и Дворцов культуры Новосибирска / С.С. Духанов, Н.П. Журин; НГАХА. – Новосибирск, 2009. – 160 с.

Блинов Е.Н.
1041954@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.036/.038 (571.1)
ББК 85.118 (253)

ВКЛАД ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В АРХИТЕКТУРУ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-Х – 30-Х ГОДАХ XX ВЕКА

Аннотация. Работа посвящена влиянию зарубежных архитекторов и инженеров на формирование генеральных планов и архитектуры городов Западной Сибири в 20-х – 30-х годах XX века.

Ключевые слова: история архитектуры; зарубежные специалисты, первые пятилетки.

Исторический анализ. В конце 20-х – начале 30-х годов XX века в городах Западной Сибири (особенно, в Новосибирске и городах Кузбасса) достаточно результативным оказалось участие зарубежных специалистов, привлекавшихся на разных стадиях формирования новых индустриальных центров на востоке СССР.

В истории промышленного развития Западной Сибири в преддверии первой пятилетки заметная роль принадлежит Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК «Кузбасс»), у истоков которой стояли инженер-строитель из Голландии С.Ю. Рутгерс и члены американской профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» Г.С. Кальверт и У.Д. Хейвуд. Себальдом Рутгерсом был разработан проект, в котором предлагалось «привлечь группу иностранных рабочих и инженеров..., которая будет работать вместе с русскими рабочими и специалистами». Ей должны были быть «предоставлены в пользование все необходимые средства натурой, включая землю для крупного сельскохозяйственного предприятия, кирпичный завод, лес, промышленные предприятия для снабжения группы людей одеждой, обувью и т. д.». Из Америки намечалось доставить «все необходимое на первое время оборудование и машины», деньги на приобретение которых «должны были собрать участники предприятия» **[6, с. 94]**.

Инициаторы проекта «настаивали на том, чтобы предприятие было советским государственным предприятием с известной свободой внутренней организации», подчиненным непосредственно Совету Труда и Обороны. В октябре 1921 г. соглашение утверждается Политбюро РКП(б), СТО, Совнаркомом. По условиям заключенного договора, в распоряжение организованной группы Рутгерса передавались предприятия «Копикуза», к которым был присоединен Надеждинский завод на Урале. Советское правительство брало на себя обязанность выделить АИКу 300000 долларов для приобретения за границей крупного оборудования. Инструменты и мелкое оборудование, а также запас продуктов питания колонисты должны были привезти с собой. В ходе состоявшейся летом 1921 г. поездки членов организационной группы в Кузбасс было окончательно одобрено местонахождение будущей колонии. С 1924 г. в сферу деятельности АИК «Кузбасс» были включены Кольчугинский и Прокопьевский угольные районы и Гурьевский металлургический завод. С постановкой на обсуждение вопроса «о создании сибирского металлургического завода» был сделан шаг к осуществлению давних мечтаний инициаторов АИК «Кузбасс» о новой Рурской области или новом Питтсбурге» **[6, с. 98]**.

С первых дней существования, АИК «Кузбасс» выполнялась обширная строительная программа. В докладной записке Сибревкома СТО от 11.01.1921 г. – о целесообразности иммиграции американских рабочих в Кузнецкий бассейн –

содержались предложения о разрешении колонистам добычи песка, глины, извести, с предоставлением в эксплуатацию двух кирпичных заводов в г. Томске, о заготовке и доставке в Кемерово к весне 1922 г. «не менее 50000 бревен, потребных как для постройки новых жилищ прибывающих эмигрантов, так и для ведения работ в переходящих к ним предприятиях» **[5, с. 76]**.

О первых результатах работы АИК «Кузбасс» говорится в письме С.Ю. Рутгерса В.И. Ленину от 24 октября 1922 г.: «И все-таки был построен большой двухэтажный коммунальный дом, рассчитанный на 200 жильцов, половина которого вместе с общественной столовой уже находится в эксплуатации. Затем построили несколько домов и один барак и провели ряд ремонтных работ. Была построена лесопилка и оборудованы служебные помещения». К этому времени стремительные работы развернулись и в подсобном хозяйстве колонистов. «Было также положено начало нашему механизированному сельскому хозяйству – четырьмя тракторами было вспахано 1200 акров земли, а кроме того построено несколько зданий» – сообщал С. Рутгерс в том же письме.

В городах Кузбасса колонистами были запроектированы и выстроены общественные здания и жилые дома различных типов, в том числе одноэтажные двух- и четырехквартирные (деревянные и каменные). В 1926 г. для Прокопьевского рудника был выполнен проект капитального двухэтажного общежития для холостых рабочих на 138 человек (с общей кухней, столовой, читальным залом и красным уголком). Особенно плодотворной архитектурно-строительная деятельность колонистов становится в связи с пребыванием (с апреля 1926 г. по январь 1927 г. и с мая по сентябрь 1927 г.) в нашей стране известного голландского архитектора Йоханнеса Бернардуса ван Лохема, приезжавшего в СССР по приглашению С.Ю. Рутгерса. Итогами работы ван Лохема, ставшего руководителем архитектурного отдела АИК «Кузбасс», явились разработка оставшихся неосуществленными схем «планировки и расположения промышленных объектов Кемерова, Щегловска, Прокопьевска, Гурьевска и Кузнецка», а также создание ряда претворенных в жизнь проектов жилых и общественных зданий в Кемерове: дома для специалистов, блокированные домов – «колбас», школы с водонапорной башней, бани.

В своих сибирских работах ван Лохем ищет возможности органического сочетания функционалистского метода с нетривиально осмысленным опытом голландской и русской архитектуры. В проектах жилых зданий для Кузбасса, созданных ван Лохемом, был использован принцип блокировки[5], что «вызвало первоначально большое сопротивление у рабочих, привыкших к своим отдельно стоящим жилищам, или точнее лачугам, и находивших эту сомкнутую цепь домов отвратительной» (Цит. по Невзгодин И.В. Российско-нидерландские связи первой трети XX века в Урало-Сибирском регионе: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Новосибирск, 2002. – С. 15). Несмотря на то что «от проектирования шахт иностранными инженерами за границей, как это делалось в царской России, сразу отказались» и «было принято правильное решение проектировать шахты Кузбасса силами советских специалистов», причем «не в Москве, Ленинграде или в Донбассе, а на месте – в Западной Сибири, вблизи Кузнецкого бассейна» полного отказа от участия иностранных специалистов не произошло. Местонахождение «проектной организации» - будущего Государственного института по проектированию шахт и обогатительных фабрик (Кузбассгипрошахта), а на тот момент Сибирского филиала Гипрошахта – было определено в Томске, где располагались Тельбессбюро и

Сибирский технологический институт, «…научные силы, преподаватели и студенты старших курсов которого могли быть привлечены к проектированию».

В связи с этим событием, произошедшим на рубеже 1928–1929 гг., «в Томск прибыла небольшая группа советских специалистов», возглавляемая профессором, а в дальнейшем академиком, Л.Д. Шевяковым, в которую входили «А.Н. Бердихин, М.М. Дьяченков, И.А. Приходько и др., а также американские инженеры Котер и Пауль». Участники этой группы приступили «к подготовке и проектированию угольного Кузбасса». Наряду с этим «к работе по проектированию угольных шахт постепенно привлекались новые силы, в том числе значительное количество студентов – выпускников Томского технологического института, впоследствии ставших опытными специалистами, способными решать серьезные задачи, возникавшие в процессе проектирования, в то же время творчески используя как иностранный опыт, так и опыт старых русских инженеров» **[5, с. 7]**.

В годы первой пятилетки в проектировании кузбасских шахт «широко использовался опыт работников известной американской специализированной строительно-проектной компании Аллен-Гарсиа, работавшей по договору с Сибирским филиалом Гипрошахта, и отдельных иностранных специалистов, главным образом американцев и немцев: инженеров Сандекер, Маст, Нейгеборн, Сандельс, Матьюс, Брекеридж, Моленс и др., котрые работали до 1934 г.» **[5, с. 8]**.

Так как «гражданским проектированием Кузбассгипрошахт начал заниматься после переезда в Новосибирск, в 1933 г., выполняя небольшой объем работ по проектированию индивидуальных поселков при шахтах и по привязке отдельных зданий» **[5, с. 42]**, то влияние иностранных специалистов, работавших в этой организации, на архитектуру Кузбасса могло иметь скорее косвенный характер.

Наличие зарубежных специалистов, участвовавших в проектировании и строительстве Кузнецкого металлургического завода, находит свое выражение и в проектах советских архитекторов. Например, в проекте поселка при Кузнецком металлургическом заводе, выполненном летом 1930 г. архитекторами К.М. Соколовым А.М. Зальцманом, П.Н. Блохиным, для размещения домов иностранных специалистов, привлекавшихся для работы на заводе предусматривался специальный участок, расположенный в стороне «от общей сети жилых кварталов..., но в достаточной близости к центру города и заводской площадке». Работы для городов Западной Сибири составляют существенную часть архитектурно-планировочного наследия работавшей в Советском Союзе в начале 30-х годов бригады Э. Мая. В генпланах Новокузнецка, Тыргана, Щегловска, Ленинска последовательно воплощались основополагающие принципы функционализма, в сочетании с поисками новых форм расселения. Э. Маем были высказаны принципиальные соображения по поводу планировки Новосибирска, в связи с особенностями топографии, структуры, сложностью организации систем коммуникаций которого, он рекомендовал развитие генплана в «сателлитной» форме, т. е. в виде системы групп производств и жилья – поселков-спутников, имеющих общий культурный и административный центр **[7, s. 123]**. Группой Э. Мая были разработаны типовые проекты жилых домов, нашедшие применение в городах Кузбасса а также в Новосибирске (при застройке районов «Трикотажстроя» (1931–1933 гг.) и «Соцгорода» (1930–1931 гг.), в последнем случае - в переработанном виде) **[1, с. 57-58]**.

Выполненный бригадой Э. Мая проект планировки Новокузнецка и жилых домов «типа 1931 г.» были утверждены правительственной комиссией, возглав-

лявшейся председателем СНК РСФСР Д.З. Лебедем, 2 апреля 1931 г. и постановлением СНК СССР от 30 июня 1931 года. На основе временного соглашения от 12 декабря 1931 г. между Всесоюзным объединением жилищного строительства «Союзстандартжилстой» и управлением Кузнецкого металлургического комбината, Союзстандартжилстрой принимал на себя «все работы по проектированию и строительству социалистического города Новокузнецка. Наибольшее воздействие на застройку Новокузнецка оказал вариант Союзстандартжилстроя 1931 г. (Э. Май, В. Швагеншейдт). С учетом подлежащих исключению территорий, застройка города должна была вестись на двух площадках – «Северной» – с расчетным населением 55-60 тыс. человек и «Южной» – с населением 25-30 тысяч человек. В проекте предусматривалась возможность доведения общей численности городского населения до 100 тыс. жителей – «за счет увеличения этажности на «Южной» площадке. Общая площадь городской территории составляла 540 га, плотность населения достигала 170 чел. / га. По планировочной схеме главная улица «Северной» площадки соединяла между собой здание заводоуправления с пассажирской станцией Кузнецк, огибая «северный город» с запада и с юга. Второстепенные улицы, примыкавшие к главной магистрали, намечались в широтном направлении. После пересечения с железной дорогой, «соответственно суженная» главная улица «зигзагообразно» поднималась к «Южной» площадке. Центр города «со зданиями совета, профсоюзов, дворцов культуры, театром и т. д.», а также ВУЗ и техникумы свободно компоновались среди зелени на берегу р. Абы – на запад от основного массива застройки – «в самой живописной части будущего города» **[2, с. 16]**.

Приближение городского центра к промышленной зоне, расположение его «сбоку от города и вдали от вокзала» было подвергнуто критике со стороны В.Г. Давидовича, предлагавшего перенести центр Новокузнецка в среднюю часть северного массива селитебной территории **[3, с. 125]**.

Но «окраинное» расположение центра, под строительство которого отводилась площадка, «являвшаяся как бы продолжением города и запроектированных по направлению с востока на запад основных масс зеленых насаждений», создавало для него возможность дальнейшего пространственного развития (чего была лишена схема В.Г. Давидовича). Вместе с тем, подобное местоположение центра позволяло связать воедино северную и южную части селитебной зоны и производство. «Принцип квартальной застройки», положенный «в основу планировки города», предполагал, что «социалистический город является суммой отдельных кварталов, из которых каждый должен быть обеспечен всем необходимым для удовлетворения всех потребностей как материальных, так и культурных, проживающего в нем населения». Каждый квартал площадью в 36 га, с населением 9300 жителей (при норме 9 кв. м) помимо жилых домов с индивидуальными квартирами и общежитий», был «насыщен подсобными учреждениями, как то: яслями, детскими садами, лазаретом с изолятором, столовыми, как для общественного сектора, так и для индивидуального». На территории квартала были также представлены «культурный центр с клубом, кино, спортивной площадкой». «При клубе» имелись «свои ясли и детские сады», рядом с ним должен был находиться универмаг. Элементы торговой сети – «продмаги и универмаги» – были равномерно размещены по кварталам. Школы «на 100% охват» были запроектированы при каждом квартале **[2, с. 17]**.

Сходные планировочные принципы были заложены в основу генпланов Тыргана, Ленинска, Щегловска, эскизные проекты которых были закончены не позднее лета 1931 г. и в дальнейшем уточнялись и дорабатывались при участии Новосибирского филиала Стандартгорпроекта. Особенности рельефа и расположение угленосных территорий побуждали проектировщиков в каждом конкретном случае искать свою форму организации генплана.

В Ленинске массив застройки распадался на два образуемых кварталами строчной застройки прямоугольных блока, расположенных по разные стороны от имевшей направление север-юг главной улицы, вдоль которой группировались административно-культурный центр, стадион, больница, дома-коммуны. Внутри кварталов находились клуб со столовой, детские дошкольные учреждения, прачечные и распределители. Школьные здания, сохранявшие планировочную связь с жилыми кварталами, выносились в зеленую зону.

В Тыргане, рассчитанном на 90 000 жителей (бригада Цекомбанка, руководитель Э. Май, 1931 г.), часть жилых кварталов, имевших меридиональную строчную застройку, приобретала в плане конфигурацию не прямоугольников, а параллелограммов, что придавало всему генплану города более свободный характер.

Сугубо рационалистическим являлось планировочное решение Щегловска. Четкая ортогональная структура кварталов подкреплялась системой улиц и зеленых «коридоров», в которых располагались школы.

Помимо Щегловска (с населением в 130000 человек), на левобережье р. Томи предусматривался небольшой город Ягуново с 35000 жителей. В совокупности оба населенных пункта, вписывавшиеся в территорию современного Кемерова, имели суммарную численность населения 165000 человек. Проекту Щегловска сопутствовали тщательно разработанные схемы кварталов и системы общественного обслуживания, включающей (на квартальном уровне) ясли, детсады, школу, прачечную, «клуб-столовую».

Заключение. Опыт участия зарубежных инженеров и архитекторов в воплощении планов первой пятилетки оказался весьма результативным и показательным примером международного сотрудничества. Жаль, что столкнувшись с реалиями советской действительности и набиравшей силу бюрократией, большинство специалистов покинуло пределы не только Западной Сибири, но и СССР.

Библиографический список

1. *Белогорцев И.* Архитекторы Новосибирска: К 10-летию организации Новосибирского отделения Союза советских архитекторов. – Новосибирск, 1945. – 64 с.

2. *Гофман С.* Новые социалистические города Урало-Кузбасса. Планировка Новокузнецка // *Коммунальное дело*. – М., 1931. – № 9. – С. 16–17.

3. *Давидович В.Г.* Вопросы планировки новых городов. – Л.: ЛНИИКХ, 1934. – 191 с.

4. Организация автономной колонии американских рабочих «Кузбасс» (1921–1923 гг.) // *Исторический архив.* – М., 1961. – №2. – С. 67–98.

5. Проектирование предприятий Кузнецкого угольного бассейна: К истории развития Кузбасса 1917–1957 г. – М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по угольной промышленности, 1958. – 96с.

6. *Рутгерс С.* Встречи с Лениным // *Историк-марксист.* – М., 1935. – Т. 2/3. – С. 85–98.

7. *May Ernst.* Der Bau neue Stadte in der UdSSR // *Das neue Frankfurt*. – 1931. – № 7. – S. 117–135.

Блинов Е.Н.
1041954@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 711.4 - 16 (571.1)
ББК 85.118 (253)

СОЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ ГОРОДОВ КУЗБАССА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОКУЗНЕЦКА)

Аннотация – Статья посвящена проектам, созданным в преддверии разработки и в процессе реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства для одного из наиболее показательных индустриальных центров Кузбасса - Новокузнецка.

Ключевые слова: история архитектуры; индустриальный город, Западная Сибирь, Кузбасс, Новокузнецк.

Исторический анализ. Значительное число созданных в годы первой пятилетки генеральных планов для городов Кузбасса объясняется попыткой воплощения в жизнь идеи индустриализации юга Западной Сибири. Общие для региона принципы разработки генеральных планов можно наглядно проследить на примере Новокузнецка – наиболее динамично развивавшегося города Кузнецкого угольного бассейна.

Первый, созданный в 1928 г. бригадой Гипромеза, возглавлявшейся выпускником Академии художеств В.Н. Талепоровским, проект будущего Новокузнецка – тогда рабочего поселка при строившемся Тельбесском (Кузнецком) металлургическом заводе – сочетал в себе элементы города-сада с композиционными приемами градостроительства барокко и классицизма. Планировочная схема поселка определялась использованием лучевой системы, образуемой пятью радиальными «улицами и дорогами», исходящими из одного центра. Композиционным ядром являлась предзаводская площадь, формировавшаяся зданиями проходной, медпункта, столовой, гаража и пожарной части. На этой же площади находилось здание заводоуправления, служившее фокусом для лучевых направлений. Очевидно, таким образом создатели проекта пытались привнести в традиционную композиционную систему новый «производственный» пафос. Застройка центральной части поселка предполагалась «многоэтажными» домами – в 2–3 этажа.

При решении вопросов озеленения проектировщики, до известной степени, испытывали воздействие говардовских идей, что нашло отражение не только в наличии приусадебных участков, но и в тщательной проработке «зеленых зон». Основные лучевые магистрали озеленялись по типу бульваров. «Зеленые насаждения и бульвары» образовывали защитную зону между территорией завода и селитьбой, причем располагался зеленый защитный пояс на «заводском» берегу р. Абы, разделявшей заводскую и поселковую площади. Зеленые посадки, вклинивавшиеся между кварталами жилой застройки, использовались также «как противопожарные завесы». Наконец, с помощью зелени предпринималась попытка создать защитную зону для находившейся по отношению к заводу с подветренной стороны части селитьбы, возникшей на склоне холма и положившей начало «Верхней колонии».

Семьдесят процентов поселкового строительства, предусмотренного в данном проекте, предполагалось осуществить за счет металлургического комбината. Авторами проекта планировалась разбивка города «на кварталы чисто городского

типа, ...с квартирами, оборудованными ваннами, ватерклозетами и центральным отоплением, и на кварталы индивидуальных хозяйств, ...с отдельными огородами и хозяйственными дворами». Наличие двух типов жилищ объяснялось тем, что они должны были «отвечать культурным навыкам и требованиям рабочих завода и служащих, в число которых войдут и приезжие квалифицированные рабочие…, и местные жители края, культурный уровень которых недостаточно высок и не может быть резко повышен». Создатели проекта, «основываясь на местных условиях ведения хозяйства», предусмотрели даже «участки земли под выпас скота» **[3, с. 199]**.

Самое непосредственное влияние на градостроительные проекты, выполнявшиеся для региона в годы первой пятилетки, оказали теории Л. Сабсовича, ратовавшего за «путь коренной социалистической реконструкции быта на началах полного обобществления обслуживания бытовых и культурных потребностей рабочего населения», считавшего, что «в течение 5-8 лет мы сможем почти полностью уничтожить противоречия между городом и деревней», указывавшего на «необходимость сразу же приступить к созданию социалистических городов без каких-либо промежуточных форм» **[2, с. 17, 21]**.

Присутствие тех или иных составляющих выдвинутого урбанистами комплекса идей «соцгорода» в неравной степени проявляется и в проекте Левобережного Новосибирска, и в проектах бригад Стальпроекта и Бюро гражданских сооружений Кузнецкстроя для Новокузнецка, и в вариантах схемы планировки Щегловска, выполненных Проектно-техническим бюро Сибкрайкомхоза. Воздействие концепции урбанизма прослеживается в стремлении к решению проблем «обобществления быта» архитектурно-планировочными средствами, в проектировании жилых комбинатов и домов-коммун.

Наиболее концентрированным выражением основных постулатов теории урбанизма стал известный проект поселка при Тельбесском (Кузнецком) металлургическом заводе, выполненный А.А. и Л.А. Весниными для закрытого конкурса, объявленного в ноябре 1930 г. Кузнецкстроем. Среди участников конкурса были представлены творческие коллективы от АРУ, ВОПРА, Госпроекта и других объединений и организаций.

В проекте А.А. и Л.А. Весниных поселок на 35000 жителей, располагавшийся «на участке, прилегающем к заводской территории», планировочно был разделен на три «жилых сектора» – два, размещенных в заречной части, и третий, находящийся в непосредственной близости от завода. Композиционной осью поселка служило «обработанное бульварами» шоссе, соединяющее завод с железнодорожным вокзалом станции Кузнецк. На эту магистраль нанизывался «парк с культурно-просветительными учреждениями: домом культуры, кино и детским клубом».

У заводской проходной намечалась «предназначенная для празднеств», главная площадь, застройку которой формировали здания Дома советов, ВТУЗа и техникума, универмага, пожарного депо, гаража, почты и телеграфа.

Территория между заводом и рекой, к северо-западу от основного массива застройки, отводилась под «парк культуры и отдыха со стадионом, площадкой для допризывников и прочими учреждениями для игр и спорта». Планировался «местный парк с оранжереями и питомниками», располагавшийся «в восточной части, вокруг старого русла речки Абы».

Система озеленения дополнялась бульварами, «проходящими через жилые кварталы и образующими замкнутое кольцо зеленых насаждений». Несколько

изолированно проектировались «больничная группа» и «пищевой комбинат». Разбивка уличной сети, имевшая в основе ортогональную сетку, предопределялась меридиональной ориентацией жилых корпусов **[1, л. 8]**.

В полной мере идеи обобществления быта нашли свое воплощение в характере жилой застройки, задуманной братьями Весниными в виде домов-коммун.

Следующий проект поселка при Кузнецком металлургическом заводе был выполнен летом 1930 г. бригадой Новостали, в составе архитекторов К.М. Соколова А.М. Зальцмана, П.Н. Блохина, при участии в качестве консультанта известного градостроителя профессора В.Н. Семенова.

Основные расчетные показатели проектировщики принимали в соответствии с «Генеральным планом строительства Кузнецкого металлургического завода производительностью 505000 тонн», разработчиками которого частично использовалась методика расчета населения, примененная ранее в составленном Гипромезом «Предварительном проекте Тельбесского металлургического завода».

Главным отличием программ Гипромеза и Новостали являлось изменение (согласно постановлению Главчермета ВСНХ СССР от 15.10.1929) важнейшего исходного показателя – расчетной мощности Кузнецкого металлургического завода, повлекшее за собой «соответствующее увеличение как производственных рабочих, так и остальных групп трудящихся». Суммарная численность населения «заводского городка с прилегающими к нему поселками» была определена в 30-32 тысячи жителей к началу второй пятилетки и в 42–43 тысячи жителей к началу третьей пятилетки.

Как и в подавляющем большинстве прочих разрабатывавшихся для Новокузнецка генпланов, в проекте К.М. Соколова, А.М. Зальцмана, П.Н. Блохина проявлялась детерминированность планировочного решения города взаиморасположением строившегося металлургического завода и железной дороги.

Соединяющая заводскую проходную и станцию Кузнецк шоссейная дорога приобретала значение не только основной транспортной магистрали, но и главной планировочной оси, акцентировавшей роль завода, являвшегося «основной экономической базой города».

В основу системы транспортных магистралей была положена схема «массового городского передвижения», определяемая «движением рабочих между заводскими воротами и жилыми кварталами города». В целях «изоляции пешеходов от шума и пыли, являвшихся неизбежными спутниками оживленных улиц, а также для полной безопасности пешего движения», параллельно существующему шоссе, превращенному в основную транспортную артерию города», была запроектирована «пешеходная магистраль в виде бульвара», соединяющего привокзальную площадь с парком культуры и отдыха.

Пространство, заключавшееся между шоссе и бульваром, охватывающее «территориальный центр города», должна была связать «цепь площадей», на которых размещались «все городские сооружения общественного характера». Ведущая роль в системе площадей, образовывавших «со стороны шоссе целый ряд разнообразных и неожиданных перспектив, способствующих богатой архитектурной обработке этой части города», принадлежала административной площади с сосредоточенными вокруг нее зданиями: дома советов, Дворца Труда, почты, телеграфа, коммунальных учреждений».

Как и в проекте Гипромеза, 70% жилищного строительства предполагалось осуществить за счет завода, 30% – за счет индивидуальных застройщиков. Более

подробной разработке была подвергнута юго-западная часть массива жилой застройки, намечавшаяся к осуществлению в 1930 году. Общежития «для холостых и бездетных» планировочно выделялись в отдельную группу, располагавшуюся «несколько изолированно», близко к парку. Объединялись общежития, рассчитанные на 1850 человек, «общей столовой и физкультурным залом».

В парке культуры и отдыха предполагалось сосредоточение культурно-бытовых учреждений города: дворца культуры, театра, выставочных павильонов, стадиона, который намечалось использовать для «массовых манифестаций и народных празднеств», физкультурных площадок, плавательного бассейна, аттракционов, детских уголков. Наряду с этим парку отводилась роль мощного зеленого массива – «достаточно больших размеров для того, чтобы служить заграждающей зоной и гарантировать полную изолированность города от копоти и газов, выделяемых заводскими трубами».

Плотность населения, «приходившегося на 1 гектар площади, занятой жилыми кварталами», устанавливалась в проекте в 250 чел/га. Баланс городской территории, составлявшей 320 га, складывался следующим образом: 50% площади отводилось под жилые кварталы, 15% – под общественные здания, 20% – под озеленение общего пользования, 15% – под улицы и проезды.

«В порядке предварительной консультации», проект бригады Новостали был рассмотрен 1.08.1930 г. на совещании при НТС ГУКХа НКВД по вопросу планирования города Кузнецка при металлургическом заводе. По итогам заслушанных сообщений были сделаны следующие выводы: представленная схема проекта планировки была признана «в общем удовлетворительной»; зеленая защитная зона между городом и заводом была сочтена «непригодной для размещения стадиона и парка культуры и отдыха»; была отмечена гипертрофированность размеров административной площади.

Наряду с некоторыми дополнительными частными замечаниями, в протоколе совещания отмечался серьезнейший недостаток выбранного для строительства города участка – низменный характер и частичная заболоченность, исходя из чего, делался вывод о «безусловной непригодности» его для заселения. Однако, с учетом «интересов производства» – своевременного пуска завода и вытекающей из этого необходимости немедленного развертывания жилищного строительства, – участники совещания были вынуждены «высказаться за возможность использования участка... при непременном условии предварительного производства хотя бы частичных мелиоративных работ по приспособлению... указанного участка».

Очередным вариантом генплана Новокузнецка явился проект, созданный в 1930 г. Бюро гражданских сооружений Кузнецкстроя (архитекторы Абросимов, Данини, Куселиович, Никоркин, Шабров). В связи с новым директивным повышением производственных показателей строящегося металлургического завода (1200000 т чугуна, 1450000 т мартеновских слитков, 1130000 т проката), расчетная численность населения была увеличена до 145000 жителей, из которых 139-140000 должны были быть расселены в г. Новокузнецке, 3000 – в поселке «Верхней колонии», 3000 – в поселке при Араличевских угольных копях.

В целом Новокузнецк проектировался «как город социалистического типа», жилая застройка в котором предполагалась в виде домов-коммун (13%) и общежитий (12%), организуемых на основании «полного обобществления бытовых нужд проживающего в них коллектива», а также «жилых комбинатов с индивидуальны-

ми квартирами», предназначенными для «тех групп населения, которые будут придерживаться форм существующего бытового уклада».

Прорабатывая вопросы организации системы общественного обслуживания, авторы руководствовались стремлением «к обобществлению быта» ради «освобождения семьи от домашнего хозяйства». При создании системы «воспитания и образования», была принята установка на постепенный переход «к общественному воспитанию детей, начиная с рождения». В проекте неукоснительно проводился принцип связи общего и «политехнического» образования. Благодаря этому еще сильнее акцентировалась роль производства в жизни города.

По замыслу проектировщиков, «фабрично-заводское предприятие» должно было являться «одновременно и школой и лабораторией научно-технической мысли для всего взрослого и подрастающего населения города». Воспитательно-образовательные учреждения подразделялись на ясли, детские сады, школы первого, второго и третьего звена, школы фабзавуча, техникумы и, наконец, институт «черной и цветной металлургии».

Культурно-просветительные функции были сконцентрированы в клубах разного уровня: местных (при домах-коммунах), районных – на 1250 чел., центральном Доме культуры – на 7000 чел., «с единой ареной…, залом для драматических и оперных постановок».

Отличались обширностью планы по строительству спортивных сооружений. «Система физкультурного воспитания» была ориентирована «на полное удовлетворение всех запросов населения в этой области» и включала в себя, помимо входящих в общественный сектор каждого квартала «основных ячеек физкультурного развития», приближенных к «жилью трудящихся», Дом физкультуры, центральный стадион на 10000 чел. с водной базой, летней спортплощадкой, «мотовелокроссом» и тиром, два районных стадиона – каждый на 3000 чел.

Административные учреждения в городе намечались в следующем составе: Дом советов, объединяющий «все наиболее важные партийные и административно-хозяйственные учреждения», Дворец труда, дом связи, райкомбинаты, служившие средоточием «административно-общественных учреждений, необходимых для жизни каждого района», «дом социальной охраны», являвшийся ни чем иным как тюрьмой, рассчитанный на «150 заключенных, или 1/10 % всего населения».

Заслуживает внимания аргументация авторов пояснительной записки к проекту, объяснявших «такой небольшой процент» заключенных тем, что «в социалистическом городе, где все население будет трудовое охваченное профсоюзами, ведущими усиленную культурно-просветительную работу, сознательность в связи с этим, возрастет и количество преступности сократится». В качестве доводов приводилось также «отсутствие нетрудового элемента, беспризорных» и «безусловная трезвость населения, так как социалистический город немыслим в прежних условиях пьянства».

В центрах намеченных пяти районов города предусматривались площади с административными и коммунальными учреждениями районного значения – райкомбинатом, школой, клубом, диспансером. Более мелкой структурной единицей системы обслуживания в проекте выступал «квартал», сочетавший в себе жилые дома разных типов: дома-коммуны, общежития, многоквартирные дома «с сокращенным количеством кухонь» и общественные сооружения: ясли, детские сады, школьные комбинаты, столовые. На территории квартала должны были находить-

ся «местные распределители, красные уголки, парикмахерские и т.п.», размещавшиеся в первых этажах зданий. Помимо указанных объектов, в квартале проектировались «площадки для общественных сборов и игр», дворы для гаражей и «других хозяйственных построек». Обособленно решались в проекте участки пищевого комбината, больницы, военного городка, ВУЗа. Озеленение проектировалось в виде парка на месте входившего в городскую черту «Мохового болота» и насаждений «по линии границ города» и берегам р. Абы, изолировавших селитьбу от воздействия промышленных предприятий.

Заключение. Созданные в рассматриваемый период для Новокузнецка (как и в целом для городов Кузбасса) проекты генеральных планов объединяет стремление авторов воплотить в жизнь новые градостроительные принципы. Изначально проектировщики были вдохновлены идеей города-сада, но вскоре на смену приходит теория урбанизма, воплощенная в различных формах во всех созданных в годы первой пятилетки проектах сибирских городов.

Библиографический список

1. К планировке поселка при Тельбесском заводе // *Современная архитектура*. – М., 1930. – №3. – Л.8.

2. *Сабсович Л.М.* СССР через 10 лет. – М.: Моск. рабочий, 1930. – 123 с.

3. Тельбесский металлургический завод. Предварительный проект. – Б.м., Б.г. – Ч.II. Тезисы экономического обоснования проекта. – 226 с.

Меерович М.Г.
memark@inbox.ru
ИрГТУ, г. Иркутск, Россия

УДК 711
ББК: 85.113

ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 1. БАРАКИ

Аннотация. В статье обобщаются выявленные исторические сведения о возведении бараков в соцгородах-новостройках первых пятилеток. Сформирована типология бараков. Представлены сведения о территориальном расположении барачных поселков и их квартальном планировочном структурировании.

Ключевые слова: соцгорода-новостройки; бараки; массовое жилищное строительство первых пятилеток.

Массовое жилищное строительство в СССР известно лишь в связи с политикой Никиты Хрущева, когда в большом количестве в Советском Союзе начали возводиться 5-этажные панельные дома. Однако и до него, в период сталинской диктатуры, существовало подлинно массовое строительство нескольких типов жилищ. Прежде всего это бараки. Описание данного типа массового жилища, составлявшего основной объем жилого фонда соцгородов-новостроек, почти полностью отсутствует в научной литературе.

В СССР насильственная урбанизация периода индустриализации основывалась на искусственно ускоренном росте псевдогородского населения соцгородов-новостроек. Основным типом массового жилищного строительства на промышленных новостройках начального периода индустриализации были бараки. В них обитало от 85 до 93% населения промышленных новостроек. Вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с данным типом домостроений. Их проектирование и массовое возведение были вызваны их предельной дешевизной и стремлением власти возвести как можно больше жилой площади за как можно меньшие средства для того, чтобы скорее ввести в строй предприятия военно-промышленного комплекса.

Бараки по материалу стен подразделялись: 1) на камышитовые (соломитовые), 2) дощатые (деревянные), 3) щитовые, 4) фанерные, 5) каменные, 6) дуковые и т.п.

1. Камышитовые (соломитовые) бараки представляли собой каркасную деревянную конструкцию, к которой крепились деревянные щиты, обшитые слоем камышита (толщиной до 6 см). Стены штукатурились с обеих сторон *(рис. 1, 2)*.

Для защиты от осадков, в целях продления срока эксплуатации дощатые бараки часто обшивались дранкой и штукатурились *(рис. 5, 6)*.

2. Дощатые, сколачивались из досок по деревянному каркасу из бруса или бревен *(рис. 3, 4)*.

3. Щитовые бараки широко использовались в поселениях-новостройках, потому что были стандартизированы и, как следствие, быстры в изготовлении комплектующих деталей и сборке **[8]** *(рис. 7, 8)*. Деревянные щиты, из которых монтировались стены бараков, могли быть: а) пустотелыми – в них использовались теплоизоляционные свойства воздушных прослоек; б) заполненными различными утеплителями. Щитовые бараки, как и деревянные,

либо оштукатуривались, либо оставались неоштукатуренными *(рис 9, 10)*.

4. Фанерные, проектировались двух разновидностей: а) возводимые на месте (неразборные) с применением листов фанеры, б) сборно-разборные из фанерных щитов. Так, например, торфо-фанерный сборно-разборный барак конструкции В.А. Андреевского (спроектирован по заказу военного ведомства в 1929 г.) изготавливался из листов фанеры (5 мм), между которыми был зажат слой сфагнума (5 см) *(рис. 11)*.

5. Каменные были «побочным» продуктом рытья котлованов под фундаменты цехов промышленных комбинатов, в ходе которого извлекался естественный (так называемый дикий) камень, который и использовался для жилищного строительства **[6, л. 49]**. Камня было немного, поэтому и бараков из него строилось тоже немного. Например, в Магнитогорске несколько штук каменных бараков было построено только в 1929–1930 гг., когда шло рытье котлованов под цеха завода.

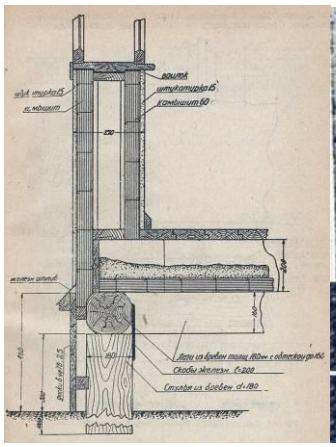


Рис. 1. *Конструкция камышитового барака кооперативного товарищества «Ленинград-НОРД». Источник: Васильев Б.Ф. Сборные и разборные конструкции деревянных зданий. (Обзор и критическая оценка). М.–Л., 1931. 112 с. С. 83*

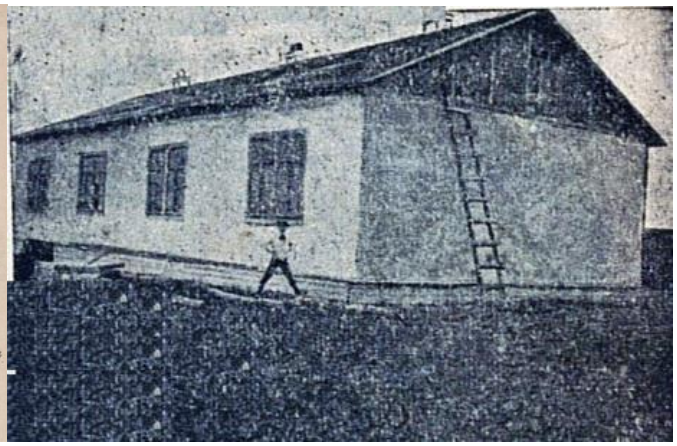


Рис. 2. *Барак (производитель: Кооперативное товарищество «Ленинград-НОРД»). 1930 г. Источник: Васильев Б.Ф. Сборные и разборные конструкции деревянных зданий. (Обзор и критическая оценка). М.–Л., 1931. 112 с. С. 82*

Рис. 3. *Соцгород Кузнецк. Дощатые бараки. Источник: Предоставлено И.В. Захаровой*

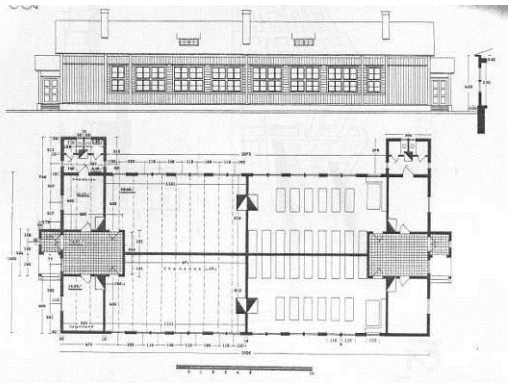


Рис. 4. *Барак (1-этажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929 г. Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270 с. С. 203*

Рис. 5. *Барак (1-этажный, деревянный, оштукатуренный) на 60 человек Проект. 1929. Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270 с. С. 203*

Рис. 6. *Поселок первостроителей Челябинского ордена Трудового Красного Знамени станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. Оштукатуренные по дранке дощатые бараки. Источник: Поселок первостроителей ЗСО [Электронный ресурс]. URL: http://eh-la-bas.livejournal.com/2398.html)*

Рис. 7. *Щитовой барак (тип Щ-11) – общежитие для одиноких. Источник: [Электронный ресурс] URL: http://s16.photobucket.com/user/chmelnizki/media/Architektura/Stalingrad_Doma_ASSR_N10-45-600_zps8a9525fe.jpg.html*

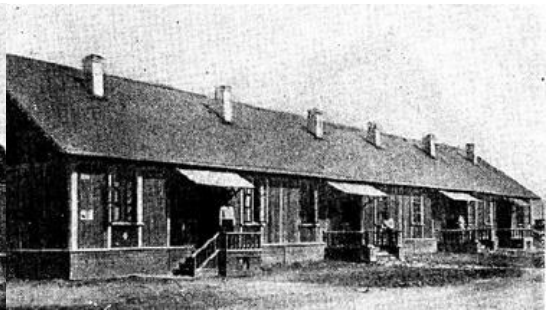


Рис. 8. *Щитовой барак (тип Щ-10) – общежитие для семейных (с отдельными входами в индивидуальные жилые помещения). Источник: [Электронный ресурс] URL: http://s16.photobucket.com/user/chmelnizki/media/Architektura/Stalingrad_Doma_ASSR_N10-45-600_zps8a9525fe.jpg.html*

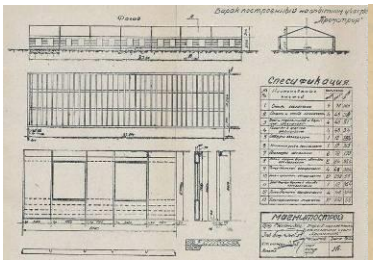


Рис. 9. *Щитовые бараки Магнитостроя. 1930. Источник: Тищенко Ф.В. Новые методы производства строительных работ. Одноэтажные каркасные строения (Опыт Магнитостроя). Свердловск, Магнитогорск: Урал. обл. гос. изд-во, 1932. 46 с.*

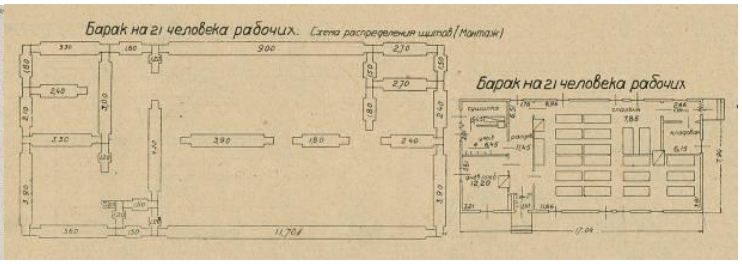


Рис. 10. *Щитовой барак на 21 человека. ИННОРС (не позднее 1931 г.). Источник: Сборные деревянные дома (конструкции). Альбом. М.-Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931. 208 с. С. 21*

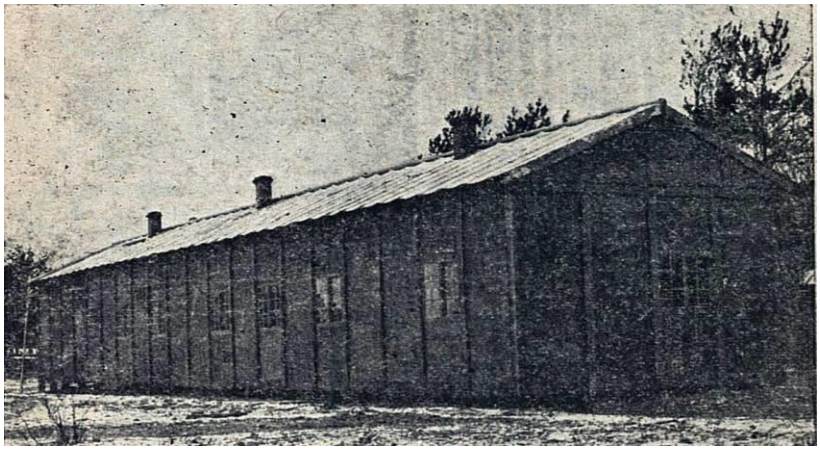


Рис. 11. *Фанерный (сборно-разборный) барак конструкции инж. Андреевского. Конец 1920-х гг. Источник: Васильев Б.Ф. Сборные и разборные конструкции деревянных зданий (Обзор и критическая оценка). М.–Л., 1931. 112 с. С. 78–80*

По характеру возведения бараки можно подразделить: а) на сборные и б) несборные. Проекты сборных бараков в канун и в начале первой пятилетки разрабатывались различными проектными, исследовательскими и иными организациями: Стандартдомом (Союзлеспром), Институтом норм и стандартов, Росстроем ВСНХ РСФСР, Стройсектором Госплана РСФСР и др. **[7]** *(рис. 12)*. Так, например, изданный в 1931 г. альбом «Сборные деревянные дома (конструкции)» содержал несколько проектов сборных бараков, рекомендованных к строительству в поселениях-новостройках. Проекты бараков для строительства в рабочих поселениях-новостройках первой пятилетки также предлагал и альбом «Проекты рабочих жилищ» Цекомбанка **[5, с. 104]**.

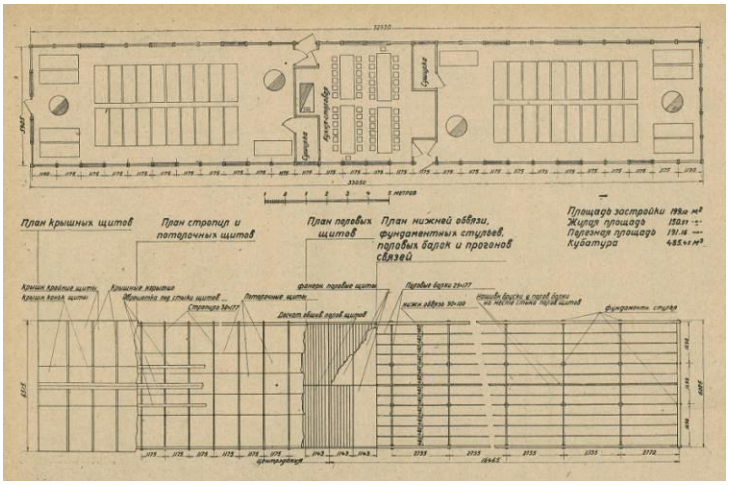


Рис. 12. *Фанерный (неразборный) барак на 50 чел. Союзлеспром. Стандартдом (не позднее 1931 г.). Источник: Сборные деревянные дома (конструкции). Альбом. М.–Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931. 208 с. С. 91*

Другие типы временных жилищ. Каждая промышленная новостройка начиналась с возведения примитивных жилищ для ее рабочих. Это были: а) палатки, которые обкладывались досками и присыпались землей для удержания тепла, б) землянки, в) полуземлянки, г) юрты, д) балаганы, е) шатры **[1, с. 28]** и пр.

Так, например, в сентябре 1930 г. в соцгороде Магнитогорске в палатках

обитало около 2000 рабочих **[4, с. 64–65]**. И в следующем 1931 г. приблизительно 1350 рабочих коксохимического завода продолжали жить в палатках **[3, л. 11]**. Исследователи И.В. Антипова и М.И. Школьник указывают на то, что летом 1931 г. в Магнитогорске в палатках проживали около 10.000 чел. *(рис. 13)*.

Землянки представляли собой домик со стенами из двух рядов досок, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, потом – толь, а потом слой глины, на который ветер наносил земляную пыль, и летом на ней росла трава» *(рис. 14)*.

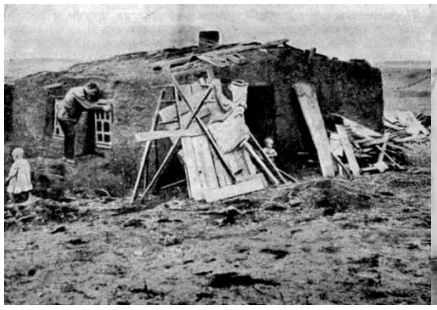


Рис. 13. *Соцгород Магнитогорск. Землянка. Источник: Предоставлено В.А. Токаревым*

Рис. 14. *Палаточный лагерь первостроителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. Начало 1930-х гг. Источник: USSRimbau, 1932. №1*

Полуземлянки имели две части: нижнюю часть (которая снаружи присыпалась грунтом и, тем самым оказываясь под землей, лучше сохраняла тепло) и верхнюю. В местах бедных лесом обе части делались из щитов, сплетенных из веток прибрежного ивняка какой-нибудь близлежащей реки. Щиты устанавливались на деревянных каркасах, а пространство между ними забивалось глиной (ее добывали и зимой из-под полутора-, двух-, двух с половиной метрового слоя промерзшего грунта). Сверху на крышу укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн **[10]** *(рис. 15, 16)*.

В юртах обитало кочевое население, принудительно перемещаемое на стройки пятилетки и принуждаемое к оседлой жизни *(рис. 17)*. Балаганы и шатры возводились практически на всех стройках первой пятилетки из подручного материала в качестве временных летних прибежищ *(рис. 18)*.

Постепенно – на протяжении нескольких лет – рабочих из утепленных палаток, землянок и полуземлянок переселяли в бараки. Так, в течение 1929 г. в Магнитогорске для размещения 6700 строителей **[2, с. 25]** было возведено 52 барака (37 зимнего и 15 – летнего типа) **[9, с. 41]**. На 1 января 1931 г. было возведено 140 общих и 55 смешанных бараков. В 1931 г. было запланировано выстроить еще 221 общий барак. Подобное строительство велось и в Кузнецке, и в Челябинске, и в других соцгородах и соцпоселках. В Нижний Тагиле, например, на 1 мая 1933 г. из возведенных 51268 кв. м жилой площади – 44294 кв. м (то есть 86%) – это бараки.

Расположение на территории. Барачные поселки при заводах-новостройках представляли собой, как правило, одну или несколько обособленных групп строений *(рис. 19, 20)*. Каждая из них состояла из регулярно расставленных бараков. Часто среди них размещались объекты обслуживания (клуб, столовая, магазин, баня, почта и т.п.), располагавшиеся в таких же бараках.

Барачные поселки крупных соцгородов-новостроек разделялись на несколько участков, своеобразных «кварталов», имевших свои номера**.** Они и возводились на месте запроектированных кварталов капитальной (каменной, деревянной) застройки. Так, житель Л. Николаев вспоминал, что барачные поселки Магнитогорска делились на крупные участки, имевшие номера с 1 по 14. Первый участок был «элитным». Он располагался юго-западнее городского парка Металлургов, стадиона и проспекта Пушкина и простирался до клуба Железнодорожного транспорта. Элитным он считался потому, что в нем размещались городские магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит», открывшийся в августе 1932 года. <…> Самым крупным участком был пятый, который расположился севернее будущего проспекта Пушкина **[9, с. 45]**.

Бараки, как правило, устанавливались параллельно друг другу, на расстоянии 20–30–50 м. Туалеты в бараках отсутствовали. Поэтому в пространстве между бараками строили наружные туалеты – дощатые строения на два отделения (мужского и женского) по 4–6 посадочных мест каждое. Рядом располагались ящики для мусора и бытовых отходов **[9, с. 45].** Здесь же, в пространстве между бараками, возводились вспомогательные деревянные строения – сараи, которые назывались «будками». В них жители хранили дрова и уголь. Позднее в сараях-«будках» разводили птицу, кроликов и даже держали коров.

Рис. 15. *Магнитогорск. Полуземлянка. Источник: Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей»*

Рис. 16. Соцгород Уралмаш. Полуземлянки первых строителей. *Источник: Ударная стройка [Электронный ресурс]. URL: http://biblio28.ru/kraevedenie/pamyatnyie-mesta/iz-istorii-rajona.html*

Рис. 17. *Магнитогорск. Юрта. Источник: Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей»*

Рис. 18. *Балаганы. Жилой лагерь казахов – рабочих ОрскогоЛокомотивстроя. 1934 г. Источник: Архив Баухауза (Германия)*

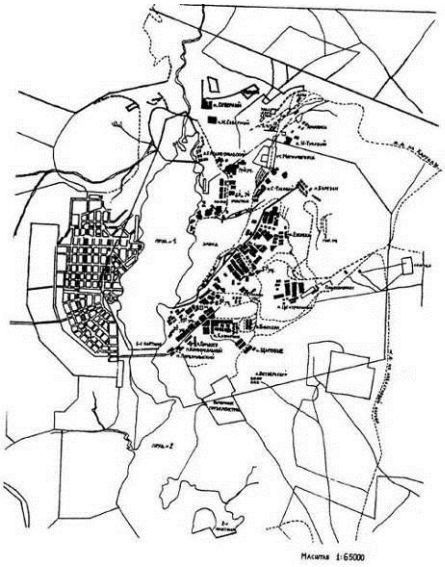


***Рис. 19**.Соцгород Магнитогорск. Барачные поселки (обозначены черным). 1933–1934 гг. Источник: Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. … канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. 249 с. Приложение 2*

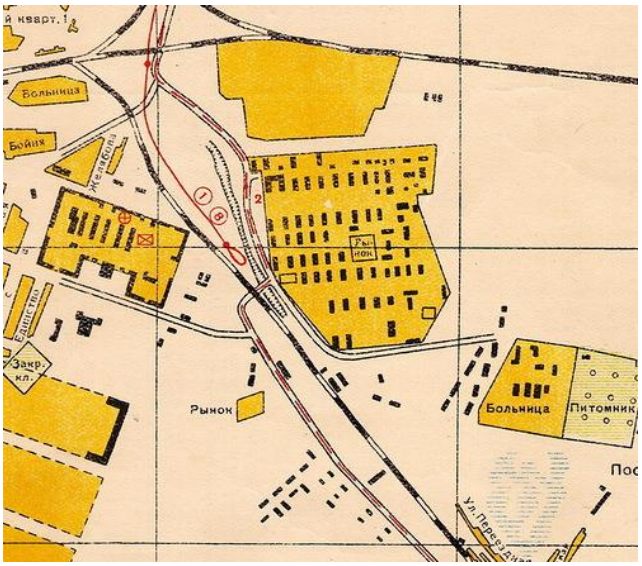


***Рис. 20**. Барачный поселок первостроителей Челябинского ордена Трудового Красного Знамени станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. План. 1931–1932 гг. Источник: Поселок первостроителей ЗСО [Электронный ресурс]. URL: http://eh-la-bas.livejournal.com/2398.html)*

Внутренняя планировка и заселение бараков. Барак представлял собой 1-этажное коридорного типа здание *(рис. 21)*, вход в которое осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры *(рис. 22)*. В особенно длинных бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась.

***Рис. 21.** Летний барак в Кузнецкстрое (1929). Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929–1945). [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html*

***Рис. 22.** Барачный поселок Челябинского ордена Трудового Красного Знамени станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. Входы в бараки из тамбуров, пристроенных с торцов. Источник: Поселок первостроителей ЗСО [Электронный ресурс]. URL: http://eh-la-bas.livejournal.com/2398.html)*

В каждом бараке, в помещении площадью около 30 кв. м, размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стулья, на стенах висели портреты Сталина и других пролетарских вождей, а также награды коллектива барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. В этом помещении школьники выполняли свои домашние задания. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, кроме которого в каждом бараке был «старший», выбранный барачным коллективом **[9, с. 49–50]**.

Бараки заселялись отдельно, по половому признаку – либо неженатыми мужчинами, либо незамужними женщинами. «…На строительство приезжали в основном мужчины, в бараках для них устраивались большие комнаты по 15–20 человек в каждой» **[9, с. 46]** *(рис. 23, 24)*.

***Рис. 23**. Соцгород Магнитогорск. Бараки. Интерьер. Источник: Меерович М.Г. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 145–146*

***Рис. 24**. Соцгород Магнитогорск. Барак для ударников. Интерьер. 1931 г. Источник: Ларин Ю. Показательная роль Магнитогорска в коммунальном и жилищном хозяйстве // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. №1. С. 33–34. С. 33-а*

Те труженики соцгородов-новостроек, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде, а также активность в советско-партийной общественной деятельности, имели шанс получить обособленное жилое помещение (с отдельным входом) в семейных бараках. Эти бараки были аналогичной конструкции и размеров, что и для холостых рабочих, только внутреннее пространство было поделено на изолированные комнатки площадью по 12–15 кв. м. В каждом бараке было 30–36 таких комнат. «При наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (палати) для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто в комнатах под полом обитатели самостоятельно устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты

оставались незапертыми и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми **[9, с. 46]**.

Бараки – общежития для холостых и семейных, строились без кухонь. Питались рабочие в столовых, которые устраивались в таких же бараках. При входе в барак проверялись карточки и каждому выдавалась деревянная ложка. Как правило, рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди **[9, с. 46].**

В таких же бараках, в каких устраивались столовые (только укорачиваемых по длине), размещались и другие объекты обслуживания – клуб, почта, временный автогараж, конюшня, пожарные депо, прорабская контора, магазин, пекарня, детские ясли *(рис. 25, 26).*

Рис. 25. *Соцгород Магнитогорск. Столовая для строителей плотины №1. Источник: Предоставлено В.А. Токаревым*

Рис. 26. *Поселок первостроителей Челябинского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. Почта. Источник: Поселок первостроителей ЗСО [Электронный ресурс]. URL: http://eh-la-bas.livejournal.com/2398.html)*

Заключение. Советское градостроительство материализовало в конкретной структуре обитаемого пространства государственные постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. Поэтому соцгорода-новостройки имели планировочное членение селитьбы на барачные поселки, разделенные на «кварталы», что обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и заводскими парткомитетами, облегчало руководство трудовыми процессами и контроль над бытовыми, позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов, упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности или призыв на военную службу. Кроме того, в них строилось незначительное количество 2-этажных 8-, 16-квартирных жилых домов для специалистов и начальства.

Проектирование и строительство жилища в СССР являлись мощнейшим средством осуществления государственной промышленной политики. Массовое строительство жилья осуществлялось исключительно государством, в полном соответствии с генеральной линией власти на ускоренное возведение военно-промышленных предприятий. «Искусственная» насильственная урбанизация в СССР была неразрывно связана с этим процессом и являлась лишь побочным продуктом индустриализации, в рамках которой человек рассматривался всего лишь как еще один «природный ресурс», который следует использовать в интересах государства.

Бараки, возводимые в соцгородах-новостройках в период первой пятилетки и потом – вплоть до 1970-х гг., выражали и воплощали эту доктрину, закрепляя реальную (в отличие от идеологически декларируемой) социально-стратовую дифференциацию населения: а) на начальство (2–3%), б) технических специалистов (10–15%), в) трудовые массы (85–90%), которое и расселялось в барачные поселки соцгородов-новостроек. Комплектование трудовыми ресурсами соцгородов-новостроек первых пятилеток (1920–1940-е гг.), часто возводившихся на пустом месте – в степи, тайге или пустыне, было невозможно без массового строительства жилища. Бараки были единственным средством дать крышу над головой сотням тысяч людей, перемещаемым на стройки пятилетки.

Библиографический список

1. Были индустриальные. (Очерки и воспоминания). М.: Политиздат, 1979. – 408 с.
2. *Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е.* Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В.И.Ленина. – М.: Мысль, 1978. – 280 с.
3. ГАРФ. Ф. Р-7592. Оп. 5. Д. 304; Магнитогорский комсомолец. – 1931. – 16 октября (Цит. по Макарова Н.Н. – С. 64–65).
4. *Макарова Н.Н.* Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Магнитогорск, 2010. – 280 с.
5. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. – М., 1929. – 270 с.
6. РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104.
7. Сборные деревянные дома (конструкции). Альбом. – М.-Л.: Гос. научн.-техн. изд-во, 1931. – 208 с.
8. *Тищенко Ф.В.* Новые методы производства строительных работ. Одноэтажные каркасные строения (опыт Магнитостроя). – Свердловск-Магнитогорск: Урал. обл. гос. изд., 1932. – 46 с.
9. *Федосихин В.С., Хорошанский В.В.* Магнитогорск – классика Советской социалистической архитектуры. 1918–1991 гг. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 1999. – 168 с.
10. ЧМК: история сталинского долгостроя [Электронный ресурс]. – URL: http://community.livejournal.com/su_industria/713.html#cutid1.

Меерович М.Г.
memark@inbox.ru
ИрГТУ, г. Иркутск, Россия

УДК 711
ББК: 85.113

ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 2. ДВУХЭТАЖНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ 8- И 16-КВАРТИРНЫЕ ДОМА – ЖИЛЬЕ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Аннотация. В статье обобщаются выявленные исторические сведения о возведении 2-этажных деревянных 8- и 16-квартирных домов в соцгородах-новостройках первых пятилеток. Представлены сведения о планировочных и конструктивных особенностях данного типа домов.

Ключевые слова: соцгорода-новостройки; двухэтажные деревянные 8- и 16-квартирные дома; массовое жилищное строительство первых пятилеток.

Исследование данного типа домостроений выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Агломерации: расселенческая доктрина в России сегодня и 100 лет назад (учет исторического опыта при принятии современных решений)», проект № 08-01-00512а. 2009. В статье использованы материалы дипломного проекта по специальности «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия», выполненного в Иркутском государственном техническом университете (дипломник А.В. Сидоренко, руководители – проф. М.Г. Меерович, доц. А.К. Чертилов).

Этот тип жилья в соцгородах-новостройках первой пятилетки занимал второе место по объемам массового жилищного строительства. Его проектирование и возведение, так же как и строительство бараков, до сих пор остаются практически неизученными, потому что в глазах исследователей интерес к нему всегда отступал на второй план перед описанием экспериментов первого десятилетия советской власти и первой пятилетки с монолитным железобетонным, сборным, шлакоблочным, деревобетонным, термолитовым и прочим жилищным строительством.

Двухэтажные многоквартирные жилые дома качеством планировки, уровнем благоустройства и степенью «комфорта» значительно отличались от бараков, общежитий и домов «облегченной конструкции». Однако в реальности они не предназначались для заселения основной массой трудящихся, а строились для размещения семей иностранных и советских технических специалистов, заводских руководителей среднего звена, служащих высшей квалификации (передовиков производства), партийно-административного начальства. В них проживало не более 10-15% населения. Практически все дома имели печное отопление. На приводимых ниже иллюстрациях расположение печей обозначается прямоугольниками или квадратами с заливкой по диагонали.

По материалу стен они, так же как и бараки, подразделялись: 1) на каркасно-камышитовые (соломитовые), 2) каркасные (брусово-каркасные), 3) бревенчатые, 4) брусчатые, 5) глиняно-деревянные **[2, л. 105]** и т.п. Кирпич в строительстве этих домов применялся редко – он шел на возведение промышленных зданий и 3–5-

этажных многоквартирных жилых домов.

1. Каркасно-камышитовые (соломитовые) дома представляли собой деревянный каркас с заполнением матами из камыша или соломы с последующей штукатуркой или обмазкой глиной. Так, например, в соцгороде Каменске-Уральском возводились без кухонь и санузлов 2-этажные каркасно-камышитовые дома, которые предназначались для покомнатно-посемейного заселения некоторой частью руководителей среднего звена. Эти дома маркированы литерами: А-8, А-18, А-24, где буква «А» обозначала принадлежность домов к Алюминиевому комбинату, который и выступал застройщиком жилья для своих рабочих, а цифра указывала на количество квартир в доме. Каркасно-камышитовые дома серии А-8 – секционные, с печным отоплением, без водоснабжения и канализования **[1]**.

2. Каркасные (брусково-каркасные) – каркас из досок или брусков, обшитый досками с последующей обивкой рейкой (дранкой) и оштукатуриванием. Проектировались и строились 8- и 16-квартирными *(рис. 1, 2)*.

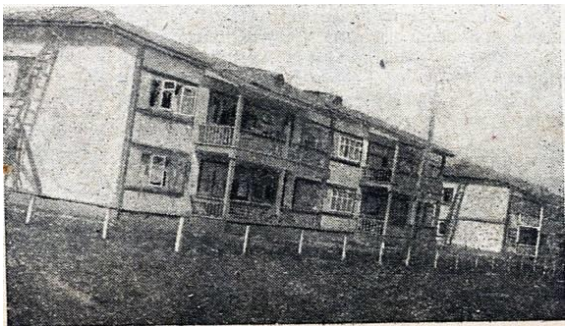


Рис. 1. *Соцгород Магнитогорск. Каркасные дома на 1-м участке. 1931 г. Источник: Ларин Ю. Показательная роль Магнитогорска в коммунальном и жилищном хозяйстве // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. №1. С. 34*

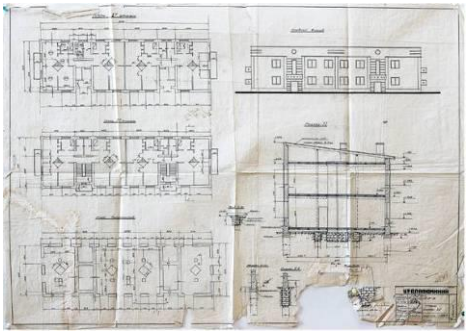


Рис. 2*. Брусково-каркасный жилой дом. БК-8. «Уралалюминий» УАЗ, Проект. 1935 г. Источник: Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2009. №3 (27). URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1*

3. Бревенчатые рубились «в лапу» (с зашивкой углов досками), фундаменты были ленточными, из бутового камня или кирпича. Обшивка досками деревянных наружных стен осуществлялась в целях утепления (защиты от продувания), а также из эстетических соображений *(рис. 3)*.

4. Брусчатые стали появляться по мере развития механизации в производстве строительных материалов, в частности, с появлением качественного лесопильного оборудования *(рис. 4)*.

Бревенчатые и брусчатые 2-подъездные бревенчатые дома со стартом индустриализации получили наибольшее распространение. Помимо 8-квартирных *(рис. 5)* строились и 16-квартирные (общая площадь 430–480 кв. м; кубатура 2400–2600 куб. м). Их планировка, как правило, включала: а) 2–3-комнатные (общая площадь 32–48 кв. м) и б) 3-комнатные квартиры (общая площадь около 52 кв. м). Жилые комнаты – 10–22 кв. м *(рис. 6)*. Эти квартиры фактически вплоть до 1950-х гг. заселялись покомнатно-посемейно, то есть по 8–14 человек в квартиру (по 2–3 семьи при среднем составе семьи в 4 человека).

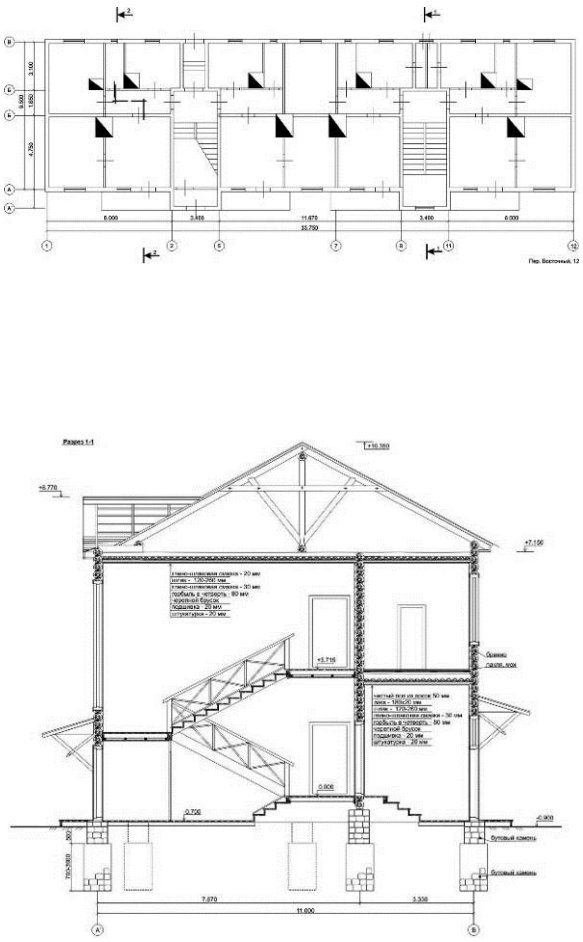


Рис. 3. *Бревенчатый 2-этажный 2-подъездный 8-квартирный дом с печным отоплением для семей руководителей среднего звена и служащих высшей квалификации. План. Разрез. Начало 1930-х гг. Источник: Деревянное типовое многоквартирное жилищное строительство в Иркутске (1920–1955 гг.). Сидоренко А.В., Меерович М.Г., Чертилов А.К. // Архитектурное наследство / отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 51. М.: КРАСАНД, 2009. С. 311–335. С. 323*

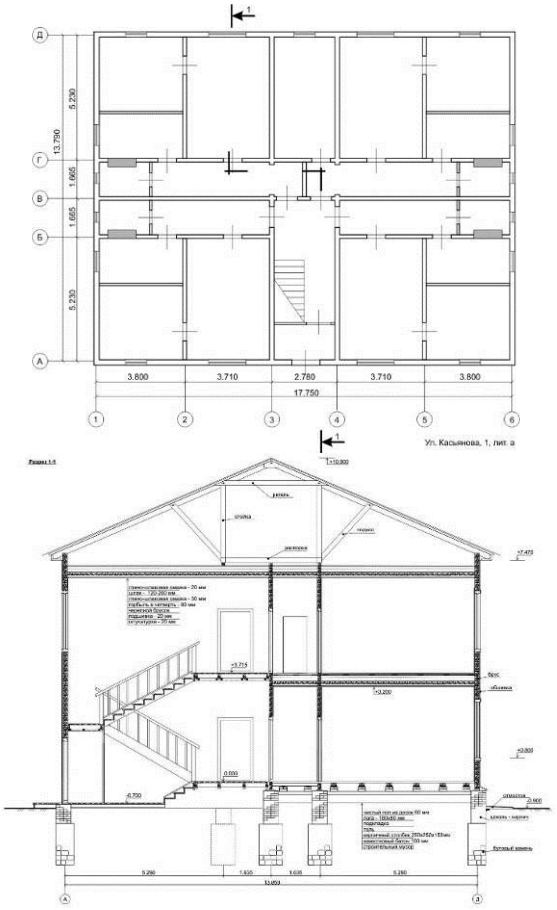


Рис. 4. *Брусчатый 2-этажный 1-подъездный 8-квартирный дом для семей руководителей среднего звена и служащих высшей квалификации. План. Разрез. Начало 1930-х гг. Источник: Деревянное типовое многоквартирное жилищное строительство в Иркутске (1920–1955 гг.). Сидоренко А.В., Меерович М.Г., Чертилов А.К. // Архитектурное наследство / отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 51. М.: КРАСАНД, 2009. С. 324*

Планировочные особенности. Планировочные решения данного типа домов в значительной степени были предопределены условиями места и времени. Из-за отсутствия централизованной городской канализации и водоснабжения подавляющее большинство зданий данного типа не имело туалетов. На кухнях устанавливались рукомойники, а принесенная и использованная вода собиралась в подставленные снизу ведра. Туалеты располагались на улице в виде отдельно стоящих деревянных сооружений, куда периодически сливались также и бытовые отходы, собираемые на кухнях. В тех случаях, когда в дома была завезена вода и устраивались внутренние туалеты, они располагались у наружной стены секции. При этом они получали естественное освещение благодаря узким окнам на

торцовых фасадах *(рис. 7)*. В проектах таких домов ощутимо проступает влияние Альбома типовых проектов жилищ, изданного Цекомбанком в 1929 г. *(рис. 8)*.

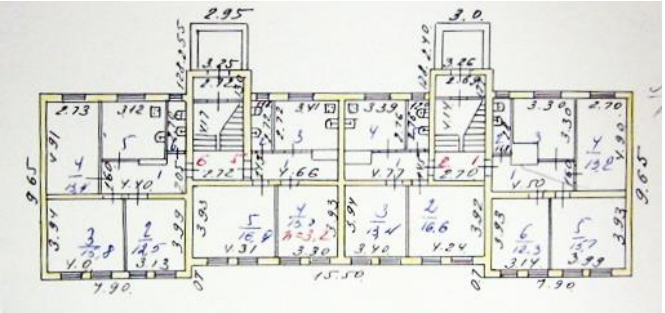


Рис. 5. *2-этажный 2-х подъездный 8-квартирный деревянный дом.*
Источник: Меерович М.Г., Сидоренко А.В., Чертилов А. К. Типовое деревянное жилищное строительство в Иркутске (1920–1950-х гг.) // Academia. Архитектура и строительство. М., 2009. С. 64

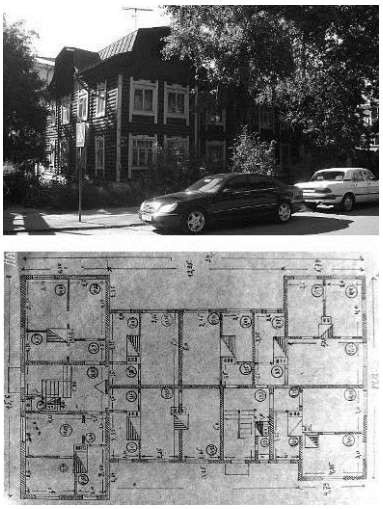


Рис. 6. *Жилой деревянный дом ЖСКТ «Просвещенец», 1927г. Фото с натуры. План (копия с проекта). Источник: ГАНО, ф. 1993, оп. 1, д. 312) (Цит. по: Хиценко Е.В. Формирование архитектуры жилых многоквартирных зданий Новосибирска в 1921–1933 гг.: дис. …канд. архитектуры. Новосибирск, 2006)*

Рис. *7. Иркутск, ул. Нестерова, 4. Источник: Фото А.В. Сидоренко. 2009 г.*

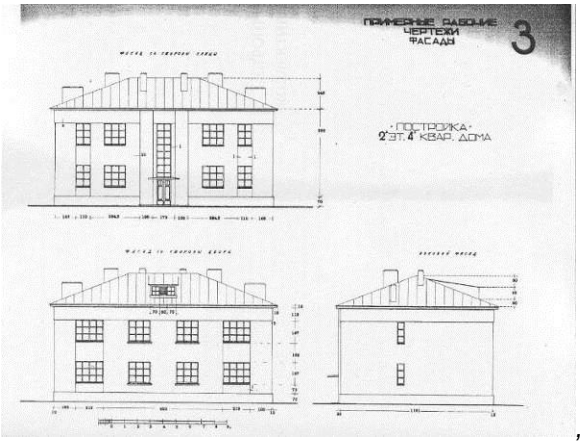


Рис. 8. *Прорезка оконных проемов на глухих торцовых фасадах. Источник: Проекты рабочих жилищ. М.: Издание Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства, 1929. 268 с. С. 175*

Кухня и туалет часто группировались вместе для обеспечения гарантированной вытяжки воздуха из туалета в дымоход кухонного очага, через который теплый воздух из кухни «принудительно» вытягивал запахи из санузла. Кухня и туалет (или только кухня, в случае отсутствия туалета) располагались также: а) примыкая к лестничной клетке либо б) располагаясь в торце дома.

Прием примыкания к лестничной клетке получил наибольшее распространение, так как довольно эффективно выполнял функцию защиты жилых помещений от бытового шума с лестницы. Расположение кухни и туалета в торцевой части дома обеспечивало возможность устройства канализования в придомовую выгребную яму. В данном случае проекты предусматривали устройство окон для лучшего поддержания туалетов в чистоте. Стремление осветить туалеты естественным светом было вызвано также и постоянными проблемами с электрическим освещением в коммунальных квартирах. Однако в специальной литературе обнаруживается критика требования освещения уборных естественным светом. В частности, Н. Марковников указывал на то, что данное требование вызывает серьезные неудобства в планировке, так как лишает возможности размещать а торцах дома жилые помещения, что приводит лишь к неэкономичности планировочных решений, при этом желаемого результата – удовлетворительного санитарного состояния санузлов – все равно не дает, так как чистоту приносит не освещение, а культура: «темные уборные в городских домах с более культурным населением находятся в более удовлетворительном состоянии, нежели освещенные – в провинциальных и поселковых домостроениях. Здесь настолько решающую роль играет культурность живущих в квартире, что все техническое приемы и нормы не могут иметь никакого значения» **[4, с. 140]**.

Та же причина – необходимость экономии электричества – выступала поводом для устройства увеличенной площади оконного остекления жилых комнат, несмотря на суровые климатические условия некоторых регионов (Урал, Западная и Восточная Сибирь и т.п.). В отдельных случаях комнаты имели даже сдвоенные окна *(рис. 9)*.

Рис. 9. *Примеры устройства в одной комнате сдвоенного оконного проема (г. Иркутск, ул. Трилиссера, 10; ул. Радищева, 67/3)*
Источник: Фото А.В. Сидоренко. 2006 г.

5. Глиняно-деревянные. Чертежей таких домов не обнаружено, однако имеются исторические свидетельства о том, что в соцгороде Магнитогорске внешние (периферийные) кварталы селитьбы предлагалось застраивать именно этим типом домов – 2-этажными глиняными или глиняно-деревянными домами. Чертежей таких домов не обнаружено, однако есть исторические свидетельства о том, что в Магнитогорске внешние (периферийые) кварталы предлагалось застраивать двухэтажными глиняными или глиняно-деревянными домами.

Организация проектирования. Проекты деревянных 2-этажных жилых

домов в период 1920–1930-х гг. разрабатывались: а) на общероссийских проектных конкурсах, б) центральными проектными организациями, в) местными проектными конторами.

Промышленные ведомства, входившие в состав ВСНХ, главные застройщики селитьбы подле промышленных новостроек, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. разрабатывали силами своих проектных организаций типовые проекты, которые рекомендовались в качестве образцов при их доработке на местах. Проекты издавались в виде отдельных альбомов **[5, 6, 7, 8]**. Точно так же действовали и другие государственные органы, финансировавшие и руководившие жилищно-коммунальным строительством: ГУКХ НКВД, Цекомбанк, Промбанком, Стройком РСФСР и др. Провинциальные строительные организации затем возводили дома по этим проектам либо без доработки, либо с незначительными корректировками. Так происходило и предвоенный период, и после окончания Второй мировой войны.

23 апреля 1934 г. постановлением СНК СССР власть законодательно провозгласила переход к многоэтажному многоквартирному каменному домостроению. Постановление предписывало отказаться от малоэтажного строительства облегченного типа и перейти, как в городах, так и в рабочих поселках, к многоэтажным капитальным домам.

Тип невзрачного неказистого, предельно упрощенного 2-этажного деревянного 2-подъездного 16-квартирного дома, давшего кров многим сотням тысяч советских людей и фактически спасшего городское население страны от бездомности и деградации в условиях барачной повседневности, оказался обреченным на выморачивание и запрет. На смену ему в составе «официальной» типологии жилища пришли домостроения сталинского ампира. Как следствие, в профессиональной периодической печати тут же появился ряд статей, критиковавших данный тип массового жилищного строительства.

Так, немецкий архитектор Г. Майер, работавший в этот период в СССР, как каждый истинный коммунист – послушный велению партии, несмотря на то, что сам в предыдущие годы предусматривал размещение точно таких же домов в своих проектах генеральных планов соцгородов (Биробиджана, Нижне-Курьинска, Красноярска, Орска, Рыбинска и др.), активно включился в пропагандистскую кампанию: «До последнего времени наше жилищное строительство развивалось главным образом по линии стандартизации, типизации. Мы повторяли попытки заграницы послевоенного времени стандартизировать жилища. Пользуясь минимальными способами, минимальными приемами. Характерным выражением существовавшего положения являются 2-этажные деревянные дома с двумя лестницами, в шестнадцать квартир, выросшие в тысячах поселков в окрестностях наших городов – от Минска до Владивостока» **[4]**.

Сталинский ампир приказал на смену деревянному домостроительству вводить «не типизированное» – «штучные» парадные ансамбли центральных улиц, площадей и набережных.

Однако 2-этажные 8- и 16-квартирные жилые дома на долгие годы остаются одним из ведущих типов городской застройки. «Неофициально». Но именно они целыми кварталами возводятся и в 1930-е, и 1940-е, и в 1950-е и даже в 1960-е гг. в провинциальных городах Сибири, Урала, Дальнего Востока. Прототипами этой разновидности домостроений выступают типовые проекты, разработанные в центральных проектных институтах (государственных архитектурных

мастерских). Для сравнения приведем несколько таких примеров **[4]** *(рис. 10, 11, 12).*

Рис. 10. *Иркутский аналог проекта № 244-1. (г. Иркутск, Николая Вилкова, 6). Источник: Фото предоставлено А.В. Сидоренко. 2006 г.*

Рис. 11. *Типовой проект 8-квартирного дома № Б-8-50 (Гипролеспром, арх. Ершов и Козлов (по другим данным – Никифоров). Источник: Меерович М.Г., Сидоренко А.В., Чертилов А.К. Деревянное типовое многоквартирное жилищное строительство в Иркутске (1920–1955 гг.) // Архитектурное наследство / отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 51. М.: КРАСАНД, 2009. С. 311–335, 221*

Рис. 12. *Иркутский аналог типового проекта 8-квартирного дома № Б-8-50. Гипролеспрома (г. Иркутск, ул. Чайковского). Источник: Фото предоставлено А.В. Сидоренко. 2006 г.*

Сравнивая фотографии, можно отметить, что все эти сооружения практически идентичны. Капитальные ремонты, проводимые после 1950-х гг., в отдельных частях сделали некоторые здания плохо узнаваемыми, но в целом облик сохранился неизменным.

Проекты, разрабатывавшиеся на местах, в значительной степени повторяли планировочные решения, выработанные в центральных (общегосударственных) проектных организациях. Отличие проявлялось лишь в придании местного своеобразия фасадным решениям и иногда в незначительной корректировке планировок. Фасадные изменения проявлялись в добавлении фронтонов, расположенных над входом, укрупнении отдельных частей зданий (например, ризалитов лестничных клеток), выносе за линию основного фасада объемов жилых комнат или переносе мест расположения лестниц. Так, сравнение одного из сохранившихся объектов 1929 г. в Иркутске с жилым 2-этажным домом в г. Новосибирске (1927–1928 гг. постройки) *(рис. 13)* показывает, что при явном сходстве объемно-пространственного и планировочного решения и почти одинаковых габаритах (12×23 м и 13,8×20 м), иркутский объект, построенный через год после новосибирского, резко отличается от прототипа наличием более ярко выраженного ризалита объема жилых комнат, выносом лестничных блоков, а также основным рисунком объема крыш. В иркутском примере примыкающие с торцевых фасадов объемы лестничных клеток, конечно же, не являются «родными». На это указывает характер навесов над ними, фактически отделенных от основного объема жилого блока. При этом в иркутском варианте отсутствует туалет.

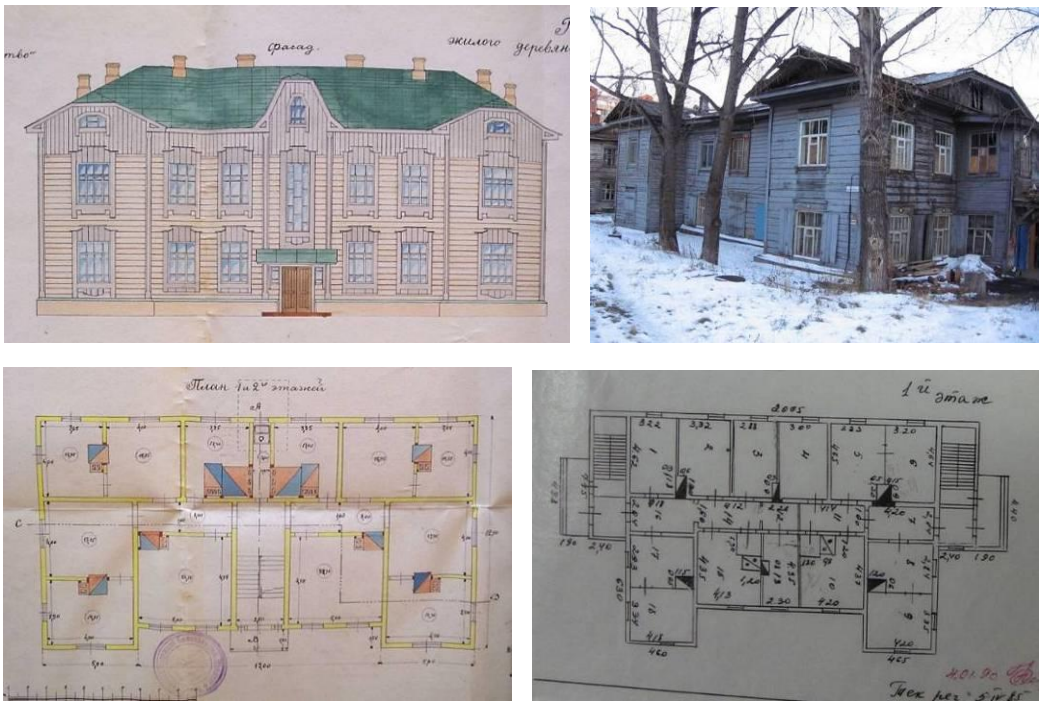


Рис. 13. *Сопоставление новосибирского прототипа и иркутского варианта его проектной переработки. Источник: Хиценко Е.В. Формирование архитектуры жилых многоквартирных зданий Новосибирска в 1921–1933 гг.: дис. … канд. архитектуры. Новосибирск, 2006. Фото А.Ф. Сидоренко. 2009 г.*

В северных районах СССР редко использовались лоджии и практически совершенно не использовалась возможность устройства мансардного этажа. Скорее всего, это было вызвано суровыми климатическими условиями. Часто в качестве «средства» обеспечения художественной выразительности фасадного решения использовался объем лестничной клетки. Для этого лестничный узел планировочно выдвигался вперед от основного объема и акцентировался крупными конными проемами *(рис. 14)*.

Рис. 14. *Объемное выделение лестничной клетки для придания сооружению большей выразительности (ул. Пушкина, 60). Источник: Фото предоставлено А.В. Сидоренко. 2006 г.*

В большинстве случаев типовые проекты реализовались без какой бы то ни было планировочной и фасадной переработки. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что строительство часто велось в незначительных объемах (одно-два – несколько зданий) и организации-застройщику было проще и дешевле принять к разовой реализации типовой проект, нежели заказывать местным архитекторам разработку нового проекта или какую-либо корректировку рекомендуемого. В этих случаях подбор того или иного типового проекта предопределялся формой и месторасположением участка, так как именно конфигурация участка диктовала выбор проекта с определенной конфигурацией дома. Так, здания Г-образной формы, как правило, располагались в углах кварталов, а П-образной формы применялись в целях максимального уплотнения уже застроенной территории.

Деревянные двухэтажные 8- или 16-квартирные дома, в отличие от бараков, обладали некоторыми признаками нормального жилища – в них были отдельные квартиры, несмотря на частое заселение коммунальным образом. В каждой квартире была отдельная кухня (даже превращенная в коммунальную, она обслуживала 3 семьи, а не 30, как в бараке-общежитии); водоснабжение, а не рукомойник с ведром для сбора воды; теплый туалет в квартире, пусть даже и с выгребной ямой под домом, но не на улице. Наличие в подъезде всего 8 квартир позволяло жильцам самовольно разбивать прилегающую к дому землю на клочки, условно распределяемые самими жильцами между собой для устройства частных садиков или огородиков. А кроме того, этот тип дома не требовал для своего возведения дорогостоящих крановых устройств или высококвалифицированной рабочей силы. Вопреки официальной пропагандистской версии о дороговизне

малоэтажного деревянного домостроения, которую послушно формировала и распространяла строительная наука, он стоил значительно дешевле каменных домостроений и поэтому администрация предприятий, выкраивая скудные средства на «улучшение быта рабочих и служащих», предпочитает вкладывать деньги именно в этот тип домов (если, конечно же, впрямую ей не запрещало это делать вышестоящее начальство).

Заключение. Советское градостроительство материализовало в конкретной структуре обитаемого пространства государственные постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. Поэтому соцгорода-новостройки имели планировочное членение селитьбы на барачные поселки, разделенные на «кварталы», что обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и заводскими парткомитетами, облегчало руководство трудовыми процессами и контроль над бытовыми, позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов, упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности или призыв на военную службу. Кроме того, в них строилось незначительное количество групп (и даже кварталов) 2-этажных 8-, 16-квартирных жилых домов, предназначенных для расселения специалистов и руководителей среднего звена.

Этот тип массового жилища, доступный 10–15% населения соцгородов-новостроек, как и бараки, закреплял реальную социально-стратовую дифференциацию населения: а) на начальство, б) технических специалистов, в) «работяг» (рабочих градообразующего предприятия и служащих системы КБО).

Библиографический список

1. *Гаврилова С.И.* Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // *Архитектон: известия вузов.* – 2009. – №3(27). – URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.
2. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 – дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов от 21 сентября 1930 г. – Л. 109–118.
3. *Иванов А.К.* О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу «Альбома типов жилых домов) // *Строительная промышленность.* – 1928.
4. *Майер Г.* Новые жилые дома в Москве // *Архитектура СССР.* – 1934. – №12.
5. *Марковников Н.* О наиболее экономичном типе рабочего жилища // *За новое жилищное строительство:* сб. ст. к 5-летию жилищной кооперации. – М.: Центржилсоюз, 1930. – 212 с. – С. 136–145.
6. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. – М., 1929.
7. *Татаринов Е.* Типы жилых домов на Украине // *Строительная промышленность.* – 1928. – № 11–12.
8. Типовые проекты и конструкции жилищного строительства. Рекомендуемые на 1930 г. – М., 1929.

Меерович М.Г.
memark@inbox.ru
ИрГТУ, г. Иркутск, Россия

УДК 711
ББК: 85.113

ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 3. ТРЕХ-ЧЕТЫРЕХЭТАЖНЫЕ МНОГОКВАРТИРНЫЕ ДОМА ПОКОМНАТНО-ПОСЕМЕЙНОГО (КОММУНАЛЬНОГО) ЗАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье систематизированы исторические сведения о проектировании в соцгородах-новостройках первых пятилеток (согласно программам-заданиям) 3–4-этажных каменных жилых домов. Описаны основные типы домостроений. Представлены сведения об особенностях их планировки, характере их инженерного оборудования, способе заселения.

Ключевые слова: соцгорода-новостройки; массовое многоэтажное жилищное строительство; коммунальное жилище.

3–4-этажные многоквартирные дома являлись неизменной составляющей официальных программ проектирования и строительства соцгородов. В функционально-планировочном отношении они дифференцировались: а) на секционные жилые дома и б) общежития коридорного типа. Проектировались в расчете: а) на покомнатное заселение одной семьей и б) коммунальное заселение – в каждую комнату многокомнатной квартиры по одной семье. Однако из-за ужасающего дефицита жилой площади в возводимых соцгородах-новостройках практика заселения даже те квартиры данного типа домов, которые изначально были спроектированы как индивидуальные, практически повсеместно превращала в коммунальное жилище.

Проектировщикам самой программой-заданием (см., например, «Программу для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка» **[1, л. 116–117]**) вменялось в обязанность учитывать подобное заселение. Например, первые каменные дома, спроектированные для центральной зоны первого квартала соцгорода Магнитогорска (вдоль ул. Пионерской) представляли собой 4-этажные секционные 32-квартирные кирпичные здания (разработка Госпроекта) *(рис. 1)*.

Рис. 1. *Жилые дома центральной зоны квартала № 1 (тип Госпроекта). 1931 г. Внешний вид (1960-е гг.). Источник: Казаринова В.И., Павлюченков В.И. Магнитогорск. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву, архитектуре и строит. мат-лам, 1961. 248 с. С. 151*

Этих дома, согласно программе на проектирование, состояли из двух типов двухквартирных секций: а) рядовой с 3-комнатными квартирами и б) торцевой с 3- и 5-комнатными квартирами (тип Госпроекта) **[1, л. 117]**. Жилая и полезная площадь в 3-комнатных квартирах составляла, соответственно, 55,4 и 75,8 кв. м, в 5-комнатных – 70,75 и 93,7 кв. м. Эти квартиры изначально проектировались для покомнатно-посемейного заселения за счет группировки помещений вокруг общей прихожей, из которой двери вели в «односемейные комнаты» *(рис. 2)*. Так же – коммунально – они потом и заселялись и в дальнейшем так и эксплуатировались долгие годы.

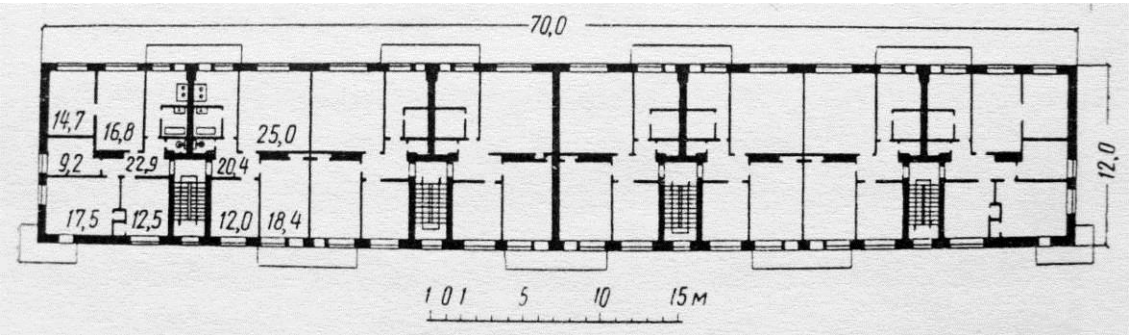


Рис. 2. *Магнитогорск. Жилые дома центральной зоны квартала № 1 (тип Госпроекта). 1931 г. План типового этажа. Источник: Казаринова В.И., Павлюченков В.И. Магнитогорск. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву, архитектуре и строит. мат-лам, 1961. 248 с. С. 151*

В соцгороде Магнитогорска намечалось строительство двух типов многоквартирных многоэтажных построек. Первый – «коридорный» (поэтому маркируемый аббревиатурой «КО»), включал две разновидности: «КО-А» и «КО-Б». Шифр «КО-А» обозначал домостроения, располагавшиеся с севера на юг: «по одну сторону вентилируемого и освещенного поперечного коридора, на расстоянии около 10 м одна от другой помещаются комнаты с одной кроватью, а с другой стороны комнаты с двумя кроватями» *(рис. 3)*. Шифр «КО-Б» обозначал здания, предусматривающие расположение с востока на запад, при этом на северной стороне располагался коридор, а на южной – жилые помещения *(рис. 4, 5)*.

Вторая разновидность домов – это дома с так называемыми коллективными квартирами (маркировка – «КОЛ»), приспособленными для общехозяйственной (коммунальной) жизни. В таких домах на 1-м этаже вдоль срединного коридора располагались комнаты с одной и двумя кроватями, а на верхних этажах комнаты группировались вокруг лестниц, ведущих наверх из коридора в 1-м этаже. На лестничной площадке 2-го этажа располагалось «по 4 комнаты с двумя кроватями, из которых каждые 2 комнаты по желанию могут быть соединены в квартиры для больших семейств» *(рис. 6)*.

Третий вид многоэтажных капитальных жилых домостроений – дома «индивидуально-коллективного заселения» – маркировка «ИНКО). Подразделялись на несколько видов. Дома вида «ИНКО-А» состояли из секций, включавших по две жилые единицы на этаже, каждая из двух проходных комнат приблизительно по 18,5 м. Вход с лестницы вел в узкую прихожую с туалетом и дверью в жилую комнату. Из первой проходной жилой комнаты дверь вела во вторую, из которой можно было попасть в душевую с умывальником. Судя по проекту, в первой комнате, которая представляла собой «жилую кухню»,

предусматривалось место для размещения кухонной плиты или примуса и планировалась установка одной кровати, во второй – еще четырех кроватей. Таким образом, согласно проекту, квартира типа «ИНКО-А» рассчитывалась на 5 человек *(рис. 7)*. Были разработаны несколько планировочных разновидностей. Например, объединение четырех комнат, каждая с нишей для размещения примуса, в одну большую коммунальную 4-комнатную квартиру с входом в раздельные ванную и туалет из небольшого размера тамбура-прихожей *(рис. 8)*. Много позже, при переделке квартир из коммунальных в индивидуальные, одна из комнат будет превращена в обособленную кухню.

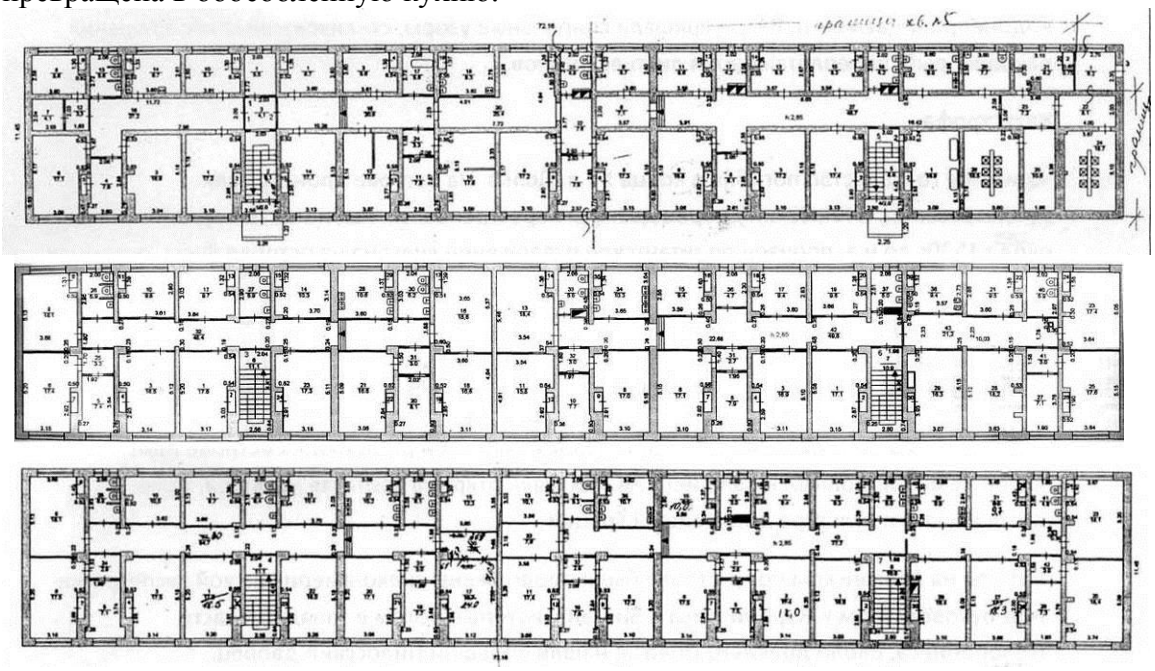


Рис. 3. *Магнитогорск. Дома с коллективными квартирами – «КО-А» для квартала № 1 (общежитие). План 1-го, 2-го и 3-го этажей. 1931 г. (ул. Мояковского, 40). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

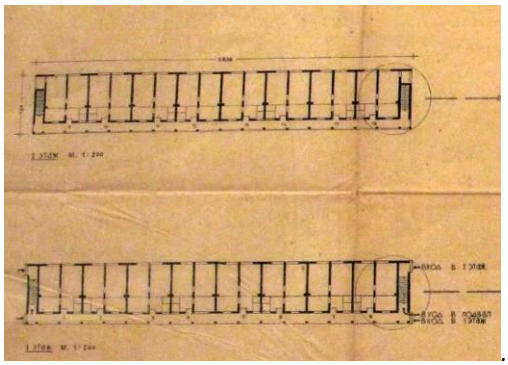


Рис. 4. *Магнитогорск. Дома с коллективными квартирами – «КО-Б» для квартала № 1 (общежитие). План 1-го и 2-го этажей. 1931 г. Арх. Г. Хазенпфлюг. Источник: Выставка Ernst May. 1886–1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011*

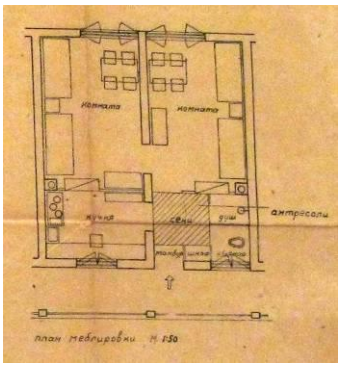


Рис. 5. *Магнитогорск. Дома с коллективными квартирами – «КО-Б» для квартала № 1 (общежитие). Планировка «индивидуальной» квартиры с расстановкой мебели. 1931 г. Арх. Г. Хазенпфлюг. Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011*

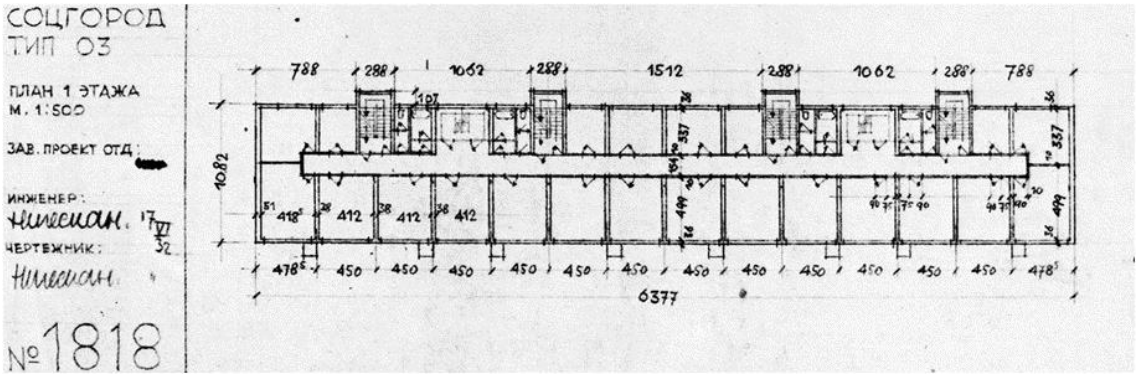


Рис. 6. Магнитогорск. Дома с коллективными квартирами – «КОЛ-3» для квартала № 1 (общежитие). План 1-го этажа. 1932 г. Арх. Й. Нигеман. Источник: Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902-1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979. S. 79

Рис. 7. *Магнитогорск. Дома с коллективными квартирами – «КОЛ-3» для квартала № 1 (общежитие). План 1-го этажа. 1932 г. Арх. Й. Нигеман. Источник: Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902-1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979. S. 79*

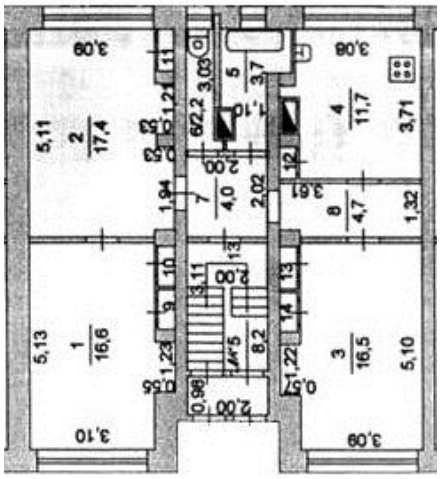


Рис. 8. *Магнитогорск. Дома с «индивидуально-коллективными» квартирами – «ИНКО-А» для квартала № 1. План типовой секции. 1931 г. (ул. Чайковского, 47). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

Четвертый вид – это дома так называемого индивидуально-семейного типа (маркировка «ИН). Разновидность «ИН-В» изначально предусматривала коммунальное вселение и имела два типа: «ИН-В-1» и «ИН-В-2». Первый вариант («ИН-В-1») предусматривал секцию с квартирой из двух комнат с нишей для плиты и отдельной квартирой в одну комнату с кухней **[1, л. 20–21]** *(рис. 9, 10, 11)*. Он также предусматривал создание в результате объединения 2-комнатной и 1-комнатной квартир воедино, одной (занимавшей всю площадь секции) 4-комнатной квартиры с кухней-нишей, расположенной в расширенной части коридора-прихожей. Или, в другом варианте – создание в результате объединения 2-комнатной и 1-комнатной квартир воедино, на той же площади, одной 3-комнатной квартиры с отдельной кухней *(рис. 12)*.

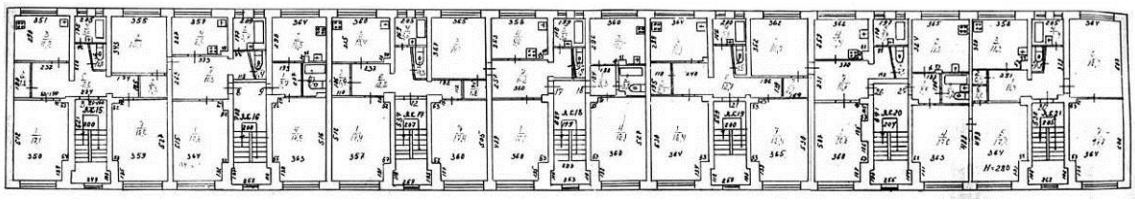


Рис. 9. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План дома. 1931 г. (ул. Маяковского, 44). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

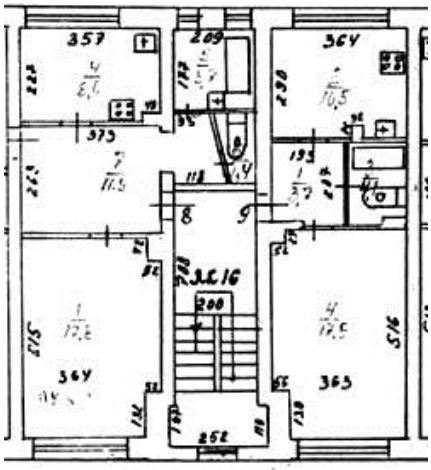


Рис. 10. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План секции с двумя квартирами. 1931 г. (ул. Маяковского, 44). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

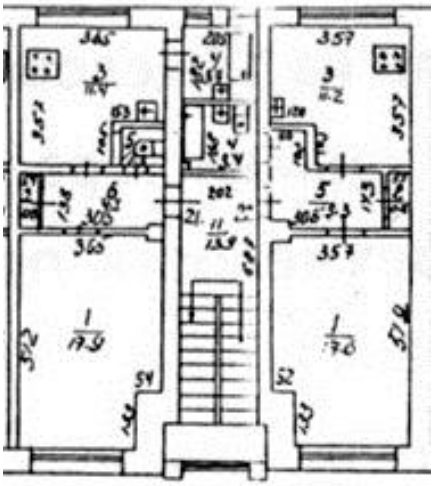


Рис. 11. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План секции. 1931 г. (ул. Чайковского, 41). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

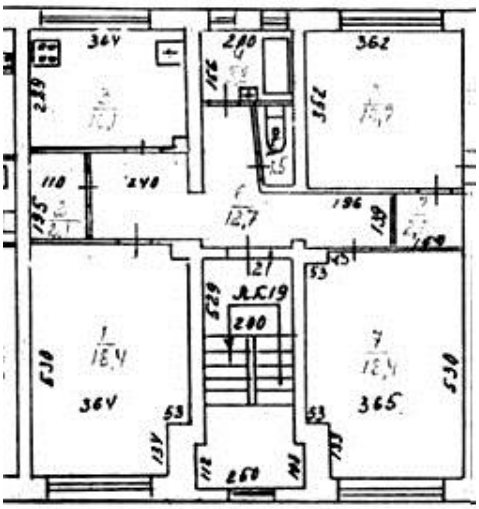


Рис. 12. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План секции с двумя квартирами. 1931 г. (ул. Маяковского, 44). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

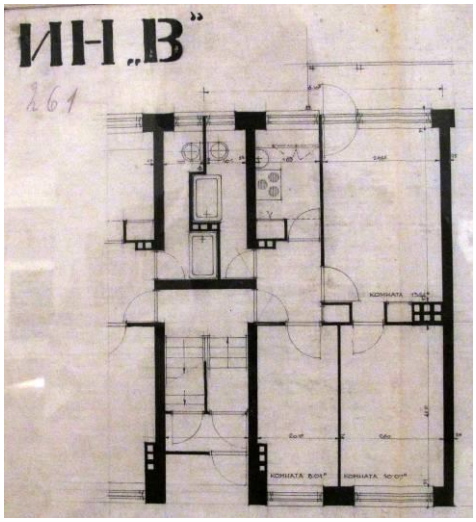


Рис. 13. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План типовой секции. 1931 г. Источник: Выставка Ernst May. 1886-1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011*

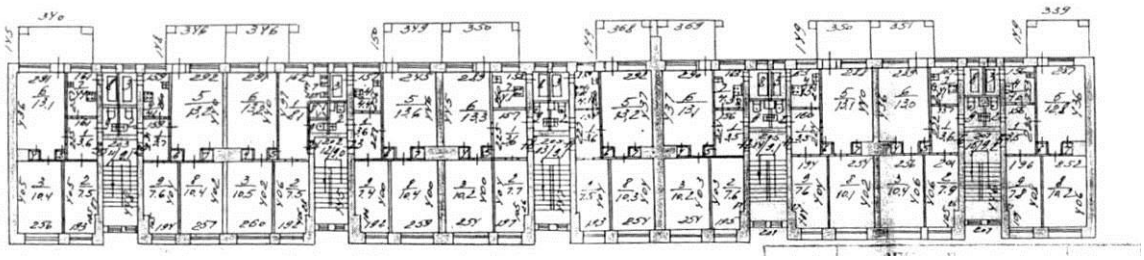


Рис. 14. *Магнитогорск. Дома с «индивидуальными» квартирами – «ИН-В» для квартала № 1. План секции. 1931 г. (ул. Маяковского, 32). Источник: Предоставлено Е.В. Конышевой*

Второй вариант («ИН-В-2») состоял из двух 3-комнатных жилых единиц (13,4+10+8 кв. м) и «на той же площади размещал помещение с тремя комнатами и отдельной кухней, которой при необходимости можно пользоваться сообща» **[1, л. 20–21]**. В другом варианте этот тип имел совмещенные ванную и туалет с входом из прихожей *(рис. 13)*, а в другом – раздельные ванную и туалет с входом в туалет из прихожей, а в ванную – из проходной кухни *(рис. 14)*.

Предоставляемые населению соцгородов-новостроек условия повседневной жизни в рамках государственной градостроительной политики были сведены к минимуму. Так, например, громогласно провозглашенное требование обеспечения селитьбы водой не предполагало оборудование жилья водопроводом – питьевую воду подвозили водовозы, а в самом лучшем случае на улице устанавливались водоразборные колонки, воду из которых жильцам 3–4-этажных домов приходилось самостоятельно носить к себе наверх ведрами. Требование обеспечения условий для ежедневной личной гигиены не предусматривало устройства ванных комнат – людям предлагалось мыться в общественных банях, попасть в которые было крайне непросто из-за их перегруженности. Задача обеспечения людей туалетами не предполагала обязательного оборудования 3–4-этажных капитальных домов теплыми уборными – они устраивались в виде необогреваемых построек, отдельно стоящих во дворах, между корпусами домов – сколоченных из досок туалетов общего пользования на несколько посадочных мест. Требование обеспечения теплом не предполагало непременного устройства центрального отопления – в общих бараках монтировались коллективного пользования печи для нагрева помещения и сушки белья *(рис. 15)*, а в многоэтажных домах люди устанавливали в своих закутках собственную печку, выводя трубу в окно *(рис. 16)*, и сами топили ее самостоятельно добытыми дровами. Необходимость обеспечения условий для питания не предусматривала устройства отдельных кухонь – приготовление пищи осуществлялось на примусах где-нибудь в уголке жилого пространства. Причем подобное (точно так же, как в бараках) происходило в каменных домах, где жилая комната с нишей для примуса являлась одновременно комнатой для жилья – так называемой жилой кухней.

Рис. 15. *Фанерный барак. Общая барачная печь для отопления и сушки белья. Союзлеспром. Не позднее 1931 г. Источник: Сборные деревянные дома (конструкции). Альбом. М.-Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931. С. 89*

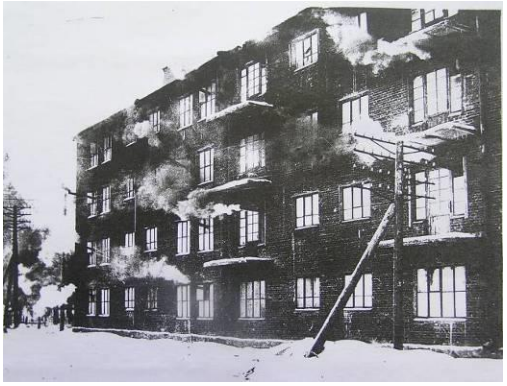


Рис. 16. *Свердловск. Жилой дом Уралмашзавода. Дымят трубы печек-буржуек, выведенных в окна коммунальных квартир. Фото. Начало 1930-х гг. Источник: Предоставлено Л. Эррен. (Обзор и критическая оценка). М.–Л., 1931. С. 82*

Заключение. Градостроительная политика советского руководства не была направлена на формирование нормального качества среды обитания для основной массы людей, выбрасываемых коллективизацией на стройки пятилетки, командируемых на новостройки правительственными указами или выдавливаемых из существовавших городов. Высшее советское руководство было озабочено разрешением только самых насущных проблем размещения и закрепления трудовых ресурсов на промышленных стройках (и то в самом урезанном виде). Капитальное строительство в соцгородах превращалось в исключение. Оно несло в большей мере поощрительно-пропагандистский смысл, нежели преследовало цели наделения основной массы населения сносными условиями существования.

Экономя средства на жилищном строительстве, власть постоянно снижала предписываемые проектировщикам нормативные показатели стоимости квадратного метра жилья, вынуждая архитекторов принимать такие решения, где основным типом жилища невольно оказывались преимущественно бараки или суррогатное жилище. Либо волевым образом отменяла те проектные решения, которые предусматривали возведение 3–4-этажных кирпичных домов, предписывая на их месте возводить временный жилой фонд в виде бараков различных конструкций или, в лучшем случае, 1–2-этажных каркасно-засыпных домов.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 20–21.

Старостенко Ю.Д.
ystarostenko@yandex.ru
Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, Россия

УДК 711.58.03(47)«1930/1939»
ББК 85.118г(2)

РАЗРАБОТКА ПРИНЦИПОВ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ 1930-х гг.

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается процесс формирования характерного для советского градостроительства 1930-х гг. представления о квартале как о ключевом элементе застройки города, включающем жилые дома, различные предприятия обслуживающего сектора, благоустроенную и озелененную территорию. Особое внимание в работе уделено тем проблемам в проектировании кварталов, которые возникали по мере изменений задач советского градостроительства. Отдельной задачей стало выявление исследований 1930-х гг., направленных на изучение разных аспектов проектирования жилого квартала и решение возникавших проблем.

Ключевые слова: жилой квартал; советское градостроительство; 1930-е гг.

1. Квартал в советском градостроительстве 1930-х гг. В советском градостроительстве 1930-х гг. квартал рассматривался как один из ключевых элементов планировки города. В проектной графике того времени, на видах разных городов с высоты птичьего полета (или с борта самолета) можно найти большие по площади кварталы с периметральной застройкой, в которой есть разрывы со стороны менее значимых улиц и арки, открывающие виды на озелененные внутренние пространства квартала со стороны главных магистралей. Однако эта проектная графика, как правило, отражает лишь некий идеальный образ города будущего, к которому стремились проектировщики. Найти этот идеал воплощенным в полном объеме в реальной градостроительной практике того времени крайне сложно, поскольку многие проекты в 1930-е гг. так и не были реализованы или были реализованы лишь частично, реализация многих была прервана началом войны. Между тем анализ публикаций того времени позволяет говорить о том, что, несмотря на ограниченность практического опыта, исследованию проблемы проектирования квартала, с учетом самого широкого спектра факторов, уделялось значительное внимание.

Поскольку аналогичных исследований 1920-х гг. обнаружить не удалось, одной из задач настоящей работы было выявление тех факторов и установок советской архитектурно-градостроительной практики 1920-х – начала 1930-х гг., которые способствовали изменению подходов к проектированию жилой застройки и положили начало теоретическим разработкам в деле проектирования жилого квартала.

2. Новая типология жилищного строительства как фактор планировки квартала. В 1920-е гг. необходимость изменения жилищных условий тех, кто еще недавно жил в бараках и «углах», выдвигала задачи строительства нового жилья и выработки оптимального типа жилых зданий. Споры среди специалистов в то время велись преимущественно о типе дома, наиболее подходящем для советских людей (индивидуальный, блокированный или многоквартирный секционный дом), шли поиски оптимальной планировки жилых домов разных типов.

Градостроительные аспекты проектирования жилой застройки привлекали внимание нечасто, хотя споры о путях развития советских городов не утихали все десятилетие. По мере того как идея городов-садов постепенно теряла популярность, многосекционный жилой дом все прочнее утверждался как основной тип жилой застройки для крупных городов.

Этот новый для отечественной архитектуры тип жилого дома требовал иных подходов и приемов прежде всего с точки зрения размещения жилых корпусов в пространстве города. Однако вплоть до второй половины 1920-х гг. задача планировки участков под жилые дома как самостоятельная проблема не была в полной мере осознана. Участки под застройку, хотя и назывались «кварталами», рассматривались лишь как территория города, ограниченная улицами, а не как комплекс зданий, проектирующийся в соответствии с какими-либо определенными принципами и нормами.

В заданиях конкурсов на застройку участков и районов Москвы и Ленинграда, проводившихся в первой половине 1920-х гг., как правило, особо оговаривался только тип дома, расстояние между домами и предельная площадь застройки участка в процентах **[10, с. 51, 62, 63]**. Однако с течением времени указания становились все более конкретными, и со всей очевидностью проступали те подходы к проектированию жилой застройки, противоборство которых активнее заявит о себе на следующем этапе развития советского градостроительства. В основе одного из подходов лежала ориентация на решение утилитарных и, прежде всего, санитарно-гигиенических проблем, в основе другого – решение проблем эстетических. В 1925 г. в программе конкурса на составление проектов новых типов жилых домов для рабочего населения (Ленинград) указывалась плотность застройки и особый акцент делался на необходимости использования территории участков «с соблюдением санитарно-технических норм (сквозное проветривание, двухстороннее освещение, ориентировка зданий, наивыгодная по отношению к странам света и т.п.)» **[10, с. 84]**. В то же время среди рекомендаций участникам конкурса было указание, что «красота внешнего вида будущих домов может быть достигнута... расположением построек на всем застраиваемом участке и наиболее выгодным в эстетическом отношении сочетанием их с окружающими их зелеными насаждениями» **[10, с. 84]**.

Анализ программ и решений жюри конкурсов первой половины 1920-х гг. позволяет говорить о том, что нормативной базы, отвечавшей новым условиям и новым типам жилищного строительства, не существовало. Попытки исправить эту ситуацию на законодательном уровне также ничего не давали, поскольку формулировки в документах, как и в конкурсных заданиях на застройку участков, были крайне общими. Так, в проекте правил распланирования и застройки городов, разработанном Главным управлением коммунального хозяйства НКВД РСФСР в 1925 г., указывалось, что «размеры вновь проектируемых кварталов не могут быть более 250 метров в продольном или поперечном направлении...», что «не менее 10% общей площади, занимаемой новыми строительными кварталами, должны назначаться под общественные здания» и что «не менее 10% всей территории, отводимой для новой селитебной площади, должно оставляться под зеленые насаждения общественного пользования» **[10, с. 21]**.

Поскольку собственного опыта массового жилищного строительства в отечественной архитектурно-градостроительной практике еще не было,

закономерным было обращение к зарубежному опыту, но и там найти готовую схему было сложно. Как отмечал автор одной из публикаций тех лет, за рубежом «системы внутреннего расширения кварталов, отношение площади, занятой зданиями, к незастроенной части участка, высота зданий, расположенных внутри участка, – все это самое слабое место всех строительных уставов» **[3, с. 2]**.

3. Изменение представлений о квартале в контексте идеи обобществления быта. На протяжении второй половины 1920-х гг. объемы жилищного строительства постепенно увеличивались. При этом в Москве и Ленинграде строились не только отдельные многоквартирные многосекционные дома, но и целые жилые комплексы. Анализ планировочных решений позволяет говорить о том, что в крупных городах, и прежде всего в Москве, постепенно вырабатывались вполне определенные принципы застройки участков, отводившихся под жилищное строительство. Хотя при размещении зданий на участках авторы проектов, как правило, учитывали ориентацию секций по сторонам света и стремились отступать застройкой от линии улицы, все еще преобладали принципы периметральной застройки кварталов и размещения внутридворовых корпусов параллельно корпусам по периметру участка. В некоторых случаях использовались схемы размещения жилых корпусов, отсылающие к популярным в строительстве доходных домов в 1900–1910-х гг. «курдонерам» – большим дворам, раскрывавшимся на улицу.

Безусловно, приемы застройки, основанные на создании традиционных симметрично-осевых перспектив, устраивали далеко не всех. Попытки предложить иные приемы, в том числе и путем разработки нестандартных жилых секций, предпринимали в том числе и рационалисты во главе с Н.А. Ладовским, но общей картины московского строительства они не могли изменить. Лишь в 1930 г. Мосстрой, исходя из опыта строительства предшествующих лет, пришел к выводу, что «организующим элементом участка является жилой дом, прямоугольник в плане, ориентированный длинной осью с севера на юг и повторяемый в большом количестве при достаточных разрывах между собой», то есть фактически утвердил приоритет строчной застройки **[15, с. 26]**. Прежний опыт строительства, сводившийся к желанию «застраивать лицом по улице или найти интересные пятна в плане», был раскритикован не только за эстетические недостатки, но и за то, что при подобной схеме застройки «не было нормального проветривания из-за закоулков и навороченной формы зданий» **[15, с. 26]**.

Между тем к концу 1920-х гг. увеличилось число факторов, которые необходимо было учитывать при разработке проектов жилой застройки. Под влиянием идеи обобществления быта размещение предприятий культурно-бытового обслуживания внутри жилой застройки стало обязательным. Наиболее радикальные проекты новых жилых зданий, основанные на идее обобществления быта, и вовсе предполагали создание грандиозных «домов-коммун», которые должны были заменить традиционную городскую застройку, но в реальной практике все сводилось к размещению «обслуживающих помещений» – детских яслей и садов, школ, магазинов, прачечных и т.п. – в отдельных зданиях на территории квартала или в первых этажах жилых домов. Это рождало дополнительные сложности, поскольку в ряде случаев «обслуживающие помещения» добавлялись в уже запроектированную жилую застройку, что создавало определенные проблемы для жителей и мешало функционированию самих предприятий. Отсутствие норм проектирования приводило к тому, что

площадь, необходимая для конкретного учреждения и его пропускная способность определялись проектировщиками очень примерно. Однако именно в этот период квартал начинает рассматриваться не как один из фрагментов городской территории, а как комплекс зданий, проектирующийся в соответствии с определенными принципами и нормами.

4. Новые задачи советского градостроительства и квартал как ключевая единица в планировке города. Провозглашение курса на индустриализацию поставило перед советским градостроительством масштабные задачи. Необходимо было коренным образом реконструировать старые города и строить новые. При этом акцент в проектировании декларативно делался на жилищном строительстве, а следовательно, на рубеже 1920–1930-х гг. роль квартала как архитектурно-планировочный единицы существенно возросла. Прежнее, по сути индивидуальное, проектирование в этих условиях не отвечало новым задачам. Нужны были иные подходы, нужно было вырабатывать нормы проектирования, которые позволили бы поставить проектирование кварталов, отвечающих сумме всех требований на поток, а для этого надо было забыть старый опыт.

Как отмечал В.Н. Семенов в 1931 г. в предисловии к одной из первых книг, посвященной проблеме проектирования квартала, «мы все еще не решаемся трактовать квартал как единое целое и забыть про отдельные строительные участки: мы все еще думаем, что дома должны стоять вдоль улицы, что всякого рода проводки и оборудования могут располагаться только под улицами» **[6, с. 3]**. Книга П.И. Гольденберга и В.И. Долганова «Проблема жилого квартала» была результатом исследования, предпринятого по заданию планировочно-земельного отдела Мосгорисполкома. В ней рассматривались проблемы типа жилого дома и его этажности, обобществления быта, плотности населения, расчета необходимого для квартала объема «общественного сектора», соотношения застроенной и незастроенной территории квартала с учетом требуемых величин разрыва между зданиями, вопросы ориентации зданий на участке и т.п. Авторы обращали особое внимание на поиск допустимых и оптимальных количественных показателей, стремились найти баланс между требованиями гигиенистов и экономической целесообразностью и пытались выразить все свои изыскания в виде конкретных планировочных схем, основанных на идее строчной застройки кварталов пяти- и шестиэтажными домами с размещением предприятий «общественного сектора». Ориентированное еще в значительной мере на идеи обобществления быта, уже осужденные к тому моменту, эта книга фактически подводила черту под наработками рубежа 1920–1930-х гг.

В начале 1930-х гг. подходы к проектированию квартала начали претерпевать серьезные изменения. Все активнее заявляла о себе установка, что «для нас архитектура не только техника, но и идеология», и «мы все же не должны рассматривать строительство рабочего жилища исключительно с технико-экономической точки зрения» **[1, с. 13]**. После того как в январе 1932 г. II московская областная и III городская конференции ВКП(б) после доклада Л.М. Кагановича в целом одобрили «взятое направление в деле реконструкции города, в первую очередь его важнейших магистралей» **[11, с. 18]**, художественные аспекты проектирования стали рассматриваться как приоритетное направление не только при реконструкции Москвы, но и при реконструкции всех городов СССР. Строчная застройка типовыми домами была негласно признана совершенно

неподходящей для советской действительности, поскольку не способствовала архитектурному оформлению улиц. Планировщиков призывали «не бояться панически, что сделаешь что-то похожее на хорошее старое, даже если это хорошее в разрезе классических решений» **[8, с. 36]**.

В 1933 г. было опубликовано доработанное исследование П. Гольденберга, в котором он, в отличие от книги 1931 г., уделял много внимания вопросам архитектурной композиции жилого квартала, расположение зданий которого «должно оформлять и улицу, и квартал, создавая архитектурные акценты либо на улицах и перекрестках, либо перенося архитектурный центр внимания внутрь квартала» **[7, с. 33]**, а также обосновывал выгоды периметральной застройки квартала. В качестве плюсов такого типа П. Гольденберг называл четкую архитектурную композицию, экономическую целесообразность и возможность создания значительного зеленого массива внутри квартала. Спорным оставался вопрос размещения общественных зданий – в качестве обособленных или встроенных объектов, но в целом задача создания парадного облика города окончательно возобладала над всеми другими аргументами.

5. Исследование проблем проектирования жилого квартала в 1930-е гг. Установление основного принципа застройки квартала не означало, что все вопросы исчерпаны. Выявленные публикации 1930-х гг. свидетельствуют скорее об обратном. Четко обозначенные эстетические рамки создавали очень много проблем, которые требовали разрешения. Архитекторы в своих публикациях часто сетовали, что гигиенисты не учитывают их требования, а гигиенисты сожалели, что архитектурно-градостроительные исследования и практика обходят стороной вопросы вентиляции и инсоляции квартала.

Среди наиболее значимых работ 1930-х гг., посвященных вопросам проектирования квартала, можно назвать: исследование А. Галактионова и Д. Соболева, выполненное в Гипрогоре по заказу Наркомата коммунального хозяйства РСФСР **[4]**; исследования Сектора жилых и общественных зданий Академии коммунального хозяйства при Совнаркоме РСФСР **[17]**; исследования Ленинградского научно-исследовательского института коммунального и жилищного хозяйства и строительства **[2; 13]**; исследование А.К. Кривошеева, выполненное в Азово-Черноморском краевом научно-исследовательском институте коммунального хозяйства **[12]**; исследования Государственного центрального научно-исследовательского института коммунальной санитарии и гигиены Наркомздрава СССР **[14; 18]**. При этом Государственным центральным научно-исследовательским институтом коммунальной санитарии и гигиены Наркомздрава СССР в декабре 1936 г. даже была проведена специальная конференция по вопросу о жилом квартале **[14; 18]**.

Несмотря на такой солидный корпус исследований, часть которых была опубликована до 1935 г., постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции гор. Москвы» со всей очевидностью демонстрирует, что в деле проектирования квартала было еще много спорных вопросов. Согласно тексту постановления, для «правильной организации жилого квартала» необходимо было: устраивать крупные кварталы в 9–15 га, объединяя при реконструкции исторической части города более мелкие кварталы; «застройку кварталов производить *небольшим количеством крупных домов, расположенных друг от друга на некотором небольшом расстоянии* (*выделено мною – Ю.С.*) для лучшего освещения и проветривания квартала»; плотность застройки квартала

определять, исходя из принятой плотности заселения 400 человек на 1 га жилого квартала (500 человек для наиболее удобных и ценных для жилых зданий районах); предусматривать размещение в центре квартала культурно-бытовых учреждений (школы, амбулатории, столовые, детские сады, детские ясли, театры, кино, клубы, больницы, стадионы и др.), обслуживающих население, «проживающее не в одном, а в десятках домов» **[16, с. 4]**.

Таким образом, постановление не упрощало задачи проектировщиков, скорее наоборот. Уже имевшаяся негласная установка на периметральную застройку кварталов была дополнена требованием проектирования крупного квартала, застроенного зданиями не ниже шести этажей. В процессе детализации Генерального плана эта установка вызвала новую волну обсуждения проблемы внутриквартальной организации квартала, а также обсуждение возможных вариантов трансформации периметральной застройки (устройство отступов и т.д.). Перспектива застройки новых магистралей просто рядами домов беспокоила архитекторов, которые одновременно должны были обеспечивать ансамблевую застройку улиц, кварталов и города в целом.

Проблем, связанных с проектированием квартала, становилось все больше. С 1936 г. как самостоятельная стала рассматриваться проблема размещения внутри квартала гаражей и стоянок для автомобилей **[5]**, следом началось обсуждение проблемы воздействия выхлопных газов на жителей квартала. Однако проект норм о жилом секторе и жилом квартале был разработан Академией коммунального хозяйства лишь в 1940 г. **[9, с. 83]**, поэтому судить об этой ключевой для проектирования жилого квартала работе и ее влиянии на градостроительную практику того времени не представляется возможным.

Заключение. Настоящее исследование было призвано обрисовать ту роль, которую играли вопросы проектирования квартала в градостроительстве СССР в 1930-е гг. В ходе исследования было установлено, что в 1920-е гг., несмотря на достаточно активное жилищное строительство, проблема проектирования квартала как отдельная задача не рассматривалась. Было установлено, что характерное для 1930-х гг. понимание квартала как ключевого элемента застройки города – единого комплекса, включающего не только многоэтажные секционные жилые дома, но и «обслуживающий сектор», сформировалось на рубеже 1920–1930-х гг. и получило развитие в последующие десятилетия. Выявленные в ходе настоящей работы публикации позволили представить исследования проблем проектирования жилого квартала в 1930-е гг. как самостоятельное и значительное явление эпохи.

Библиографический список

1. *Аранович Д.* Новый город под Москвой // *Строительство Москвы.* – 1931. – № 9. – С. 11–14.

2. *Бродович Н.С., Кругляков Ю.Г.* Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. – Л.: ЛНИИКХ, 1937.

3. *Вендеров Б.* Муниципальное жилищное строительство Москвы и Ленинграда // *Строительство Москвы.* – 1926. – № 7. – С. 2–5.

4. *Галактионов А.* Жилой квартал: организация, нормы и условия планировки / А. Галактионов, Д. Соболев. – М.: Госстройиздат, 1934 (Труды бюро научно-экспериментальных работ Гипрогора. Вып. 1).

5. *Гольденберг П.* Планировка квартала и вопросы транспорта // *Архитектура СССР.* – 1936.

– № 11. – С. 60–63.

6. *Гольденберг П., Долганов В.* Проблема жилого квартала / предисл. В.Н. Семенова. – М.; Л.: Техника управления, 1931.

7. *Гольденберг П.* Строчная или периметральная застройка квартала // *Строительство Москвы*. – 1933. – № 1. – С. 31–34.

8. *Гречухо В.Ф.* Внимание архитектуре новых городов // *Строительство Москвы*. – 1932. – № 8–9. – С. 34–36.

9. *Евтихиев И.И.* Застройка городов / под редакцией Б.А. Коршунова. – Ташкент: Узбекское государственное издательство, 1941. – (Труды среднеазиатского индустриального института. Строительный факультет. Вып. 5).

10. Из истории советской архитектуры, 1917–1925 гг.: документы и материалы / отв. ред. К.Н. Афанасьев; сост., авт. ст. и прим. В.Э. Хазанова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

11. Из постановления II московской областной и III городской конференций ВКП(б) // *Строительство Москвы*. – 1932. – № 5. – С. 18.

12. *Кривошеев А.К.* Основы проектирования жилого квартала. – Ростов н/Д.: Азово-Черноморский краевой научно-исследовательский институт коммунального хозяйства, 1935.

13. *Кругляков Ю.Г.* Реконструкция жилых кварталов / под ред. Н.М. Ушакова, Я.Д. Щупак. – Л.; М.: Гос. изд-во «Стандартизация и рационализация», 1933.

14. Материалы конференции по вопросу о жилом квартале: санитарно-гигиенические и культурно-бытовые условия для новых и реконструируемых жилых кварталов в населенных пунктах, 20–22 декабря 1936 г. / Всесоюзная государственная Санитарная инспекция Наркомздрава СССР; Государственный центральный научно-исследовательский институт коммунальной санитарии и гигиены Наркомздрава СССР. – М., 1936.

15. *Мостаков А.* Московское жилищное строительство // *Строительство Москвы*. – 1930. – № 7. – С. 25–29.

16. О генеральном плане реконструкции гор. Москвы: постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), 10 июля 1935 г. // *Строительство Москвы*. – 1935. – № 7–8. – С. 1–6.

17. Сборник научных трудов Сектора жилых и общественных зданий / Академия коммунального хозяйства при Совнаркоме РСФСР; под общ. ред. Н.Л. Стамо и Л.М. Пешковского. – М., 1935.

18. Жилой квартал: доклады и постановления научной конференции по санитарно-гигиеническим вопросам планировки, застройки и реконструкции. – Т. 2. – М.: Государственный научно-исследовательский институт коммунальной санитарии и гигиены, 1938.

Беспалова Д.А.
sagaan09yandex.ru
Муленок В.В.
bukvam.3@sibmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.033.4
ББК 85.113

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ В г. ТОМСКЕ ПЕРИОДА 1944–1962 гг.

Аннотация. В этой статье описываются основные тенденции развития строительства жилых домов в 1944–1962 гг., а также градостроительный подход организации жилой застройки в г. Томске. В течение всего описываемого периода велась в основном квартальная застройка территорий. Строительство осуществлялось, как правило, вблизи новых промышленных предприятий. В начале исследуемого периода строили дома из местных и неиндустриальных строительных материалов, затем из более качественных индустриальных строительных материалов. В Томске этот период «советского классицизма» заканчивается строительством первого пятиэтажного панельного жилого дома.

Ключевые слова: жилая застройка; типовое строительство; серии домов; типовые проекты; номенклатурные дома; «советский классицизм»; «сталинки».

1. Исторический анализ. Период 1918–1944 гг. был временем упадка Томска. Город утратил статус столицы губернии. Люди переселялись из Томска в крупные быстрорастущие города, расположенные на Транссибе. Томск имел статус города с «финансированием по остаточному принципу» **[1, с. 14]**. В городе отсутствовали индустриальные предприятия, транспортные коммуникации, культурная жизнь угасала. Но в это время активно развивалась научная и преподавательская деятельность **[1, с. 251, 267]**. Строительство жилых и общественных зданий в этот период практически не велось. Было построено несколько многоэтажных зданий для семей преподавателей вузов. В 1935 г. появился первый пятиэтажный жилой дом. Условия развития кардинально изменились с началом Великой Отечественной войны. Около 50 предприятий было эвакуировано из европейской части России, которые в дальнейшем стали основой промышленности города **[2, с. 6]**. 13 августа 1944 г. была образована Томская область с административным центром в г. Томске **[2, с. 230]**. Новые кварталы стали возникать вблизи эвакуированных предприятий.

2. Генеральный план. Историческое ядро города сформировалось задолго до начала Второй мировой войны. Оно представляло собой, как правило, усадебную застройку. Строились в основном дома из дерева и кирпича. Эти дома были построены с конца XVIII по начало XX в. (исторический центр занимает всего 3% от сегодняшней территории г. Томска). Застройка 1944–1947 гг. отличается хаотичностью. Она формировалась в основном вблизи новых промышленных предприятий и не учитывала генеральный план 1939 г. **[3]**. Новый генеральный план был принят только в 1947 г. Он явился решающим шагом к упорядочению массового жилищного строительства. Целью генерального плана было «собрать все в едино»: расширить границы жилой части города, продолжить развитие в северном и южном направлениях. По генеральному плану, должна была быть выстроена веерная схема главных магистралей города. Площадь Ленина и вокзал Томск-1 должны были быть связаны проспектом Сталина. Для

этого предполагался снос некоторых исторических зданий и укрупнение площади перед железнодорожным вокзалом. Это не было исполнено. Строительство жилых домов конца 1940-х и 1950-х гг. велась согласно принятому генеральному плану. Строительство осуществлялось в основном на незастроенных территориях. Исторический центр остался почти нетронутым.

3. Квартальная застройка. В исследуемый период осуществлялась, как правило, квартальная застройка пустующих территорий. Кварталы возводились группами. Одна группа включала в себя от трех до четырех кварталов. Для каждого отдельного района города разрабатывался план детальной планировки (ПДП). Такие планы были дополнением к генеральному плану 1947 г. Решения кварталов были типовыми. Один квартал занимал площадь в 1,5–2,2 га. В Томске применяли различные варианты типовых решений. К тому же в кварталах 1944–1950 гг. возводятся хозяйственные помещения – сараи. Каждая семья имела отдельный сарай. Сараи использовались для хранения утвари, некоторые жители выкапывали погреб. Кроме того, для домов, в которых отсутствовала канализация, строились туалеты. В квартале строятся жилые дома с помещениями культурно-бытового обслуживания в первом этаже и дома без таковых помещений. В структуре кварталов возводят общественные здания, такие как детский сад, школа, поликлиника. Радиус действия общественного здания распространялся на соседние кварталы. Общественные здания были в пешеходной доступности в трехстах, семистах метрах.

4. Типовые проекты. Принципы и методы строительства, которые применялись до войны, устарели. Поэтому велась разработка новых принципов. В годы войны строились преимущественно одноэтажные щитовые дома на одну или две квартиры. В 1943 г. вышло постановление Партии Правительства и Совета Министров СССР «О восстановлении разрушенных городов… и о строительстве новых…». В связи с этим постановлением в строительстве начали массово разрабатывать, затем воплощать типовые проекты зданий. В последние годы войны строились одноэтажные многоквартирные щитовые дома, таковых в городе не сохранилось. На фоне тяжелой экономической ситуации в стране проекты из местных материалов приветствовались *(рис. 1)*.

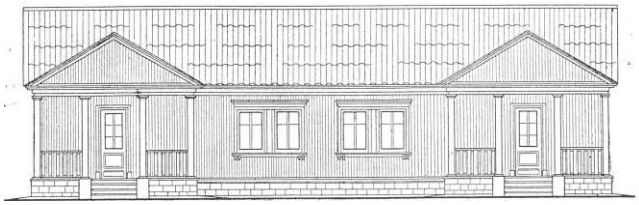


Рис. 1. *Фасад дома. Проект № Щ-4 МСПТИ одноэтажного деревянного щитового двухквартирного дома с печным отоплением. Гипротис, 1953 г.*

В рамках 1944–1962 гг. город развивался в различных направлениях, в том числе развивалась и строительная отрасль. В Томске многоквартирные жилые дома возводят по откорректированным типовым проектам, которые были предназначены для строительства на всей территории страны. Типовые проекты разрабатывались в проектных организациях. В Томске проектные организации занимались привязкой к местности. Несмотря на массовое жилищное строительство, в стране ощущалась острая нехватка жилья. На фоне такой ситуации идея «коммунального» заселения оказалась весьма актуальной. Дома

строили с квартирами, состоящими из трех и более комнат. Комнаты не были проходными. Жителей многоквартирных домов в дальнейшем предполагалось расселить, то есть каждой семье выделить отдельную квартиру. Расселение начали воплощать в 1960-е гг. Больше всего в рассматриваемый период строились дома из местных строительных материалов, таких как дерево и шлак *(рис. 2, 3)*.

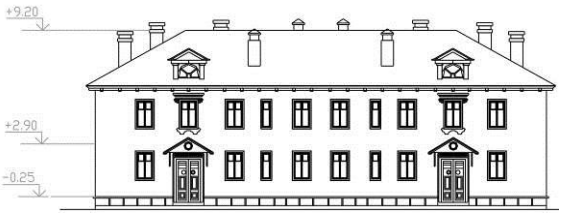


Рис. 2. *Фасад. Серия ММ-8-50. Проект шлакоблочного 8-квартирного дома с водопроводом, канализацией и центральным отоплением. ГлавСтандартДом, арх. И. Шимпан, разработан в 1950 г.*

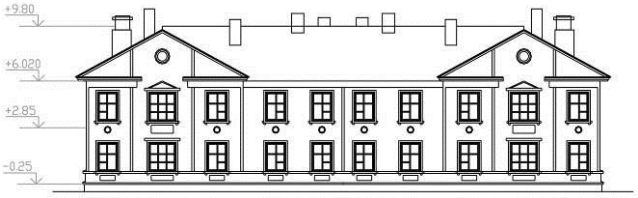


Рис. 3. *Фасад. Серия 245. Проект 245-2 двухэтажного деревянного брусчатого 12-квартирного дома с водопроводом, канализацией, с вариантами печного и центрального отопления. Гипрогор, арх. Ю.В. Щуко, строительство велось в 1944–1950 гг.*

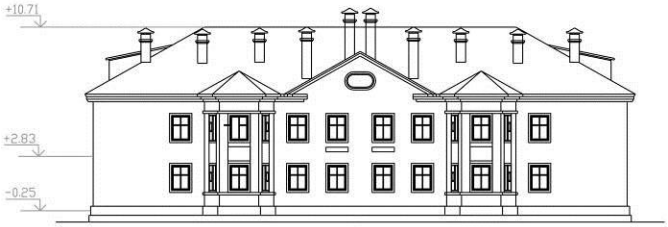


Рис. 4. *Фасад. Серия 230. Проект 230-2 двухэтажного шлакобетонного 12-квартирного дома с водопроводом, канализацией, с вариантами печного и центрального отопления. Гипрогор, арх. С.П. Тюков, строительство велось в 1950-е гг.*

Дома из местных материалов возводились в один или два этажа, с одной или двумя лестничными клетками. В таких домах отсутствовали водопровод и канализация. В каждой комнате была печь. Дома возводились ручным способом, с использованием элементарных механизмов и гужевого транспорта. Материалы строительства подготавливались непосредственно на строительной площадке, затем возводился дом. Фасады домов обшивались рейкой. Элементы домов – окна, двери, декоративные элементы – были не индустриального производства. В оформлении домов использовались архитектурные элементы: наличники, крыльца, балконы, фронтоны, междуэтажные пояски. Деревянные дома были рассчитаны на срок эксплуатации 25 лет. Эти дома должны были снести, на их месте выстроить новые из более качественных индустриальных материалов. Но такого рода планы не были осуществлены по ряду причин.

В 1951 г. на территории страны начинают применять железобетонные перекрытия. В Томске продолжают укладывать перекрытия из деревянных досок. В период 1951–957 гг. наряду с домами из бруса и шлакоблоков строились дома из кирпича и шлакобетонных блоков, по так называемым номенклатурным сериям *(рис. 4, 5)*.

Рис. 5. *Фото кирпичного трехэтажного дома, построенного по «номенклатурному» проекту 204-5, серии 204. г. Томск, ул. Крылова, 14*

Дома в южной части города построены по типовым номенклатурным проектам. Это можно объяснить наличием вузов и госучреждений именно в южной части города. Такого вида застройка также малоэтажная, до пяти этажей. В эти годы идет заселение одной семьи в отдельную квартиру. В связи с посемейным заселением площадь квартиры уменьшается. Дома при строительстве снабжаются водопроводом, канализацией, центральным отоплением. В домах от трех до пяти этажей предусматривается мусоропровод на кухне. Фасады домов штукатурились и красились. В основном использовалось розовое и бежевое цветовые решения. Широко применялся лепной декор на главных фасадах зданий. Первые этажи и углы домов украшались рустом. Применялось арочное очертание окон в первом этаже. В этот период было построено несколько отдельно стоящих многоквартирных домов: вдоль проспектов Ленина, Кирова, Фрунзе **[4; 5]** *(рис. 5)*.

5. Индивидуальные проекты. Кроме того, возводились дома, для которых разрабатывался индивидуальный проект. Над созданием индивидуального проекта трудилась группа профессионалов. В эту группу входили архитекторы, проектировщики, инженеры, конструкторы и др., что являлось более затратным, чем создание типового проекта. Индивидуальный проект, как и сам дом, был индивидуален практически во всем. Для таких домов разрабатывались особого вида конструкции, декор, отделка фасадов, объемно-планировочное решение, интерьеры. На заводах изготовлялись специальные материалы и конструкции. По одному индивидуальному проекту должен был быть построен только один единственный дом. Но в начале данного периода присутствовало явление тиражирования индивидуальных проектов, что вызывало бурю возмущения со

стороны создателей проекта. В дальнейшем тиражирование прекратилось. В таковых домах обычно присутствует дополнительный набор помещений: кабинет, гостиная, и т.п. Но площади основных помещений примерно равны как в номенклатурных, как и в рядовых домах. Для большей части этих домов разрабатывались решения интерьеров, специально изготавливалась мебель. Дома, построенные по индивидуальным проектам, безусловно, относятся к «номенклатурной» застройке. Квартиры в таких домах предназначались для особо отличившихся граждан. В Томске был построен только один дом, для которого разрабатывался специальный проект, он расположен по адресу Ленина пр., 17. Главные фасады дома ярко декорированы. В декоре использована советская символика **[6]** *(рис. 6)*.

Рис. 6. *Фото «номенклатурного» дома, г. Томск, пр. Ленина, 17, построен по индивидуальному проекту. Гипрогор, 1957 г.*

Период строительства домов в стиле «советский классицизм» заканчивается постановлением 1956 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве…», которое было направленно против домов, построенных по индивидуальным проектам. Тем более что появилась возможность разработки таких конструкций, из которых строили дома укрупненного объема. На индивидуальные проекты затрачивалось больше экономических сил, чем на типовые проекты. После принятия данного постановления постепенно происходит замена рассмотренных типовых проектов на новые типовые проекты. В период 1957–1962 гг. в Томске возводят только отдельно стоящие здания, высотой в 3–5 этажей. Увеличивается габарит здания в длину и ширину, строятся дома с пятью лестничными клетками. Вводят в строительство силикатный кирпич – новый материал, который использовался для облицовки фасадов *(рис. 7)*.

Наряду с силикатным кирпичом для облицовки применялась бетонная плитка. Декор остается в виде узоров из красного кирпича в карнизной части. Увеличивается вынос балконной плиты. Начинают массово применяться индустриальные материалы и методы строительства. Главенствует принцип заводского полносборного и скоростного возведения здания. В Томске

рассмотренный период заканчивается в 1962 г. строительством первого пятиэтажного панельного дома новой типовой 445 серии **[5]**.

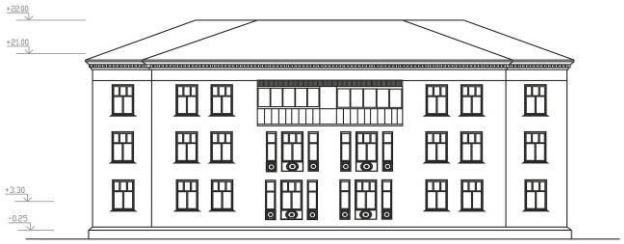


Рис. 7. *Фасад. Серия не выявлена. Проект трехэтажного кирпичного многоквартирного дома с водопроводом, канализацией, центральным отоплением. Отделка фасада: силикатный кирпич. 1955–1957 гг.*

Заключение. Политическая ситуация в стране оказала большое влияние на развитие архитектуры. Постановления правительства в 1943 г. («Об восстановлении…»), в 1956 г. («Об устранении излишеств…») и др., относящиеся к строительству, в полной мере отразились на тенденциях развития архитектуры. Великая Отечественная война стала своеобразным стартом для проектирования типовых проектов для массовой жилой застройки территорий.

Рассматриваемые рамки в стране занимают период 1944–1956 гг., в г. Томске – 1944–1962 гг. Основные тенденции строительства отражаются в полной мере в Томске, но прослеживается некоторое запоздание. Такого рода запоздание можно объяснить несколькими факторами. Например, огромную роль играет географическое расположение нашего региона, не будем скрывать, он достаточно отдален от «центра» нашей родины. Второй фактор: промышленность не могли быстрыми темпами перестроить на другой лад и продолжали воплощать в жизнь уже готовые проекты, для которых уже были приготовлены необходимые конструкции и материалы. И наконец, третий немаловажный фактор, это, конечно же, человеческий: огромное желание людей и потребности в «классической» архитектуре не оставили равнодушными заинтересованных личностей. Эти самые личности и находили средства на воплощение в жизнь разработанных проектов и, надо сказать, справлялись с такого рода задачами до 1962 г.

Библиографический список

1. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: Управление, экономика, население. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2000. – 285 с.

2. *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 352 с.

3. *Залесов В.Г., Манонина Т.Н.* Градостроительное проектирование Томска в середине XIX – начале XX в. // *Вестник ТГАСУ*. – 2001. – №1. – С. 60–69.

4. Жилые здания. Каталог типовых проектов жилых и культурно-бытовых зданий для городского строительства. Вып. №1. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. – 532 с.

5. Жилые здания. Каталог типовых проектов жилых и культурно-бытовых зданий для городского строительства. Вып. №2. – М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1956. – 368 с.

6. История Томска [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tomskobl.ru/tomsk-history/.

Симанженкова Т.К.
sima4164@mail.ru
Шагаева О.А.
shagaeva.olga@gmail.com
СФУ, г. Красноярск, Россия

УДК 711.4
ББК 85.118.2

КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ПРЕДМОСТНЫХ ПЛОЩАДЕЙ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

Аннотация. На основе исторических фактов, документов и воспоминаний очевидцев – архитекторов и участников строительства в статье рассматриваются этапы комплексного строительства двух главных площадей Красноярска, расположенных по обеим сторонам реки Енисей: Предмостной и Театральной. Выявляются изначальная ситуация и проблемы, с которыми пришлось иметь дело во время строительства. В статье выделяется история каждой из площадей, их роль в градостроительной политике Красноярска.

Ключевые слова: архитектура; комплексная застройка; площадь.

История архитектуры знает немало примеров, когда политические реалии изменяют вектор ее развития. В конце 50-х гг. XX в. «эра» советского ампира подошла к концу. 4 ноября 1955 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое ознаменовало начало нового периода советской архитектуры. В данном постановлении отмечалось, что архитекторы слишком много внимания уделяют показной стороне архитектуры, при этом меньше затрагивая удобство планировки и оборудования и экономическую составляющую проектирования и строительства. Решение данного вопроса власть видела в строительстве по типовым экономичным проектам. С этой целью в СССР появляются целые институты для разработки серии типовых проектов жилых и общественных зданий. «Фундамент» советского модернизма был заложен. Эти серьезные архитектурные перемены коснулись и Красноярска, который на тот момент активно застраивался.

Рис. 1. *Проект застройки предмостной площади левого берега Енисея. 1956 г. ККМ*

В 1961 г. в Красноярске было завершено строительство основной связующей ветки между правым и левым берегом Енисея – Коммунального моста, и, как следствие, требовалась разработка 2 крупных транспортных узлов на левом и правом берегах реки. Проект застройки левобережной площади представили в 1956 г., но он был выполнен в традициях «сталинского классицизма», поэтому возникла необходимость создать новый, отвечающий требованиям времени вариант. Изначально планировалось ограничить мост с двух сторон площадями. Поэтому проектирование левой и правой сторон началось почти одновременно. Левобережная площадь получила название Театральной, так как на ней уже был расположен Театр оперы и балета, а правобережная – Предмостной.

Рис. 2. *Архитекторы А.С. Демирханов и Э.М. Панов. Из личного архива Э.М. Панова*

Для выполнения данной градостроительной задачи была создана команда, состоящая из красноярских специалистов и приглашенных молодых архитекторов из Ленинграда. Команду возглавили руководители проектов А.С. Демирханов и Э.М. Панов. В результате длительных споров было принято решение «сыграть на диагоналях»: за центральную ось был принят мост, а по разным берегам, по диагонали друг к другу должны были расположиться ключевые объекты обеих площадей: два высотных здания – гостиница «Турист» и Красноярское речное пароходство. Вторую диагональ составляли здания культурно-массового назначения – уже построенный Театр оперы и балета и концертно-танцевальный зал. При проектировании площадей одним из главных средств, помогающих подчеркнуть и усилить эффект перспективы, стали индустриальные «свечки» жилых домов, на левом берегу это были дома, выполненные по проекту «Чайка». Они располагались по бокам от основных высотных сооружений и, по словам Э.М. Панова, играли роль «могучих богатырей при начальстве главенствующих высоток». А архитектор А.С. Демирханов отмечает, что свечки проекта «Чайка» являются своеобразным «ответом правому берегу, разговором разных берегов».

Большое внимание было уделено планировке Театральной площади и созданию ее неповторимой композиции. Первоначально работами руководил

институт «Гипрогор», который разработал концепцию для места застройки. Работа над всеми важными объектами строящейся площади была поручена разным архитекторам. Гипрогор поручил строительство ключевых объектов площади: здания Горисполкома – П. Ниринбергу, здание будущей гостиницы «Красноярск» – С. Назарову. Но вскоре к работе над площадью подключили А.С. Демирханова, молодого и талантливого архитектора, уже имевшего большой опыт работы. Это событие и определило судьбу одной из лучших достопримечательностей города Красноярска. Архитектор полностью изменил планы института, причем в лучшую сторону.

По воспоминаниям А.С. Демирханова, с левой стороны от моста стояло несколько деревянных домов, сама улица Вейнбмаума носила название «Береговая», а рядом проходила улица Яичная, названная так из-за магазина, занимающегося торговлей яйцами. Арэг Саркисович согласился взяться за работу при одном очень серьезном условии: он лично должен отвечать за все объекты левобережной площади и только тогда гарантировал качество работ. Это условие было принято руководителями города. В группу А.С. Демирханова вошли и два молодых архитектора Константин Неустроев и Александр Брусянин.

До начала разработки проекта левобережной площади там было всего одно готовое здание – Красноярский театр оперы и балета архитектора И.А. Михалева, построенное в 1978 г. В связке с ним планировалось построить новую современную гостиницу «Красноярск». Согласно первоначальным идеям, гостиница должна была быть пятиэтажной и включать себя всего 200 мест.

При обсуждении проекта площади выдвигалось большое количество идей. К примеру, один из членов группы Павел Нериндберг предлагал перевернуть здание городского Дома Советов выпуклой стороной к мосту, однако А.С. Демирханов возразил против этого решения. Он считал, что подобное расположение будет отталкивать зрителя, поэтому в процессе обсуждения макета площади на одном из заседаний он оторвал макет Дома Советов и перевернул его. В итоге проект получился похожим на «человека с распростертыми объятиями», «приглашающим» зрителя войти, а не отталкивающим его. Кроме того, А. Брусянин в процессе создания предварительных набросков для гостиницы «Красноярск» нарисовал здание ресторана на 500 мест перед Театром оперы и балета. Такое решение могло помешать раскрытию пространства площади, поэтому идея была отвергнута.

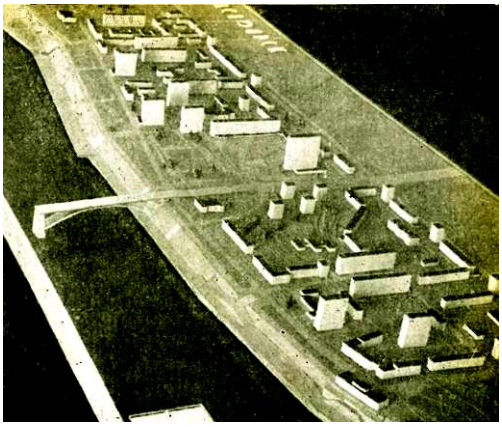


Рис. 3. *Проект детальной планировки 12-го и 14-го микрорайонов центральной части города*

Все здания было решено делать одной высоты, эталоном для этого послужила колосниковая коробка Театра оперы балета. К сожалению, эта идея не была воплощена. Был изменен изначальный проект здания Горисполкома (ныне Красноярской администрации). Заказчик «срезал» два этажа, но А.С. Демирханов отстоял свой проект и для выравнивания уровней предложил надстроить на торце здания администрации башню с электронными часами, именно она создала необходимую «отбивку» между гостиницей «Красноярск» и Горисполкомом. Только крайне внимательный зритель заметит, что здание нынешнее городской администрации немного ниже гостиницы.

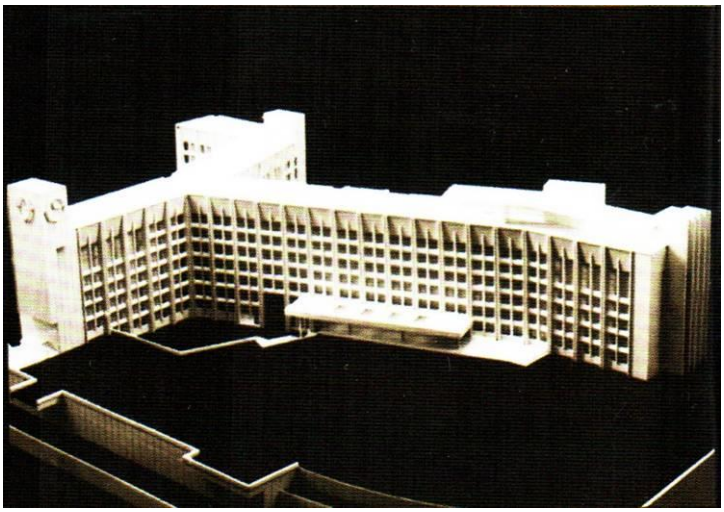


Рис. 4. *Макет здания администрации г. Красноярска. 1968 г.*

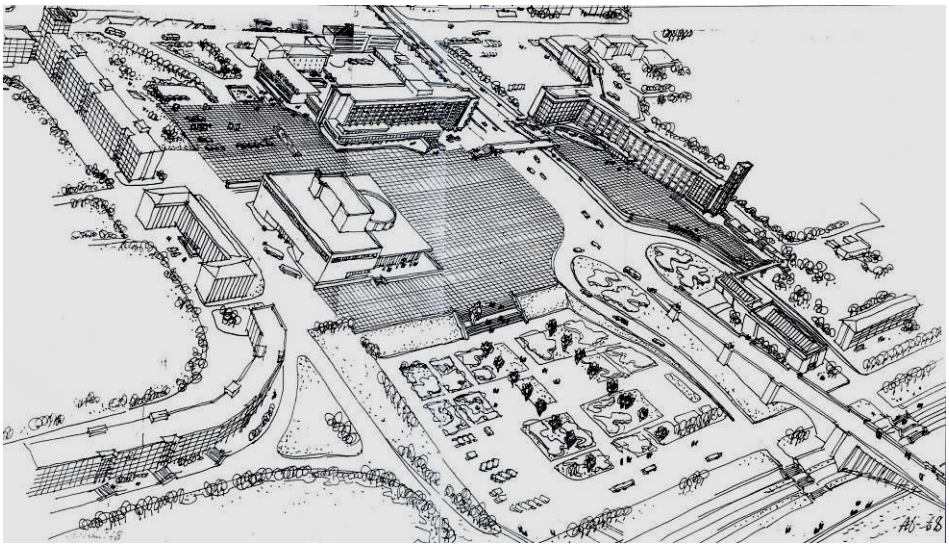


Рис. 5. *А.С. Демирханов. Набросок левобережной площади. Из личного архива А.С. Демирханова*

Учитывая особенности рельефа берега реки, было принято решение разделить все пространство площади на ярусы, чтобы она раскрыла свои «объятия» Енисею. Все предложения были учтены в проекте. Сейчас площадь состоит из четырех площадок: на первой, самой высокой, расположено здание Горисполкома, на второй – гостиница «Красноярск» и Театр оперы и балета, ниже

– площадка с памятником Чехову и завершает перспективу непосредственно сама прибрежная набережная и зеркало Енисея.

Доминантой выступает построенный в 1961 г. Коммунальный мост. Благодаря такому многоуровневому решению площади возникло большое открытое пространство, причем сложное, богатое, обращенное к Енисею и заповеднику «Столбы». Завершает площадь каскад фонтанов, построенных в 2001 г. Причем Театральная площадь предполагала целую систему дополнительных площадей или «созвездие площадей», по образному выражению А.С. Демирханова, одну большую и две маленькие авантплощади со стороны ул. Карла Маркса.

Первоначальная идея также отличалась от реализованной тем, что по проекту пешеходный мост над улицей Вейнбаума был запланирован значительно шире. Этот мост должен был служить продолжением ул. Урицкого, которая перегораживалась крупным блоком здания Горисполкома. Но чтобы улица не прерывалась таким тупиком, администрацию «проткнули», то есть построили широкую сквозную арку. Однако широкий мост не мог пропустить необходимый транспортный габарит потока. Для решения этой проблемы институтом «Гипрогор» проектировался целый тоннель под ул. К. Маркса, Мира, Ленина с выходом на реку Качу. Но в результате было принято решение мост просто сделать значительно уже.

Завершило оформление площади здание Красноярского речного пароходства. По образному выражению А.С. Демирханова, «о такой грандиозной площади хотелось крикнуть, и крикнуть надо было высотным зданием». Таким «криком победы» и стало это первое высотное сооружение в истории Красноярска. Проект вызвал ряд проблем и прежде всего финансовые. Даже лифтов для подобного рода зданий в Красноярске еще не было, хотя подобные скоростные высотные лифты уже использовались в Москве.

Проект гостиницы «Красноярск» в процессе тоже претерпел некоторые изменения. Здание значительно «выросло» в высоту: с пяти этажей до девяти, с 15 до 40 м. Такое повышение затрат на строительство было тяжело экономически обосновать, но с этой задачей удалось справиться. Ресторан, прилагающийся к гостинице, встраивается в здание, и со двора к ресторану присоединяется огромный теплый дебаркадер, в который в холодное время года должны заезжать машины – рефрижераторы с продуктами питания. А чтобы канализационные стояки проходили не через ресторан, был сооружен дополнительный технический этаж.

Благоустройство площади в полной мере сразу же осуществить не удалось. Вместо каскада фонтанов, которые планировалось соорудить на площади, первоначально был построен только небольшой прямоугольный фонтан перед зданием Театра, облицованный плиткой с мраморным напылением. Он служил охладителем для вентиляционный системы театра. По проекту А.С. Демирханова также предполагалось строительство крупных подземных парковок как под основным уровнем площади, так и под нижним.

Рис. 5. *Застройка и благоустройство площади им. 350-летия Красноярска со зданиями гостиницы «Красноярск» и городской администрации*

Процедура защиты проекта была длительным и сложным процессом. В решении этой нелегкой задачи архитекторам оказывали помощь представители Красноярской краевой власти. Прежде всего П.С. Федирко, бывший в тот период председателем крайкома партии и В.П. Капелька – первый секретарь горкома партии. Именно благодаря их усилиям на такие масштабные проекты были выделены средства и организована бесперебойная работа строителей. Окончательный же вид площадь приняла при мэре города Красноярска П.И. Пимашкове в конце XX в.

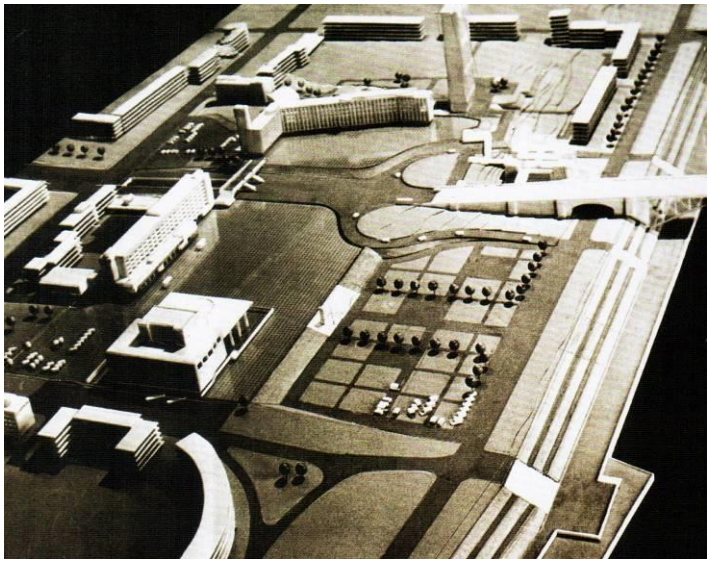


Рис. 6. *Макет левобережной предмостной площади 1967–1978 гг.*

Таким образом, возведенная усилиями многих людей Театральная площадь Красноярска стала уникальным объектом архитектуры города. Она являет собой, по образному выражению архитектора Э.М. Панова, мощный «отсыл» к великолепной панораме могучего Енисея, к сибирской природе. Огромное

пространство площади образует «объятия», как бы приглашающие зрителя войти в «вестибюль» левого берега.

Вторую часть этого грандиозного проекта – Правобережную площадь – поручили спланировать двум мастерским КОГПИ «Горстройпроект» (ныне КГП) и мастерской №2. Над ним трудилась целая группа архитекторов, таких как А.С. Брусянин (платформа под тремя жилыми домами на предмостной площади) А.Г. Матнин (комплекс из трех жилых домов по адресу просп. им. Газеты «Красноярский рабочий», 195, 197 и 199), В.П. Веретенов (руководитель авторского коллектива), Э.М. Панов (16-этажное здание гостиницы «Турист» на 540 мест с кинозалом, ул. Матросова, 2; жилой дом на 84 квартиры с помещениями авиационного агентства на первом этаже ул. Матросова, 4), Ю.В. Чубаров (соавтор жилого дома на 84 квартиры с помещениями авиационного агентства на первом этаже ул. Матросова, №4.

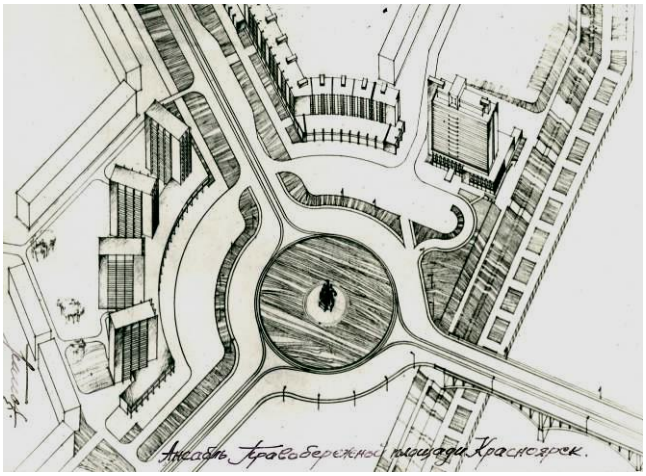


Рис. 7. *Зарисовка ансамбля правобережной площади Красноярска. Автор Э.М. Панов. Из личного архива Э.М. Панова*

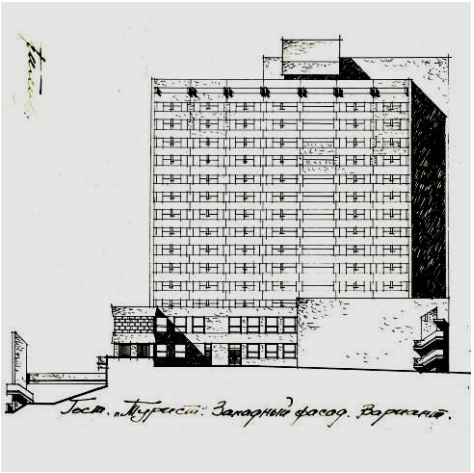
Сама идея правобережной площади была обозначена в проекте детальной планировки 1967 г., выполненной в Горстройпроекте**,** по которому на въезде на правый берег с Коммунального моста организовывалось кольцевое движение транспорта. Согласно архитектурному концепту, разработанному С. Назаровым, транспортное кольцо обозначило форму прилегающих к нему зданий, став центром площади, его основным композиционным «ядром».

Рис. 8. *Фото правобережной предмостной площади. 1987 г.*

Комплекс из трех жилых домов, спроектированных В.П. Веретеновым и А.Г. Матниным, был собран из железобетонных панелей заводского изготовления. Этот комплекс практически полностью соответствует идее Н.С. Хрущева «создавать дома на заводах», но «изюминку» жилому комплексу придает «платформа» Академии художеств, повторяющая изгиб транспортного кольца.

Рис. 9. *Схема планировки и застройки предмостного жилого района. Вариант 1962 г.*

Гостиница «Турист» тоже строилась из конструкций заводского изготовления. Однако нетиповыми являются элементы контура на боковом фасаде. Согласно примененным функциональным схемам, здание гостиницы имеет довольно жесткую внутреннюю планировку, но для удобства пользования архитекторы пошли на некоторые ухищрения: вход в каждый отдельный номер располагался в специальной выходной «нише», созданной с целью свободного прохода клиентами по узкому коридору. Примечательным является и тот факт, что незадолго до возведения данного объекта аналогичное по вместимости здание строилось в г. Сочи. Смета на строительство сочинского объекта ограничилась 3 млн руб., придерживаться этой сметы потребовало ЦК и от красноярских строителей, что также создало ряд проблем, возникших при проектировании. Как итог споров и компромиссов между архитекторами, строителями, инженерами, сметчиками и чиновниками ЦК, была построена гостиница третьей категории комфорта, то есть туристического класса. Над ее интерьерами работала талантливая группа дивногорских художников**,** которые создали для вестибюля интересные керамические панно.



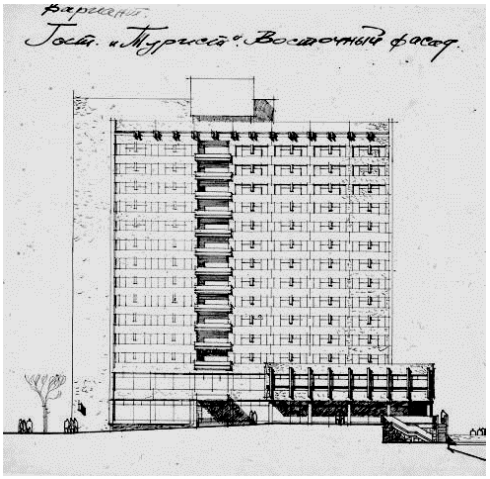


Рис. 10. *Гостиница «Турист». Восточный фасад. Из личного архива Э.М. Панова*
Рис. 11. *Гостиница «Турист». Западный фасад. Из личного архива Э.М. Панова*

Активные споры велись по поводу ориентации здания. Поступали предложения расположить объект торцом к транспортному кольцу, а главный фасад ориентировать на Енисей, однако позже было решено, что боковой фасад высотной гостиницы, завершающей собой знаменитый проспект, – не лучшее решение для одного из главных объектов площади.

Еще один объект – жилой дом по заказу ГВФ с помещениями авиакассы на первом этажах – стал попыткой создания нестандартных квартир эконом-класса. По идее автора Э.М. Панова, лоджии сыграли заметную роль на фасаде, создавая своеобразную светопластику фасадов. Алюминиевые скульптуры летящего Икара и Розы ветров, символизирующие воздушное пространство, появились на торце здания чуть позже, через год после строительства.

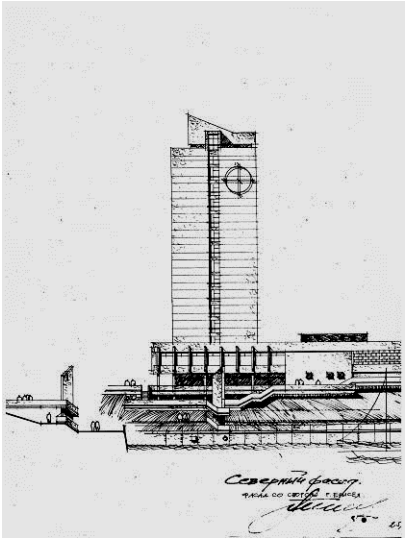


Рис. 12. *Гостиница «Турист». Северный фасад. Из личного архива Э.М. Панова*

Важно отметить, что в оформлении правобережной предмостной площади приняли участие известные скульпторы и художники не только из Сибири, но и со всей России.

Рис. 13. *Дом ГВФ. Дворовой фасад. Из личного архива Э.М. Панова*

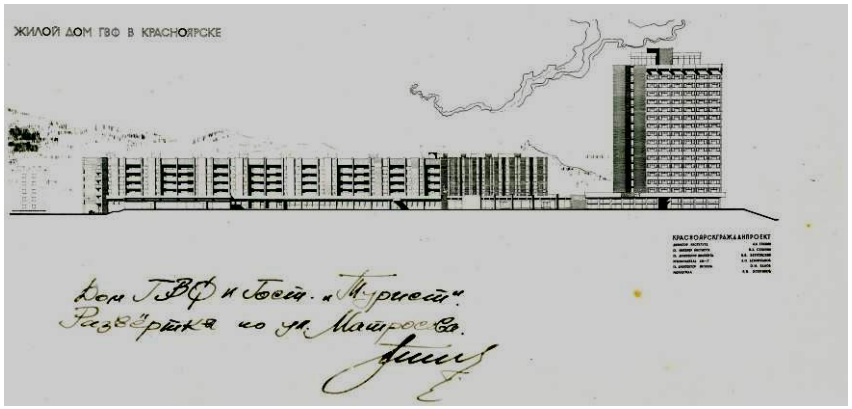


Рис. 14. *Дом ГВФ. Главный фасад. Из личного архива Э.М. Панова*

Планирование и строительство площадей, соединивших два берега Енисея, явилось важным событием для Красноярска. Выполненные в лучших архитектурных традициях, они изменили облик города, придав ему современный и неповторимый вид. К сожалению, современная градостроительная политика, не всегда учитывает эти обстоятельства. Ориентируясь на коммерческую выгоду, строит объекты, которые разрушают те созидательные идеи, над которыми плодотворно работали предыдущие архитекторы.

Библиографический список

1. *Царев В.И., Крушлинский В.И.* Красноярск. История и развитие градостроительства: монография. – Красноярск: Кларетианум, 2001. – 251 с.
2. *Ружже В.Л.* Красноярск. Вопросы формирования и развития / Государственный комитет по делам строительства при совете министерства СССР; Проектный и науч.-исслед. ин-т Красноярский Промстройниипроект. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1966. – 196 с.
3. *Слабуха А.В.* Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века / Науч.-исслед. ин-т теор. архит. и градостроит-ва Российской академии архитектуры и строительных наук. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 423 с.

Голодяев К.А.
golod62@mail.ru
МКУК музей города Новосибирска, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

БОГДАНКА – ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

Аннотация. В работе на основании открытых источников и воспоминаний старожилов рассматриваются малоизвестные страницы формирования исторического и отчасти архитектурного облика одной из главных улиц г. Новосибирска – ул. Б. Хмельницкого.

Ключевые слова: Новосибирск; Новосибирский завод химических концентратов (НЗХК); ул. Б. Хмельницкого.

Улицу имени Богдана Хмельницкого в Новосибирске сложно отнести к разряду исторических. Сформировалась она в 40–50-х гг. XX в. на землях Верхне-Ельцовской лесной дачи. Кусочек этого лесного массива остался в виде парка «Сосновый бор» и поймы ручья «Сухой лог».

Тем не менее улица имеет интересную, уникальную историю и с полным правом претендует на присвоение официального статуса примечательного места.

Известное и популярное в городе название «Красная горка» еще до войны носил обширный район частного сектора от улиц Танковой до Бардина. В 60-х территория этого поселка была застроена жилыми домами, известными как «хрущевки». Остановка транспорта «Стадион Сибирь» ранее так и называлась – «Красная горка». До 50-х гг. это было окончание ул. Дуси Ковальчук.

А собственно Богданка – дальше, это кварталы от стадиона до Учительской. На карте 1946 г. это место отмечено как «Жилплощадка». Здесь, в 29 и 30-х кварталах в 1947-м и началось первое жилое строительство. Это была комплексная застройка 18 кварталов вокруг композиционной оси в виде проспекта, ограниченная руслом 1-й Ельцовки и ее притоком Сухой лог **[9].** Стройматериалы подвозили по железнодорожной ветке, которая проходила по будущей улице А. Невского.

Новый район позаимствовал у соседей название «Красная горка». Капитальная застройка по типу соцгорода предусматривала дома с невысокой этажностью, с инфраструктурой: детсады, ясли, магазины и т.д. Во многих дворах был сохранен естественный зеленый массив.

В 50-х гг. этажность зданий повышается до 4–5 этажей, по центральной улице высаживаются липы. Поскольку дамба Сухого лога была построена уже значительно позднее, район был достаточно долго обособлен от города. В мае 1954-го в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией улице было дано имя Богдана Хмельницкого. Но старики говорят, что прежде это была улица имени Л.П. Берии. Документальных доказательств этому найти не удалась. Либо они уничтожены, либо запрятаны в засекреченной части архива завода химконцентратов, либо имя это было просто «народным», неофициальным.

Ведь по устоявшейся легенде, Лаврентий Берия (в то время председатель Специального комитета по использованию атомной энергии) в этих краях был даже не раз. Здесь самое время упомянуть о районообразующем предприятии – Новосибирском заводе химконцентратов.

Он находится на северном участке улицы Б. Хмельницкого и начинал свою биографию как завод № 250, хотя и не на пустом месте. Там, где сегодня раскинулись его корпуса, в начале 1930-х находились поля учхоза №1 Сибкрайсоюза, в 1942-м участок перешел СибВО – здесь размещались различные склады, в том числе ГСМ и авиалеса для Чкаловского завода. Чуть южнее в 1939 г. было начато строительство моторостроительного завода № 335 наркомата авиапромышленности, но вскоре было заморожено. В августе 1941-го строительство было возобновлено со сроком ввода завода в действие к 1 января 1943 [10]. Но ни трудовых, ни материальных ресурсов не хватало. Строительство перепрофилировали под завод № 74 наркомата тракторной промышленности, потом под прядильно-ткацкий комбинат, с декабря 1944 г. площадку вновь отдали под 335 завод, но в результате после войны возвели автомобильный.

Приказ о его строительстве 8 сентября 1945 г. подписал Иосиф Сталин. За три года завод был построен и даже успел выпустить два вручную собранных образца дизельного автомобиля НАЗ-253 грузоподъемностью 4 тонны.

Опять же, переходя на уровень «старики говорят», рядом здесь был лагерь для военнопленных немцев. Лагерь № 199 был образован летом 1944 г. **[4]** и существовал с 1944 по 1948 г. Первый эшелон с военнопленными прибыл в Новосибирск 19 сентября 1944 г., и их рабсилу активно использовали на строительстве заводов, прокладке автодорог и коммуникаций во всех частях города. Так что, вполне вероятно, что старики правы и одно из лагерных отделений было и в северной части города. Сегодня территорию бывшего лагеря занимает исправительная колония № 8.

В июне 1945-го года Лаврентий Берия приказал приступить к репатриации пленных. «По-простому говоря, избавлялись от тех, кто был обузой для НКВД: от больных, старых, дистрофиков...». А вот в 47-м начали отпускать: сначала венгров, затем австрийцев, а с начала 48-го и немцев **[3].** Военных преступников среди военнопленных в Новосибирске не было, и к январю 49-го лагерь №199 был закрыт.

В 1947-м для нужд автозавода и завода Чкалова началось строительство ТЭЦ-4. Кстати, первый вариант размещения этой ТЭЦ был как раз на Богданке в 30-м квартале: 25 лет Октября-Невского-Театральная.

Интересы страны требовали создания завода по переработке урановой руды. Крупнейшим городом на пересечении Транссиба и дороги на Семипалатинский полигон был Новосибирск. Для выбора места сюда приезжает Л. Берия, и 25 сентября 1948 г. Постановлением СМ СССР № 3578-1438сс все здания и сооружения промплощадки автозавода и его жилых кварталов (около 10 000 кв. м деревянных бараков) балансовой стоимостью более 20 млн рублей были переданы Первому главному управлению при Совете Министров СССР. Так был основан новый секретный металлургический завод № 250, или почтовый ящик № 80, производительностью 500 условных единиц металла в год.

В ночь на 2 февраля 1951 г. на 80-м «ящике» пошел первый металл – начался выпуск урана, который поначалу выплавляли открытым способом. Бывший инженер цеха контрольно-измерительных приборов Диана Федоровна Зенкова вспоминает: «С точки зрения автоматизации, механизации, контроля – это производство было первобытным» **[6].**

Лагерь при заводе никуда не делся, только сменился контингент. Уже наши, советские зеки-уголовники строили завод, жилье и другие объекты (политических

на предприятие не допускали). Ветеран завода, краевед Б.Н. Антипенко, со слов матери, работавшей в то время на п/я 53, рассказывает, что в 1953-м, за несколько дней до ареста Берии, в лагере произошел бунт. Вольнонаемных с территории немедленно вывели, после чего дело завершали пулеметы.

Долгое время район был транспортно обособлен. В 1945-м был «выстроен также переходной мост через овраг, разделяющий Красную горку с центральной частью района. В этом строительстве активно участвовали жители Красной горки. Их руками сделаны основные земляные работы» **[1].**

Дамбы через Сухой лог еще не было, и заехать от улицы Дуси Ковальчук было невозможно. Сообщение происходило лишь с улицы Жданова (Авиастроителей) по Учительской и 25 лет Октября. Еще в 1946-м для связи автозавода с Каменским шоссе планировалось построить через Транссиб путепровод с двухпутным трамвайным движением, который мы знаем сейчас как «горбатый мост» (в войну однопутный трамвай № 5 ходил от завода Чкалова только до железной дороги и обратно).

Во время распутицы транспорту даже к заводу пробиться было сложно. «Дороги от той точки, которую сегодня называем «Учительской», до завода тогда не существовало. Существовало болото – прорва, которая поглощала все, что туда кидали. Каждый год дорогу строили заново, и каждый год после зимы она неизвестно куда уплывала» **[8]**. Из-за песчаных и супесчаных грунтов дорожное полотно улицы строилось тяжело – сначала укладывалось железобетонное покрытие, и только после его фиксации можно было асфальтировать.

Интересную заметку о быте жителей Красной горки мы находим и в «Советской Сибири» за 1950 г.: «Население «Красной горки» в Дзержинском районе испытывает много бытовых неудобств. Единственный ларек не удовлетворяет потребности покупателей. Нужно открыть дежурный продовольственный магазин. Пора построить у нас и водоразборные колонки. Из-за отсутствия моста через Ельцовку жители не могут завезти топливо, пользоваться автотранспортом. Был небольшой мостик, но весной его снесла вода. То же случилось и с незаконченным новым мостом. Для связи с центром города необходимо восстановить трамвайную линию пятого маршрута и связать ее с линией маршрута № 7. Нужно также радиофицировать наш поселок» **[2]**. Краевед Ольга Крицкая уточняет, что в этой заметке речь идет, скорее всего, «о мосте через овраг в районе Учительская – О. Дундича, так как застроенные кварталы ближе к Учительской тогда уже назывались Красная горка, а 5-й маршрут ранее связывал соцгород Чкаловского завода через пр. Дзержинского с центром, о восстановлении его, видимо, и упоминается» **[12].**

В 1953 г. запущен первый блок ТЭЦ-4. Тогда же наконец-то была построена капитальная дамба через Сухой Лог **[11]**, и в 1954-м по улице побежали пассажирский автобус и трамвай до пл. Калинина, легендарная «пятерочка». К 1958 г. открыли движение и по «горбатому мосту».

Есть на Богданке и другие секреты.

Так, улица 25 лет Октября в Постановлении о переименовании от 28 декабря 1950 г. названа «имени 25-го Октября». До этого она была Разъездной. Теперь кто-то говорит о нынешнем неверном названии, кто-то утверждает, что улица всегда была «25 лет Октября», а «имени 25-го Октября» – просто описка в официальном документе.

Еще одна тайна тех лет. Один из уважаемых старожилов рассказал мне, что

прямо на нынешней ул. Б. Хмельницкого было расположено одно из строительных отделений лагерей СибЛага. Лагерь перегораживал будущую улицу на участке от Театральной до 25 лет Октября, там, где сейчас Павловский сквер.

Про лагерь я не уверен, но что улица представлялась сплошной огороженной зоной – вполне возможно. Ведь то, что многие дома по Богданке строили зеки, это факт. Есть и фотография, где видно эти стройки, обнесенные высоким забором с колючей проволокой. Но это не пленные немцы, как думают многие, а самые что ни на есть наши, советские зеки.

Памятных объектов много. Это и хоккейная коробка 27 квартала, и прекрасный магазин «Ткани» на Б. Хмельницкого, 55, в котором изначально, с 1955 г. был и стол раскроя, где можно было не только купить ткани, но и заказать пошив одежды, подогнать ее по размеру. Кстати, магазин существует до сих пор – вот уже 60 лет. А в другом магазине – в продовольственном по ул. 25 лет Октября (еще не открытом) – был первый танцевальный клуб 250-го завода.

Это Верхняя и Нижняя зеленые зоны, со своими фонтанами. Благоустройство верхней зоны задумывалось как детский «сквер мира». Здесь же были спортивные площадки завода: городошная, волейбольная, а в нижней зоне, напротив бань, был первый стадион хоккейной команды «Химик», которую мы сейчас знаем как ХК «Сибирь». Богданка – это сердце новосибирского хоккея, пользующего большой популярностью у горожан. Ему (хоккею) очень повезло с патронажем. Директора 250-го завода Анатолий Назарович Каллистов (1951–1956) и Павел Семенович Власов (1956–1975) были страстными любителями этого вида спорта и сделали все возможное для его качественного развития в городе.

Продолжая спускаться по улице, отметим легендарный ресторан «Восток» с роскошным двухэтажным залом, «Дворец вальсов» или кафе-клуб «Отдых», открытый вопреки центральным властям как межшкольный учебный комбинат, ледовый дворец «Сибирь», который строился без прерывания хоккейного сезона, наращивая стены и перекрытия вокруг ледовой арены и трибун. Не забудем и былые магазины: легендарную «блинку» (Б. Хмельницкого, 10/1), ювелирную «Малахитовую шкатулку» (Б. Хмельницкого, 13), кондитерский магазин «Аленка» (Б. Хмельницкого, 3). Особо значимыми в архитектурном решении считаются дома 34 квартала, «Алиса» и «Гулливер» (1947), состоящие в реестре охраны культурного наследия, и несколько поздний комплекс ДК им. Горького (1957).

Известный детский писатель Юрий Магалиф вспоминал, как еще в конце войны он, будучи заключенным, валил кряжистые деревья и корчевал пни в густом березовом лесу. По его словам, происходило это как раз на месте сегодняшнего ДК Горького **[7].**

Для тех лет это был крупнейший Дом культуры в городе. И хотя он был построен по типовому проекту, но сразу создался как организованный ансамбль с прилегающими домами, что было редкостью для нашего города: сам ДК, дома по Б. Хмельницкого, 38 и 42. В состав комплекса также входят и школа № 110, и дома № 35 и 39, построенные ранее. Правда, нечетная сторона не входит в перечень охраняемых объектов.

Здание построено еще в стиле сталинского неоклассицизма. Но окончание его строительства пришлось на период борьбы с архитектурными излишествами, и достраивалось оно уже тайно от Москвы, в разряде промышленного строительства секретного ведомства, что позволило уйти от бдительного ока цензора.

На фронтоне здания до 90-х гг. красовались три скульптурные композиции, олицетворяющие конституционные права в СССР – Право на Труд, Образование и Отдых, – скульптора Михаила Меньшикова. Центральная фигура планировалась со светящейся рубиновой звездой в руке. Профиль Максима Горького на фасаде выполнен замечательным художником Верой Штейн.

Та же пышность неоклассицизма наблюдается и в интерьере здания, который, по счастью, практически не изменился за эти 60 лет. Люстры, лестницы, лепнина, великолепный зал 2-го этажа.

Художник Александр Чернобровцев рисовал в этом зале портрет М. Горького. Он задумал выполнить его в классической технике «alfresco» – росписью по сырой штукатурке. Чернобровцев рассказывал, как он решил блеснуть своими познаниями техники итальянских мастеров. «Там работали заключенные, я им дал рецепт, они сделали раствор, заштукатурили стенку, на которой я должен был написать портрет. Я написал. Прихожу на следующий день – все потрескалось! Снова мои подручные штукатурят, я пишу портрет, а наутро – все то же самое. Продолжалось это раз десять, пока зеки не возмутились: что ж ты делаешь, мы-то штукатурим 1:6, а ты 1:2! Оказалось, что итальянская известь гораздо «тощее» сибирской. Потом я на глаз сыпанул песка в этот раствор – и ничего, больше не потрескалось» **[5]**.

ДК всегда был и остается центром культурно-массовых мероприятий района. С главного и паркового фасадов стоят фонтаны, на парковой стороне он сейчас не работает, ждет реставрации, а когда-то там была полноценная зона отдыха с буфетом, прогулочной зоной, танцплощадкой. С обеих сторон ДК в парк спускаются когда-то шикарные лестницы с массивными балюстрадами и светильниками. Ели у ДК и парк сформирован из деревьев, специально привезенных с Алтая.

Сейчас при планируемом капитальном ремонте здания очень важно не испортить всю эту сказку.

В советское время, в годы застоя Богданка была не только местом комфортной жилой среды с дворами, скверикам, фонтанами, но и «меккой» для покупателей. Былой «единственный ларек» канул в далекое прошлое. В «Калининке» организовано ведомственное снабжение атомного Министерства среднего машиностроения, и даже в простых магазинах бывали на полках продовольственные и другие товары, которых в Новосибирске днем с огнем не сыщешь. И сюда специально ездили отвариваться, даже с левого берега.

Нельзя отрывать от Богданки и еще один микрорайон. Кстати, несущий №1. Он же 43-й квартал той же жилищной застройки 250-го завода или так называемый тещин язык.

Улицы частного сектора, бывшие на этом месте еще в 20-е гг., носили воинственные названия: Баррикадная, Стрелковая, Орудийная, Боевая, ставшая Танковой. Начиналась Боевая улица с Солдатского мостика на стрелке 1-й Ельцовки. Мостик этот издавна пользовался дурной славой – переходить здесь вечером было опасно. А рядом, выше по реке, в районе улицы Степана Разина, был «казахский аул». Здесь в землянках, вырытых по склонам речки, жили казахи, содержались малины, продавался опиум и т.п.

В 1960-х гг. при начале массового жилищного строительства все это снесли и микрорайону был присвоен №1. Интересно, что нумерация микрорайонов шла с юга – от Сухого лога до Родников, а нумерация кварталов – с севера. К тому же

все дома на «тещином языке» имеют нечетную нумерацию. Смерть логике империалистического шпиона.

Здесь тоже работали магазины с отделами рабочего снабжения, Детский мир, мебельный, книжный, ателье. За углом на улице Танковая, 1 работала знаменитая пельменная ручной лепки.

Через дорогу, в следующем 41-м квартале были спортивный магазин, культтовары, хороший продуктовый. Здесь начиналась ул. Народная, точнее часть переименованной в 1950-м улицы Калинина. Но главной легендой 41-го квартала был Еврейтрест – проектный институт Минсредмаша, существующий и поныне как НПО «Электрон». Свою кличку учреждение приобрело из-за определенного руководящего состава и престижности работы в этом здании.

Новая высотная застройка, все более и более вгрызающаяся в тело Богданки, коверкает ее архитектурный облик, ее особый стиль 50-х, устоявшуюся ауру заповедника. Поэтому неравнодушные жители так остро, так тяжело расстаются с символами своего былого комфорта, выступают против нового строительства, за придание району статуса памятного места городской среды.

Библиографический список

1. Благоустройство района // *Советская Сибирь*. – 1945. – 26 окт. – С. 2.
2. Благоустроить «Красную горку» // *Советская Сибирь*. – 1950. – 25 июля. – С. 2.
3. *Букин С.С.* Захоронения военнопленных в Новосибирской области // *Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.):* Бахрушинские чтения 1998 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2001. – С. 192, 193.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 4. Оп. 33. Д. 805. Л. 25, 26.
5. ДК имени А.М. Горького (ул. Богдана Хмельницкого, 40) [Электронный ресурс] // *Новосибирск в фотозагадках*. – URL: http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=130#p1030 (дата обращения: 13.11.2015).
6. *Кузменкина Л.А.* Его жизнь – завод Химконцентратов [Электронный ресурс] // *Сибирская библиотека краеведения*. – URL: http://bsk.nios.ru/content/ego-zhizn-zavod-himkoncentratov (дата обращения: 22.11.2015).
7. *Магалиф Ю.М.* Далекий взлет // *Мой Новосибирск: книга воспоминаний* / под ред. Т. Ивановой. – Новосибирск: Детская лит., 1999. – С. 153, 154.
8. *Павлов А.А.* Так начинался завод // *Разбуженный атом. 50 лет НЗХК.* 1948–1998. – Новосибирск: НЗХК, 1998. – С. 48, 49.
9. *Петухов М.Ю.* Жилищный комплекс «Красная горка» // *Энциклопедия. Новосибирск*. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. – С. 318.
10. *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 95.
11. *Советская Сибирь*. – 1954. – 23 янв. – С. 3.
12. Улица Богдана Хмельницкого в 1954–1958 гг. [Электронный ресурс] // *Новосибирск в фотозагадках*. – URL: http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=3005#p4156 (дата обращения: 13.11.2015).

Костова Е.В.
Хиценко Е.В.
e_kostova@ngs.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.036
ББК 85.1

АРХИТЕКТУРНАЯ ПАРАДИГМА «СТАЛИНСКОГО АМПИРА»

Аннотация. С системной точки зрения рассматриваются основные тенденции развития архитектурной парадигмы «сталинского ампира» и определяются её социоисторические основы. На базе социогенетического подхода раскрывается эволюция архитектурного стиля сталинской эпохи как системная смена трёх фаз: генезис, дифференциация и интеграция. Делается вывод, что «сталинский ампир» представляет собой «полистилистический» синтез традиций и новаций, неоклассики и конструктивизма, ордерных и внеордерных форм, духа коллективизма и государственности на основе концептуальной преемственности мировых и национальных стилевых направлений.

Ключевые слова: архитектурная парадигма; «сталинский ампир»; советская неоклассика; архитектурное стилеобразование.

1. Постановка проблемы исследования. Теоретическая значимость темы определяется необходимостью проведения комплексного анализа исследований концепций стилеобразования «сталинского ампира» в отечественной искусствоведческой науке. Активное взаимовлияние различных архитектурных стилей и творческих течений сделало стилеобразование этой эпохи крайне неоднозначным и достаточно сложным для понимания культурным явлением. «Сталинский ампир» до сих пор остаётся «белым пятном» в современном искусствоведении, что препятствует воссозданию единой картины концептуальной преемственности в отечественной истории архитектуры. Невыясненной остаётся и взаимосвязь архитектурно-градостроительных тенденций «сталинского ампира» с тенденциями мировой архитектуры.

В последнее время проблемы реконструкции культурного наследия России вызывают огромный интерес отечественных и зарубежных историков архитектуры и искусствоведов. Эпоха Сталина занимает центральное место в истории Российской цивилизации XX в., так же, как и «сталинский ампир» в советской архитектуре, поэтому необходимость изучения этого явления не вызывает сомнений. Перед исследователями «сталинской архитектуры» встаёт целый ряд взаимосвязанных вопросов: какие формы принимало взаимодействие политики и архитектуры в этот период, каким был механизм стилеообразования, из какого множества тенденций складывалась итоговая стилистическая результирующая в архитектуре, что было типичным явлением и что частным, на основе какого целеполагания и каких возможностей получались те или иные результаты, что воплотилось в жизнь и что осталось нереализованным, как осуществлялся переход от желаемого к действительному, как менялись сложившиеся представления архитекторов о стилеобразовании, как трансформировалась градостроительная практика, в чём заключается её влияние на современность и какова общая концептуальная преемственность в отечественной архитектуре.

Обработать это проблемное поле помогает социально-историческая

интерпретация «сталинского ампира». По своему социально-субъектному характеру «сталинский ампир» – это целостное, но далеко не однородное явление. С одной стороны, целостность данному периоду придаёт генеральная партийная линия в управлении культурой, определившая дальнейшее становление социалистического общества. С другой стороны, в конце 1920-х гг. И.В. Сталин неслучайно выдвинул известный конфликтологический тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. Чем активнее строилось новое общество на началах сотрудничества, тем больше в его рамках усиливалась борьба различных социальных субъектов. В таком понимании «сталинский ампир» зародился, сформировался и прекратил своё существование в жёстких условиях «репрессивных циклов» – острого социального конфликта того времени, который как комплексное явление до сих пор всесторонне не описан историками. В этой связи очевидна «герменевтическая» трудность современных искусствоведов в интерпретации феномена «сталинского ампира»: после социально-политического сдвига от социализма к либерализму социальные конфликты в российском обществе существенно снизились, и современное состояние сравнительной бесконфликтности в научном сообществе архитекторов и искусствоведов мешает в полной мере понять культурное наследие прошлого – увидеть в архитектурных формах и стилях не отражение актуального государственного заказа «сверху» или патриотического энтузиазма «снизу», а следы острого противостояния конкретных социальных субъектов на всех уровнях общественных отношений, последствия и отголоски которого сохраняются и в наши дни. Обнаружить такие «следы» и истолковать их значение в архитектуре гораздо сложнее, чем в литературе или живописи.

Целью данной работы является попытка целостно интерпретировать сложный и противоречивый характер архитектурного формообразования этого времени. На значительном хронологическом расстоянии от периода «сталинского ампира» современные исследователи имеют больше возможностей для ответа не только на вопрос, что было сделано архитекторами того времени, но и на вопрос, как это было сделано. Активное взаимовлияние различных архитектурных стилей и творческих течений сделало стилеобразование этого времени крайне неоднозначным и достаточно сложным для понимания культурным явлением. С одной стороны, налицо множество выдающихся имен и известных архитектурных проектов, а с другой стороны, «мы ещё многого не знаем о том, что было построено, особенно за пределами столиц и крупнейших городов, и тем более не знаем о том, что не сумело воплотиться в жизнь… не знаем имён и биографий сотен архитекторов – достойных профессионалов, чьими усилиями создавалась среда обитания для миллионов людей» **[1, с. 7]**.

2. Системный подход. Развитие общественных отношений в истории мировой культуры порождает смену архитектурных парадигм: от древнеегипетского гигантизма и античной классики до эклектизма и неоклассицизма, от конструктивизма и функционализма до деконструктивизма и постмодернизма. Любая архитектурная парадигма всегда заключает в себе внутрисистемное противоречие между динамичным содержанием и консервативной формой в проектировании архитектурной среды: традиции (старые архитектурные формы – культура прошлого), новации (новое общественное мироотношение – культура будущего) и синтез (культура настоящего). Исходя из этого, основное противоречие «сталинского ампира» – это,

с одной стороны, статика и консервативные концепции ордерной классики (против элементов культуры будущего), с другой стороны, динамика и прогрессивные концепции функционализма (против элементов культуры прошлого), а в результате – синтез в том или ином варианте в зависимости от стандартов архитектурного научного сообщества.

С системной точки зрения, чтобы сформулировать основную проблему архитектуры «сталинского ампира», целесообразно привлечь такие понятия, как система и структура. Любая система – это взаимосвязанная совокупность всех элементов объекта (содержание), а структура (форма) – это конкретный способ связи этих элементов. К 1930-м гг. политическое и социально-экономическое содержание советского общества как системы значительно обогатилось новыми элементами, а культурные формы общества существенно отставали.

Наиболее ярко эта проблема была отражена в историческом споре большевиков с меньшевиками, например, В.И. Ленина с Н.Н. Сухановым и Г.В. Плехановым. Меньшевики полагали, что сначала необходимо создать новую культуру, а потом проводить политические и социально-экономические преобразования. Ленин (а также и Сталин) считал наоборот: «Если для создания социализма требуется определённый уровень культуры… то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» **[3, с. 720]**. Это было написано в 1922 г.

Однако культурная революция, которую в 1920-е гг. начал проводить «Пролеткульт», так и не была осуществлена. Поэтому хотя социально-экономическое содержание советского общества и развивалось очень динамично, но общая культурная форма этого содержания по-прежнему продолжала оставаться относительно консервативной и статичной. С точки зрения социальной дифференциации в социально-экономической сфере советского общества главную роль играли рабочие и крестьяне (дух коллективизма), а в сфере культуры и политики доминировала бюрократическая интеллигенция (дух государственности).

Вышеизложенное социальное противоречие и определяло основную проблематику архитектурной парадигмы «сталинского ампира»: как конкретно совместить новое содержание со старыми формами? как приспособить классический ордер или конструктивизм к новым условиям? как передать дух коллективизма в современной архитектуре? Таким образом, с социоисторической точки зрения основная проблема «сталинского ампира» – это системное расхождение между динамичным содержанием и консервативной формой в сфере архитектурного стилеобразования 1930-х – 1955 гг.

Следует отметить, что данная проблема не уникальна: она характерна для архитектурной ситуации всех переломных исторических эпох, только относительный масштаб этого противоречия становится по ходу исторического процесса всё более громадным, так как социальное содержание всё время количественно возрастает, а старые концепции стилеобразования «отмирают» крайне медленно, продолжая непрерывно накапливаться. Если, к примеру, в эпоху Французской революции XVIII в. основная концептуальная борьба происходила между барокко и классицизмом **[6, с. 18]**, то в концептуальном поле формообразования сталинской эпохи были в той или иной степени

актуализированы архитектурные принципы всей накопленной культуры человечества: древнеегипетский гигантизм, античная классика, схема христианского крестовокупольного храма, массивный романский стиль, каркасная система готики, монументализм арабского Востока и Индии, Ренессанс с его домами-дворцами (палаццо), барокко, рококо, классицизм, эклектизм, модерн, рационализм, авангард, формализм, конструктивизм и функционализм.

3. Социогенетический подход. Чтобы получить более определённое понятие о рассматриваемом феномене, надо раскрыть его эволюцию с социогенетической точки зрения.

В постреволюционной фазе генезиса данного феномена в советской культуре (и архитектуре) происходит смешение (соединение) традиций и новаций и образуется системное противоречие между старой формой и новым содержанием. Социальный носитель традиций – бюрократическая интеллигенция (партийно-государственная и профессорско-преподавательская). Общее мироотношение – дух государственности, авторитарности. Оно выражает сложившуюся к тому времени консервативную форму культуры, в частности, в сфере архитектуры. Мастера старого времени приспосабливаются к новым условиям. Социальный носитель новаций – трудящиеся массы (рабочие и крестьяне). Общее мироотношение – дух коллективизма, общего сотрудничества, синергизм. Оно отражает новые общественные отношения, характеризующие динамичное социоэкономическое содержание советского общества данного периода. Развивается критика сложившихся традиций.

В *фазе дифференциации* в архитектурной среде сталинской эпохи происходит возрастание различий в стилеобразовании и дальнейшее развитие системного противоречия между традициями и новациями вплоть до крайнего концептуального расхождения: классический ордер, авангард, формализм, конструктивизм, функционализм, громадность, монументальность, героизм, декоративность, акцентирование фасада, железобетонный каркас.

В *фазе интеграции* происходит консолидация наиболее устойчивых архитектурных форм, концепций и стилей на основе взаимодополнительности. Исторически такой архитектурный синтез осуществился как «социалистический реализм».

Основной метод такого реалистического синтеза, как и в любом творчестве, это – 1) комбинирование и 2) критический отбор. Иными словами, на базе «полистилистики» окончательно сформировавшегося «сталинского ампира» свободно комбинируются все имеющиеся архитектурные концепции и стили, а потом происходит жёсткий отбор полученных форм. Первый процесс осуществлялся творческими коллективами архитекторов, а второй – партийно-государственными органами.

Отсюда возникает главная задача «социалистического реализма» – отобрать всё полезное и устранить бесполезное с точки зрения построения нового общества (принцип целесообразности). Социальный носитель реализма – творческая трудовая интеллигенция (техническая и гуманитарная); по выражению Д.Н. Чечулина, «советская формация архитекторов» **[7, с. 30]**. Общее мироотношение – дух коллективизма с сильными авторитарными элементами, подчинение индивида государственному целому.

Во внешней среде СССР, как и раньше Россия, находился на положении «осадной крепости». В литературе часто цитируются известные слова И.В.

Сталина, произнесённые им в 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» **[5, с. 39]**. Поэтому закономерно дух коллективизма сопровождался «явлениями высокой авторитарности… рабочая коммуна: обобществленное питание, жилище, воспитание детей, и – авторитарная структура фабрики, где работают эти же рабочие; Красная армия – бледные зачатки форм коммунистического общежития, красная казарма, и – высоко-авторитарные формы боевой организации армии как таковой)» **[4, с. 39-40]**. В силу исторической необходимости государство становится все более жестким и централизованным, что естественно отражается и на архитектуре.

Коллективные поиски концептуального решения проблемы архитектурного синтеза в условиях жёсткой государственности и породили «такую невероятную полистилистику» в сталинской архитектуре, о которой пишет Г.Н. Яковлева, противопоставляя ее «жесткой моностилистике» в фашистской архитектуре Италии и Германии **[8, с. 25]**, где проблема синтеза традиций и новаций решалась исключительно индивидуальными усилиями отдельных талантливых архитекторов (в рамках «возврата к античности»). Коллектив гораздо труднее подчинить централизованной государственной власти, чем отдельных индивидов.

4. Архитектурная парадигма «сталинского ампира». Основные принципы архитектурной парадигмы «сталинского ампира» заключаются в следующем:

1) *Выражение миросозерцания эпохи*. Критерий: отражение духа коллективизма и государственности. Здания должны быть доступными для трудящихся масс и отвечать их социальным потребностям, соответствовать их психологии (синергия, воля, творческая бодрость, чувство радости, возрождения и роста), а не служить величественным оборонительным укреплением в духе аристократии или олигархии.

2) *Монументальность архитектуры*. Критерий: значительно большая величина, чем в античной архитектуре, так как СССР по своим размерам количественно больше античных государств. Грандиозность, многозначительность. Чувство родства с целым.

3) *Целесообразность*. Критерий: применение современной строительной техники (железо, стекло, железобетон); современные перекрытия.

4) *Ансамблевое решение*. Критерий: соответствие архитектурной и природной среде.

5) *Освоение и критическая переработка культуры прошлого*. Критерий: рациональное использование архитектурных форм как классицизма, так и функционализма с отказом от стихийной эклектики капитализма.

6) *Организованность*. Критерий: принципы устойчивости и подвижности, статичности и динамичности.

7) *Световое и цветовое решение*. Чрезвычайная значимость света и цвета. Критерий: открытость свету – отражение солнечного света и создание искусственного света. Цветовой ряд: в фасаде и интерьере следует избегать чёрного, серого, монотонного белого и пёстрого. Искусственный цвет позволяет в зависимости от обстоятельств варьировать цветовую гамму. Игра света.

8) *Гуманизм*. Критерий: не человек для архитектурной среды, а архитектурная среда для человека. Органическое включение в архитектуру скульптуры и живописи. Архитектура как система идей и чувств прошлого и будущего пролетарской социальной субъектности.

Архитектура всегда выражала и обобщала основное мироотношение, т.е. чувства и настроения эпохи. В советский период основным было, прежде всего, чувство коллективизма, сотрудничества, синергизма. Закрепить и передать будущим поколениям мироотношение коллективизма – в этом заключалась организационная функция сталинской архитектуры. Это прекрасно понимали и наиболее «продвинутые» архитекторы Запада, настойчиво предлагавшие свои проекты советскому обществу. В своём письме А.В. Луначарскому (13 мая 1932 г.) знаменитый конструктивист и функционалист Ле Корбюзье именно так и описывал миссию советской архитектуры: «бесчисленные усилия, огромный труд, безыменный или именной в последние сто лет развития Науки, создал в мире великое сотрудничество. Нет ни одного технического новшества – железобетон, железо, стекло, отопление, вентиляция, акустика, статика, динамика, нет ни одного орудия: любого рода машины, – которые не утверждали бы это великое сотрудничество! Миссия архитектуры – в данном случае архитектора – привести в порядок всю эту армию сотрудничающих; творческой властью композиции, силой возвышенного замысла она может выразить единственное и прекрасное лицо творящего человечества» **[2]**.

Архитектурная парадигма «сталинского ампира» разрабатывалась различными конкурирующими научными сообществами архитекторов:

1) «Пролетарская классика» И.А. Фомина. Комбинирование наиболее героических и в то же время простых классических форм. Главный акцент в выражении гармонии и красоты делается на дорический ордер. Целесообразное упрощение классики: вместо карнизов простые полки, вместо колонн простые цилиндры, железобетонный каркас. За основу берутся образцы русского классицизма конца XVIII – начала XIX вв.

2) Универсалистская школа А.В. Щусева – Д.Н. Чечулина. Комбинирование форм классицизма и конструктивизма с традиционными национальными мотивами архитектурной пластики. Стремление к чёткому ансамблевому решению, целостному единству разнородных элементов, эстетичность и образность, использование современной техники.

3) Неоренессансная школа И.В. Жолтовского. Комбинирование ренессансных форм. Пропорциональность, гармоничное отношение частей к целому, монументализм, жизнеутверждающий оптимизм.

4) Школа Б.М. Иофана. Комбинирование различных монументальных форм в обход классики и авангарда. Постконструктивизм. Пластичность. Внеордерная сверхмонументальность на основе объемно-пространственной структуры. Проектирование высотных зданий, небоскребов, что не только целесообразно с точки зрения экономии пространства, но и отражает устремлённость к высшим идеалам.

В процессе взаимодействия отдельных архитектурных школ формируется интегральная результирующая «сталинского ампира» – «полистилистический» синтез традиций и новаций, неоклассики и конструктивизма, ордерных и внеордерных форм на основе концептуальной преемственности мировых и национальных стилевых направлений.

Заключение. Таким образом, модель постановки и решений проблем в архитектурной парадигме «сталинского ампира» – это комбинирование и отбор наилучших архитектурных форм на основе «полистилистики» с целью выражения основных черт психологии эпохи: коллективизм, воля, героизм, национальный

характер, грандиозность, монументализм, синергизм, динамизм, пластичность, целесообразность, красота, организованность, гармония, устойчивость, возвышенность и устремлённость в будущее.

В заключение можно сделать вывод, что в процессе развития такого системного целого, как архитектурная среда «сталинского ампира», постепенно осуществляется «полистилистический» синтез традиций и новаторства: неоклассики и конструктивизма, ордерных и внеордерных форм, духа коллективизма и духа государственности. Такое синтетическое освоение архитектурных форм на основе взаимодополнительности позволяет говорить о концептуальной преемственности в сфере советской архитектуры в контексте мировых и национальных стилевых направлений. Традиционные архитектурные концепции и стили никуда не исчезают, не «отрицаются» бесследно, а комбинируются по-новому в изменившихся социальных условиях.

Библиографический список

1. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: КомКнига, 2010. – 496 с.

2. *Ле Корбюзье.* Письмо А.В. Луначарскому от 13 мая 1932 г. // Луначарский А.В. Об искусстве. Т. 1. – М.: Искусство, 1982. – 470 с. – URL: http://coollib.net/b/4276/read#t85

3. *Ленин В.И.* О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. Избранные произведения в трёх томах. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. Т. 3. – С. 718–721.

4. *Плетнёв В.* Возможна ли пролетарская культура? // *Культура и быт:* Сб. ст. под ред. Коллегии научных сотрудников при ЦК Пролеткульта. – М.: Всероссийский пролеткульт, 1924. – С. 39–40.

5. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. – 423 с.

6. *Хан-Магомедов С.О.* «Сталинский ампир»: проблемы, течения, мастера // *Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления*. – М.: КомКнига, 2010. – С. 10–24.

7. *Чечулин Д.Н.* Жизнь и зодчество. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 126 с.

8. *Яковлева Г.Н.* Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // *Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления*. – М.: КомКнига, 2010. – С. 25–30.

Марьясова М.К.
mar98asova@gmail.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 7.04
ББК: 85.101

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО БАРОККО В ИСТОРИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ СОВРЕМЕННОГО НОВОСИБИРСКА

Аннотация. В исследовании предложен подход к актуализации советского барокко как основной доли наследия архитектурного декора и исторического интерьера зданий общественного назначения г. Новосибирска. Огромный массив несистематизированных малых архитектурных форм размещается в садах и парках нашего города. Приводится пример современной реконструкции убранства внутреннего холла при главном входе учебного корпуса СГУПСа по адресу ул. Дуси Ковальчук, 191.

Ключевые слова: реставрация; советское барокко; архитектурный декор; интерьер; Новосибирск.

1. Актуализация наследия советского барокко в Новосибирске. Наследие советского барокко, в которое мы включаем интерьеры и экстерьеры, датируемые 45-м – серединой 50-х гг. (с поправкой, что в Новосибирске одиозная хрущевская «борьба с излишествами» началась с запозданием), составляет основную долю культурно-исторического наследия города. В своем удельном весе оно может поспорить и с наследием конструктивизма, и с наследием 30-х гг., учитывая, что авангарда в чистом виде в Новосибирске практически не осталось, а многие свидетельства развития искусства 30-х, к сожалению, до наших дней не сохранились. Характерно, что в 45-м – середине 50-х гг. здания не только строились и украшались, но и реконструировались в соответствии с идеологическими потребностями послевоенных лет. В связи с этим, говоря о советском барокко, эффективно изучать именно архитектурный декор и малые архитектурные формы, так как пропорции самих зданий в целом многое переняли от конструктивизма и ар-деко.

Советское барокко – причудливая эклектичная смесь барокко, соцреализма, ампира, влившихся в стилистическое течение, результатом которого стал синтез советского ордера. Развитие стиля стимулировало начавшееся в XX в. массовое производство элементов архитектурного декора посредством контроля за созданием шаблонов для отливок. Однако «огранка» стиля произойти не успела, так как начавшаяся борьба с украшательствами и последующий переход к брежневскому этномодернизму воспрепятствовали дальнейшему тиражированию экстерьерной и интерьерной лепнины.

2. Проблемы реставрации архитектурного декора. Одной из очевидных проблем современной реставрации неоклассицистического наследия является высокая степень бюрократизации и отсутствие специализированного внимания к объектам, расположенным вдоль основных магистралей нашего города. Процесс обрушения декоративных элементов актуально артикулировать, поскольку архитектурный декор советского образца, неминуемо приходящий в упадок, становится потенциально опасным для жизни среднестатистических российских граждан. То, что кажется вечным, в условиях резко континентального климата неминуемо приходит в упадок. Во-первых, существует проблема разнородности

цементов, использованных для отливок; во-вторых, состояния армирующих элементов, ржавеющих или гниющих.

Ознакомительные прогулки по площади Калинина, ул. Дуси Ковальчук и Богдана Хмельницкого позволяют нам составить в целом негативное впечатление относительно текущей реставрации фасадов каменных гигантов советского послевоенного неоклассицизма. Налицо закономерность: чем меньше у здания арендаторов, тем более ухоженным выглядит его фасад *(рис. 1)*.

Рис. 1. *Примеры обрушения фасадов полногабаритных жилых зданий по ул. Дуси Ковальчук*

3. Пример реставрации учебного корпуса СГУПСа (ул. Дуси Ковальчук, 191). Учебный корпус СГУПСа (ул. Дуси Ковальчук, 191, московский арх. В. Масленников, 1949–1955 гг.) **[1, с. 63–64]** выгодно выделяется на фоне окружающих зданий своим облагороженным видом. Здание претерпело не только реставрацию *(рис. 2)*, сохранившую помпезный стиль синтетической ордерной системы советского образца, но и реконструкцию убранства внутреннего холла при главном входе.

Рис. 2. *Реставрация экстерьера фасада учебного корпуса СГУПСа по адресу ул. Дуси Ковальчук, 191 и купол (вид с внутреннего двора)*

Интерьерная и экстерьерная лепнина, которой украшен фасад здания, интересна тем, что причудливым образом соединяет в себе коринфский и ионический ордера, в результате сливаясь в композитный ордер времен советской

империи.

В Советском Союзе, как квазинациональном государственном объединении, была предпринята попытка создать не только культуру общества нового типа, но и пересмотреть систему архитектурного декора в соответствии с целями пропаганды. Возвращение от авангарда и конструктивизма к обогащению фасадов зданий архитектурным декором началось еще в довоенное время. Однако именно послевоенный декор характеризуется высокой степенью детализации, пышности и новизны композиционных элементов, словно иллюстрируя слова Интернационала:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...

В истории неоднократно встречались прецеденты синтеза ордерных систем. Наиболее характерен армянский ордер (Армения признала зависимость от Рима в 66 г. до н.э.), соединивший в себе элементы ионики и региональной изографической традиции. Однако ни один из них не был столь тиражируемым и разнообразным, сколь ордер советский и, несмотря на последующую за послевоенным десятилетием «десталинизацию» зданий общественного назначения, не утративший своей выразительности.

В целом здание СГУПСа – характерный пример ведомственного вуза послевоенной эпохи. Оно выполнено в формах классицизма с использованием синтетических ордерных композиций. Пышного цветения «советского ордера» среди коринфского аканта и российского дуба мы во внешнем архитектурном убранстве здания не наблюдаем. Вместе с тем практически во всех декоративных композициях, как на главном фасаде, так и в интерьере, ощутима эклектика советского классицизма. Она проявляет себя в сочетании деталей коринфского (фасад) и ионического (задний двор) ордеров, строгой прямоугольности пилястр (фасад), дублирующих канеллированные колонны коринфского ордера основного фасада, округлых форм капителей ионических колонн и купола (вид со двора), «изощренности» и лаконичности декора.

Растиражирована форма звезды (звезды присутствуют на капителях, обрамляют главные входы в здание), вступающая в диалог с традиционной коринфской флорой. На фронтоне фасада размещен герб СССР. Доминанта архитектурного убранства фасада, выходящего на ул. Дуси Ковальчук, – восьмиколонный портик коринфского ордера. Набором элементов композиция напоминает ту, что используется в римском Пантеоне (подобное впечатление усиливает наличие у здания купола, накрывающего ротонду и отчетливо видимого со стороны двора).

С фасада коринфский акант уходит внутрь (на стены помещения) и уводит нас вверх по лестнице (в конструкции перил в качестве прутьев использованы листья, расположенные вертикально). Обильная лепнина образует потолочный карниз, украшает актовый зал, формирует розетки и дверные порталы, верхние части которых покоятся на волютах, что придает помещению помпезность и торжественность *(рис. 3)*. В СГУПСе предпринята попытка осовременивать убранство зданий общественного назначения, параллельно восстанавливая и лепнину.

Рис. 3. *Реконструкция интерьера главного холла*

В интерьере холла прослеживаются теплые нотки барокко (лепнина на контрастном насыщенно терракотово-красном фоне стены). Сочетаются белый, желто-серый и оттенки красного.

Интерьер актового зала выглядит умеренно празднично и в целом представляет собой смешение ампирной интенсивно-прохладной (минеральной) колористики (изумрудно-зеленый бархат портьер, паркетный пол) и классицистического подхода к оформлению стен (светлый фон и лепнина). Холодный однородный бархат портьер играет в контрасте с табачным цветом рельефной обивки кресел.

Здание избежало перегруженности атрибутикой вождизма, но советский ордер не только присутствует, но и заметно детализирован в интерьерной лепнине. Внешние формы иллюстрируют эволюцию капители, аналогичную той, что случилась в античной цивилизации – от аскетичной «ионики» (например, здание мэрии, Архитектурно-художественной академии) к детализированному «коринфу» капителей зданий бывшего Совнархоза и СГУПСа *(рис. 4, 3, 2)*.

Рис. 4. *Капитель в интерьере здания*

Любопытен «состав» интерьерных капителей СГУПСа: тут и листья аканта, и скрепленные лентой колосья, и объемные розы (в стиле жостовской росписи), и

два серпа, образующие фигуру, подобную бычьим рогам.

Вся интерьерная и экстерьерная лепнина освежена, укреплена краской и ныне находится в очень хорошем состоянии (видимые разрушения незначительны и могут рассматриваться как неизбежные свидетельства ее возраста).

4. Историческое своеобразие и исторические клише. Интерес с точки зрения восприятия представляет реконструкция интерьера холла здания, с которой мы сталкиваемся, пройдя сквозь парадный вход, непосредственно перед пунктом охраны. На стенах здания размещены отливки в виде медальонов-портретов людей, прославившихся во многих сферах науки *(рис. 3)*.

К сожалению, курс локальной истории до сих пор не входит в общеобразовательную школьную программу и у человека, с ней не знакомого, вероятно, вопроса «а какое непосредственное отношение к СГУПСу имеют все эти люди?» не возникает. Г.П. Передерий и В.Н. Образцов внесли весомый вклад в историю развития железнодорожного транспорта (в частности, Передерий был активным идеологом создания детских железных дорог, одна из которых в настоящее время радует посетителей Заельцовского парка г. Новосибирска). В свою очередь, Циолковский и Королев в истории СССР известны как зачинатели космонавтики, хотя Циолковский – гений, доживший до 1935 г., будучи ученым-самоучкой и школьным учителем, высказывался о возможности полетов в космос на «ракетных поездах» – прототипах современных многоступенчатых ракет. М.В. Ломоносов известен более как зачинатель Академии наук, хотя и открыл атмосферу Венеры.

Конечно, и то и другое суть инженерно-конструкторские навыки. Этим статус универсальности и полезности этого знания, как и его романтический ореол, подчеркиваются. Понятно и желание потомков отдать дань великому конструктору Королеву, чудом уцелевшему, пройдя через конвейер сталинских репрессий. Не ясно, исходя из каких критериев столь значительное внимание «в обход» образованного окружения, в строящемся поселении непосредственно бытовавшего, вновь уделено Гарину-Михайловскому. Он, хотя и пропагандировал идею узкоколейных железных дорог, по мнению местных краеведов **[2, с. 62]**, относительно Новосибирска прославился более как писатель и путешественник, нежели человек, решивший инженерно-конструкторские задачи и уж тем более заложивший наш город. Хотя, Гарин-Михайловский чуть ли не из первых придал этому событию значение. В свете последних научных изысканий роль Николая Георгиевича для Новониколаевска ставится под сомнение. К примеру, долгое время в тени находилась фигура инженера-путейца Тихомирова, сделавшего для инфраструктуры будущего города несравнимо больше (он и место для железнодорожного моста перед правительством обосновал, и первый каменный храм заложил). Естественно, и Тихомиров был не одинок.

В музее СГУПСа, вмещающем не только подарки многочисленных международных делегаций, но и память о знаменитых выпускниках, с почтением хранят память об отцах-основателях Новониколаевска (и о том, что среди них были прежде всего не управленцы, а инженеры-путейцы). Среди них, помимо Гарина-Михайловского, упоминаются: Михайловский, Роецкий, Белелюбский, Тихомиров, Меженинов, Будагов. В фотовыставке в парке «Городское начало», проходившей в честь торжественного открытия памятника Александру III, сопровождавшегося приветственными гудками поездов, всем им был посвящен отдельный стенд. В Новосибирске, в непосредственной близости от вокзала

Новосибирск Главный, есть станция имени, как предполагается, имевшего дворянские корни Г.Н. Гарина-Михайловского. Название станция получила еще в советское время. Поскольку новосибирский метрополитен очень востребован среди жителей, но до сих пор далеко не самый разветвленный из российских метрополитенов, вероятно, наличие подобной перегрузки и создавало преувеличенное представление о роли Гарина-Михайловского в городской истории.

Заключение. Несмотря на вносящий недопонимание идеи медальонов пробел, тем не менее любопытно наблюдать как на примере Калининского района (ныне этот район входит в Центральный округ Новосибирска) происходят реставрация и даже реконструкция экстерьера и интерьера зданий, построенных с использованием «советского ордера». Из российского законодательства известно, что «объекты культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения их облика и интерьера, нарушения установленного порядка их использования в соответствии с действующим законодательством. Любая деятельность, ремонт и реставрация таких объектов может осуществляться только по разрешению органа государственной власти Новосибирской области, уполномоченного в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия» **[3]**. Здание СГУПСа является памятником федерального значения. Поэтому и изменения во внутреннем убранстве производиться не могут. Получается, что несмотря на смену политической конъюнктуры в стране, звезды и гербы СССР будут по-прежнему украшать фасады российских не только учебных, но и административных зданий, как свидетельства различных периодов нашей истории и, возможно, стимулировать сохранение клише советских лет, историю максимально обобщающих.

Библиографический список

1. Учебный корпус НИИЖТа (ул. Д. Ковальчук, 191) // *Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области.* Кн. 1. Город Новосибирск. – Новосибирск, 2011. – 283 с.
2. *Кретинин А.* Новониколаевск – Новосибирск: одна судьба на двоих // *Молодая Сибирь*. – Новая Сибирь (URL: http://newsib.net/upload/2010/49/Part_01.pdf). – Новосибирск: Советская Сибирь. – 514 с.
3. Государственная охрана объектов культурного наследия. Глава VI // Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: http://base.garant.ru/12127232/6/).

Петренко С.Д.
petrenkosergey@ngs.ru
НГУАДИ г. Новосибирск, Россия.

УДК 7.036/.038(47+57)
ББК 85.113

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМАЛЬНОГО И КОМПОЗИЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ИСКУССТВ И АРХИТЕКТУРЫ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА В СССР)

Аннотация: Темой данного исследования стал ряд вопросов, связанных с актуальной в советское время художественной проблематикой, получившей наименование «взаимодействие» или «синтез» монументальных искусств и архитектуры. Автор статьи, учитывая тот факт, что советская теория в этом вопросе была целиком зависима от определенных социалистических доктрин, делает попытку найти и проанализировать существующие в советской архитектурно-художественной практике сформулированные принципы формального и композиционного единства трех искусств - живописи, скульптуры и архитектуры.

Ключевые слова: синтез искусств, монументальное искусство, архитектура СССР.

До недавнего времени проблема синтеза живописи, скульптуры и архитектуры, занимала одно из главных мест среди вопросов посвященных советской художественной культуре. И несмотря на, казалось бы, доминирующую роль марксистско-ленинских идеологических клише, покрывавших бесконечными абзацами страницы любого научного текста, проблема взаимодействия искусств (в большинстве своем так и продолжавшего выступать синонимом «синтез искусств») все-таки смогла получить в советской архитектурно-художественной практике свое теоретическое обоснование, не только в качестве главного средства воспитания масс, но и как разработанная система формальных и композиционных положений.

Первоначально, остановимся на тех определениях, которые в Советском Союзе приобрел термин «синтез искусств».

О. Швидковский, утверждая, что в искусстве не существует единого и универсального художественного канона, определяющего принципы взаимодействия пространственных видов искусств, который бы утверждал «единую и незыблемую иерархию в процессе их взаимодействия», настаивал, прежде всего, на социальном содержании и определении синтеза искусств, как «средства формирования однородной, выразительной и духовно богатой, содержательной жизненной среды… в которой все подчинено служению человеку». Исходя из этого, автор в качестве ведущей социальной характеристики синтеза искусств, предлагал некий «идейно-воспитательный принцип». В качестве же ведущих эстетических свойств взаимодействия искусств должны были выступить гуманизм, правдивость, информативность и идейность **[9]**.

Схожее содержание синтез искусств получает в интерпретации В. Толстого, для которого последний представляет собой единство трех искусств, не теряющих при этом своей самостоятельности и образующих целостное произведение, называемое архитектурно-художественным ансамблем, – ансамблем, чье формально-пластическое решение отражает доминирующие идеи своего времени. **[8]**.

М. Бархин понимает синтез искусств как «невозможность раздельного

существования (художественного, а не физического) компонентов, призванных по замыслу участвовать в образовании конкретного интегрированного пространства». По мнению автора, в системе синтеза трех искусств нельзя говорить о доминирующей роли архитектуры, поскольку в органически синтезированном художественном ансамбле нехватка одного элемента станет причиной разрушения общей гармонии, но при этом, именно в городском ансамбле (среде) основой всякой синтетической композиции является архитектура, задающая общее объемно-пространственное решение **[3].**

Синтез искусств – воплощение идейно-художественного замысла средствами архитектуры, живописи и скульптуры, обладающий сложной многоплановой структурой, недоступной отдельным видам искусства **[6].**

«Синтез искусств в архитектуре представляет собой объединение художественных средств, принадлежащих разным искусствам, с целью создания единого художественного ансамбля. Художественный образ, возникший на основе синтеза искусств, обладает особой силой эмоционального воздействия, недоступной отдельным видам этих искусств» **[1, с.238]**. Понятие «синтеза искусств» имеет два значения, акцентирующих разные стороны явления: первое подразумевает самый факт совместного участия разных искусств в создании той или иной композиции, второе – успешный в художественном отношении результат такого содружества» **[1, с.239].**

«Синтез искусств – это органическое художественное целое, обладающее новым качеством по отношению к каждому входящему в него искусству». **[4, с. 297]**.

А. Иконников в качестве основы синтеза видит самоценность каждого входящего в него искусства, «без которого синтез невозможен и происходит только механическое сложение составляющих», что приводит к утрате монументальности и простому ремесленному украшательству **[5].**

Переходя от обзора, посвященного определению понятия «синтез искусств», обратимся к рассмотрению формальных задач, поставленных отечественной теорией перед союзом монументальных искусств и архитектуры.

Г. Степановым в качестве основных признаков, определяющих характер взаимоотношений трех искусств, перечисляются такие качества как пространство, время, тектоника и масштабность. Пространственные отношения делятся автором на три вида – замкнутое, взаимосвязанное и открытое. Как для замкнутого, так и для открытого пространств предлагается несколько видов отношений для входящих в них композиционных элементов.

В отношении открытого пространства исследователь замечает, что здесь структурных отношений может быть значительно больше, а само понятие может включать в себя как крупные градостроительные системы, так и отдельные архитектурные сооружения, находящиеся в пространстве. Помимо этого, главной характеристикой открытого пространства является доминирование самого пространства над архитектурной формой. В данном случае, как считает ученый, мерой замкнутости и открытости пространства становится степень наполненности нашего обзора «материальной» (архитектурной) формой. В отличие от закрытого пространства пространство открытое само как бы «охватывает» существующие архитектурные формы и подчиняет их общей композиционной структуре.

Таблица 1

Разновидности организации открытого и закрытого пространств

Замкнутое пространство	**Открытое пространство**
Пространственное взаимодействие на основе иерархической соподчиненности элементов (площадь Капитолия в Риме)	Взаимодействие на основе иерархической подчиненности элементов («Мамаев курган» в Волгограде)
Взаимодействие на основе множества сходных (но не одинаковых) отношений (Гранд Плас в Брюсселе)	Взаимодействие на основе множества однородных элементов (Мемориальный комплекс «Хатынь»)
Взаимодействие относительно самостоятельных рядов отношений, где зоны обладают относительной самостоятельностью в пределах организованного целого (Площадь Синьории во Флоренции)	Взаимодействие рядов отношений, где доминирующее отношение может задаваться самим пространством (Мемориальный комплекс «Саласпилс»)

В результате проведенной классификации пространственных систем автор приходит к выводу, что в замкнутом пространстве монументальное изобразительное искусство должно быть согласовано и подчинено «структурам, ограничивающим эти пространства». В открытом пространстве («системе») произведение монументального искусства может превратиться в доминанту, организующую композицию этого пространства. В композициях, основанных на «относительно самостоятельных рядах отношений» монументальное изобразительное искусство призвано выполнять функцию объединяющего элемента.

Категория пространства оказывается тесно связанной с категорией времени, поскольку пространство воспринимается зрителем в процессе обзора здания либо с фиксированной точки зрения, либо по мере его обхода. И здесь, по мнению автора, необходимым условием создания гармоничной пространственно-временной структуры являются «непрерывность, последовательно определенным образом организованных зрительных картин. В пределах такой структуры могут существовать нюансные и контрастные отношения, зрительные акценты, временные паузы» **[6, с. 46]**.

Далее, опираясь на представление о том, что архитектура является, несомненно, материальной основой изобразительного искусства, автор переходит к рассмотрению следующего ключевого понятия в системе синтеза искусств – тектонике.

Учитывая, что пространство статьи не позволяет остановиться на всех исторических вариациях тектонических систем, обозначим два типа тектонической формы, к которым в той или иной степени тяготеют все существующие: «1. Архитектурная форма, совпадающая с конструктивно необходимыми габаритами, обеспечивающая эффективное использование материала. Художественная выразительность отличает ее от утилитарной конструкции, целесообразность – от произвольно усложненных структур. 2. Архитектурная форма, в которой свойства конструкции выявлены опосредованно. Конструкция скрыта, но организация формы отражает ее структуру. Декоративные

детали подчинены основной теме» **[7, с. 32]**.

По мнению Г. Степанова, в отечественной архитектурной практике XX столетия синтез изобразительных искусств и архитектуры работал на основе всего лишь одного тектонического принципа – выделить и подчеркнуть композиционные доминанты («узлы») и заполнить изобразительными элементами пустые или вялые («неработающие») участки фасада здания.

Еще одна основополагающая для системы синтеза искусств формальная категория – масштаб. Понятие масштаба является основополагающим и для архитектуры в целом. Ведь масштабные связи наличествуют как во всей городской градостроительной ткани, так и в отдельных его ансамблях и архитектурном сооружении. Функция масштабных связей – создавать гармоничные формально-композиционные отношения не только друг с другом, но и быть сомасштабными человеку, а также взаимодействовать с окружающим пространством, учитывая существующие природные факторы.

Масштаб архитектуры и изобразительных искусств может быть «крупным, монументальным» и «камерным», «локальным». Подобная масштабная шкала зависит непосредственно от композиционной и градостроительной роли, которую играет архитектура и монументальное искусство. Что касается степени монументальности изобразительного искусства, то здесь существует прямая взаимосвязь не только между размерами изображенных элементов композиции и расстояния, с которого на роспись или мозаику смотрит зритель, но и архитектурными элементами и самим изображением. Другими словами «соотношения величин фигур и основных элементов композиции стенописи должны соответствовать основным членениям пространства либо соразмерным с фигурой зрителя архитектурным деталям, которые выступают в виде так называемых «указателей масштаба» **[6, с. 120]**.

В создании необходимого масштаба, по мнению автора, могут выступать следующие художественные средства: пропорции, ритм, контраст и нюанс.

Кроме ответа на вопрос о существовании основных категорий системы синтеза искусств, необходимо рассмотреть проблему не только формального, но и композиционного взаимодействия между живописью, скульптурой и архитектурой, поскольку как живопись, так и архитектура представляют собой два типа работы с пространством. Архитектура создает реально существующее пространство, живопись – пространство иллюзорное **[9]**.

Как известно, каждому из трех видов искусств (живопись, скульптура, архитектура) присущ свой тип изобразительной формы – колористическая, пластическая и пространственная соответственно. Все три формы родственны между собой, что и является причиной их возможного взаимодействия. Данное взаимодействие осуществляется в двух вариациях: «формальном взаимовлиянии и композиционном единстве (синтезе). Взаимовлияние, в процессе которого вырабатывается общность (или сходство) формального языка, – поистине первичный основополагающий аспект для второго – синтеза» **[1, с. 238]**.

Для авторов материала сборника «Композиция в современной архитектуре» в системе синтеза трех искусств живопись и скульптура вступают во взаимодействие с архитектурой «в виде элементарных средств», в качестве которых выступают цвет, фактура. Для авторов сборника данные средства являются «поверхностными, иллюзорными средствами выявления или трансформации пространства, объема; будучи взаимосвязаны с самой концепцией

сооружения или пространства; в виде отдельных произведений прикладного значения; в виде произведений, формально родственных одно другому и взаимосвязанных так, что каждое из них сохраняет свою независимость» **[1, с. 239]**.

Композиционные решения, которые образуются в результате синтеза трех искусств, предлагается разделить на две группы:

Композиции, построенные по принципу «слияния» художественных форм живописи, скульптуры и архитектуры (изобразительное искусство подчиняется тектонической основе архитектуры – рельеф на колоннах и пилястрах, тимпанах портала и т.д.)

Композиции, построенные по принципу «сохранения самостоятельного значения» живописи, скульптуры и архитектуры (изобразительное искусство не подчиняется тектонической основе архитектуры; синтез искусств работает на основе таких принципов, как контраст, асимметрия и т д.).

И тот и другой принцип композиционного решения имеют свои преимущества. В первом случае синтез искусств даст большую композиционную цельность и стилевое единство, но, в большинстве своем, это ведет к утрате самостоятельности изобразительного искусства и превращению его в архитектурный декор здания. Во втором варианте, образуются достаточно контрастные, динамичные и активные композиции, в которых монументальное искусство способно выполнять роль своеобразной доминанты и выступать в качестве объединяющего элемента любой застройки, состоящей из сооружений различных эпох.

И. Азизян в качестве основополагающих принципов композиционного взаимодействия пространственных искусств называет: функциональное, пространственное, пластическое и колористическое единства **[2]**.

Теперь попытаемся рассмотреть в отдельности формально-пластические взаимоотношения скульптуры с архитектурой и архитектуры с живописью.

Скульптуру и архитектуру в большей степени можно назвать родственными искусствами, поскольку оба имеют дело с трехмерными объемами, а иногда и одинаковым материалом. Поэтому формально-композиционные связи, возникающие между этими двумя искусствами, имеют ряд специфических особенностей. Эти связи могут быть прямыми, т.е. скульптура «одевает» архитектурный объем (скульптурный рельеф или круглая скульптура на фасаде здания). Либо, «архитектура и скульптура взаимодействуют как в пределах объемно-пластической формы самого памятника, так и его развития в пространстве (своего рода «микроансамбля» памятника); существуют и более широкие связи с архитектурно-планировочной структурой ансамбля (города, площади, улицы, парка и т.п.)» **[1, с. 256]**.

Подобное деление позволяет подчеркнуть еще два аспекта во взаимоотношении скульптуры и архитектуры – это приоритет пространственных или пластических отношений между искусствами. Если в первом случае (например, скульптурный рельеф на фасаде здания) в большей степени важна проблема пластических связей, то в других случаях «пространственные и пластические аспекты равнозначны (монументы, мемориальные комплексы); в третьих – ведущая роль принадлежит пространственным градостроительным связям (некоторые виды монументов и мемориалов)» **[1, с. 256]**.

Рассмотрим пространственные и пластические взаимосвязи живописи и

архитектуры. В большинстве своем, типологию произведений монументальной живописи по своему положению можно разделить на две группы. С одной стороны, это живопись, украшающая фасады (или интерьеры) зданий; и живопись, занимающая поверхности т.н. малой архитектуры, либо, различного рода «элементы пространственных композиций».

Как вариант композиционного решения стенописи, может быть использован прием сплошного коврового покрытия фасада здания, что заметно усилит его градостроительную роль и придаст композиции активный, динамичный характер. Помимо этого, очень популярен «прием размещения стенописи на доминантной внешней или внутренней архитектурной плоскости, с полным покрытием плоскости. Пространственная роль этой стенописи по сравнению со стенописью первой группы принципиально иная. Живопись в этом случае не выявляет и не подчеркивает объем в целом. Обладая более или менее ограниченной сферой визуального восприятия в пространстве, она акцентирует отдельные его участки, замыкает ряд градостроительных и ландшафтных перспектив» **[1, с. 270]**.

Чрезвычайно важным для системы синтеза живописи и архитектуры является понятие «взаимоувязанный масштаб», который соотносится с последовательностью восприятия монументального изображения зрителем: 1) масштаб больших цветовых пятен, который воспринимается одновременно с формами архитектурного сооружения; 2) масштаб больших изобразительных элементов композиции, таких как фигура человека и т.д.; 3) масштаб второстепенных, мелких элементов композиции и размер мазка кисти или мозаичного камня.

Заключение. Исследование, проведенное автором данной статьи, показало, что в советской архитектурно-художественной теории, посвященной вопросу синтеза трех искусств, существовали универсальные для пространственных искусств принципы формальных и композиционных взаимоотношений, в которых главными категориями выступали пространство, время, масштабность, тектоника, ритм, цвет, фактура, а разработки в области композиции опирались на категории классической эстетики.

Библиографический список

1. *Азизян И., Стригалев А.* Два аспекта взаимодействия искусств: формообразование и синтез // *Композиция в современной архитектуре.* – М.: Стройиздат, 1973. – 188 с.
2. *Азизян И.* Вопросы взаимодействия искусств // *Советское искусствознание.* – М.: Советский художник, 1975. – С. 284–296.
3. *Бархин М.* Искусство синтеза искусств // *Искусство.* – 1973. – №12. – С. 36–42.
4. *Ванслов В.* Что такое искусство. – М.: Изобразительное искусство, 1989. – 328 с.
5. *Иконников А.* Самоценность в контексте синтеза // *Декоративное искусство СССР.* – 1979. – №8. – С. 14–17.
6. *Степанов Г.* Взаимодействие искусств. – Л.: Художник РСФСР, 1973. – 184 с.
7. *Степанов Г.* Синтез искусств. – Л.: Знание, 1976. – 32 с.
8. *Толстой В.* Художественная форма и синтез // *Искусство.* – 1968. – №3. – С. 41–49.
9. *Швидковский О.* Искусство взаимодействия // *Синтез искусств и архитектура общественных зданий.* – Сб. статей. – М.: Советский художник, 1974. – С.7–32.

Петренко С.Д.
petrenkosergey@ngs.ru
Блинов Е.Н.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 7.036/.038(47+57)
ББК 85.113

ИКОНОГРАФИЯ ЛЕНИНА В ПАМЯТНИКАХ г. НОВОСИБИРСКА

Аннотация. Материал статьи посвящен истории развития и становления иконографии В.И. Ленина в монументальной скульптурной пластике в период 1920–1970-х гг. на примере г. Новосибирска. Выделяются отдельные этапы в развитии ленинского изобразительного канона (намечаются основные существующие на сегодняшний день хронологические схемы), определяются мастера, создававшие этот канон, дается его формально-стилистическая характеристика. Прослеживается специфика образно-эмоционального решения памятников каждого из заявленных периодов. Помимо этого, идет речь о влиянии на развитие и формирование изобразительного канона советского вождя античной скульптурной пластики, представленной официальными портретами римских императоров (Траян, Август, Тит). В результате автор делает вывод, что памятники Ленину в г. Новосибирске фиксируют все основные иконографические схемы образа советского вождя.

Ключевые слова: иконография; императоры Рима; Ленин; памятники Новосибирска.

До недавнего времени скульптура Ленина в полный рост являлась необходимой принадлежностью практически каждого крупного административного и общественного здания города. Растиражированный бесконечное число раз по территории всей страны образ, казалось бы, со временем утратил не только все признаки какой-либо художественности и эстетической привлекательности, но и благодаря массовому воспроизводству превратился в аналог дюшановского ready-made. Впрочем, несмотря на кажущуюся «инструментальность» изображения, образ Ленина обладал и устойчивой иконографией, и имел свою внутреннюю логику художественного развития, определяемую требованиями политического салона.

Этапы становления ленинского иконографического канона. Памятники Ленину, некогда установленные на территории г. Новосибирска, отображают все основные этапы становления иконографии советского вождя. Существующие на сегодняшний день исследования, посвященные данному вопросу, предлагают различные варианты решения проблемы. Для А. Бобрикова смена иконографического канона Ленина происходила в послевоенное время, в конце 1950-х, в 1970-х и в конце 1980-х гг. Причем первыми произведениями, претендующими на роль канонического образца, называются две станковые картины 1930 г. – «Ленин на трибуне» А. Герасимова и «Ленин в Смольном» И. Бродского **[1].**

В других источниках родословная ленинской иконографии начинается с документального фильма о Ленине 1918 г., затем меняется в 1922 г. после появления плаката А. Соколова «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией», после чего еще раз корректируется фильмом С. Эйзенштейна «Октябрь» (1927). С развитием в 1930-е гг. культа Сталина фигура Ленина отходит на второй план. Начало 1950-х отмечено парными изображениями Ленина-Сталина, где образ Ленина призван подтвердить

легитимность претензий Сталина на роль вождя мировой революции. К 50-летию Октябрьской революции Ленин «трактуется как вневременной, вечный атрибут общества», который «постепенно освобождается от роли исключительно политического вождя» и начинает выступать в различных «ипостасях» – философа, мыслителя, рядового человека. Со второй половины 1980-х делается последняя попытка «очистки» образа советского вождя от различных искажений для приспособления последнего к новому политическому курсу, а в 90-е происходит его снижение до уровня китча и поп-арта **[3]**.

Есть и более лаконичная (трехчастная) схема: первая стадия (2-я пол.1920-х гг.) – документально-фотографическое изображение Ленина; вторая (кон. 1920-х – сер. 1950-х гг.) – создается образ Ленина-вождя, оратора на основе памятника у Финлядского вокзала и памятника работы С. Меркулова; третья (1960–1970-е гг.) – Ленин как символ всей советской эпохи **[2]**.

Несомненно, даже в результате краткого обзора вырисовывается достаточно сложная картина взаимоотношений посмертного образа Ленина с идеологическим курсом страны, задаваемым как Сталиным, так и последующими руководителями СССР, – картина, в которой выбор опорных дат и иконографических изводов целиком зависит от исследователя. Помимо этого, общий вектор развития ленинианы усложняется дополнительной или, как мы предлагаем ее называть, «внешней» иконографией. В данном случае речь идет о влиянии на формирование советского политического канона канона религиозного, христианского. Что также не дает полной картины, если не будет упомянута иконография римских императоров.

Памятники Ленину в Новосибирске 1920–30-х гг. Первый крупный памятник Ленину появится в городе перед «Дворцом труда» в 1927 г. в честь 10-летия революции *(рис. 1)*. Как известно, монументальная статуя В. Козлова была клонирована четыре раза, что является свидетельством ее признания в роли канонического образца.

Формальное решение фигуры, общая экспрессия, пластика и характер жеста Ленина в целом соответствуют главному политическому персонажу фильма С. Эйзенштейна «Октябрь». Здесь, конечно, не может идти речь о прямом цитировании В. Козловым кадров знаменитого кинофильма, который выйдет в кинопрокат только в 1928 г. Скорее это определялось общей идеологической установкой – «показать мощь и силу большевистской власти, строго держащей под контролем всех и вся» **[4]**.

Актера, исполняющего главную роль, в дальнейшем обвинят в излишней жестикуляции, давшей обратный эффект, о чем скажет и В. Маяковский:

«Отвратительно видеть, когда человек принимает похожие на Ленина позы и делает похожие телодвижения – и за этой внешностью чувствуется полная пустота, полное отсутствие мысли. Совершенно правильно сказал один товарищ, что Никандров похож не на Ленина, а на все статуи с него» **[3]**. Подобный, излишне повелительный жест прочитывается и в пластическом решении скульптуры В. Козлова. Первый же образец Ленина с выкинутой вперед правой рукой будет представлен памятником у Финляндского вокзала.

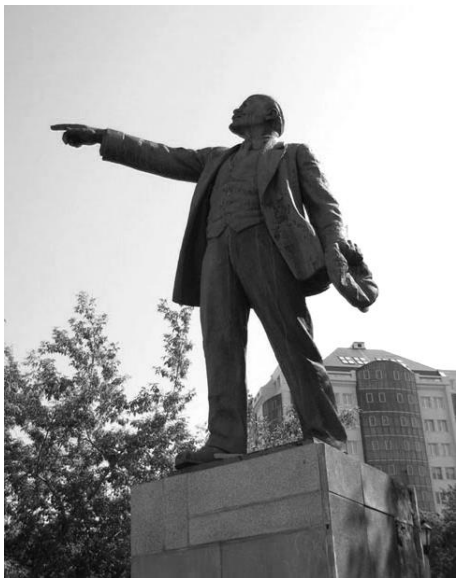


Рис. 1. *Памятник Ленину перед зданием Дворца труда*

Еще одна монументальная фигура Ленина появилась в Новосибирске в конце 1930-х гг. на крыльце здания «Запсибзолото», позднее она была отодвинута к зданию Сибревкома (НГХМ) и, наконец, установлена перед корпусом НЭТИ *(рис. 2)*.

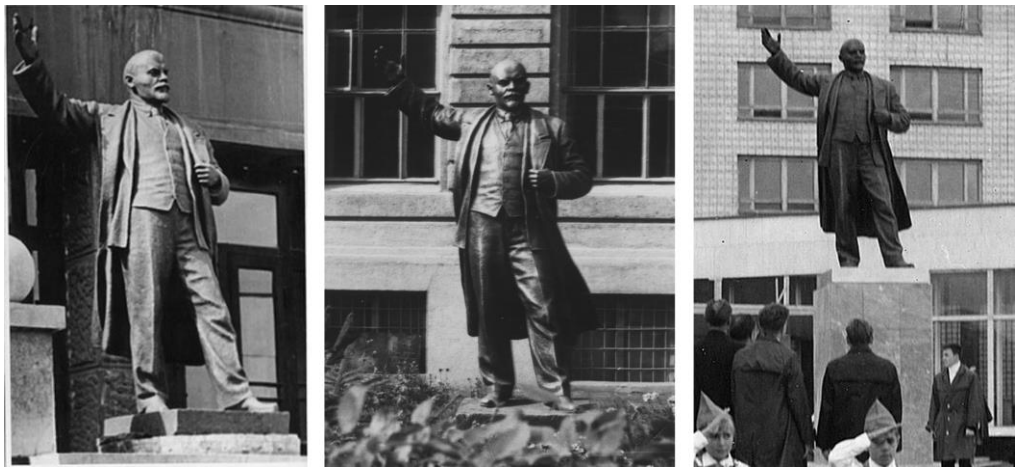


Рис. 2. *Памятник Ленину. Слева направо: перед зданием «Запсибзолото», зданием НГХМ, корпусом НЭТИ*

Общий характер движения начинает успокаиваться, экспрессия жеста предыдущего десятилетия отступает и на смену приходит спокойная уверенность оратора-вождя при сохранении прежней героизации образа. Отныне Ленину отводится «роль символа и эмблемы советского государства… застывшим в исторической неподвижности» **[3]**. Впервые вариант вождя с поднятой вверх правой рукой, выполненный скульптором М. Харламовым, появится перед зданием завода «Красный выборжец» в 1926 г.

В целом памятники первых двух десятилетий отличаются особой патетикой, где ведущая роль отводится жесту руки – именно характер движения правой руки определяет образное звучание произведения.

Памятники Ленину в Новосибирске 1940–70-х гг. В последующие десятилетия в городе развиваются канонические изображения, созданные двумя советскими скульпторами – М. Манизером (памятник Ленину в Ульяновске, 1940 г.) и Н. Томским (памятник Ленину в Воронеже, 1940 г.).

Иконография Н. Томского продолжает линию, начатую в тридцатые годы – вариант вождя с поднятой вверх рукой, левая держит отворот пальто (либо пиджака), но с пластикой тела лишенной и внешнего, и внутреннего движения. Интересно, что Н. Томский продолжает формальное решение фигуры Ленина в том виде, в каком вождь мирового пролетариата должен был предстать на вершине нереализованного проекта Дворца Советов в Москве. Как известно, идея строительства дворца не покидала Сталина долгое время, поэтому профессиональное внимание скульптора к фигуре, которая в недалеком будущем могла украсить главное здание страны, кажется закономерным *(рис. 3)*.

Рис. 3. *Памятник Ленину. Слева направо: в Воронеже, Новосибирске, проект Дворца Советов*

Скульптор М. Манизер предложит более романтичный вариант канона – с развивающимся подолом пальто, с пластикой тела, наполненной огромной внутренней динамикой и напряжением, с сильным разворотом головы и винтообразным движением тела, с небольшим шагом вперед, нарисовав «образ энергичного и мудрого государственного деятеля, опытного, прозорливого кормчего государственного корабля, смело встречающего натиск бури» **[5]**.

Именно этот иконографический вариант получит наибольшее распространение по территории страны, наполняясь в различное время и в разном исполнении дополнительными нюансами и образными характеристиками *(рис. 4)*. В одном случае Ленин мог соединить в себе «героический пафос образа «вождя» и гуманизм образа «самого человечного человека» **[1]**. В другом – появится Ленин-интеллигент, мыслитель, стоящий перед мучительным выбором, – вариант своеобразного Христа в пустыне. В третьем – «усиление героического пафоса, рожденное искренним стремлением передать величие… создает сюжетное перенапряжение и в итоге приводит риторику «большого стиля» к

бесчеловечности и монструозности» **[1]**.

Рис. 4. *Памятник Ленину. Слева направо: в Ульяновске, Новосибирске, Новосибирск (Первомайский р-н), в Новосибирске перед зданием Театра оперы и балета*

Иконография римских императоров. Стало обыкновением говорить о влиянии на советскую тоталитарную культуру различного рода мифологических и религиозных систем, о влиянии на изобразительное искусство христианской иконографической традиции. В контексте изобразительного искусства эта проблема, как нам кажется, является наименее актуальной и интересной, поскольку сама христианская иконография формировалась под влиянием позднеантичного искусства. Образ Христа-Вседержителя складывался на основе римской традиции и только к концу IV в. последний стал изображаться как повелитель мира.

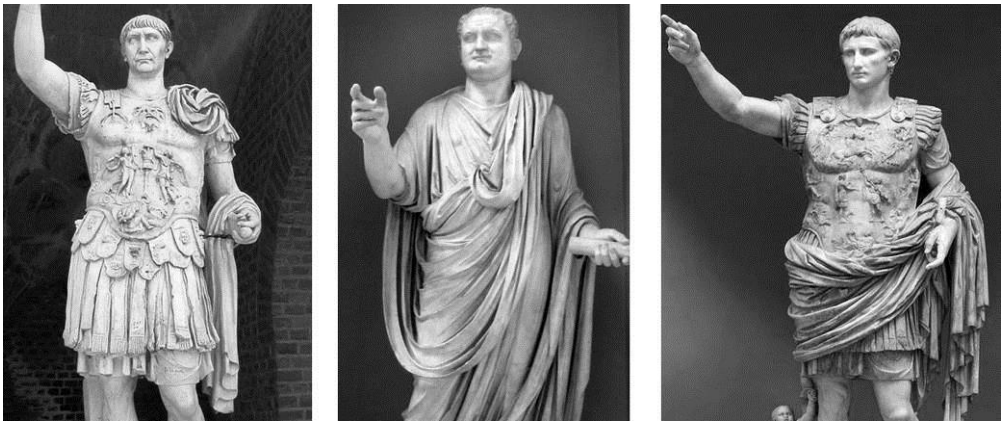


Рис. 5. *Слева направо: статуи Траяна, Тита, Августа*

В любом случае в пластическом отношении именно античная скульптурная пластика для советских мастеров была более привлекательной, чем христианские образцы, поскольку давала и систему правильных пропорций, и сложившиеся образцы идеального правителя.

Развитие иконографии римских императоров (также как и советских вождей) имело свою историческую логику развития *(рис. 5)*. В эпоху Августа появится фигура императора в виде полководца-оратора с поднятой правой рукой, обращенного с речью к войску, в простой и величавой позе с опорой на одну ногу, восходящей к греческой классике. Не менее респектабельно и репрезентативно

будет выглядеть император Тит, задрапированный в античную тогу, чей откровенно театральный жест призван был создать образ мудрого законодателя. Похожую иконографию имеет и статуя Траяна, во время правления которого попытались вернуться к исконным, суровым римским добродетелям.

Заключение. Краткий иконографический обзор скульптурных изображений Ленина, предпринятый автором в статье, позволил сделать следующие выводы. Иконография советского вождя складывалась с учетом опыта римской скульптурной пластики. Поиск устойчивого образа Ленина, который бы мог претендовать на статус официального портрета, начал формироваться в первые годы советской власти, но в скульптурной пластике такой устойчивый вариант был создан только к 1926 г.; в 1927 г. первая скульптура Ленина установлена в Новосибирске. В 1930-е гг. в Новосибирске появляются памятники Ленину, отразившие новый этап в развитии ленинского иконографического канона. В первые три десятилетия после войны в Новосибирске при общем разнообразии композиционных схем получат распространение образно-формальные решения, предложенные скульпторами Н. Томским и М. Манизером, что не мешало в рамках предложенного канона дополнять его новыми интерпретациями.

Библиографический список

1. *Бобриков А.* Маленький смешной помощник. – URL: http://art1.ru/art/malenkij-smeshnoj-pomoshhnik (дата обращения: 21.10.2015).
2. *Бритова Н., Колпинский Ю.* Искусство этрусков и Древнего Рима. – М.: Искусство, 1982. – 522 с.
3. *Комарова О.* Политико-массовая скульптура вождей советской власти в контексте ленинского плана монументальной пропаганды. – URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/121.html (дата обращения: 19.10.2015).
4. *Нессельштраус Ц.* Искусство раннего Средневековья. – СПб.: Азбука, 2000. – 384 с.
5. Образ Ленина и его иконография. – URL: http://www.russianposter.ru/archive.php?rid=31050390600004 (дата обращения: 22.10.2015).
6. «Октябрь» Сергея Эйзенштейна. – URL: http://snimifilm.com/post/oktyabr-sergeya-eizenshteina (дата обращения: 23.10.2015).
7. Образ великого Ленина в произведениях советского изобразительного искусства. – URL: http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000020/st001.shtml (дата обращения: 20.10.2015).

Огурная В.Ф.
ovf@mail.ru
Курбатова Н.В.
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 712.03
ББК 85.11

СНОС ДОМА КУЛЬТУРЫ «АЗОТ» В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО

Аннотация. Исследование посвящено сносу здания Дома культуры «Азот» в г. Кемерово. Здание эксплуатировалось с 1957 по 2014 г., но после того как в 2014 г. его выставили на торги и новый собственник не был установлен, было выдвинуто постановление о сносе здания.

Ключевые слова: архитектурное наследие; техническое состояние; классический модернизм; реконструкция; реставрация.

1. Исторический анализ. Дом культуры Ново-Кемеровского химкомбината Кемеровского областного комитета профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности (ПО «Азот») располагается в Пригородном районе г. Кемерово по адресу улица Тайшетская, 1А *(рис. 1)*. Здание находился в собственности завода «Азот».

Рис. 1. *Главный фасад ДК «Азот»*

Дом культуры начал свою деятельность 12 мая 1957 г. (документов об образовании клуба не сохранилось) **[1]**. Первоначально здание предназначалось для проведения политико-массовой и воспитательной работы среди рабочих комбината «Азот». С 2007 по 2014 г. в здании располагался Кемеровский областной центр народного творчества и досуга. Центр являлся единственным в области учреждением, которое осуществляло государственную политику сохранения и развития нематериального культурного наследия. Центр занимался организацией фестивалей, праздников и конкурсов по различным жанрам самодеятельного творчества. Кемеровский областной центр народного творчества и досуга оказывал содействие в развитии народного творчества и любительского искусства всем культурно-досуговым учреждениям области **[2]**.

С 2014 г. Кемеровский областной центр народного творчества и досуга прекратил свою деятельность. Фонд имущества Кемеровской области

«Кузбассфонд» выставил здание Дома культуры на торги. Начальная цена за помещение составляла 45,9 млн руб. **[3, 4]**. На данный момент торги завершены, новый собственник не установлен и выдвинуто постановление о сносе здания.

2. Архитектурно-художественная ценность объекта. С художественной точки зрения здание несет на себе ярко-выраженные особенности хорошо узнаваемого архитектурного стиля, характерного для общественных зданий городской застройки 1950-х гг. Фасады украшают детали и элементы, присущие объектам классической архитектуры (разорванный фронтон, на внешних углах которого расположены акротерии ангулярии; стилизованный антаблемент; фланкированные парные колонны с абакой и эхином, с базой и энтазисом интерпретируют идею храма в антах, роль последних играют выступающие на два окна узкие пристрои с глухими торцами, декорированными под палладианское окно нишами и прямоугольными панелями; полуциркульная арка с замковым камнем, лепной декор и пр.).

Можно с уверенностью сказать, что здание Дома культуры «Азот» в данном районе города является единственным строением, выполненным в стилистике классического модернизма, и единственным объектом культурного и отчасти образовательного назначения *(рис. 2)*.

Рис. 2. *Схема историко-культурной ценности и этажности застройки*

Следует отметить, что объекта подобного типологического назначения в данной части города нет. В непосредственной близости со зданием Дома культуры расположена средняя общеобразовательная школа №47, учащимся которой удобно посещать различные спецкурсы и профильные занятия. В здании может быть организовано проведение дополнительного тематического образования (инженерные занятия, литературные вечера и т.п.), которое стало актуальным в последнее время. Так, например, при содействии Кузбасского компьютерного центра (компания уже сформировала в Кузбассе четыре цифровых школы) здание можно приспособить под современный филиал цифровой школы, создать для

учеников комфортную, безопасную и интересную обстановку для развития и обучения. Школьники города Кемерово не обладают такими образовательными возможностями, как, скажем, московские школьники. Процитируем речь министра Правительства Москвы, руководителя Департамента образования Москвы Исаака Калина о включении культурно-образовательных объектов города с систему школьного образования: «Если образовательными возможностями считать весь город, все ведомства, все музеи, все театры, все издательства газет, журналов, студии телевидения, научные организации, вузы – мы с вами знаем, что только 108 федеральных вузов на территории Москвы, лучших вузов страны находится здесь. Если выйти за стены школ и рассматривать весь наш мегаполис как образовательную территорию, то возможности, конечно, у московских школьников просто уникальные» **[5]**. В контексте данного выступления хотелось бы обратить особое внимание на задачу сохранения от сноса здания Дома культуры как одного из потенциальных культурно-образовательных объектов г. Кемерово.

3. Конструктивная надежность. В ходе визуальных и инженерных обследований несущих строительных конструкций здания, проведенных в 2008 г. организацией ООО «НООСТРОЙ», было установлено, что конструктивная надёжность здания представляет возможным дальнейшее его использование. Техническое состояние фундаментов было признано работоспособным. Общее техническое состояние стен с учетом выявленных повреждений, согласно СП 13-102-2003 «Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений», расценивается как ограниченно работоспособное. При обследовании перекрытий было выявлено, что отсутствуют прогибы, трещины и другие повреждения в перекрытиях, влияющие на снижение несущей способности, техническое состояние – работоспособное. Техническое состояние лестниц и крыши – ограниченно работоспособное. Основываясь на данных аргументах, можно утверждать, что снос не является наиболее оптимальным и выгодным решением.

4. Проблематика. В 2008–2009 гг. собственники Кемеровского областного центра народного творчества и досуга предпринимали попытки внести данное здание в реестр памятников, но получили отказ. Здание и сооружения эпохи классического модернизма и более поздних лет нередко не попадают в реестры культурного наследия из-за их относительно «молодого» возраста, однако по масштабу влияния на современную архитектуру они часто не имеют себе равных. Как никогда прежде, архитектурное наследие этого века находится под угрозой. Некоторые памятники уже утрачены, и еще многим грозит опасность.

«Мадридский документ-2011» написан с целью внести вклад в адекватное и уважительное обращение с наследием этого важного периода. Признавая существующие документы по сохранению наследия, «Мадридский документ» также определяет многие проблемы, специфичные для сохранения архитектурного наследия XX в. **[6]**. При выявлении и оценке значимости архитектурного наследия XX в. необходимо опираться на критерии, ранее принятые по отношению к наследию вообще. Архитектурное наследие данного периода (включая все его компоненты) является физическим отражением своего времени, места и использования. Его культурное значение может основываться на материальных атрибутах, включающих местонахождение, планировку и оформление (например, колористическое решение), конструктивные системы и инженерное оборудование,

материальную субстанцию, эстетические качества, использование, и/или на его нематериальных ценностях, включая исторические, социальные, научные, духовные ассоциации.

Рис. 3. *Интерьер ДК «Азот»*

Заключение. Поэтому, несмотря на то что здание не признано памятником, его необходимо сохранить и отнести к объектам ценной застройки. С учетом того что зданий, подобных этому, сохранилось очень мало, оно представляет собой большую ценность. Здание обладает богатым лепным декором как в экстерьере, так и в интерьерах *(рис. 3)*, органично вписано в окружающую среду, располагается в центре микрорайона, жилые дома которого выполнены в одном стиле. Здание является доминантой ансамбля окружающей его застройки. В дальнейшем (при проведении реконструкции с элементами реставрации) может быть использована прежняя функция здания (Дом культуры) ввиду её актуальности. Здания подобной специфики в данном районе отсутствуют, поэтому его ценность не вызывает сомнений.

Библиографический список

1. Архивный фонд Кемеровской области [Электронный ресурс]. – URL: http://afond.kuzbassarchives.ru/index.php?act=fund&fund=919.
2. Народное творчество России. Кемеровский областной центр народного творчества и досуга (ГУК). История [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusfolk.ru/ru/root117/root117419/root117419941/root117419941946/
3. Недвижимость Кемерово [Электронный ресурс]. – URL: http://dom.vse42.ru/news/22911334/
4. LiveInternet [Электронный ресурс]. – URL: http://www.li.ru/interface/pda/?jid=5792343&pid=368852422&redirected=1&page=0&backurl=/users/ekaterina_-_siberian/post368852422/
5. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. Медицинские и инженерные классы откроются в московских школах в новом учебном году, 19.06.2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://dogm.mos.ru/about/first-person/publishing/detail/1948247.html.
6. Мадридский документ – 2011. Мировое архитектурное наследие XX века [Электронный ресурс]. – URL: http://www.archi.ru/press/world/theme_current.html?tid=9

Лемзякова М.А.
Пустоветов Г.И.
elmarisch@gmail.com
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 727:373
ББК 85.11

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ В СТРУКТУРЕ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье раскрыто понятие рекреационного пространства школы, приведен результат исторического исследования рекреаций школ, существовавших и проектируемых на протяжении XX века, приведены в хронологическом порядке основные документы, регламентирующие школьные рекреации, а также обоснована необходимость исследования пространств такого типа.

Ключевые слова: рекреационное пространство; школа; нормативные документы; функционально-планировочная структура.

1. Понятие рекреации и рекреационного пространства. Понятие рекреационного пространства встречается в первую очередь в разделе курортологии – разделе медицины, изучающем лечебные свойства природных факторов, механизмы и пути их действия на организм человека, в целях восстановления (медицинской реабилитации) здоровья человека. Рекреационное пространство – это часть социального пространства, используемого для рекреационной деятельности или территория, пригодная для рекреационной деятельности **[1]**. Само понятие рекреационного пространства неразрывно связано с другим – понятием рекреации. Понятие рекреации означает расширенное воспроизводство физических, интеллектуальных и эмоциональных сил человека **[2]**. Естественно, что понятие, используемое в курортологии, имеет свою специфику и совершенно другой пространственный и временной масштаб предполагаемой деятельности, нежели рекреационное пространство школы. Однако, понятие непосредственно рекреации универсально. Исходя из этого, рекреационное пространство в школе – это пространство в структуре школьного здания, в пределах школьного участка, способствующее воспроизводству в первую очередь интеллектуальных сил обучающихся. Рекреация как процесс воспроизводства сил в школе имеет ряд особенностей, которые отличают ее от рекреации в более широком смысле. Одной из наиболее ярких и важных особенностей является сильная ограниченность во времени и пространстве. Традиционно рекреационные пространства школ представляют собой широкий коридор или зальное пространство, имеющее естественное освещение. Эти пространства используются преимущественно для отдыха на переменах.

2. Краткий обзор эволюции рекреационного пространства школ. В конце XIX – начале XX появляются первые самостоятельные школьные здания. Рекреационное пространство представлено в них просторным залом, в который выходят несколько классных комнат (школы А.Д. Крячкова, Новосибирск) **[10]** или занимающим весь последний этаж (Физико-математический лицей №30, Санкт-Петербург) **[4]**. В 1920-х–1930-х годах школьное строительство претерпевало серьезные изменения. Это время было полно экспериментов в области педагогики, в области проектирования школ согласно новым педагогическим подходам. Изменяется планировка школ, появляются новые

помещения для занятий нового типа **[9]**. В школах этого периода рекреации в большинстве своем представляют собой довольно просторный зал. В некоторых проектах (типовой проект школы-семилетки для Москвы, арх. И. Рыбченков и А. Жаров, 1928) имелось два рекреационных зала, в одном из которых имелась эстрада для выступлений. В так называемый сталинский период ситуация кардинально меняется: экспериментальные проекты начинают вытесняться типовыми. С этого момента рекреация, будучи по сути второстепенным помещением, еще больше отходит на второй план и упрощается до широкого коридора. Рекреация зального типа вновь возвращается в структуру школы в типовых проектах, применявшихся в 1970-х годах **[8]**. В настоящее время школьные рекреации в большинстве случаев по-прежнему представляют собой широкий коридор или зальное пространство, являющиеся наследием прошлой эпохи. Однако наряду с типовыми пространствами появляются совершенно новые примеры пространств, выходящие за рамки привычного: атриумные пространства, отдельные комнаты игр или зоны отдыха, занимающие непосредственно часть учебного класса **(рис. 1)**.

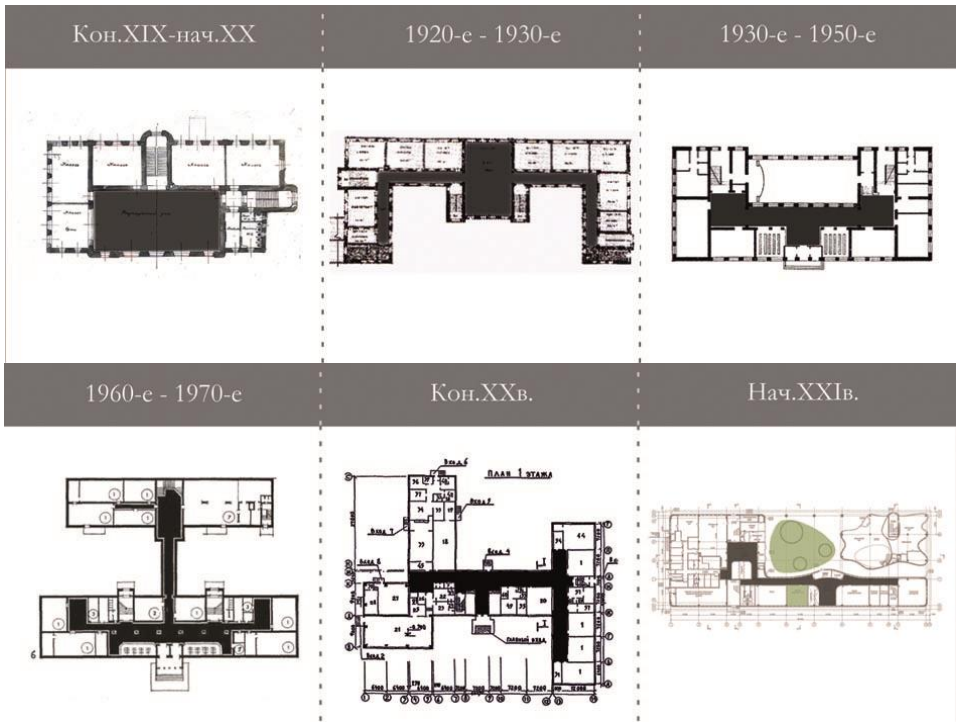


Рис. 1. *Эволюция рекреационных пространств школ*

3. Нормирование рекреационных пространств школ. В 1960-е годы происходит тотальная типизация практически всех проектируемых типов зданий и школ в том числе. Однако типизация не становится исключительно отрицательным качеством архитектуры того времени. Архитекторы наоборот стремятся создать максимально комфортную школу. Это стремление, пожалуй, и явилось причиной (или одной из причин) появления первого СНиПа **[6]** для проектирования школ. В состав СНиПа входят такие разделы, как «Требования к земельным участкам», «Требования к объемно-планировочным решениям зданий», «Естественное освещение зданий», «Противопожарный требования», «Требования к отделке зданий и помещений», «Требования к санитарно-

техническим и электротехническим устройствам». Более подробно нами рассматривались первые два раздела (земельные участки и объемно-планировочные решения). Первый раздел касается размещения в структуре города, функционального зонирования участка школы. Из всех пунктов этого раздела только один касается рекреационных пространств территории школы. В этом пункте говорится лишь о необходимости наличия зоны отдыха на территории школы. Площади этих территорий указаны в приложении 3 СНиПа. Больше никаких требований, кроме разделения зоны отдыха на зону для активного и тихого отдыха, к рекреациям территории школы не предъявляется. Второй раздел содержит информацию о должной функционально-планировочной структуре школы. Школа – это место обучения. Исходя из этого, основные требования касаются организации классов, кабинетов, спортивных залов. Требования к рекреациям минимальны: указана необходимая площадь, предпочтение отдается проектированию зальных, а не коридорных рекреаций, а также указана минимальная ширина рекреаций. На этом требования к объемно-планировочным решениям рекреационных пространств школ исчерпываются.

Следующий СНиП **[5]** появляется в 1973 году. Он содержит практически те же самые разделы, что и предыдущий. Требования, предъявляемые к рекреациям как территории, так и здания школы, по-прежнему касаются нормирования площади. Однако в этом СНиПе появляется разделение на климатические районы, и нормирование площадей рекреаций становится дифференцированным. Кроме того из СНиПа исчезает понятие зальных рекреаций – остаются только требования к ширине этих помещений.

В XXI веке на смену СНиПу о школах приходит общее СП 118.13330 **[7]**, в котором указаны требования и к школам. Однако информации становится гораздо меньше. СП содержит общие требования к площади рекреаций (принимается среднее значение 0,6 м^2 на одного учащегося), отдельно указывается требуемая площадь при проектировании зальных рекреаций. Как таковое нормирование ширины рекреаций исчезает из требований к объемно-планировочным решениям: понятие ширины коридоров, помещений становится применимо к нормированию преимущественно путей эвакуации. Отдельно хочется обратить внимание на московские территориальные нормы МГСН 4.06-03 **[3]**. Этот документ сохранил и дополнил требования к проектированию школ. Многие пункты документа явно являются наследием советских СНиПов, однако некоторые – продукт уже нашего времени. Например, в документе появляется понятие рекреационного центра – как центра досуга при школе. Это образование не заменяет привычных школьных рекреаций, но становится совершенно новым дополнением.

4. Важность рекреационных пространств. Тема школы достаточно широко исследована в различных аспектах, однако интерес к ней по-прежнему остается. Школа представляет собой не только образовательное учреждение, но и социальный институт. Это место, в котором дети получают свои первые социальные роли, получают необходимые навыки общения, необходимые знания. Естественно, что развитие общества не стоит на месте: меняются традиции, ценности, требования, предъявляемые к человеку в целом – и к выпускнику школы в частности. Изменения требований неизбежно ведут и к преобразованиям в образовательной сфере. Упомянутые изменения в идеале должны касаться не только образовательных программ, но и тех мест, в которых дети получают знания, т.е. школ. Если преобразования программ ведутся постоянно, то

изменениям в области проектирования и строительства школ зачастую уделяется меньше внимания. Большинство существующих школ – это наследие прошлого века. Безусловно, мысль о необходимости изменений в области проектирования школ сама по себе не нова и звучала уже во многих исследованиях. Однако стоит отметить, что большинство исследований касаются изменений планировочной структуры школ, преобразований учебных классов. Верность такого подхода очевидна, ведь, как уже говорилось выше, школа – образовательное учреждение. Однако стоит взглянуть на образовательный процесс немного под другим углом. Учебный процесс в любой школе проходит по строго регламентированному расписанию. В пределах нескольких лет обучения – это «учебный год + летние каникулы», в пределах учебного года – это «четверть + каникулы», в пределах недели – это «учебные дни + выходные дни», и самое главное, в пределах одного дня – это «уроки + перемены». Представленные схемы сильно упрощены, они не включают в себя какую-либо внеклассную работу и прочие дополнительные мероприятия, однако дают представление основной идеи: любой учебный процесс в обязательном порядке включает в себя как непосредственно учебное время, так и рекреационное. Из этого можно сделать вывод о важности пространств, предназначенных для проведения внеурочного времени – или рекреационного времени. Как уже говорилось, проектированию учебных помещений уделяется большое внимание, в то время как рекреационные пространства, будучи второстепенными, с точки зрения стандартного подхода («школа – образовательное учреждение», в то время как школа – это гораздо большее) остаются вне пристального внимания.

Заключение. Рекреационные пространства школьных зданий практически все время своего существования оставались второстепенными помещениями. Приведенное утверждение доказывается анализом планировочных структур школ XX века (основные положения анализа приведены в разделе «Краткий обзор…»), а также анализом существующей нормативной базы, касающейся проектирования школ. Однако взгляд на образовательный процесс как на процесс, включающий учебное и рекреационное время, доказывает необходимость изменения статуса рекреационных пространств школы, важность их исследования наряду с учебными помещениями, а также необходимость обращения на них должного внимания при проектировании.

Библиографический список

1. *Буйленко В.Ф.* Основы профессиональной деятельности в туризме и экотуризме: Учебное пособие для вузов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 384 с.
2. *Зорин И.В., Квартальнов В.А.* Энциклопедия туризма: Справочник. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 368 с.
3. МГСН 4.06-03 Общеобразовательные учреждения
4. Официальный сайт физико-математического лицея №30: http://www.school30.spb.ru/museum/
5. СНиП II-65-73 «Общеобразовательные школы и школы-интернаты»
6. СНиП II-Л.4-62 «Общеобразовательные школы и школы-интернаты»
7. СП 118.13330.2012 «Общественные здания и сооружения»
8. *Степанов В.И.* Новые типы средних общеобразовательных школ с гибкой планировочной структурой / В.И. Степанов, Е.Б. Дворкина – М.: Стройиздат, 1978. – 86с.
9. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн.2: Социальные проблемы. – М.: Стройиздат, 2001. – 712 с.
10. Школы, которые построил Крячков / сост. Д.Д. Бушма, Т.Н. Тарновская, Л.Х. Усепян. – Новосибирск, 2012. – 81 с.

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Багрова Н.В.
rektor@ngaha.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 008
ББК 85.11

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Аннотация. Анализируется проблема ценностных и институциональных противоречий эйдетической основы и целеполагания современных концепций подготовки специалистов творческих профессий. Анализ показал, что современная модернизация создает особую проблемную ситуацию, запускающую процесс совместного творчества педагогов и студентов по моделированию результатов образования и образовательного процесса.

Ключевые слова: подготовка специалистов творческих профессий, критическое мышление

В статье ставится проблема ценностных и институциональных противоречий эйдетической основы и целеполагания современных концепций подготовки специалистов творческих профессий.

По А.Г. Бермусу, эти противоречия укоренены в «противоположности классической университетской традиции, находящей свое обоснование в идеях платонизма, новоевропейского рационализма, философии культуры, и компетентностном подходе с базой в неклассических представлениях позитивизма и прагматизма» **[2]**.

Таким образом объектоцентричность традиционного образования вступает в противоречие с проблемоцентричностью современных концепций.

В качестве переходной модели от объекта деятельности и ситуации деятельности к субъекту деятельностной ситуации, предлагается модель образовательной программы на основе паритета академического и деятельностного начал с доминантой субъектности.

В этом случае стартовые проблемы проектирования новых образовательных курсов и программ снимаются процессуально в «последовательной селекции» путем нарастающего включения элементов компетентностного подхода в циклы ротации образовательных программ.

В этом случае целеполагание программ первых итераций выстраивается традиционно, при этом осведомленность в профессиональном предмете предполагается как необходимое, но недостаточное условие.

Дидактический акцент программы делается на разворачивании совместной работы студентов и преподавателей по осмыслению профессиональной культуры с позиций осознанного отношения к методу своей работы и осознанного управления методом.

В ядре – концепция последовательного развития критического мышления как мыслительного выхода за пределы ситуации, в качестве которой рассматриваются не только педагогические симуляции, выстроенные вокруг учебной псевдопрофессиональной задачи, но и ситуации, связанные с проектированием самой учебно-игровой профессиональной деятельности.

Подобный выход из контекста возможен только при развитом теоретическом сознании с навыками рефлексии. Задача нового подхода – вызвать способность к выходу из текущего контекста с минимальным участием внешних стимулов.

Неочевидность дефиниции понятия «критическое мышление» проявляет проблему неотделимости критической составляющей в пространстве мышления вообще.

В философском дискурсе понятие критического мышления синонимично понятиям логического и аналитического мышления. Кроме того, критическое мышление содержит компоненты творческого продуктивного мышления.

Функциональное отличие критического мышления от какого-либо другого состоит в том, что оно включает в себя оценку не как процедуру отбора варианта в творческом мышлении и не как рефлексию в логическом или проверку достоверности в аналитическом мышлении.

В критическом мышлении оценка – продукт самого размышления.

Не останавливаясь подробно на этимологии понятия критического мышления, извлеченной из истории рационализма, можно говорить о его генетической связи с «конструктивным скептицизмом», исходной посылкой которого является допущение о том, что отсутствие однозначного ответа на вопрос или отсутствие единственного решения проблемы не является исключительным обстоятельством, но в большей степени нормой действительности.

С этих позиций, наиболее адекватным способом организации педагогической ситуации развития критического мышления является ситуация самоопределения в деятельности.

Каким образом обучение «практической логике» реализуется в профессиональной подготовке по творческим направлениям и, в частности, в архитектурной подготовке?

В качестве отправной точки поиска ответа на этот вопрос можно постулировать не нуждающуюся в обосновании связь архитектурной педагогики и архитектурно-теоретического знания (академического, методологического, эмпирического и т.п.).

Естественно, что кризисные состояния архитектурной теории немедленно сообщаются с архитектурной педагогикой. Так, кризисное состояние архитектуроведения теоретик архитектуры и методолог А.Г. Раппапорт описывает следующим образом:

«в современной теории архитектуры акцент делается …на нормативную сторону – на принципы и методы, которые, якобы способны обеспечить продуктивное развитие архитектурного проектирования, а критический анализ этих принципов, соотношение мифологических, логических, нормативных и эмпирических моментов в их построении остается не выявленным» **[2, с. 27]**.

Из чего можно сделать вывод о том, что современное архитектуроведение готовиться вступить в очередную фазу активизации рефлексивных тенденций, которую не раз уже переживало.

Таким образом, ситуация самоопределения в рефлексивном выходе характерна не только для педагогической действительности подготовки архитекторов, но представляет собой сегодняшний экзистенциальный субстрат профессии, в целом.

В этой ситуации, которую можно охарактеризовать как состояние текучего «горизонтального» состояния профессиональной культуры с характерными размытыми ориентирами, особо актуальными становятся универсальные структуры деятельности, технологии, алгоритмы и операции, совершаемые с любым эмпирическим материалом. Необходимо лишь осознать их, отделив от эмпирического содержания.

Как известно, осознанию подлежит лишь то, что превращено в содержание сознания, то есть интериоризовано в системе личностного знания. Только персонифицированные структуры деятельности могут стать основанием для реализации технологий.

Каковы структуры критического мышления, и каковы технологии их персонификации?

В дидактическом аспекте «Критическая педагогика» Л.М. Симели **[1, p. 148]** устанавливает основные принципы развития критического мышления:

- развитие понимания характера репрезентации действительности;
- обеспечения знаниями о контекстах и целях;
- поощрение интереса к изучению процесса выбора, интерпретации, и действия после восприятия артефакта в различных контекстах».

Таким образом, приоритетом в организации педагогической ситуации является не формирование знания о конкретных методах или даже принципах.

В технологическом аспекте формирование критического мышления, предполагает ответы на вопросы о цели познавательной деятельности, об исходных гносеологических посылках, о программе действий и результатах обратной связи.

Ответы должны содержать в себе вариативный выбор, обобщение фактов, оценку достоверности аргументов, оценку неопределенности и сопоставление ее с прогнозом решения.

Критическое мышление включено в последовательность основных мыслительных операций процесса рассуждения и аргументации: оно является необходимой составляющей формулирования проблемы, постановки цели, выдвижения гипотезы, построения прогноза последствий реализации гипотезы, анализа и обоснования оценки последствий, выдвижения альтернатив.

В постановке проблемы, в анализе аргументов, выборе и оценке решений базовой операцией критического мышления проявляется сопоставление.

Сравнение аналогов осуществляется на эмпирическом уровне критического мышления. Выявление соответствия – на нормативном и ценностном уровнях. На эмпирическом уровне преобладает когнитивная составляющая мышления. На нормативном и ценностном – логическая.

Вместе с проектированием технологии и обучению алгоритму мыслительных операций, важным представляется тщательный подбор материала критического осмысления в подмножествах «кейсов», академического материала, результатов научных исследований. Наряду с перечисленными ситуациями педагогического сопровождения на пути к найденному и известному заранее результату, педагогические ситуации могут разворачиваться как неопределенные, не имеющие ответа. Это ситуации осмысления по поводу самой технологии критического мышления и мыслительных алгоритмов.

Сегодня в процессе реформирования образовательных программ высшей школы, мгновенная инверсия отечественной образовательной концепции в нечто иное путем механической компиляции откопированных внешних образцов невозможна, особенно в ситуации, когда иного нет в отечественных производственных отношениях, рынке труда и, как следствие, в культуре, когда иное не осознано в части механизмов своей реализации.

Однако сама идея модернизации создает особую проблемную ситуацию, открывающую актуальность и запускающую процесс осознания новых возможностей и, прежде всего, возможности совместного творчества педагогов и студентов по моделированию результатов образования и образовательного процесса.

Библиографический список

1. *Бермус А.Г.* Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А.Г. Бермус // *Интернет-журнал «Эйдос»*. – 2013. – 10 сентября.

2. *Раппапорт А.Г.* История архитектурной мысли и ее будущее / *Личность, эпоха, стиль:* Доклады межд. науч. конф. 6–7 октября 2008 г. – М.: НИИТАГ РААСН, 2008.

Каменева В.А.
vkameneva@mail.ru
НГАСУ (Сибстрин), г. Новосибирск, Россия

УДК 725.727
ББК 85.113

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ

Аннотация. Статья посвящена преподаванию архитектурных дисциплин в условиях внедрения нового образовательного стандарта. Архитектурная деятельность направлена на создание материального окружения будущего на основе прогнозирования политического, экономического, культурного развития общества. При этом необходимо сохранить национальное и региональное своеобразие архитектуры в то время как происходит размывание национальных и местных традиций. Внедрение нового педагогического мышления, ориентированного на целостность восприятия картины мира и приоритет воспитания и развития способностей над образованием позволяет усилить гуманитарную составляющую. Исторический подход к изучению гуманитарных и специальных дисциплин направлен на формирование мировоззрения будущего архитектора. Изучение, осмысление национальных и региональных традиций, их интерпретация в современных материалах и конструкциях позволит сохранить своеобразие архитектуры.

Ключевые слова: архитектурная профессия; новая парадигма образования; реконструкция; фундаментализация образования; история архитектуры; социальная и региональная идентичность; своеобразие среды.

Обращаясь к историческому подходу в изучении дисциплин архитектурной специальности, следует отметить важность истории для формирования мировоззрения будущего специалиста. Без понимания закономерностей эволюции того или иного явления невозможно прогнозировать его развитие в будущем.

Законы диалектики указывают нам на постоянное циклическое изменение мира во времени и пространстве. Архитектура, имеющая своим предметом материальную составляющую окружающего пространства, не может не учитывать уровень развития общества на конкретном этапе в конкретной точке пространства. В то же время работа архитектора, по сути, «креативная футурология» – создание среды будущего, требует прогнозирования не только материального окружения, но политического, экономического, культурного развития социума.

Архитектурная профессия многогранна. В ее основе инженерная подготовка, естественно-научные и гуманитарные знания, а также способность к художественному восприятию, необходимая, чтобы творить по законам красоты, и, конечно, широта мировоззрения. Развитие архитектурного образования связано с преодолением противоречий между социальным заказом, техническими возможностями, уровнем развития педагогической мысли, образовательной практики и государственной политики в области образования **[2, с. 26]**.

В этой связи представляет интерес концепция новой парадигмы образования, выдвинутая норвежским ученым Е. Нордланд. «Мировоззрение холизма» рассматривает новую картину мира как объединенное многомерными связями интегрированное целое, а не собрание разрозненных фрагментов. Сущность этой парадигмы в интерпретации действительности в понятиях единства, взаимосвязанности, сотрудничества, целостности и ответственности друг за друга

[2, с. 266]. Нетрудно заметить, что мы еще очень далеки от такого мировоззрения.

Кризис 1990-х гг. и последующее развитие России в условиях глобализации сильно изменили менталитет общества, особенно молодого поколения. Российская личность утратила свою историческую и социальную идентичность, а заодно и идентичность региональную. Размываются национальные и местные традиции, вырабатывавшиеся веками. Студенты нередко не знают истории, литературных произведений, сказок, мифов. У многих слабо развито воображение и даже отсутствует понимание целесообразности образного мышления. Студенты-архитекторы, для которых образное мышление – фактор профессиональной пригодности, в лучшем положении. Но им также не хватает опыта этического и эстетического переживания и сопереживания. Такие переживания может передать только личность. Молодой человек еще не имеет жизненного опыта, его личностный рост находится в стадии формирования. И формирование это должно обеспечить образование. Изучение, осмысление опыта предыдущих поколений не только обогащает знаниями, но и способствует личностному росту.

Новое педагогические мышление, согласно парадигме российского ученого Г.С. Батищева, должно перестать быть придатком существующего порядка вещей и поставить человека выше всех социальных и вещных структур. Оно должно культивировать:

– приоритет воспитания над обучением;

– приоритет мировоззрения над суммой знаний;

– приоритет развития способностей над суммой конкретных знаний **[1, с. 267]**.

Важнейшая задача – воспитание разносторонне развитой творческой личности.

Для решения этой задачи в классическом инженерном образовании большая роль отводилась и отводится в настоящее время фундаментализации и, в частности, ее естественно-научной составляющей. Для фундаментализации архитектурного образования не менее важна гуманитарная составляющая.

Как область культуры архитектура непосредственно связана со всеми сферами общественной жизни, вместе с ними претерпевает изменения во времени и пространстве. Разрушение и восстановление, рост населения, развитие экономики и перестройка городов, развитие науки и техники и появление новых материалов и конструкций, смена эстетических воззрений и смена стилей, наконец, глобальное превращение биосферы и ноосферу – все взаимосвязано. Профессионалу необходимо понимать свое место и роль в происходящих процессах.

Для этого нужно вернуть историческую, социальную, региональную идентичность, этническое самосознание, что невозможно без изучения истории не только архитектуры и градостроительства, архитектурного образования и профессии, но и истории страны, общества, региона, города, села, их этнических художественных традиций. На этом основывалась досоветская и советская система патриотического воспитания. В современной российской науке тема региональной идентификации остается малоизученной, что ограничивает изучение идентификации российской. Огромная территория, разнообразие природно-климатических условий, культурных традиций различных этносов, составляющих российскую культуру в целом, требуют регионализации образования.

Механическое перенесение западной образовательной системы не позволяет выделить национальное своеобразие российской архитектуры – то органичное, что присуще сооружению, его конструктивным и эстетическим компонентам, тот неизгладимый отпечаток, который накладывают на архитектуру многообразные условия развития народа **[4, с. 207]**. Но проявившиеся в третьем образовательном стандарте вполне оправданные тенденции гуманитаризации образования дают возможность включить исторический подход к изучению архитектурных дисциплин в рабочие программы. Это особенно важно для проектирования в условиях реконструкции, когда национальное и региональное своеобразие имеют первостепенное значение.

Заключение. Исторический подход к архитектурным дисциплинам – важный фактор не только успешного изучения этих дисциплин, но и образования в целом, а также фактор сохранения национального и регионального своеобразия архитектуры. Изучение, осмысление национальных и местных традиций, их интерпретация в современных конструкциях и материалах в расчете на будущее использование позволяет создавать тот самый неповторимый «genius locus» – дух места с неповторимой самобытной архитектурой. Таким образом**,** необходимо научить человека чувствовать и мыслить. Вся сумма знаний собственно нужна для того, чтобы вызывать этическое и эстетическое переживание, возбуждать мышление. Именно в этом случае профессионал сможет создавать что-то новое, а не только воспроизводить уже созданное.

Библиографический список

1. *Адаменко А.М.* Традиции и модернизация инженерного образования. – Новосибирск, 2009. – С. 267.

2. *Кольстет Л.А.* История архитектурного образования в России: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ростов н/Д., 2007. – 26 с.

3. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 336 с.

4. *Яралов Ю.С.* Национальное и интернациональное в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1985. – С. 207.

Поляков Е.Н.
polyakov.en@yandex.ru
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 72.036
ББК 85.113

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА «АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ “ИДЕАЛЬНЫХ” УСЛОВИЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ»

Аннотация. В статье рассматривается работа над научной программой изучения концепций и теорий античных историков, философов и зодчих, посвященных организации «идеального» образа жизни своих современников.

Ключевые слова: «идеальный образ жизни»; научная программа; градостроительство и архитектура Античности; городская среда.

Данное научное направление стало своеобразным итогом многолетнего труда его научного руководителя. С 1979 г. он читает на архитектурном факультете ТГАСУ курс лекций по истории архитектуры. Этот курс включает два тематических блока – «Архитектура стран Древнего Востока» и «Архитектура античных государств». В качестве практических заданий каждый студент пишет два реферата, посвященных древнему градостроительству, наиболее выдающимся произведениям зодчества или монументально-декоративного искусства этого периода. Наиболее интересные сочинения становились темами докладов на ежегодных научно-технических конференциях ТГАСУ и других вузов, научных публикаций в «Вестнике ТГАСУ» и многих других научных журналах, сборниках научных трудов. Таким образом, более ста студентов архитектурного факультета обрели первичные навыки научно-исследовательской работы, стали авторами и соавторами научных публикаций. Кроме того, научный руководитель занимается обучением студентов 1–2-го курсов основам архитектурного проектирования и композиции. От своих подопечных он требует «научного» подхода к творческому процессу, использования в своих эскизах наиболее оригинальных концептуальных находок выдающихся зодчих, художников и скульпторов прошлого, естественно, с учетом архитектурно-технических достижений нашего времени, исторических традиций, природно-климатических особенностей России и Западной Сибири.

Одним из направлений этих поисков стал активный поиск оптимальных функционально-планировочных схем жилых и общественных зданий (античный принцип «жемчужной раковины»), которые получали образную интерпретацию в решении фасадов зданий, в особенностях их декоративного оформления, в выборе тех или иных конструктивных схем и отделочных материалов. Этому принципу следовали в своем творчестве многие выдающиеся зодчие XX столетия (Ф.Л. Райт, Ле Корбюзье, К.К. Мельников, А. Аалто, Т. Ито и др.). Многие из них брали за образец зодчество Древней Греции и Рима.

В результате была разработана научная программа, нацеленная на изучение концепций и теорий античных историков, философов и зодчих, посвященных организации «идеального» образа жизни своих современников **[1]**. Их произведения касались самых разнообразных аспектов быта древних греков и римлян, включающих как минимум пять направлений (обеспечение комфортной среды и безопасности мест проживания, оптимизация условий труда и домашнего быта, получение общего и профессионального образования, здоровый образ

жизни и общая физическая подготовка, организация отдыха и культурного досуга). Эти и многие другие аспекты не теряют актуальности и в наши дни.

В настоящее время ведется активная работа в двух направлениях.

1. ***«Идеальное» градостроительство*** – правильный выбор «здоровой» местности под закладку будущего города с учетом особенности ландшафта местности, обеспечение его надежной обороны от внешних и внутренних врагов, оптимальная трассировка городских улиц, обеспечивающая наиболее комфортные условия инсоляции и аэрации жилых и общественных построек, продуманная функциональная структура города, система его благоустройства – озеленение, водоснабжение и пр. **[2–6]**.

Градостроительным аспектам посвящена кандидатская диссертация аспирантки Юлии Евгеньевны Крюковой. Ее доклад на 61-йУНТК ТГАСУ, посвященный одному из разделов данной программы **[7]**, был отмечен дипломом I степени в номинации «Молодые ученые и специалисты» *(рис. 1)*.

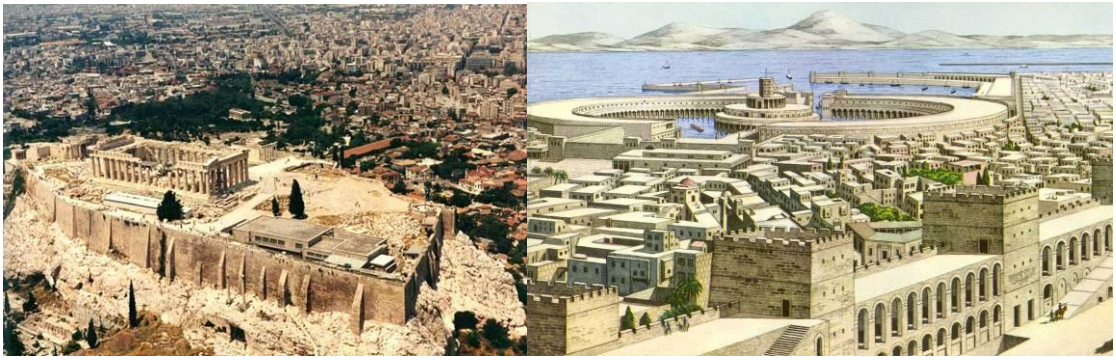


Рис. 1. *«Идеальные» города античного мира (Афины, Новый Карфаген)*
(иллюстрации из доклада Ю.Е Крюковой на LXI УНТК ТГАСУ, секция 11, 23 апреля 2015 г.)

2. ***«Идеальный» жилой дом усадебного типа*** – становление концепции «идеального» жилого дома в гомеровский период (XII–VIII вв. до н. э.), городской усадебный дом Древней Греции архаического – эллинистического периодов (VII–I вв. до н. э.), городской усадебный дом (domus) Древнего Рима периода республики и Ранней империи (V в. до н. э. – I в.), древнеримская загородная вилла (II в. до н. э. – II в.), царский (императорский) дворец (II в. до н. э. – IV в.). В этом блоке будут рассмотрены градостроительные аспекты (в том числе пространственная ориентация зданий по сторонам света, инсоляция и аэрация помещений дома), трансформация функционально-планировочной структуры усадебного дома, решения их фасадов, особенности монументально-декоративных украшений, подчеркивающих респектабельность усадьбы и обеспечивающих комфортные условия для проживания ее обитателей.

Следует отметить, что этой проблематикой мы занимались и раньше, до появления данной научной программы **[8; 9]**.

С осени 2014 г. этими аспектами успешно занимается студент гр. 5024 (2-й курс АФ) Александр Владимирович Красовский. Его доклад на 61-йУНТК ТГАСУ, посвященный одному из разделов данной программы, также был отмечен дипломом I степени по секции 11 в номинации «Студенты» (подсекция «Теория и история архитектуры») **[10]** *(рис. 2)*. Осенью 2015 г. он развил эту проблематику в своем докладе на II Международной НК ТГАСУ **[11]**.

Рис. 2. *«Идеальный» римский усадебный дом (слева – принципиальная модель планировки, справа – двор-перистиль дома Золотых Амуров в Помпеях) (иллюстрации из доклада А.В Красовского на LXI УНТК ТГАСУ, секция 11, 23 апреля 2015 г.)*

Роли монументально-декоративного искусства в украшении древнеримских вилл был посвящен интересный доклад Татьяны Владимировны Буреновой, студентки гр. 5044 (2-й курс АФ) **[12]**. Свой вклад в эту проблематику внесла также магистрант гр. 504 Михайлова Лариса Вячеславовна. Две ее статьи, опубликованные в журнале «Вестник ТГАСУ», органично дополнили тему «комфортного» благоустройства древнеримских вилл **[13; 14]**.

В 2016 г. намечена разработка еще нескольких научных направлений, посвященных архитектуре общественных зданий, в которых «свободные» древние греки и римляне занимались оздоровлением души и тела, совершенствовались в «мусических» (научных, философских) и «гимнастических» (спортивных, физкультурно-оздоровительных) искусствах с целью успешного продвижения по государственной и военной службе. К их числу относятся следующие:

– учебные здания (гимнасии, академии), мусеи, библиотеки, пинакотеки (картинные галереи) и пр.;

– зрелищные здания и сооружения (цирки, театры, амфитеатры);

– спортивно-оздоровительные здания и сооружения (стадионы, ипподромы, палестры, леонидареумы, частные и общественные бани и пр.).

Эти темы уже рассматривались нами ранее в целом ряде публикаций **[15–20]**. Следует отметить, что многие из этих работ являются расширенными вариациями тезисов научно-технических конференций различного ранга, написанными в соавторстве со студентами архитектурного факультета ТГАСУ. Многие из рассмотренных там аспектов уже стали темами рефератов по истории архитектуры, курсовых проектов и упражнений по композиционному моделированию. Поэтому в настоящее время идет активный поиск и отбор студентов старших курсов, желающих заняться этой проблематикой в рамках магистерских и кандидатских диссертаций.

Библиографический список

1. *Поляков Е.Н.* Архитектурно-градостроительное обеспечение «идеальных» условий жизни горожан в трудах античных авторов // *Научно-инновационная деятельность Томского государственного архитектурно-строительного университета в 2014 г.* / под общ. ред. В.А. Клименова. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 143–145.
2. *Поляков Е.Н.* Единство города и природы в зодчестве Древнего Рима и Китая // *Материалы научно-практической конференции «История и современность: архитектура и градострои-*

тельство – региональный аспект» (г. Новосибирск, 11 февраля 2004 г.) / под ред. В.М. Пивкина. – Новосибирск: Сибпринт, 2004. – С. 50–60.
3. *Поляков Е.Н.* Хаос и Космос в античном градостроительстве // *Материалы региональной научной конференции, посвященной 10-летию ООФ ТГАСУ.* – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2004. – С. 226–240.
4. *Поляков Е.Н., Дробилина Ю.А.* Дейнократ – придворный зодчий Александра Македонского // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2007. – № 2 (15). – С. 5–17.
5. *Поляков Е.Н., Майорова Е.В., Шаболина М.А.* Творчество Гипподама Милетского // *Вестник Томского ГАСУ*, 2008, № 3. – С. 5–19.
6. *Поляков Е.Н., Майорова Е.В., Шаповалова Е.Е.* Развитие принципов регулярной планировочной сетки в градостроительстве эллинистических государств // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2008. – № 4. – С. 5–20.
7. *Крюкова Ю.Е., Поляков Е.Н.* Строительство фортификационной системы городов Древней Греции и Рима / Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых [Электрон. текстовые данные]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 773–780. – URL: portal.tsuab.ru/ScienceWork/2015/konf_61NTK_2015.pdf
8. *Поляков Е.Н., Афанасьева А.С., Ткаченко Н.С.* Природа в архитектуре древнеримских вилл // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2012. – № 1 (34). – С. 9–27.
9. *Поляков Е.Н.* Развитие концепции «идеального дома» в зодчестве Древней Греции и Рима // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2015. – № 1. – С. 294–298.
10. *Красовский А.В., Поляков Е.Н.* Формирование концепции «идеального» усадебного дома в зодчестве Древней Греции и Рима / Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых [Электронный ресурс]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 765–772. – URL: portal.tsuab.ru/ScienceWork/2015/konf_61NTK_2015.pdf.
11. *Красовский А.В., Поляков Е.Н.* Греческий перистильный дом как тип демократичного жилья. // *Молодежь, наука, технологии: идеи и перспективы (МНТ-2015):* мат-лы II Международной научной конференции студентов и молодых ученых [Электрон. текстовые дан.]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 891–894. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/ MNT-2015%20(1)%20(1).pdf
12. *Буренова Т.В., Поляков Е.Н.* Роль фресковой живописи в организации внутреннего пространства городских усадебных домов Древнего Рима (IV–I вв. до н. э.) // *Избранные доклады 61-й университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых* [Электрон. текстовые данные]. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2015. – С. 705–711. – URL: portal.tsuab.ru/ScienceWork/2015/konf_61NTK_2015.pdf.
13. *Поляков Е.Н., Михайлова Л.В.* Античные традиции «итальянского» сада // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2015. – № 5 (52). – С. 9–23.
14. *Поляков Е.Н., Михайлова Л.В.* Композиционные особенности современного «итальянского» сада // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2015. – № 6 (53). – С. 9–23.
15. *Поляков Е.Н., Сидоров И.В.* Большой цирк в Риме // *Материалы LVIII научно-технической конференции студентов и молодых ученых (г. Томск, 25–26 апреля 2012 г.).* – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. – С. 444–452.
16. *Поляков Е.Н.* Александрийский маяк – седьмое чудо света // *Вестник Московского ГСУ.* – 2013. – № 4. – М.: Изд-во МГСУ, 2013. – С. 7–13.
17. *Поляков Е.Н.* Римский театр – история становления // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2013. – № 2 (39). – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2013. – С. 9–23.
18. *Поляков Е.Н.* Театр Марцелла – культурно-идеологический манифест императора Августа // *Вестник Томского ГАСУ*, 2013. – № 3 (40). – С. 14–28.
19. *Поляков Е.Н., Иноземцева Т.О.* Древнегреческий театр – история зарождения // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2014. – № 1 (42). – С. 9–30.
20. *Поляков Е.Н.* Архитектура древнегреческих театров // *Вестник Томского ГАСУ.* – 2014. – № 2 (43). – С. 9–31.

Журин Н.П.
nikolayzhurin@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72:378
ББК 85.11:74.480.26

ЭКЛЕКТИКА И МОДЕРН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РАЗДЕЛА КУРСА «ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА»)

Аннотация. В статье рассматривается методика и опыт преподавания в Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии раздела курса «История архитектуры и градостроительства», охватывающий период с 1830-х по 1917 г., связанный с развитием стилистики эклектики (историзма) и модерна в отечественной архитектуре. Рассматриваемая методика строится на анализе проектных заданий тех лет, изучении графических приемов существовавшей проектной практики, художественных приемов и стилистики каждого конкретного стилистического направления. Подлинные проектные задания позволяют изучить архитектурную терминологию тех лет, существовавшую систему мер и ее применение в проектной практике. Представлены эскизные проекты студентов архитектурной специальности Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, явившиеся результатом изучения исторической проектной документации, выполненные в стилистике эклектики и модерна.

Ключевые слова: методика преподавания; стилистика; эклектика; историзм; модерн.

Раздел курса «История архитектуры и градостроительства», охватывающий исторический период 1830-1917 гг., ассоциируется с разнообразной исторической стилистикой эклектики и «авангардной» архитектурой эпохи модерна, изучение которой не утратило актуальности и практической значимости в наши постмодернистские стилистические искания начала XXI в.

Изучая художественные приемы исторических стилистических направлений, современные студенты архитектурной специальности получают не только необходимые для своей будущей профессии искусствоведческие знания, но практически осваивают профессиональные приемы проектирования «в различных стилях». Для современной архитектурной практики это особенно актуально в связи с изучением типов зданий, проектирование которых фактически было утрачено в советский период. В связи с этим возросшим практическим интересом к изучаемому историческому периоду была разработана авторская методика освоения курса, основанная на сочетании традиционных лекционных занятий с практической творческой составляющей, включающей выполнение эскизных проектов в заданных исторических стилях.

На практических занятиях студенты получают информацию о методике обучения, которая применялась в Императорской Академии художеств и других дореволюционных высших архитектурных школах в плоть до 1917 г. Она строилась на практике изучения мотивов европейского средневековья, Древнего Востока, мотивов русского национального стиля, а также модернизированных стилистических приемов архитектуры Античности, Ренессанса, барокко и их использования в современном зодчестве. В прогрессивной архитектурной школе, твердо вставшей на путь освоения исторического архитектурного наследия во второй четверти XIX в. – в Кремлевском архитектурной училище, возглавляемом в этот период архитектором М. Быковским, выдаваемые студентам задания звучали

так: «женский монастырь в палестинском вкусе», «церковь в готическом вкусе», «колокольня в византийском вкусе», «дом загородный в английском вкусе», «казармы в римском вкусе» **[1, с. 29]**.

Данная методика архитектурного проектирования вызывает неизменный интерес у современных студентов архитектурной специальности, и предложение преподавателя последовать ей с целью своеобразного погружения в изучаемую эпоху с готовностью и интересом принимается обучающимися.

Тематика и оригинальные задания на проектирование были заимствованы автором из профессиональных источников тех лет, таких как журналы «Зодчий», «Строитель, вестник архитектуры, домовладения, санитарного зодчества». При этом стилистика и дореволюционная орфография их написания сохранялись, что усиливало у студентов эффект сопричастности и ощущение реальности поставленной проектной задачи, осуществляемой в конкретной исторической эпохе. Среди предложенных тем – «Бактериологический институт в Киеве» **[2]**, «Дом-особняк г-на Козляникова в Санкт-Петербурге» **[3]**, «Дом-убежище для портовых рабочих в Либаве» **[4]**, «Здание реального училища имени Императора Александра III в гор. Гатчино» **[5]**, «Больница для рабочих в Одессе» **[6]**, «Клиника ушных, носовых и горловых болезней, возводимой на средства потомственной почетной гражданки Ю.И. Базановой в Москве» **[7]**, «Здание летнего помещения клуба в городском саду в Екатеринославле» **[8]**, «Здание дешевых квартир в Одессе, возводимое согласно воле завещателя – П. Ямчитского» **[9]**, «Здание начального училища в С.-Петербурге» **[10]**, «Сиротский дом в Житомире» **[11]**, «Конкурс на составление проекта костела в г. Киеве» – в задании на проектирование был специально оговорен «стиль предполагаемой постройки – готический, переходный или романский» **[12]**.

Для учебного процесса, проектной творческой деятельности особенно интересны такие типы выставочных зданий, как сооружения Всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде, представленные в журнале «Строитель, вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества» за 1898 г. Данное профессиональное издание выходило с 1894 по 1905 г. раз в два месяца под редакцией Г.В. Барановского и является неисчерпаемым источником пополнения фонда заданий на проектирование в стилистике изучаемой эпохи *(рис. 1, 2, 3)*.

Остановимся на анализе программы на проектирование загородного дома для Его Императорского Высочества герцога Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского. Прежде всего студенты интересуются личностью заказчика, который являлся сыном герцога М. Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны, дочери императора Николая I. Отмечается, что именно для этой супружеской пары был построен Мариинский дворец в Санкт-Петербурге (арх. А. Штакеншнейдер) и их летняя резиденция в Новом Петергофе, с архитектурой которых обучающиеся познакомились на лекциях. Студенты с интересом приобщаются к истории рода Лейхтенбергских, их участию в архитектурно-художественном образовании, изучается их герб и архитектура построек, находившихся в их владении, а также биография самого Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского.

В конкурсном задании на проектирование отмечается, что на участке земли в парке предполагается возвести здание каменного загородного дома. Жилой дом должен быть 2-этажным. Высота помещений этажей должна быть не менее 5 аршинов, принимая толщину межэтажных перекрытий – 8 вершков. В доме

должны быть: вестибюль, гостиная, столовая, зимний сад, буфет, лакейская, поварская, зала, кабинет, уборная с ватерклозетом, терраса; на втором этаже – будуар, две комнаты для приезжих гостей с уборной и ватерклозетом, детская, спальня с уборной, ванной, ватерклозетом, детская для младенца с комнатой для няни и ватерклозетом. Общая площадь помещений – 338 кв. саженей. Лестницы, как парадные, так и черные, должны быть светлыми, возможен верхний свет. Возможно предусмотреть подъемную машину с кабиной 2×2 аршина. Вестибюль при парадной лестнице должен быть просторным, не менее 1,5 сажени. Отделка дома, как наружная, так и внутренняя, должна быть простая, но изящная и солидная. Отопление – местными печами, либо центральное, с котельной в подвале дома. Ширина окон желательна не менее 1¾ аршин, ширина простенков не менее 2 аршин. Стиль – так называемая неоготика. При знакомстве с оригинальным заданием тех лет на проектирование загородного дома, естественно, у современных студентов возникают вопросы, ответы на которые проясняют значение ряда устаревших архитектурных терминов. Так, вызывает неизменный интерес подъемная машина – аналог современного лифта, устройство верхнего света и составляющие планировочное решение загородного дома тех лет уборная с ватерклозетом, детская для младенца с комнатой для няни, черные и парадные лестницы, а также устройство отопления дома местными печами или центральное, паровое.

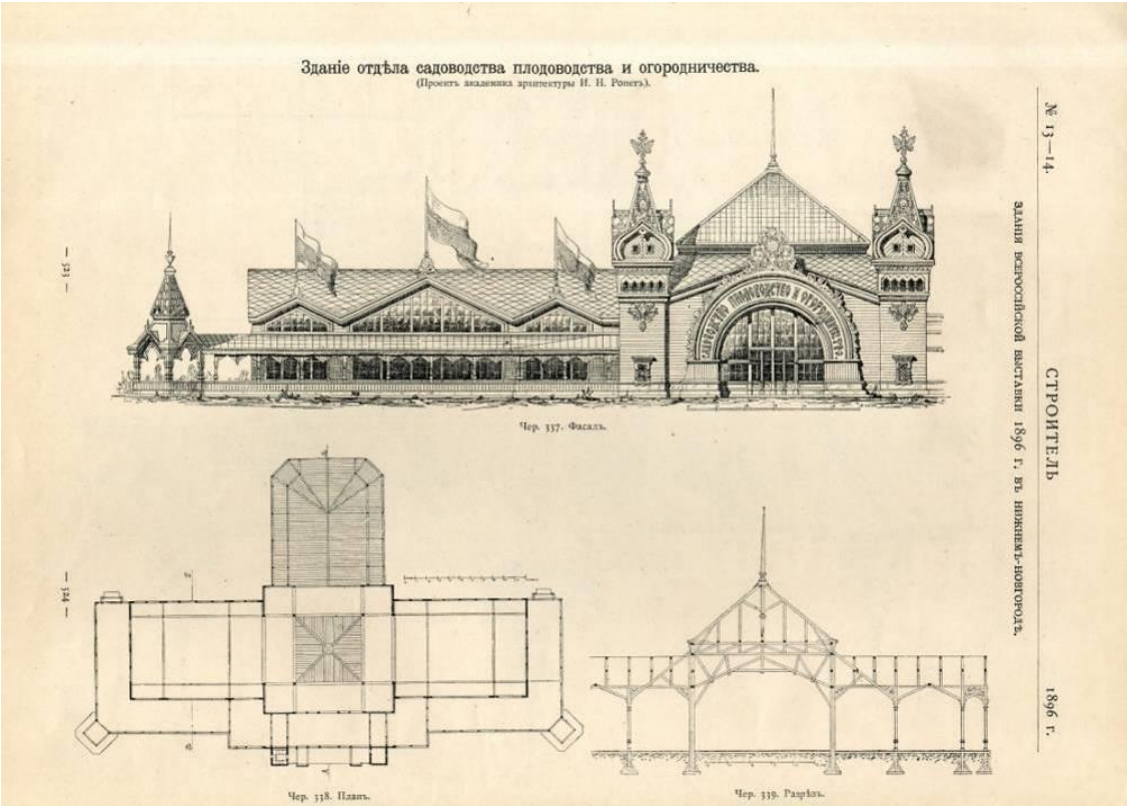


Рис. 1. *Здание отдела садоводства, плодоводства и огородничества на Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Проект академика архитектуры И.Н. Ропета. Источник: Строитель. 1896. №13–14*

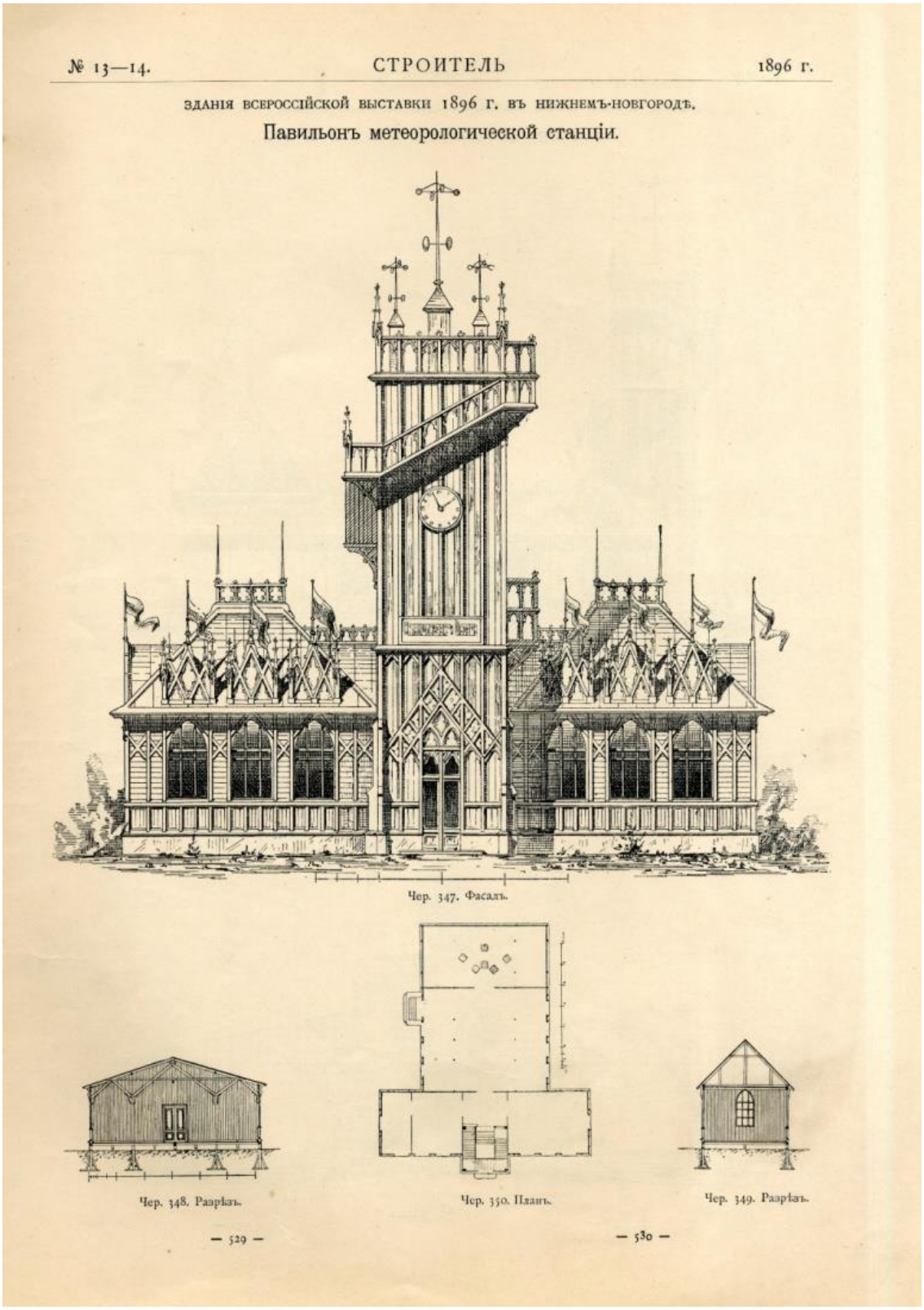
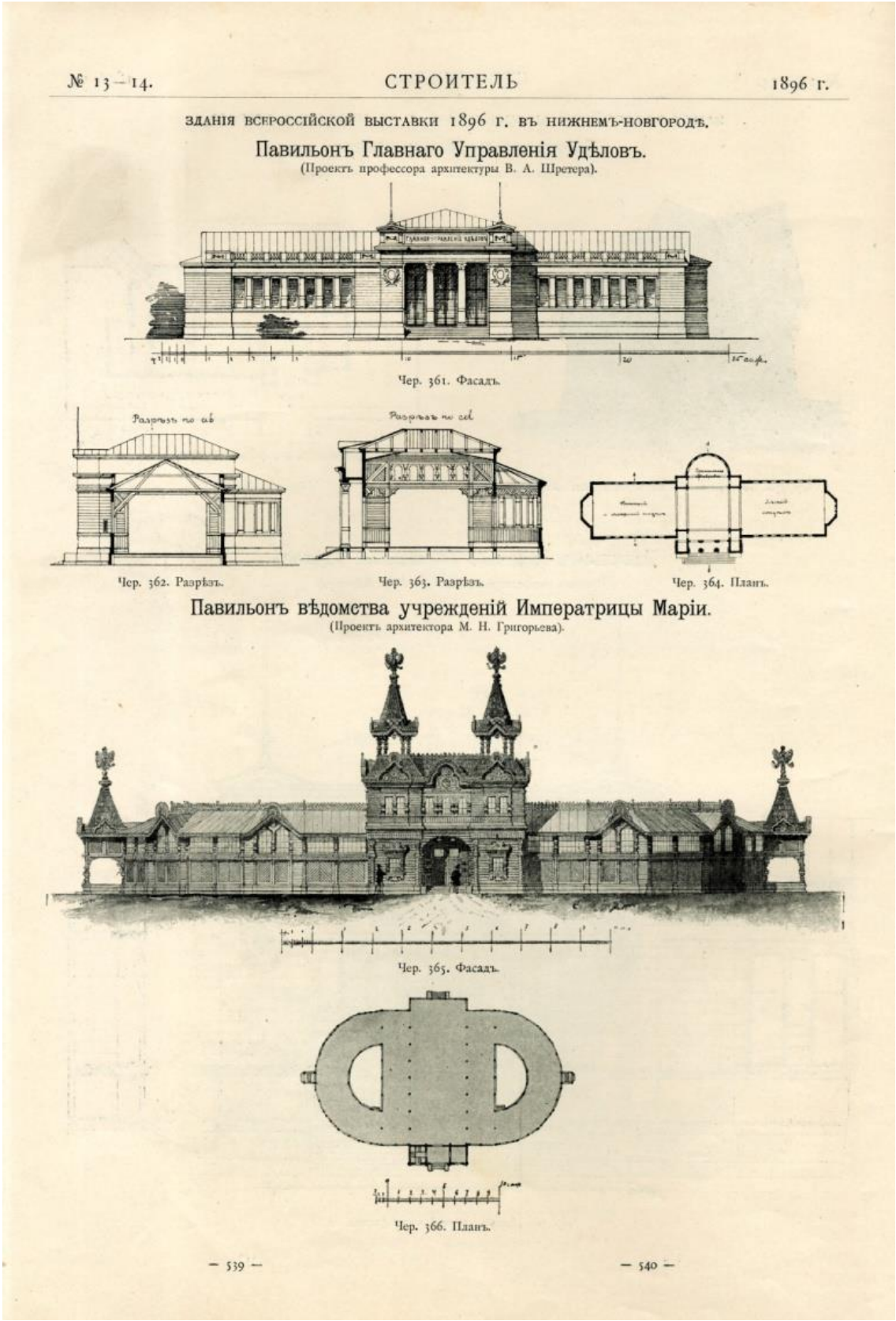


Рис. 2. *Павильон метеорологической станции на Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Источник: Строитель. 1896. №13–14*



№ 13–14. СТРОИТЕЛЬ 1896 г.

ЗДАНІЯ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ 1896 г. ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Павильонъ Главнаго Управленія Удѣловъ.

(Проектъ профессора архитектуры В. А. Шретера).

Чер. 361. Фасадъ.

Чер. 362. Разрѣзъ.

Чер. 363. Разрѣзъ.

Чер. 364. Планъ.

Павильонъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

(Проектъ архитектора М. Н. Григорьева).

Чер. 365. Фасадъ.

Чер. 366. Планъ.

— 539 — — 540 —

Рис. 3. *Павильон Главного управления уделов. Проект профессора архитектуры В.А. Шретера. Павильон ведомства учреждений императрицы Марии. Проект архитектора М.Н. Григорьева. Источник: Строитель. 1896. №13–14*

Важным подготовительным этапом является знакомство на лекциях по истории отечественной архитектуры с разделами истории зодчества, посвященными стилистике архитектуры тех лет – неоготике, неоренессансу, необарокко, «мавританскому», «помпеянскому» и русскому стилям. Отмечается характерное объемно-планировочным решение особняков, загородных домов, являвшихся ведущей темой в творчестве архитекторов эпохи эклектики и модерна – А.Менеласа, А.Штакеншнейдера, Г.Боссе, М.Быковского Н.Бенуа, Л.Бонштедта, А.Гуна, А.Гогена, И.Ропета, Ф.Шехтеля и др. Приветствуется самостоятельное отыскание студентами архитектурных решений особняков, загородных домов в изданиях тех лет (журналы «Мотивы русской архитектуры», «Зодчий», «Строитель», «Усадьбы и поместья» и др.), а также в современных научных источниках. Подчеркивается необходимость учета «всефасадности» восприятия загородного особняка, расположенного в парковом пространстве, и специфики трактовки архитектурных сооружений, проектируемых в условиях города тех лет.

Определенный интерес вызывают задания на проектирование, тематика которых снова стала актуальной – дом-особняк в городских и загородных условиях, доходный дом, «дешевое» жилище, общественное здание с универсальной функцией. В проекте здания дома-богадельни для призрения рабочих католического вероисповедания кожевенного завода братьев Брисовских в Санкт-Петербурге наряду с католической часовней и актовым залом предусмотрены амбулатория с кабинетом для врача, аптека с бесплатной выдачей лекарств, на втором этаже четыре спальни, «столовая (для призреваемых посуда легкая, алюминиевая, не бьется, курительная, умывальная и сундучная… Полы метлахские, в комнатах никаких карнизов нет (углы закруглены))». Данное замечание связано со стремлением достичь высоких гигиенических требований. Это позволяет по-новому взглянуть на формирование в дореволюционный период нового типа жилого здания, предшествующего экспериментам в 1920-е гг.

Важным элементом подготовительного этапа является изучение студентами дореволюционных мер длины, которые использовались в проектировании в изучаемый период согласно Указанию императора Николая I «О системе российских мер и весов от 11 октября 1835 г.», где меры длины были приведены в полное соответствие с английскими мерами. Соответственно, сажень – 2,1336 м, аршин – 1/3 сажени (0,7112 м), вершок – 1/16 аршина (4,445 см). Полученные знания могут быть использованы при анализе исторических проектных заданий и в практической деятельности выпускников, связанной с реконструкцией и сохранением построек дореволюционной эпохи.

В конкурсном задании на проект здания Исторического и художественно-промышленного музея в г. Киеве, в частности, рекомендуется «не лишая проектируемого здания красоты и внушительного вида избегать роскоши… Стиль фасада Музея предполагается избрать автору проекта, причем обращается внимание составителя на то, «что высокое качество местного кирпича и чрезвычайно красивая его внешность (светло-желтые цвета) не исключают возможность проектирования неоштукатуренных фасадов» **[13]**. На последней рекомендации устроителей конкурса концентрируется внимание обучающихся в связи с распространением стилистики «кирпичного стиля» в архитектуре Сибири, в частности, в творчестве местного зодчего А. Крячкова, успешно включавшего неоштукатуренные плоскости стен в композицию фасада – Городской торговый корпус, 12 начальных школьных зданий Новониколаевска (совр. Новосибирска).

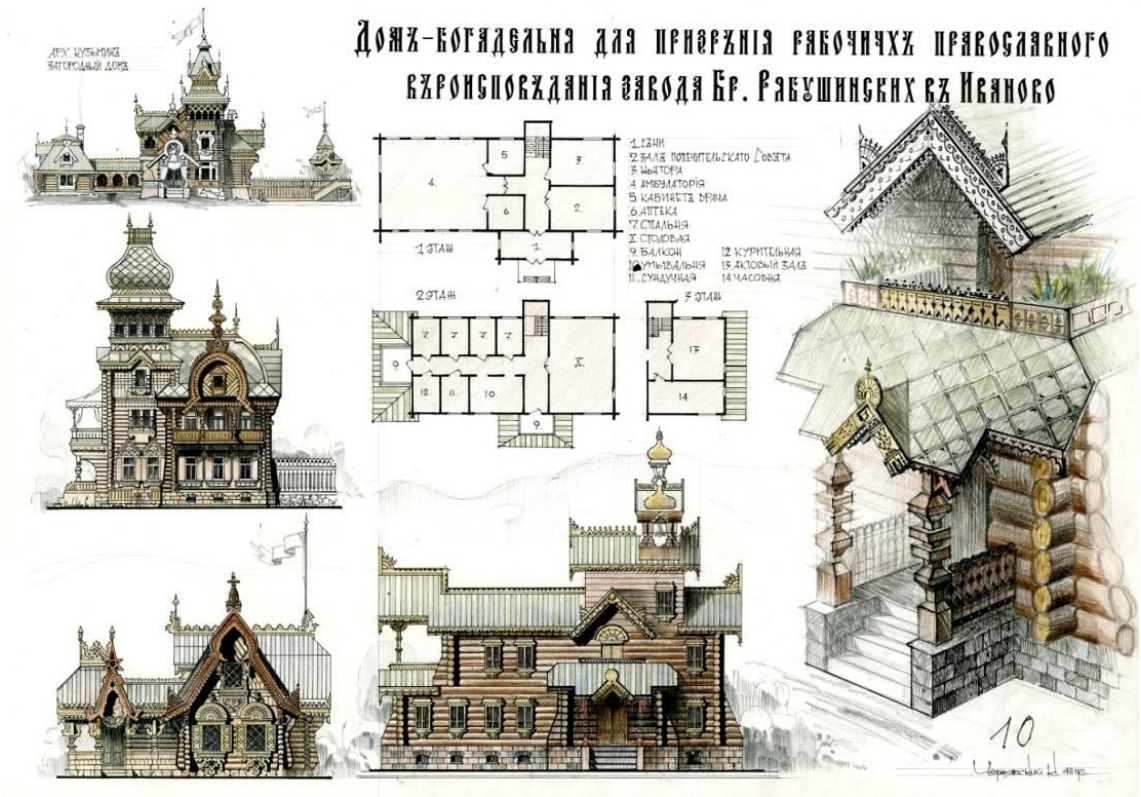


Рис. 4. *Проект дома-богадельни для призрения рабочих православного вероисповедания завода братьев Рябушинских. Студент НГАХА К.В. Чернявский*

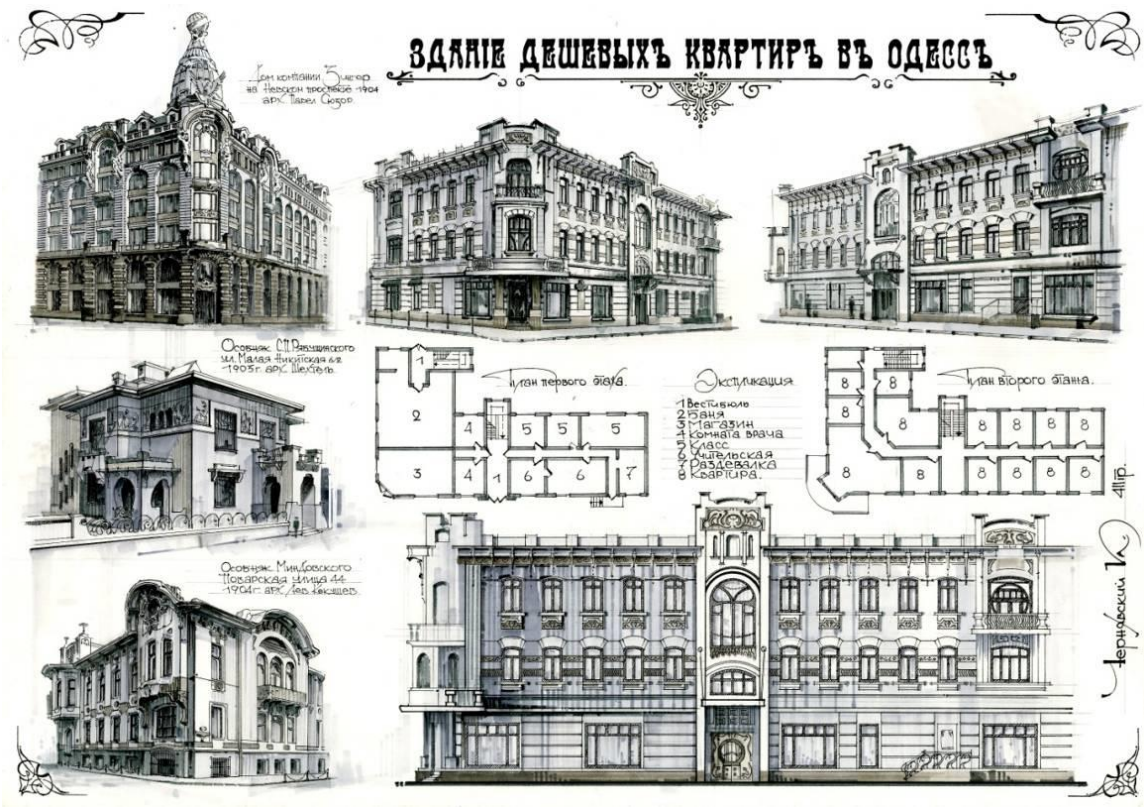


Рис. 5. *Проект здания дешевых квартир в г. Одессе. Студент НГАХА К.В. Чернявский*

Интересен вопрос о характере графического исполнения эскизного проекта. Изучение проектной графики ведущих архитекторов изучаемой эпохи позволяет отметить ее высокий профессиональный уровень, характерную реалистическую манеру выявления пластики фасадов здания. В связи с этим рассматриваются графические примеры оформления проектов зодчими А. Штакеншнейдером, Г. Боссе, В. Шретером и другими мастерами эпохи эклектики и историзма. Примеры графического оформления чертежей архитектурных сооружений в русском национальном стиле наиболее полно представлены в журнале «Мотивы русской архитектуры». Стилистика эпохи модерна прослеживается в характере оформления архитектурного чертежа в проектах Ф. Шехтеля, И. Фомина.

Большой интерес представляет манера подачи чертежей, использовавшаяся в дореволюционных конкурсных проектах. Интересны сами рекомендации об использовании масштабов чертежей, необходимый состав ортогональных проекций будущего архитектурного сооружения. Так, в конкурсном проекте «Храм в Нижнем Новгороде» требовалось представить «два плана – 1-го этажа и подвала, три фасада – западного, бокового и восточного и два разреза – продольного и поперечного, все в масштабе ½ дюйма на сажень». Далее представлены требования к графическому выполнению проекта: «рисунки должны быть исполнены в виде чистых эскизов, в линиях или тушеванные пером или кистью, но одним тоном… Проекты должны быть представлены в папках, а не в свертках и означены девизами» **[14]**. Так, в конкурсном проекте костела для г. Киева рекомендуется также «использовать чистые эскизы, сработанные карандашом или пером, в чертах или тушеванные одним тоном» **[15].** Демонстрация исторических конкурсных заданий, подлинных чертежей тех лет неизменно вызывает интерес у студентов и способствуют погружению их в реалии профессиональной проектной деятельности изучаемой эпохи *(рис. 4, 5)*.

Авторская идея изучения истории архитектуры способом погружения в историческую профессиональную деятельность изучаемой эпохи, практикуемая в Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, получила дальнейшее развитие в изучении последующего курса «Современная отечественная архитектура», посвященного периоду XX – начала XXI в.

Библиографический список

1. *Борисова Е.А.* Русская архитектура второй половины XIX в. – М.: Наука, 1979. – 320 с.
2. Строитель. – 1896. – № 15–16. – С. 663–664.
3. Строитель. – 1898. – № 19–20. – С. 757–770.
4. Строитель. – 1898. – № 23. – С. 936.
5. Строитель. – 1898. – № 23 – С. 911–918.
6. Строитель. – 1898. – № 13–14. – С. 532–533.
7. Строитель. – 1898. – № 21. – С. 885–886.
8. Строитель. – 1898. – № 11–12. – С. 461–464.
9. Строитель. – 1896. – № 13–16. – С. 666.
10. Строитель. – 1898. – № 3–4. – С. 111–130.
11. Строитель. – 1898. – № 19–20. – С. 814–815.
12. Строитель. – 1898. – № 9–10. – С. 370–371.
13. Строитель. – 1896. – № 2. – С. 93.
14. Строитель. – 1898. – № 7–8. – С. 289–290.
15. Строитель. – 1898. – № 9–10. – С. 370–371.

Литвинова О.Г.
litvinovaolga1982@gmail.com
Монич Г.И.
Манонина Т.Н.
gis.tomsk@rambler.ru
Олейник О.Ю.
Залесов В.Г.
angel20@sibmail.com
ТГАСУ, г. Томск, Россия

УДК 001+72
ББК 85.113

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ДЛЯ МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

Аннотация. Исследование посвящено правилам организации научной деятельности магистрантов и аспирантов по направлению «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция архитектурного наследия» на начальном этапе работы над диссертацией. В работе кратко сформулированы тезисы подбора научно-исследовательской базы, определены понятия и алгоритм поиска необходимых источников при помощи современных электронных информационных ресурсов России.

Ключевые слова: исследования в архитектуре; источники; алгоритм; поиск информационных баз данных.

Источниковая база данных для исследователя в области теории и истории архитектуры, реставрации и реконструкции архитектурного наследия достаточно обширна. Как известно, в самом начале работы необходимо отыскать источники информации, которые станут основой исследования и помогут сформулировать новизну работы, но как и где? Как не запутаться и выявить «*истинные*» носители знаний начинающему магистранту или аспиранту, ступившему на сложнейший путь научных исследований?

Что такое «*истинный*» источник информации в научном исследовании? Это понятие также может использоваться как «*достоверный*». В простой трактовке эти понятия сводятся к тому, что информация совпадает с реальной действительностью теоретических или практических знаний, то есть с объективной реальностью.

Например, источниками такой информации могут быть:

1. СМИ – как печатные, так и электронные;
2. публицистическая литература;
3. научная и специальная литература;
4. документы официальных учреждений;
5. материалы конференций, круглых столов и других форм непосредственной публичной дискуссии – текстовые, аудио и видео;
6. чаты, форумы, сайты, контент которых формируется по принципу форума, и другие формы опосредованной публичной дискуссии;
7. аналитические исследования, маркетинговые отчеты, обзоры рынков;
8. справочники, каталоги, персоналии, банки данных, энциклопедии;

9. графика, видео- и аудиозаписи.

Здесь важно взглянуть на них критично и провести объективный анализ на достоверность.

Источниками в научном исследовании могут являться не только архивные документы. Собственно исследуя архитектурный объект или целое пространство, конечно, важно обратиться к архивной документации, но не всегда она сохранилась или вообще существовала. Поэтому самое важное – отыскать то направление мысли, в котором проектировал архитектор былых лет, понять, какими законами он руководствовался, кто финансировал его работу. Немаловажным может стать вопрос, каким образом формировалось архитектурное пространство во времени и пространстве.

Источники в архитектурном исследовании, как и во всех других научных направлениях, делятся на текстовые и графические. К текстовым мы отнесем все, что было когда-то написано и издано человеком, а вот с графическими материалами следует быть значительно осторожнее, так как очень часто чертежи выполнялись условно, без привязки на местность или попросту не были реализованы. Однако это не означает, что они не могут использоваться в исследованиях. Помимо архивных и графических данных, в теории и истории архитектуры могут быть использованы дополнительно как минимум еще три основные группы источников.

Первая группа источников. Как известно, методология исследований в исторических науках является в настоящее время одной из самых проработанных и логичных. В связи с этим обратимся к полезному и объективному для архитекторов источнику, с которого начинается любое историческое исследование – «*Полное собрание законов Российской империи*». Особенность данного источника заключается в том, что российское правительство создавало указы и распоряжения, в которых подробно расписывались инструкции по той или иной деятельности, детально излагались условия ее реализации.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) – это наиболее полный сборник законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке. Составлением и изданием этого документа занимались:

1. Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1882 гг.).
2. Кодификационный отдел Государственного совета (1882–1893 гг.).
3. Отделение свода законов Государственной канцелярии (1893–1917 гг.).

Собрание законов включило все разновидности законодательных актов дореволюционной России: манифесты, «учреждения», положения, уложения, уставы, рескрипты, «высочайше утвержденные» мнения Государственного совета, журналы Комитета и Совета министров, именные указы и пр. Отметим, что в дореволюционной России административное управление было централизованным, то есть распоряжения о строительстве строго регулировалось самим правительством, однако в Сибирском регионе исполнение все-таки зависело от местного руководства. Всего в дореволюционной России было три издания Полного собрания законов.

Первое издание составлено под руководством М.М. Сперанского и издано в 1830 г. Оно включило более 30 тысяч законодательных актов России со времени Соборного уложения Ивана III, от 1649 г. до 12 декабря 1825 г. Состояло оно из 45 томов. Первые 40 томов – это законодательные акты, 41-й – хронологический

указатель, 42-й – алфавитно-предметный указатель, 43-й и 44-й тома – это штаты военные, военно-морских и гражданских чинов, 45-й – книга тарифов и несколько томов «приложений» без номеров.

Особое внимание архитекторам необходимо обратить на то, что в «приложениях» содержится книга чертежей и рисунков, гербов, планов городов и пр. В разделе «*Планы городов*» представлены классицистические градостроительные решения на все крупные центральные и губернские города Российской империи, включая Сибирь и Дальний Восток, созданные в первой половине XIX в. Соответственно, именно в первом собрании можно отыскать правительственные указы о том, как формировались строительные комиссии, что входило в их полномочия, чем именно они занимались.

Во втором издании Полного собрания законов (с 1830 г. по 1884 г.) были опубликованы законодательные акты с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. Оно состояло из 55 томов (по несколько книг в каждом) и включало более 60 тысяч законодательных актов. В конце каждого тома давались штаты, рисунки, чертежи и другие приложения ко всем законодательным актам, а также хронологический и алфавитно-предметный указатели.

Третье издание было составлено в том же принципиальном порядке, что и второе, однако выпускалось ежегодно до 1916 г. и имело более удобную систему кодировки. Состояло из 33 томов (по два «*отделения*» в каждом томе) и включало более 40 тысяч законодательных актов. В последнем издании архитекторам ориентироваться более удобно, так как во втором отделении присутствуют реестры рисунков.

Издание ПСЗ прекратилось с падением самодержавия, однако большинство помещенных в них актов действовало вплоть до Октябрьской революции 1917 **[2]**.

Помимо Полного собрания законов, в России существовал и издавался «Свод законов Российской империи» – официальное собрание расположенных в тематическом порядке действующих законодательных актов Российской империи, созданное при Николае I. Впервые он был напечатан в 1832 г. Первое издание 1832 г. и последующие 1842 г. и 1857 г. состояли из 15 томов. Этот источник особенно ценен для исследователей в истории архитектуры, так как именно здесь содержатся уставы и законы, связанные со строительной отраслью Российской империи и действовавшие до 1917 г. **[6]**.

Итак, зная хронологические границы своего исследования, с помощью законодательных документов можно уточнять даты событий, повлиявших на развитие строительной отрасли в России. Также выяснять детальные описания и условия их реализации в той или иной сфере (культового, общественного, жилого строительства), где и когда были организованы структуры и ведомства, ответственные за ведение строительства в различных регионах страны. Практически все акты, относящиеся к строительным работам, сопровождались рисунками и чертежами. Таким образом, перечисленные преимущества, которыми обладают Полное собрание законов и Свод законов Российской империи, соответствуют требованиям, предъявляемым к «*истинным*» источникам.

Вторая группа источников. Все перечисленные выше документы хранятся в государственных исторических архивах России, научных библиотеках и, самое важное, благодаря современным государственным проектам по формированию открытых информационных ресурсов законодательные акты можно просматривать на сайтах «Президентская библиотека» и «Руниверс» **[6; 3]**.

Тем не менее столь замечательный и совершенно объективный источник информации невозможно просмотреть целиком. Поэтому на выручку здесь приходит вторая группа источников, где всегда можно отыскать ссылки на необходимые подзаконные акты и распоряжения. Речь пойдет о научной литературе, которую очень легко перепутать с беллетристикой или псевдонаучными изданиями. Кстати, именно наличие ссылок на Полное собрание законов Российской империи является одним из признаков достоверности произведения.

Итак, по каким критериям следует осуществлять выбор научной литературы? Начать следует с изучения библиографического списка, указанного в конце издания. Есть такое негласное правило, если ученый углубленно и скрупулезно занимался исследованием, то библиографический список будет содержать как минимум около ста источников. Сам список будет сгруппирован либо тематически, либо по алфавиту. Если ученый профессионал в своей области, знаком с международными критериями научных исследований и уважительно относится к авторским правам своих коллег, то в источниковую базу обязательно будут включены научные статьи, близкие по теме, так как в настоящее время не существует такой научной области, где бы уже не было исследований.

Помимо статей, автор обязательно обратит внимание на нормативную и законодательную базу, сделает обзор своих предшественников, как отечественных, так и зарубежных, укажет блок статистических и справочных источников. Правильно расставленные ссылки на источники по тексту дадут вам возможность пройти по следам исследователя без затруднения и одновременно пополнить собственный библиографический список с помощью изучения библиографий указанных источников. Поэтому очень важно на начальных этапах исследования подобрать подходящую источниковую базу.

Научную литературу в свободном доступе вы сможете обнаружить в научных библиотеках города и профильных университетов, так как именно они являются главными и основными накопителями достоверной информации, которую специалисты внимательно отслеживают по перечисленным выше критериям, а также обращают внимание на рецензии оппонентов. Кроме классических библиотек, необходимо обратить внимание на интернет-ресурсы научных библиотек России. Профессиональную научную литературу и свободный доступ к ней вы сможете получить на официальных сайтах:

- Российская государственная библиотека **[7]**;
- Государственная публичная научно-техническая библиотека России **[1]**;
- Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина **[3]**;
- Российская национальная библиотека **[8]**;
- Национальная электронная библиотека **[4]**;
- Новосибирская государственная областная научная библиотека **[9]**;
- Научная библиотека Томского государственного университета **[10]**;
- Томская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина **[5]**.

Особую ценность для исследователей, которые не могут себе позволить работу в крупнейших центральных библиотеках страны, имеют их электронные ресурсы. В каталогах содержатся издания не только наших современников, но и научная литература, написанная учеными в период, который охватывает хронологический диапазон ваших изысканий (если конечно в этот период

существовала письменность).

Рукописи, написанные очевидцами событий, не всегда являются объективными, так как могут отражать субъективный взгляд автора. И здесь не всегда присутствует список библиографических источников, так как правила его оформления возникли только в конце XIX в. Однако следует обратить внимание на то, что авторы ссылались на источники внутри текста. Поэтому такой вид научной литературы в некоторых случаях все-таки считается достоверным источником.

Третья группа источников. Именно в библиографическом списке научной литературы вы обнаружите третий немаловажный блок «*истинных*» источников для архитекторов – статистические и справочные издания. Это достаточно своеобразный вид информационного ресурса, который издавался с середины XIX в. различными ведомственными учреждениями. Определив при помощи научной литературы и законодательных актов специализацию учреждения, которое вело надзор за строительством, следует обратиться к его истории и выявить серии изданий, которые публиковались в период его существования. Так, например, строительством общественных и инженерных сооружений длительный период ведало Министерство путей сообщения. Значительный блок периодических изданий публиковало Русское географическое общество. Особый интерес представляют материалы, опубликованные отдельными инженерами и архитекторами Института гражданских инженеров Императора Николая I, Николаевской инженерной академии и других учебных учреждений. Здесь содержится информация о технологиях строительства, материалах, архитектурных образцовых проектах и многом другом. Наиболее удачная подборка оцифрованных технических изданий, включая публикации советского периода, размещена в коллекциях Государственной публичной научно-технической библиотеки России. Дополнительную информацию о событиях, относящихся к строительству городских объектов, можно обнаружить в памятных и справочных книгах губернских городов, а также энциклопедиях разных уровней.

Заключение. Таким образом, зная предмет и хронологические границы исследования, научную работу можно облегчить, понимая, какие группы источников и их тематики необходимы в рамках исследования. Правильно выстроенный алгоритм действий при формировании источниковой базы позволит системно выявить новизну и актуальность вашего исследования.

В итоге следует отметить, что в основе любого теоретического исследования всегда лежит объемный и трудоемкий блок, связанный с изучением созданных ранее научных работ. С одной стороны, до конца изучить его невозможно, однако можно значительно расширить круг знаний по предмету исследования. Не следует бояться обширности созданных человеком источников, так как изучение смежных теоретических наук повысит ваш научный и экспертный статус. Поэтому начинать исследовательскую работу по направлению «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция архитектурного наследия» следует с четкого построения алгоритма поиска и подбора достоверных источников, используя официальные информационные ресурсы.

Библиографический список

1. Архитектура и строительство [Электронный ресурс] // Государственная публичная научно-техническая библиотека России. Москва. – URL: http://147.45.22.130/dsweb/View/ResourceCollection-46 (дата обращения: 09.01.2016).
2. *Корево Н.* Об изданиях законов Российской империи, 1830–1899, СПб., 1900.
3. Каталог: Строительство [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Москва [2009–2016 г.]. – URL: http://www.prlib.ru/Lib/pages/catalog.aspx?catid=1388 (дата обращения: 09.01.2016).
4. Коллекции НЭБ [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека. Москва. – URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/collections/ (дата обращения: 09.01.2016).
5. Коллекции / Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Томская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина. Томск. – URL: http://elib.tomsk.ru/page/2193/ (дата обращения: 09.01.2016).
6. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс. Москва. – URL: http://www.runivers.ru/lib/book7372/ (дата обращения 09.01.2016).
7. Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. Москва [1999–2016 г.]. – URL: http://www.rsl.ru (дата обращения: 09.01.2016).
8. Электронный каталог РНБ [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. СПб. [1998 – 2016 г.]. – URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do?menuitem=2&catalog=true (дата обращения: 09.01.2016).
9. Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Новосибирская государственная областная научная библиотека. Новосибирск. – URL: http://www.ngonb.ru/resources/library/ (дата обращения: 09.01.2016).
10. Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Научная библиотека Томского государственного университета. Томск. – URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Index (дата обращения: 09.01.2016).

Сергеев С.К.
serkors@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 378
ББК 85.113

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В МАГИСТРАТУРЕ НГУАДИ

Аннотация. В статье сопоставлены учебные дисциплины, определяемые государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования второго и третьего поколения и обеспечивающие философско-методологическую подготовку магистров архитектуры в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств. Компаративистский анализ осуществляется в аспекте задачи формирования творческих способностей магистра архитектуры.

Ключевые слова: федеральный образовательный стандарт высшего профессионального образования; философско-методологические основы профессиональной деятельности; профессиональное образование; творческие способности.

Цель данной статьи – дать анализ ситуации образования магистров архитектуры, определяемой переходом на Федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) «третьего поколения» и, в свою очередь, определяющей философско-методологический уровень образования магистров архитектуры. Актуальность приводимых результатов анализа связана с ключевым вопросом: какой тип личности реально формируется в результате обучения по образовательной программе магистра архитектуры – креативный (человек способен решать нестандартные задачи, хотя результат его работы часто непредсказуем) или репродуктивный (человек способен решать только типовые задачи, причем эффективность приемлемого решения близка к ста процентам)? Сразу же поясним, что речь не идет о простой противоположности этих типов личности по характеру решаемых задач и ожидаемых результатов. Различие между людьми, характеризуемыми как «творец» и «исполнитель», – это не формальное различие, зафиксированное по частному признаку типа решаемых задач и предсказуемости результата деятельности. Это – качественное различие в развитии их способностей.

Человек, имеющий признаки креативной личности и подготовленный в системе образования к творческой деятельности, вообще говоря, способен, причем с легкостью, решать типовые задачи. Как правило, решение таких задач вызывает у него субъективное ощущение «скуки» и, чтобы довести репродуктивную деятельность до конца, творческой личности требуется немалое волевое усилие, волевое насилие над собой, волевое преодоление неизбежных негативных эмоций, сопровождающих рутинную деятельность. Иначе говоря, творческий человек может успешно справиться с задачами обоих классов – и репродуктивными, и творческими.

Человек, подготовленный в системе образования к репродуктивной деятельности, не способен решать творческие задачи второго класса. Остановимся на этом утверждении несколько подробнее, обратив внимание на различие понятий «творческие задатки» и «творческие способности». Различение задатков

и способностей затруднено потому, что эти характеристики человека взаимосвязаны. **Задатки** – это природная, психофизиологическая предпосылка способностей. Будучи природной предпосылкой, задатки человека являются результатом наследственности, закрепляются и передаются генетически. **Способности** – это формируемые в культуре на основе задатков предпосылки для успешного выполнения какой-либо деятельности. Вопрос о различии между людьми по их врожденным задаткам, в том числе определяющих уровень возможного развития их творческих успехов, и сам по себе, и в отношении, например, методик обучения творчески одаренных студентов, – вопрос важнейший. Однако с позиции различения креативного и репродуктивного типа личностей важно не различие задатков у различных людей, а именно общее утверждение о принципиальном наличии творческих задатков в норме у каждого человека. Именно это утверждение лежит в основе педагогической установки на универсальность, а не исключительность образования человека как творческой личности. Напротив, утверждение о принципиальном неравенстве задатков у различных людей и, следовательно, принципиальной неспособности части людей к творческой деятельности, – основа педагогической установки на селективный отбор и элитарное образование.

Мы будем исходить из педагогической установки на возможность формирования и развития творческих способностей у всех без исключения людей. Чем же тогда объясняется эмпирически фиксируемое различие между креативным и репродуктивным типом личности? Несмотря на наличие задатков к творчеству, которые у всех людей в норме примерно одинаковы, «исполнитель» творчески «бесплоден», поскольку задатки у него не сформированы как способности в процессе образования и самообразования. Поскольку это так, постольку деятельность такого человека ограничена усвоенными им алгоритмами типовых решений, образцами деятельности, и никакое волевое усилие не может помочь в решении нестандартной задачи.

Широко внедряемое ныне в образование и не имеющее удовлетворительного ни содержательного, ни операционального определения понятие компетенции связывают с триадой «знания – умения – навыки». На первый взгляд, знания, умения и навыки являются внешними по отношению к творческим способностям. На самом деле, и способности, и знания – умения – навыки встроены в реальную предметную деятельность человека и проявляются только в процессе деятельности. Более того, в структуре индивидуальной творческой деятельности способности прямо определяются репродуктивной базой – то есть репродуктивными знаниями, умениями и навыками. Иной вопрос, что не всякое, к примеру, знание прямо и непосредственно способствует решению творческой задачи.

Для формирования личности «творца» имеет значение прежде всего философско-методологическое знание и способность к теоретико-методологическому анализу проблем в сфере профессиональной деятельности. Данное утверждение обосновывается пониманием методологии как учения о принципах и методах построения любого типа деятельности – предметно-практической и абстрактно-теоретической, духовно-познавательной и созидательно-предметной, репродуктивной и творческой. Соответственно, философско-методологическая подготовка должна рассматриваться как основа формирования способности решать нестандартные задачи в профессиональной

области человеком, имеющим научную степень магистра. Как же обстоит дело с философско-методологической подготовкой в магистратуре НГУАДИ?

Таблица 1

Философско-методологическая подготовка в магистратуре НГУАДИ

Дисциплины	*ГОС ВПО - 2*			*ФГОС ВПО - 3*		
	Семестр	Кол-во аудит. часов	Статус	Семестр	Кол-во часов	Статус
Актуальные философские проблемы архитектурной деятельности	1 - 2	**60**	Обязательный	-	-	-
Теоретико-методологические основы науки и научного творчества в архитектуре	1 - 3	**90**	Обязательный	-	-	-
Актуальные философские проблемы архитектурной и градостроительной деятельности	-	-	-	1	**30**	Обязательный
Современные философские концепции в архитектуре и градостроительстве	-	-	-	2	**30**	Выборочный
Философия и методология архитектурной и проектной деятельности	-	-	-	3	**30**	Обязательный
Всего академических часов аудиторной работы	-	**150**	-	-	**60 (+30 по выбору)**	-

В настоящий момент, опираясь на данные, приведенные в *табл. 1*, мы вынуждены констатировать, что совершенствование государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, осуществляемое многолетними усилиями Министерства образования и науки РФ, на деле означает тенденцию к смещению формируемого типа личности от «творца» к «исполнителю». Сокращение аудиторных часов, отводимых на приобретение и углубление знаний и умений, направленных на формирование и совершенствование методологической деятельности в 2,5 раза достаточно красноречиво. Отчетливо понимая, что количество затраченных на обучение часов **прямо пропорционально** не связано с уровнем развития формируемых

способностей, мы все же должны констатировать: значительное сокращение часов на философско-методологическую подготовку магистров архитектуры не способствует совершенствованию творческих способностей архитектора с ученой степенью магистра.

Ситуация усугубляется еще и внедряемой в умы недооценкой знания, его суженной трактовкой в господствующем сейчас в нормативных документах противопоставлении знаниевого и компетентностного подходов в образовании.

Реальное положение с философско-методологической подготовкой магистров архитектуры подтверждает сделанный нами еще в 2011 г. прогноз:

«Формирование компетенций в оппозиции формированию системы научно-теоретических знаний в архитектурном образовании особенно губительно. Все дело в том, что профессия архитектора относится к разряду творческих. Если задачей архитектурного образования становится преимущественно формирование рецептурного знания, то есть владения алгоритмами профессиональной деятельности и умения применить эти алгоритмы для решения конкретных профессиональных задач, то искусственный разрыв между «теорией» и «практическими навыками» приведет к тому, что бакалавры и даже магистры смогут решать (достаточно качественно) только репродуктивные задачи, алгоритмом решения которых они владеют. Для решения творческих задач просто не будет хватать системы научно-теоретических знаний, исходя из которой профессионал только и способен самостоятельно находить алгоритм решения нестандартной задачи, что, собственно, и является творчеством» **[1, с. 287]**.

Библиографический список

1. *Сергеев С.К.* Компетентностный подход с позиции философии образования // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2011. – № 1. – С. 282–287.

Син Д.Д.
dina_sin@mail.ru
Валиахметова Н.М.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 747:373(4/8)
ББК 85.127:74.2(4/8)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам детского проектного творчества в общеобразовательной системе. Анализируются стратегии проектного воспитания школьников в России, экспериментальные программы отечественной студийной архитектурной педагогики на примере школы-студии «ЭДАС», школы-студии «СТАРТ» и детской архитектурно-дизайнерской школы «ДАШКА».

Ключевые слова: детское проектное творчество; общеобразовательная система; «ЭДАС»; «СТАРТ»; «ДАШКА».

Введение. На сегодняшний день российская общеобразовательная система перестраивается, появилось многообразие типов общеобразовательных заведений и вариативность образовательных программ. Несмотря на это, программы, специально направленные на поддержание в детях естественного творческого процесса, реализуются в учреждениях дополнительного образования. Программа обучения традиционных художественных школ недостаточна для основательной подготовки школьников старших классов к поступлению в архитектурные университеты. В связи с этим проблемы формирования детской проектной культуры в Новосибирске актуальны и требуют перехода в новое качественное состояние. Основной задачей исследования является определение характерных путей развития проектного творчества в России.

1. Большой вклад в отечественный опыт детского проектного творчества внесла «ЭДАС» – экспериментальная детская архитектурная студия, созданная в 1977 г. Владиславом Кирпичевым. Учреждение имело успех не только в России, но и за границей **[2]**. Основной целью было формирование нового поколения профессионалов, развитие образных и пространственных форм мышления. В соответствии с методикой студии, учебный процесс во многом сконцентрирован на педагоге, выработан свой профессиональный язык взаимодействия преподавателя и ученика. Педагог оставляет пространство для собственных мыслей и открытий (в отличие от традиционных академических школ); ученик занимается самообучением.

Весь образовательный процесс носит импровизированный характер. Сама школа-студия ЭДАС – это и есть методика обучения. Многие моменты восприятия и понимания решаются практическим путем: детям предлагают разрезать сыр или торт и посмотреть, что внутри. В итоге ученики в дальнейшем самостоятельно переносят этот опыт на простом предмете в более сложные конструкции своих работ. Сейчас в студии около 800 учебных программ. В качестве базы для обучения используются простые и знакомые в повседневности предметы – «метазнаки»: дом, кукла, яблоко и т.д. Дети наполняют метазнаки собственным значением, формируя архетипы профессионального сознания. Процесс обучения наполнен музыкальным и хореографическим элементами; каждое задание содержит интригу, театрализованное представление. В. Киричев предлагает

ученикам придумать ковырятельную, прыгательную, надувательную и другие машины; разнообразные дома: дом-жвачка, дом из крючков, дом-время и т.д.

2. Проектная студия «СТАРТ» была основана в 1982 г. **[3]**. Изначально студия рассматривала 3 методических направления. В основе первого лежит полное сохранение индивидуальных способностей ребенка. Преподаватель дает ему все необходимые материалы и полную свободу самовыражения, выступая при этом с пассивной стороны, но к 10 годам заложенные способности ученика неизбежно исчерпываются. Другое направление – это развитие творческих способностей посредством посещения лекций, выставок и музеев. Ученикам предлагается информация, которую они должны воспринять и отобразить в зарисовках и творческих работах. Однако в этой методике присутствуют больше теоретические знания, тренировка памяти, нежели обучение навыкам рисунка и живописи. И последнее – это традиционное преподавание академических основ живописи и рисунка.

Студия «СТАРТ» выбрала путь, который объединял все три направления. Студия на протяжении многих лет вырабатывала специфику, принципиально отличавшуюся от художественных школ. Многогранность и специфичность проектно-архитектурного и дизайнерского творчества, интегрирующего в себе научно-технические и художественную компоненты, позволили актуализировать развитие именно универсальных творческих способностей детей, тех способностей, которые всегда будут нужны выпускникам студий, независимо от того, какой путь они изберут в дальнейшем **[1, с. 68]**.

«СТАРТ» выделял основные особенности проводимых занятий: созидательность, эрудиция, образно-логическое мышление, художественно-конструктивное видение мира, видение технической стороны творчества, понимание синтеза искусств, одухотворенность, художественно-изобразительная грамотность, пространственное мышление, композиционные навыки, понимание материалов и технологий.

Один из начальных этапов обучения – знакомство с окружающим миром. Детям показывают, как ведут себя те или иные материалы в зависимости от условий, вместе и раздельно. Коллективный опыт работы дает ученикам новый взгляд на поставленную проблему. Осуществляется совершенно иное взаимодействие между учеником и учителем, учеником и учеником. Несмотря на введение новых предметов и методики преподавания, педагоги уделяют большое внимание истории и закрепляют изученный материал практическим занятием.

Студия формировала интерес ребенка к школе и к действительно существующим проблемам. «СТАРТ» предлагал интегрировать школьные предметы с помощью уроков архитектурно-художественного творчества. В результате полученные знания обобщались и легче усваивались.

Студия базирует свои методики на принципах: «восприятие – осмысление – творчество», происходит объяснение тех или иных природных явлений, дети отображают замысел в эскизе, затем в основной работе с учетом техники и материалов; далее ребенку предлагается посмотреть на объект по-другому, трансформировать его. Очень эффективна последовательная работа над натюрмортом, от простого к сложному, снаружи вовнутрь.

3. Детская архитектурная школа в Казанском государственном архитектурно-строительном университете зародилась на архитектурном факультете в 1987 г. первоначально как небольшая студия детского творчества, созданная

преподавателем архитектурного факультета М.Т. Лиином. Студия была преобразована в 1990 г. и основана как Детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» на факультете архитектуры **[4].** Школа направленна на развитие образного и пространственного мышления, умение воплощать замысел, развивать способности учащихся. Образовательная деятельность делиться на следующие направления: 1) студия, рассчитанная на детей 5–10 лет. На этой ступени происходит комплексное эстетическое развитие, получение начальных навыков графического выражения и объемно-пространственного моделирования; 2) школа, ступень образования, рассчитанная на 11–13 лет. Здесь происходит более доскональное изучение средств графического выражения, проектирование и разработка дизайна отдельных элементов бытовой среды; 3) колледж – 14–16 лет. Цель занятий: формирование умений в области графики, техники акварели и гуаши, развитие образного и объемно-пространственного композиционного мышления, знакомство с историей архитектуры. Ученики занимаются композицией, графикой, живописью, моделированием, черчением. Введены лекции по истории искусства, архитектуры и дизайна, музыкальной эстетики, эвристики; проводится летняя практика.

Школа базируется на авторских методических разработках преподавателей, опыте российских и зарубежных учреждений, системе обучения Эльконина-Давыдова (с 1998 г.). Особенностью «ДАШКИ» является синэстетическая направленность развития детей – сочетание образного и музыкального. Преподаватели постоянно обновляют научно-методическую базу, участвуют в конференциях и семинарах, посвященных проектному образованию.

Заключение. Проанализирован богатый и многолетний отечественный опыт введения проектной культуры в общеобразовательную систему в России. Внедрение детского проектного творчества началось в 1977 г. и было представлено двумя московскими студиями – школой-студией ЭДАС при Союзе архитекторов России (1977 г.) и школой-студией СТАРТ при Союзе дизайнеров России (1982 г.), оказавшими значительное влияние на данную область. Позднее, в 1987 г., открывается Детская архитектурно-дизайнерская школа «ДАШКА» (Казанский государственный архитектурно-строительный университет). Методический опыт архитектурного и дизайнерского образования детей, накопленный отечественными студиями, ценен выработанными ими стратегиями, разработанными самостоятельно экспериментальным путем. В Новосибирске в 2013 г. открылась инновационная студия проектного творчества «Контур» (Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств), в связи с этим проблемы детского проектного творчества становятся особенно актуальными.

Библиографический список

1. *Кузмичев Л.А.* Дизайн в общеобразовательной системе. – М.: ВНИИТЭ, 1994. – 129 с.
2. *Чесова П.* Владислав Кирпичев: руководитель архитектурной школы «ЭДАС» [Электронный ресурс] // *Elle Decoration.* – 2013. – №5. – URL: http://www.elle.ru (дата обращения: 21.12.2015).
3. Детская школа искусств «СТАРТ» архитектурно-художественного профиля: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.startartschool.ru (дата обращения: 21.12.2015).
4. Детская архитектурная школа [Электронный ресурс] // *Казанский государственный архитектурно-строительный университет*. – URL: http://www.kgasu.ru/sved/structure/opdo/dashka/ (дата обращения: 21.12.2015).
5. *Син Д.Д., Радзюкевич А.В.* Детское проектное творчество. Проблемы и опыт работы с одаренными детьми // *Региональные архитектурно-художественные школы*. – 2013. – № 1. – С. 214–215.

Син Д.Д.
Валиахметова Н.М.
dina_sin@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 747:373(4/8)
ББК 85.127:74.2(4/8)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ЯПОНИИ)

Аннотация. Статья посвящена формированию детского проектного творчества как особого типа и особой культуры мышления, которое должно воспроизводиться в самостоятельной сфере знания. Изучены стратегии проектного воспитания учеников, экспериментальные мероприятия, особенности проведения занятий, средовые факторы на примере школ Великобритании и Японии. Изучение опыта стран, где детское проектное творчество органично вошло в общеобразовательную систему, критическое его освоение необходимо и актуально для развития данной сферы в г. Новосибирске.

Ключевые слова: детское проектное творчество; общеобразовательная система; дизайн; Англия; Япония.

Введение. Жизнь в информационном современном обществе не могла не повлиять на образовательную систему. В связи с этим остро обозначилась проблема воспитания детей, имеющих нестандартные взгляды на решение проблем, умеющих чутко реагировать на быстрое устаревание и обновление знаний, стремительное увеличение их объемов. Внимание к формированию детской проектной культуры, пониманию и развитию творческого потенциала нового поколения усилилось во многих странах мира.

В своей повседневной жизни мы не замечаем, что ежедневно решаем проектные задачи. Во второй половине XX в. проектная культура – это не просто «совокупный опыт материальной культуры и совокупный массив знаний, навыков и ценностей, воплощенный в искусстве планирования, изобретения, формообразования и исполнения» **[5, с. 18]**, а образ жизни и мысли целого поколения людей. Она, несомненно, привела человечество ко многим открытиям, заложила прочный фундамент в новых направлениях деятельности людей.

Творчески направленные предметы и дисциплины были сформированы в целую культуру, имеющую свою цель, структурность.

Основной **задачей исследования** является определение характерных путей развития проектного творчества, присущих Великобритании и Японии.

Актуальность работы. Сейчас проектирование – неотъемлемая часть творческой деятельности. В Новосибирске потребность в оказании профессиональных общеобразовательных проектных услуг возрастает с каждым годом. Программа обучения традиционных художественных школ недостаточна для основательной подготовки школьников старших классов к поступлению в архитектурные высшие учебные заведения страны.

1. Великобритания. Образование традиционно делилось на два направления: гуманитарное и естественное. Однако наличием третьей проектной культуры пренебрегали. И лишь с 70-х гг. XX в. Королевский колледж искусства разработал образовательную программу для третьего направления.

Из программы, представленной Королевским колледжем, можно сделать вывод, что дизайн – это полноценная профессиональная, развитая структура, необходимо организовать его как отдельную сферу знания, которая не менее значима для социализации индивида. Процесс образования не должен быть актом внушения, но ему следует иметь правила и ограничения, которые приведут учащегося к желаемому результату. Ученик должен не только обладать навыками в области той или иной науки, но и иметь представление о своей деятельности и рассматривать ее в системе с другими. Проектное образование должно развивать врожденные предпосылки ученика.

Для определения специфики дизайнерской деятельности английский ученый Ловсон разработал экспериментальное задание: было необходимо разместить блоки в соответствии с определенными правилами. Задачу выполняли две группы учащихся с научно-естественными и творческими способностями. В ходе исследования выяснилось, что группа с научно-естественными способностями концентрирует внимание на рамках, установленных для выполнения задания, и решает проблему с помощью аналитических методов, а группа с творческими способностями использует синтетические методы при решении проблемы и ориентирована на получение требуемого результата. Проектное мышление направленно на решение проблемы, а не на анализ.

М. Блек в 1966 г. отмечал, что преподаватели сами начинают понимать ценность дизайна в общеобразовательной системе. В школах с техническим уклоном на уроке труда, где происходило обучение гончарному делу, ткачеству, обработке дерева, стали появятся задания, ориентированные на проектирование и дизайн.

С поступлением новых предложений традиционные методы подвергались критике. Т. Хадсон в статье «Креативность и антиискусство», помещенной в сборнике «Обучение дизайну в школе» **[6, с. 14]** выступал против обучения детей механическому копированию образцов искусства и рисунка на свободную тему. Все проекты должны быть основаны на реальных проблемах, а также желательно совмещены с другими предметами по теме.

В колледже Хорнси школьники старших и младших классов проектировали педальные автомобили для игровой площадки. Разработка автомобиля начиналась эскизным рисунком, продолжалась рабочим чертежом и заканчивалась готовой уменьшенной рабочей моделью. В ходе разработки были сделаны фото и видеосъемка, привлекалась администрация учебного заведения, преподаватели, конструкторы. Другой проект колледжа был основан на «изучении влияния предметного окружения на движение различных объектов» **[2, с. 19]**. Были проведены наблюдения, анализ архитектурного пространства, городского дизайна, взяты интервью.

Директор школы Дж. Кингсленд основывается на принципе: «Услышанное забуду, увиденное с трудом вспомню, но то, что сделаю сам, – постигну». Ученики проектировали бытовые приборы, мебель, механизмы. «Альтернативный путь образования, связанный с введением в него дизайна, призван был обеспечить сбалансированные содержание и методы обучения: искусства, науки и техники» **[2, с. 19]**.

В 1970-х гг. дизайн начинает укореняться в системе общего образования, многие университеты стали включать его в список обязательных для сдачи дисциплин. В 1973 г. создана Национальная ассоциация в области дизайна. В

школах графства Лестершир, Йоркшир, окрестностях Лондона и др. дизайн был введен в учебные планы средних и старших классов в качестве обязательного предмета. Дети проектировали, разрабатывали концепции, устраивали и оформляли выставки.

В 1978 г. была создана рабочая группа по преподаванию дизайна под руководством К. Лукаса. Группа определила набор принципов, по которым дизайн и школьная система образования могли объединяться. Для детей старшего возраста было предусмотрено введение «основного проекта», в ходе выполнения которого ребенок проходит все стадии проектирования.

В 1980-е гг. происходит углубление теоретико-методологической базы. В г. Хорнси педагоги некоторых детских садов привлекали дизайн в воспитательных методиках для детей 3–5 лет. Была реконструирована игровая площадка детского сада с помощью его воспитанников. Дети рисовали горку в виде животного, затем устроили выставку и выбрали понравившуюся всем. На глазах у детей мастер «вылепил» основную массу, а дети помогали с изготовлением мелких деталей. Краски также были выбраны в соответствии с пожеланиями детей.

В Великобритании все чаще проводили общественные мероприятия с использованием дизайна в воспитательных целях. В портмустской школе дети начальных классов (8–9 лет) превратили бассейн в рекреационной зоне в фонтан при помощи педагогов и учащихся старших классов. В начальной школе г. Лихфильда учительница К. Барсон проводит со своими учениками внешкольные занятия: «послеобеденные встречи», где дети занимаются любой творческой деятельностью. В г. Темворс: 7–8-летние дети с помощью дизайна помогали фермерам сохранить урожай и повысить его продуктивность проектируя пугала.

В 90-е гг. проектная культура в Великобритании рассматривается как необходимая составная часть фундамента системы общего образования **[4, с. 3]**.

Начало XXI в. В Англии на протяжении всего периода становления проектной культуры были выработаны принципы инженерно-дизайнерского обучения, опирающегося на тезис о врожденном у каждого человека чувстве формы и цвета. Обучение детей начиналось с раннего возраста и продолжалось всю жизнь. На основе этого создана система общего непрерывного образования – SOCRATES. Данная система нацелена не просто на обучение основам проектирования, но и на выявление скрытых способностей ребенка. При работе над проектами у ребенка выявляется особая эстетика, которую можно обозначить как эстетику человечности **[1, с. 1]**. Цели дизайна в школах Великобритании просты: развитие мышления и воображения, организация и планирование работы, оценка результатов и воплощение идеи в жизнь. Проектирование становится частью национальной культуры, формируя врожденное чувство вкуса.

2. Япония. Создание мощной проектной системы позволяло стране выйти на новый уровень реализации проектов и идей, а те, в свою очередь, оказывали влияние на общий уровень образования в стране. Традиционная японская эстетика оставила неизгладимый след в проектном и всеобщем образовании.

Мировоззрение японского народа тесным образом связанно с буддизмом. В VI в. были открыты первые детские школы, обучать имели право только монахи. Обучение состояло не только из гуманитарных и естественных дисциплин, но включало и развитие духовного самосознания. Детей изначально воспитывали в определенном отношении ко времени и развитию: движение трактовалось не как возникновение нового за счет старого, а как восстановление старого в новом

цикле, что сильно отличало позицию европейцев, которые «привыкли к постепенному восхождению от низшего к высшему». Японцам изначально прививалось бережное отношение к природе и материалам, сохранение естественной природной обработки камня и дерева. Принцип естественности сопутствует этому народу на протяжении всей жизни.

Профессор университета Хиого, Ейиши Хино в 1985 г., основываясь на высказывании о том, что только в раннем детстве дети способны воспринимать красоту и иметь бескорыстную тягу к творчеству, освобождает малышей от обязательных программных предметов. «Дизайнерское образование детей – это не образование потребителя и не инструктирование будущих дизайнеров. Его назначение – способствовать развитию следующих поколений» **[7, с. 17]**. Проявление проектных способностей – это воображение ребенка увидеть в обычной чашке свой мир и додумать его. При работе с материалами, даже если ребенок просто осязает их, смотрит, постепенно формируется понимание и применение в дальнейшем для проектирования.

В 1985 г. детское творчество разделяли на три направления: «декоративное искусство, информационный дизайн и проектирование». Декоративное искусство начинает проявляться довольно рано, далее ребенок переходит к коммуникации, направляя творческий аспект не только на себя, но и на окружающих. В проектировании дети создавали нечто новое, приносящее удовольствие. Важен не только процесс создания, но и оценка конечного результата.

«Японская специфика проектной педагогики заключается в том, что она ставит своей целью комплексное развитие ребенка в масштабе своеобразной триады: «сердце-голова-руки», то есть сферы чувств, интеллекта и практического мастерства» **[2, с. 44]**. На границах пересечения этой триады образуются еще 3 элемента: понимание – чувствование – восприятие. Применение всех шести навыков выражают творческий замысел художника. Отличительная черта японского образования – это обучение комплексу искусств. Курсы пересекаются между собой, дополняя и организовывая единое представление об искусстве. Проектная педагогика присутствует вплоть до старшей школы, проникая через всю образовательную систему.

Японские педагоги стараются охватить основные области знания и извлечь наибольшее количество навыков. В методических пособиях дизайн рассматривается как элемент, который формирует новые взгляды и при этом сохраняет традиционные задачи. Обучение истории мирового искусства ведется не в исторической последовательности и даже не в географическом отношении – весь принцип подачи материала строится на сопоставлении различных элементов, формирующих тот или иной вывод. Ученики не только изучают курс, но и оценивают его. Так, выделяются три позиции оценивания: сочувствие, аналитическая позиция, творческая позиция.

Заключение. Проанализирован богатый и многовековой европейский и азиатский опыт введения проектной культуры в общеобразовательную систему на примере школ Англии и Японии. Безусловно, обе культуры имеют свою специфику, своеобразные исторические и этнокультурные корни, традиции, идеологию, и это является источником новых продуктивных идей. Но есть все же общие принципы формирования человека культуры, их объединяет то обстоятельство, что внесение проектной культуры в школы позволило осуществить процесс межпредметного синтеза естественно-научных,

гуманитарных, ремесленных и художественных дисциплин.

Новосибирск активно поддерживает тенденцию развития проектного (архитектурного, архитектурно-художественного) непрерывного образования. В городе работают школа детского проектного творчества «Контур» (Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств), Школа творчества № 19, Городской центр проектного творчества и многие другие. Проведенный обзор проектной культуры позволяет по-новому взглянуть на ситуацию, иначе говоря – рассмотреть активное развитие проектирования в системе дополнительного образования. Таким образом, формирование детской проектной культуры приобретает большие перспективы, а проблемы, связанные с этим, становятся особенно актуальными.

Библиографический список

1. *Елочкин М.Е.* Зарубежный опыт дизайн-образования [Электронный ресурс]. – URL: superinf.ru.

2. *Кузмичев Л.А.* Дизайн в общеобразовательной системе. – М.: ВНИИТЭ, 1994. – 129 с.

3. *Син Д.Д., Радзюкевич А.В.* Детское проектное творчество. Проблемы и опыт работы с одаренными детьми // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2013. – № 1. – С. 214–215.

4. *Чигарьков В.М., Дижур А.Л.* Проектная культура и дети: Из опыта образования в Великобритании // *Техническая эстетика.* – 1990. – № 4. – С. 2–7.

5. *Archer B.* The Three Rs // *Design Studies*. – 1979. – Vol. 1. – N 1. – P. 18–20.

6. Design Education in School // *Hornsey College of Art*. – L., 1966. – P. 14.

7. *Eiichi Hino.* Design Education for Children // *Inertial Design Festival.* 2 nd. Osaka. – P.17. – 1985. – P. 17.

Сазонов В.И.

НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.03
ББК 85.113

МНОГОУРОВНЕВАЯ И РАЗНОАСПЕКТНАЯ ПОДГОТОВКА К ТВОРЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФОРМООБРАЗОВАНИИ НА КАФЕДРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ ТВОРЧЕСТВА И КОМПОЗИЦИИ НГАХА (НГУАДИ)

Аннотация. В статье автор, обращаясь к традициям эстетического воспитания подрастающего поколения в древнегреческой педагогике, обосновывает актуальность включения в программу обучения архитекторов и дизайнеров НГАХА (НГУАДИ) курсов по формированию и развитию творческого мышления. Особая роль, по мнению автора, в подготовке профессионалов принадлежит решению задач по художественному формообразованию.

Ключевые слова: формообразование; профессиональная подготовка; архитектурно-художественное образование детей.

Древние греки рекомендовали обучать детей от общего к частному, предполагая начинать всякий раз от непременной целостности всеобщего. Целостность – прерогатива всякого законченного художественного произведения. Поэтому формы нашей предподготовки (абитуриентов), подготовки студентов всех факультетов и постподготовки (дополнительное или второе образование) стремятся выдержать эту необходимую и достаточную целостность наполнения результатов образования всех уровней. Мы попытаемся сопроводить текст о поднятой теме визуальной цепочкой работ абитуриентов и студентов разных уровней подготовки.

Как известно, наша средняя школа уделяет, мягко говоря, чрезвычайно скромное внимание архитектурно-художественному образованию молодежи. Это можно понять: из-за довольно больших сложностей нашей профессии, ее особой специфики. Посему высшая школа должна сама позаботиться о решении своих сквозных трудностей.

Одна из важнейших таких трудностей заключается в том, что архитектурно-художественный язык выявления смыслов и образов в произведениях рассчитан, хотя и для прямого, непосредственного зрительного восприятия, но не является изобразителем реалий. Но лишь опосредованно выразительной организацией и оформлением на основе абстрактных пространственных отношений геометрических форм и их элементов различной пластичности и ритмометричности. «Архитектура – застывшая музыка» – не простая поэтическая метафора их единства. Это коренное родство из-за их одинаковой опосредованной выразительности отвлеченных языков и грамматик. В них заключены и трудности восприятия непосвященных, и трудности для авторов-композиторов пространства и мелодий вызывать положительные эмоции при восприятии сочиненных ими произведений.

Все эти трудности и вызвали к жизни все те многообразные программы, методические разработки, разновидности упражнений и заданий, ориентированные для разных уровней подготовки, обучения на примере целостных графоаналити-

ческих анализов шедевров архитектуры и творческого применения в учебном гармонизующем формообразовании и реальном проектировании.

В видеоряд доклада вошли прежде всего вступительные экзаменационные работы абитуриентов по архитектурной композиции. А также работы по дисциплинам:

- «Композиционное моделирование» (1–2 курсы);
- «Методология проектирования»;
- «Основы творческих методов» (1–5 курсы);
- Объемно-пространственная композиция» (5 курс);
- «Проблемы композиции в архитектуре и дизайне среды»
- «Архитектурная семиотика в архитектуре и градостроительстве» (2-й курс магистрантов).

Учебные процессы высшего профессионального образования выявили существенные обоюдоострые проблемы и высшей, и общеобразовательной школ. Совокупность проблем, кстати, обострила предчувствие новых возможностей, заключенных в разумных вариациях объединения усилий этих школ, начиная не только с довузовского периода, но и с дошкольного. НГАХА с осени этого года с особой серьезностью приступила к реализации этих потенций.

На нашей кафедре силами руководителей, их магистрантов и аспирантов разрабатываются теоретико-исторические, психолого-педагогические и композиционно-языковые основания синтеза программ и усилий школ разных уровней подготовки. Мы приглашаем всех заинтересованных в данном круге вопросов принять участие в их обсуждении, логико-культурном и методологическом осмыслении и посильном обогащении новыми предложениями их решений.

Ворожейкина В.А.
saalha@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 7.011+378.4
ББК 85.1

ГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ В НГУАДИ

Аннотация. Как правило, при поступлении в НГУАДИ абитуриенты уже имеют собственные эстетические представления, сформировавшиеся под влиянием графических образов, которые в большом количестве расположены в городской среде Новосибирска. Графические объекты рекламы или другой визуальной информации не всегда разрабатываются профессионалами, что формирует неадекватное восприятие художественного образа у студентов, это будет оказывать влияние на процесс проектирования во время процесса обучения.

Ключевые слова: графический образ; эстетическое восприятие; дизайнер; студент.

Введение. Зачастую ко времени поступления в вуз у студентов уже складываются собственные эстетические принципы, которые будут оказывать влияние на выполнение тех или иных дизайнерских и художественных задач. Студент уже имеет систему эстетических ценностей, сформировавшихся под влиянием архитектурной среды, элементов графики, которые могут встречаться как в городской среде, так и в виде небольших элементов рекламы или полиграфических изданий, мультимедийной информации по телевидению и в интернет-ресурсах.

До момента поступления в вуз у молодых людей, как правило, уже складывается личное восприятие прекрасного. С момента рождения начинает формироваться принцип эстетического восприятия. Окружающая среда в первую очередь начинает влиять на восприятие ребенка и формировать у него принципы прекрасного. Наружная реклама как часть окружающей среды также воспринимается человеком. Если учитывать возможности современной полиграфии, наружная печатная реклама представлена в городской среде Новосибирска в большом многообразии. Речь идет о баннерах, которые могут располагаться на фасадах или торцах зданий, о рекламных растяжках, которые могут находиться в воздушном пространстве, о билбордах, которые сконцентрированы в основном вдоль проезжей части. Наружная реклама, как правило, должна способствовать идентификации архитектурной среды города, демонстрировать его индивидуальность и цветовую гармонию с окружающей средой.

Существует ряд принципов, по которым определяется, в каком порядке человек воспринимает информацию. Какие цвета являются более активно выступающими и как их применять при проектировке рекламных элементов. Эти принципы помогут будущим профессионалам определять эстетические критерии.

Актуальность темы заключается в том, что в данный момент есть большой спрос на услуги дизайнеров и архитекторов, в частности, выпускников НГУАДИ, которые в процессе проектирования изменяют условия городской среды. В связи с этим в процессе обучения в НГУАДИ у будущих дизайнеров и архитекторов

должно формироваться критическое мышление, которое будет способствовать выявлению истинных эстетических признаков в художественных образах.

Социальная значимость темы заключается в том, что в городе Новосибирске возрастает потребность в профессионалах, которые занимаются дизайном городской среды. Для этого необходимо усовершенствовать программу подготовки будущих профессионалов.

Новизна исследования в том, что в данный момент в Новосибирске вопрос влияния графических образов городской среды на формирование эстетического вкуса у студентов НГУАДИ остается неизученным.

Проблематика. Проблема в том, что не все практикующие специалисты являются профессионалами. Отсутствие информации о закономерностях, принципах и критериях выявления эстетических параметров, графическом образе, теории композиции, цвете, пропорциях и т.д. заставляет дизайнера или архитектора выполнять проект на интуитивном уровне, черпая образы из долговременной памяти, что приводит к повторению множества ошибок.

Цель работы – изучить факторы, которые оказывают влияние на формирование эстетического вкуса. Провести анализ опыта в области преподавания и вопросов формирования эстетического восприятия графического образа, которые помогут формировать и совершенствовать эстетический вкус у студентов НГУАДИ. Для этого требуется:

– выявить критерии формирования эстетического вкуса;

– выявить закономерность влияния графического образа в городской среде на процесс дизайн-проектирования в процессе обучения студентов НГУАДИ.

Методология и методика исследования. Применяются методы научного анализа данных, сравнение информации, прогнозирование.

Исследования проводятся на основе изучения научной литературы, в частности, учебных пособий, диссертаций, методических пособий, научных публикаций, которые раскрывают вопросы формирования эстетического вкуса.

Так, с точки зрения эстетики цвета рассматривались труды И.В. Гете, И. Ньютона, И. Иттена.

По рекламной деятельности наиболее интересны работы М. Тангейта, Б.Л. Борисова, Л.К. Козыревой.

В области педагогики были рассмотрены публикации М.В. Щербаковой, Е.В. Плотниковой, Э.Э. Пурик, А.Ю. Урюпиной, где раскрывается роль художественного образа в образовании дизайнеров, а также методические пособия и учебники Е.И. Шулевой, С.И. Брызгаловой, Н.А. Краля, Б.Т. Лихачева.

По архитектуре рассматривался автореферат С.М. Михайлова, в котором автор пишет о том, что зачастую решение пространственной среды города выполняется по общепринятым канонам и не учитывает современные тенденции. Автор предлагает несколько способов организации среды для целостного восприятия пространства, например метод фирменных стилей в архитектуре и дизайне города, ведущий к формированию «локальных архитектурно-художественных стилей» ансамблей. Также интересны работы В.Л. Глазычева, Ю.В. Назарова, Г.П. Степанова, Ф. Авакумович, М.Р. Колпаковой, Г.Н. Туманика.

Различного вида реклама товаров и услуг, мультипликация, художественные фильмы, архитектурно-пространственная среда формируют целостный художественный образ в сознании, который воспринимается как подлинный.

Графический образ, длительное время встречающийся в городской среде,

имеет тенденцию сохраниться в долгосрочной памяти. Окружающее пространство оказывает влияние на творческий процесс дизайн-проектирования. В случае однообразия пространства в процессе проектирования могут возникнуть трудности в построении художественного образа. Для того чтобы стать профессионалом в своей области, требуется многогранное развитие личности, а также просмотр произведений искусства, посещение музейных экспозиций, натурное обследование городской среды. Как считает кандидат педагогических наук М.В. Щербакова: «Творческий же человек – это тот, кто постоянно ищет для себя новые сферы развития, проводит новые наблюдения, высказывает новые предположения и предлагает новые знания» **[1]**. Если не происходит целенаправленного формирования критериев прекрасного путем посещения специфических занятий, просмотра произведений искусства как напрямую, так и образно, формирование эстетического вкуса происходит стихийно.

А.Ю. Урюпина приводит определение понятия «эстетический вкус» и пишет, что «эстетический вкус выступает важным качеством личности будущего дизайнера, показателем его готовности к реализации профессиональных и социальных функций в соответствии с эстетической и художественно-творческой спецификой данной профессии…» **[2]**. То есть в результате взаимодействия с окружающим миром выявляются такие визуальные характеристики, которые наиболее благоприятны для восприятия и приемлемы в достаточно большой промежуток времени, вне зависимости от моды и новых тенденций.

Негативное влияние на формирование этетического вкуса у дизайнера могут оказать работы других дизайнеров, которые не являются профессионалами. Более всего на формирование эстетического вкуса влияет архитектурно-пространственная среда, заполненная как полиграфическим, так и неполиграфическим материалом, а также виртуальная среда, телевидение и Интернет. В данном случае не учитываются книжные полиграфические издания, так как они могут просматриваться выборочно, например в библиотеке или книжном магазине, в то время как информационные блоки в городской среде имеют постоянную характеристику, так как непрерывно демонстрируются как в среде зданий, так и в метрополитене и в условиях торговых и выставочных центров. Например, если архитектурная среда содержит наружную рекламу, в которой нарушена композиция и используются негармоничные цветовые пары, этот образ может запомниться как позитивный, в зависимости от того, при каких условиях происходил процесс запоминания. Например, это могло запомниться, если происходили радостные события. Так, например, художественно-образное решение праздничного пространства празднования Нового года может запомниться во всех аспектах восприятия как позитивное. Как правило, такие мероприятия сопровождаются графическими образами в городской среде (растяжки с наименованием праздничного события, баннеры, политические поздравления). Целостность решения графических образов будет влиять на творческий процесс будущих дизайнеров.

У будущих профессионалов-дизайнеров эстетический вкус формируется намеренно и совершенствуется в процессе творческой деятельности. Существует такое общепринятое понятие, как канон, которое определяет принципы выявления эстетического образа. «Канон в изобразительном искусстве – совокупность твердо установленных правил, определяющих в художественных произведениях нормы композиции и колорита, систему пропорций либо иконографию данного типа

изображения. Каноном называется также произведение, служащее нормативным образцом» **[3]**. Формированию эстетического вкуса будет способствовать посещение специализированных курсов, где профессионалы будут рассказывать о канонах и критериях прекрасного.

Так или иначе дизайнер в процессе проектирования вспоминает образы прекрасного, каноны, которые в какой-то мере уже сформировались. Например, среднее образование предполагает наличие такого предмета, как изобразительное искусство. Развитие творческих навыков и намеренное развитие эстетического вкуса поможет будущим дизайнерам и архитекторам грамотно оценивать городскую среду и более критично оценивать ее составляющие, в частности, графический образ наружной рекламы. В данный момент в городе Новосибирске при размещении рекламы как в среде, так и в виртуальном пространстве не всегда учитываются цветовые и композиционные характеристики, не учитывается эргономика выбранного шрифта и допечатная подготовка. Нередко рекламный баннер может полностью раствориться в среде, имея идентичный местности цвет, или, напротив, назойливо привлекать внимание, являясь при этом отвлекающим элементом для водителей. Известно, что при частом просмотре одного и того же изображения формируется подсознательная установка долгосрочной памяти этот образ запомнить и затем применять его на практике. При наличии негативных примеров формируется зависимость от них и при выполнении некоторых задач такие негативные установки можно повторять на интуитивном уровне. Что касается наружной рекламы, то зачастую она выполняется некомпетентными дизайнерами-графиками, которые не обладают достаточными навыками и знаниями в области графического дизайна, построения композиции, колористических особенностей, знаний о шрифтах и принципах верстки и подготовки макета к печати. Наружная реклама обычно находится в городской среде достаточно большой промежуток времени, так как место под рекламу арендуется на достаточно длительный период времени. Являясь долгосрочной визуальной информацией, зачастую рекламные элементы могут служить предметом навигации, так как по ним можно идентифицировать то или иное архитектурное сооружение, запоминать маршрут передвижения. Рекламный образ запоминается и начинает затем идентифицироваться как наиболее приемлемый.

Рассмотрим европейские примеры, где культура полиграфической рекламы в окружающей среде с детства формирует те же принципы восприятии у детей. Пространство гармонично существует в единой концепции с наполняющими его элементами: это архитектура, рекламные элементы и цветовые характеристики. Как пишет Фиона Авакумович: «Район имеет колористику, основываясь на видах деятельности жителей, их исторического происхождения, этнических составляющих. Так же как и на карте местности, территории указываются разным цветом, и мы их называем, например, «красные фонари», – цвет присваивается территории исходя из событий, которые там происходят» **[4].**

Цвет объединяет архитектурные формы, крыши и фасады зданий, тротуары и здания в единый целостный образ. В данный момент в Новосибирске отсутствует объединение городской среды по принципу этнических составляющих, исторических особенностей или по виду деятельности жителей, так как город достаточно молодой. Архитектор Г.Н. Туманик занимается вопросами формирования архитектурного облика Новосибирска. Он пишет: «Следует отметить, что уровень подготовки архитектурных кадров в последние

годы резко снижается прежде всего из-за значительного изменения образовательных программ, перегруженности студентов общественными дисциплинами (философия, психология, педагогика и пр.) в ущерб творческим, профессиональным дисциплинам, введения широкой практики пользования интернет-ресурсами (подготовка ни к чему не обязывающих однотипных рефератов), во время которой студенты «перекачивают» чужие мысли, отучаясь мыслить самостоятельно» **[5]**. Такое снижение творческого потенциала среди студентов-архитекторов также является следствием утраты целостного облика города Новосибирска в процессе застройки, если рассматривать городскую среду как единый целостный организм, в котором каждый элемент подчиняется другому и формирует благоприятный узнаваемый запоминающийся облик. «Внешняя эффектность архитектуры и пространства становится символом преуспевающего города», – пишет Л.К. Козырева **[6]**. Архитектурный образ также имеет большое значение при восприятии городской среды. Изучение истории возникновения города Новосибирска, тенденций возникновения архитектурных образов помогло бы будущим специалистам составить целостную картину восприятия городской среды.

Результат. Обучение в высшем учебном заведении помогает формировать более критический взгляд на городское пространство, способствует совершенствованию творческих навыков, объясняет принципы каноничности в искусстве, но эстетический вкус начинает формироваться задолго до этого. Решение проблемы восприятия графического образа в городском пространстве Новосибирска возможно при условии организации целостной гармоничной среды. Подобно правилам поведения при определенных обстоятельствах, правила дизайнерского этикета формируют эстетически гармоничный образ окружающей среды. Полиграфическая наружная продукция должна дополнять архитектурный облик города, взаимодействовать с колористической, исторической и стилистической составляющей городской среды. Чем более целостной и органичной будет городская среда Новосибирска, тем легче будет формироваться эстетический вкус будущих дизайнеров.

Библиографический список

1. *Щербакова М.В.* Педагогическое сопровождение формирования креативности студентов в условиях непрерывного образования в сфере дизайна: дис. … канд. пед. наук. – Н. Новгород, 2014. – 277 с.
2. *Урюпина А.Ю.* Развитие эстетического вкуса будущих дизайнеров в информационной образовательной среде // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 4. – С. 179–184.
3. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
4. AvakumovicF. Theroleofenvironmentalcolour. Master of arts. – British Columbia,1988. – 181 p.
5. *Колпакова М.Р., Туманик Г.Н.* Градостроительство и архитектура: грани взаимодействия и профессиональной подготовки специалистов // *Архитектон: известия вузов.* – 2015. – №1(49) [Электронный ресурс]. – URL: http://archvuz.ru/2015_1/16 (дата обращения: 09.12.2015).
6. *Козырева Л.К.* Семиотическое моделирование архитектурно-пространственной среды исторического центра города Барнаула: автореф. дис. … канд. искусствоведения. – Барнаул, 2012. – 23 с.

Беляев А.И.
Иванов А.О.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72:378
ББК 85.11:74.480.26

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО ВЫБОРУ ДЛЯ АРХИТЕКУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НГУАДИ

Аннотация. Статья посвящена анализу двухлетнего опыта преподавания дисциплины по выбору «Рисунок и живопись» для архитектурных специальностей в НГУАДИ.

Ключевые слова: рисунок и живопись для архитекторов; вариативность обучения.

Одной из особенностей Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования является большая вариативность учебных планов вплоть до обучения по индивидуальному учебному плану, согласно «Закону об образовании в РФ». Сейчас, когда завершается обучение первого потока бакалавров специальностей «Архитектура», «Градостроительство», «Дизайн архитектурной среды» по учебным планам, сформированным в соответствии с ФГОС ВПО, можно проанализировать опыт вариативного обучения изобразительным дисциплинам на кафедре рисунка, живописи и скульптуры НГУАДИ.

Студентам предлагался выбор в вариативной части профессионального цикла между дисциплинами «Рисунок и живопись» и «Компьютерные технологии проектирования», которые изучались в течение 6–8 семестров для специальностей «Архитектура», «Градостроительство» и 7–8 семестров для специальности «Дизайн архитектурной среды».

Среди студентов, выбравших курс по кафедре РЖС, можно выделить три категории.

Первая категория студентов – это те, кто любит рисовать и писать красками и уже при поступлении в НГУАДИ рассчитывали на то, что кроме профессии архитектора или дизайнера они получат навыки в изобразительном искусстве, которые пригодятся им в их последующей работе. Часть из них планирует продолжить свою творческую деятельность как художники станковой живописи и графики, а среди выпускников новосибирской архитектурной школы немало состоявшихся профессиональных художников, так, только в настоящее время в Новосибирском отделении Союза художников России их 15 человек. Часть студентов хотели бы заняться преподавательской деятельностью, для чего считают необходимым расширить свои знания и навыки в различных видах изобразительной практики.

Ко второй категории относятся студенты, интересующиеся проектированием и реализацией архитектурных объектов, прежде всего интерьеров, в синтезе пластических искусств с использованием различных технологий ручного труда. Спрос на такие объекты с ярко выраженным индивидуальным стилем и с элементами, выполненными в единичных экземплярах, растет, причем в широком ценовом диапазоне; появляются

небольшие фирмы и мастерские, специализирующиеся в этой области. И зачастую студенты уже отчасти знакомы с проблемами проектирования таких объектов и хотят получить дополнительные изобразительные навыки для понимания специфики различных пластических искусств.

Третья категория, их меньшинство – это неопределившиеся студенты, для них рисунок и компьютерная графика имеют равное значение и специфика их будущей работы пока неясна.

Программа дисциплины с некоторыми различиями по специальностям состояла из следующих основных тем – освоение техники классической акварели (6 семестр); знакомство с основами монументально-декоративного искусства; углубленное изучение академического рисунка и живописи в изображении человека с классических скульптур и живой модели (7–8 семестр). При этом в изучении акварели акцент делался на художественных возможностях различных акварельных техник с выполнением лессировками этюда интерьера с натуры и копии классического образца, что развивает у студента художественный вкус и навыки в ручной архитектурной графике. В знакомстве с основами монументально-декоративного искусства изучались приемы стилизации изображения с натуры и по воображению в применении к различным технологиям монументальной живописи. А при работе над рисунками и этюдами с натуры освещались вопросы особенностей и методики академического рисунка и академической живописи, проблемы целостности восприятия графического листа.

Таким образом, решались задачи развития у студентов, в частности, таких компетенций, как способность демонстрировать пространственное воображение, развитый художественный вкус, способность моделировать и передавать идеи средствами ручной графики, способность к повышению квалификации и продолжению образования, что подтверждается тем, что работы ряда студентов прошли отбор на профессиональные художественные выставки.

В то же время опыт реализации программы дисциплины показал возможности для ее совершенствования, например устранение некоторой ограниченности в выборе на 2-м курсе дисциплины, полностью реализуемой лишь через два года в конце 4-го курса. За это время студент значительно развивается, меняет приоритеты своей образовательной траектории. Более правильным с точки зрения учета индивидуальности каждого студента было бы разделение дисциплины на две части с выбором в конце 2-го и 3-го курсов. Предполагается, что в ближайшее время это найдет отражение в новых учебных планах.

Ганжа С.Д.
Sd.ganzha@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 378:72
ББК 74.5

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АЛГОРИТМЕ ОБУЧЕНИЯ АРХИТЕКТОРА

Аннотация. Существенное отличие постановки задач в реальном проектировании от задач в учебном процессе обучения архитектора не позволяет студентам осознавать причастность к классу «ремесленников-профессионалов», что понижает их готовность к профессиональной ответственности после завершения обучения.

Ключевые слова: методика; образовательный алгоритм; обучение архитекторов.

Современные требования к профессиональным навыкам студента-архитектора принципиально изменились за последние 20 лет. Теоретизированные академические знания советской архитектурной школы достаточно хороши при практике доучивания молодых специалистов в проектных организациях, что являлось базой послевузовской «доготовки» молодых «полуфабрикатов». Сегодня, когда востребованы выпускники высшей школы, готовые разрабатывать ответственные задания под подпись «клятвы ГАПа», необходимы более точные технологии в образовательном алгоритме в архитектурной школе. Известная в обществе характеристика будущего студента-архитектора как талантливого рисовальщика нависает над молодыми студентами уже в вузе. Это дает студентам эмоционально-лирический настрой, поддерживаемый также и заказчиками, что архитектурная деятельность – это прежде всего умение нарисовать красивую «картинку», которая может оказаться удачной функционально-пространственной идеей, за которую можно получить приличное вознаграждение.

В процессе прохождения подготовки проектных решений при курсовом проектировании в терминологии студентов в оперативном обиходе циркулируют слова: «скучный», «интересный», «правильно», «неправильно», «оригинально», «примитивно» и т.п. Соревнование в создании красивых композиций, уравновешенной компоновки на листах, художественного образа объекта, философии пространственной организации затмевает понимание студента, что все, что он изобретает на бумаге или в компьютере, должно быть проработано с пониманием того, что **это** будущее сооружение должно быть построено и построено эффективно и надежно.

Особенно проблематично доведение до студентов понимания, что архитектор – это «главный строитель», а не главный рисовальщик. Давление преподавателя в направлении реальной материализации идеи часто парализует студента в поисках эмоционально-философских составляющих проекта, и ему становится неинтересно именно то, что является сутью архитектурной деятельности – конструирование объекта на основе функционально-пространственной организации.

Проектная деятельность на любом уровне является динамичной системой и,

как любая система, может находиться в прогрессивном равновесии только при наличии положительной и отрицательной обратных связей. В образовательном процессе функцию этих связей выполняет преподаватель.

Оптимальность такого рода деятельности в вузе достигается только на основе тщательно выверенного учебного плана, где процесс рисования организуется в процесс конструирования специальными кафедрами-«смежниками». Но на начальном этапе, когда студент осваивает уровни 2-го и 3-го курсов, поддержка специалистов по конструированию, работающих с профессиональной терминологией и понятиями, непостижима для этого уровня подготовки, и конструирование заходит в тупик, оставляя поле деятельности для эмоционального творчества.

Реальным оптимизатором в этом процессе становится прежде всего высокая квалификация преподавателей, владеющих знаниями строительной механики не как расчетного инструмента, а как прикладного инструмента, объясняющего принципы устойчивости и надежности объектов строительства, а также знание ими конструкционных особенностей строительных материалов.

В настоящее время возможности информационного обеспечения студентов-архитекторов всеми видами профессиональных знаний настолько велики, что при работе над решением методических задач учебного плана возникает необходимость методологического регулирования во взаимодействии двух основных векторов образования – творческого и законодательно-правового. Введение в учебный план курсов по изучению градостроительного и проектного законодательства обеспечивает точную координацию понятий студентов, что такое реальный процесс проектной деятельности в привязке к федеральным, региональным и муниципальным регулирующим правовым документам на основе градостроительного, земельного, гражданского и жилищного кодексов и сопутствующим им подзаконных актов.

Методологический опыт по введению подобной информации в лекционных и практических форматах показывает, что современные студенты, понимающие проблемы выживания на профессиональном рынке труда, проявляют осмысленную заинтересованность в образовательном алгоритме и уверенность в надежности будущих результатов творческой деятельности. Переход образовательных методик от академического к прикладному алгоритму с сохранением основ творческого начала обеспечивает формирование тех профессиональных компетенций, которые заведены в действующие и перспективные образовательные стандарты.

Однако современные учебные планы предусматривают определенные пропорции погружения студентов в формат реального проектирования, начиная только с 3-го курса, в то же время проблемы конструирования и нормирования начинаются уже на 2-м. Постепенное планомерное формирование «ремесленного профессионализма», которого так не хватает современным выпускникам архитектурных вузов, спотыкается о слабую подготовку выпускников школ в разделах, где осваиваются основы безопасности жизнедеятельности, в частности, например, почему и как разрушаются здания, влияние климата на способы организации жизни на различных территориях. У школьников минимальное представление о том, из чего строятся дома, мосты, дороги. Студенты-архитекторы с первых шагов постижения профессии должны начинать понимать, что они входят в класс профессионалов, который веками занимался

капитализацией финансовых накоплений и делал это благодаря обширным и глубоким знаниям строительной механики, строительных материалов, композиции, живописи, социологии, философии, инженерных наук.

Первым и достаточно принципиальным изменением в учебном процессе проектирования может стать введение студентов 2-го курса в алгоритм создания и оформления технического задания на разработку объекта. Такое задание должно быть точной копией принятого в проектной практике документа, с которого начинается **правовой** процесс материализации (капитализации) инвестиционных ресурсов и который дает всеобъемлющую информацию о задачах, которые должен решить архитектор.

Смысловое содержание такого документа, как показывает практика в работе со студентами 4-го и 5-го курсов, вызывает у них **профессиональный** интерес, так как некоторые из студентов на практике в проектных организациях уже соприкасались с таким документом. Осмыслив и подготовив такой документ одновременно в роли **заказчика** и **архитектора**, студенты приступают к решению задач, практически отрабатывая профессиональный алгоритм. В работе появляется определенный уровень профессиональной ответственности за результат осваиваемого ремесла и, соответственно, конечный результат содержит основной набор профессиональных компетенций.

Битухеева Г.Ф.
Тыжеброва Т.Ф.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 721
ББК 85.11

АТРИУМ КАК ПЛАНИРОВОЧНАЯ СХЕМА В ПРОЕКТАХ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «АРХИТЕКТУРА»

Аннотация. В статье анализируется опыт использования студентами НГУАДИ атриумной планировочной схемы в учебном проектировании на 3–6-х курсах. Опыт авторов и учебные проекты показывают, что архитектурно-планировочный потенциал атриумного пространства делает его одним из наиболее востребованных в учебном проектировании. Исследование основано на материалах из личных архивов авторов и архива кафедры Архитектуры НГУАДИ.

Ключевые слова: атриум; пространство; здание; планировочная схема; функциональность.

Атриум – большое открытое пространство внутри здания или судна. Атрий – в римском жилом доме – внутренний двор, куда выходили двери всех комнат. Как планировочная схема общественного здания атриумная схема, сложившаяся в конце XIX в., получила широкое применение в современном проектировании. Атриум обладает такими преимуществами, как микроклиматическое, теплоэкономическое, повышенная устойчивость при проектировании высотных зданий, экономия и удобство при устройстве вертикальных коммуникаций, а также уход от монотонности, характерной для линейно-протяженной, коридорной, галерейной планировочных схем. Полностью или частично перекрытый атриум образует интересное пространство, включает входную зону, коммуникации и является композиционным центром, соединяющим все функциональные пространства здания.

Используемая в комбинированных вариантах, например в сочетании с галерейной схемой, атриумная схема великолепно применена во многих крупных столичных общественных зданиях Москвы и Санкт-Петербурга. В этих зданиях крупное пространство атриума окружено галереями с входами в торговые залы или выставочные галереи.

В развитии атриума можно выделить такие исторические периоды:

– ковровая застройка стран Ближнего Востока и Средиземноморья с открытыми дворами различной формы и размеров. Народные традиции такой застройки уже в современности применил Мис ван дер Роэ. Дома с двориками. 1931.

– средневековые крепостные и культовые сооружения XI–XVII вв., культовая и замковая архитектура XIII–XIX вв. Открытый двор представляет собой ордерную композицию колоннады, образующую галерею вокруг открытого пространства.

– доходные дома конца XIX в., положившие начало знаменитым постройкам начала XX в. знаменитых архитекторов: Ле Корбюзье (Монастырь Ла Туретт, 1953–1957), А. Аалто (Ратуша Сяюнатсало, Финляндия, 1950–1952), А. Гауди (Доходный дом Мила, 1906–1910), Людвиг Мис ван дер Роэ (Павильон Германии на международной выставке в Барселоне, 1927–1929).

В 1970-х гг. идея атриума на Западе приобретает новое звучание, приходит понимание того, что атриум может применяться в более широких масштабах, возникает потребность современной архитектуры в новых альтернативных решениях. Промышленная революция, появление новых технологий и материалов (железо и стекло и др.) воскрешают идею атриумов и дают возможность встать им на «коммерческие рельсы». В отличие от атриумов эпохи ислама и Древнего Рима современный атриум дает новые возможности – использование солнечного тепла, что делает здания наиболее экономичными.

Современное использование атриумов развивается в основном в двух направлениях:

– создание уникальных зданий различного функционального назначения;

– реконструкция исторических памятников, имеющих открытый внутренний двор, перекрываемый атриумным пространством.

Такие объекты как:

– Международный университет в Москве, крытый в 2000-е гг. Арх. А. Локтев;

– Государственный музей Пушкина в Москве, крытый в 1990-е гг. Мастерская А. Бокова;

– Гостиный двор, выстроенный Дж. Кваренги в концеXVIII в.;

– Музейный комплекс государственного Эрмитажа. 2007–2014 гг. Арх. Никита Явейн;

– Центральный музей Октябрьской железной дороги. 2012–2015 гг. Арх. Никита Явейн.

В условиях Сибири атриумное пространство является наиболее тепло-эффективным и экономичным решением.

Многие реконструируемые здания получили бы интересные многофункциональные пространства, а городская среда была бы более выразительной при условии использования атриумного пространства как одного из средств реконструкции сложившейся исторической среды некоторых сибирских городов.

Новая застройка в них располагается без учета сложившихся планировочных осей, образуя в городской среде набор случайных визуальных пространств. Связанно это с тем, что осуществление крупномасштабных проектов, таких как крытые пешеходные пространства, соединение существующих исторических осей атриумными зданиями, невозможны при существовании так называемых свободных рыночных отношений. Атриумный тип зданий еще будет востребован в градостроительстве будущего, а в настоящее время широко применяется в проектах студентов. Такие планировочные образования, как арктические поселения будущего, плавающие города-платформы, успешно применяются в курсовом и дипломном проектировании.

В учебном проектировании НГУАДИ использование атриума как самой универсальной схемы центральной части общественного здания широко распространено. Атриум применяется на 3-м курсе в проектах «Малое общественное здание», «Малое промышленное здание», «Интерьер»; на 4-м – в проекте «Бизнес-центр» и в дипломном проектировании.

Перед педагогом-архитектором встает задача донести до студента все преимущества различных планировочных схем с применением атриума в дополнение к существующим методическим программам. Последнее дает

возможность студенту комбинировать различные планировочные функциональные структуры с атриумом, что позволяет создать множество интересных архитектурных композиций в курсовых и дипломных работах студентов.

В процессе творческого поиска совместно со студентом создается информационная модель будущего проекта, включающая историческую, природную, конструктивно-экономическую, культурную основу.

Такие аналоги, как Музей Саломона Гугенхейма Фрэнка Ллойда Райта, реконструированный Берлинский рейхстаг Нормана Фостера, вдохновили студенток 3-го курса А. Бодрову и Е. Баеву на создание образа музея Я. Чернихова над пешеходным мостом Сибревкома *(рис. 1)*. В этой работе внутреннее пространство атриума окружено спиральным пандусом. Шедевры современной архитектуры, такие как Центральный офис Коммерцбанка во Франкфурте, комплекс зданий Московского международного делового центра «Сити», явились мерилом для выполнения проектов бизнес-центра студентов 4-го курса обучения. Атриумная планировочная схема широко используется в дипломном проектировании в зданиях аэровокзалов, промышленных комплексов, проектах крупных транспортных терминалов и др.

«Век атриумных зданий только начинается. За первые пятнадцать лет после возрождения этого типа сооружений в 1967 г. их было построено несколько сотен, несколько тысяч атриумных зданий проектируется в настоящее время архитекторами и студентами» (Р. Саксон).

Примеры студенческих работ

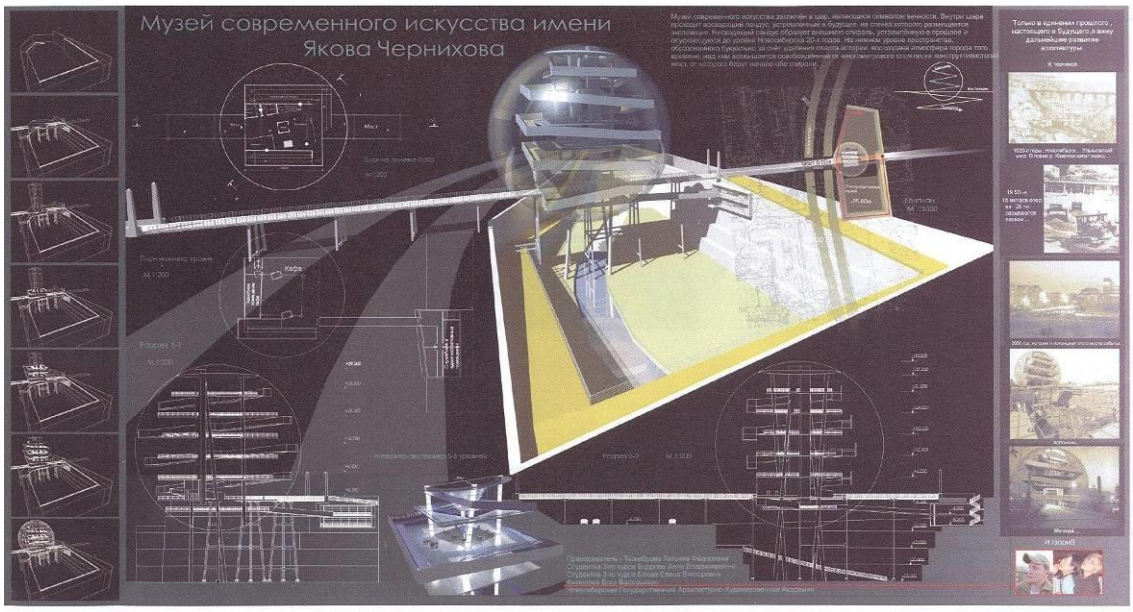


Рис. 1. *Музей Я. Чернихова. Студенты А. Бодрова и Е. Баева (3-й курс)*

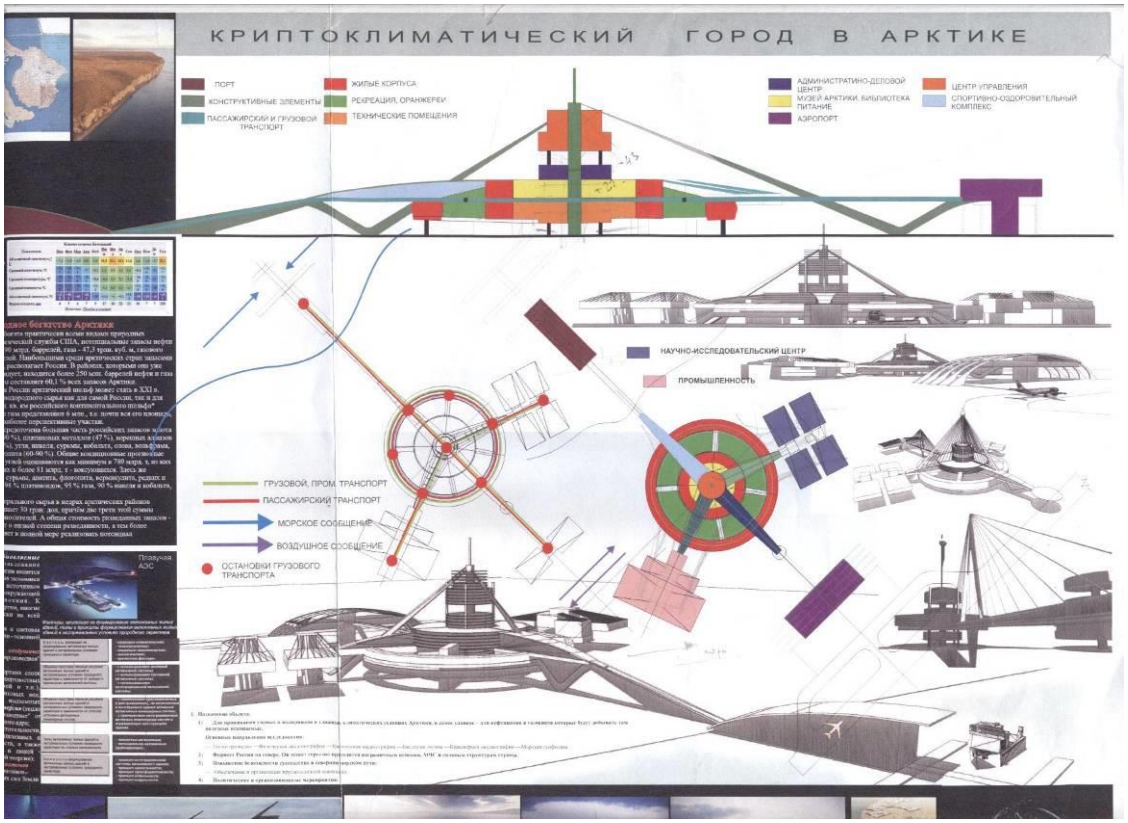


Рис. 2. *Криптоклиматический музей в Арутике. Студент М. Пучков (6-й курс)*

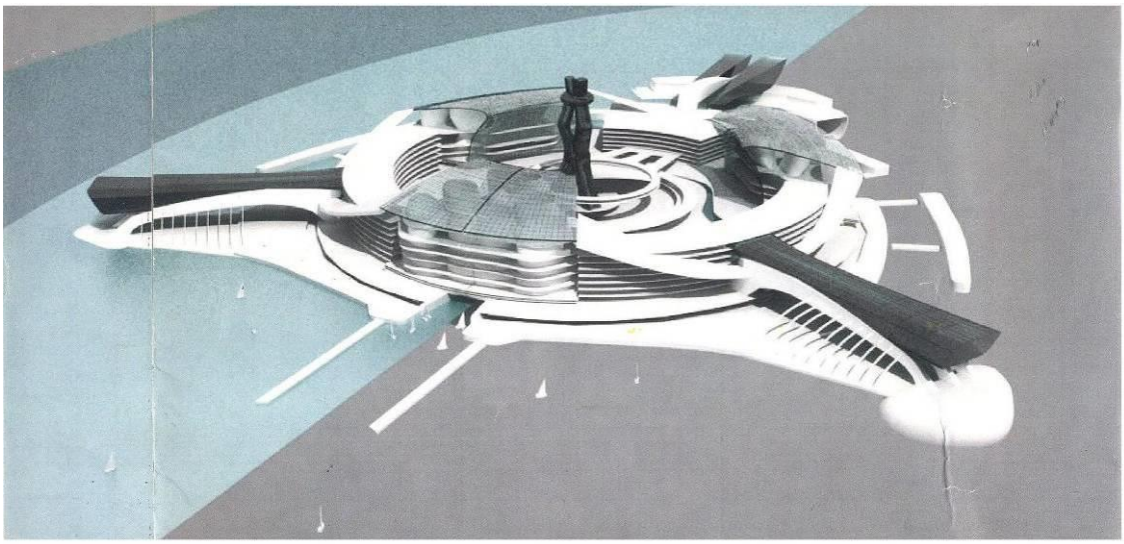


Рис. 3. *Плавучий экополис для климатических беженцев. Студентка Е. Дорогань (6-й курс)*

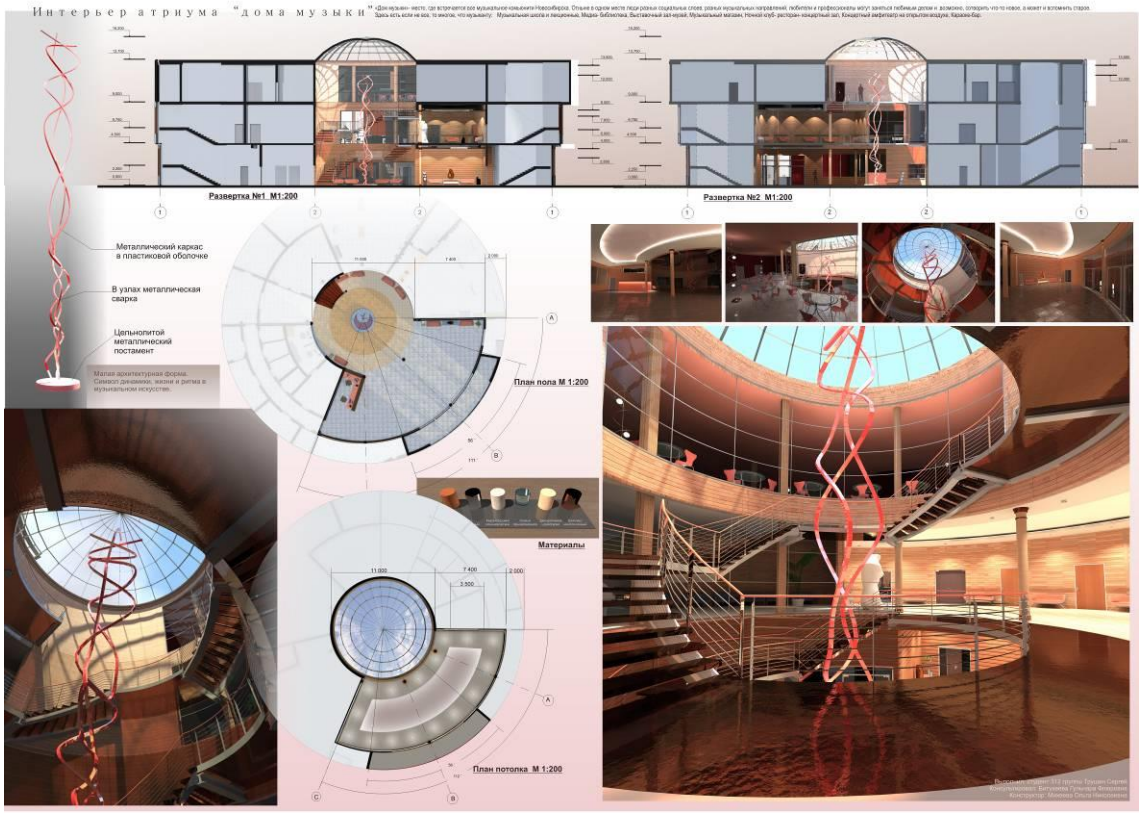


Рис. 4. *Интерьер атриума Дома музыки. Студент С. Трушин (3-й курс)*

Библиографический список

1. Функция, конструкция, композиция: учебник. – М., 2002. – С. 31.
2. Архитектурная типология. – Екатеринбург: TATLIN, 2015. – С. 7, 24, 26.
3. *Ситар С., Голдхоорн Б.* «Студия 44». Архитектор Никита Явейн // *TATLIN MONO*. – 2005. – № 35. – С. 9, 8, 14, 25.

Терехина В.С.
verateréhina@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 721
ББК 85.11

ОРГПРОЕКТ НА ИГРУ ПО ПОИСКУ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В настоящей статье представлен оргпроект «средового проектирования», который осуществлялся на практических занятиях со студентами 613 группы НГАХА/НГУАДИ в 2015 г.

Ключевые слова: игровая педагогика; организационно-деятельностная игра; урбанистка; воркшоп; оргпроект.

Введение. Сегодня в педагогической практике стоит задача научить студентов самостоятельно генерировать идеи. Оргпроект эксперимента основывается на принципах Игровой педагогики Зинченко А.П. (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого) по типу организационно-деятельностной игры (ОДИ) **[1]**, а также на примере воркшопа Свята Мурунова урбаниста, руководителя Института прикладной урбанистки **[2]**. Одновременно игра содержит блок, где происходит сопоставление и различение традиционных (№1) и инновационных представлений (№2) об объекте проектирования. В эксперименте стояли задачи:

1. Освоить конструкцию организационно-деятельностных игр (ОДИ) по Зинченко А.П. (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого) **[1]**;
2. Проверить на практике техническую реализацию методики средового подхода от Свята Мурунова **[2]**;
3. Научить студентов самостоятельно генерировать идеи по принципам Свята Мурунова **[2]**;
4. Разработать шаблон в виде оргпроекта на обучающие игры по средовому проектированию;
5. Определить Культурный Код (КК) условной градостроительной ситуации.

В статье представлен оргпроект учебного эксперимента «средового проектирования», по поиску Культурного Кода, который был осуществлен в рамках преддипломного проекта со студентами 613 группы, 2015 г.

Оргпроект игры по поиску Культурного Кода был составлен по принципу организационно-деятельностных игр (ОДИ) Зинченко А.П. (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого) **[1]**. Из работы Зинченко А.П. «Игровая педагогика» **[1]** была выделена структура настоящей игры, которая содержит следующую организацию.

Организационная форма игры. В игре должно быть как минимум три фазы:

I фаза игры: Разработка организационного проекта (оргпроекта)

1. тема: 1 такт; 2 такт; и т.д.
2. производственные процессы: 1 такт; 2 такт; и т.д.
3. игровые процессы: 1 такт; 2 такт; и т.д.
4. игра и есть такая форма организации, которая «вставляется» между транслируемыми нормами (№1), чтобы их менять (№2) **[1, с. 19]**.

II фаза игры: Игровое действие

1. Запуск игры – организация игрового производства.

2. Разгон темы – л продуктивно-результативная.

3. Выход из игры – сборка.

Переход в эту фазу обеспечивается рекрутером. Люди должны войти в места, обозначенные оргпроектом, и сделать то, что наметил руководитель. Игра должна втянуть людей. Если они сработают в соответствии с оргпроектом, то игра случится.

III фаза игры: Технологизация. Люди сыграли и получен игровой продукт. За счет прохождения всего игрового цикла появляется нечто новое. Параллельно ходу игры должно быть сделано описание того, как был получен игровой продукт. Это и есть шаг в развитии **[1, с. 21]**.

После того, как матрица игры была определена по Зинченко А.П., необходимо было наполнить пустые ячейки материалом. В качестве материала решено было использовать идею формирования Культурного Кода условной территории. Механизм формирования КК был взят из воркшопа, который проводил специалист по прикладной урбанистке, Свят Мурунов в рамках Фестиваля Городской Среды в г. *Ростове-на-Дону в 2014 году* **[2]**. Из данного воршопа были спользованы только некоторые такты, которые легли в основание производственных процессов нашего мероприятия и составили алгоритм получения Культурного Кода.

Оргпроект игры (демонстрационная версия).

I фаза игры: разработать организационный проект (оргпроект).

1. тема: Формирование Культурного Кода (КК – о нематериальной идеи, которая задает особенности места) общественного пространства. Место в городе должно быть предварительно выбрано;

2. производственные процессы сводилась к следующим тактам:

1 такт: разложить понятие «общественное пространство» на несколько характерных топов. В нашем эксперименте это – люди, события, предметы, градостроительная ситуация и т.д. Количество смысловых направлений можно увеличивать дополнительными факторами разного рода в соответствии с конкретными целями. Если есть идея получить Культурный Код из истории места, то и топы надо выбирать из особенностей конкретной территории. В том случае, когда КК предполагается выделить из футуристических характеристик, то факторы надо выбирать соответственно. Под каждый топ (общественные пространства, люди, события, предметы) следует выделить лист, на каждом из которых следует написать максимальное количество предложений. Например, топ «события» представлен в таблице *(табл. 1)*.

Таблица 1

Пример генерации идей по теме «событие»

№	События
1	Свидание
2	Праздники: рождество и т.д.
3	Квесты
4	Субботник
5	и т.д.

2 такт: весь наработанный материал следует перенести в сводную таблицу *(табл. 2)*

Таблица 2

Сводная таблица смысловых топов по теме

№	Событие	Действие	Люди. Социальные сценарии: тайхолдеры (создаю лицо города-таксисты, продавцы)	Предмет	Место в городе	Общественные пространства
1	Свидание	Рисовать	Молодежь	Мел	Ул. Фабричная	Парки
2	Праздники: рождество, т.д.	Петь	Пожилые люди	Окно	ОГЭС	Набережные
3	Квесты	Есть	Гостарбайтеры	Поребрик	Ул. Ленина	Площади, площадки
4	Субботник	Спать	Ламберсексуалы	Микрофон	Пойма р. Каменки	Бульвары
5	и т.д.	и т.д.	и т.д.	и т.д.	и т.д.	и т.д.

3 такт: выделить из каждого столбца по одному слову и собрать их в предложение или идею, наполненную смыслом. В данном примере эти слова выделены курсивом *(табл. 2).*

4 такт: вышеприведенным методом сформулировать как можно больше идей, которые затем также собрать в сводную таблицу *(табл. 3).*

Таблица 3

Сводная таблица идей по теме

№	Идеи
1	Идея 1
2	Идея 2
3	и т.д.

5 такт: выбрать принцип систематизации идей: по новизне, по подобию, по контрасту или иначе, а затем также перенести их в таблицу. Комбинация идей по подобию даст возможность разработать некоторый сценарий для того или иного элемента общественного пространства *(табл. 4).*

Таблица 4

Сводная таблица сценариев в общественном пространстве

№	Градостроительные сценарии
1	Сценарий 1
	Идея 1
	Идея 2
	и т.д.
2	Сценарий 2
	Идея 1
	Идея 2
	и т.д.

6 такт: структурировать элементы системы общественного пространства *(табл. 5).*

Таблица 5

Элементы общественного пространства

№	Элементы общественного пространства
1	Парки
2	Набережные
3	Площади, площадки
4	Бульвары
5	и т.д.

7 такт: распределить сценарии по элементам общественного пространства *(табл. 6).*

Таблица 6

Сценарии: 1, 2, 3…, распределенные в элементах общественного пространства

№	Элементы общественного пространства	Градостроительные сценарии			
1	Площадь	Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3	Сценарий 4
2	Бульвар	Идея 1	Идея 1	Идея 1	Идея 1
3	Набережная	Идея 2	Идея 2	Идея 2	Идея 2
4	Парк	Идея 3	Идея 3	Идея 3	Идея 3
5	и т.д.	Идея 4	Идея 4	Идея 4	Идея 4

3. Игровые процессы:

1 такт: в игре планируется групповая форма работы. Группу из 30 человек следует поделить на подгруппы из 6 учащихся. Затем надо осуществить генерацию идей по всем понятиям (топам), которые запланированы оргпроектом. Для этого на заявленную тему, например, «событие» каждый из участников делает по 2 предложения по кругу. По кругу группа может пройти несколько раз. Один из студентов документирует все поступившие предложения. Таблица 1 является примером генерации идей по теме «событие». Предложения по темам: люди, предметы, события, градостроительные пространства собрать в таблицы 1, 2, 3 и т.д. соответственно.

2 такт: по группам выполнить все дальнейшие запланированные этапы игры. Результаты игрового действия оформляются в соответствующие таблицы:

Таблица 2. Сводная таблица смысловых топов по теме;

Таблица 3. Сводная таблица идей по теме;

Таблица 4. Сводная таблица сценариев в общественном пространстве;

Таблица 5. Элементы общественного пространства;

Таблица 6. Распределение сценариев: 1, 2, 3…, по элементам общественного пространства;

Таблица 7. Сопоставление традиционных и инновационных сценариев.

На основании проделанной работы составить Техническое задание на проектирование общественного пространства (ТЗ).

3 такт: реализация (ТЗ) через интерпретацию «сценариев» в конкретной градостроительной ситуации;

4 такт: преобразовать схемы в генплан.

4. Игра и есть такая форма организации, которая «вставляется» между транслируемыми нормами (№1), чтобы их менять (№2) **[1, с.19]**.

Оргпроект игры, рассчитанный на развитие того или иного понятия, держит

участников в своих рамках, и не позволяет уклониться от инновационного курса. Аккуратное выполнение заданного алгоритма самопроизвольно приведет развитию «понятия». Очень важно при этом выполнить настоящий (4) пункт, который предполагает различение понятия на его традиционное (№1) и инновационное (№2) содержание. Для этого на 5 такте игры, когда происходит систематизация идей, необходимо ввести фактор различения значения понятия по его традиционному (№1) и инновационному (№2) содержанию. Результаты этого сопоставления необходимо перенести в таблицу *(Таблица 7).*

Таблица 7

Сопоставление традиционных и инновационных сценариев

№	Градостроительные сценарии	
	Традиционные	Инновационные
1	Сценарий 1	Сценарий 3
	Идея 1	Идея 11
	Идея 2	Идея 22
	и т.д.	и т.д.
2	Сценарий 2	Сценарий 4
	Идея 1	Идея 11
	Идея 2	Идея 22
	и т.д.	и т.д.

После этого этапа игры следует по второму кругу произвести распределение сценариев по проектируемой территории. Не каждый элемент градостроительной структуры общественного пространства должен быть наполнен инновационным содержанием, и некоторые его части могут существовать по традиционной схеме. При проектировании общественного пространства с использованием Культурного Кода градостроитель может совершать два и больше кругов движения по данному алгоритму. Комбинация методик Зинченко А.П. и Свята Мурунова позволяет взять от каждой из них самое рациональное. Метод Свята Мурунова позволяет научить студентов самостоятельно генерировать идеи. Общая структура игры от Зинченко А.П. дает возможность проконтролировать построение «понятие» с точки зрения его инновационного содержания. Сочетание одного и другого позволяет проверить на практике техническую реализацию одной из методик средового подхода, а также получить конкретный продукт в виде Культурного Кода градостроительного пространства.

Заключение. Разработан шаблон в виде оргпроекта на обучающие игры по определению Культурного кода (КК) градостроительного пространства. При составлении оргпроекта использована структура организационно-деятельностных игр (ОДИ) по Зинченко А.П. (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого). Шаблон игры включает также механизм самостоятельной генерации идеи по принципам Свята Мурунова. Одновременно игра содержит блок, где происходит сопоставление и различение традиционных (№1) и инновационных представлений (№2) об объекте проектирования.

Библиографический список

1. *Зинченко А.П.* Игровая педагогика (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого). – Тольятти,2000. – 184 с.

2. Лекция и воркшоп Свята Мурунова в рамках Фестиваля Городской Среды «Сетевая модель города». – Ростов-на-Дону, 2014. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=vzJNU1KWdO0.

Терехина В.С.
verateretehina@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 721
ББК 85.11

ТЕСТИРОВАНИЕ ОРГПРОЕКТА ИГРЫ ПО ПОИСКУ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация. В статье представлена вторая фаза игры – сама игра по средовому проектированию, которое осуществлялось со студентами 613 группы в 2015г. Оргпроект эксперимента основывается на принципах Игровой педагогики Зинченко А.П. (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого) по типу организационно-деятельностной игры (ОДИ), а также на примере воркшопа Свята Мурунова – урбаниста, руководителя Института прикладной урбанистки.

Ключевые слова: тестирование, оргпроект, генерация, технология, тайхолдеры, стейкхолдеры, дедукция, индукция.

Статья входит в состав цикла публикаций, которые отражают разные фазы игрового действия: оргпроект, саму игру и ее технологизацию. Настоящая статья демонстрирует ее вторую фазу, то есть саму игру. Документальным доказательством того, что оргпроект заработал, и игра состоялась, являются оригинальные схемы, которые сопровождают мероприятие. Рисунки с игры демонстрируют живое коллективное мышление и показывают, что было запланировано, и что получилось в результате. Вся последующая их обработка, зачастую, лишает схемы живости, тогда как на материале подлинника можно продолжать процедуру генерации идей, поскольку она наполнена мелкими комментариями и подробностями с игры.

Ситуацию игры можно представить с точки зрения мышления. Навигационная карта процесса мышления сводится к следующим операциям: исследование, фокусировка проблемы, генерация идей, прототип решения, **тестирование** прототипа. В полном акте мышления, при движении от гипотезы (оргпроекта) к ее проверке на практике, данная статья посвящена именно этой проверке или тестированию. Оргпроект игры был составлен по принципу организационно-деятельностных игр (ОДИ) А.П. Зинченко (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого) **[1]**. Механизм формирования КК был также заимствован из воркшопа, урбаниста Свят Мурунова **[2].**

Игровая фаза оргпроекта (тестирование) включала три такта.

Такт 1. Запуск игры.

Такт 2. Разгон темы – организация игрового производства, когда появляются ее результаты.

Такт 3. Остановка, выход и сборку продуктов игры.

Такт 1. Запуск игры. Запуск игры был обеспечен преподавателем. В общих чертах оргпроект игры был разработан предварительно **[1; 2]**. Конструкцию игры преподаватель представил на схеме *рис. 1.* На рисунке видно, что основной акцент оргпроекта сделан генерацию идей по поиску Культурного Кода (КК) территории с последующим формированием технического задания (ТЗ) на проектирование. По ходу действия оргпроект стал наполняться деталями. Например, появилась идея, что каждый этап проектирования следует сопроводить оформлением таблиц для, сбора рабочего материала *(табл.1, 2, 3…) рис. 1.* Идея с таблицами

проявилась в момент объяснения студентам задачи, когда необходимо было изобразить условия игры. Так, в результате студент должен был получиться тринадцать таблиц в соответствии с пройденными этапами. Также, по условиям оргдеятельностных игр (ОДИ) **[1]**, необходимо различить традиционные и инновационные представления. На эту тему появилась *таблица 7*.

Организационно была принята групповая форма ведения игры. Группа состояла из пяти человек вместе с преподавателем, который играл роль организатора.

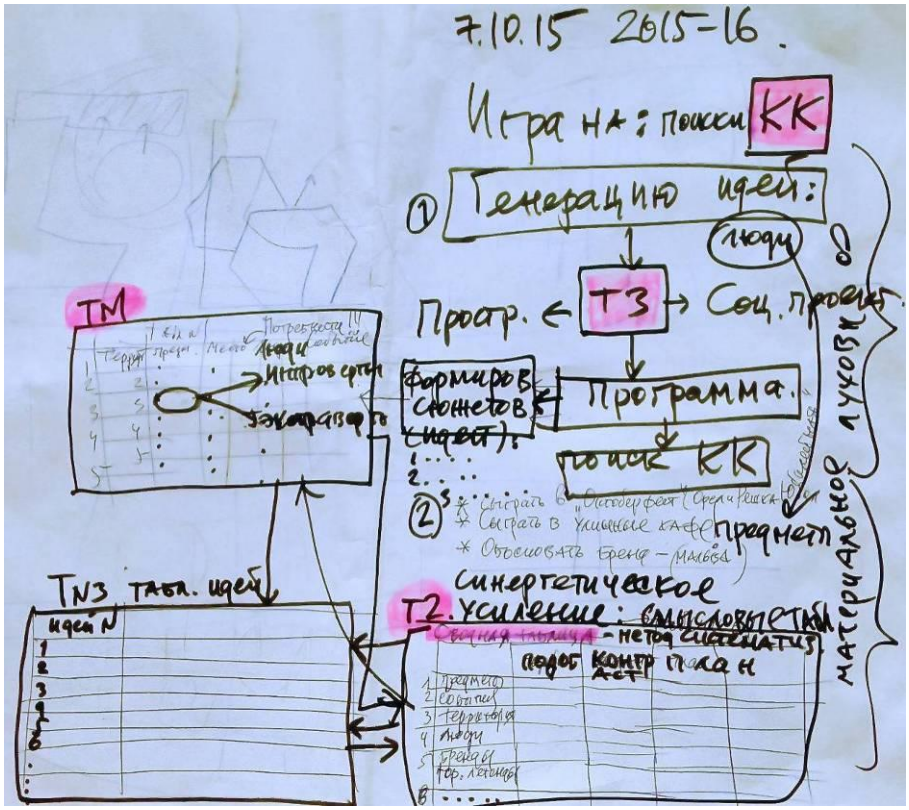


Рис.1. *Оргпроект*

Такт 2. Разгон темы. Для того чтобы воспроизвести эффективность игрового действия, люди приняли цели задания и поняли, что нужно делать, преподавателю пришлось на равных со студентами участвовать в игре. На каждую тему участники сделали по два предложения по кругу. По кругу группа прошла пять раз. На этом этапе происходит сопоставление того, что надо было по плану с тем, что случилось на практике. Основной акцент здесь делается на вопросах, как происходит генерация и, как осуществить ее усилиями студентов. Оргпроектом была предусмотрена дедукция, или необходимость разложить понятие «общественное пространство» на несколько характерных топов: «предметы», «события», «люди», «социальные сценарии», «общественные пространства» т.д. Под каждый из них, был выделен лист, где студенты стали писать предложения на заданную тему.

Надо отметить, что этот этап студенты преодолели достаточно результативно. Люди вошли в места, обозначенные оргпроектом, и сделали то, что наметил руководитель. Игра втянула людей, и они стали работать в соответствии с программой. *Рис. 2* является примером сбора идей по теме «предмет».

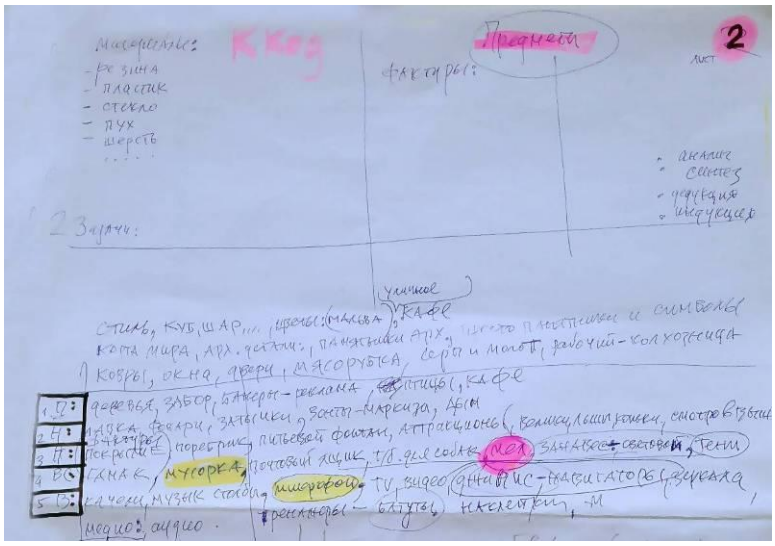


Рис.2. *Генерации идей по теме «предмет»*

Далее шаг за шагом команда начала отрабатывать дальнейшие фазы игры. Так была пройдена фаза накопления идей по теме «событие» *(рис. 3)***.**

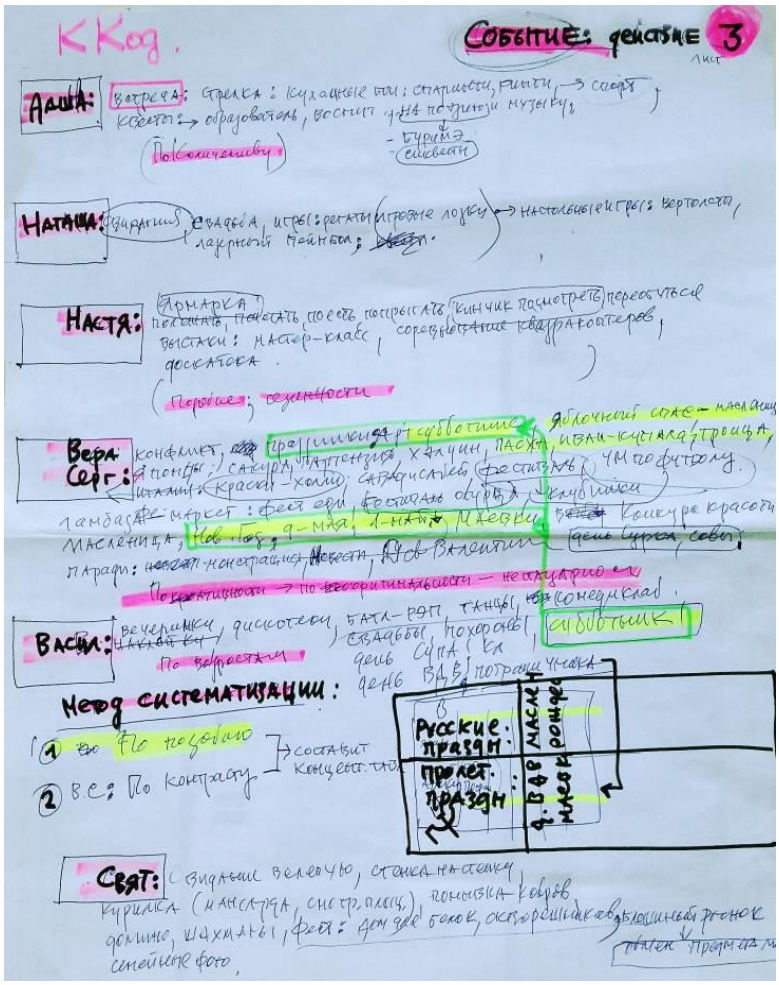


Рис.3. *Генерации идей по теме «событие»*

Для связи проекта с реальностью, была пройдена фаза социального проектирования, когда студенты придумывали, кем и как городская среда будет использоваться. В нашем случае эта фаза называется «люди» *(рис. 4)***.**

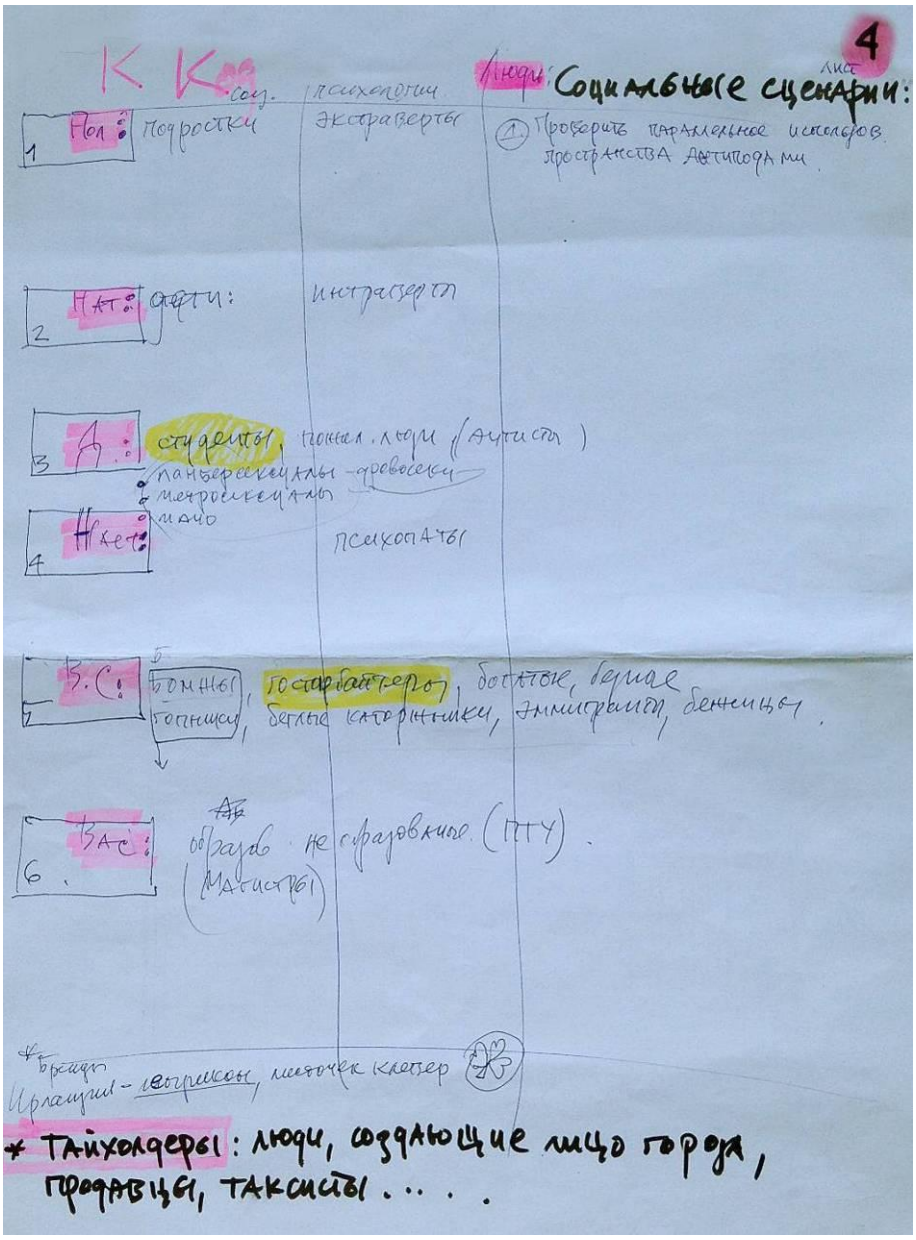


Рис.4. *Генерации идей по теме «люди»*

Для обозначения людей, создающие лицо города, студентами были найдены специальные термины – тайхолдеры и стейкхолдеры. Тайхолдеры это обслуживающий персонал: парикмахеры, продавцы, таксисты. Стейкхолдеры – люди, которые осуществляют управление проектом *(рис. 4)*. Не путать с «целевой аудиторией», и если первые демонстрируют уровень культурного обслуживания, вторые – пользуются этими услугами, то третьи заинтересованы в реализации проекта. Генерация идей по теме «люди» была совмещена с поиском «социальных сценариев» *(рис. 5)***.**

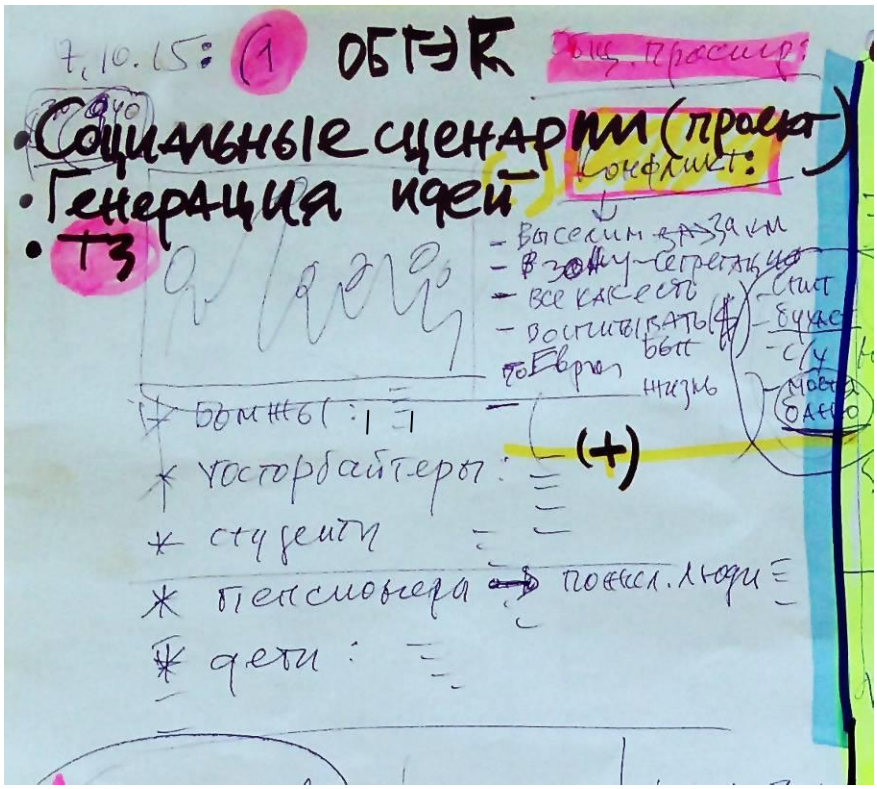


Рис.5. *«Социальные сценарии»*

Студентам было предложено вспомнить какие-то характерные ситуации из реальной жизни города. Ребята пришли к выводу, что часто город принадлежит людям без определенного места жительства – бомжам, люмпенам, гастарбайтерам и т.д., это часто случается потому, что им негде жить. Например, ребята вспомнили ситуацию, когда бомжи вокруг лужи устроили маленькое производство по сортировке стеклянной тары: в лужах моют бутылки, а затем расставляют их в коробки. В другом сюжете, который был подсмотрен в Юсуповском саду Санкт-Петербурга, участвуют гастарбайтеры и девушки. Девушки загорают на берегу озера, гастарбайтеры разглядывают их с противоположного берега. Это может быть и забавно и смешно, но это реальность, и она должна найти отражение в каком-то виде в проектах. Возник вопрос, каким образом в одном пространстве будут существовать люди разного социального статуса, такие, например, как бомжи и ламберсексуалы (лесорубы)? Похоже, что между бомжами и ламберсексуалами могут возникать конфликты. На *рис. 5* «Социальные сценарии» можно разглядеть в правом верхнем углу. Рассуждения на эту тему возникли как бы случайно, но позволили выйти на проблемную ситуацию в среде, и даже получили поверхностные предложения по ее решению. Для решения проблем социального использования городской среды было предложено несколько сценариев:

- все оставить как есть – ничего не делать;
- сегрегация – разделение разных групп населения в пространстве;
- соединение горожан в среде;
- воспитывать, и даже образовывать народ с помощью города.

Мы не должны давать ответ немедленно, поскольку в данный момент находимся на этапе только наблюдения и анализ, а не проектирования. На этом

этапе важно зафиксировать наличие и содержание проблем, а находить их решение можно, на следующем этапе – при проектировании.

Далее следовала фаза накопления идей по теме «общественное пространство» *(рис. 6)***.**

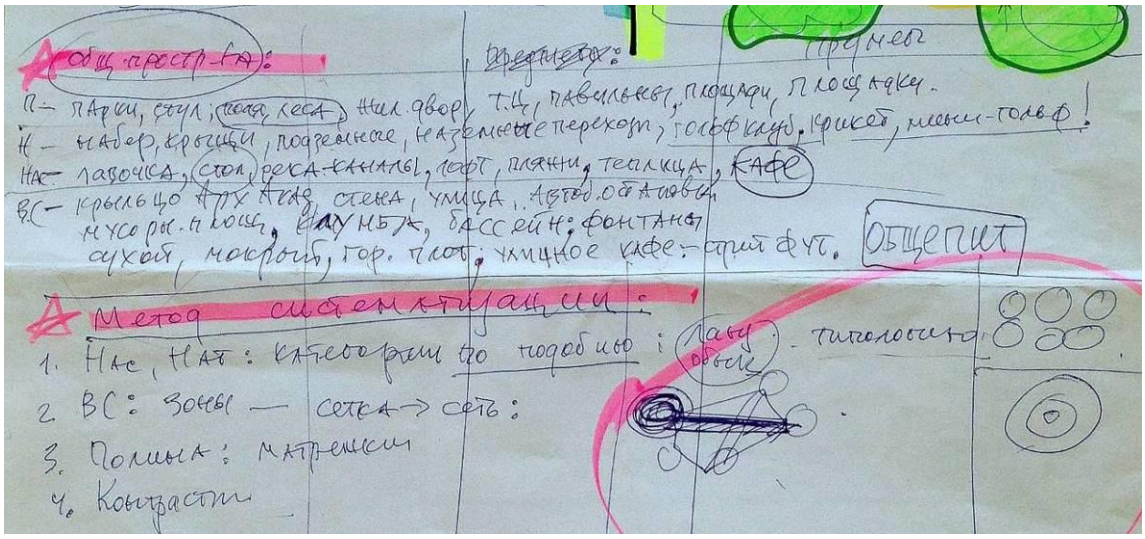


Рис.6. *Генерации идей по теме «общественные пространства»*

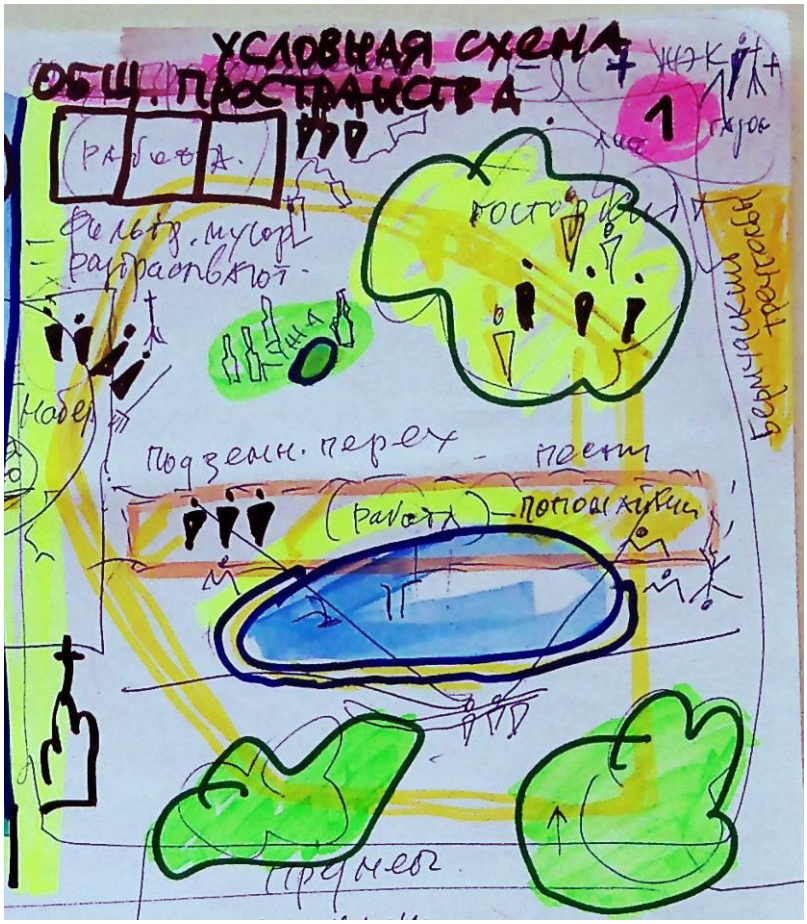


Рис.7. *Схематизация элементов «общественного пространства» и реальных «социальных сюжетов»*

Ребята называли слова, которые имели как традиционное, так и нетрадиционное представление об «общественном пространстве». Возможно, что эти слова обозначали его структурные элементы. Это вполне соответствовало правилам игры, когда участники мероприятия должны набрасывать смыслы легко и свободно. На этой стадии преподавателю важно поощрять, и даже необходимо провоцировать нестандартные предложения относительно того или иного «понятия», с которым работают учащиеся. Это позволит выйти на новые представления об объекте проектирования.

Далее в игре был сделан радикальный переход от дедукции к индукции. Если на этапе дедукции мы разбирали «понятие» на элементы, то на стадии индукции, напротив, из элементов, посредством сочетания слов, составляли предложения. Для набора элементов использованы «каталоги», составленные на стадии дедукции. Следует отметить одну деталь, новая комбинация слов может складываться из не сочетающихся в традиционном смысле слов, что может позволить выйти на новое содержание понятия.

Для облегчения работы с комбинацией слов стояла задача сведения информации на один лист (таблицу). Поскольку в игре предполагалась демонстрационная версия, то не весь, а только некоторый материал был перенесен в сводную таблицу *(рис. 8)***.** Преподавателю важно было, только запустить процесс индукции, чтобы студенты в дальнейшем сами стали генерировать идеи.

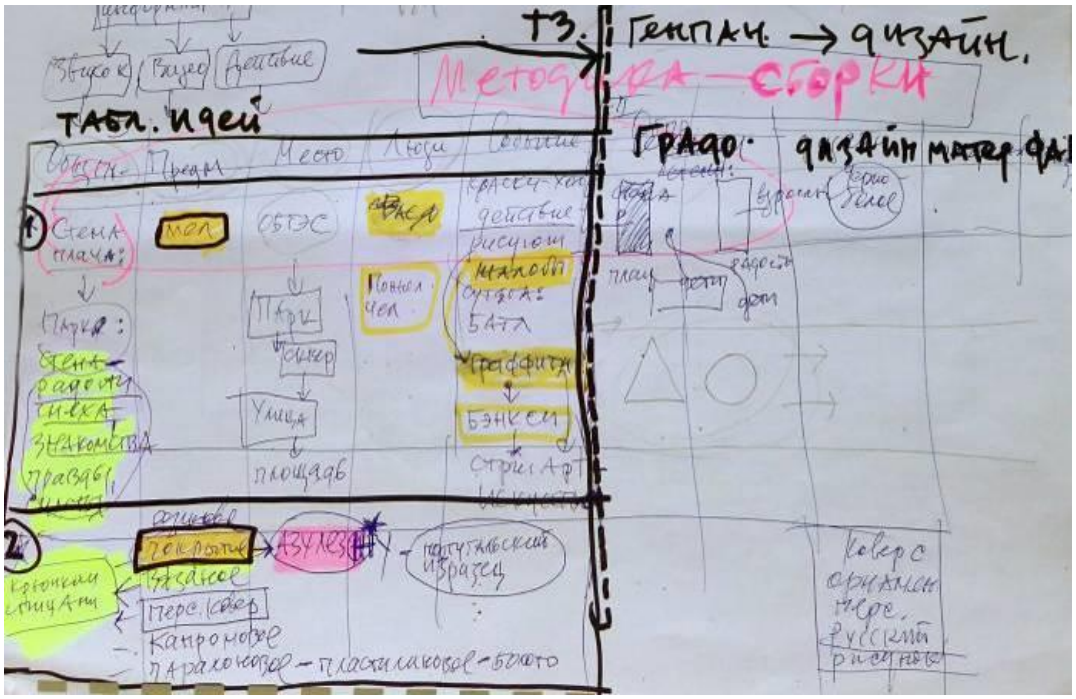


Рис.8. *Сводная таблица смысловых топов по теме*

В нашем случае **идеи** формировались следующим образом. Например, в качестве предмета ребята выбрали слово «**мел».** Затем стали последовательно приспосабливать слово «мел» по смыслу к остальным понятиям: «предметы», «события», «люди», «социальные сценарии», «общественные пространства». Чтобы из этих слов сформировалась законченная мысль, упакованная в

предложение или эссе, необходимо между отдельными словами поискать корреляцию (взаимосвязь двух и более случайных значений). Работа с корреляцией осуществлялась шагами, и было пройдено шесть шагов.

Шаг 1. Корреляция слов: **Мел – общественное пространство.** Мы начинаем думать, что можно делать мелом в городской среде? Рисовать. А, может, уже и не мел, а что-то основательнее: краски, фломастеры, граффити, фрески и прочее монументально-декоративное искусство? Подмена на каждом шаге основного слова (мел) его аналогам и запускает процесс творчества, когда через перечисления можно выбрать предмет по логике более подходящий к конкретной ситуации. Если рисовать белым мелом на черной доске, то можно перейти в какой-то степени к разработке дизайна городской среды. Проектируемую площадку, например, можно разрисовать шахматной клеткой, и на черных квадратах рисовать белым, а на белых – черным и т.д.;

Шаг 2. Корреляция слов: **Мел – предмет**. В дальнейшем, можно поставить вопрос, на чем будем рисовать? На асфальте, стекле, стене, и т.д. Начинает приходить на ум «стена плача». А может, стена – смеха, радости, знакомства, правды, счастья, жалоб, доносов, объявлений и т.д. И снова запускается процесс перечисления аналогов, а, следовательно, генерация идей;

Шаг 3. Корреляция слов: **Мел – События-праздники**. Снова задаемся вопросом, а к какому событию «это рисование на стене» можно приурочить? Праздники: пролетарские, религиозные, национальные, этнографические, музыкальные, конкурсы и т.д. Делам выбор, и продолжаем придумывать историю про праздник, на котором происходит рисование на стенах, асфальте, предметах и т.д. в соответствии с каким-то содержательным поводом;

Шаг 4. Корреляция слов: **Мел – Люди**. В историю с праздником и рисованием включаются конкретные люди из нашего «каталога», и сюжет начинает приобретать оттенки поведения конкретных персонажей;

Шаг 5. Корреляция слов: **Мел – Общественные пространства.**

Общественные пространства: площади, парки скверы, набережные и т.д. Весь придуманный сюжет разыгрывается на одной площадке, например, в сквере, или на всех площадях вместе;

Шаг 6. Корреляция слов: **Мел – Место в городе**. Место в городе – **ОбьГЭС** г. Новосибирска. На этом этапе эссе должно наполняться аутентичными деталями.

Таким образом, пройдя этапы корреляции, можно попытаться сконструировать некую историю.

Например, **эссе №1**: В День Святого Валентина, в районе ОбьГЭС г. Новосибирска одинокие люди, молодежь и старики, интроверты, экстраверты имеют возможность стать немного ближе к любимым и друг другу. Для начала изучены традиции праздника, который существуют в Европе, затем они были дополнены своими особенностями, а в некоторых случаях совсем переделаны. Поскольку в нашем случае базовым словом был «**мел»**, то все, что связано с письмом: открытки, письма, послания, выбрано из европейских традиций празднования Дня Святого Валентина. Так, в Финляндии, например, 14 февраля празднуется как День друзей. Интересно, что школьники даже **пишут** сочинения на тему о настоящей дружбе. Таким образом, праздник делает счастливыми почти всех, а не только влюбленных. По данным финской почты, в этот день финнами ежегодно отправляется около пяти миллионов открыток. Во Франции также существовал обычай обмениваться изысканными открытками, содержащими

нежные послания, называемые cartes d'amities (дружеские открытки).

Поскольку в нашей ситуации День Святого Валентина необходимо разыграть с максимальным использованием городского пространства, то открытки с посланиями друзьям и любимым можно писать на городских стенах, асфальте и т.д. Можно даже затеять коллективную квест-игру для друзей и влюбленных, когда они с помощью надписей на стенах ведут свою пару по маршруту с помощью нежных записочек к подарку, на манер, «Амели» с Одри Тоту. Девушки выстаиваются в толпу, а юноши пишут записки, каждый своей подруге. Маршруты могут быть специально графически оформлены в разных техниках, и охватывать город и его районы. Толпа может рассеиваться по своим маршрутам, находит подарки и затем собирается вновь на площади для общего ликования с фонарями и виртуальным костром. В русской традиции также существует игра «казаки-разбойники» с использованием стрелок и надписей мелом на асфальте. Надписи могут носить временный характер, а могут обрести статус постоянных, таких, как граффити, фрески, мозаики, азулежу, (португальский изразец, который укладывается не только на стену, но и на землю) и т.д. Можно, также поиграть масштабом букв – сделать их специально гигантскими или нарочно маленькими. Следует отметить, что все эти фантазии лежат, прежде всего, в области дизайна городской среды, а не градостроительства. Это не страшно, поскольку изначально стояла задача запустить процесс генерации идей, и она осуществилась.

Идея вторая. **Эссе №2.** Во второй истории в качестве базового факторы было выбрано понятие **«отражение»**, и встала задача использовать этот эффект в городе: на площадях, улицах, скверах, уличных кафе и т.д. Исследование возможностей «отражения» было начато с перечисления поверхностей, которые этим свойством обладают: зеркало, прозрачное, черно-белое, цветное и матовое стекло, а также водная поверхность и т.д. Далее встал вопрос, какого эффекта можно добиться с его помощью? В голову пришла возможность усиления панорамного эффекта, размножение предметов, искажения пространства и т.д. Даже перечисленные возможности дают идеи, а сочетание их усиливает. Эффект зависит от объекта на который настроено отражение. Например, отражение памятника архитектуры создает активную и обильную историческую среду. Отражение панорамы реки и ландшафта также усиливает панорамные и оптические эффекты природной среды. Так в урбанизированном городе посредством отражения деревьев можно добиться оптического эффекта природного ландшафта. Если сделать корреляцию слов «отражение» и «праздник Нового года», то можно из одной елки создать целую новогоднюю рощу. Так можно поступить и с другими деревьями: яблонями, сиренью, рябиной и приурочить этот дизайн к различным праздникам.

Итак, при поиске Культурного Кода в игре были пройден этап «игры в слова», а также связанные с ним процедуры дедукции и индукции.

Далее следует стадия конвертации текстов в **графические схемы**, что в последствии помогает перейти к этапу изображения генерального плана *(рис. 7)*. Очень важно на этом этапе уметь перейти от представлений об «общественном пространстве», которое представлено списком, к графическим значкам. Обычно эта стадия вызывает у студентов затруднения. Схема не предполагает масштаба, рисуется произвольно, возможно, даже содержит рисованные истории, рассказы в картинках (комиксы). На *рис. 7*, например, «коллективным» разумом были схематически воспроизведены те социальные ситуации, которые уже описаны

выше (бомжи, гастарбайтеры и девушки, ламберсексуалы…). Также на этом рисунке можно увидеть структуру «общественного пространства»: подземные и наземные переходы, пруды, озера, скверы, газоны, церковные площади и т.д. Часто «общественные пространства» представлены нетрадиционными элементами, например, в углу картинки можно разглядеть «Бермудский треугольник» *(рис.7)*.

Последним шагом нашей игры стала отработка структурной организации элементов «общественного пространства». На *рис. 9* представлена попытка ответить на вопрос, каким образом элементы сочетаются друг с другом? Они представляют собой сеть рядом расположенных элементов, вложены друг в друга, или существуют в строгой изоляции. Коллективные размышления на эту темы изображены на *рис. 9***.**

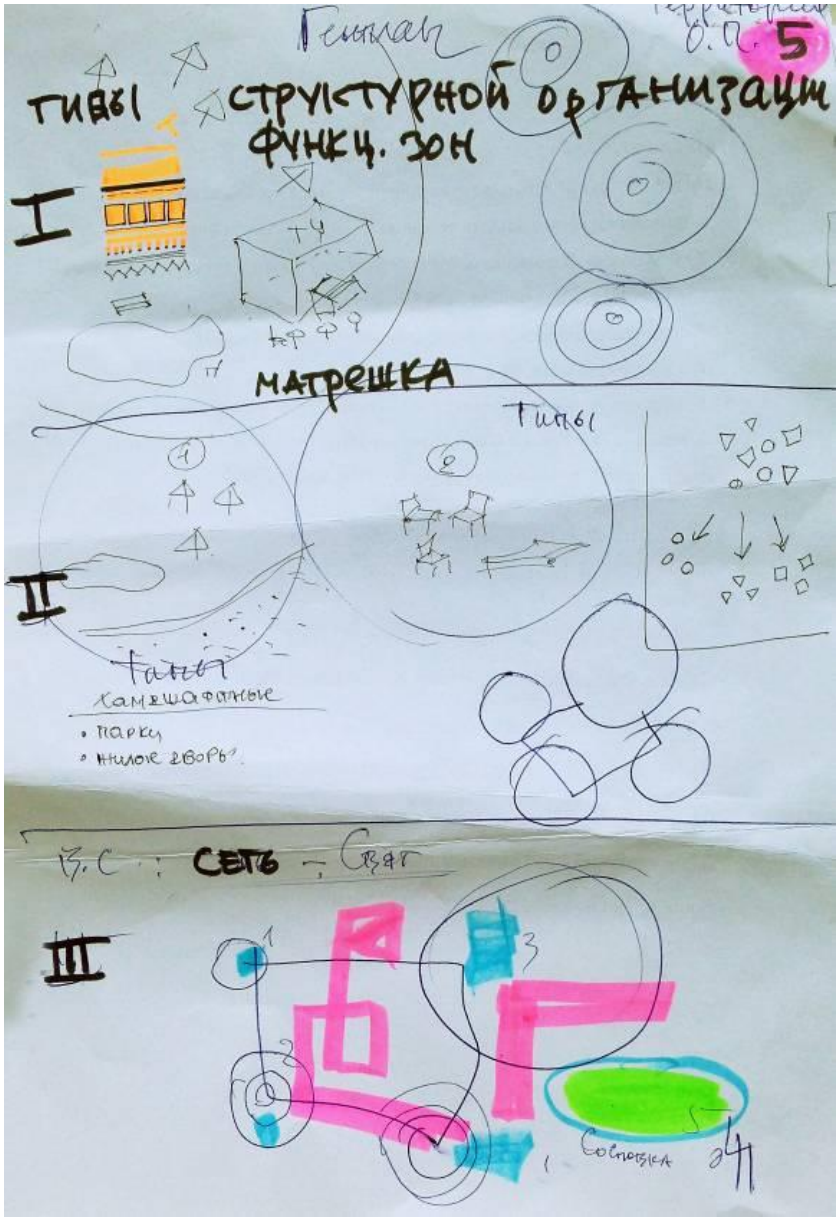


Рис. 9. *Структурная организация элементов «общественного пространства»*

Такт 3 (сборка). Выход из игры. «Разгон темы» нужно обязательно остановить. В рамках одного четырехчасового занятия группой была сделана работа только до запуска процесса фантазирования. Что называется, «процесс пошел…», но в условиях нехватки времени его пришлось искусственно остановить. Итак, в игре было пройдено 3 такта: запуск, разгон и остановка игрового действия. На стадии разгона, в свою очередь, из 13 запланированных шагов, отработаны 7. Остальные шесть шагов, связанных с накоплением идей по теме, превращением их в сценарии, различением традиционных и инновационных сюжетов, распределением их в элементах общественного пространства, остались за пределами практической работы. Техническое задание на проектирование общественного пространства (ТЗ) также не было составлено. Не удалось преобразовать схемы в генплан. Однако, сегодня все эти задачи остаются перед студентами. Работа по систематизации и оформлению идей, должна быть продолжена не только на занятиях, но и дома. На организационной рефлексии были обсуждены все направления работ, все сложные моменты игры. Внимание студентов было особо обращено на необходимость фазы «сборки» результатов игрового действия.

Заключение. При поиске Культурного Кода «общественного пространства» в игре были пройдены текстовой и графические этапы. На текстовой стадии студенты формировали содержание проекта, для чего освоили процедуры дедукции и индукции. Были составлены «каталоги» по «понятиям», отражающим «общественные пространства», для дальнейшего поиска особенностей городской среды. На графическом этапе происходила конвертация текстов в графические схемы, которые являются прообразами генпланов.

В игре осуществлен «разгон темы», когда студенты начали самостоятельно производить идеи. Из тринадцати запланированных шагов в игре было выполнено семь, Остальные шесть будут сделаны в дальнейшем. Особое внимание планируется уделить фазе «сборки» результатов игры, без которой она не имеет практической ценности.

Библиографический список

1. *Зинченко А.П.* Игровая педагогика (система педагогических работ Школы Г.П. Щедровицкого). – Тольятти, 2000. – 184 с.

2. Лекция и воркшоп *Свята Мурунова* в рамках Фестиваля Городской Среды «Сетевая модель города». – Ростов, 2014. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=vzJNU1KWdO0.

Панова Н.Г.
Pana00@mail.ru
МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК 72.021.2
ББК 85.11

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЦВЕТ В ДИЗАЙНЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ» (ОПЫТ МАРХИ)

Аннотация. В настоящей публикации раскрываются особенности преподавания дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды», предназначенной для студентов, обучающихся по направлению «Дизайн архитектурной среды» МАРХИ. Раскрывается содержание теоретического и практического разделов освоения дисциплины, принципы формирования среды интерьера в архитектурно-дизайнерском творчестве с помощью средств полихромии; основы организации внутреннего пространства и специфика взаимосвязей в вопросах формообразования его элементов с помощью цвета на примере выполнения практических упражнений.

Ключевые слова: цвет; дизайн архитектурной среды; пространство; проектирование; исторические стили.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Архитектурная колористика как средство повышения качества городской среды», проект № 14-04-00202.

Цвет в формировании дизайна архитектурной среды

Архитектурная среда – единство архитектурных и дизайнерских объектов: малые архитектурные формы, системы, комплексы, в том числе интерьеры, городские ансамбли и крупные территориальные образования. Специфика архитектурной полихромии состоит в том, что она с помощью цвета отражает многостороннее содержание формы, ее утилитарное, конструктивное и художественное предназначение. Ни одно средовое пространство не может существовать без соединения гармоничных по цвету форм. Для архитектурной среды свойственно комплексное использование цвета во всех ее аспектах.

Интерьер – искусственно созданная человеком среда обитания с различным цветовым наполнением. В архитектурной полихромии цвет рассматривается неотрывно от формы, он участвует в формировании интерьера не обособленно, а как одно из средств архитектурной композиции, в этой связи необходимо воспитывать архитекторов с развитым цветовым мышлением, профессионально владеющих средствами и приемами полихромии. Для будущего архитектора-дизайнера особенно важен художественно-композиционный аспект использования цвета в интерьере.

Цели и задачи дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды»

Рассмотрим некоторые особенности преподавания дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды» по направлению «Дизайн архитектурной среды» в МАРХИ. Дисциплина рассчитана на студентов пятого года обучения дневного и вечернего отделения, последовательно раскрывает принципы формирования среды интерьера в архитектурно-дизайнерском творчестве с помощью средств

полихромии; способствует пониманию основ организации интерьерного пространства, специфике взаимосвязей его элементов с помощью цвета, раскрывает цветовые особенности основных стилей в интерьере.

Дисциплина «Цвет в дизайне архитектурной среды» направлена на формирование профессиональной колористической подготовки студента, способного использовать возможности полихромии как проектного средства в формировании дизайна архитектурной среды. Изучению дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды» предшествует освоение курсов: «Основы пластической культуры», «История искусств», «История архитектуры», «Архитектурная колористика», «Пластические искусства XX–XXI вв.». Дисциплина «Цвет в дизайне архитектурной среды» тематически связана с основной дисциплиной вуза – «Архитектурно-дизайнерское проектирование».

Освоение дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды» направлено на достижение следующих целей:

– освоение теоретических и практических средств полихромии, направленных на достижение проектной цели;
– формирование образного решения интерьерных пространств через синтез объектов разных пластических и визуальных искусств;
– нахождение точного использования цвета в проектировании архитектурных решений зданий и объемных сооружений;
– формирование знания основ визуального восприятия и принципов упорядочения форм и пространств в зависимости от использования цвета.

Задачами освоения дисциплины являются: формирование навыков создания художественной концепции проектного решения, базирующейся на предпроектном анализе, понимании функционального состава проектируемого объекта; формирование развитого композиционного сознания, способности находить адекватные пластические решения, реагирующие на особенности средового контекста.

Содержание дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды»

Дисциплина состоит из двух разделов.

Первый – освещает содержание теоретических материалов курса, таких как: роль цвета в восприятии пространственных форм интерьерной среды; колористика в системе архитектурно-дизайнерского проектирования интерьера, стадии проектирования и их представление; роль предпроектного анализа в дизайне интерьера; учет роли естественного и искусственного света в проектировании интерьера; цвет элементов интерьера и его оборудования; функции цвета в архитектурной среде: экологическая, формообразующая, эстетическая, художественно-образная. Также в процессе освоения теоретического материала происходит знакомство с основными принципами использования многоцветия (полихромии) в построении архитектурной среды; изучается пространственное цветовое поле, его структура, хроматическое содержание и динамика; цветовая гармонизация интерьера и архитектурной среды в зависимости от ее специфики.

Рассматривается отечественный и зарубежный опыт использования цвета в проектировании интерьера; современные тенденции; перенасыщение цветом или цветовой недостаток в проектировании интерьера; цвет в жилых пространствах и общественных помещениях, промышленных пространствах и учреждениях,

связанных с образованием (в настоящее время разработана методика комплексного подхода к применению цвета в производственном и других видах интерьера с учетом их типологических особенностей). Современный уровень знаний позволяет принимать обоснованные цветовые решения при создании интерьеров промышленных предприятий, жилых зданий, школ, гостиниц и пр.

Большой теоретический раздел посвящен изучению роли цвета в формировании исторических стилей в интерьере. Рассматриваются три основные стилистические ветви: исторические стили – характеризуют ту или иную эпоху; этнические – характерны для культуры разных народов мира; современные – отражают новейшие тенденции и направления в интерьерном искусстве. Стилевые направления в интерьере плавно перетекают один в другой, что-то заимствуя, приобретая новое, характерное для конкретного временного промежутка.

Второй раздел – содержит указания по методике выполнения практических упражнений. В семестре выполняется одно практическое упражнение, выбор которого определяется преподавателем и зависит от определенного проектного контекста.

Задание 1. Создание колористических палитр стилистических пар в интерьере на примерах: модернизма – постмодернизма, конструктивизма – деконструктивизма, минимализма – фристайла.

Цель задания: сравнение цвето-пластических особенностей стилеобразующих архитектурных направлений на примере контрастных пар: модернизм-постмодернизм, конструктивизм-деконструктивизм, минимализм-фристайл. Сравнивая противоположные направления, студент формирует целостное представление о них.

Изучается литература по данной теме, проводится цветовой анализ различных стилистических направлений, особенностей национальной цветовой культуры конкретного периода, цветовых предпочтений. Колористические особенности рассматриваемых стилей изучаются с помощью цветовых шкал, которые показывают их характеристики. На основе сравнения противоположных стилей создается колористическая таблица.

Алгоритм выполнения задания.

1. Рисование постановок, имитирующих разные архитектурные направления. Выбор материала зависит от цвето-пластических особенностей направления, проведенного ранее анализа;

2. Покраска цветовых шкал, колористика которых отражает палитру направления и количественное соотношение цветов;

3. Колористическая таблица на основе сравнения противоположных стилей.

Демонстрируется многообразие композиционных решений; обеспечиваются эстетическая выразительность и гармония колористических решений с помощью контрастных стилеобразующих направлений.

К сдаче предоставляется альбом формата А-3 с необходимыми изображениями. Материалы: акварель, темпера, гуашь (по выбору студентов).

Задание 2. Колористическое решение интерьера жилого пространства (на примере интерьера квартиры или малоэтажного жилого дома).

Необходимо создать цветовую композицию – эскизный проект цветового решения интерьера квартиры или малоэтажного дома на основе планировочной схемы этого объекта, с учетом состава семьи (реальной или воображаемой), в соответствии с возрастом, характером, профессией, цветовыми предпочтениями каждого члена семьи. Разработать колорит каждой комнаты, опираясь на архитектурную полихромию, учитывая цвет предметного наполнения объектов, особенности освещения.

Содержание задания определяется преподавателем на основе предпроектного анализа, в зависимости от назначения и пластических характеристик выбранного объекта, потребностей конкретных пользователей, например жилой интерьер или дом малой этажности.

Алгоритм выполнения задания включает:

1. Предпроектный анализ (визуализация материалов исследования): исследование контекста (фотофиксация объекта, схемы, зарисовки); пользователи; определение группы и эргономических параметров (текст); аналоги, прототипы (фото, зарисовки); формирование общей концепции на основе предпроектного анализа (текст, эскизы, «словарь»).

2. Проектные пропедевтические упражнения – поиск пластического решения (макетные композиции, зарисовки, эскизы и т.п.).

3. Колористическая палитра отдельных помещений; раскладка цветовых доминант; выявление пластических и пространственных особенностей среды.

4. Колористическая разработка интерьерного пространства путем изображения плана, разреза, аксонометрии помещения с нанесением цвета, характерного для конкретных зон. Проекции сопровождаются необходимыми аннотациями.

5. Пояснительная записка (текст, определяющий цвето-пластическую концепцию).

К сдаче предоставляется альбом формата А-3 с необходимыми изображениями. Материалы: акварель, темпера, гуашь (по выбору студентов).

Задание 3. Колористическое решение интерьера общественного здания (административное помещение, магазин, клуб или архитектурный объект, обладающий оригинальными колористическими качествами).

Анализ проводится на графическом материале по произведению архитектуры, обладающему оригинальными колористическими качествами. Первая часть анализа состоит из трех частей:

1. Изучение цветовой палитры произведения и материалов, с помощью которых она реализована, смыслового значения используемых цветов, их взаимосвязи с природным цветовым контекстом и национальной цветовой культурой.

2. Изучение структуры цветового поля произведения, взаимодействие цветовых графов на поверхности формы и цветовых масс с объемно-пространственной структурой объекта. Взаимодействие может строиться на тождестве, контрасте и их соотношениях, что выражается в «тектоническом» или

«деструктивном» использовании полихромии в архитектурном произведении.

3. Изучение цветовой динамики произведения со временем в результате изменения культурных ценностей, морфологии архитектурно-природного окружения, технологических возможностей и материалов.

Рекомендуется выбрать технику графического анализа (акварель, гуашь, темпера, коллаж, цветной карандаш и др.), наиболее полно передающую колористическую суть объекта. Возможны коллективные анализы произведений архитектуры какой-либо эпохи, направления или мастера, а также их сравнительные анализы. Колористическая идея наиболее полно может быть выражена в проекте с помощью цветового моделирования. Выбор средств моделирования производится исходя из наиболее полного выражения проектного замысла.

Состав задания

1. Предпроектный анализ (визуализация материалов исследования): исследование объекта (фотофиксация среды, схемы, зарисовки); пользователи – определение целевой группы и эргономических параметров (текст); аналоги, прототипы (фото, зарисовки); формирование общей концепции на основе предпроектного анализа (текст, эскизы, «словарь»).

2. Проектные пропедевтические упражнения – поиск цветового решения (изготовление макетов, зарисовки, эскизы, работа с натуры путем изображения предметных постановок, моделирующих объект в той или иной стилистической направленности и т.п.).

3. Изображения объекта в среде (техника исполнения – коллаж или «синтетическая работа»), возможно использование компьютерного моделирования.

4. Разработать колорит интерьера общественного здания, представить его в виде колористических палитр. Вычертить развертки стен, пола, потолка с условным расположением мебели. Построить ряд перспектив с «ключевых точек». Учитывать дневное и искусственное освещение.

5. Пояснительная записка (текст, определяющий цвето-пластическую концепцию) задания.

К сдаче предоставляется альбом формата А-3 с необходимыми изображениями и чертежами. Материалы: акварель, темпера, гуашь (по выбору студентов).

Обязательные требования к оформлению альбома:

– указание наименования проекта;– соблюдение указанных в задании состава, наименования и содержания (экспликации), масштабов чертежей и изображений;

– пояснительная записка приводится в составе экспозиции;

– указание курса, № группы, ФИО студента и руководителей.

Устраивается выставка, обсуждение и отбор лучших работ, образующих смысловые циклы.

Заключение

В результате освоения дисциплины «Цвет в дизайне архитектурной среды» студент овладевает методикой архитектурного проектирования интерьера, приемами подачи авторского архитектурно-художественного замысла, средствами композиционного моделирования с помощью цвета, методами и технологиями компьютерного и макетного проектирования, проектными средствами формирования и предметно-пространственного наполнения среды интерьера, используя основные законы цветоведения и колористического формообразования.

По мнению автора публикации, осваивать дисциплину «Цвет в дизайне архитектурной среды» необходимо на младших курсах, так как знания, умения и навыки, формируемые в процессе ее изучения, могут активно использоваться студентами старших курсов и применяться при подготовке выпускной квалификационной работы. В настоящее время рассматриваемая дисциплина в учебном плане по направлению «Дизайн архитектурной среды» МАРХИ изучается на пятом курсе в девятом семестре.

Библиографический список

1. *Грашин А.* Методология дизайн-проектирования элементов предметной среды. – М.: Архитектура-С, 2004.
2. Дизайн архитектурной среды: учебник / Г.Б. Минервин, А.В. Ефимов, А.П. Ермолаев [и др.]. – М.: Архитектура-С, 2004.
3. *Ермолаев А.П.* Новый словарь дизайнера. – М.: «LiniaGrafic», 2014. – 216 с., ил.
4. *Ефимов А.В., Панова Н.Г.* Колористическая культура архитектора. Эволюция цветовых предпочтений // *Архитектура и строительство России*. – 2015. – №1. – С. 30–39.
5. *Ефимов А.* Цвет+форма. Искусство 20–21 веков. Живопись, скульптура, инсталляция, лэнд-арт, дигитал-арт. – М.: БуксМарт, 2014. – 616 с., ил.
6. *Ефимов А.В., Панова Н.Г.* Архитектурная колористика: учебное пособие. – М.: Букс МАрт, 2014. – 136 с., ил.
7. *Иконников А.В.* Художественный язык архитектуры. – М.: Искусство, 1985. – 176 с.
8. Мак-Коркодейл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней / пер. с англ. Е.А. Кантор. – М.: Искусство, 1990. – 246 с., ил.
9. *Миллер Дж.* Интерьер: цвет и стиль / пер. с англ. – М.: Изд. дом «Ниола 21 век», 2003. – 240 с., ил.

Смирнов В.Н.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 721
ББК 85.11

КУРС «ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ В НГУАДИ

Аннотация. Статья носит информационный характер. В статье обосновывается необходимость введения курса, знакомящего студента с этапами развития технического прогресса, основанного на научных достижениях на отдельных этапах истории человечества, начиная с палеолита и до настоящего времени, от эмпирического пути до научно обоснованных разработок самых сложных инженерных решений. Дисциплина «История науки и техники» для студентов, специализирующихся по направлению «Промышленный дизайн», читается в осеннем семестре 3-го курса. Данный курс является частью программы «История дизайна, науки и техники». В рамках этой программы студенты осваивают дисциплины «История материальной культуры» (на 1-м курсе) и «История дизайна» (на 3-м курсе). Курс «История науки и техники» состоит из 14 лекций, сопровождаемых иллюстрационным материалом, демонстрируемым на экране.

Ключевые слова: история науки и техники; промышленный дизайн; дизайнеры; НГУАДИ.

Целью данного курса является выяснение связей между научными открытиями и исследованиями и техническими разработками на их основе. Поэтому особое внимание будет уделено рассмотрению научной деятельности в области технических наук, а также наук, открытия которых способствовали открытию новых материалов, технологий и взглядов на мироздание, способствовавших расширению практической деятельности человечества, – таких как, например, астрономия (без открытий в этой области невозможно представить освоение космоса) и ядерная физика (ядерное оружие и атомная энергетика).

Занятие 1. Определение науки и техники. Цели и задачи курса. Естественные и гуманитарные науки. Основные достижния человечества в период палеолита, мезолита и неолита (2 млн лет до н.э., накопление объективных знаний, систематиция этих знаний – 4 тыс. лет до н.э.). Источники энергии: человек, огонь, солнце. Ресурсы получения энергетического потенциала. Основные виды технологических процессов, орудий труда и войны, освоенные человеком в доистрический период.

Наука – сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическое осмысление знаний о действительности. Непосредственной целью науки является описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов. Система наук условно делится на естественные (науки о природе), общественные (гуманитарные) и технические (Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985).

Техника (греч. *techne* – искусство, мастерство) – совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей общества (Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия 1985).

Занятие 2. Техника в период перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. Появление первых центров цивилизации и государственных образований на Ближнем Востоке, Индии и в Китае. В некоторых районах начинается период применения металлов в качестве рабочих органов и изделий

орудий труда, охоты и боевого оружия. Используются металлы, часто встречающиеся в природе: золото, серебро, медь и метеоритное железо. Но в большинстве районов продолжают доминировать орудия труда и войны на основе дерева, кости и камня.

В конце этого периода начинают появляться первые государственные образования в районе «Плодородного полумесяца» на Ближнем Востоке (Месопотамия) и Африке (Египет), в долине реки Инд (Хараппская цивилизация) и в Китае (период династии Ся и Ин-Шань). В результате войн и закабаления беднейших членов общины появляются рабы – источник дешевой рабочей силы.

Занятие 3. Античность (1500-е гг. до н. э. – 475 г. н. э.). Достижения ученых и инженеров Востока и Греции. Появление науки, как теоретической основы проектной и производственной деятельности: Сократ, Платон, Аристотель и др. Новые источники энергии: гужевой транспорт, ветер, пар. Кинетическая и потенциальная энергия. Появление новых источников энергии: вода, торсионный способ (использование энергии скрученных волокон). Новые технологии: металлургия, стеклообработка, водопользование.

Занятие 4. Византия, Ислам, Темные века (от 500 до 1000 г.) Появление новых технологий: начало производства изделий из шелка в мусульманских странах и Византии, развитие химии (алхимии), распространение производства бумаги, кораблестроения, навигации. Появление первых высших учебных заведений (медресе) и школ в Византии. Деятельность мусульманских ученых: персидского врача и философа Ибн-Сины (Авиценна) (980–1037 гг.), автора «*Канона врачебной науки*» в 5 книгах, и аль-Бируни, автора энциклопедического свода «*Индия*» и «*Следы стран*». Научная деятельность Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда аль-Бируни.

Занятие 5. Средние века. (1100–1500 гг.). Развитие геологии, появление первых университетов в Европе (в Болонье, Падуе, Париже, Сорбонне, Оксфорде, Саламанке). Начало мануфактурного производства, развитие горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности. Появление научных трактатов. Изобретение пороха. Начало книгопечатания (И. Гутенберг). Широкое распространение информации благодаря появлению бумаги, книгопечатанию и изобретению очков). Начало эпохи великих географических открытий (Х. Колумб, В. Да Гама, Джен Хе). Деятельность Роджера Бэкона, Бертольда Шварца, Леонардо да Винчи.

Занятие 6. Возрождение (1500–1600 гг.). Начало научной деятельности, основанной на исследовании и эксперименте. Астрономия (гелиоцентрическая система Коперника, начало научной деятельности Галилея и Тихо Браге), развитие картографии. Продолжение великих географических открытий (Ф. Магеллан, Себастьян эль Кано). Установление торговых отношений с Америкой и странами Юго-Восточной Азии. Прогресс в металлургии. Деятельность Да Винчи, Агриколы. Развитие медицинской науки (Парацельс, Амбуаз Парре).

Занятие 7. Век научных исследований (1600–1700 гг.). Предпосылки начала исследовательской деятельности. Появление новых материалов и технологий. Начало научного исследования технологических процессов и свойств материалов. Прогнозирование их взаимоотношний. Появление новых видов энергии, материалов и технологий. Научная деятельность Гарвея, Гюйсгенса, Лейбница, Левенгука, Ньютона, Паскаля, Ферма. Учреждение Парижской академии наук и Лондонского королевского научного общества.

Занятие 8. 1700–1800 гг. Начало научно-технической революции. Паровые двигатели, их использование в транспорте и горнодобывающей промышленности. Водный, наземный и воздушный паровой транспорт. Появление крупных производственных предприятий. Начало промышленного производства, средств производства и бытовых товаров. Научная деятельность Л. Эйлера, Б. Франклина, Л. Гальвани и М.В. Ломоносова. Учреждение Московского университета. Усовершенствование Д. Уаттом паровой машины Нюкоменена.

Занятие 9. 1800–1850 гг. Научные разработки в области новых видов энергии: электрической, двигателей внутреннего сгорания. Применение этих видов энергии в производстве. Начало промышленной революции. Появление гидро- и тепловых станций, развитие металлургии. Применение паровых силовых установок на транспорте (паровозы и пароходы, инженерная деятельность Триветика, Стефенсона, Фультона, И.К. Брунела). Научная деятельность М. Фарадея, А. Вольта. Начало фотографии (Д. Непс, Ж. Л. Деггер). Широкое распространение телеграфа (С. Морзе).

Занятие 10. 1851–1913 гг. Развитие автомобильного и воздушного транспорта на основе двигателей внутреннего сгорания (автомобили, самолеты, корабли). Развитие добывающей промышленности (нефтедобыча, редкие металлы, алюминий). Прогресс в области архитектурного и инженерного проектирования. (А. Белл. Г. Бессимер, И. Брунел, К. Бенц. Г. Даймлер, Р. Дизель, Н.Е. Жуковский, А. Зингер, Г. Маркони, П, Мартен, А. Лодыгин, А. Нобель, Д. Пакстон, А. Попов, У. Сименс, Т.А. Эдисон, Н. Тесла, Ф. Цепеллин, П.Н. Яблочков). Применение новых материалов в строительстве (железобетон, металл, листовое стекло). Появление швейных машин, электрических источников света, взрывчатых веществ, телефона, радио, прогресс в металлургии. Развитие автомобильного и воздушного транспорта. Научная деятельность Г. Герца, Ч. Дарвина, Д.К. Максвелла, Д.И. Менделеева, Э. Резерфорда, В. Рентгена, К.Э. Циолковского, А. Эйнштейна.

Занятие 11. 1914–1920 гг. Первая мировая война – стимулятор развития научных разработок. Новые средства ведения войны. Танки, химическое оружие, подводные лодки, авианесущие корабли. Интенсивное развитие авиации. Развитие средств связи: телеграф, радио, телефон. Научные разработки в области фундаментальных наук. Ядерная физика. Межвоенный период. Возникновение национальных школ дизайна (Баухауз, ВХУТЕМАС и ВХУТЕИН). Рост благосостояния, появление новой бытовой техники (телевизор В. Зворыкина). Электроприборы, новые синтетические материалы, пассажирский транспорт. Программа индустриализации народного хозяйства в СССР. Начало ракетостроения (В. Браун, В.П. Глушко, Ю.В. Кондратюк, С.П. Королев, Ф.А. Цандер).

Занятие 12. 1939–1953 гг. Вторая мировая война. Использование научных достижений и технических изобретений в военных целях. Развитие реактивной авиации. Появление первых компьютеров. Начало разработки ядерного оужия, «Манхеттенский проект». Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Послевоенный период. Начало холодной войны. Научная деятельность Ирен и Фредерика Жолио-Кюри, Энрико Ферми, Вавилова, И.В. Курчатова.

Занятие 13. 1953–1970 гг. Гонка вооружений. Развитие военных технологий (атомные подводные лодки и атомные надводные корабли, развитие ракетостроения). Начало освоения космоса (искусственный спутник земли,

первый полет человека, Ю.А. Гагарина, создание НАСА, межпланетные станции, высадка человека на поверхность Луны). Использование атомной энергии в мирных целях. Освоение нефте- и газодобычи. Поиски альтернативных видов энергии: солнечной, ветровой. Развитие средств связи: телефонной, телевизионной, радио.

Занятие 14. 1971–1990-е гг. Продолжение освоения космоса. Создание космических орбитальных комплексов, появление кораблей многоразового использования. Развитие микроэлектроники. Использование компьютерных технологий, появление жидкокристаллических экранов. Появление персональных компьютеров. Интернет, сотовая связь. Интенсивное развитие химической промышленности, распространение изделий из пластмасс. Освоение альтернативных источников энергии. Ввод Большого электронно-позитронного коллайдера.

Все темы сопровождаются иллюстрационным материалам в виде слайдов и фрагментов научно-популярных фильмов, демонстрируемых на большом экране. Это способствует закреплению изучаемого материала визуально и эмоционально, что особенно важно для учащихся творческих специальностей. В конце курса студенты делают представление отчетных работ по выбранной теме. Перед группой демонстрируется итог исследований в виде видеопрезентации по научной теме. Некоторые темы посвящены исследованию творчества ученых и инженеров, чья деятельность связана с Сибирским отделением Российской Академии наук и новосибирскими предприятиями. Это помогает студентам узнать о вкладе сибирских ученых и инженеров в развитие научно-исследовательской и проектной деятельности в стране и на мировом уровне.

При изучении дисциплины «История материальной культуры» внимание студентов обращалось на функциональные особенности объектов строительства, одежды, бытовых изделий и вооружения, средств представления графической информации. Если при изучении дисциплины «История дизайна» студенты знакомятся с социально-историческими и эстетическими аспектами творчества отдельных дизайнеров и творческих направлений в области дизайна среды и моды, то при изучении дисциплины «История науки и техники» акцент делается на развитие научной мысли, основанной на наблюдениях, анализе, формулировании научных законов и их использовании при внедрении новых технологий и материалов в ремесленное, мануфактурное, а затем и промышленное производство. Таким образом, изучение всех этих дисциплин, составляющих комплекс «История дизайна, науки и техники», формирует у студентов компетенции, позволяющие профессионально ориентироваться в вопросах истории формирования «второй природы», создаваемой человеком, что и является целью проектной деятельности, в том числе и в области промышленного дизайна. Остается надеяться, что данная дисциплина не будет подвергнута сокращению, как некоторые из курсов, например черчение, столь необходимое для профессиональной подготовки дизайнеров, ориентированных на разработку художественно-конструкторских проектов объектов промышленного производства.

Козырева Л.К.
kozyreva-lk@yandex.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 378:[74+659.1.007+347.781.55]
ББК 30.18

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

Аннотация. Сегодня множество теоретических и прикладных исследований посвящены самым различным образовательным проблемам. Целью исследования явилось изучение возможностей повышения уровня компетентности и ответственности профессионального дизайнера за счет получения специфических правовых знаний. Для достижения цели проведен анализ основных проблем дизайн-образования, выявлены перспективы совершенствования образовательного процесса, условия достижения студентами-дизайнерами высокого профессионального уровня. Подтверждена необходимость повышения уровня знаний в сфере законодательной базы за счет внедрения специальной учебной программы и создания специализированного учебного пособия. Предложенный комплекс мер отвечает современным требованиям и направлен на подготовку высокоэффективных специалистов-дизайнеров с достаточным уровнем правовых знаний, способных успешно существовать в профессиональной среде.

Ключевые слова: профессиональное образование; дизайнер; перспективы; законодательная база; учебные пособия; педагогическая практика.

Введение. Большинство учебных заведений среднего и высшего профессионального образования, ведущих обучение по специальности «дизайнер», включают в свои программы обучения схожие теоретические и практические предметы. Сообразно специализации происходит разделение на количество часов и предметов. Разработку фирменного стиля, полиграфической и сувенирной продукции, наружной рекламы предлагают графическим дизайнерам; проектирование жилых и промышленных интерьеров – дизайнерам среды; моделирование, конструирование и пошив одежды – дизайнеру костюма. Как правило, с первого курса происходит освоение академической живописи, декоративного искусства, основ композиции и истории искусств обучающимися по всем направлениям.

Как отмечает Г.П. Щедровицкий, основатель современной школы методологии: «Знания нужны каждому дизайнеру, желающему не только практически действовать, но также сознавать смысл, значение и ценность своей деятельности с общечеловеческой точки зрения. Это первый и необходимый элемент дизайнерского самосознания и дизайнерской идеологии» **[10]**.

В настоящее время вопросы перспективного образования поднимаются и на уровне Правительства Российской Федерации. Основные законодательные акты и документы «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» ставят во главу угла повышение общего качества подготовки специалистов в целом по стране. Федеральный закон «Об образовании» – основополагающий государственный документ, определяющий стратегию и основные направления развития образовательной сферы **[7]**. Актуальность и социальная значимость темы подтверждаются сразу несколькими пунктами закона.

Постановка задачи. Целью исследования явилось изучение возможностей повышения уровня компетентности и ответственности профессионального дизайнера за счет получения специфических правовых знаний.

Достижение цели обеспечивается решением следующих задач:

– анализ основных проблем и выявление перспектив совершенствования дизайн-образования;

– выявление условий достижения высокого уровня компетентности и ответственности профессионального дизайнера;

– подтверждение необходимости повышения уровня знаний в сфере законодательной базы.

Методология и методика исследования. Используются следующие методы научного познания: анализ, обобщение, сравнение данных, прогнозирование.

Фактологической основой работы явились законодательные и нормативные акты, учебные и учебно-методические пособия, а также труды отечественных авторов, занимающихся проблемами дизайн-образования и профессиональной деятельности дизайнеров.

Педагогические аспекты дизайн-образования с точки зрения социокультурной парадигмы затрагивают М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Е.В. Бондаревская, Б.Т. Лихачев, В.Р. Аронов, В.В. Чижиков.

Важное значение имеют научно-методические труды Г.П. Щедровицкого, Н.О. Постникова, В.М Быстрова, А.Н. Лаврентьева, Е.В. Ладыгина, Р.Ю. Овчинниковой, А.И. Ковешникова и Е.Н. Ковешниковой, в них дизайнерская деятельность предстает как отдельный вид художественного творчества.

Рассмотрение специфики деятельности дизайнеров в современных условиях, особенности средств рекламы и PR приводится в работах Ю.Е. Мелихова, Е.Э. Павловской, Н.В. Ткаченко, А.А. Скопина, В.В. Волковой, О.А. Феофанова и др.

Результаты. Всесторонний анализ подтверждает тезис, что достижение высокого уровня компетентности и ответственности профессионального дизайнера – одна из основных задач перспективного образования.

В процессе дизайн-обучения большинство практических занятий направлены на создание оригинальных авторских идей – в этом и заключен процесс управляемого творческого акта. Фактически «работа над дизайн-проектом – это познание, опыт в круге профессиональных вопросов или явлений, за счет углубления знаний и отработки определенных умений и навыков» **[4].** В главе 70-й Федерального закона четко обозначены все аспекты авторского права **[3]**. Для обучающихся по специальностям «Дизайн» крайне необходимы подобные знания.

В подавляющее большинство программ обучения не включатся лекции и курсы, повышающие уровень правовых знаний. У студентов нет возможности самостоятельно освоить материал. Причин несколько: большинство учебных и методических пособий упускают из виду важность ознакомления с нормативно-правовыми актами, касающимися профессии «дизайнер», а часть учебной литературы опирается на устаревшие данные.

Для примера обратимся к пособию «Креативная реклама. Технологии проектирования» Н.В. Ткаченко (2009 г.). Даже в этом относительно новом издании ссылки ведутся на законы Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» и «Об авторском праве и смежных правах». Между тем указанные нормативные акты утратили силу с января 2008 г. в связи с принятием федерального закона **[3].**

А.А. Скопин в своем учебном пособии 2009 г., говоря о рекламной идее и авторском праве, утверждает: «…важно соблюдать законодательство – в части охраны авторских прав и в части соблюдения накладываемых им ограничений (несовершеннолетние модели, эротика и т.д.). В остальном – полная свобода» **[5].** Затем дважды ссылается на закон «О рекламе», упоминая о разработке наружной рекламы. Отдельного раздела с пояснениями и трактовками, посвященного нормативно-правовым актам, непосредственно связанного с понятием «дизайн рекламы», нет. Говоря студентам о полной свободе, автор может спровоцировать поток работ, противоречащих всем законодательным нормам и этическим принципам.

В.В. Волкова предлагает учебное пособие «Дизайн рекламы». Мы видим не более 3–4 упоминаний касательно сферы авторского права и рекламы. Автор утверждает: «До сих пор не существует комплексного государственного регулирования рекламной деятельности... Рекламируют все, кто пожелает и как пожелает» **[1, с. 40]**. Далее В.В. Волкова поясняет, что проблем могло бы и не быть, если бы существовало совершенное законодательство. Никаких подробных пояснений «несовершенств» и предложений о реальном изменении существующих законов не поступает. При этом автор сознательно устанавливает свои «Законы «свободного» творчества», посвящая этому главу.

Одно из самых популярных и полных учебников по направлению «Дизайн» принадлежит профессору МГХПА им. С.Г. Строганова, кандидату искусствоведения В.Б. Устину. В издании подробно раскрыты основные приемы и художественные средства композиции: форма, цвет, свет, материалы. Все утверждения подробно проиллюстрированы выразительными примерами курсовых работ **[6].** Однако в этой подробной и значимой работе отсутствуют упоминания о необходимости изучения законов и кодексов, напрямую относящихся к профессии «дизайнер».

Пособие «Реклама. Новые технологии в России» О.А. Феофанова, рекомендовано Международной рекламной ассоциацией (IAA) для подготовки профессионалов. В книге можно найти несколько абзацев, посвященных законодательной базе российской рекламы и вынесенных под отдельный заголовок **[9, с. 33]**. Пояснений и рекомендаций для применения всех принятых норм на практике далее не следует. Однако включены общие размышления по поводу «несовершенства законов».

Если постоянно внедрять мысль о том, что законы бессмысленны, то не сформируется потребности их соблюдать. А что потом? По факту мы будем иметь дизайнеров, закладывающих в сознание общества гендерные стереотипы, без труда использующих чужие фотографии, найденные в социальных сетях, создающих рекламу, незаконно ссылающуюся на мнение звезд мировой величины, оперирующую непристойными слоганами и изображениями. Между тем в законе «О рекламе» указаны прямые запреты на «использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина…» **[8].**

Мало кто из выпускников-дизайнеров знает, что в нашей стране работает высокоразвитая система защиты объектов (товарных знаков) интеллектуальной собственности. В России, как и во многих других странах, существует Государственный реестр товарных знаков **[2].** Каждому правообладателю

выдаются соответствующие документы, которые удостоверяют право на использование в коммерческих или иных целях конкретного товарного знака.

Заключение. Ознакомление студента-дизайнера со всеми техническими аспектами, экономическими вопросами, законодательной базой обеспечит необходимое углубление знаний, подготовит к практической деятельности вне стен учебного заведения, поможет избежать сложного и длительного процесса профессиональной адаптации, ныне проходящего после выпуска из стен учебного заведения.

Для повышения уровня дизайн-образования необходимо:

– включить в программу обучения дизайнеров курс лекций, направленный на повышение уровня специфических правовых знаний;

– разработать специфическую программу, повышающую качество подготовки дизайнеров;

– организовать процесс обучения с привлечением специалистов в области права и законодательной сферы для обмена опытом;

– создать специализированное учебное пособие, делающее упор на законодательные основы профессии.

Комплекс мер отвечает современным требованиям и направлен на подготовку перспективных специалистов. После окончания учебного заведения дизайнер сможет самостоятельно различать признаки нарушений, предотвращать возможный плагиат и грамотно отстаивать свои интересы по всем спорным вопросам. Соответственно, студенты, обучающиеся по специальности «дизайн», должны обучаться по новому законодательству, преподаватели – отслеживать изменения в федеральном законе и понимать механизмы взаимодействия со всеми реестрами. Закладывая принципы правильного понимания и отношения к профессии, мы будем получать специалистов высокого уровня подготовки, способных самостоятельно существовать в профессиональной среде.

Библиографический список

1. *Волкова В.В.* Дизайн рекламы: учеб. пособие. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 144 с.

2. Госреестр товарных знаков РФ // Сайт Федерального института промышленной собственности (ФИПС). – URL: http://www1.fips.ru/wps/portal/Registers (дата обращения: 02.09.2015).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 13.07.2015): Глава 70. «Авторское право» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 24.08.2015).

4. *Овчинникова Р.Ю.* Методологические основы дизайн-исследования // *Омский научный вестник.* – 2013. – № 1 (115). – С. 206.

5. *Скопин А.А.* Разработка и технологии производства рекламного продукта: учебно-методическое пособие. – Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 42.

6. *Устин В.Б.* Учебник дизайна. Композиция, методика, практика. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 254 с.

7. Федеральный закон «Об образовании» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 24.08.2015).

8. Федеральный закон «О рекламе». – Новосибирск: Норматика, 2015. – С. 8.

9. *Феофанов О.А.* Реклама: новые технологии в России : учеб. пособие для ... в сфере рекламы. – СПб.: Питер, 2000. – 384 с.

10. *Щедровицкий Г.П.* Наука и методология науки дизайна (Основные области теоретического исследования дизайна). – URL: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/58 (дата обращения: 26.11.2012).

СОДЕРЖАНИЕ

Сазонов В.И. ЧЕЛОВЕК, МИР, ВСЕЛЕННАЯ, КУЛЬТУРА И АРХИТЕКТУРА … 4

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА 6

Субботина М.М., Субботин О.С. СТРАТЕГИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ … … . 6

Тимофеенко К.О., Ерохин Г.П. КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ) … … … … … … … … … … … … … … … … … . 13

Литвинов С.В. НОВЫЙ (УРБОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ) ПРИНЦИП СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ) … .. 20

Гашенко А.Е. ЗОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ … 24

Ушаков Д.Е., Карелин Д.В. СРАВНЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЕКАТЕРИНБУРГА И ПЕРМИ … … … … … … … … … … … … . 29

Цзин Цун, Булгач Р.В., Сатретдинова Р.С. ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАБРОШЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КИТАЕ … … … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 35

Клевакин А.Н., Битухеева Г.Ф. РЕКОНСТРУКЦИЯ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ГОРОДОВ КУЗБАССА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД … … … … … … … … … … … … … 40

Сергеенко А.М. ТВОРЧЕСКИЙ КЛАСТЕР КАК НОВЫЙ ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ … … … .. 44

Боровикова Н.В., Боровикова Н.Н. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ КЛАСТЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛЕСОСИБИРСКА) … … … … … … … … … … … … … … … 48

Маслова Е.В., Туманик Г.Н. РЕНОВАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАЛИНИНГРАДА … … … … … … … … .. 54

Клевакин А.Н. ОБЪЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК МЕСТА СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ Г. НОВОСИБИРСКА … … … … . 56

Клевакин А.Н., Колотилина Е.А. ГОРОДСКОЙ КИНОТЕАТР: ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ВЫБОР ЖИТЕЛЕЙ Г. НОВОСИБИРСКА … … … .. 63

Ивкина Е.А., Тихов В.Г. ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ УЛИЦЫ ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ «ДУХА ВРЕМЕНИ» … . 69

Шетько М.С., Фукс Л.П. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ УЛИЦЫ ИНСКОЙ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ЕЕ В ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА … … … … … 73

Заитдинова В.М., Дудина Т.С. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ КРАСНОГО ПРОСПЕКТА (НОВОСИБИРСК) … 81

Гамалей А.А., Сергеенко А.М. ЛАНДШАФТНО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ … … … … … … … … 87

Давыденко С.А. СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ … … … 92

Ворошилов С.А. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ УСЛОВИЙ НА ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РЕКИ ОБИ В НОВОСИБИРСКЕ … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 96

Галеева А.С., Клевакин А.Н. ОЦЕНКА ПАРКОВ Г. НОВОСИБИРСКА … 100

Карнаухов А.В. КОНЦЕПЦИЯ ДИСПЕРСНОГО ПАРКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ г. НОВОСИБИРСКА … … … … … … … … … … … … … … … .. 104

Алексеева А.А., Колосова И.И. ЗНАМЕНИТЫЕ ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫМ ГЕРОЯМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ … … … … .. 107

Зинченко Н.И. МОЗАИКИ В РЕКОНСТРУКЦИИ АЛЛЕИ КРАСНОГО ПРОСПЕКТА НОВОСИБИРСКА … … … … … … … … … … … … … … … 114

Лихачев Е.Н., Лихачева А.Е. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ РОССИИ ... ... … … … … … … … … … … .. 119

Ивлева А.М., Булгач Р.В. ПОСЕЛОК С АГРОКОМБИНАТОМ И ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМОЙ НА ОСНОВЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА … .. 125

Рукавишникова А.М. МОДЕЛИ ГРУППИРОВКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ … … … … … .. 129

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ … … … … … 133

Акименко А.В., Курбатова Н.В. ТЕКСТИЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ … … … … … … … … … 133

Клевакин А.Н. ДОМА-МУЗЕИ МАССАЧУСЕТСА (США) … … … … … … . 136

Гребенников С.А. ВИТРАЖ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СИНАГОГИ ЕВРЕЙСКОГО ОБЩИННО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «БЕЙТ МЕНАХЕМ», НОВОСИБИРСК) … . 141

Бочкарева А.Р., Лихачев Е.Н. ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ МЕДИАЦЕНТРОВ … 144

Завылёнков С.А., Булгач Р.В. ПРОЕКТИРОВАНИЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ. ИНТЕГРАЦИЯ ПОМЕЩЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЖИЛЫЕ ДОМА .. 149

Маликова К.А., Пустоветов Г.И. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОННОСПОРТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ИХ СОВРЕМЕННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ … 154

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ … … … … … … … … … … … … … … … … … … 160

Семикин П.В., Стрижакова Л.К. АНАЛИЗ АВАРИЙНОГО СОСТОЯНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ КОНСТРУКЦИЙ КРЫШИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ … … … … … … … … … … … … … … … … … 160

Куликовский А.П., Кузьменко Р.В., Королев Н.С. ПРИЧИНЫ ТРЕЩИНООБРАЗОВАНИЯ В МОНОЛИТНОМ ЖЕЛЕЗОБЕТОННОМ РОСТВЕРКЕ … 172

Шутов В.А., Миренков В.Е. КУСОЧНО-ОДНОРОДНАЯ ПЛАСТИНА С ТРЕЩИНОЙ … … … … … **… … … … … … … … … … … … … … … … … .** 178

Шутов В.А., Миренков В.Е., Полуэктов В.А. НАКОПЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ В ПЛАСТИНАХ ПРИ СЖАТИИ … … … … … … … . 182

Полевский А.И. ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПАСПОРТА ЖИЛОГО ЗДАНИЯ … … … … … … . 186

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ … … … … … … … .. 188

Радзюкевич А.В. К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПРОПОРЦИИ ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ … … … … … … … … … … … … … . 188

Журин А.Н. В.Ф. ОДОЕВСКИЙ – ИДЕИ ЦЕЛОСТНОСТИ И МНОГООБРАЗИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЭКЛЕКТИКИ … … … … … … … .. 194

Столяров Н.Н. ИЗМЕНЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩЕГО АРХИТЕКТУРНОГО СТИЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ … .. 198

Баландин В.С. ДИЗАЙН СРЕДЫ И ГЕРАЛЬДИКА … … … … … … … … 207

Булгач Р.В. ЗАКАТ МОДЕРНИЗМА? … … … … … … … … … … … … … .. 209

Воличенко О.В. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА XXI ВЕКА … … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 213

Филонов С.В. МЕТАДИСТОПИЯ КАК ЦЕЛЬ ДИСТОПИИ … … … … … 220

Лазовская Н.А. ТЕОРИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ДИЗАЙНА В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ ОБ АРХИТЕКТУРЕ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И ДИЗАЙНЕ … 223

Хан Д.С., Багрова Н.В. ПЕШЕХОДНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДИКА СБОРА И ОБРАБОТКИ ДАННЫХ … 230

Мартынов В.В. ИННОВАЦИОНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВО ПЕЧАТНОЙ ГРАФИКИ … … … … … … … … … … … … … … … … … … … . 235

Курилов В.Н. АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ НОВОСИБИРСКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ. ПРЕДТЕЧА … … … … … … … … 238

Омбыш-Кузнецов М.С. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО АКВАРЕЛИСТА … .. 256

Иванкин В.В. ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕСОЮЗНЫХ АКВАРЕЛЬНЫХ ПЛЕНЭРОВ … … … … … … … … … … … … … … … … … 259

Тоцкий В.В. АКАДЕМИЧЕСКИЙ РИСУНОК КАК СРЕДСТВО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ … … … … … … … … … . 266

Беляев А.И. ВЫСТАВКА «ЗЕМЛЕМЕР. ТЕМА И ВАРИАЦИИ» (ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД, ИТОГИ И ПРОДОЛЖЕНИЕ) … … … … … … … .. 269

Крюкова Ю.Е., Поляков Е.Н. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ … … … … … … . 272

Бычкова А.Н., Ганжа С.Д. К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ «КВАРТАЛ» … 277

Казанцева Е.А., Колосова И.И. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОЗЕЛЕНЕНИЯ СРЕДЫ УЛИЦЫ … … … … … … … … … … … … … … … … . 284

Мартьянов Н.И. СКУЛЬПТУРА ИЗ КАМНЯ (МРАМОР, ГРАНИТ) В ДРЕВНЕМ МИРЕ … . 291

Гулян Д.О., Субботин О.С. АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЕНИИ … 294

Дьяконова С.А. ТИПЫ И ВИДЫ ОРНАМЕНТОВ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДА САХА … … … … … … … … … … 299

Субботин О.С. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ … 303

Комличенко М.А. ТИПЫ МОНАСТЫРСКИХ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XIX ВЕКАХ … … … … … … 308

Духанов С.С. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XX ВЕКА … … … … … … … … … … … … … … … … … 314

Ekaterina Shafray, Kim Seiyong. ON THE QUESTION OF RUSSIAN ARCHITECTS ACTIVITIES ABROAD IN ASIA. FOCUSED ON SEREDIN-SABATIN'S BUILDINGS IN KOREA (END OF XIX – EARLY XX C.) … … 320

Богданова О.В. РОЛЬ ЗОДЧЕГО В СТАНОВЛЕНИИ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА … 327

Малясова Г.В. АРХИТЕКТУРА В СИСТЕМЕ СВОБОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ АРХИТЕКТУРНЫХ МАСТЕРСКИХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СГХМ (1919–1920 ГГ.) … … … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 332

Пастух О.А. РАЗВИТИЕ ПАРКОВОГО ХОЗЯЙСТВА В ТУЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА … … … … … … … … … … … … … … … … … … . 338

Корбмахер А.К., Курбатова Н.В. СОХРАНЕНИЕ ТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ ГОРОДА ТОМСКА … … … … … … … … … … … … … … … .. 345

Ситникова Е.В., Мякишева М.В. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В Г. ТОМСКЕ … … . 348

Черняк П.Б., Курбатова Н.В. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА В Г. БАРНАУЛЕ (ПО МЕТОДУ В.Л. ГЛАЗЫЧЕВА) … … … … … … … … … . 355

Козлова Т.Ю., Романова Л.С. ОБЩЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ В ДЕРЕВЯННОЙ ЗАСТРОЙКЕ ТОМСКА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ … 362

Самарина Н.Д. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЗДАНИЯ ШКОЛЫ, ПОСТРОЕННОЙ А.Д. КРЯЧКОВЫМ В 1909–1912 ГГ. НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ, 93 (ПО ИТОГАМ ОБМЕРНОЙ ПРАКТИКИ 2014–2015 УЧЕБНОГО ГОДА) … … … … … … 368

Овлиякулыева А.А., Литвинова О.Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ И АРХИТЕКТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗДАНИЯ, В КОТОРОМ УЧИЛСЯ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРНЫХ, ПО УЛИЦЕ АЛТАЙСКОЙ, 48 В Г. ТОМСКЕ … … … … … … … … … … … … .. 374

Дончук Т.В., Поляков Е.Н. ДОХОДНЫЕ ДОМА А. ГАУДИ. ДОМ БАТЛЬО (CASA BATLLO) … .. 378

Климович Д.А., Савельева Н.В. ДОХОДНЫЙ ДОМ ЛАМБЕРТА ФИЛИППОВИЧА ФОН ВАКАНО ПО ПЕРЕУЛКУ НИКОЛЬСКОМУ В ГОРОДЕ ТОМСКЕ … 384

Болтовская И.Ю., Прислонова Д.В. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ УСАДЬБЫ А.М. ТРЕСКОВА НА УЛ. КРАСНОГО ОКТЯБРЯ, 14 В ГОРОДЕ АЧИНСКЕ … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 390

Гибадулина А.Ф., Литвинова О.Г. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ВОДОРАЗБОРНЫХ БУДОК В Г. ТОМСКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА … … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 395

Хиценко Е.В. ВЛИЯНИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА … … … … … … … … .. 399

Хиценко Е.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ НОВОСИБИРСКА ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ … … 404

Добкин И.В. ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛОГО ДОМА РЖСКТ «ПЕЧАТНИК» В НОВОСИБИРСКЕ (ИНЖ. Б.А. КОРШУНОВ, Д.Е. БАБЕНКОВ, Р.А. ПЕТЕРФРЕУНД, Д.Е. ЖИЛИН, 1928 Г.) … … … … 409

Блинов Е.Н. ВКЛАД ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В АРХИТЕКТУРУ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-Х – 30-Х ГОДАХ XX ВЕКА … 415

Блинов Е.Н. СОЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ ГОРОДОВ КУЗБАССА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОКУЗНЕЦКА) … .. 420

Меерович М.Г. ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 1. БАРАКИ … … … … … … … … … … … … … … .. 426

Меерович М.Г. ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 2. ДВУХЭТАЖНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ 8- И 16-КВАРТИРНЫЕ ДОМА – ЖИЛЬЕ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ЗВЕНА … … … … … … … … … … … … .. 436

Меерович М.Г. ЖИЛОЙ ФОНД СОЦГОРОДОВ-НОВОСТРОЕК ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК. ЧАСТЬ 3. ТРЕХ-ЧЕТЫРЕХЭТАЖНЫЕ МНОГОКВАРТИРНЫЕ ДОМА ПОКОМНАТНО-ПОСЕМЕЙНОГО (КОММУНАЛЬНОГО) ЗАСЕЛЕНИЯ … … … … … … … … … … … … … .. 446

Старостенко Ю.Д. РАЗРАБОТКА ПРИНЦИПОВ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ 1930-Х ГГ. … .. 453

Беспалова Д.А., Муленок В.В. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ В Г. ТОМСКЕ ПЕРИОДА 1944–1962 ГГ. … . 460

Симанженкова Т.К., Шагаева О.А. КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА ПРЕДМОСТНЫХ ПЛОЩАДЕЙ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА … … … … … … … … … … … … .. 466

Голодяев К.А. БОГДАНКА – ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ … … … … … 476

Костова Е.В., Хиценко Е.В. АРХИТЕКТУРНАЯ ПАРАДИГМА «СТАЛИНСКОГО АМПИРА» … … … … … … … … … … … … … … … … 482

Марьясова М.К. АКТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО БАРОККО В ИСТОРИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ СОВРЕМЕННОГО НОВОСИБИРСКА … 489

Петренко С.Д. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМАЛЬНОГО И КОМПОЗИЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ИСКУССТВ И АРХИТЕКТУРЫ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА В СССР) … … 495

Петренко С.Д., Блинов Е.Н. ИКОНОГРАФИЯ ЛЕНИНА В ПАМЯТНИКАХ г. НОВОСИБИРСКА … … … … … … … … … … … … . 501

Огурная В.Ф., Курбатова Н.В. СНОС ДОМА КУЛЬТУРЫ «АЗОТ» В ГОРОДЕ КЕМЕРОВО … … … … … … … … … … … … … … … … … … … 507

Лемзякова М.А., Пустоветов Г.И. К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ В СТРУКТУРЕ ШКОЛЫ … . 511

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 515

Багрова Н.В. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ … … . 515

Каменева В.А. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН ДЛЯ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ .. 519

Поляков Е.Н. НАУЧНАЯ ПРОГРАММА «АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ “ИДЕАЛЬНЫХ” УСЛОВИЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ» **… … … … … .** 522

Журин Н.П. ЭКЛЕКТИКА И МОДЕРН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ РАЗДЕЛА КУРСА «ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА») … … … … … … … … .. 526

Литвинова О.Г., Монич Г.И., Манонина Т.Н., Олейник О.Ю., Залесов В.Г. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ДЛЯ МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ … 534

Сергеев С.К. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В МАГИСТРАТУРЕ НГУАДИ … … … … … … … … … … … … … … … … … 540

Син Д.Д., Валиахметова Н.М. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ … … … … … … … … … … … …. 544

Син Д.Д., Валиахметова Н.М. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРОЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ЯПОНИИ) … … … … … … … … … … … … … … … 547

Сазонов В.И. МНОГОУРОВНЕВАЯ И РАЗНОАСПЕКТНАЯ ПОДГОТОВКА К ТВОРЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФОРМООБРАЗОВАНИИ НА КАФЕДРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ ТВОРЧЕСТВА И КОМПОЗИЦИИ НГАХА (НГУАДИ) … .. 552

Ворожейкина В.А. ГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ У СТУДЕНТОВ В НГУАДИ … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 554

Беляев А.И., Иванов А.О. ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПО ВЫБОРУ ДЛЯ АРХИТЕКУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НГУАДИ … … … … … … … … 559

Ганжа С.Д. ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АЛГОРИТМЕ ОБУЧЕНИЯ АРХИТЕКТОРА … … . 561

Битухеева Г.Ф., Тыжеброва Т.Ф. АТРИУМ КАК ПЛАНИРОВОЧНАЯ СХЕМА В ПРОЕКТАХ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «АРХИТЕКТУРА» … 564

Терехина В.С. ОРГПРОЕКТ НА ИГРУ ПО ПОИСКУ КУЛЬТУРНОГО КОДА … . 569

Терехина В.С. ТЕСТИРОВАНИЕ ОРГПРОЕКТА ИГРЫ ПО ПОИСКУ КУЛЬТУРНОГО КОДА … … … … … … … … … … … … … … … … … … … .. 574

Панова Н.Г. ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЦВЕТ В ДИЗАЙНЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ» (ОПЫТ МАРХИ) … .. 585

Смирнов В.Н. КУРС «ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ В НГУАДИ … … … … … … … … … … … 591

Козырева Л.К. ПЕРСПЕКТИВНОЕ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ … … … … 595

СОДЕРЖАНИЕ … .. **599**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

2016

№ 1

Ответственный редактор *А.В. Радзюкевич*
Составитель *С.С. Духанов*
Редактор *О.В. Федоркова*
Компьютерная верстка *С.С. Духанов*
Дизайн обложки: *А.В. Радзюкевич, С.С. Духанов*

Подписано в печать 02.11.2016. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 63,84. Тираж 500 экз.
Заказ № 211.

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39